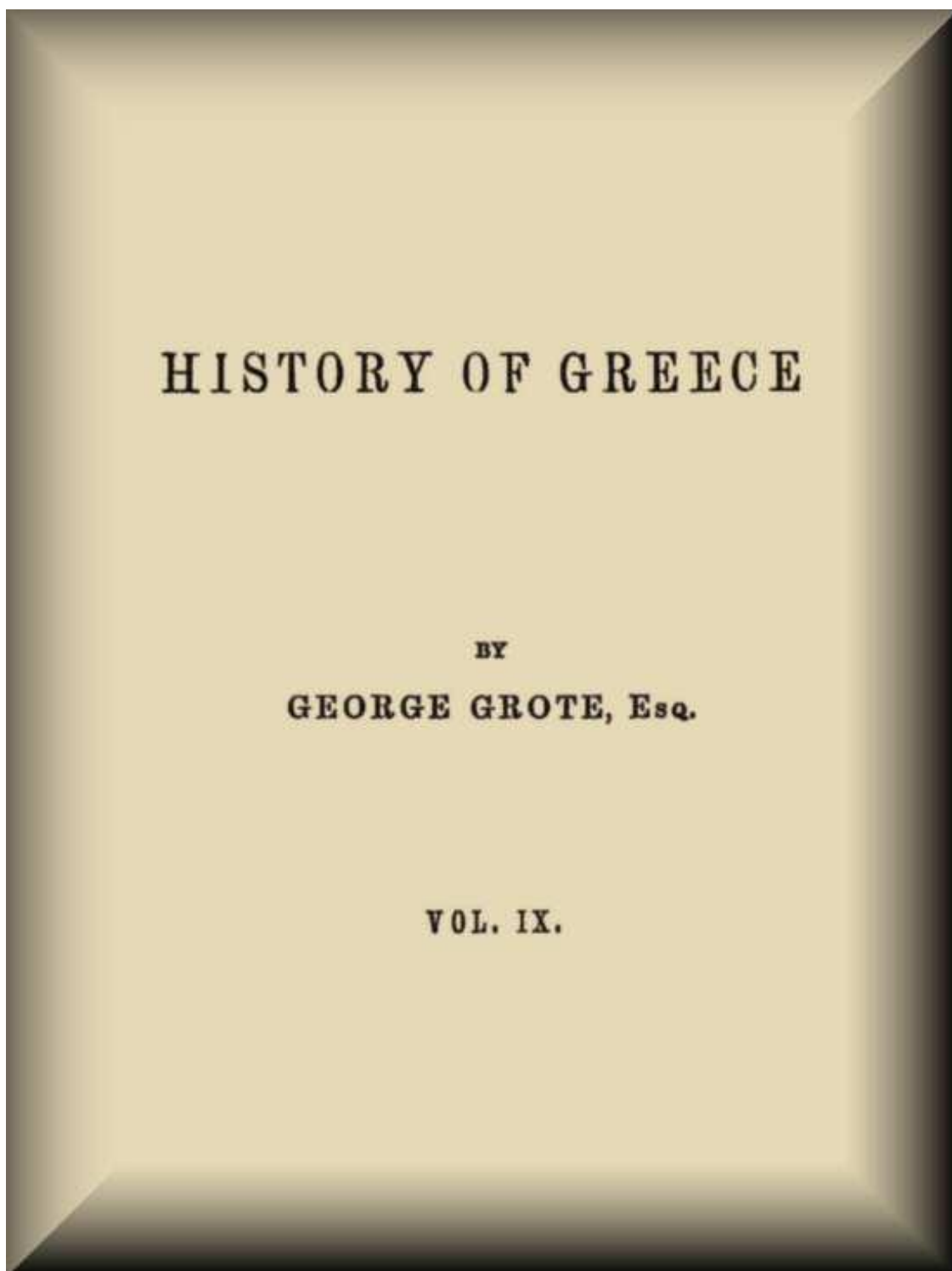

История Греции, том 09 (из 12)

Джордж Гроут

The Project Gutenberg eBook of История Греции, том 09 (из 12).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История Греции, том 09 (из 12)

Автор: Джордж Гроут

Дата выхода: 11 февраля 2016 [eBook #51182].

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Адриан Мастронарди, Марк К. Ортон, Рамон Пахарес
Бокс и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу
<http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений
предоставленных архивом Интернета/Американскими
Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF GREECE, VOLUME 09 (OF 12) ***

[Примечание транскриптора](#)

[Оглавление](#)

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

GEORGE GROTE, Esq.

VOL. IX.

ПЕРЕПЕЧАТАНО С ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ.

НЬЮ-ЙОРК:

ХАРПЕР И БРАТЯ, ИЗДАТЕЛИ,

329 И 331 PEARL STREET.

1880.

СОДЕРЖАНИЕ.

VOL. IX.

ЧАСТЬ II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА LXIX.

КИР МЛАДШИЙ И ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ГРЕКОВ.

Спартанская империя. - Марш десяти тысяч греков. - Персидские цари - Ксеркс - Артаксеркс Лонгиман. - Дарий Нот. - Кир Младший в Ионии - его энергичные действия против Афин. - Юность и образование Кира. - Его уважение к грекам - его надежды на корону. - Смерть Дария Нота - преемственность Артаксеркса Мнемона. - Тайные приготовления Кира к нападению на брата. - Клиарх и другие греки на службе у Кира. - Строгое управление и благоразумное поведение Кира. - Кир собирает войско в Сардах. - Десять тысяч греков - их положение и обстоятельства. - Ксенофонт. - Как Ксенофонт присоединился к киреевской армии. - Кир идет из Сард - Колоссæ - Келæнæ. - Пельтæ - Керамон-Агора, Кяйстру-Педион. - Кир испытывает нужду в деньгах - Эпиакса снабжает его. - Тимбриум. - Тириеум - обзор греков Киром. - Икония - Ликаония - Тиана. - Переход через Тавр в Киликию. - Сиеннис из Киликии - его двуличие - он помогает Киру деньгами. - Кир в Тарсе - мятеж греков - их отказ идти дальше. - Клеарх пытается подавить мятеж суровостью - не удается. - Он пытается убедить - его речь перед солдатами. - Его отказ идти дальше - хорошо принят. - Обманные маневры Клеарха, чтобы склонить солдат на сторону Кира. - Солдаты соглашаются сопровождать Кира дальше - увеличение жалованья. - Дальнейший поход - от Тарса до Иссуса. - Бегство Аброкома - оставление перевалов. - Ворота Киликии и Сирии. - Дезертирство Ксении и Пасиона - благоразумие Кира. - Кир идет от моря к Фапсаку на Евфрате. - Частичное нежелание армии - они переходят Евфрат вброд. - Отдельный маневр Менона. - Аброком отказывается от обороны реки - его двойное дело. - Кир идет по левому берегу Евфрата - пустыня - лишения армии. - Пиле - Хармандек - опасный спор между солдатами Клеарха и солдатами Менона. - Вступление в Вавилонию - измена Оронта - подготовка к битве. - Обращение Кира к своим офицерам и солдатам. - Сформировавшееся у Кира представление о превосходстве греков. - Настоящее Кира пророку Силану. - Кир проходит по незащищенному окопу - Кунакса - внезапное появление царского войска - подготовка Кира к бою. - Последние приказы Кира. - Битва при Кунаксе - легкая победа греков на их стороне. - Стремительное нападение Кира на своего брата - Кир убит. - Бегство Ариея и азиатских войск Кира. - Разграбление Артаксерксом кирейского лагеря. Победоносное отношение греков. - Характер Кира. - Если бы Кир добился успеха, он был бы самым грозным врагом Греции.

1-51

ГЛАВА LXX.

ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ГРЕКОВ.

Уныние греков после известия о смерти Кира. Клиарх предлагает трон Арию. - Артаксеркс призывает греков сдаться - их ответ - язык Фалина. - Арий отказывается от трона, но

приглашает греков присоединиться к нему для отступления. - Греки присоединяются к Ариею - обмен клятвами - решение отступать вместе. - Положение греков - на первый взгляд безнадежное. - Начало отступления вместе с Ариеем - беспорядок в войске. - Вестники от персов договариваются о перемирии. - Вестники проводят греков в деревни, снабженные провизией. Марш по каналам. - Обильные припасы, полученные в деревнях. - Визит Тиссаферна - переговоры. - Заключен договор с Тиссаферном, который обязуется проводить греков домой. - Мотивы персов - благосклонность Парисатиса к Киру. - Длительная остановка греков - их ссора с Ариеем. - Тайное отчаяние Клиарха. - Начался отступательный поход под командованием Тиссаферна - они входят в Медийскую стену - марш к Ситтакке. - Тревога и подозрения греков - переправляются через Тигр. - Отступают по левому берегу Тигра - до Великого Заба. - Подозрения между греками и Тиссаферном. - Клеарх беседует с Тиссаферном - и его переговаривают. - Клеарх с другими греческими генералами посещает Тиссаферна в его палатке. - Тиссаферн захватывает греческих генералов. Их отправляют пленниками к персидскому двору и там предают смерти. - Менона оставляют умирать в пытках - чувства царицы Парисатиды. - Как Клеарх стал объектом навязывания. - Планы Тиссаферна - бессилие и робость персов. - Персы призывают греческую армию сдаться. - Возмущенный отказ греков - бедствие и отчаяние, царящие среди них. - Первое появление Ксенофонта - его сон. - Он побуждает других капитанов взять на себя инициативу и назначить новых офицеров. - Обращение Ксенофонта к офицерам. Названы новые генералы, среди которых Ксенофонт. - Армия собрана на общее собрание - речь Ксенофонта. - Благоприятное предзнаменование от чихающего человека. - Обнадеживающие темы, на которых настаивает Ксенофонт. - Большое впечатление производит его речь - армия утверждает предложенных новых генералов. - Большое превосходство, которое Ксенофонт сразу же приобрел над армией - качества, благодаря которым он его получил. - Сочетание красноречия и уверенности с солдатской находчивостью и храбростью. - Приближение персидского Митридата - греки отказываются от всяких переговоров. - Греки переходят Заб и возобновляют поход, преследуемые персидской конницей. - Страдания греков от марша под ударами конницы. Успешно принятые меры предосторожности. - Тиссаферн возобновляет атаку, с некоторым эффектом. - Удобные кварталы греков. Они останавливаются, чтобы отразить атаку конницы, а затем быстро идут вперед. - Победа греков - доблесть Ксенофонта. - Греки в замешательстве относительно своего маршрута - невозможность ни следовать дальше за Тигром, ни переправиться через него. - Удар по горам кардухийцев. - Они сжигают большую часть своего багажа - их страдания от активности и энергии кардукийцев. - Крайняя опасность их положения. - Ксенофонт находит другую дорогу, чтобы переломить положение противника. - Кардукийцы разбиты, дорога расчищена. - Опасность Ксенофонта с тыловой дивизией и багажом. - Тревога греков по поводу возвращения тел убитых. - Они достигают реки Кентритес, северной границы Кардухии. - Трудности перехода через Кентритес - сон Ксенофонта. - Они обнаруживают брод и переходят реку. - Ксенофонт с арьергардом отбивает кардукийцев и добивается своего. - Марш через Армению. Сильный снег и сильный холод. - Они переходят вброд Восточный Евфрат или Мурад. - Утомительный поход - крайние страдания от холода и голода. - Отдых в хороших кварталах - подземных деревнях, хорошо снабженных провизией. - После недельного отдыха они отправляются дальше - их проводник убегает. - Они достигают трудного перевала, занятого халибами, - Ксенофонт и Хейрисоф обмениваются колкостями по поводу воровства. - Они огибают перевал фланговым маршем и пробиваются через гору. - Марш через страну даохов - истощение запасов провизии - захват городища. - Через халибов - храбрейших бойцов, которых они еще не видели - скитини - достигают процветающего города Гимнии. - Первый вид на море с вершины горы Техе - крайний восторг солдат. - Переход через Макрон. - Через колхийцев, которые противостоят им и терпят поражение. - Колхидские деревни - недоброкачественный мед. -

Прибытие в Трапезус на Эвксинском море (Трапезунд). - Радость греков - исполнение ими обетов своим богам - их праздники и игры. - Приложение.

52-120

ГЛАВА LXXI.

ДЕЙСТВИЯ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ГРЕКОВ С МОМЕНТА ДОСТИЖЕНИЯ ИМИ ТРАПЕЗУСА ДО СОЕДИНЕНИЯ С ЛАКЕДЕМОНСКОЙ АРМИЕЙ В МАЛОЙ АЗИИ.

Греческие города на Эвксинском море - Синопе с ее колониями Керасус, Котиора и Трапезус. - Коренные жители - их отношения с греческими колонистами. - Чувства греков на Эвксинском полуострове, когда к ним спустились десять тысяч человек. - Неуверенность и опасность того, что они могут сделать. - Планы армии - Хейрисоф отправляется в Византию, чтобы приобрести суда для перевозки. - Правила для армии, предложенные Ксенофонтом во время его отсутствия. - Принятые армией - их резкое неприятие дальнейшего похода. - Меры по обеспечению транспортов. Мародерские походы за припасами, против колхидцев и дрилов. - Армия покидает Трапезус и движется на запад вдоль побережья к Керасусу. - Беспорядки и бесчинства, совершенные различными солдатами в окрестностях Кераса. - Марш к Котиоре - военные действия с мосинэками. - Длительная остановка в Котиоре - протест синопийцев. - Выступление Гекатонима Синопского перед войском - ответ Ксенофонта. - Успех ответа - установление взаимопонимания с Синопом. - Консультация армии с Гекатонимом, который советует отправиться домой морем. - Посланники, отправленные армией к Синопу для приобретения судов. - Бедность и растущая дезорганизация армии. - Идеи Ксенофонта об основании нового города в Эвксинском море вместе с армией. - Жертвоприношение Ксенофонта для выяснения воли богов - предательство пророка Силана. - Силан, Тимасион и другие возводят клевету на Ксенофонта. Общее собрание армии. - Обвинения против Ксенофонта - его речь в защиту. - Он уводит с собой солдат - недовольство и бегство Силана. - Новые маневры Тимасиона - новые клеветы, распространяемые против Ксенофонта - новое недовольство армии. - Ксенофонт снова созывает собрание. - Его выступление в защиту себя. - Его выступление против беспорядков в армии. - Голос армии единогласно в пользу Ксенофонта - неодобрение беспорядков и распоряжение о суде. - Призыв Ксенофонта к всеобщему голосованию, как к законному политическому авторитету. Успех его призыва. - Ксенофонт рекомендует судить генералов перед трибуналом, сформированным из лохагов или капитанов. Удовлетворенность армии Ксенофонтом. - Как офицеры поддерживали дисциплину. - Полный триумф Ксенофонта. Его влияние на армию, обусловленное смелостью, откровенностью и ораторским искусством. - Улучшение самочувствия армии - мир с пафлагонцем Кориласом. - Переход армии морем в Синопе. - Возвращение Хейрисофа - решение армии избрать единого полководца - хотят избрать Ксенофонта, который отказывается - выбирают Хейрисофа. - Армия отправляется морем в Гераклею - они хотят вымогать деньги у гераклеотов - противодействие Хейрисофа и Ксенофонта. - Недовольство армии - она разделяется на три фракции. 1. Аркадийцы и ахейцы. 2. Дивизия под командованием Хейрисофа. 3. Дивизия под командованием Ксенофонта. - Аркадская дивизия выступает первой и действует самостоятельно - они попадают в большую опасность, и их спасает Ксенофонт - армия вновь собрана в Кальпе - старый совет генералов вновь избран, с Неоном вместо Хейрисофа. - Беда с провизией в Калпе - нежелание двигаться перед лицом невыгодных жертв - окончательная победа над войсками страны. - Остановка в Кальпе - удобные помещения - мысль о том, что они собираются обосноваться там в качестве колонии. - Прибытие из Византии спартанского гармоста Клеандра вместе с Дексиппом. - Беспорядки в войске: мятеж против Клеандра, возникший из-за предательства Дексиппа. - Возмущение и угрозы Клеандра - Ксенофонт

уговаривает войско покориться - страх перед Спартой. - Удовлетворение, полученное Клеандром, в результате добровольной сдачи Агасия с мятежным солдатом. - Взывание к милосердию Клеандра, который полностью успокаивается. - Клеандр принимает командование, выражая крайнюю дружбу как к армии, так и к Ксенофону. - Неблагоприятные жертвы заставляют Клеандра отказаться от командования и уплыть. - Марш армии через всю страну от Калпе до Халкедона. - Фарнабаз подкупает Анаксибия, чтобы тот переправил армию через Босфор в Европу - ложные обещания Анаксибия армии. - Намерение Ксенофонта немедленно покинуть армию и вернуться домой - первое предложение, с которым к нему обратился Сеутес Фракийский. - Переправа армии в Византию - обман и грубые действия Анаксибия, который сразу же отправляет армию из города. - Последние распоряжения Анаксибия, когда солдаты выходили из ворот. - Гнев и мятеж солдат, уходя, они снова врываются в ворота и собираются в городе. - Ужас Анаксибия и всех в городе. - Возмущенные солдаты - хозяева Византии - опасность всех в ней - поведение Ксенофонта. - Ксенофонт собирает солдат в боевой порядок и обращается к ним с речью. - Ксенофонт успокаивает войско и убеждает их воздержаться от штурма города - послание, отправленное ими Анаксибию - они выходят из Византии и соглашаются принять Кератадаса в качестве своего командира. - Замечательный эффект, произведенный Ксенофонтом, - доказательство того, что греческий ум восприимчив к убеждающим воздействиям. Ксенофонт покидает армию и отправляется в Византию с целью отплыть домой. Кератадас отстранен от командования. - Разногласия среди командиров. - Бедствия в армии - Аристарх прибывает из Спарты, чтобы сменить Клеандра - Полус на пути к смене Анаксибия. - Фарнабаз обманывает Анаксибия, и тот нанимает Ксенофонта для переправы киреев в Азию. - Аристарх препятствует переправе - его жестокое отношение к больным киреям, оставшимся в Византии. - Его коварный план заманить Ксенофонта в ловушку. - Ксенофонт снова вовлечен в управление армией - он начинает переговоры с Сеутесом - положение Сеутеса - его либеральные предложения для армии. - Ксенофонт знакомит его с армией, которая принимает предложения. - Служба армии у Сеутеса, который обманом лишает их большей части жалованья. - Армия подозревает Ксенофонта в неподкупности - против него распространяют несправедливую клевету - он разоблачает ее в публичной речи и возвращает себе доверие. - Смена интересов лакедемонян, которые стремятся переправить киреев в Азию, чтобы начать войну против сатрапов. - Ксенофонт переправляется с войском в Азию - его бедность - ему советуют принести жертву Зевсу Мелихию - благотворное влияние. - Он проводит армию через гору Ида в Пергам. - Его неудачная попытка застать врасплох и захватить в плен богатого перса Асидата. - Во второй попытке он захватывает Асидата - ценная добыча обеспечена. - Всеобщая симпатия к Ксенофону - ему лично выделена большая доля. - Киреев вливается в армию лакедемонского полководца Фимброна - Ксенофонт покидает армию, положив свои деньги в храм в Эфесе. - Его последующее возвращение в Азию, чтобы принять командование киреями в составе лакедемонской армии. - Ксенофонт на спартанской службе, вместе с Агесилаем против Афин - его изгоняют. - Он поселяется в Скилле близ Олимпии, в поместье, посвященном Артемиде. - Очарование резиденции - хорошая охота - ежегодное публичное жертвоприношение, приносимое Ксенофонтом. - Дальнейшая жизнь Ксенофонта - изгнание из Скиллы после битвы при Лейктре - восстановление в Афинах. - Большое впечатление, произведенное отступлением Десяти тысяч на греческий ум.

121-180

ГЛАВА LXXII.

ГРЕЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ЛАКЕДЕМОНСКОЙ ИМПЕРИИ.

Продолжение греческих дел в целом - возобновление. - Спартанская империя - как и когда она возникла. - Угнетение и страдания Афин при Тридцати - изменение отношения греков к Афинам - Тридцать низложены, демократия восстановлена. - Рыцари или всадники, самые богатые владельцы Афин, были большими сторонниками Тридцати в их тирании. - Состояние Афин при Тридцати - пример того, что происходило во многих других греческих городах в начале существования спартанской империи. - Огромная власть Лисандра - он учреждает в большинстве городов декархии, наряду со спартанским гарнизоном. - Лисандр повсеместно применяет запугивание в пользу своих приверженцев. - Угнетающее действие этих декархий. - В некоторых пунктах, вероятно, хуже, чем у Тридцати в Афинах. - Плохое поведение спартанских гарматов - суровых и коррумпированных. В Спарте не удалось добиться справедливости в отношении них. - Контраст фактической империи Спарты с обещаниями свободы, которые она давала ранее. - Многочисленные обещания Спарты о всеобщей автономии - особенно со стороны спартанского полководца Брасидаса. - Постепенное изменение языка и планов Спарты к концу Пелопоннесской войны. - Язык Брасидаса в сравнении с действиями Лисандра. - Чрезвычайная внезапность и полнота победы при Игоспотамах сделали Лисандра почти всемогущим. - Декархии отчасти видоизменились из-за ревности Спарты к Лисандру. Гармонии просуществовали гораздо дольше. - Тридцатилетие в Афинах было подавлено самими афинянами, а не реформаторским вмешательством Спарты. - Империя Спарты намного хуже и деспотичнее афинской. - Императорские Афины лишали своих подданных-союзников автономии, но практически не притесняли их. - Императорская Спарта делала это, и гораздо хуже - ее гармонии и децемвиры вызывают больше нареканий, чем сам факт ее империи. - Об этом стоит только сожалеть, ведь у Спарты была прекрасная возможность организовать хорошую и стабильную конфедерацию по всей Греции. - Спарта могла бы реорганизовать Делосскую конфедерацию, которая теперь могла бы хорошо работать. - Необоснованное высокомерие Лисандра - горькие жалобы на него, а также на декархии. - Лисандр оскорбляет Фарнабаза, который добивается его отзыва. Его отращение и временное изгнание. - Сдача азиатских греков Персии, согласно договору, заключенному со Спартой. - На их положение влияют положение и честолюбивые замыслы Кира, чьей защиты они ищут против Тиссаферна. - После смерти Кира Тиссаферн возвращается в качестве победителя и сатрапа на побережье Малой Азии. - Тревога азиатских греков, которые отправляются просить помощи у Спарты. Спартанцы отправляют Фимброна с войском в Азию. Неудача и отзыв - его сменяет Деркиллидас. - Поведение киреевцев в отношении грабежей. - Деркиллидас заключает перемирие с Тиссаферном и нападает на Фарнабаза в Трое и Иолисе. - Распределение Персидской империи; соотношение царя, сатрапа, субсатрапа. - Мания, вдова Зениса, занимает субсатрапию Эолиса при Фарнабазе. Ее регулярная плата и энергичное правление. - Военная сила, личные завоевания и большие сокровища Мании. - Убийство Мании и ее сына зятем Мейдиасом, который требует сатрапию у Фарнабаза, но получает возмутительный отказ. - Вторжение и завоевание Эолиды Деркиллидой, которая получает в свое распоряжение человека Мейдиаса. - Деркиллидас захватывает и освобождает Скепис и Гергис, свергает Мейдиаса и захватывает сокровища Мании. - Деркиллидас заключает перемирие с Фарнабазом и занимает зимний пост в Вифинии. - Командование Деркиллида - удовлетворение Спарты улучшением поведения киреев. - Деркиллидас переправляется в Европу и использует свои войска для укрепления Херсонеса против фракийцев. - Он захватывает и гарнизирует Атарней. - Он ведет войну с Тиссаферном и Фарнабазом, с Мейандром. - Тиссаферн проявляет робость - заключает перемирие с Деркиллидой. - Деркиллида сменяет Агесилай. - Среди союзников Спарты в Средней Греции нарастало отчуждение к ней. - Лисандр придает спартанцам большую энергию сразу после победы при Игоспотамах; эта энергия очень необычна для Спарты. - Спартанцы оставили все

преимущества победы себе - их союзникам ничего не досталось. - Великая сила спартанцев - они мстят тем, кто им не угодил, - вторжение в Элиду. - Спартанский царь Агис вторгается в Элейскую область. Он немедленно покидает ее из-за землетрясения. - Второе вторжение Агиса в Элиду - он проходит через Трифилию и Олимпию; победоносный поход, с большой добычей. - Восстание олигархической партии в Элисе - они подавлены. - Элейцы вынуждены подчиниться жестким условиям мира. - Спарта отказывается вернуть пизанцам олимпийское председательство. - Триумфальное положение Спарты - она изгоняет мессенцев из Пелопоннеса и его окрестностей.

181-229

ГЛАВА LXXIII.

АГЕСИЛАЙ, ЦАРЬ СПАРТЫ. - КОРИНФСКАЯ ВОЙНА.

Триумфальное положение Спарты в конце войны - введение Лисандром крупной суммы золота и серебра - против этого выступили некоторые эфоры. - Введение денег было лишь одним из целого ряда разлагающих обстоятельств, которые затем стали действовать на Спарту. - Контраст между Спартой в 432 году до н. э. и Спартой после 404 года до н. э. - Рост казнокрадства, неравенства и недовольства в Спарте. - Свидетельства Исократа и Ксенофонта об изменении характера и привычек в Спарте. - Власть Лисандра - его высокомерие и амбициозные проекты - лесть, которой его осыпали софисты и поэты. - Реальное положение царей в Спарте. - Его интриги с целью сделать себя царем в Спарте - он тщетно пытается склонить оракулов в свою пользу - замышляет добыть священные документы, до сих пор лежащие скрытыми, сыном Аполлона. - Его цель не удастся - тем не менее, он сохраняет огромное влияние в Спарте. - Смерть Агиса, царя Спарты - сомнения в законности его сына Леотихида. Агесилай, поддержанный Лисандром, претендует на трон. - Характер Агесилая. - Противоречивые притязания Агесилая и Леотихида. - Против Агесилая выдвинуто возражение на основании его хромоты, - прорицание, произнесенное Диопитом, - опровергнутое толкованием Лисандра. - Агесилай предпочитается в качестве царя - подозрения, которые всегда оставались связаны с толкованием Лисандра. - Популярное поведение Агесилая - он примиряет эфоров - его огромное влияние в Спарте - его энергия в сочетании с беспринципной партийностью. - Опасный заговор в Спарте - ужасающие жертвоприношения. - Характер и положение главного заговорщика Кинадона - состояние партий в Спарте - рост числа недовольных. - Полиция эфоров - информация, представленная им. - Широкое распространение недовольства, на которое рассчитывали заговорщики. - Тревога эфоров - их маневры для частного задержания Кинадона. - Кинадон схвачен, допрошен и казнен - его сообщники арестованы, заговор раскрыт. - Опасное недовольство в Спарте. - Действия Деркиллида и Фарнабаза в Азии. - Персидские приготовления к возобновлению морской войны против Спарты - возобновление активности Конона. - Агесилай отправляется с сухопутным войском в Азию в сопровождении Лисандра. - Крупные планы Агесилая по завоеванию внутренних районов Азии. - Общая готовность спартанских союзников участвовать в экспедиции, но отказ Фив, Коринфа и Афин. - Агесилай сравнивает себя с Агамемноном - отправляется на жертвоприношение в Аулисе - фиванцы презрительно препятствуют ему. - Прибытие Агесилая в Эфес - он заключает новое перемирие с Тиссаферном. - Высокомерное поведение и чрезмерное возвышение Лисандра - оскорбительно для армии и для Агесилая. - Агесилай оскорбляет и унижает Лисандра, который просит отослать его. - Лисандра отправляют командовать на Геллеспонте - там он оказал неоценимую услугу. - Тиссаферн нарушает перемирие с Агесилаем, который начинает войну с ним и Фарнабазом - он удаляется, чтобы организовать отряд конницы. - Агесилай равнодушен к деньгам для себя, но стремится обогатить своих друзей. - Его гуманность по

отношению к пленникам и брошенным детям. - Спартанская сторона его характера - обнажение пленников - разная практика у азиатов и греков. - Усилия Агесилая по обучению армии и приобретению конницы. - Агесилай возобновляет войну с Тиссаферном и одерживает победу под Сардами. - По приказу Артаксеркса Тиссаферн предан смерти и заменен Тифраустом. - Переговоры между новым сатрапом и Агесилаем - сатрапы в Малой Азии враждовали друг с другом. - Начало действий на море против Спарты - афинянин Конон при помощи персидских кораблей и денег командует флотом из восьмидесяти парусов у берегов Карики. - Родос восстает против Спартанской империи - Конон захватывает египетский кукурузный флот на Родосе. - Беспокойство лакедемонян - Агесилай назначен командовать как на море, так и на суше. - Суровость лакедемонян по отношению к родосцу Дориею - контраст с прежним обращением Афин с тем же человеком. - Настроение толпы по сравнению с настроением отдельных людей. - Усилия Агесилая по увеличению флота - он назначает Пейсандра адмиралом. - Действия Агесилая против Фарнабаза. - Он разоряет резиденцию сатрапа и удивляет его лагерь - обида, нанесенная Спитридату. - Личная конференция между Агесилаем и Фарнабазом. - Дружба, установившаяся между Агесилаем и сыном Фарнабаза - характер Агесилая. - Перспективное положение и большие приготовления к сухопутной войне в Азии - Агесилай отзывается с войском в Пелопоннес. - Усилия и действия Конона по командованию персидским флотом - его личный визит к персидскому двору. - Фарнабаз назначается адмиралом совместно с Кононом. - Битва при Книде - полное поражение лакедемонского флота - смерть адмирала Пейсандра.

230-283

ГЛАВА LXXIV.

ОТ БИТВЫ ПРИ КНИДЕ ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЛИННЫХ АФИНСКИХ СТЕН.

Война в Средней Греции против Спарты - так называемая Коринфская война. - Отношения Спарты с соседними государствами и с союзниками после воцарения Агесилая. Недовольство среди союзников. - Великое могущество Спарты, простиравшееся даже на Северную Грецию - государство Гераклея. - Растущая в Греции предрасположенность к враждебности против Спарты, когда она становится участницей войны против Персии. - Сатрап Тифрауст отправляет в Грецию посланника с деньгами, чтобы разжечь войну против Спарты - его успех в Фивах, Коринфе и Аргосе. - Персидские деньги не создали враждебности против Спарты, а лишь вызвали к жизни уже существовавшие враждебные тенденции. Фило-лаконские настроения Ксенофонта. - Война между Спартой и Фивами - Беотийская война. - Активные действия Спарты против Беотии - Лисандр отправляется действовать из Гераклеи на север - Павсаний ведет войско из Пелопоннеса. - Фиванцы обращаются за помощью к Афинам - замечательное доказательство изменившихся настроений в Греции. - Речь фиванского посланника в Афинах. - Политическое настроение в Афинах - хорошие последствия амнистии после изгнания Тридцати - единодушное голосование афинян за помощь Фивам против Спарты. - Состояние Беотийской конфедерации - Орхомен восстает и присоединяется к Лисандру, который вторгается в Беотию со своей армией и нападает на Халиарта. - Лисандр получает отпор и погибает перед Халиартом. - После смерти Лисандра в Беотию прибывает Павсаний - на помощь фиванцам приходит Фрасибул с афинской армией. - Павсаний эвакуируется из Беотии, получив тела Лисандра и остальных для погребения. - Гнев против Павсания в Спарте; он бежит в добровольное изгнание; его осуждают в его отсутствие. - Осуждение Павсания незаслуженно. - Спарта не менее несправедлива в осуждении неудачливых полководцев, чем Афины. - Характер Лисандра - его пагубное влияние как на Спарту, так и на Грецию в целом. - Его планы сделать себя царем в Спарте - рассуждения софиста Клеона. - Смерть

Лисандра ободряет врагов Спарты - союз против нее между Фивами, Афинами, Коринфом и Аргосом - к союзу присоединяются эвбейцы и другие. - Возросшее значение Фив - теперь они возвышаются до уровня первостепенной державы - фиванский вождь Исмений. - Успешные операции Исмения на севере Беотии - захват Гераклеи у Спарты. - Синод антиспартанских союзников в Коринфе - их уверенные надежды - лакедемоняне посылают отозвать Агесилая из Азии. - Большое собрание под Коринфом спартанцев и пелопоннесцев с одной стороны, антиспартанских союзников - с другой. - Смелость языка против Спарты - речь коринфянина Тимолая. - Антиспартанские союзники занимают оборонительную позицию у Коринфа - выступление лакедемонян для нападения на них. - Битва при Коринфе - победа лакедемонян в своей части сражения; их союзники в других частях терпят поражение. - Лакедемонянам обеспечено превосходство в Пелопоннесе, но дальнейшие результаты не достигнуты. - Агесилай - его огорчение по поводу отзыва из Азии - его большие планы завоевания Азии. - Сожаление азиатских союзников по поводу его ухода из Азии - он оставляет в Азии Эвксена с четырьмя тысячами человек. - Агесилай переправляется через Геллеспонт и идет на родину через Фракию, Македонию и Фессалию. - Агесилай с войском на северной границе Беотии - затмение солнца - известие о морском поражении при Книде. - Беотийцы и их союзники собрались в Коронэе. - Битва при Коронэе - Агесилай с большей частью своей армии одерживает победу, а фиванцы на своей стороне также одерживают победу. - Страшная битва между фиванцами и спартанцами; в целом результат благоприятен для фиванцев. - Победа Агесилая, не без тяжелых ран - но не очень решающих - его поведение после битвы. - Армия Агесилая отходит из Беотии - он отправляется на Пифийские игры - отплывает на родину через Коринфский залив - его почетный прием в Спарте. - Результаты сражений при Коринфе и Коронэе. Спарта ничего не выиграла от первой, а от второй скорее проиграла. - Обратные действия Спарты после поражения Книда. Утрата Спартой островной империи. Почти все ее морские союзники восстают и присоединяются к Фарнабазу и Конону. - Абидос остается верен Спарте под руководством Деркиллиды. - Деркиллидас удерживает и Абидос, и Херсонес напротив, несмотря на гнев Фарнабаза. - Фарнабаз и Конон отплывают со своим флотом в Пелопоннес и Коринф. - Помощь и поддержка, оказанная Фарнабазом союзникам в Коринфе - Примечательный факт присутствия персидского сатрапа и флота в Коринфе. - Фарнабаз оставляет флот с Кононом в Сароническом заливе и помогает ему деньгами в восстановлении Длинных стен Афин. - Конон восстанавливает Длинные стены - сердечное сотрудничество союзников. - Большое значение этого восстановления - насколько оно зависело от случайности - Поддержание линий Коринфа против Спарты было одним из существенных условий для восстановления Длинных стен. Линии сохранялись не дольше следующего года.

284-324

ГЛАВА LXXV.

ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЛИННЫХ АФИНСКИХ СТЕН ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ АНТАЛКИДОВА МИРА.

Крупные планы Конона - организация наемного войска в Коринфе. - Морские конфликты коринфян и лакедемонян в Коринфском заливе. - Сухопутные войны - лакедемоняне утвердились в Сикионе - антиспартанские союзники занимают линии Коринфа от моря до моря. - Страдания коринфян от войны, ведущейся на их территории. Многие коринфские владельцы становятся противниками войны. - Рост и проявление фило-лаконской партии в Коринфе. Олигархическая форма правления не оставляла ничего другого, как прибегнуть к силе. - Коринфское правительство предотвращает заговор путем *государственного переворота*. - Многочисленные представители фило-лаконской партии изгнаны, но вождь Пасимекл пощажен и остается в Коринфе. - Тесный политический союз и консолидация

между Коринфом и Аргосом. - Пасимекл впускает лакедемонян в длинные стены Коринфа. Битва в этих стенах. - Лакедемоняне одерживают победу - тяжелые потери аргосцев. - Лакедемоняне сносят часть длинных стен между Коринфом и Лехеймом, чтобы открыть свободный проход через них. Они захватывают Кроммион и Сидус. - Эффективная война, которую ведут легкие войска под командованием Ификрата в Коринфе - Военный гений и усовершенствования Ификрата. - Афиняне восстанавливают Длинные стены между Коринфом и Лехеймом - экспедиция спартанского царя Агесилая, который в союзе с Телеутом вновь захватывает Длинные стены и овладевает Лехеймом. - Тревога Афин и Фив по поводу взятия Длинных стен Коринфа. В Спарту направляются предложения о мире. Переговоры ни к чему не приводят. - Преимущества, полученные коринфянами от владения Пиреем. По наущению изгнанников Агесилай отправляется с войском в поход на него. - Истмийский праздник - Агесилай нарушает торжество. Коринфские изгнанники под его защитой празднуют его; затем, когда его нет, коринфяне из города проводят церемонию заново. - Агесилай нападает на Пейреум, который захватывает вместе с Герцеговиной, множеством пленных и большой добычей. - Триумфальная позиция Агесилая. Опасность Коринфа. Фиванцы присылают новых посланников с просьбой о мире - Агесилай относится к ним пренебрежительно. - Внезапное прибытие плохих новостей, которые портят триумф. - Уничтожение лакедемонской моры легкими войсками под командованием Ификрата. - Смелые и хорошо спланированные маневры Ификрата. - Немногие из мора бегут в Лехей. - Лакедемоняне хоронят тела убитых, просят и заключают перемирие. Трофей, воздвигнутый Ификратом. - Это событие произвело большой эффект на греческий ум. Особые чувства спартанцев; гордость родственников убитых. - Унижение Агесилая - он подходит к стенам Коринфа и бросает вызов Ификрату, после чего униженный возвращается в Спарту. - Успех Ификрата - он вновь захватывает Кроммион, Сидус и Пейреум - Коринф остается практически не потревоженным врагами. Афиняне отзывают Ификрата. - Экспедиция Агесилая против Акарнании - успешная, после некоторой задержки - акарнанцы покоряются и входят в Лакедемонскую конфедерацию. - Лакедемоняне под командованием Агесилая вторгаются в Аргос. - Маневр аргейцев относительно времени священного перемирия. Агесиполис обращается к оракулам в Олимпии и Дельфах. - Землетрясение в Аргосе после вторжения Агесиполя - он не обращает на него внимания. - Он подходит к Аргосу - много награбленного - отступает. - Сделки в Азии - попытки Спарты оторвать великого царя от Афин. - Спартанец Анталкид отправляется посланником к Тирибазу. Конон и другие посланники от Афин и антиспартанских союзников. - Анталкид предлагает выдать азиатских греков и требует всеобщей автономии всего греческого мира - антиспартанские союзники отказываются принять эти условия. - Враждебность Спарты ко всем частичным конфедерациям Греции, теперь впервые провозглашенная под именем всеобщей автономии. - Анталкида добивается расположения Тирибаза, который в частном порядке поддерживает Спарту, хотя предложения о мире не приносят успеха. Тирибазус захватывает Конона - карьера Конона теперь завершена, либо смертью, либо тюремным заключением. - Тирибазу не удается одержать верх при персидском дворе, который по-прежнему враждебен Спарте. Струтас отправляется в Ионию, чтобы выступить против лакедемонян. - Победа Струтаса над Фимброном и лакедемонским войском. Фимброн убит. - На смену Фимбруну отправлен Дифрид. - Лакедемонский флот на Родосе - междоусобные споры на острове. - Афиняне посылают помощь Эвагору на Кипр. Верность, с которой они его поддерживали, хотя его союз теперь стал неудобным. - Фрасибул отправляется с флотом из Афин к азиатскому побережью - его приобретения в Геллеспонте и Босфоре. - Победа Фрасибула на Лесбосе - он собирает контрибуцию на азиатском побережье - его убивают у Аспенда. - Характер Фрасибула. - Агиррий сменяет Фрасибула - Родос все еще держится против лакедемонян. - Анаксибий отправлен командовать на Геллеспонте вместо Деркиллида - его энергичные

действия - он лишает Афины пошлин за пролив. - Афиняне отправляют Ификрата с пельтастами и флотом к Геллеспонту. Его уловка, чтобы заставить врасплох Анаксибия. - Поражение и смерть Анаксибия. - Афиняне снова становятся хозяевами Геллеспонта и пролива. - Остров Эгина - его прошлая история. - Спарта принуждает эгинетян к войне с Афинами. Лакедемонский адмирал Телеутиас в Эгине. Его сменяет Гиеракс. Его удивительная популярность среди моряков. - Гиеракс отправляется на Родос, оставляя Горгопаса в Эгине. Переход лакедемонянина Анталкида в Азию. - Горгопаса застает врасплох в Эгине, его побеждает и убивает афинянин Хабрий; он отправляется на помощь Эвагору на Кипр. - Лакедемонские моряки в Эгине не платят и недовольны. Телеутиас отправляется туда, чтобы примирить их. - Внезапное и успешное нападение Телеутиаса на Пирей. - Неподготовленность и незащищенность Пирея - Телеутиас получает богатую добычу и уплывает в целостности и сохранности. - Он получает возможность заплатить своим морякам - активность флота - большой ущерб, нанесенный афинской торговле. - Финансовое положение Афин. Теорикон. - Прямые налоги на имущество. - Анталкид отправляется с Тирибазом в Сузы - его успех при персидском дворе - он привозит условия мира, о которых просила Спарта, ратифицированные великим царем, чтобы Спарта принуждала его к исполнению от его имени. - Анталкид командует лакедемонским и сиракузским флотами в Геллеспонте при помощи персов. Его успехи в борьбе с афинянами. - Уныние и обескураженность Афин - беспокойство анти - спартанские союзники требуют мира. - Тирибаз созывает их всех в Сарды, чтобы выслушать договор, присланный великим царем. - Условия договора, названного Анталкидским миром. - Съезд в Спарте для принятия или отклонения. Все стороны принимают. Фиванцы сначала соглашались, оставляя за собой беотийские города. - Агесилай отказывается от фиванской оговорки и требует безоговорочного принятия. Его стремление из ненависти к Фивам вступить в войну с ними в одиночку. Фиванцы вынуждены безоговорочно согласиться. - Агесилай заставляет коринфян отослать своих аргейских помощников. Фило-аргейские коринфяне отправляются в изгнание; фило-лаконские коринфяне восстанавливаются.

326-388

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА LXIX. КИР МЛАДШИЙ И ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ГРЕКОВ.

В своем последнем томе я довел историю греческих дел до конца Пелопоннесской войны, включая описание окончательной утраты царской власти, тяжелого временного угнетения, освобождения и возрождения демократии, которые стали уделом побежденных Афин. Разгром некогда могущественного города, совершенный спартанской конфедерацией при большой денежной помощи молодого персидского принца Кира, сатрапа большей части

Ионического побережья, оставил Спарту на время хозяйкой греческого мира. Лисандр, ее победоносный адмирал, использовал свою огромную временную власть для того, чтобы создать в большинстве городов декархии или правящие советы десяти, состоящие из его собственных сторонников, с лакедемонским гарнизоном для обеспечения их олигархического правления. Однако прежде чем я перейду к изложению, насколько это возможно, неожиданных бедствий, обрушившихся на греческий мир, и их конечных последствий, будет удобно представить здесь рассказ о десяти тысячах греков, их походе в сердце Персидской империи и их еще более знаменитом отступлении. Этот инцидент, лежащий в стороне от основного потока греческих дел, строго говоря, скорее относится к персидской истории, чем к греческой. Но его влияние на греческий ум и на дальнейший ход греческих дел было многочисленным и важным; а как иллюстрация эллинского характера и компетентности в сравнении с современными азиатами, он стоит на первом месте и полон поучительности.

Этот поход из Сард в окрестности Вавилона, предпринятый Киром Младшим с целью посадить его на персидский трон вместо его старшего брата Артаксеркса Мнемона, начался примерно в марте или апреле 401 года до н. э. Примерно через шесть месяцев после этого, в сентябре или октябре того же года, произошла битва при Кунаксе, в которой, хотя греки и одержали победу, сам Кир погиб. После этого они были вынуждены начать отступление, которое заняло около года и в конечном итоге привело их через Босфор Фракийский в Византию в октябре или ноябре 400 года до нашей эры.

Смерть царя Дария Нофа, отца Артаксеркса и Кира, наступила в начале 404 года до н. э., через некоторое время после полного разгрома афинских войск при Игоспотаме. Его правление, длившееся девятнадцать лет, и правление его отца Артаксеркса Лонгимана, продолжавшееся почти сорок лет, заполняют почти весь промежуток времени после смерти Ксеркса в 465 году до н. э. Завершение правления Ксеркса и его сына Артаксеркса действительно было отмечено явлениями заговоров, убийств, братоубийств и семейных трагедий, столь обычными при передаче восточного скипетра. Ксеркс был убит начальником дворца по имени Артабан, который получил от него на пиру приказ казнить своего старшего сына Дария, но не выполнил его. Артабан, возложив вину за убийство на Дария, убедил Артаксеркса отомстить за него, убив последнего; затем он покушался на жизнь самого Артаксеркса, но потерпел неудачу и сам был убит, продержавшись у власти несколько месяцев. Артаксеркс Лонгиман, процарствовав около сорока лет, оставил скипетр своему сыну Ксерксу Второму, который через несколько месяцев был убит своим братом Согдианом; который снова был предан смерти через семь месяцев третьим братом Дарием Нотом, упомянутым выше.^[1]

Войны между Персидской империей и Афинами, возглавлявшими Делосскую конфедерацию (477-449 гг. до н. э.), уже были описаны в одном из моих предыдущих томов. Но внутренняя история Персидской империи во время этих царствований нам почти совсем не известна, за исключением грозного восстания сатрапа Мегабиза, неясно отмеченного во Фрагментах Ктесия.^[2] Около 414 года до н. э. египтяне подняли восстание. Их родной принц Амиртей сохранил свою независимость - хотя, вероятно, только в части, а не во всей стране^[3] - и в течение шестидесяти лет его сменила родная египетская династия. Восстание мидийцев, произошедшее в 408 году до н. э., было подавлено Дарием, а затем аналогичное восстание кадусиев.^[4] Мир, заключенный в 449 году до н. э. между Афинами и Персидской империей, продолжался без открытых нарушений до разрушительной катастрофы, постигшей первые под Сиракузами в 413 году до н. э. Однако в первые годы войны из Спарты к персидскому

двору приходили различные сообщения и посланники, пытавшиеся получить помощь от великого царя; сообщения были настолько запутанными и противоречивыми, что Артаксеркс (в письме, адресованном спартанцам в 425 году до н. э., и переданном его посланником Артаферном, который был захвачен афинянами), жаловался, что не может понять, что они означают, - два спартанца не рассказывают одну и ту же историю.[5] Похоже, что Писсуфнес, сатрап Сард, восстал против персидского царя вскоре после этого периода, и что Тиссаферн был послан великим царем для подавления этого восстания; в чем он преуспел, подкупив греческого командира наемных войск сатрапа, и был вознагражден владением сатрапией.[6] В 413 г. до н. э. сатрап Тиссаферн совместно со спартанцами начинает операции по отвлечению азиатских союзников от Афин после их поражения на Сицилии и успешно использует спартанцев против Аморрея, восставшего сына Писсуфна, который занял сильный приморский город Иасус.[7]

Об активизации персидских операций против Афин после того, как Кир, младший сын Дария Нота, пришел на ионическое побережье в 407 году до н. э., рассказывалось в моем предыдущем томе; вместе с полным ослаблением афинской власти, совершенным в течение последующих трех лет. Остановившись в Сардах и активно сотрудничая с греками, этот амбициозный и энергичный молодой принц вскоре проникся их превосходством в военной и политической эффективности по сравнению с коренными азиатами. Способности и характер Лисандра, пелопоннесского адмирала, вызвали у него такое восхищение, что, будучи вызванным ко двору во время последней болезни своего отца Дария в 405 году до н. э., он даже доверил этому офицеру всю свою дань и сокровища, чтобы тот распорядился ими в интересах войны;[8] которая за время его отсутствия была доведена до победного конца.

Киру, родившемуся после восшествия его отца на престол, было не более восемнадцати лет, когда его впервые отправили в Сарды (в 407 году до н. э.) в качестве сатрапа Лидии, Фригии и Каппадокии и командующего той персидской военной дивизией, которая собралась на равнине Кастола; в ее состав не входили ионические греки на побережье, которые находились под властью Тиссаферна.[9] Мы не можем доверять рассказу Ксенофонта о его воспитании: его воспитывали вместе с братом и многими знатными персидскими юношами в царском дворце - в условиях строжайшей дисциплины и сдержанности, навязывая скромные привычки, взаимные обязанности послушания и командования, всем им и ему самому с особым успехом.[10] Этому противоречат все реалии, которые мы читаем о персидском дворе, и это скорее греческие, чем восточные чувства, больше подходящие для романтики "Киропедии", чем для истории "Анабасиса". Но в персидских достижениях - всадничестве, владении луком и копьем, храбрости в поле, смелости и выносливости в охоте на диких зверей, умении пить много вина, не пьянея, - Кир был на первом месте; и особенно в сравнении со своим старшим братом Артаксерксом, который был если не ленив и робок, то по крайней мере не воинственен.[11] И хотя свойственная эллинскому гражданину добродетель - способность попеременно командовать и подчиняться - не составляла части характера Кира, тем не менее, похоже, что эллинские дела и идеи рано запечатлелись в его сознании; так что, впервые прибыв в Сарды в качестве сатрапа, он привез с собой сильный интерес к пелопоннесскому делу и острую антипатию к этому древнему врагу, благодаря которому персидское оружие было так заметно смято и подавлено. О том, как рьяно он сотрудничал с Лисандром и пелопоннессцами в уничтожении Афин, было рассказано в моем последнем предыдущем томе.[12]

Такой энергичный и амбициозный юноша, как Кир, научившись на личном опыте ценить греков, не замедлил понять ценность таких вспомогательных войск как инструментов власти для себя. Чтобы эффективно сотрудничать в войне, ему было необходимо в определенной

степени руководствоваться греческими идеями и примириться с доброй волей ионийских греков; таким образом, он стал сочетать властный и неумолимый деспотизм персидского принца с регулярностью и системой, присущими греческому администратору. Хотя он был младше Артаксеркса, он, похоже, с самого начала рассчитывал на то, что после смерти отца станет наследником персидской короны. Закон престолонаследия в персидской царской семье был настолько неопределенным, а споры и братоубийство при каждом освобождении трона - постоянными, что подобные честолюбивые замыслы показались бы осуществимыми молодому человеку гораздо менее пылкому, чем Кир. К тому же он был любимым сыном царицы Парисатис,^[13] которая отдавала ему большое предпочтение перед его старшим братом Артаксерксом. Он родился после восшествия Дария на престол, в то время как Артаксеркс родился до этого события; И как это последнее соображение было использовано за семьдесят лет до этого царицей Атоссой^[14], чтобы заставить ее мужа Дария, сына Гистасписа, объявить (еще при его жизни) ее сына Ксеркса своим преемником, исключая старшего сына от другой жены, родившегося до его воцарения, - так и Кир, возможно, ожидал такого же эффективного предпочтения для себя от уговоров Парисатиса. Вероятно, его надежды еще более разжигались тем, что он носил имя великого основателя монархии, память которого почитал каждый перс. О том, насколько он рассчитывал стать царем, свидетельствует жестокий поступок, совершенный в начале 405 года до н. э. Согласно персидскому этикету, каждый, кто входил в присутствие царя, должен был погрузить руки в определенные карманы или большие рукава, что делало их на время непригодными для активного использования; но такое почтение не проявлялось ни к кому, кроме царя. Два двоюродных брата Кира - сыновья Гиераменеса (кажется, одного из сатрапов или высших персидских сановников в Малой Азии) от сестры Дария - появились в его присутствии, не спрятав руки;^[15] на что Кир приказал предать их обоим смерти. Отец и мать предпочли горькие жалобы на это злодеяние Дарию, который был вынужден послать за Киром, чтобы тот навестил его в Медию, на том основании, что его собственное здоровье быстро ухудшалось.

Если Кир рассчитывал унаследовать корону, ему было важно быть на месте смерти своего отца. Поэтому он отправился из Сард в Медию вместе со своей гвардией из трехсот греков под командованием аркадца Ксения, который получил столь высокое вознаграждение за этот далекий поход, что этот размер оплаты долгое время был знаменит.^[16] Он также взял с собой Тиссаферна в качестве мнимого друга, хотя, похоже, между ними была настоящая вражда. Вскоре после его прибытия Дарий умер, но не выполнил просьбу Парисатиса объявить в пользу Кира как своего преемника. Поэтому Артаксеркс, провозглашенный царем, отправился в Пасаргад, религиозную столицу персов, чтобы совершить обычные торжественные мероприятия. Разочарованный таким образом, Кир был обвинен Тиссаферном в заговоре против смерти своего брата; тот схватил его и уже собирался предать смерти, но всемогущее заступничество Парисатиса спасло ему жизнь.^[17] Он был отправлен в свою бывшую сатрапию в Сарды, откуда вернулся с невыносимым чувством гнева и уязвленной гордости, а также с твердой решимостью ничего не оставлять без внимания, чтобы свергнуть своего брата. Этот рассказ, переданный нам Ксенофонтom, несомненно, представляет собой историю Кира и его друзей, бытовавшую среди киреевской армии. Но если мы рассмотрим все вероятности дела, то будем вынуждены подозревать, что обвинение Тиссаферна вполне могло быть правдой, а заговор разочарованного Кира против брата - реальностью, а не вымыслом.^[18]

Момент, когда Кир вернулся в Сарды, был весьма благоприятен для его планов и приготовлений. Долгая война только что завершилась взятием Афин и уничтожением их могущества. Многие греки, приобретая военные вкусы и привычки, теперь были лишены

работы; многие другие были изгнаны в связи с установлением лисандрийских декархий во всех городах сразу. Поэтому грамотных рекрутов для такой хорошо оплачиваемой службы, как служба Кира, теперь было необычайно много. Имея уже определенное количество греческих наемников, распределенных по различным гарнизонам его сатрапии, он приказал командирам усилить свои гарнизоны таким количеством пелопоннесских солдат, какое они смогут получить. Его предлогом было: во-первых, защита от Тиссаферна, с которым, после доноса последнего, он находился в открытой войне, во-вторых, защита ионийских городов на морском побережье, которые до сих пор находились под властью Тиссаферна, но теперь восстали по собственной воле, поскольку Кир объявил о своей враждебности к нему. Только Милет не смог выполнить это решение, так как Тиссаферн, усилив свой гарнизон в этом месте, принял жестокие меры подавления, убив или изгнав нескольких ведущих людей. Кир, приняв этих изгнанных милетян со всеми проявлениями симпатии, немедленно собрал армию и флот под командованием египтянина Тамоса,[19] чтобы осадить Милет на суше и на море. В то же время он передал в суд регулярную дань, причитающуюся с этих приморских городов, и попытался, используя интересы своей матери Парисатиды, добиться того, чтобы она была переведена с Тиссаферна на себя. Таким образом, великий царь был введен в заблуждение, полагая, что новые сборы Кира предназначены только для частной войны между ним и Тиссаферном, что нередко случалось между двумя соседними сатрапами. Двору также не нравилось, что подозреваемый принц был занят на расстоянии.[20]

Помимо армии, собранной вокруг Милета, Кир нашел способ держать в пределах своей досягаемости и другие войска, хотя и на расстоянии и без подозрений. Лакедемонский офицер по имени Клеарх, обладавший значительными военными способностями и опытом, представился изгнанником в Сардах. Судя по всему, он был изгнан (насколько мы можем судить по противоречивым заявлениям) за грубое злоупотребление властью и крайнюю тиранию, будучи лакедемонским хармостом в Византии, и даже за попытку удержаться на этом месте после того, как эфоры официально отстранили его от должности. Известная работоспособность и неугомонный воинственный аппетит Клеарха[21] обеспечили ему доверие Кира, который дал ему крупную сумму в десять тысяч дариков (около 7600 фунтов стерлингов), которую он использовал для сбора армии наемников греков для защиты греческих городов в Херсонесе от фракийских племен по соседству; таким образом, войска содержались до пор, пока они не потребовались Киру. Кроме того, Аристипп и Менон, фессалийцы из великого рода Алеуадов в Лариссе, которые поддерживали личные гостеприимные отношения с персидской царской семьей еще со времен Ксеркса, а теперь были связаны с Киром,[22] получили от него средства на содержание двух тысяч наемников для своих политических целей в Фессалии, которые он мог призвать, когда бы они ему ни понадобились. Другие греки, которые, вероятно, были связаны с Киром подобными узами гостеприимства, служа ему во время последней войны, - Проксен, беотиец; Агиас и Софенет, аркадяне; Сократ, ахейец, и т. д., - также получили от него полномочия собирать наемных солдат. Его притворными целями были: частично осада Милета, частично мнимая экспедиция против писидийцев - воинственных и хищных горцев, которые причиняли много бед из своих убежищ на юго-востоке Малой Азии.

Кроме этих необъявленных греческих войск, Кир отправил посланников к лакедемонянам, чтобы попросить их о помощи в знак благодарности за то, что он оказал им энергичную поддержку в их операциях против Афин, и получил положительный ответ. Далее он собрал значительный отряд туземцев, приложив все усилия, чтобы примирить друзей и внушить им доверие. "Он был прям и справедлив, как кандидат в командиры", - по выражению Геродота о медянском Деиокесе;[23] поддерживал порядок и безопасность во всей своей сатрапии и наказывал злодеев в огромном количестве, с предельной суровостью; об этом

свидетельствуют многочисленные живые свидетельства на дорогах в лице изувеченных людей, лишенных рук, ног или зрения.^[24] Но он также был щедр в вознаграждении за верную службу, как гражданскую, так и военную. Он не только совершал различные походы против враждебных мисийцев и писидийцев, но и был готов выставить напоказ свою персону, а также щедро вознаграждал за усердие всех отличившихся солдат. Он привязывал людей к своей персоне как привлекательным поведением, так и своевременными подарками. Как было принято (и до сих пор принято на Востоке), чтобы каждый, кто приближался к Киру, приходил с подарком в руке,^[25] так и он обычно раздавал эти подарки другим в качестве знаков отличия. Таким образом, он приобрел привязанность не только всех своих подчиненных, но и тех персов, которых Артаксеркс под разными предлогами посылал наблюдать за его передвижениями. Некоторые из этих эмиссаров из Суз были посланы даже для того, чтобы помешать ему и ослабить его. Именно по таким приказам действовал перс по имени Оронт, губернатор Сардиса, развязавший открытую войну против Кира, который дважды покорялся ему и дважды прощал его, торжественно заверяя в верности на будущее.^[26] Во всех соглашениях, даже с явными врагами, Кир точно соблюдал веру, так что его слову доверяли все.

Такие добродетели (редкие для восточных правителей, как древних, так и современных) и такие тайные приготовления принесли свои плоды в начале 401 года до н. э. Ксений, его полководец, собрал все гарнизоны, оставив лишь небольшой запас для обороны городов. Клеарх, Менон и другие греческие генералы были отозваны, а осада Милета прекращена, так что в Сардах было сосредоточено семь тысяч семьсот греческих гоплитов с пятью сотнями легковооруженных.^[27] Затем к ним присоединились другие, и, кроме того, было еще туземное войско численностью около ста тысяч человек. С такими средствами Кир отправился в путь (март или апрель 401 года до н. э.) из Сард. Его настоящая цель держалась в секрете; его видимая цель, которую провозглашали и понимали все, кроме него самого и Клеарха, заключалась в том, чтобы покорить и искоренить писидийских горцев. В то же время объединенный лакедемонский и персидский флот под командованием лакедемонского адмирала Самия обогнул юг Малой Азии, чтобы оказать помощь с моря.^[28] Эта лакедемонская помощь выдавалась за частный сбор, осуществленный самим Киrom, так как эфоры не хотели официально заявлять о враждебности Великому царю.^[29]

Десять тысяч греков, увековеченных под именем Десяти тысяч, которые готовились погрузиться в столь неожиданные опасности, хотя и поступили на службу к иностранным наемникам, отнюдь не были изгоями или даже людьми крайне бедными. В большинстве своем это были люди с солидным положением, а некоторые даже богатые. Половина из них были акадийцами или ахейцами.

Репутация Кира как честного и щедрого торговца была такова, что многие молодые люди из хороших семей сбежали от своих отцов и матерей; другие, достигшие зрелого возраста, соблазнились оставить своих жен и детей; были даже такие, кто вложил свои собственные деньги в наряды для других, более бедных людей, а также для себя. ^[30] Все они рассчитывали на годичный поход в Писидию, который, возможно, будет трудным, но, несомненно, прибыльным и позволит им вернуться с хорошо набитым кошельком. Так уверенно заверяли их греческие командиры в Сардах, восхваляя с укором и красноречием, подобающим офицерам-вербовщикам, как либеральность Кира^[31], так и обильные обещания всех предприимчивых людей.

Среди прочих, беотиец Проксен написал своему другу Ксенофону в Афины, настоятельно прося его приехать в Сарды и предлагая представить его Киру, которого он (Проксен) "считал лучшим другом для него, чем его собственная страна";^[32] - яркое свидетельство того, как на

греческий патриотизм накладывалось такое иностранное наемничество, которое мы будем все больше и больше узнавать по мере продвижения вперед. Этот способный и опытный афинянин, заслуживающий уважения не только со стороны Афин, но и со стороны киреевской армии и интеллектуального мира в целом, принадлежал к классу рыцарей или всадников и, как говорят, служил в этом качестве в битве при Делиуме.^[33] О его предыдущей жизни мы почти ничего не знаем, кроме того, что он был близким другом и прилежным слушателем Сократа; воспоминания о беседе с ним мы черпаем в основном из его пера, как и рассказ о киреевском походе. В предыдущей главе о Сократе я широко использовал воспоминания Ксенофонта; теперь я собираюсь извлечь из его "Анабасиса" (образца ясного и интересного повествования) рассказ о приключениях киреевской армии, который нам посчастливилось узнать из столь достоверного источника.

Получив приглашение от Проксена, Ксенофонт с готовностью согласился. Для представителя того сословия рыцарей, которое за три года до этого было главной опорой злодеяний Тридцати (насколько он был лично причастен к ним, мы не можем сказать), вероятно, проживание в Афинах в те времена не было особенно приятным. Он спросил мнение Сократа; тот, опасаясь, что служба при Кире, злейшем враге Афин, может подвергнуть его непопулярности среди соотечественников, посоветовал обратиться к дельфийскому оракулу. Ксенофонт отправился туда, но, по правде говоря, он уже заранее принял решение. Вместо того чтобы спрашивать, "идти ли ему или отказаться", он просто задал вопрос: "Кому из богов я должен принести жертву, чтобы получить безопасность и успех в путешествии, о котором я сейчас размышляю?" Ответ оракула, указывающий на Зевса Басилея как на бога, которому следует принести жертву, был принесен Ксенофонтом; на что Сократ, хотя и недовольный тем, что вопрос не был поставлен справедливо в отношении всего проекта, все же посоветовал, поскольку ответ уже был дан, буквально подчиниться ему. Принеся положенные жертвы, Ксенофонт отправился сначала в Эфес, а затем в Сарды, где застал армию, собиравшуюся отправиться в путь. Проксен представил его Киру, который убедительно просил его принять на службу, обещая уволить его, как только закончится кампания против писидийцев.^[34] Таким образом, его уговорили остаться, но только в качестве волонтера или друга Проксена, не принимая никакой особой должности в армии, ни офицера, ни солдата. Нет оснований полагать, что его служба при Кире имела тот эффект, которого ожидал Сократ, - он стал непопулярен в Афинах. И хотя впоследствии он был изгнан, этот приговор был вынесен ему только после битвы при Коронее в 394 году до н. э., где он в качестве выдающегося офицера воевал под командованием Агесилая против своих соотечественников и их фиванских союзников, - да и не нужно искать основания для такого приговора.

Хотя Артаксеркс, питая общие подозрения относительно честлюбивых замыслов своего брата, послал к нему разных людей, чтобы следить за ним, Кир сумел уберечь или обезвредить этих шпионов, а так искусно замаскировал свои приготовления, что до самого начала похода в Сузы не поступало никаких известий. Только тогда Тиссаферн, увидев, что осада Милета снята, а в Сардах собрались огромные силы, догадался, что речь идет о чем-то большем, чем простое завоевание писидийских вольноотпущенников, и лично отправился предупредить царя, который немедленно начал приготовления.^[35] То, о чем догадался Тиссаферн, еще оставалось тайной для всех в армии, как для Проксена, так и для остальных, - когда Кир, доверив временное управление своей сатрапией некоторым персидским родственникам и своему адмиралу египтянину Тамосу, начал поход в юго-восточном направлении из Сард через Лидию и Фригию.^[36] Три дня марша, расстояние в двадцать два

парасанга,[37] привели его к Меандра; еще один марш в восемь парасангов, после пересечения этой реки, привел его в Колоссы, процветающий город во Фригии, где его догнал Менон с подкреплением из тысячи гоплитов и пятисот пельтастов - долопов, энианов и олинфийцев. Затем он отправился в трехдневный поход к Келене, другому фригийскому городу, "великому и процветающему", с цитаделью, очень сильной как по природе, так и по искусству. Здесь он остановился не менее чем на тридцать дней, чтобы дожидаться прибытия Клиарха с его подразделением из тысячи гоплитов, восьмисот фракийских пельтастов и двухсот критских лучников; в это же время прибыли Софенет с тысячей гоплитов и Сосий с тремя сотнями. Это общее количество греков было рассмотрено Киром в едином строю в Келене; одиннадцать тысяч гоплитов и две тысячи пельтастов.[38]

До Келене его поход был направлен прямо в Писидию, у границ которой находится этот город. Таким образом, до сих пор он придерживался того же курса, что и в начале пути. Но, покинув Келен, он повернул свой поход прочь от Писидии, почти на север; сначала за два дня, десять парасангов, до города Пельтæ; затем за два дня дальше, двенадцать парасангов, до Керамон-Агоры, последнего города в округе, примыкающем к Мисии. В Пельтæ, на трехдневном привале, аркадский полководец Ксений в присутствии Кира отпраздновал великий праздник своей страны, Ликей, с его обычными играми и поединками. Из Керамон-Агоры Кир за три дня прошел необычное расстояние в тридцать парасангов,[39] до города под названием Кяйстру-Педион (равнина Кяйстру), где остановился на пять дней. Здесь его покой был нарушен ропотом греческих солдат, которые не получали жалованья в течение трех месяцев (Ксенофонт уже говорил нам, что в основном это были люди, имевшие какие-то собственные средства), и которые теперь стекались вокруг его палатки, чтобы потребовать свои долги. Кир настолько обеднел в результате предыдущих выплат - возможно, и отмены дани с целью популяризации себя, - что остался совсем без денег, и был вынужден снова отгонять их обещаниями. И его поход вполне мог бы на этом закончиться, если бы его не спасло прибытие Эпиаксы, жены киликийского принца Сиеннесиса, которая привезла ему большую сумму денег и позволила сразу же выдать греческим солдатам четырехмесячное жалованье. Что касается азиатских солдат, то, вероятно, они не получили ничего сверх своего содержания.

Два последующих дня марша, по-прежнему через Фригию, привели армию в Тимбриум; еще два - в Тириеум. Каждый день похода называется пятью парасангами[40]. Именно здесь Кир, остановившись на три дня, провел армию в смотре, чтобы поблагодарить киликийскую принцессу Эпиаксу, которая все еще сопровождала поход. Его азиатские войска сначала прошли перед ним в порядке, конница и пехота отдельными подразделениями; затем он сам на колеснице и Эпиакса в хармамаксе (повозка или повозка, покрытая тентом, который открывался или закрывался по желанию) прошли вдоль всего фронта греческой линии, вытянувшись отдельно. Гоплиты были выстроены в четыре шеренги, все в лучшем убранстве: медные шлемы, пурпурные туники, поножи или набедренные повязки, натертые до блеска щиты, только что вынутые из обмоток, в которых их носили во время марша.[41] Клеарх командовал слева, а Менон - справа; остальные полководцы были распределены в центре. Закончив смотр по всей линии и заняв позицию с киликийской принцессой на некотором расстоянии перед ней, Кир послал своего переводчика к генералам и пожелал, чтобы тот посмотрел их зарядку. Приказ был отдан, копья выставлены, зазвучали трубы, и все греческое войско двинулось вперед в боевом порядке с обычными криками. По мере продвижения темп ускорялся, и они направились прямо к продовольственной части азиатского лагеря. Ужас, вызванный этим зрелищем, был таков, что все азиаты немедленно бежали, бросив свое имущество, и первой из них вышла из своего паланкина сама Эпиакса. Хотя среди ее личной охраны было несколько греков из Аспенда, она никогда прежде не

видела греческой армии и была не только поражена, но и напугана; к большому удовольствию Кира, который увидел в этой сцене предзнаменование своего грядущего успеха.[42]

Три дня дальнейшего марша (всего двадцать парасангов) привели армию в Иконий (ныне Коний), крайний город Фригии; там Кир остановился на три дня. Затем он пять дней (тридцать парасангов) шел через Ликаонию; эту страну, как находящуюся вне его собственной сатрапии и даже враждебную, он позволил грекам разграбить. Ликаония находилась непосредственно на границах Писидии, и ее жители, вероятно, считались писидийцами, поскольку обладали таким же хищническим характером:[43], чтобы Кир отчасти осуществил притворную цель своей экспедиции. Таким образом, он приблизился к горе Тавр, которая отделяла его от Киликии; и здесь он отправил киликийскую принцессу вместе с Меноном и его отрядом за гору, через более короткий и прямой, но, по-видимому, мало посещаемый и слишком трудный для всего войска проход; чтобы они могли таким образом попасть прямо в Киликию,[44] в тыл Сиеннесису, который занимал обычный проход севернее. Намереваясь войти со своей основной частью через этот последний проход, Кир сначала направился через Каппадокию (четыре дня марша, двадцать пять парасангов) в Дану или Тиану, процветающий город Каппадокии; там он остановился на три дня и предал смерти двух персидских офицеров по обвинению в заговоре против него.[45]

Этот обычный перевал через Тавр, знаменитые Тавро-Пильские или Киликийские ворота, был занят Сиеннесисом. Хотя дорога была пригодна для транспортных средств, она находилась на высоте трех тысяч шестисот футов над уровнем моря, была узкой, крутой, с каждой стороны окаймлена возвышенностями и пересекалась стеной с воротами, так что ее нельзя было форсировать, даже если бы она была умеренно защищена. [46] Но киликийский князь, встревоженный известием о том, что Менон уже перешел через горы по менее посещаемому проходу к его тылу и что флот Кира плывет вдоль побережья, покинул свою неприступную позицию и отступил к Тарсу; оттуда он снова удалился, сопровождаемый большинством жителей, в недоступную крепость в горах. Таким образом, Кир, поднявшись без сопротивления по оставленному им большому перевалу, после четырехдневного марша достиг Тарса, где вновь соединился с Меноном и Эпиаксой. Две лохии или роты из отряда Менона, рассеявшись во время похода для грабежа, были перебиты местными жителями, за что основная часть греков теперь отомстила, разграбив и город, и дворец Сиеннесиса. Этот принц, хотя Кир и приглашал его вернуться в Тарс, сначала отказывался, но в конце концов, благодаря уговорам своей жены, был вынужден вернуться в безопасном направлении. Его побудили заключить союз, обменяться подарками с Киром и дать ему большую сумму денег на экспедицию вместе с контингентом войск; в обмен на это было оговорено, что Киликию больше не будут грабить, а увезенные рабы будут возвращены, где бы их ни нашли.[47]

Кажется очевидным, хотя Ксенофонт и не говорит об этом прямо, что сопротивление Сиеннесиса (это было постоянное имя или титул наследственных князей Киликии под персидской короной) было простым притворством; Что визит Эпиакса с деньгами к Киру и прибытие Менона с его подразделением через гору Тавр были маневрами в сговоре с ним; и что, думая, что Кир будет иметь успех, он был расположен поддержать его дело, но в то же время старался создать видимость, что его одолели, в случае если Артаксеркс окажется победителем.[48]

Сначала, однако, казалось, что поход Кира должен был закончиться в Тарсе, где ему предстояло пробыть двадцать дней. Армия уже миновала Писидию - предполагаемую цель экспедиции, для которой были наняты греческие войска; никто из них, ни офицеры, ни солдаты, не подозревали об обратном, кроме Клеарха, который был в тайне. Но теперь все поняли, что их навязали, и узнали, что им предстоит выступить против персидского царя. Помимо негодования по поводу такого заблуждения, они вообще уклонились от риска; не из-за страха перед персидскими войсками, а из-за ужасов трехмесячного похода от побережья и невозможности возвращения, которые так сильно подействовали на спартанского царя Клеомена[49] столетием раньше; большинство из них были (как я уже отмечал) людьми достойного положения и семьи в своих городах. Соответственно, они заявили о своей решимости не продвигаться дальше, поскольку они не были вызваны на бой против великого царя.[50]

Среди греческих офицеров каждый (Клиарх, Проксен, Менон, Ксений и др.) командовал своим отдельным подразделением, без какого-либо генералиссимуса, кроме самого Кира. Каждый из них, вероятно, в большей или меньшей степени сочувствовал как недовольству, так и отвращению солдат. Но Клеарх, изгнанник и наемник по профессии, несомненно, был готов к этому мятежу и заверил Кира, что его можно преодолеть. То, что такого человека, как Клеарх, могли терпеть в качестве командира свободных и непрофессиональных солдат, свидетельствует о большой восприимчивости греческих гоплитов к военной дисциплине. Хотя он обладал большими военными достоинствами, был храбр, решителен и полон решимости в час опасности, заботился о пропитании своих солдат, стойко переносил усталость и лишения, но его взгляд и манеры были суровыми, наказания - вечными и жестокими, и он не пытался и не заботился о том, чтобы примирить своих солдат; которые, соответственно, оставались с ним и отличались строгостью дисциплины, пока этого требовали политические приказы, но предпочитали службу под началом других командиров, когда могли ее получить.[51] Обнаружив, что его приказ идти вперед не выполняется, Клеарх сразу же приступил к исполнению и наказанию в своей обычной манере. Но он встретил всеобщее сопротивление; его самого вместе со скотом, который нес его багаж, забросали градом, когда он начал двигаться вперед, и он едва избежал гибели. Разочаровавшись в своей попытке принуждения, он был вынужден созвать солдат на регулярное собрание и прибегнуть к убеждению.

Впервые появившись перед собравшимися солдатами, этот суровый и властный офицер долгое время стоял молча и даже плакал - примечательный момент в греческих нравах, который произвел сильное впечатление на солдат, смотревших на него с удивлением и в молчании. Наконец он обратился к ним: "Не удивляйтесь, солдаты, что я глубоко растерян. Кир был моим другом и благодетелем. Именно он приютил меня в изгнании и дал мне десять тысяч дариков, которые я потратил не на свою выгоду или удовольствие, а на вас и на защиту греческих интересов в Херсонесе от фракийских захватчиков. Когда Кир пригласил меня, я пришел к нему вместе с тобой, чтобы как можно лучше отплатить ему за его прошлую доброту. Но теперь, поскольку ты больше не пойдешь со мной, я вынужден либо отречься от тебя, либо порвать с ним. Правильно ли я поступаю или нет, я не могу сказать; но я останусь с вами и разделю вашу судьбу. Никто не скажет обо мне, что, ведя греческие войска в чужую страну, я предал греков и выбрал чужеземца. Вы для меня - страна, друзья, союзники; пока вы со мной, я могу помочь другу и отразить врага. Поймите меня правильно; я пойду, куда бы вы ни пошли, и приму участие в вашей судьбе".[52]

Эта речь и четкое заявление Клеарха о том, что он не пойдет против царя, были выслушаны солдатами с большим восторгом; солдаты других греческих дивизий сочувствовали им, тем

более что никто из других греческих командиров еще не объявлял о подобном решении. Это чувство было настолько сильным среди солдат Ксении и Пасиона, что две тысячи из них покинули своих командиров и с оружием и багажом немедленно отправились в лагерь Клеарха.

Тем временем сам Кир, обескураженный оказанным сопротивлением, послал желать встречи с Клеархом. Но тот, прекрасно понимая, какую игру затеял, отказался подчиниться вызову. Однако в то же время он отправил тайное послание, чтобы ободрить Кира заверениями, что все наконец-то наладится, и пожелать, чтобы впредь посылались новые приглашения, дабы он (Клеарх) мог ответить на них новыми отказами. Затем он снова собрал своих солдат и тех, кто недавно покинул Ксению, чтобы присоединиться к нему. "Солдаты, - сказал он, - мы должны помнить, что теперь мы порвали с Киром. Мы больше не его солдаты, и он не наш начальник; более того, я знаю, что он считает нас обиженными, так что я боюсь и стыжусь приближаться к нему. Он хороший друг, но грозный враг; у него есть своя мощная сила, которую все вы видите совсем рядом. Сейчас не время дремать. Мы должны тщательно обдумать, оставаться нам или уходить; а если уходить, то как безопасно уйти, а также добыть провизию. Я буду рад выслушать любые предложения".

Вместо привычного для Клеарха императивного тона войска впервые оказались не только освобождены от его командования, но и лишены его совета. Некоторые солдаты обратились к собранию, предлагая различные меры, соответствующие чрезвычайной ситуации; но их предложениям противостояли другие ораторы, которые, подстрекаемые втайне самим Клеархом, излагали трудности, связанные с пребыванием или отступлением. Один из этих тайных приверженцев полководца даже встал на противоположную сторону и нетерпением ждал немедленного отъезда. "Если Клеарх не решит проводить нас обратно (сказал этот оратор), давайте немедленно изберем других генералов, закупим провизию, приготовимся к отплытию, а затем пошлем просить Кира о торговых судах или, во всяком случае, о проводниках в нашем обратном походе по суше. Если он откажет в обеих этих просьбах, мы должны привести себя в походный порядок, чтобы отбить дорогу назад; без промедления отправьте вперед отряд, чтобы занять перевалы". Тут вмешался Клеарх, сказав, что для него самого невозможно продолжать командовать, но он будет верно подчиняться любому другому командиру, который будет избран. За ним последовал другой оратор, который показал нелепость обращения к Киру с просьбой о проводнике или кораблях в тот самый момент, когда они срывают его проекты. Как можно было ожидать, что он поможет им уйти? Кто может доверять ни его кораблям, ни его проводникам? С другой стороны, отплыть без его ведома или согласия было невозможно. Правильнее всего было бы послать к нему депешу, состоящую из других людей вместе с Клеархом, чтобы спросить, чего он на самом деле хочет, а этого пока никто не знал. Его ответ на этот вопрос должен быть доложен собранию, чтобы они могли принять соответствующее решение.

Солдаты согласились с этим предложением, поскольку было совершенно очевидно, что отступление - дело непростое. Депутация отправилась задать вопрос Киру, который ответил, что его истинная цель - напасть на своего врага Аброкомаса, который находится на реке Евфрат, в двенадцати днях пути. Если он найдет Аброкомаса там, то накажет его по заслугам. Если же Аброкомас бежал, то они могли еще раз посоветоваться, какой шаг следует предпринять.

Солдаты, услышав это, заподозрили обман, но все же согласились, не зная, что еще можно сделать. Они требовали лишь увеличения жалованья. Ни слова не было сказано ни о

Великом царе, ни об экспедиции против него. Кир разрешил увеличить жалование на пятьдесят процентов по сравнению с прежней ставкой. Вместо одного дарики в месяц каждому солдату он согласился выдавать полтора дарики.[53]

Эта примечательная сцена в Тарсе наглядно демонстрирует характер греческого солдата-гражданина. Главное, что следует отметить, - это обращение к их разуму и суждению, привычка, установившаяся в большей или меньшей степени в столь значительной части греческого мира и достигшая своего максимума в Афинах, - выслушивать обе стороны и принимать решение после этого. Солдаты справедливо и естественно возмущены тем, что их обманывают. Но вместо того, чтобы поддаться этому импульсу, идущему из прошлого, их заставляют взглянуть на реалии настоящего и оценить, что лучше сделать для будущего. Возвращение с того места, где они стояли, вопреки желанию Кира, было предприятием, настолько полным трудностей и опасностей, что решение, к которому они пришли, было рекомендовано лучшими соображениями разума. Продолжать путь было наименее опасным из двух вариантов, к тому же он сулил безмерную награду.

Поскольку остальные греческие офицеры и солдаты последовали примеру Клеарха и его отряда, вся армия двинулась вперед из Тарса и за пять дней марша достигла Иссуса, крайнего города Киликии, переправившись через реки Сарус[54] и Пирам. В Иссе, процветающем торговом порту в углу так называемого залива, к Киру присоединился его флот из пятидесяти трирем - тридцати пяти лакедемонских и двадцати пяти персидских; он привел подкрепление из семисот гоплитов под командованием лакедемонянина Хейрисофа, который, как говорят, был послан спартанскими эфорами.[55] Он также получил еще одно подкрепление из четырехсот греческих солдат; таким образом, общее число греков в его армии составило четырнадцать тысяч, из которых следует вычесть сто солдат из дивизии Менона, убитых в Киликии.

Прибытие этого последнего отряда из четырехсот человек было важным фактом. До этого они находились на службе у Аброкомаса (персидского полководца, командовавшего для царя огромным войском в триста тысяч человек в Финикии и Сирии), от которого они теперь перешли к Киру. Такое дезертирство одновременно свидетельствовало о нежелании сражаться с огромным количеством своих соотечественников, шедших вверх, и о всеобщем унынии, царившем в царской армии. Это уныние было настолько велико, что Аброкомы бежали от сирийского побережья вглубь страны, оставив последовательно три удобные для обороны позиции: 1. Киликийские и Сирийские ворота. 2. Перевал Бейлан через гору Аманус. 3. Проход через Евфрат. - Похоже, его встревожил легкий проход Кира из Каппадокии в Киликию, а еще больше, вероятно, очевидный сговор Сиеннеса с захватчиком.[56]

Кир ожидал, что ворота Киликии и Сирии будут стойко обороняться, и предусмотрел этот случай, приведя свой флот в Исус, чтобы иметь возможность переправить по морю дивизию в тыл защитникам. Перевал находился в одном дне пути от Иссуса. Это была узкая дорога длиной около полумили между морем с одной стороны и отвесными скалами, заканчивающимися горой Аманус, с другой. Оба входа, как со стороны Киликии, так и со стороны Сирии, были закрыты стенами и воротами; на полпути между ними река Керсус вырывалась из гор и впадала в море. Ни одна армия не могла взять этот проход с защитниками, но обладание флотом, несомненно, позволяло нападавшему повернуть его. Кир был очень рад, обнаружив, что он не защищен.[57] И здесь мы не можем не отметить превосходство способностей и прозорливости Кира по сравнению с другими персами, противостоящими ему. Он заранее предвидел эту, как и другие трудности своего похода, и предусмотрел средства для их преодоления; в то время как на стороне царя все многочисленные средства и возможности обороны последовательно отбрасываются; у

персов нет никакой уверенности, кроме как в огромном количестве, - или, когда количество не помогает, в вероломстве.

Через пять парасангов или один день марша от этого перевала Кир достиг финикийского приморского города Мириандра, места большой торговли, с гаванью, полной торговых судов. Пока он отдыхал здесь семь дней, два его генерала - Ксений и Пасион - дезертировали; они наняли торговое судно, чтобы увести их с их имуществом. Они не могли смириться со злом, которое причинил им Кир, позволив Клеарху оставить под своим командованием тех солдат, которые дезертировали из Тарса в то время, когда тот разыгрывал свой обманный маневр. Возможно, дезертиры не захотели возвращаться к своим прежним командирам после столь оскорбительного шага. Этим можно отчасти объяснить политику Кира, санкционировавшего то, что Ксений и Пасион не могли не чувствовать как большую ошибку, которой сочувствовала большая часть армии. Солдаты полагали, что Кир немедленно пошлет триремы, чтобы догнать и вернуть беглецов. Но вместо этого он созвал оставшихся генералов и, сообщив им о том, что Ксений и Пасион ушли, добавил: "У меня достаточно трирем, чтобы по моему желанию догнать их торговые суда и вернуть их обратно. Но я не стану этого делать. Никто не скажет обо мне, что я пользуюсь человеком, пока он со мной, - а потом захватываю, граблю или плохо обращаюсь с ним, когда он хочет уйти. Их жен и детей я держу под охраной в качестве заложников в Траллесе;[58] но и это будет отдано им в уплату за их хорошее поведение до сегодняшнего дня. Пусть уходят, если захотят, зная, что они ведут себя по отношению ко мне хуже, чем я по отношению к ним". Такое поведение, в равной степени благоразумное и примирительное, вызвало всеобщее восхищение и произвело наилучший возможный эффект на дух армии; оно вселило уверенность в Кира, которая во многом перевесила преобладающее уныние, вызванное неизвестностью похода, в который они вступали.[59]

В Мириандре Кир окончательно покинул море, отправил обратно свой флот,[60] и двинулся с сухопутными войсками на восток, в глубь страны. Для этого нужно было сначала пересечь гору Аманус через Бейланский перевал - чрезвычайно трудную дорогу, которая, к счастью, оказалась открытой, хотя Аброком мог бы легко ее оборонять, если бы решил.[61] Четыре дня марша привели армию к реке Чалус (возможно, это река Алеппо), полной рыбы, которую окрестные жители считали священной; еще пять дней - к истокам реки Дарадакс с дворцом и парком сирийского сатрапа Белесиса; еще три дня - к Тапсакусу на Евфрате. Это был большой и процветающий город, центр торговли, обогащенный важным бродом или переправой через реку Евфрат вблизи него, на широте около 35° 40' с. ш.[62] Река, когда прибыли киреевцы, имела четыре стадия, или чуть меньше половины английской мили, в ширину.

Кир оставался в Фапсакусе пять дней. Теперь он был вынужден официально объявить своим солдатам истинную цель похода, до сих пор, по крайней мере, замаскированную. Он послал за греческими генералами и попросил их публично сообщить о том, что он движется на Вавилон против своего брата, - что, вероятно, было известно и им самим в течение некоторого времени. Среди солдат, однако, первое сообщение вызвало громкий ропот, сопровождаемый обвинениями в адрес генералов в том, что они предали их, вступив в связь с Киром. Но этот ропот сильно отличался от того яростного отвращения, которое они проявляли до этого в Тарсе. Очевидно, они подозревали и почти решились на настоящую правду, так что их жалоба вскоре превратилась в требование дать каждому по жертвованию, как только они достигнут Вавилона; столько же, сколько Кир дал своему греческому отряду, отправляясь туда раньше. Кир охотно пообещал им по пять мин на голову (около 19 фунтов 5 *шиллингов*), что равнялось более чем годовому жалованью по недавно

установленной ставке в полтора дарики в месяц. Кроме того, он обещал выплачивать им полное жалование до тех пор, пока они не будут отправлены обратно на ионическое побережье. Столь обширные предложения удовлетворили греков и послужили если не для устранения, то, по крайней мере, для сглаживания ужасов того неизвестного региона, по которому им предстояло пройти.

Но не успели греческие воины выразить свое формальное согласие, как Менон со своим отдельным подразделением уже был в воде и переправлялся. Ибо Менон побудил своих людей принять самостоятельное решение и исполнить его, прежде чем остальные дадут какой-либо ответ. "Поступив таким образом (сказал он), вы возложите на Кира особые обязательства и заслужите соответствующую награду. Если остальные последуют за тобой, он предположит, что они делают это потому, что ты подал пример. Если же, напротив, остальные откажутся, мы все будем вынуждены отступить: но он никогда не забудет, что вы, взятые по отдельности, сделали для него все, что могли". Такое нарушение единства и стремление к отдельной выгоде в то время, когда всем греческим солдатам было жизненно необходимо действовать в согласии друг с другом, было шагом, подходящим для эгоистичного и вероломного характера Менона. Однако он полностью оправдал свои надежды: Кир, узнав, что греческие войска действительно переправились, послал переводчика Глуса, чтобы выразить им свою горячую благодарность и заверить, что он никогда не забудет об этом обязательстве; в то же время он послал подпольно большие подарки отдельно Менону.[63] Сразу после этого он прошел со всей своей армией; ни один человек не был мокрым по грудь.

Что стало с Аброкомасом и его армией, и почему он не защитил этот проход, где Кир мог быть так легко арестован? Нам говорят, что он был там немного раньше и счел достаточным сжечь все суда в Фапсакусе, полагая, что захватчики не смогут перейти реку пешком. А Ксенофонт сообщает нам, что фапсакенцы утверждали, что Евфрат никогда не переходил вброд - всегда переправлялись на лодках; они рассматривали фактическое низкое состояние воды как провиденциальное вмешательство богов в пользу Кира: "Река освободила ему путь, чтобы он пришел и взял скипетр". Когда мы узнаем, что Аброком пришел слишком поздно для битвы при Кунаксе, мы будем вынуждены подозревать, что и он, подобно Сиеннесу в Киликии, вел двойную игру между двумя царственными братьями и что он довольствовался уничтожением тех судов, которые составляли обычное средство сообщения между берегами, не предпринимая никаких мер, чтобы узнать, возможен ли проход без них. Утверждение Фапсакенов, если оно не было простой лестью Киру, вряд ли могло иметь под собой какое-либо другое основание, кроме того факта, что они никогда не видели, чтобы реку переходили пешком (независимо от того, практично это или нет), пока существовали регулярные паромные суда.[64]

Переправившись через Евфрат, Кир в течение девяти дней марша[65] на юг вдоль его левого берега, пока не подошел к его притоку, реке Аракс или Чаборас, которая отделяла Сирию от Аравии. В многочисленных и хорошо снабженных деревнях, расположенных там, он запасся большим количеством провизии, чтобы противостоять пустынному походу через Аравию, в который они должны были вступить, следуя по берегу Евфрата еще дальше на юг. Именно сейчас он вступил в то, что можно назвать пустыней, - бесконечную полосу или череду волнистых участков, "как море", без какой-либо культуры или даже деревьев; ничего, кроме полыни и различных ароматических кустарников.[66] Здесь же изумленные греки впервые увидели диких ослов, антилоп, страусов, дроф, некоторые из которых служили спортом, а иногда и пищей для всадников, развлекавшихся погоней за ними; хотя дикий осел был

быстрее любой лошади, а страус - совершенно неприступным. Пять дней марша привели их в Корсотэ, город, покинутый его жителями, - вероятно, оставив торговцев провизией, как это уже случалось в Тарсе, в Киликии;[67] поскольку армия здесь пополнила свои запасы для дальнейшего похода. Все, что они смогли раздобыть, было необходимо, и этого оказалось недостаточно для предстоящего им тяжелого путешествия. Тринадцать дней подряд и девяносто исчисленных парасангов они шли вдоль левого берега Евфрата без провизии и даже без травы, за исключением нескольких мест. Мука была на исходе, так что несколько дней солдаты жили исключительно на мясе, а многие животные из поклажи погибли от голода. Кроме того, земля часто была тяжелой и трудной, с холмами и узкими долинами, что требовало личных усилий каждого человека, чтобы толкать повозки в определенных местах; усилия, в которых персидские придворные Кира, по его прямому приказу, принимали ревностное участие, работая в грязи в своих украшенных нарядах.[68] После этих тринадцати дней лишений они достигли Пилеи; недалеко от входа в возделанную территорию Вавилонии, где они, по-видимому, остановились на пять или шесть дней, чтобы отдохнуть и освежиться. [69] На противоположном берегу реки, в этом месте или рядом с ним, находился процветающий город Хармандек, куда многие из солдат перебрались (с помощью шкур, набитых сеном) и получили обильные припасы, особенно финиковое вино и просо.[70]

Именно во время этого привала напротив Чармандека среди самих греков произошел спор, угрожавший всеобщей безопасности. Я уже упоминал, что Клеарх, Менон, Проксен и каждый из греческих вождей имели отдельное командование над своим подразделением, подчиняясь только высшему контролю самого Кира. Некоторые из воинов Менона поссорились с воинами Клеарха, последний разобрался в деле, объявил одного из воинов Менона провинившимся и велел выпороть его. Товарищи наказанного до такой степени возмутились, что когда Клеарх ехал с берега реки к своей палатке, сопровождаемый лишь несколькими последователями, через лагерь Менона, один из воинов, рубивший дрова, метнул в него топор, а другие закричали и стали забрасывать его камнями. Клеарх, избежав опасности для своего подразделения, немедленно приказал своим солдатам взять оружие и привести себя в боевой порядок. Сам он во главе своих фракийских пельтастов и сорока всадников выступил против подразделения Менона; те, в свою очередь, побежали к оружию с самим Меноном во главе и расположились в порядке обороны. Небольшая случайность могла бы привести к непоправимому беспорядку и кровопролитию, если бы Проксен, подошедший в этот момент с ротой своих гоплитов, не расположился в военном строю между двумя спорящими сторонами, и не попросил Клеарха воздержаться от дальнейшего нападения. Тот сначала отказался. Возмущенный тем, что к его недавнему оскорблению и спасению от смерти отнеслись так легкомысленно, он попросил Проксена удалиться. Его гнев не утихал до тех пор, пока сам Кир, осознав серьезность опасности, не примчался галопом со своими личными помощниками и двумя копьями в руках. "Клеарх, Проксен и все вы, греки (сказал он), не ведаете, что творите. Будьте уверены, что если вы сейчас сойдетесь в схватке, то наступит час моей гибели, а вскоре после меня и вашей. Ведь если *ваша* сила будет уничтожена, все эти туземцы, которых вы видите вокруг, станут более враждебны нам, чем те, кто сейчас служит у царя". Услышав это (говорит Ксенофонт), Клеарх опомнился, и войска разошлись без всякой стычки.[71]

После Пилеи началась территория, называемая Вавилонией. Холмы, окаймляющие Евфрат, через которые до сих пор проходила армия, вскоре закончились, и начались низкие аллювиальные равнины.[72] Теперь были обнаружены первые за весь долгий поход следы враждебного войска, двигавшегося впереди, опустошавшего страну и выжигавшего траву. Именно здесь Кир уличил в измене персидского вельможу по имени Оронт, которого он допрашивал в своем шатре, в присутствии различных персов, пользовавшихся его интимным

доверием, а также Клеарха с охраной из трех тысяч гоплитов. Оронт был допрошен, признан виновным и в частном порядке предан смерти.^[73]

После трехдневного марша, который Ксенофонт оценивает в двенадцать парасангов, Кир был побужден представленными ему доказательствами или сообщениями дезертиров поверить, что армия противника уже близко, и битва неминуема. Соответственно, в середине ночи он собрал всю свою армию, как греков, так и варваров, но враг не появился, как ожидалось. На этом месте его численность была подсчитана, и оказалось, что греков было десять тысяч четыреста гоплитов и две тысячи пятьсот пельтастов, а варваров или азиатских войск Кира - сто тысяч человек с двадцатью косыми колесницами. Во время похода численность греков несколько уменьшилась из-за болезней, дезертирства или других причин. По донесениям дезертиров, армия Артаксеркса насчитывала миллион двести тысяч человек, кроме шести тысяч конных гвардейцев под командованием Артагерса и двухсот косых колесниц под командованием Аброкомаса, Тиссаферна и еще двух человек. Однако впоследствии выяснилось, что силы Аброкомаса еще не присоединились, и в более поздних отчетах численность была завышена на одну четвертую.

В ожидании действий Кир созвал генералов, а также лохагов (или капитанов) греков, чтобы посоветоваться о подходящих мерах и стимулировать их рвение в его деле. Немногие моменты в этом повествовании более поразительны, чем язык, которым персидский принц обращается к грекам, как в этом, так и в других случаях.

"Я привел вас сюда не из-за недостатка сил, люди Эллады, а потому, что считаю вас лучше и храбрее любого количества туземцев. Докажите, что вы достойны той свободы, которой пользуетесь; той свободы, которой я завидую и которую, будьте уверены, предпочел бы всем своим владениям, тысячекратно умноженным. Узнайте от меня, хорошо знающего это, все, с чем вам придется столкнуться, - огромное количество людей и много шума; если же вы презираете это, то мне стыдно сказать вам, какое ничтожество вы найдете в этих туземцах. Ведите себя хорошо, как храбрецы, и поверьте, что я отправлю вас обратно в таком состоянии, чтобы ваши друзья дома вам завидовали; хотя я надеюсь убедить многих из вас предпочесть мою службу вашим собственным домам".

"Некоторые из нас замечают, Кир, (сказал саамский изгнанник по имени Гаулитес), что ты полон обещаний в этот час опасности, но забудешь их или, возможно, не сможешь выполнить, когда опасность минует. Что касается возможностей, (ответил Кир), то империя моего отца простирается на север до области нестерпимого холода, на юг - до области нестерпимой жары. Все, что находится посередине, сейчас распределено в сатрапиях между друзьями моего брата; все, если мы одержим победу, будет распределено между моими. Я не боюсь, что у меня не хватит денег, чтобы раздать, а боюсь, что у меня не хватит друзей, чтобы принять их от меня. Каждому из вас, греков, я, кроме того, подарю золотой венок".

Подобные заявления, повторенные Киром многим греческим воинам и распространенные среди остальных, вселили в них уверенность и энтузиазм в его дело. Ощущение силы и превосходства было настолько сильным, что Клеарх спросил его: "Неужели ты думаешь, Кир, что твой брат будет сражаться с тобой?... Да, клянусь Зевсом, (был ответ); конечно, если он сын Дария и Парисатиды и мой брат, я не выиграю этот приз без боя". Все греки в то же время убедительно просили его не выставять себя напоказ, а занять пост в тылу их корпуса.^[74] Вскоре мы увидим, как последовали этому совету.

Приведенные здесь заявления, а также выражения, использованные ранее во время спора между Клеархом и воинами Менона близ Шарманки, - будучи подлинными и достоверными, а

не драматическими сочинениями, как у Эсхила в "Персах", и не исторической амплификацией, как речи, приписываемые Ксерксу Геродотом, - являются одним из самых ценных свидетельств, касающихся эллинского характера в целом. Кир свидетельствует не только о превосходной храбрости и военной дисциплине греков по сравнению с трусостью азиатов, но и об их верности и чувстве долга, которые он противопоставляет вероломству последних;[75] связывает эти превосходные качества с политической свободой, которой они пользуются. Услышать, как этот молодой принц выражает такое сильное восхищение и зависть к греческой свободе, и такое горячее личное предпочтение ей перед всем великолепием своего собственного положения, - было, несомненно, самым лестным из всех комплиментов, которые он мог сделать слушающим гражданам-солдатам. То, что молодой персидский принц был способен на такие чувства, является несомненным доказательством его умственного возвышения над уровнем как своей семьи, так и своей нации. Естественное мнение персов выражено в разговоре между Ксерксом и Демаратом[76] у Геродота. Для Ксеркса концепция свободного гражданства и упорядоченного, самодостаточного мужества, насаждаемого общественной дисциплиной, патриотической и уравнилительной, была не просто отвратительна, но и непонятна. Он понимал только господина, отдающего приказы послушным подданным и побуждающего солдат к храбрости с помощью кнута. Его потомок Кир, напротив, путем личного наблюдения научился вникать в чувство личного достоинства, преобладавшее у окружавших его греков, основанное на убеждении, что они управляют сами собой и что нет человека, который имел бы над ними какие-то свои права, - что закон является их единственным господином и что, повинаясь ему, они работают не на кого иного, как на себя.[77] Кир знал, где затронуть чувство эллинской чести, так фатально угасшее после того, как греки потеряли свою политическую свободу от рук македонцев, и замененное на ту интеллектуальную быстроту в сочетании с моральным вырождением, которую Цицерон и его современники отмечают как характерную черту этих некогда высокородных сообществ.

Согласовав с генералами порядок сражения, Кир на следующий день двинулся вперед осторожным маршем, ожидая появления царских войск. Однако ничего подобного не было замечено, хотя следы их удаляющихся шагов были очевидны. Дневной поход (так называемые три парасанга) завершился без боя, и Кир призвал к себе амбракийского пророка Силана и вручил ему три тысячи дариков или десять аттических талантов. На одиннадцатый день Силан заверил его, что в течение десяти дней после этого не будет никаких действий, на что Кир сказал ему: "Если твое пророчество сбудется, я дам тебе три тысячи дариков. Мой брат вообще не будет воевать, если не начнет сражаться в течение десяти дней".[78]

Несмотря на свое твердое мнение, которое он высказал в ответ Клеарху, Кир теперь действительно начал думать, что его враги не рискнут сражаться; тем более что во время марша в последний день он подошел к широкой и глубокой траншее (тридцать футов шириной и восемнадцать футов глубиной), подходившей так близко к Евфрату, что для прохода оставался промежуток всего в двадцать футов. Эта траншея была вырыта по приказу Артаксеркса через равнину на протяжении, как говорят, двенадцати парасангов (около сорока двух английских миль, если считать парасанг за тридцать стадий), чтобы на другом ее конце коснуться того, что называлось стенами Меди. [79] Она была вырыта в качестве специальной меры защиты от приближающихся захватчиков. Однако мы с удивлением слышим, да и сами захватчики с не меньшим удивлением обнаружили, что на месте не было ни одного человека для защиты, так что вся кирейская армия с багажом прошла без сопротивления через узкий проход шириной в двадцать футов. Это первое упоминание о

каких-либо оборонительных мерах, предпринятых для отражения вторжения, за исключением предосторожности Аброкомаса, который сжег лодки в Фапсакусе. Киру позволили пересечь все это огромное пространство и пройти через столько удобных для обороны позиций, не нанеся при этом ни одного удара. И вот теперь Артаксеркс, прорубив ценой огромных трудов траншею - ценное средство сопротивления, особенно против греческих тяжеловооруженных солдат, - и занимая ее, казалось, до самого последнего момента, - бросает ее из какой-то безотчетной паники и позволяет целой армии беспрепятственно пройти через эту очень узкую щель. Преодолев неожиданно столь грозное препятствие, Кир, как и греки, вообразил, что Артаксерксу и в голову не придет сражаться на открытой равнине. Все начали расслабляться в том тщательном строю, который соблюдался с полуночного смотра, так что сам он отправился на колеснице, а не верхом, а многие греческие воины положили свое оружие на повозки или носильных животных.[80]

На следующий день, но через день после того, как они миновали незащищенный окоп, их застало врасплох место под названием Кунакса[81], как раз когда они собирались остановиться для полуденной трапезы и отдыха, внезапное сообщение о том, что царская армия приближается в боевом порядке по открытой равнине. Мгновенно Кир поспешил сесть на коня, вооружиться и привести свои силы в порядок, а греки со своей стороны остановились и со всей возможной быстротой выстроились в линию.[82] Они находились на правом крыле армии, примыкавшем к реке Евфрат; Арий с азиатскими войсками - на левом, а сам Кир, окруженный телохранителем из шестисот хорошо вооруженных персидских всадников, - в центре. Из греков Клеарх командовал правой дивизией гоплитов, а пафлагонские всадники и греческие пельтасты - крайней правой, ближе к реке; Проксен со своей дивизией стоял рядом; слева командовал Менон. Все персидские всадники вокруг Кира имели нагрудники, шлемы, короткие греческие мечи и по два копья в правой руке; лошади также были защищены щитками, как на груди, так и на голове. Сам Кир, вооруженный в целом так же, как и остальные, отличался тем, что вместо шлема у него была вертикальная диадема. Хотя первая весть застала их врасплох, у киреев было достаточно времени, чтобы привести себя в полный порядок; ведь враг появился только после полудня. Сначала показалась пыль, похожая на белое облако, затем - неопределенное темное пятно, постепенно приближавшееся, пока не заблестели доспехи и не стали различимы составные части войск, расположенные плотной массой. Слева, напротив греков, стоял Тиссаферн во главе персидских всадников с белыми кирасами; справа от него - персидские лучники с их геррами, или плетеными щитами, утыканными шипами так, что их можно было втыкать в землю, когда из-за них пускали стрелы; далее - египетская пехота с длинными деревянными щитами, закрывавшими все тело и ноги. Впереди всех ехала вереница колесниц с прикрепленными к колесам косами, предназначенными для начала атаки на греческую фалангу.[83]

Когда греки завершали выступление, Кир выехал вперед и приказал Клиарху вместе с греками напасть на центр врага, так как именно там должен был находиться царь собственной персоной, и если бы он был разбит, то победа была бы одержана. Но Артаксеркс настолько превосходил его числом, что его центр простирался дальше, чем левый фланг Кира. Поэтому Клиарх, боясь отвести правую руку от реки, чтобы не быть захваченным и во фланг, и в тыл, предпочел сохранить позицию справа - и просто ответил Киру, что все устроит к лучшему. Я уже отмечал[84], как часто страх быть атакованным с незащищенной стороны и с тыла заставлял греческого солдата совершать движения, не соответствующие военной целесообразности; и сейчас мы увидим, что Клеарх, слепо повинуясь этому привычному правилу предосторожности, совершил здесь капитальную

ошибку, держась на правом фланге, вопреки более благоразумным указаниям Кира.[85] Последний еще некоторое время медленно ехал перед строем, поочередно оглядывая обе армии, когда Ксенофонт, один из небольшого числа греческих всадников, прикомандированный к подразделению Проксена, выехал из строя и обратился к нему с вопросом, нет ли у него каких-нибудь распоряжений. Кир просил его объявить всем, что жертвоприношения благоприятны. Услышав ропот в греческих рядах, он спросил у Ксенофонта, в чем дело, и получил в ответ, что слово передается уже во второй раз. Он с некоторым удивлением спросил, кто дал это слово и что это такое? Ксенофонт ответил, что это "Зевс - хранитель и победитель". "Я принимаю это, - ответил Кир, - пусть это будет слово", и тут же ускакал на свой пост в центре, среди азиатов.

Огромное войско Артаксеркса, продвигаясь уверенно и без шума, было уже менее чем в полумиле от киреев, когда греческие войска подняли пэан, или обычный военный клич, и начали продвигаться вперед. По мере продвижения крики становились все громче, темп ускорялся, и наконец все тело перешло на бег.[86] Это могло бы оказаться неудачным, если бы их противниками были не греческие гоплиты; но персы не стали стоять, ожидая нападения. Они повернулись и бросились бежать, когда нападавшие были уже почти на расстоянии выстрела из лука. Их охватила такая паника, что даже погонщики косых колесниц впереди, бросив свои упряжки, бежали вместе с остальными, а лошади, предоставленные сами себе, разбегались во все стороны, одни поворачивали за беглецами, другие неслись на наступающих греков, которые открыто приказывали пропустить их. Таким образом, левая часть царской армии была разгромлена без единого удара и, кажется, без единого убитого с обеих сторон; один грек был ранен стрелой, а другой - тем, что не успел уйти с дороги одной из колесниц.[87] Исключение из этого всеобщего бегства составил один только Тиссаферн, который с конным корпусом, окружавшим его, находился на крайнем персидском левом фланге, недалеко от реки. Он атаковал греческих пельтастов, стоявших напротив него между гоплитами и рекой, и прорвался сквозь них. Эти пельтасты, которыми командовал Эпистен из Амфиполя, разомкнули ряды, чтобы пропустить его, бросаясь на скачущих мимо людей, но при этом не потеряв ни одного человека. Таким образом, Тиссаферн зашел в тыл грекам, которые продолжали преследовать бегущих персов.[88]

На других участках поля дела обстояли иначе. Артаксеркс, хотя и находился в центре своей армии, все же за счет своего превосходства в численности обошел Ариея, который командовал крайним левым отрядом киреев.[89] Не обнаружив никого прямого противника, он стал кружить вокруг правого крыла, чтобы охватить врагов, не замечая бегства своей левой части. Кир же, увидев легкую победу греков на своей стороне, был вне себя от радости и принимал от всех окружающих приветствия, как будто он уже царь. Тем не менее, у него хватило самообладания не броситься вперед, как будто победа уже одержана,[90] но остался неподвижным, со своим полком в шестьсот лошадей вокруг него, наблюдая за движениями Артаксеркса. Как только он увидел, что тот обходит свое правое подразделение, чтобы зайти в тыл киреям, он поспешил остановить это движение стремительным натиском на центр, где находился Артаксеркс лично, окруженный телохранителем из шести тысяч коней под командованием Артагеса. Атака Кира была столь стремительной, что он со своими шестью сотнями коней разбил и рассеял эту охрану, убив Артагеса собственной рукой. Его собственные шестьсот коней бросились вперед в погоню за беглецами, а сам Кир остался почти один, и вокруг него были лишь избранные, называемые его "спутниками по столу". Именно при этих обстоятельствах он впервые увидел своего брата Артаксеркса, чья персона была выставлена на всеобщее обозрение бегством телохранителей. Это зрелище вызвало в

нем такой пароксизм ярости и ревнивого честолюбия,[91] что он потерял всякую мысль о безопасности и благоразумии - воскликнул: "Я вижу этого человека" - и бросился вперед с горсткой своих спутников, чтобы напасть на Артаксеркса, несмотря на многочисленное войско, стоявшее позади него. Кир бросился прямо на брата, метнул копье с такой точностью, что попал ему в грудь и ранил через кирасу; впрочем, рана (впоследствии вылеченная греческим хирургом Ктесиасом) не могла быть очень тяжелой, поскольку Артаксеркс не покинул поле боя, а, напротив, вступил в личную схватку, он и окружающие его люди, с этой горсткой нападавших. Столь неравный бой продолжался недолго. Кир, тяжело раненный под глаз копьем одного из карийских воинов, был сброшен с коня и убит. Немногочисленные верные спутники, окружавшие его, погибли, защищая его. Артасиас, стоявший первым среди них по своему доверию и привязанности, увидев его смертельно раненным и упавшим, бросился к нему, сжал его в своих объятиях и в таком положении либо сам погиб, либо был зарублен по приказу царя.[92]

По приказу Артаксеркса голова и правая рука погибшего царевича были немедленно отрублены и, несомненно, выставлены на всеобщее обозрение. Это было объявлением для всех, что вся борьба окончена; так понял это и Арий, который вместе со всеми азиатскими войсками Кира покинул поле и бежал обратно в лагерь. Даже там они не стали защищаться, когда царь и его войска преследовали их, а бежали еще дальше, к месту ночного отдыха. Войска Артаксеркса вошли в лагерь и начали грабить его без сопротивления. В их власти оказался даже гарем Кира. В него входили две гречанки - свободные, хорошего рода и образования, одна из Фокеи, другая из Милета, насильно привезенные к нему от родителей в Сарды. Старшая из них, фокейская, по имени Мильто, отличавшаяся красотой и умом, была взята в плен и передана в гарем Артаксеркса; другая, более молодая, нашла средства спастись, хотя и без верхней одежды,[93] и укрылась среди греков, оставленных в лагере для охраны греческого багажа. Эти греки отразили нападение персов со значительным количеством жертв, сохранив свой багаж, а также всех, кто бежал к ним в поисках убежища. Но азиатский лагерь киреев был полностью разграблен, не считая тех резервных повозок с провизией, которые Кир выделил для того, чтобы его греческие помощники могли быть уверены в снабжении при любых обстоятельствах.[94]

В то время как Артаксеркс разделялся с киреевским лагерем, к нему присоединился Тиссаферн со своим конным отрядом, который прорвался между греческим отрядом и рекой. В это время между ним и Клиархом с греческой дивизией было расстояние не менее тридцати стадий или трех с половиной миль; настолько далеко продвинулся последний в погоне за персидскими беглецами. Узнав через некоторое время, что царские войска одержали победу слева и в центре и стали хозяевами в лагере, - но еще не зная о смерти Кира, - Клеарх двинулся назад и встретил возвращающиеся силы противника. Он опасался, что его окружают превосходящие силы, и поэтому занял позицию с тылом у реки. В таком положении Артаксеркс снова собрал свои войска впереди, чтобы напасть на него, но греки, предвидя его движение, сами первыми предприняли атаку и заставили персов обратиться в бегство еще в большем ужасе, чем прежде. Клеарх, избавленный от врагов, подождал немного, надеясь получить известия о Кире. Затем он вернулся в лагерь, который оказался лишенным всех запасов, так что греки были вынуждены провести ночь без ужина, в то время как большинство из них также не ужинали с раннего часа, в который началась битва.[95] Только на следующее утро они узнали через Проклеса (потомка спартанского царя Демарата, бывшего соратником Ксеркса во время вторжения в Грецию), что Кир был убит; новость, которая превратила их удовлетворение от собственного триумфа в печаль и ужас.[96]

Так закончилась битва при Кунаксе, а вместе с ней и честолюбивые надежды, и жизнь этого молодого принца. Его характер и действия наводят на поучительные размышления. Как во время этой экспедиции, так и в течение двух-трех лет правления в Малой Азии, которые предшествовали ей, он проявил такие качества, которые не встречаются ни у Кира Великого, ни у любого другого члена персидской царской семьи, ни вообще у любого другого персидского полководца за всю историю монархии. Мы наблюдаем широкую и дальновидную комбинацию, способность предвидеть трудности и заранее предусмотреть средства для их преодоления, ловкость в удовлетворении переменчивых потребностей и общении с различными партиями, греками или азиатами, офицерами или солдатами, убежденность в необходимости, не только покупать службу людей щедрыми подарками, но и завоевывать их доверие честными делами и систематической добросовестностью, - умение подавлять недовольство, когда того требовала политика, как в случае с дезертирством Ксении и Пасиона и первыми заговорами Оронта; Хотя обычно наказания, которые он выносил, были полны восточного варварства. Насколько редки были достоинства и достижения Кира как перса, лучше всего можно почувствовать, если сопоставить этот портрет Ксенофонта с описанием персидских сатрапов, сделанным Исократом.^[97] Ксенофонт отмечает, что от Артаксеркса до Кира дезертировало много человек - ни один, кроме Оронта, от Кира до Артаксеркса. Не только на протяжении всего похода, но даже в том, что касается способа ведения боя у Кунаксы, Кир рассудил правильнее, чем Клеарх. Два вопроса, имевших первостепенное значение для греков, заключались в том, чтобы позаботиться о личности Кира и нанести прямой удар по Артаксерксу с центральным подразделением вокруг него. По вине Клеарха, а не Кира, оба эти вопроса были упущены, и греки одержали лишь сравнительно незначительную победу справа. И все же, несмотря на такую ошибку, судя по всему, Кир одержал бы победу, если бы смог подавить тот страстный порыв антипатии, который, как безумный, гнал его против брата. То же самое ненасытное честолюбие и ревнивая свирепость, когда речь шла о власти, которые до этого заставили его предать смерти двух двоюродных братьев, потому что они в его присутствии отказались от акта почтения, которого никогда не оказывали, кроме как лично царю, - тот же самый импульс, обостренный фактическим видом брата-соперника и той постоянной силой братской антипатии, которая так часто встречается в царских семьях,^[98] ослепил его на мгновение, отбросив все рациональные расчеты.

Однако мы можем заметить, что у Эллады в целом не было причин сожалеть о падении Кира в Кунаксе. Если бы он сверг своего брата и стал царем, Персидская империя приобрела бы под его рукой такую силу, которая, вероятно, позволила бы ему предотвратить работу, которую впоследствии выполняли македонские цари, и сделать греков в Европе, а также в Азии своими зависимыми. Он использовал бы греческую военную организацию против греческой независимости, как это сделали Филипп и Александр после него. Его деньги позволили бы ему нанять подавляющее число греческих офицеров и солдат, которые (по выражению Проксена, записанному Ксенофонтом^[99]) считали бы его лучшим другом для себя, чем свою собственную страну. Это позволило бы ему также воспользоваться раздорами и продажностью в глубине каждого греческого города и таким образом ослабить их средства защиты, одновременно укрепляя свои собственные средства нападения. Это была политика, которую ни один из персидских царей, начиная с Дария, сына Гистаспеса, и заканчивая Дарием Кодоманом, не имел достаточно способностей и упорства, чтобы проводить ее в жизнь; никто из них не знал ни истинной ценности греческих инструментов, ни того, как их эффективно использовать. Все поведение Кира, связанное с этой памятной экспедицией, свидетельствует о превосходном интеллекте, способном использовать

ресурсы, которые победа дала бы ему в руки, и о честолюбии, способном использовать их против греков, чтобы отомстить за унижения Марафона, Саламины и Каллийского мира.

ГЛАВА LXX. ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ГРЕКОВ.

Первые победные чувства греческих войск в Кунаксе сменились, как только они узнали о смерти Кира, тревогой и печалью, сопровождавшимися безуспешными раскаяниями в том, что они с Клеархом соблазнили их на эту авантюру. Вероятно, и сам Клеарх раскаивался, и не без оснований, в том, что в своей манере ведения боя проявил так мало предусмотрительности и так мало внимания к предписаниям и безопасности Кира. Тем не менее он сохранил тон победителя на поле боя и после выражений скорби о судьбе молодого царевича пожелал, чтобы Прокл и Глус вернулись к Ариее с ответом, что греки на их стороне - победители без единого врага; что они собираются идти дальше против Артаксеркса; и что если Арий присоединится к ним, то они посадят его на трон, который предназначался Киру. Пока этот ответ передавал Ариее его друг Менон вместе с гонцами, греки, не имея хлеба, как могли, добывали себе пищу, убивая некоторых животных из поклажи и разжигая огонь, чтобы приготовить мясо из стрел, деревянных египетских щитов, выброшенных на поле, и телег с поклажей.^[100]

Не успел Арий получить ответ, как появились глашатаи, прибывшие от Артаксеркса; среди них были Фалин, грек из Закинфа, и греческий хирург Ктесий из Книда, состоявший на службе у персидского царя.^[101] Фалин, офицер, имевший некоторый военный опыт и пользовавшийся доверием Тиссаферна, обратился к греческим военачальникам, требуя от царя, поскольку он теперь победитель и убил Кира, сдать оружие и взывать к его милости. На этот призыв, крайне болезненный для греческого уха, Клеарх ответил, что у победителей не принято складывать оружие. Затем, отозванный для осмотра происходящего жертвоприношения, он оставил беседу другим офицерам, которые ответили на призыв Фалина категорическим отказом. "Если король считает себя достаточно сильным, чтобы безоговорочно требовать наше оружие, пусть придет и попытается его захватить". "Царь (ответил Фалин) думает, что ты в его власти, находясь посреди его территории, зажатый непроходимыми реками и окруженный бесчисленными подданными". "Наше оружие и наша доблесть - это все, что у нас осталось (ответил молодой афинянин); мы не будем настолько глупы, чтобы отдать тебе наше единственное оставшееся сокровище, но воспользуемся им, чтобы еще побороться за твое сокровище".^[102] Но хотя некоторые говорили в таком решительном тоне, нашлись и другие, склонные к переговорам; они заявили, что были верны Киру, пока он был жив, и теперь будут верны Артаксерксу, если ему понадобятся их услуги в Египте или где-либо еще. В разгар этого разговора вернулся Клеарх и попросил Фалина дать окончательный ответ от имени всех. Сначала он попросил совета у самого Фалина, апеллируя к общему чувству эллинского патриотизма и предвидя, что тот, не без оснований, будет поощрять греков держаться. "Если бы (ответил Фалин) я видел хоть один шанс из десяти тысяч в вашу пользу, в случае поединка с царем, я бы посоветовал вам отказаться от сдачи оружия. Но поскольку против согласия короля у вас нет никаких шансов на безопасность, я рекомендую вам искать ее в единственном месте, где она есть". Осознав ошибку, которую он допустил, задавая вопрос, Клеарх ответил: "Это *ваше* мнение; теперь

сообщите наш ответ: Мы думаем, что будем лучшими друзьями царя, если хотим быть его друзьями, - или более эффективными врагами, если хотим быть его врагами, - с нашим оружием, чем без него. ". Фалин, удаляясь, сказал, что царь объявил перемирие, пока они остаются на прежнем месте, но войну, если они двинутся вперед или назад. И Клеарх согласился с этим, не объявив, что он намерен делать.^[103]

Вскоре после отъезда Фалина вернулись посланцы, отправленные к Ариему, и сообщили его ответ, что персидские вельможи не потерпят никаких притязаний с его стороны на корону и что он намерен выехать рано утром на следующий день после возвращения; если греки желают сопровождать его, то они должны присоединиться к нему ночью. Вечером Клеарх, собрав генералов и лохагов (или капитанов лохий), сообщил им, что утреннее жертвоприношение было таким, что запрещало им идти против царя, - запрет, причину которого он теперь понял, узнав, что царь находится на другом берегу Тигра, а значит, вне пределов их досягаемости, - но что он благоприятен для воссоединения с Арием. Он отдал распоряжения о ночном марше назад вдоль Евфрата, к станции, где они провели последнюю ночь перед битвой. Остальные греческие полководцы, не выбрав Клеарха в качестве вождя, молчаливо согласились с его приказами, чувствуя его превосходство в решении и опыте в чрезвычайной ситуации, когда никто не знал, что предложить. Ночной марш был успешно завершен, и они присоединились к Ариему на предыдущей станции около полуночи; однако не обошлось без тревожного симптома: фракиец Милтокиф дезертировал к царю во главе трехсот сорока своих соотечественников, частично конных, частично пеших.

Первым делом греческие полководцы обменялись с Арием торжественными клятвами о взаимной верности и братстве. Согласно древней и впечатляющей практике, бык, волк, кабан и баран были зарезаны, и их кровь стекала в углубление щита, в который греческие генералы окунали меч, а Ариец со своими главными спутниками - копье.^[104] Последний, помимо обещания союза, обязался также добросовестно вести греков до азиатского побережья. Клеарх сразу же стал спрашивать, каким путем он собирается идти: возвращаться ли тем же путем, по которому они пришли, или каким-то другим. На это Арий ответил, что дорога, по которой они шли, нецелесообразна для отступления из-за полного отсутствия провизии в течение семнадцати дней пустыни; но что он намерен выбрать другую дорогу, которая, хотя и более длинная, будет достаточно продуктивной, чтобы обеспечить их провизией. Однако было необходимо (добавил он), чтобы первые два или три дня марша были очень длинными, чтобы они могли выйти из-под удара королевских войск, которые вряд ли смогут догнать их потом в значительном количестве.

Сейчас они прошли девятью три дня пути^[105] от Эфеса или девятью от Сард.^[106] Расстояние от Сард до Кунаксы, по словам полковника Чесни, составляет около двенадцатисот шестидесяти пяти географических миль, или четырнадцатисот шестидесяти четырех английских миль. По меньшей мере девятью шесть дней отдыха, проведенных в разных местах, так что общее количество прошедшего времени должно было составить, по крайней мере, сто восемьдесят девять дней, или чуть больше полугода;^[107] но, вероятно, оно было больше, поскольку некоторые интервалы отдыха не определяются количеством дней.

Как проследить их путь, стало проблемой, очевидно, неразрешимой. Что касается военной силы Персии в поле, то, действительно, не только легкая победа при Кунаксе, но еще более бесспорный поход на столь длинное пространство не оставляли им серьезных опасений.^[108] Несмотря на такую огромную территорию, население и богатство, им позволили пройти через самую труднообороняемую страну и перейти вброд широкий Евфрат без единого удара; более того, царь не побоялся защищать длинный ров, который он

специально вырыл для защиты Вавилонии. Но трудности, стоявшие между ними и их домами, были совсем иного характера. Как им было найти дорогу назад или добыть провизию, не взирая на многочисленную вражескую конницу, которая, даже в открытом бою, была бы очень грозной в противодействии их отступлению? Линия их восходящего марша была спланирована Киром и снабжена припасами; однако даже при таких преимуществах на одном из участков марша припасы оказались на грани срыва. Теперь им впервые пришлось думать и обеспечивать себя самостоятельно; не зная ни дорог, ни расстояний, не имея надежных проводников, не имея никого, кто мог бы снабжать или даже указывать на припасы, и имея враждебную территорию, пересеченную реками, через которые у них не было возможности переправиться. Сам Клеарх ничего не знал ни о стране, ни о какой-либо другой реке, кроме Евфрата; да и в глубине души он, похоже, не представлял себе, что отступление возможно без согласия царя.^[109] Читатель, который бросит взгляд на карту Азии и представит себе положение этой греческой дивизии на левом берегу Евфрата, недалеко от параллели широты 33° 30', вряд ли удивится какой-либо степени отчаяния как со стороны генерала, так и со стороны солдат. К этому следует добавить, что у Клеарха не было даже такой карты, а возможно, и вообще никакой карты, которая позволила бы ему определить свой курс.

В этой дилемме первым и самым естественным побуждением было посоветоваться с Ариеем, который (как уже говорилось) с полным основанием заявил, что возвращение той же дорогой неосуществимо, и пообещал провести их домой другой дорогой - более длинной, но лучше снабженной. На рассвете следующего утра они начали свой марш в восточном направлении, рассчитывая, что до ночи они достигнут некоторых деревень на территории Вавилонии, что и произошло;^[110] но не раньше, чем днем они были встревожены предполагаемым приближением некоторых вражеских лошадей и признаками того, что враг был недалеко, что побудило их замедлить свой марш для более осторожного расположения. Поэтому они не достигли первых деревень до наступления темноты; они тоже были разграблены врагом, когда он отступал перед ними, так что только первые прибывшие под командованием Клеарха смогли устроиться на ночлег, а последующие войска, подошедшие в темноте, разместились как попало, без всякого порядка. В течение всей ночи в лагере царили шум, споры и даже тревога. Никакой провизии достать не удалось. Рано утром Клеарх приказал им взяться за оружие и, желая показать беспочвенность тревоги, объявил глашатаю, что тот, кто донесет на того, кто в предыдущую ночь пустил в лагерь осла, будет вознагражден талантом серебра.^[111]

Каков был проект маршрута, задуманный Ариеем, мы не можем установить;^[112] поскольку он не получил дальнейшего продолжения. Неожиданное прибытие греков, как будто для нападения на врага, и даже шум и крики в лагере в течение ночи так напугали персидских командиров, что на следующее утро они послали глашатаев для заключения перемирия. Контраст между этим сообщением и надменным призывом предыдущего дня сложить оружие был ощутим греческими офицерами, и они поняли, что правильным способом борьбы с персами является смелое и агрессивное поведение. Когда Клеарху доложили о прибытии глашатаев, он сначала попросил их подождать на заставах, пока он не освободится; затем, приведя свои войска в наилучший порядок, поставив фалангу компактно со всех сторон на виду, а безоружных людей убрав с глаз долой, он попросил глашатаев впустить их. Он вышел к ним навстречу, собрав вокруг себя самых знатных и хорошо вооруженных воинов, и когда они сообщили ему, что прибыли от царя с поручением предложить перемирие и сообщить, на каких условиях греки согласятся на него, Клеарх резко ответил: "Хорошо, тогда иди и скажи царю, что первым нашим делом должна быть битва; ведь нам нечего есть, и никто не посмеет говорить с греками о перемирии, не

обеспечив их обедом". С этим ответом герольды ускакали, но очень быстро вернулись, давая понять, что король или его командир уже близко. Они сообщили, что король счел их ответ разумным и послал проводников, чтобы те проводили их до места, где они смогут получить провизию, если перемирие будет заключено.

После вынужденного промедления и колебаний, чтобы унять персов, Клеарх заключил перемирие и попросил, чтобы проводники провели армию в те кварталы, где можно получить провизию. Он тщательно следил за порядком во время марша, сам возглавляя тыловое охранение. Проводники провели их через множество канав и каналов, полных воды и прорытых с целью орошения; некоторые были настолько широки и глубоки, что их нельзя было пересечь без мостов. Армии пришлось сооружать мосты из уже поваленных или специально срубленных пальм. Это было хлопотное дело, за которым сам Клеарх следил с особой строгостью. Копье он держал в левой руке, а палку - в правой; с помощью последней он наказывал любого солдата, который казался ему нерадивым, и даже погружался в грязь и протягивал свои руки для помощи, где это было необходимо.^[113] Поскольку это был не обычный сезон орошения, он подозревал, что каналы были заполнены специально для того, чтобы запугать греков, внушив им трудности их предстоящего похода; и ему очень хотелось продемонстрировать персам, что эти трудности не больше, чем греческая энергия может легко преодолеть.

Вскоре они достигли некоторых деревень, указанных их проводниками для жилья и провизии; здесь они впервые увидели образец того беспрецедентного изобилия вавилонской территории, которое Геродот боится описывать с точностью до цифр. Большое количество кукурузы, финики не только в огромном количестве, но и такой красоты, свежести, размера и вкуса, какого ни один грек никогда не видел и не пробовал, так что фрукты, подобные тем, что ввозились в Грецию, не принимались во внимание и оставались для рабов, - вино и уксус, оба также изготавливаемые из финиковой пальмы: Это роскошь, которую красноречиво описывает Ксенофонт после недавнего периода скудного питания и тревожных опасений; не забывая также о головной боли, которую вызывала у него и других такая новая и сочная пища в неограниченном количестве.^[114]

После трех дней, проведенных в этих восстановительных покоех, их посетил Тиссаферн в сопровождении четырех персидских вельмож и свиты рабов. Сатрап начал переговоры с Клеархом и другими генералами. Говоря через переводчика, он заявил им, что близость его сатрапии к Греции внушает ему сильный интерес к кирейским грекам и заставляет его стремиться спасти их из нынешнего отчаянного положения; что он просил у царя разрешения спасти их в качестве личного вознаграждения за то, что первым предупредил его о замыслах Кира и был единственным персом, который не бежал перед греками при Кунаксе; Царь обещал рассмотреть этот вопрос, а пока послал его спросить у греков, с какой целью они поднялись, чтобы напасть на него; и он надеется, что греки дадут ему примирительный ответ, чтобы ему было не так трудно осуществить то, что он желает для их блага. На это Клеарх, предварительно посоветовавшись с другими офицерами, ответил, что войско собралось вместе и даже начало поход без всякой враждебной цели по отношению к царю; что Кир привел их в страну под ложным предлогом, но что они постыдились покинуть его посреди опасности, так как он всегда относился к ним великодушно; что, поскольку Кир теперь мертв, они не имеют намерений враждовать с царем, а лишь хотят вернуться домой; что они готовы отразить враждебность со всех сторон, но не менее быстро откликнутся на благосклонность или помощь. С этим ответом Тиссаферн удалился и вернулся на следующий день, сообщив, что получил разрешение царя на спасение греческой армии, хотя и не без сильного противодействия, поскольку многие персидские советники утверждали, что

недостойно царского достоинства спасать тех, кто напал на него. "Теперь я готов (сказал он) заключить с вами договор и обменяться клятвами; я обязуюсь безопасно провести вас обратно в Грецию, где страна будет дружелюбной, а на обычном рынке вы сможете купить провизию. С вашей стороны должно быть обязательство всегда платить за провизию и не наносить ущерба стране. Если я не предоставлю вам провизию для покупки, вы вправе брать ее там, где найдете". Греки были довольны таким соглашением, которое скрепили своими руками Клеарх, другие генералы и лохаги, с их стороны, и Тиссаферн с шурином царя - с другой. Затем Тиссаферн покинул их, сказав, что он вернется к царю, сделает приготовления и вернется, чтобы снова проводить греков домой, а сам отправится в свою сатрапию.^[115]

Заявления Ктесия, хотя и известны нам лишь косвенно и не должны приниматься без осторожности, дают основания полагать, что царица Парисатис решительно желала успеха своему сыну Киру в его борьбе за трон, - что первое сообщение, переданное ей о битве при Кунаксе, возвещавшее о победе Кира, наполнило ее радостью, которая сменилась горькой печалью, когда ей сообщили о его смерти, - что она подвергла страшным пыткам всех тех, кто, хотя и действовал в персидской армии и защищал Артаксеркса, принимал участие в смерти Кира, и что она проявила благосклонность к киреевским грекам.^[116] Кроме того, представляется вероятным, что ее влияние могло быть использовано для обеспечения им беспрепятственного отступления, не предвосхищая использование впоследствии Тиссаферном (как вскоре выяснится) настоящей конвенции. И с одной стороны, персидский царь был заинтересован в облегчении их отступления. Ведь то самое обстоятельство, которое затрудняло отступление, делало греков опасными для него и в их фактическом положении. Они находились в самом сердце Персидской империи, в семидесяти милях от Вавилона; в стране, не только изобилующей плодородием, но и чрезвычайно защищенной, особенно от конницы, благодаря множеству каналов, как заметил Геродот в отношении Нижнего Египта.^[117] И Клеарх мог бы сказать своим греческим солдатам, - то, что Ксенофонт впоследствии готовился сказать им в Кальпе на Эвксинском море, и то, что Никиас также утверждал несчастной афинской армии, которую он увел из Сиракуз^[118], - что где бы они ни сели, они достаточно многочисленны и хорошо организованы, чтобы сразу стать городом. Такое войско могло бы оказать действенную помощь и, возможно, побудить вавилонян сбросить персидское иго и освободиться от непомерной дани, которую они теперь платили сатрапу. По этим причинам советники Артаксеркса сочли выгодным переправить греков через Тигр из Вавилонии, чтобы исключить всякую возможность возвращения туда. Во всяком случае, это было главной целью соглашения. И тем более необходимо было примирить добрую волю греков, потому что через Тигр, похоже, был только один мост, и добраться до него можно было, только предложив им продвинуться значительно дальше вглубь Вавилонии.

Таково было состояние опасений и надежд обеих сторон в то время, когда Тиссаферн покинул греков, заключив свой договор. В течение двадцати дней они ожидали его возвращения, не получая от него никаких сообщений; киреевские персы под командованием Аридея расположились лагерем неподалеку от них. Такая длительная и необъяснимая задержка через несколько дней стала вызывать у греков сильное беспокойство; тем более что за это время Ариец получил несколько визитов от своих персидских родственников и дружеские послания от царя, обещавшие амнистию за его недавние заслуги перед Киrom. Последствия этих посланий болезненно ощущались в явной холодности поведения персидских войск по отношению к грекам. Нетерпеливые и подозрительные греческие солдаты внушили Клеарху свои опасения, что царь заключил недавний договор только для того, чтобы задержать их передвижение, пока не соберет большую армию и не перекроет более эффективно дороги против их возвращения. На это

Клеарх ответил: "Я знаю обо всем, что ты говоришь. Но если мы сейчас разобьем наши палатки, это будет нарушением договора и объявлением войны. Никто не снабдит нас провизией, у нас не будет проводников; Арий немедленно покинет нас, и мы получим его войска как врагов, а не как друзей. Есть ли еще какая-нибудь река, через которую мы могли бы переправиться, я не знаю; но мы знаем, что Евфрат никогда нельзя будет перейти, если там будет враг, который будет нам противостоять. Нет у нас и конницы, в то время как конница - лучшая и самая многочисленная сила наших врагов. Если царь, имея все эти преимущества, действительно хочет нас уничтожить, то я не знаю, зачем ему лживо обмениваться всеми этими клятвами и торжественными обещаниями и тем самым делать свое собственное слово ничтожным в глазах как греков, так и варваров".^[119]

Такие слова Клеарха примечательны тем, что свидетельствуют о его полном отчаянии в сложившейся ситуации, что, безусловно, вполне естественно, если только не договориться с персами, а также о его незнании географии и страны, которую ему предстояло пересечь. Это чувство помогает объяснить его неосмотрительное доверие к Тиссаферну.

Однако через двадцать дней этот сатрап наконец вернулся с войском, готовым вернуться в Ионию, с царской дочерью, которую он только что получил в жены, и с другим вельможей по имени Оронкас. Тиссаферн возглавил поход, снабжая греческие войска припасами, а Арий со своим отрядом полностью отделился от греков и смешался с другими персами. Клиарх и греки следовали за ними, на расстоянии около трех миль в тылу, с отдельным проводником для себя; не без ревности и недоверия, иногда проявлявшихся в отдельных конфликтах, во время сбора дров или фуража, между ними и персами Ариея. После трех дней марша (то есть, по-видимому, трех дней, исчисляемых с момента начала отступления с Ариеем) они подошли к Медийской стене и прошли через нее,^[120] продолжая свой марш дальше по стране с другой или внутренней стороны. Она была сложена из кирпичей, скрепленных битумом, высотой в сто футов и шириной в двадцать футов; говорили, что она простирается на двадцать парасангов (или около семидесяти миль, если считать парасанг за тридцать стадий) и находится недалеко от Вавилона. Два дня дальнейшего марша, исчисляемые восемью парасангами, привели их к Тигру. За эти два дня они пересекли два больших корабельных канала, один из которых проходил по постоянному мосту, а другой - по временному, наведенному на семи лодках. Каналов такой величины, вероятно, было два среди четырех, которые, по словам Ксенофонта, выходили из реки Тигр, и каждый из них находился на расстоянии парасанга от другого. Они были шириной в сто футов и достаточно глубокими даже для тяжелых судов; они были распределены с помощью многочисленных мелких каналов и канав для орошения почвы; и, как говорят, они впадали в Евфрат; или, скорее, они заканчивались одним главным большим каналом, прорезанным прямо из Евфрата в Тигр, каждый из которых соединялся с этим большим каналом в разных точках его течения. Менее чем в двух милях от Тигра находился большой и многолюдный город Ситтакэ, возле которого греки разбили свой лагерь, на окраине прекрасного парка или густой рощи, полной всевозможных деревьев; в то время как персы все перешли Тигр по соседнему мосту.

Когда Проксен и Ксенофонт после ужина прогуливались перед лагерем, к ним подошел человек, который спрашивал первого на передовых постах. Этот человек сказал, что пришел с поручением от Ариея. Он посоветовал грекам быть начеку, так как в соседней роще затаились войска, чтобы напасть на них ночью, а также послать и занять мост через Тигр, так как Тиссаферн намеревался его разрушить, чтобы греки оказались без возможности спастись между рекой и каналом. Обсуждая эти сведения с Клеархом, который был сильно встревожен ими, один из присутствовавших молодых греков заметил, что эти два

обстоятельства противоречат друг другу; ведь если бы Тиссаферн намеревался напасть на греков ночью, он не стал бы разрушать мост, чтобы и не дать своим войскам на той стороне переправиться на помощь, и лишить тех, кто находится на этой стороне, возможности отступить, если они будут разбиты, - в то время как, если греки будут разбиты, у них не будет возможности спастись, независимо от того, сохранится мост или нет. Это замечание побудило Клеарха спросить у гонца, какова площадь земли между Тигром и каналом. Гонец ответил, что это огромная территория, включающая множество больших городов и деревень. Размышляя над этим сообщением, греческие офицеры пришли к выводу, что послание было уловкой Тиссаферна, чтобы напугать их и ускорить их переход через Тигр; под страхом того, что они могут задумать захватить или сломать мост и занять постоянную позицию в том месте, где они находились; это был остров, укрепленный с одной стороны Тигром, а с другой - пересекающимися каналами между Евфратом и Тигром.^[121] Такой остров был удобен для обороны, имел плодородную территорию с многочисленными земледельцами и мог служить убежищем и средством враждебности для всех врагов царя. Тиссаферн рассчитывал, что послание побудит греков встревожиться своим фактическим положением и переправиться через Тигр с минимальной задержкой. По крайней мере, именно так истолковали его действия греческие офицеры; истолкование весьма правдоподобное, поскольку, чтобы достичь моста через Тигр, он был вынужден привести греческие войска в положение, достаточно заманчивое для их удержания, - и поскольку он знал, что его собственные цели были чисто вероломными. Но греки, как офицеры, так и солдаты, были движимы лишь желанием добраться до дома. Они верили, хотя и не без сомнений, в обещание Тиссаферна проводить их, и ни на минуту не задумывались о том, чтобы занять постоянный пост на этом плодородном острове. Однако они не пренебрегли предосторожностью, отправив ночью караул к мосту через Тигр, который никто из врагов не осмелился атаковать. На следующее утро они перешли через него в полном составе, осторожно и недоверчиво, и оказались на восточном берегу Тигра, не только не подвергшись нападению, но даже не заметив ни одного перса, кроме Глуса, переводчика, и еще нескольких человек, наблюдавших за их передвижениями.

Переправившись по мосту, построенному на тридцати семи понтонах, греки продолжили свой поход на север по восточной стороне Тигра, в течение четырех дней, до реки Фискус; говорят, что она находится в двадцати парасангах.^[122] Ширина Фиска составляла сто футов, через него был перекинут мост, а рядом находился большой город Опис. Здесь, на границе Ассирии и Мидии, дорога из восточных областей в Вавилон соединялась с дорогой на север, по которой шли греки. Незаконнорожденный брат Артаксеркса был замечен во главе многочисленного войска, которое он вел из Суз и Экбатаны в качестве подкрепления царской армии. Это большое войско остановилось, чтобы посмотреть на проходящих мимо греков, и Клиарх приказал идти колонной по два в одну сторону, прилагая все усилия для поддержания отличного строя и не раз останавливаясь. Таким образом, армия так долго проходила мимо персов, что их численность казалась больше, чем на самом деле, даже им самим, а эффект, произведенный на персидских зрителей, был очень внушительным.^[123] Здесь закончилась Ассирия и началась Мидия. Они шли, все еще в северном направлении, в течение шести дней по почти незаселенной части Мидии, пока не пришли к нескольким процветающим деревням, составлявшим часть владений царицы Парисатис; вероятно, эти деревни, составлявшие столь заметное исключение из пустынного характера остального похода, были расположены на Малом Забе, впадающем в Тигр, который Ксенофонт должен был пересечь, хотя он и не упоминает о нем. В соответствии с порядком похода, оговоренным между греками и Тиссаферном, последний лишь снабжал первых провизией для закупки; но во время нынешнего привала он позволил грекам грабить деревни, которые были богаты и полны всевозможных продуктов питания, - но при этом не уводил рабов. Желание сатрапа

нанести оскорбление Киру, как своему личному врагу,[124] через Парисатис, таким образом, стало приговором к гибели для этих несчастных жителей. Еще пять дней марша, называемых двадцатью парасангами, привели их к берегам реки Забатус, или Большой Заб, которая впадает в Тигр возле города, ныне называемого Сенн. В течение первого из этих пяти дней они увидели на противоположном берегу Тигра большой город Кæнæ, откуда они получали провизию, переправляемую жителями на плотках, поддерживаемых надутыми шкурами.[125]

На берегу Великого Заба они остановились на три дня - дни серьезные и трагические. Находясь в состоянии недоверия с момента заключения договора с Тиссаферном, они следовали на протяжении всего похода с отдельными проводниками в тылу его армии, всегда держась в стороне от его лагеря. Во время стоянки на Забе произошло столько различных проявлений, усугубляющих недоверие, что казалось, между двумя лагерями вот-вот вспыхнут военные действия. Чтобы предотвратить эту опасность, Клеарх потребовал встречи с Тиссаферном, рассказал ему об угрожающем положении дел и настаивал на необходимости прийти к ясному пониманию. Он внушил сатрапу, что, помимо торжественных клятв, которыми они обменялись, у греков с их стороны не может быть никаких мотивов для ссоры с ним; что им есть на что надеяться в случае его дружбы и чего опасаться, вплоть до потери всякой возможности безопасного возвращения, в случае его враждебности; Что и Тиссаферн ничего не выиграет от их уничтожения, но, если захочет, найдет их лучшими и верными орудиями для своего собственного возвеличивания и для покорения мисийцев и писидийцев, - как это испытал Кир, пока был жив. В заключение своего протеста Клеарх попросил сообщить ему, какой злонамеренный репортер внушал Тиссаферну беспочвенные подозрения против греков.[126]

"Клеарх (отвечал сатрап), я рад слышать из твоих уст столь превосходный смысл. Ты верно замечаешь, что если бы ты задумал зло против меня, то оно отпрянуло бы на тебя самого. Я же, в свою очередь, докажу вам, что у вас нет причин не доверять ни королю, ни мне. Если бы мы захотели уничтожить вас, не было бы ничего проще. Для этого у нас есть огромные силы; есть широкие равнины, на которых вы погибли бы от голода, - кроме того, горы и реки, которые вы не смогли бы перейти без нашей помощи. Имея в руках средства уничтожить вас и тем не менее связав себя торжественной клятвой спасти вас, мы не будем настолько глупцами и рыцарями, чтобы попытаться сделать это сейчас, когда навлечем на себя справедливое негодование богов. Это моя особая привязанность к моим соседям, грекам, и желание привязать к себе узами благодарности греческих воинов Кира, которые побуждают меня стремиться провести вас в Ионию в безопасности. Ибо я знаю, что, когда ты будешь у меня на службе, хотя царь - единственный человек, который может носить свою диадему прямо *на голове*, я смогу носить свою прямо *на сердце*, в полной гордости и уверенности".[127]

Эти заверения произвели на Клеарха столь сильное впечатление, что он воскликнул: "Конечно, эти доносчики заслуживают самого сурового наказания, которые пытаются нас враждовать, когда мы такие хорошие друзья друг другу и имеем столько оснований быть таковыми". "Да (ответил Тиссаферн), они заслуживают не меньшего; и если ты с другими генералами и лохагами придешь завтра в мой шатер, я скажу тебе, кто эти клеветники". "Конечно, приду (ответил Клеарх) и приведу с собой других генералов. Тогда же я расскажу тебе, кто те, кто пытается настроить нас против тебя". На этом разговор закончился, сатрап задержал Клеарха на обед и обращался с ним самым радушным и доверительным образом.

На следующее утро Клеарх сообщил о случившемся грекам, настаивая на необходимости, чтобы все генералы отправились в Тиссаферн по его приглашению, чтобы восстановить доверие, которое поколебали недостойные клеветники, и наказать тех из клеветников, которые могли быть греками. Он так решительно заверил себя в добросовестности и филэллинской склонности сатрапа, что отклонил возражения многих солдат, которые, продолжая питать прежние подозрения, особенно убеждали его в крайней неосмотрительности передачи всех генералов сразу во власть Тиссаферна. Настойчивость Клеарха взяла верх. Он сам с четырьмя другими генералами - Проксеном, Меноном, Агиасом и Сократом - и двадцатью лохагами, или капитанами, отправился к сатрапу в его палатку; около двухсот солдат пошли с ними, чтобы сделать покупки на свой счет на персидском рынке.[128]

Достигнув покоев Тиссаферна, удаленных от греческого лагеря почти на три мили, пять генералов были пропущены внутрь, а лохаги остались у входа. Пурпурный флаг, водруженный на вершине шатра, слишком поздно выдал цель, с которой их пригласили прийти. Лохаги и сопровождавшие их греческие воины были застигнуты врасплох и перебиты, а находившихся внутри полководцев задержали, заковали в цепи и в качестве пленников доставили к персидскому двору. Здесь Клеарх, Проксен, Агиас и Сократ были обезглавлены после недолгого заключения. Царица Парисатис, действительно, из привязанности к Киру, не только предоставила много удобств Клеарху в тюрьме руками своего хирурга Ктесия, но и использовала все свое влияние на своего сына Артаксеркса, чтобы спасти ему жизнь; хотя ее усилиям в этом случае противодействовало превосходящее влияние царицы Статирь, его жены. Соперничество между этими двумя царственными женщинами, несомненно, вызванное многими другими обстоятельствами, помимо смерти Клеарха, вскоре стало настолько яростным, что Парисатис отравила Статиру.[129]

Менон не был предан смерти вместе с другими полководцами. Похоже, что при персидском дворе ему приписывали заслуги в измене, когда он заманил своих коллег в руки Тиссаферна. Но его жизнь была продлена лишь для того, чтобы через год погибнуть в позоре и пытках, - вероятно, по требованию Парисатиды, которая таким образом отомстила за смерть Клеарха. Царица-мать всегда имела достаточно власти, чтобы совершать жестокости, но не всегда могла их предотвратить.[130] Она уже довела до плачевного конца всех, даже верных защитников Артаксеркса, причастных к смерти ее сына Кира.

Хотя Менон счел удобным, когда его привезли в Вавилон, похвастаться тем, что он был орудием, с помощью которого полководцев заманили в роковую палатку, к этому хвастовству не стоит относиться как к факту. Ибо Ксенофонт не только объясняет катастрофу иначе, но и в наброске Менона, столь мрачной и одиозной, как она есть, он не выдвигает никаких подобных обвинений; косвенно, более того, он отбрасывает их в сторону.[131] К несчастью для репутации Клеарха, нельзя найти разумного оправдания его легковерию, которое привело его самого, его коллег к столь печальному концу, а всю его армию - на грань гибели. Похоже, что общее настроение греческой армии, справедливо оценив характер Тиссаферна, было настроено на большую осмотрительность в обращении с ним. По этой системе до сих пор действовал и сам Клеарх; необходимость этого могла быть особенно очевидна для его ума, поскольку он служил с лакедемонским флотом в Милете в 411 году до н. э. и, следовательно, имел более полное, чем другие люди в армии, представление о реальном характере сатрапа.[132] Теперь же он внезапно поворачивает назад и на основании нескольких словесных заявлений ставит всех военачальников в самую беззащитную позу и в самую очевидную опасность, которую вряд ли могли оправдать самые сильные основания для доверия. Хотя замечание Макиавеля оправдано большим опытом, что из-за

недальновидности людей и их покорности сиюминутным порывам самый отъявленный обманщик всегда найдет новых людей, которые ему поверят, - все же такое заблуждение со стороны офицера в возрасте и с опытом трудно объяснить.^[133] Полиэн намекает, что красивые женщины, выставленные сатрапом на первом пиру только для Клеарха, послужили приманкой, чтобы привлечь его со всеми его коллегами на второй; Ксенофонт же объясняет ошибку продолжением ревнивого соперничества с Меноном. Последний,^[134] как выясняется, всегда был близок с Ариеем, и таким образом был введен в предыдущее общение с Тиссаферном, который был хорошо принят, а также поощрял его строить планы по отделению всей греческой армии от Клиарха, чтобы перевести ее всю под его (Менона) командование, на службу сатрапу. Так, по крайней мере, подозревал Клеарх; он, до крайности ревнивый к собственному военному авторитету, пытался сорвать этот замысел, еще выше претендуя на благосклонность Тиссаферна. Вообразив, что Менон и есть тот неизвестный клеветник, который настраивает сатрапа против него, он надеялся убедить сатрапа раскрыть его имя и отстранить от должности.^[135] Такая ревность, похоже, лишила Клеарха его обычного благоразумия. Мы должны допустить и другое впечатление, глубоко засевшее в его сознании: что спасение армии безнадежно без согласия Тиссаферна, и, следовательно, раз последний провел их до сих пор в безопасности, когда мог бы уничтожить их раньше, значит, его замыслы в основе своей не могли быть враждебными.^[136]

Несмотря на эти две большие ошибки - одна в данном случае, другая ранее, в битве при Кунаксе, когда греки держались справа, вопреки приказу Кира, - обе были совершены Клеархом, потеря этого офицера, несомненно, стала большим несчастьем для армии; в то время как удаление Менона, напротив, принесло большую пользу и, возможно, стало условием окончательной безопасности. Такой вероломный и беспринципный человек, каким Ксенофонт изображает Менона, вероятно, в конце концов действительно совершил бы по отношению к армии ту измену, которую он ложно приписал себе при персидском дворе в связи с захватом генералов.

Впечатление, которое произвел на Клеарха безнадежное положение греков в сердце персидской территории после смерти Кира, было совершенно естественным для военного человека, способного оценить все средства нападения и препятствия, которые враг мог использовать. Ничто так не объясняет эту экспедицию, как то, как эти средства были отброшены, - зрелище персидского бессилия. Во-первых, вся линия восходящего марша, включая проход через Евфрат, осталась без защиты; во-вторых, длинная траншея, прорытая через границу Вавилонии, с единственным проходом шириной в двадцать футов у Евфрата, оставленным без охраны; Наконец, линия Медийской стены и каналы, которые обеспечивали столь выгодное положение, чтобы не допустить греков на возделанную территорию Вавилонии, были проигнорированы подобным образом, и был заключен договор, по которому персы обязались безопасно проводить захватчиков до ионического побережья, начав с того, что провели их через сердце Вавилонии, среди каналов, обеспечивающих неприступную оборону, если бы греки решили занять позицию среди них. План Тиссаферна, насколько мы можем его понять, похоже, состоял в том, чтобы оттянуть греков на значительное расстояние от сердца Персидской империи, а затем открыть свои планы изменнической вражды, что неосторожность Клиарха позволила ему сделать на берегах Великого Заба, с такими шансами на успех, которые он вряд ли мог предположить. Здесь мы имеем свежий пример удивительного бессилия персов. Мы должны были ожидать, что, совершив столь вопиющий акт вероломства, Тиссаферн, по крайней мере, попытается обратить его в свою пользу; что он набросится со всеми своими силами и всей своей энергией на греческий лагерь в тот момент, когда он был неподготовлен, дезорганизован и

лишен командиров. Вместо этого, когда генералы (с теми, кто сопровождал их в персидский лагерь) были захвачены или убиты, не было предпринято ни одной атаки, кроме как небольшими отрядами персидской конницы на отдельных греков, отставших на равнине. Один из спутников генералов, аркадиец по имени Никарх, бежал раненый в греческий лагерь, где солдаты издали смотрели на всадников, рыскавших по равнине, не понимая, что они делают, и восклицали, что персы истребляют всех греков, как офицеров, так и солдат. Греческие воины тут же поспешили занять оборону, ожидая общего нападения на их лагерь; но персы приблизились не далее как на триста лошадей под командованием Аридея и Митридата (доверенных лиц покойного Кира), сопровождаемых братом Тиссаферна. Эти люди, приблизившись к греческим рядам как друзья, призвали греческих офицеров выйти вперед, так как у них было послание от царя. Соответственно, Клинон и Софенет с достаточной охраной вышли вперед в сопровождении Ксенофонта, которому не терпелось узнать новости о Проксене. Арий сообщил им, что Клеарх, уличенный в нарушении договора, которому он присягнул, был предан смерти; что Проксен и Менон, раскрывший его измену, находятся в большом почете в персидских кварталах. В заключение он сказал: "Царь призывает вас сдать оружие, которое теперь (по его словам) принадлежит ему, поскольку раньше оно принадлежало его рабу Киру".[137]

Предпринятый шаг, по-видимому, свидетельствует о вере персов в то, что теперь, когда генералы находятся в их власти, греческие солдаты стали беззащитными, и от них можно потребовать сдать оружие даже тем, кто только что был виновен в самом смертельном обмане и нанесении им увечий. Если Арий и предполагал такое, то его сразу же обманул язык Клинона и Ксенофонта, которые не слышали ничего, кроме возмущенных упреков; поэтому он вскоре удалился и оставил греков наедине с их собственными размышлениями.

Пока их лагерь оставался без охраны, каждый находившийся в нем человек был подвержен самым мучительным опасениям. Гибель казалась надвигающейся и неизбежной, хотя никто не мог сказать, в какой именно форме она наступит. Греки находились посреди враждебной страны, в десяти тысячах стадий от дома, окруженные врагами, заблокированные непроходимыми горами и реками, без проводников, без провизии, без конницы, которая помогла бы им отступить, без генералов, которые могли бы отдавать приказы. Всех охватило оцепенение от горя и осознанной беспомощности. Немногие пришли на вечерний сбор; немногие разожгли костры, чтобы приготовить ужин; каждый лег отдохнуть там, где был; но ни один человек не мог уснуть из-за страха, муки и тоски по родным, которых он больше никогда не увидит.[138]

Среди множества причин уныния, одолевавшего эту несчастную армию, не было ни одной более серьезной, чем тот факт, что ни один человек среди них не имел сейчас ни полномочий командовать, ни обязанности проявлять инициативу. Не было и амбициозного кандидата, способного добровольно заявить о своих притязаниях, в тот момент, когда должность сулила не только максимум трудностей, но и опасностей. Требовался новый, самовозгорающийся, светлый и самозарождающийся стимул, чтобы оживить угли приостановленных надежд и действий в парализованной на данный момент, но во всех отношениях способной к усилиям массе. И этот стимул, к счастью для армии, пал на того, в ком полная мера солдатской силы и мужества сочеталась с воспитанием афинянина, демократа и философа.

Ксенофонт (которому мы обязаны всем повествованием об экспедиции) описывает сон или вмешательство Онейра, посланного Зевсом, из которого исходил этот обновляющий импульс, в истинно гомеровском духе и на чем-то похожем на гомеровский языке.[139] Лежа в печали и беспокойстве, как и его товарищи, он ненадолго расслабился, и тут ему

приснилось, что он слышит гром и видит, как раскаленный громовой удар падает на его отчий дом, который сразу же охватывает пламя. Проснувшись, полный ужаса, он мгновенно вскочил на ноги; сон начал сочетаться с его бодрствующими мыслями и жестокой реальностью его положения. Его благочестивое и возбужденное воображение породило целый ряд теневых аналогий. Сон был послан Зевсом[140] царю, поскольку именно от него исходили гром и молния. С одной стороны, это был благоприятный знак - великий свет явился ему от Зевса посреди опасностей и страданий. Но с другой стороны, то, что дом оказался полностью охвачен пламенем, препятствующим выходу, вызывало тревогу, так как это указывало на то, что он останется в персидских владениях, не имея возможности преодолеть трудности, ограждающие его. Но каким бы сомнительным ни было обещание, оно все же было посланием Зевса, обращенным к нему самому и послужившим стимулом к тому, чтобы прорваться через общее оцепенение и взять инициативу в свои руки.[141]

"Почему я лежу здесь? Наступает ночь; на рассвете враг настигнет нас, и мы будем преданы мучительной смерти. Ни один человек не шевелится, чтобы принять меры к обороне. Почему я жду, пока кто-нибудь старше меня или кто-нибудь из другого города начнет?"

С этими размышлениями, интересными сами по себе и поданными с гомеровской живостью, он тут же отправился созвать лохагов, или капитанов, служивших под началом его покойного друга Проксена, и настойчиво внушил им необходимость выступить вперед, чтобы привести армию в состояние обороны. "Я не могу спать, господа, как, полагаю, и вы, в условиях нашей нынешней опасности. Враг настигнет нас на рассвете, готовый убить нас всех пытками, как своих злейших врагов. Со своей стороны, я радуюсь, что его наглое лжесвидетельство положило конец перемирию, в котором мы оказались в большом проигрыше; перемирию, по которому мы, помня о своих клятвах, прошли через все богатые владения короля, не тронув ничего, кроме того, что могли приобрести на свои скудные средства. Теперь у нас свободны руки; все эти богатые трофеи стоят между нами и им, как призы для того, кто лучше. Боги, наблюдающие за поединком, наверняка будут на стороне нас, сдержавших свои клятвы, несмотря на сильные искушения, против этих лжецов. Кроме того, наши тела более выносливы, а дух более галантен, чем у них. Их легче ранить и легче убить, чем нас, при той же благосклонности богов, что мы испытали на Кунаксе".

"Вероятно, и другие чувствуют то же, что и мы. Но давайте не будем ждать, пока кто-то другой придет к нам в качестве наблюдателей; давайте возьмем инициативу на себя и передадим стимул чести другим. Покажите себя сейчас лучшими среди лохагов, более достойными быть генералами, чем сами генералы. Начинайте немедленно, а я желаю лишь следовать за вами. Но если вы прикажете мне идти в первых рядах, я подчинюсь, не ссылаясь на свою молодость, считая себя вполне зрелым, когда речь идет о том, чтобы спасти себя от гибели".[142]

Все капитаны, слушавшие Ксенофонта, сердечно согласились с его предложением и пожелали, чтобы он взял на себя инициативу по его исполнению. Только один капитан - Аполлонид, говоривший на беотийском диалекте, - возражал против этого как против безумия; он подчеркивал их отчаянное положение и настаивал на подчинении царю как на единственном шансе на безопасность. "Как (ответил Ксенофонт)? Разве ты забыл, как вежливо обошлись с нами персы в Вавилонии, когда мы в ответ на их требование сдать оружие смело выступили вперед? Разве ты не видишь, какая несчастная участь постигла Клеарха, когда он безоружным вверил себя в их руки, полагаясь на их клятвы? И все же вы отмахиваете наши призывы к сопротивлению, снова советуя нам идти и просить о снисхождении! Друзья мои, такой грек, как этот человек, позорит не только свой город, но и

всю Грецию. Давайте изгоним его из наших советов, уволим и сделаем из него раба для перевозки багажа" - "Нет (заметил Агасий Стимфалу), этот человек не имеет ничего общего с Грецией; я сам видел его уши, скучающие, как у настоящего лидийца". Аполлонид был разжалован соответственно.[143]

Затем Ксенофонт вместе с остальными распределился по местам, чтобы собрать оставшихся в армии главных офицеров, которых собралось около ста человек. Старший полководец из предыдущей группы попросил Ксенофонта повторить перед этим большим числом те темы, на которых он настаивал до этого. Ксенофонт повиновался, еще более настойчиво рассказывая о ситуации, опасной, но не лишенной надежды, о надлежащих мерах, которые необходимо предпринять, и особенно о необходимости, чтобы они, оставшиеся главные офицеры, выдвинули себя на видное место, сначала определили эффективных командиров, а затем представили имена для утверждения армией, сопровождая их соответствующими увещеваниями и ободрениями. Его речь была встречена аплодисментами и одобрением, особенно со стороны лакедемонского полководца Хейрисофа, который присоединился к Киру с семью сотнями гоплитов в Иссе в Киликии. Хейрисоф призвал капитанов немедленно удалиться и договориться о других командирах вместо тех четырех, которые были захвачены; после этого необходимо созвать глашатая и без промедления собрать все войско. Вместо Клеарха был выбран Тимасион из Дардана, вместо Сократа - Ксантиклес, вместо Агиаса - Клинор, вместо Менона - Филесий, вместо Проксена - Ксенофонт.[144] Капитаны, служившие под началом каждого из ушедших генералов, отдельно выбирали себе преемника. Следует помнить, что пятеро избранных не были единственными генералами в лагере; так, например, Хейрисоф командовал своим отдельным подразделением, и, возможно, были еще один или два таких же. Но теперь необходимо было, чтобы все генералы образовали совет и действовали согласованно.

На рассвете новообразованный совет генералов расставил соответствующие аванпосты, а затем созвал армию на общий сбор, чтобы представить и утвердить новые назначения. Как только это было сделано, вероятно, по предложению Хейрисофа (который командовал до этого), этот генерал обратился к солдатам с несколькими словами увещевания и ободрения. За ним последовал Клинор, который с такой же краткостью выступил с серьезным протестом против вероломства Тиссаферна и Ариея. Оба они оставили Ксенофону задачу, в равной степени важную и трудную в этот момент уныния, - подробно изложить суть дела, возбудить чувства солдат до того уровня решимости, которого требовала чрезвычайная ситуация, и, прежде всего, погасить все те склонности к согласию на новые вероломные предложения врага, которые могли бы возникнуть в связи с опасностью положения.

Ксенофонт облачился в свой лучший военный костюм для этого своего первого официального появления перед армией, когда весы, казалось, дрожали между жизнью и смертью. Подхватив протест Клинора против вероломства персов, он заявил, что любая попытка вступить в соглашение или доверие с такими лжецами приведет к гибели, но если принять энергичное решение иметь с ними дело только на острие меча и наказывать их проступки, то можно надеяться на благосклонность богов и на окончательное спасение. Когда он произносил это последнее слово, один из солдат рядом с ним чихнул. Немедленно вся армия вокруг единодушно закричала привычное воззвание к Зевсу Хранителю, а Ксенофонт, подхватив происшествие, продолжал: "Поскольку, господа, это знамение от Зевса Хранителя появилось в тот момент, когда мы говорили о сохранении, давайте здесь поклянемся принести сохраняющую жертву этому богу и в то же время принести жертвы остальным богам, насколько сможем, в первой дружественной стране, которой мы сможем

достичь. Пусть каждый, кто согласен со мной, поднимет руку". Все подняли руки; затем все присоединились к клятве и прокричали пеан.

Это происшествие, так ловко использованное риторическим мастерством Ксенофонта, принесло огромную пользу, выведя армию из уныния, которое ее тяготило, и расположив ее прислушаться к его вдохновляющему призыву. Повторяя свои заверения в том, что боги на их стороне и враждебны их лживому врагу, он напомнил им о великих вторжениях в Грецию Дария и Ксеркса, о том, как огромные войска Персии были с позором отброшены. Армия показала себя на поле Кунакса достойной таких предков; и в будущем они будут еще смелее, зная по той битве, из какого материала сделаны персы. Что касается Аридея и его войска, предателей и трусов, то их дезертирство было скорее выгодой, чем потерей. Враг превосходил его всадниками; но люди на лошадях, в конце концов, были всего лишь людьми, наполовину занятыми страхом потерять свое место, - неспособными одержать верх над пехотой, твердо стоящей на земле, - и только лучше умеющими убегать. Теперь, когда сатрап отказался снабжать их провизией, они, со своей стороны, освободились от своего договора и могли брать провизию, не покупая ее. Что же касается рек, то их действительно трудно переходить на середине их течения; но армия должна была идти до их истоков, а затем могла пройти их, не омочив колен. Или же греки могли отказаться от мысли об отступлении и навсегда обосноваться в стране царя, бросив вызов всем его силам, подобно мисийцам и писидийцам. "Если (говорит Ксенофонт) мы расположимся здесь, в богатой стране, с этими высокими, статными и красивыми медянками и персиянками в качестве наших спутниц,^[145] - мы будем слишком готовы, подобно лотофагам, забыть дорогу домой. Сначала нам следует вернуться в Грецию и сказать нашим соотечественникам, что если они остаются бедными, то это их собственная вина, в то время как в этой стране есть богатые поселения, ожидающие всех, кто решит приехать, и у кого хватит смелости захватить их. Давайте сожжем наш багаж - повозки и палатки - и не будем брать с собой ничего, кроме самого необходимого. Прежде всего, давайте поддерживать порядок, дисциплину и повиновение командирам, от которых зависит вся наша надежда на безопасность. Пусть каждый пообещает протянуть руку помощи командирам в наказании непокорных; тем самым мы покажем врагу, что у нас десять тысяч таких людей, как Клеарх, а не один, которого они так вероломно захватили. Настало время действовать. Если кто-то, пусть даже малоизвестный, может предложить что-то лучшее, пусть выступит и изложит это; ведь у нас одна цель - общая безопасность".

Похоже, что никто больше не пожелал сказать ни слова, и речь Ксенофонта принесла безоговорочное удовлетворение; когда Хейрисоф поставил вопрос о том, чтобы собрание одобрило его рекомендации и окончательно избрало предложенных новых генералов, все подняли руки. Затем Ксенофонт постановил, что войско должно немедленно разделиться и отправиться к хорошо сохранившимся деревням, расположенным на расстоянии более двух миль; марш должен быть пологим, с багажом в центре; Хейрисоф, как лакедемонянин, должен возглавить фургон; Клинор и другие старшие офицеры должны командовать на каждом фланге, а он сам с Тимасионом, как два самых молодых генерала, должны возглавить арьергард.

Это предложение было сразу же принято, и собравшиеся разошлись, приступив к уничтожению или распределению между собой лишнего багажа каждого человека, а затем к утренней трапезе, предшествующей маршу.

Описанная сцена интересна и показательна не только с одной точки зрения.^[146] Она демонстрирует ту восприимчивость к влиянию убеждающих речей, которая составляла столь заметную черту греческого характера, - воскрешение коллективного тела из глубины

отчаяния под увещеваниями того, кто не имел ни установленного превосходства, ни чего-либо, что могло бы его рекомендовать, кроме его ума, ораторской силы и общности интересов с самим собой. Далее, это еще более ярко демонстрирует превосходство афинского воспитания по сравнению с воспитанием в других частях Греции. Хейрисоф не только занимал ранее должность одного из полководцев, но и был уроженцем Спарты, чье господство и имя в тот момент было всемогущим. Клианор был до этого не генералом, а лохагом, то есть офицером второго ранга; он был пожилым человеком и аркадянином, в то время как больше половины армии составляли аркадяне и ахейцы. Таким образом, любой из этих двоих, да и другие, пользовались своего рода прерогативой, или установленной отправной точкой, чтобы взять на себя инициативу в отношении удрученной армии. Но Ксенофонт был сравнительно молодым человеком, с небольшим военным опытом; он не был офицером ни первого, ни второго класса, а просто волонтером, товарищем Проксена; кроме того, он был уроженцем Афин, города, в то время непопулярного среди огромного количества греков, и особенно пелопоннесцев, с которыми недавно велась долгая война. Поэтому он не только не имел никаких преимуществ по сравнению с другими, но и находился в крайне невыгодном положении. У него не было ничего, кроме личных качеств и предыдущей подготовки; несмотря на это, мы видим его не только первопроходцем, но и восходящей личностью, для которой остальные освобождают место. В нем проявились те особенности Афин, о которых свидетельствуют не только обличения ее врагов, но и панегирики ее собственных граждан:[147] - спонтанный и стремительный порыв, как в замысле, так и в исполнении, - уверенность в обстоятельствах, заставлявших других отчаиваться, - убедительные речи и публичность дискуссий, подчиненные практическим делам, чтобы одновременно взывать к интеллекту и стимулировать активное рвение толпы. Такие особенности выделялись еще больше, если противопоставить их противоположным качествам спартанцев - недоверию в замыслах, медлительности в исполнении, скрытности в советах, молчаливому и пассивному повиновению. Хотя спартанцы и афиняне составляли две крайние точки шкалы, другие греки по этому показателю были ближе к первым, чем ко вторым.

Если даже в ту обнадеживающую осень, которая последовала сразу за великой афинской катастрофой в Сиракузах, инертность Спарты не могла быть приведена в движение без энергичных действий афинского Алкивиада, то тем более необходимо было в тех удручающих обстоятельствах, которые теперь омрачали неофициальную греческую армию, найти афинское лоно как источник новой жизни и импульса. Никто, вероятно, кроме афинянина, не почувствовал бы и не послушался бы побуждения выступить добровольцем в тот момент, когда были все мотивы отказаться от ответственности и не было особого долга, который бы побуждал его. Но если бы по случайности спартанец или аркадиец и оказался в таком положении, он был бы лишен тех талантов, которые позволили бы ему воздействовать на умы других[148] - той гибкости, находчивости, знакомства с нравами и движениями собравшейся толпы, умения навязывать основные взгляды и затрагивать подходящие аккорды, которые привило афинское демократическое обучение. Даже Брасидас и Гилипп, отдельные спартанцы с великолепными заслугами, равные Ксенофону или превосходящие его в военном искусстве, не смогли бы соединить с ним ту политическую и риторическую выдержку, которой требовало положение последнего. Как ни очевидна мудрость его предложений, каждое из них ему оставлено не только для подражания, но и для исполнения; Хейрисоф и Клианор, после нескольких вступительных слов, возлагают на него обязанность привести умы армии в надлежащее состояние. Насколько хорошо он справился с этой задачей, можно судить по его речи к армии, которая по своему общему тону удивительно напоминает речь Перикла, обращенную к афинскому народу на втором году войны, в тот момент, когда беды от эпидемии в сочетании с бедами от нашествия довели его почти до

отчаяния. В ней чувствуется преувеличенная уверенность и недооценка реальных опасностей, очень подходящая для данного случая, но которую ни Перикл, ни Ксенофонт не использовали бы в любой другой момент.^[149] На протяжении всей своей речи, и особенно в связи со случайным чихом, прервавшим ее начало, Ксенофонт демонстрировал то умение и практику в обращении с многочисленной аудиторией и в данной ситуации, которые присущи более или менее каждому образованному афинянину. Другие греки, лакедемоняне или аркадяне, могли действовать, храбро и слаженно; но афинянин Ксенофонт был одним из немногих, кто мог думать, говорить и действовать с одинаковой эффективностью.^[150] Именно это тройное достижение должен был поставить перед собой в качестве цели честолюбивый юноша в афинской демократии, и именно софисты, а также демократические институты, оба так трудно обесцениваемые, помогали и поощряли его к приобретению. Именно это тройное достижение, исключительное обладание которым, несмотря на постоянную ревность со стороны офицеров-беотийцев и товарищей Проксена,^[151] возвело Ксенофонта в ранг самого высокопоставленного лица в кирейской армии, начиная с настоящего момента и до момента ее распада, - как будет видно из последующей истории.

Я считаю необходимым обратить внимание на тот факт, что достижения, благодаря которым Ксенофонт внезапно достиг такого необычайного возвышения и оказал такую выдающуюся услугу своей армии, были достижениями, принадлежащими в особой степени афинской демократии и образованию, поскольку сам Ксенофонт на протяжении всех своих трудов относится к Афинам не просто без привязанности гражданина, но с чувствами, больше похожими на положительную антипатию изгнанника. Все его симпатии - в пользу вечных учений, механического послушания, тайных правительственных процедур, узкого и предписанного круга идей, молчаливого и почтительного поведения, методичных, хотя и запоздалых, действий Спарты. Какова бы ни была справедливость его предпочтений, несомненно, что качества, благодаря которым он сам смог внести столь значительный вклад как в спасение киреевской армии, так и в свою собственную репутацию, были афинскими в гораздо большей степени, чем спартанскими.

В то время как греческая армия, одоббив предложения Ксенофонта, принимала утреннюю трапезу перед началом похода, Митридат, один из персов, ранее примыкавших к Киру, появился с несколькими всадниками с миссией притворной дружбы. Но вскоре выяснилось, что цели его коварны, и что он прибыл лишь для того, чтобы склонить отдельных солдат к дезертирству, - с некоторыми из них ему это удалось. Поэтому было принято решение больше не принимать ни глашатаев, ни посланников.

Освободившись от лишнего багажа и освежившись, армия переправилась через реку Заб и продолжила свой марш по другой стороне, держа багаж и сопровождающих в центре, а Хеирисоф возглавил фургон с отборным отрядом из трехсот гоплитов.^[152] Поскольку о мосте не упоминается, мы должны предположить, что они перешли реку вброд, - на ней есть брод (по словам г-на Эйнсворта), который до сих пор часто используется, в месте между тридцатью и сорока милями от ее слияния с Тигром. Когда они немного продвинулись вперед, Митридат снова появился с несколькими сотнями конников и лучников. Он подошел к ним как друг, но как только оказался рядом, внезапно начал осыпать тыл ракетами. Больше всего нас удивляет, что персы с их многочисленными силами не попытались помешать им переправиться через столь значительную реку; ведь Ксенофонт оценивает ширину Заба в четыреста футов, а это, кажется, ниже утверждений современных путешественников, которые сообщают нам, что в ней не намного меньше воды, чем в Тигре; и хотя она обычно глубже и уже, но не может быть намного уже в любом месте, где можно перейти ее вброд.^[153] Следует помнить, что персы, обычно шедшие впереди греков, должны были

достичь реки первыми и, следовательно, владели переправой, будь то мост или брод. Несмотря на то что Тиссаферн был начеку, он не решился противостоять грекам даже в самой выгодной позиции и рискнул лишь послать Митридата преследовать их с тыла, что и было сделано с большим успехом. Лучники и дартеры греков, немногочисленные, в то же время уступали персам; когда Ксенофонт использовал свою тыловую охрану, гоплитов и пельтастов, чтобы атаковать и отразить их, он не только не смог догнать ни одного из них, но и сильно пострадал, возвращаясь назад, чтобы присоединиться к своему основному телу. Даже отступая, персидский всадник мог метко пустить стрелу или метнуть копье за спину; ловкость, которую парфяне впоследствии демонстрировали еще более ярко, и которую персидские всадники наших дней параллельно используют со своими карабинами. Это был первый опыт, который греки получили, маршируя под натиском конницы. Даже небольшой отряд Митридата сильно задержал их продвижение, так что они прошли не более двух миль и достигли деревни к вечеру, имея много раненых и сильно обескураженные.[154]

"Хвала небесам!" - сказал Ксенофонт вечером, когда Хейрисоф упрекнул его в неосмотрительности, что он бросил основную часть войска, чтобы настигнуть конницу, до которой он не мог добраться. "Слава небесам, что наши враги напали на нас лишь с небольшим отрядом, а не с огромным числом. Они преподали нам ценный урок, не причинив нам серьезного вреда". Воспользовавшись уроком, греческие вожди организовали ночью и во время привала следующего дня небольшой отряд из пятидесяти конников с двумя сотнями родосских пращей, чьи пращи, снаряженные свинцовыми пулями, и летели дальше, и били сильнее, чем те, которыми персы бросали большие камни. На следующее утро они выступили в путь еще до рассвета, поскольку на их пути лежал труднопроходимый овраг. Они нашли овраг необороняемым (в соответствии с обычной глупостью персов), но когда они прошли почти милю за ним, Митридат снова появился в погоне с телом из четырех тысяч всадников и дартеров. Уверенный в своих успехах предыдущего дня, он обещал с таким войском передать греков в руки сатрапа. Но последние теперь были подготовлены лучше. Как только он начал атаковать их, зазвучала труба, и сразу же всадники, пращники и дротики бросились на персов, поддерживаемые гоплитами с тыла. Удар был настолько эффективным, что персы в ужасе бежали, несмотря на свое численное превосходство, а овраг так затруднил их бегство, что многие из них были убиты, а восемнадцать взяты в плен. Греческие солдаты по собственному желанию изуродовали тела убитых, чтобы навести ужас на врага.[155] В конце дневного марша они достигли Тигра, недалеко от заброшенного города Ларисса, огромные, массивные и высокие кирпичные стены которого (двадцать пять футов в толщину, сто футов в высоту, семь миль в окружности) свидетельствовали о его былом величии. Недалеко от этого места находилась каменная пирамида, сто футов в ширину и двести футов в высоту; вершина ее была переполнена беглецами из окрестных деревень. Еще один день марша вверх по течению Тигра привел армию ко второму заброшенному городу под названием Меспила, расположенному почти напротив современного города Мосул. Хотя эти два города, которые, по-видимому, являлись продолжением или заменой некогда колоссальной Ниневии или Нинуса, были совершенно пустынные, но местность вокруг них была так хорошо обставлена деревьями и населением, что греки не только получили провизию, но и тетивы для изготовления новых луков, а также свинец для пуль, которыми были набиты пращи.[156]

На следующий день, двигаясь параллельно Тигру и поднимаясь вверх по течению, Тиссаферн вместе с другими грандами и многочисленным войском обошел греков с флангов и тыла. Несмотря на преимущество в численности, он не решился на настоящую атаку, но

поддерживал огонь стрел, дротиков и камней. Однако ему так хорошо отвечали недавно обученные лучники и пращники греков, что в целом они имели преимущество, несмотря на превосходящие размеры персидских луков, многие из которых были захвачены и эффективно использованы на греческой стороне. Проведя ночь в хорошо укрепленной деревне, они остановились там на следующий день, чтобы запастись провизией, а затем продолжали свой марш в течение четырех дней подряд по ровной местности, пока на пятый день не достигли холмистой местности с перспективой еще более высоких холмов за ней. Весь этот поход проходил под непрерывным натиском врага, так что, хотя порядок греков ни разу не был нарушен, значительное число их людей было ранено. Опыт научил их, что всей армии неудобно маршировать одним несгибаемым, неразделенным, полым квадратом; поэтому они сформировали шесть лохий или полков по сто человек в каждом, разделенных на роты по пятьдесят и энмотии или меньшие роты по двадцать пять человек, в каждой из которых был специальный офицер (в соответствии со спартанской практикой), чтобы двигаться отдельно на каждом фланге, и либо отступать, либо впадать, в зависимости от колебаний центральной массы, возникающих из-за препятствий на дороге или угроз со стороны врага.[157] Достигнув холмов, увидев возвышенную цитадель или дворец с несколькими деревнями вокруг него, греки ожидали некоторого ослабления персидской атаки. Но, перевалив через один холм, они собирались подняться на второй, когда с вершины его на них с неожиданной силой набросилась персидская конница, предводители которой, как видно, били по людям для атаки.[158] Этот натиск был настолько эффективным, что греческие легкие войска были с потерями загнаны внутрь и вынуждены укрыться в рядах гоплитов. После медленного и полного страданий марша они смогли добраться до своего ночного штаба, только отправив отряд, чтобы завладеть какой-нибудь землей над персами, которые таким образом опасались двойной атаки.

Деревни, которых они теперь достигли (по предположению г-на Эйнсворта, они находились в плодородной стране под современным городом Заху),[159] были необычайно богаты провизией; там были собраны запасы муки, ячменя и вина для персидского сатрапа. Они отдыхали здесь три дня, главным образом для того, чтобы ухаживать за многочисленными ранеными, для лечения которых были выделены восемь самых компетентных людей, которые должны были выполнять функции хирургов. На четвертый день они возобновили свой поход, спустившись на равнину. Но опыт подсказывал им, что продолжать поход под натиском конницы неосмотрительно, поэтому, когда появился Тиссаферн и начал их преследовать, они остановились у первой же деревни и, заняв позицию, легко отразили его. После полудня персидские нападавшие начали отходить, так как они всегда имели привычку занимать ночной пост на расстоянии около семи миль от греческой позиции; они очень опасались ночного нападения на свой лагерь, когда их лошади были привязаны за ноги и не имели ни седла, ни уздечки.[160] Как только они ушли, греки возобновили свой поход и за ночь так продвинулись вперед, что персы не догнали их ни на следующий день, ни через день.

Однако на следующий день персы, совершив ночью форсированный марш, были замечены не только впереди греков, но и заняли отрог высокой и обрывистой местности, нависающий над дорогой, по которой греки должны были спуститься на равнину. Когда Хейрисоф приблизился, он сразу же увидел, что спуск не представляется возможным перед лицом врага, расположившегося таким образом. Поэтому он остановился, послал за Ксенофонтom с тыла и потребовал, чтобы тот вывел вперед пельтастов. Но Ксенофонт, хотя и повиновался лично и пустил коня галопом, не счел разумным выводить пельтастов с тыла, так как увидел, что Тиссаферн с другой частью войска только что подошел; таким образом, греческая армия оказалась одновременно и заблокированной спереди, и под угрозой наступления врага сзади. Персы, расположившиеся на возвышенности впереди, не могли быть атакованы

напрямую. Но Ксенофонт заметил, что справа от греческой армии есть доступная горная вершина еще выше, с которой можно спуститься для фланговой атаки на персидскую позицию. Указав Хейрисофу на эту вершину, как на единственное средство сбить войска впереди, он призвал одного из них немедленно поспешить с отрядом, чтобы овладеть ею, и предложил Хейрисофу выбор: идти или остаться с войском. "Выбирай сам", - сказал Хейрисоф. "Что ж, тогда (сказал Ксенофонт), я пойду, поскольку я младший из двоих". Во главе отборного отряда из фургона и центра армии он немедленно начал фланговый марш по крутому подъему на эту высочайшую вершину. Как только враги увидели их цель, они также выдвинули войска со своей стороны, надеясь первыми добраться до вершины; и оба отряда были замечены одновременно, каждый из них изо всех сил старался опередить другого, подбадриваемый криками и шумом обеих армий соответственно.

Когда Ксенофонт ехал рядом со своими солдатами, подбадривая их и напоминая им, что их шанс увидеть свою страну и свои семьи зависит от успеха в предстоящем сражении, один из сикионских гоплитов по имени Сотеридас сказал ему: "Мы с тобой не в равных условиях, Ксенофонт. Ты на коне, а я с трудом поднимаюсь пешком, да еще и со щитом наперевес". Уязвленный этой насмешкой, Ксенофонт соскочил с коня, оттолкнул Сотеридаса с его места в строю, взял его щит и его место и начал маршировать вперед пешком вместе с остальными. Хотя его одновременно обременяли и щит гоплита, и тяжелый кираса всадника (который не имел щита), он, тем не менее, прилагал все свои силы, чтобы идти вперед под таким двойным бременем и продолжать подстрекать остальных. Но окружавшие его воины были так возмущены поступком Сотеридаса, что упрекали и даже били его, пока не заставили вернуть щит и место в строю. Тогда Ксенофонт снова сел на коня и взобрался на холм, насколько позволяла земля; но из-за крутизны верхней части ему пришлось снова сойти. Благодаря таким энергичным усилиям ему и его отряду удалось достичь вершины первыми. Как только враги увидели это, они отказались от восхождения и рассеялись во всех направлениях, оставив свободным путь для основной греческой армии, которую Хейрисоф благополучно вывел на равнину. Здесь к нему присоединился Ксенофонт, спустившийся с вершины. Все разместились в удобных кварталах, среди нескольких хорошо укомплектованных деревень на берегу Тигра. Кроме того, они получили дополнительную добычу - большие стада скота, перехваченные, когда их переправляли через реку; на противоположном берегу было замечено большое количество лошадей.[\[161\]](#)

Хотя здесь греков беспокоили лишь беспорядочные атаки персов, которые сожгли несколько деревень, расположенных на передовой линии их марша, они оказались в серьезном затруднении, куда направить свои шаги; ведь на их левом фланге протекал Тигр, настолько глубокий, что их копья не находили дна, а на правом - горы огромной высоты. Пока генералы и лохаги совещались, к ним подошел родосский солдат с предложением переправить всю армию на другой берег реки с помощью надутых шкур, которые в изобилии могли предоставить животные, имевшиеся в их распоряжении. Но эта хитроумная схема, сама по себе осуществимая, была отброшена видом персидской кавалерии на противоположном берегу; а поскольку деревни на их фронте были сожжены, армии не оставалось ничего другого, как вернуться на один день марша к тем местам, где они остановились раньше. Здесь генералы снова совещались, расспрашивая всех своих пленных о различных направлениях движения по стране. С юга была дорога, по которой они уже вышли из Вавилона и Мидии; на запад, в Лидию и Ионию, им преграждал путь Тигр; на восток (как им сообщили) был путь в Экбатаны и Сузы; На севере лежали суровые и негостеприимные горы кардухийцев - свирепых вольных людей, которые презирали Великого Царя и не поддавались на все его попытки покорить их; однажды они уничтожили персидскую армию в сто двадцать тысяч человек. Однако по другую сторону Кардукии лежала богатая персидская

сатрапия Армения, где Евфрат и Тигр можно было пересечь недалеко от их истоков и откуда можно было легко выбрать дальнейший путь в Грецию. Как и Мисия, Писидия и другие горные области, Кардукия была свободной территорией, окруженной со всех сторон владениями великого царя, который правил только в городах и на равнинах.[162]

Решив пробиваться через эти труднопроходимые горы в Армению, но воздерживаясь от публичного объявления, опасаясь, что перевалы будут заняты заранее, генералы немедленно пожертвовали собой, чтобы быть готовыми к разрыву в любой момент. Они начали свой марш чуть позже полуночи, так что вскоре после рассвета достигли первого из Кардучийских горных перевалов, который они нашли не защищенным. Хейрисоф с передовым отрядом и всеми легкими войсками поспешил взойти на перевал и, перевалив через первую гору, спустился на другую сторону к каким-то деревням в долине или закоулках под ней; Ксенофонт же с тяжеловооруженными и багажом следовал медленнее, не доходя до деревень до темноты, так как дорога была крутой и узкой. Кардучийцы, застигнутые врасплох, покинули деревни при приближении греков и укрылись в горах, оставив незванным гостям много провизии, удобные дома и, особенно, множество медных сосудов. Поначалу греки старались не причинять вреда, пытаясь пригласить туземцев к дружеской беседе. Но никто из них не хотел приближаться, и в конце концов необходимость заставила греков взять то, что было необходимо для подкрепления. Как раз когда Ксенофонт с тыловым отрядом возвращался ночью, несколько кардучийцев впервые напали на них; неожиданно и с большим успехом, так что если бы их было больше, могли бы произойти серьезные неприятности.[163]

На следующий день в горах было обнаружено множество костров, свидетельствующих о сопротивлении; это убедило греческих генералов, что они должны облегчить армию, чтобы обеспечить большую оперативность и большее количество свободных рук во время предстоящего похода. Поэтому они отдали приказ сжечь весь багаж, кроме самого необходимого, и уволить всех пленных, а сами расположились в узком проливе, через который должна была пройти армия, чтобы следить за исполнением своих указаний. Женщины, однако, которых было много в армии, не могли быть оставлены, и, похоже, значительный запас багажа все еще сохранялся;[164] также армия не могла продвигаться более чем медленно, из-за узости дороги и атаки кардучей, которые теперь были собраны в значительном количестве. Их атака возобновилась с удвоенной силой на следующий день, когда греки из-за нехватки провизии были вынуждены ускорить свой марш, хотя и в разгар страшной снежной бури. И Хейрисоф спереди, и Ксенофонт сзади были сильно потеснены кардучийскими пращниками и лучниками; последние, люди искусные, имели луки в три локтя длиной и стрелы более чем в два локтя, настолько прочные, что греки, когда брали их, могли метать их как копья. Эти лучники, среди пересеченной местности и узких тропинок, подходили так близко и натягивали лук с такой удивительной силой, упираясь одним концом в землю, что несколько греческих воинов были смертельно ранены даже через щит и корсет в поводах и через медный шлем в голову; среди них особенно отличились два человека, лакедемонянин по имени Клеоним и аркадянин по имени Басиас.[165] Заднее подразделение, более грубое в обращении, чем остальные, было вынуждено постоянно останавливаться, чтобы отразить врага, при всех трудностях местности, которые делали едва ли возможными действия против проворных горцев. Однако в один из случаев они попали в засаду, были отброшены назад с потерями и (что было еще более удачным) двое из них попали в плен.

Ксенофонт часто посылал сообщения, умоляя Хейрисофа замедлить марш фурунковой дивизии, но вместо того, чтобы послушаться, Хейрисоф только ускорял шаг, призывая Ксенофонта следовать за ним. Марш армии стал чуть лучше, чем бегство, так что заднее подразделение достигло места остановки в крайнем замешательстве; Ксенофонт принялся выговаривать Хейрисофу за то, что тот преждевременно спешит вперед и пренебрегает своими товарищами, стоящими позади. Но тот, указав на холм перед ними и крутой подъем на него, образующий их будущую линию марша, который был окружен многочисленными кардухийцами, защищался, говоря, что он поспешил вперед в надежде достичь этого перевала раньше врага, что, однако, ему не удалось.[166]

Дальнейшее продвижение по этой дороге представлялось безнадежным, однако проводники заявили, что другого пути нет. Тогда Ксенофонт вспомнил о двух пленниках, которых он только что захватил, и предложил допросить и их. Их допросили порознь, и первый из них, упорно отрицавший, несмотря на все угрозы, что существует какая-либо дорога, кроме той, что была перед ними, был предан смерти на глазах у второго пленника. Этот последний, будучи затем допрошен, дал более удобные сведения; он сказал, что знает другую дорогу, более извилистую, но более легкую и удобную даже для тягловых животных, по которой можно свернуть с прохода перед ними и занятого ими врага; но что есть одна особая высокая позиция, командующая дорогой, которой необходимо овладеть заранее врасплох, так как кардухийцы уже стояли там на страже. Две тысячи греков с проводником, связанным с ними, были посланы поздно вечером, чтобы захватить этот пост ночным маршем; Ксенофонт же, чтобы отвлечь внимание кардухийцев, находившихся впереди, сделал вид, будто собирается форсировать прямой проход. Как только его увидели пересекающим ущелье, ведущее к этой горе, кардухийцы на вершине тут же начали скатывать огромные массы камня, которые сковывали и заваливали проезжую часть, делая ее неприступной. Они продолжали это делать всю ночь, и греки слышали шум спускающихся масс еще долго после того, как вернулись в свой лагерь, чтобы поужинать и отдохнуть.[167]

Тем временем двухтысячный отряд, шедший окольной дорогой и достигший ночью возвышенности (хотя выше была еще одна, более выгодная), которую занимали кардухийцы, застал их врасплох и рассеял, проведя ночь у их костров. На рассвете, под прикрытием тумана, они бесшумно прокрались к позиции, занятой другими кардухийцами перед главным греческим войском. Приблизившись, они внезапно затрубили в трубы, громко закричали и начали атаку, которая оказалась полностью успешной. Защитники, захваченные неподготовленными, бежали без сопротивления и почти без потерь, благодаря своей активности и знанию местности; в то время как Хейрисоф и основные силы греков, услышав трубу, которая была заранее согласована как сигнал, бросились вперед и ворвались на высоту впереди; одни по обычной дороге, другие взбирались наверх, как могли, и подтягивали друг друга с помощью своих копий. Таким образом, два корпуса греков соединились на вершине, и дорога стала открыта для дальнейшего продвижения.

Ксенофонт же с тыловым охранением двинулся по окружной дороге, проложенной двумя тысячами, как наиболее удобной для багажных животных, которых он поставил в центре своей дивизии, - вся эта масса занимала большое пространство, так как дорога была очень узкой. За это время рассеянные кардухийцы воссоединились и вновь заняли две или три высокие вершины, возвышающиеся над дорогой, откуда их нужно было вытеснить. Войска Ксенофонта последовательно штурмовали эти три позиции, причем кардухийцы не решались вступать в ближний бой, но разрушительно использовали свои ракеты. На самой дальней из трех вершин была оставлена греческая стража, пока весь багаж не прошел мимо. Но кардухийцы внезапным и своевременным движением застали врасплох эту стражу, убили

двух из трех вождей с несколькими воинами, а остальных заставили прыгнуть с утесов, кто как мог, чтобы присоединиться к своим товарищам на дороге. Ободренные таким успехом, нападавшие приблизились к марширующей армии и заняли скалу напротив той высокой вершины, на которой находился Ксенофонт. Поскольку они находились на расстоянии вытянутой руки, он попытался вступить с ними в переговоры, чтобы получить назад тела убитых. На это требование кардукийцы сначала согласились, при условии, что их деревни не будут сожжены; но, обнаружив, что их численность с каждым мгновением увеличивается, они возобновили наступление. Когда Ксенофонт с войском начал спускаться с последней вершины, они толпой бросились вперед, чтобы занять ее; снова начали валить скальные массы и обрушивать на греков огонь ракет. Сам Ксенофонт оказался в некоторой опасности, будучи покинутым своим щитоносцем; но его спас аркадский гоплит по имени Эврилох, который прибежал, чтобы дать ему свой собственный щит в качестве защиты для обоих при отступлении.[168]

После столь мучительного и опасного марша тыловое подразделение, наконец, оказалось в безопасности среди своих товарищей в деревнях с хорошо укомплектованными домами и изобилием кукурузы и вина. Однако Ксенофонт и Хейрисоф так хотели получить тела убитых для погребения, что согласились купить их, отдав проводнику, и идти дальше без проводника - тяжелая жертва в этой незнакомой стране, свидетельствующая о том, что они очень беспокоились о погребении.[169]

Еще три дня они с трудом и боем пробирались по узким и труднопроходимым тропам Кардучианских гор, повсюду их преследовали эти грозные лучники и пращники, которых им приходилось сбивать с пути на каждом трудном повороте и против которых их собственные критские лучники были, конечно, не так хороши, но все же весьма полезны. Их семидневный поход через эту страну с ее свободными и воинственными жителями был днем величайшей усталости, страданий и опасностей, гораздо более невыносимых, чем все, что они испытали от Тиссаферна и персов. Они были очень рады снова увидеть равнину и оказаться у берегов реки Кентритес, которая отделяла эти горы от холмов и равнин Армении, - удобно расположиться в деревнях, с удовольствием обсуждая прошлые страдания.[170]

Опасения, связанные с нашествием кардухов, были таковы, что армянская сторона Кентритеса на протяжении пятнадцати миль была незаселена и лишена деревень.[171] Но о приближении греков стало известно Тирибазу, сатрапу Армении, и берега реки были усеяны его конницей и пехотой, чтобы воспрепятствовать их проходу; предосторожность, которую, если бы Тиссаферн принял в Великом Забе в тот момент, когда он вероломно захватил Клиарха и его коллег, греки вряд ли бы достигли северного берега этой реки. Перед лицом таких препятствий греки все же попытались перейти Кентритес, видя на другом берегу обычную дорогу. Но река была двести футов в ширину (только половина ширины Заба), выше их груди в глубину, чрезвычайно быстрая и с дном, усеянным скользкими камнями; так что они не могли держать свои щиты в правильном положении из-за силы потока, а если поднимали щиты над головой, то оказывались беззащитными перед стрелами сатрапов. После различных испытаний проход был признан неосуществимым, и они были вынуждены вновь расположиться лагерем на левом берегу. К своей большой тревоге они увидели, что кардухийцы собираются на холмах у них в тылу, так что их положение в течение этого дня и ночи казалось почти безвыходным. Ночью Ксенофонту приснился сон - первый, который он нам рассказал, после сна в страшную ночь после захвата генералов, - но в этот раз предзнаменование было более однозначно хорошим. Ему приснилось, что он закован в цепи, но цепи вдруг самопроизвольно спали; веря в это, он сказал Хейрисофу на рассвете,

что надеется на спасение; и когда генералы принесли жертву, жертвы сразу же оказались благоприятными. Когда войско принимало утреннюю пищу, к Ксенофону прибежали два молодых грека с радостной вестью, что они случайно нашли другой брод в полумиле вверх по реке, где вода не доходила даже до середины, а скалы так близко подступали к правому берегу, что вражеский конь не мог оказать никакого сопротивления. Ксенофонт, с восторгом приступив к трапезе, тут же вознес возлияния тем богам, которые ночью открыли ему сон, а потом этим юношам неожиданный брод; два откровения он приписал одним и тем же богам.[172]

Вскоре они двинулись в обычном порядке: Хейрисоф командовал фургоном, а Ксенофонт - тылом, вдоль реки к недавно обнаруженному броду; враги шли параллельно с ними по противоположному берегу. Достигнув брода, остановившись и закрепив оружие, Хейрисоф надел на голову венок, снова снял его, а затем снова взялся за оружие, приказав всем остальным последовать его примеру.[173] Затем каждый лохус (рота из ста человек) выстраивался в колонну или в одну шеренгу, с самим Хейрисофом в центре. Тем временем пророки приносили жертвы реке. Как только знамения были объявлены благоприятными, все воины закричали рæап, а все женщины присоединились к хору со своим женским криком. Хейрисоф во главе войска вошел в реку и начал переходить ее вброд, а Ксенофонт с большей частью тылового подразделения сделал вид, что спешит вернуться к первоначальному броду, как будто собирался попытаться пройти там. Это отвлекло внимание вражеских лошадей, которые, испугавшись, что их атакуют с двух сторон, галопом помчались охранять проход в другом месте и не оказали серьезного сопротивления Хейрисофу. Как только последний достиг другого берега и привел в порядок свое подразделение, он поднялся в атаку на армянскую пехоту, которая находилась на высоком берегу немного выше; но эта пехота, покинутая своей кавалерией, рассеялась, не дожидаясь его приближения. Горстка греческой конницы, прикрепленная к дивизии Хейрисофа, преследовала его и взяла несколько ценных трофеев.[174]

Как только Ксенофонт увидел, что его коллега успешно закрепился на противоположном берегу, он вернул свой отряд к броду, через который все еще переправлялись багаж и сопровождающие, и начал принимать меры предосторожности против кардукийцев на своей стороне, которые собирались в тылу. Ему с трудом удалось удержать тыловое подразделение, так как многие из них, несмотря на приказ, покинули свои ряды и отправились присматривать за своими хозяйками или багажом на переправе через воду.[175] Пельтастам и лучникам, которые перешли с Хейрисофом, но в которых тот теперь уже не нуждался, было приказано держаться наготове по обоим флангам переправляющейся армии и немного продвинуться в воду, в позе людей, собирающихся переправиться. Когда Ксенофонт остался только с уменьшенным арьергардом, а остальные переправились, кардукийцы бросились на него и начали стрелять и бить из пращи. Но внезапно греческие гоплиты атаковали их привычным пеаном, отчего кардукийцы обратились в бегство, не имея оружия для ближнего боя на равнине. При звуке трубы они бросились бежать еще быстрее; это был сигнал, согласно приказам Ксенофонта, чтобы греки приостановили атаку, повернули назад и как можно быстрее переправились через реку. Благодаря этому удачному маневру, переправа была совершена всей армией без особых потерь около середины дня.[176]

Теперь они оказались в Армении, стране с ровной, волнистой поверхностью, но очень высоко над уровнем моря, и очень холодной в то время, когда они вошли в нее, - в декабре. Хотя полоса земли, граничащая с Кардучией, не давала никаких запасов, один длинный

марш привел их в деревню, где было много провизии, а также резиденция сатрапа Тирибазуса; после этого, двумя дальнейшими маршами, они достигли реки Телебоас со многими деревнями на ее берегах. Здесь сам Тирибаз, явившись с отрядом конницы, послал своего переводчика с просьбой о совещании с вождями, которое состоялось, и было решено, что греки должны беспрепятственно пройти по его территории, взяв столько припасов, сколько им потребуется, - но не должны жечь или повреждать деревни. Соответственно, они продвигались вперед в течение трех дней, исчисляемых пятнадцатью парасангами, или тремя довольно полными днями марша; сатрап не проявлял никакой враждебности, хотя находился менее чем в двух милях от них. Затем они оказались среди нескольких деревень, где находились царские или сатрапские резиденции, с обильными запасами хлеба, мяса, вина и всевозможных овощей. Здесь, во время ночного бивуака, на них обрушился такой сильный снегопад, что генералы на следующий день распределили войска по отдельным кварталам среди деревень. Врага поблизости не наблюдалось, а снег, казалось, не позволял стремительно удивлять. Но ночью разведчики доложили, что в окрестностях виднеется множество костров и следов военных передвижений, так что генералы сочли благоразумным усыпить бдительность и снова собрали армию в один бивуак. Здесь ночью их настиг второй снегопад, еще более сильный, чем предыдущий; его хватило, чтобы накрыть спящих людей и их оружие, а также уморить скот. Однако люди лежали в тепле под снегом и не желали подниматься, пока сам Ксенофонт не подал пример, поднявшись и занявшись, без оружия, рубкой дров и разведением костра.^[177] Его примеру последовали и другие, и они нашли большое утешение в натирании себя свиным жиром, миндальным или кунжутным маслом, а также скипидаром. Выслав ловкого разведчика по имени Демократ, который захватил туземного пленника, они узнали, что Тирибаз вынашивает планы перехватить их на возвышенном горном перевале, лежащем дальше по их пути; тогда они немедленно отправились в путь и двумя днями форсированного марша, удивляя на своем пути лагерь Тирибазы, благополучно преодолели трудный перевал. Три дня дополнительного марша привели их к реке Евфрат,^[178] - то есть к восточному рукаву, который сейчас называется Мурад. Они нашли брод и перешли ее, причем вода не поднималась выше пупка; им сообщили, что истоки реки находятся недалеко.

Их четырехдневный поход по другой стороне Евфрата был крайне утомительным и тягостным; через равнину, покрытую глубоким снегом (местами глубиной в шесть футов), и временами перед лицом северного ветра, столь нестерпимо холодного и пронизывающего, что в конце концов один из пророков заявил о необходимости принести жертвы Борею; после чего (говорит Ксенофонт^[179]) сила ветра заметно ослабла, к общему удивлению. Многие из рабов и тягловых животных, а также несколько воинов погибли; у одних были обморожены ноги, другие ослепли от снега, третьи снова изнемогли от голода. Некоторые из этих несчастных были неизбежно оставлены; другие легли умирать у теплого источника, растопившего снег вокруг, от усталости и крайней нищеты, хотя враг был уже совсем близко. Ксенофонт, командовавший арьергардом, тщетно увещевал, молил и угрожал, чтобы заставить их двигаться вперед. Страдальцы, жалкие и неподвижные, в ответ лишь умоляли его убить их сразу. Армия была так сильно дезорганизована несчастьем, что мы слышим об одном случае, когда солдат, получивший приказ нести товарища-инвалида, ослушался приказа и собирался похоронить его заживо.^[180] Ксенофонт с громкими криками и стуком копья о щит, к которому присоединились даже измученные люди, выступил против преследующего врага. Ему посчастливилось отпугнуть их и заставить укрыться в соседнем лесу. Затем он оставил страдальцев лежать, заверив, что на следующий день к ним будет послана помощь, и пошел вперед, видя по всей линии марша измученных солдат, лежащих

на снегу без всякой защиты. Он и его арьергард, как и остальные, были вынуждены провести ночь без еды и огня, распределяя разведчиков так, как позволял случай. Тем временем Чейрисофус с отрядом фургонов вошел в деревню, к которой они добрались так неожиданно, что обнаружили женщин, набирающих воду из фонтана за стеной, а старосту деревни - в его доме внутри. Здесь они отдохнули и подкрепились, а на рассвете часть солдат была отправлена присматривать за тылом. Ксенофонт с восторгом увидел их приближение и отправил их обратно, чтобы они на руках принесли в соседнюю деревню тех измученных солдат, которые остались позади.[\[181\]](#)

Отдых был просто необходим после недавних страданий. Поблизости находилось несколько деревень, и генералы, решив, что разделять армию уже не опасно, разместили среди них различные подразделения согласно жребию. Поликрат, афинянин, один из капитанов в подразделении Ксенофонта, попросил у него разрешения сразу же отправиться и овладеть отведенной ему деревней, пока никто из жителей не успел сбежать. Вскоре он с несколькими самыми быстрыми воинами нагрянул в деревню и захватил старосту с его новобрачной дочерью и несколькими молодыми лошадьми, предназначенными в качестве дани для царя. Эта деревня, как и все остальные, состояла из вырытых в земле домов (как армянские деревни в наши дни), просторных внутри, но с узким устьем, как у колодца, в который можно попасть по спускающейся лестнице. Отдельный вход был вырыт для удобного прохода скота. Все они были обильно заполнены живым скотом всех видов, зимовавшим на сене, а также пшеницей, ячменем, овощами и чем-то вроде ячменного вина или пива в кадках, с зернами ячменя на поверхности. Рядом лежали тростинки или соломинки без единого сустава, через которые они высасывали жидкость.[\[182\]](#) Ксенофонт сделал все возможное, чтобы примирить старосту (который говорил по-персидски и с которым он общался через персо-греческого переводчика армии), пообещав ему, что ни один из его родственников не будет подвергнут жестокому обращению и что он получит полное вознаграждение, если выведет армию безопасно из страны в прилегающую к ней Халевскую область, которую он описал. В результате такого обращения староста был покорен, пообещал свою помощь и даже открыл грекам подземные погреба, где хранилось вино; Ксенофонт же, хотя и держал его под постоянным наблюдением, а своего малолетнего сына отдал в качестве заложника под присмотр Эпистена, продолжал относиться к нему с изумительным вниманием и добротой. В течение семи дней усталые солдаты находились в этих уютных покоях, освежаясь и восстанавливая силы. Их ждали туземные юноши, с которыми они общались с помощью знаков. Необыкновенное счастье, которым все они наслаждались после недавних страданий, запечатлено в живых подробностях Ксенофонтом; он оставил здесь свою измученную лошадь, а взамен взял молодых лошадей для себя и других офицеров.[\[183\]](#)

После этого недельного отдыха армия возобновила свой марш по снегу. Староста, чей дом они пополнили, как могли, сопровождал Хейрисофа в фургоне в качестве проводника, но не был посажен в цепи или под охраной; его сын остался в качестве заложника с Эписфеном, но другие его родственники были оставлены дома без охраны. Когда они шли три дня, не достигая ни одной деревни, Хейрисоф начал подозревать его в верности и даже вышел из себя, хотя тот утверждал, что на пути нет ни одной деревни, и избил его, не позаботившись о том, чтобы после этого заковать его в оковы. На следующую ночь этот староста сбежал, к неудовольствию Ксенофонта, который сурово упрекнул Хейрисофа сначала за суровость, а потом за пренебрежение. Это была единственная точка расхождения между ними (говорит Ксенофонт) во время всего похода; факт очень почетный для обоих, учитывая бесчисленные трудности, с которыми им пришлось бороться. Эписфен сохранил малолетнего сына старосты, донес его до дома в целостности и сохранности и очень привязался к нему.[\[184\]](#)

Обреченные на поход без проводника, они не могли сделать ничего лучшего, чем идти вверх по течению реки; и таким образом, из деревень, которые оказались столь ободряющими и восстанавливающими силы, они двинулись в семидневный поход по снегу вверх по реке Фазис; река не поддается проверке, но, конечно, не та, что обычно известна под этим названием греческим географам; она была сто футов в ширину.^[185] Еще два дня марша привели их от этой реки к подножию горного хребта, у перевала, занятого вооруженным отрядом халибов, даохов и фазиан.

Заметив, что враг овладел этой возвышенностью, Хейрисоф остановился, пока не подошло все войско, чтобы генералы могли посоветоваться. Клеанор начал с того, что посоветовал штурмовать перевал не медленнее, чем это необходимо для того, чтобы освежить солдат. Но Ксенофонт предложил, что гораздо лучше избежать гибели людей, которая при этом должна произойти, и развлечь врага притворным нападением, а ночью незаметно послать отряд, чтобы подняться на гору с другой стороны и переломить ситуацию. "Однако (продолжал он, обращаясь к Хейрисофу) украдкой напасть на врага - это скорее ваше ремесло, чем мое. Ибо я понимаю, что вы, полноправные граждане и пары Спарты, практикуете воровство с самого детства;^[186] и что воровать такие вещи, которые не запрещены законом, считается не только низменным, но даже почетным. А для того, чтобы вы могли воровать с наибольшим эффектом и старались делать это тайно, существует обычай пороть вас, если вы будете уличены. Итак, у вас есть прекрасная возможность продемонстрировать свою подготовку. Позаботьтесь о том, чтобы нас не уличили в краже горы, которая сейчас перед нами; ведь если нас обнаружат, мы будем здорово побиты".

"Что же касается этого (ответил Хейрисоф), то вы, афиняне, как я узнал, тоже большие мастера воровать государственные деньги, и это несмотря на огромную опасность для вора; более того, ваши самые могущественные люди воруют больше всех, - по крайней мере, если это самые могущественные люди среди вас, возведенные в ранг официальных командиров. Так что этот - время для вас продемонстрировать свою подготовку, равно как и для меня - свою".^[187]

Здесь мы имеем дело с обменом колкостями между двумя греческими офицерами, что является небезынтересным моментом в истории экспедиции. Замечание Хейрисофа особенно наглядно иллюстрирует то, что я отметил в предыдущей главе как верное как для Спарты, так и для Афин^[188], - готовность брать взятки, столь характерную для лиц, облеченных официальной властью; и готовность официальных афинян совершать подобные проступки, несмотря на серьезный риск наказания. Эта возможность наказания исходила как от обвиняющих ораторов, которых обычно называют демагогами, так и от народной судебной власти, к которой они обращались. Совместная работа тех и других значительно уменьшала зло, но не была способна его подавить. Но, согласно общепринятым представлениям об Афинах, нам внушают, что главным общественным злом было слишком большое право на обвинения и слишком много судебных разбирательств. Конечно, это не было концепцией Хейрисофа; и мы не найдем ее подтвержденной любой справедливой оценкой общих доказательств. Когда казнокрадство официальных лиц, несмотря на серьезные риски, было так известно, во что бы оно превратилось, если бы дверь была закрыта для обвиняющих демагогов, а многочисленные народные дикасты были заменены на нескольких избранных судей того же сорта и класса, что и сами чиновники?

Подтверждая свое предложение, Ксенофонт сообщил коллегам, что только что захватил нескольких проводников, устроив засаду для туземных грабителей, засевших в тылу, и что эти проводники сообщили ему, что гора не неприступна, а пасется козами и волами. Далее он предложил себя в качестве командира походного отряда. Но Хейрисоф отменил это

предложение, и лучшие из капитанов, Аристоним, Аристей и Никомах, предложили свои услуги и были приняты. Освежив солдат, генералы вместе с основной армией подошли к подножию перевала, и там устроили ночную стоянку, демонстрируя намерение штурмовать ее на следующее утро. Но как только стемнело, Аристоним со своим отрядом выступил в путь и, поднявшись на гору в другом месте, занял без сопротивления высокую позицию на фланге противника, который, однако, вскоре заметил их и выслал отряд для охраны с той стороны. На рассвете между этими двумя отрядами произошла стычка на высотах, в которой греки одержали полную победу, в то время как Хейрисоф шел вверх по перевалу, чтобы атаковать основной корпус. Его легкие войска, воодушевленные победой своих товарищей, поспешили в атаку быстрее, чем их гоплиты могли за ними угнаться. Но враги были настолько подавлены, увидев, что их разбили, что бежали почти без сопротивления. Хотя было убито всего несколько человек, многие бросили свои легкие плетеные или деревянные щиты, которые стали добычей завоевателей.[189]

Овладев перевалом, греки спустились на ровную землю по другую сторону, где оказались в нескольких деревнях, хорошо снабженных провизией и удобствами; это была первая деревня в стране таочи. Вероятно, они остановились здесь на несколько дней; ведь за последние девять дней похода они не видели ни одной деревни, где можно было бы отдохнуть или подкрепиться, с тех пор как покинули армянские селения, в которых они провели неделю, так хорошо восстановив силы, и которые, очевидно, снабдили их запасом провизии на дальнейший путь. Такая остановка дала время таочи перенести свои семьи и провизию в труднодоступные крепости, так что греки не нашли никаких припасов в течение пяти дней похода по этой территории. Провизия была полностью исчерпана, когда они добрались до одной из таких крепостей - скалы, на которой были видны семьи и скот таочи; без домов и укреплений, но почти окруженная рекой, так что оставался только один узкий подъем, неприступный из-за огромных камней, которые защитники бросали или скатывали с вершины. Путем хитроумного сочетания храбрости и хитрости, в котором некоторые из капитанов очень отличились, греки преодолели эту трудность и заняли высоту. Последовавшая затем сцена была ужасной. Даосские женщины схватили своих детей и бросили их в пропасть, а затем и сами головой вниз, за ними последовали мужчины. Почти каждая душа погибла, лишь немногие остались в живых и стали пленниками. Аркадский капитан по имени Инеас, увидев, что один из них, одетый в красивое платье, собирается броситься в пропасть вместе с остальными, схватил его, чтобы предотвратить это. Но тот в ответ крепко схватил его, подтащил к краю скалы и прыгнул вниз, погубив обоих. Хотя пленных почти не было, греки получили в изобилии волов, ослов и овец, что полностью обеспечило их потребности.[190]

Теперь они вступили на территорию халибов, через которую шли семь дней. Это были самые храбрые воины, которых они видели в Азии. Их снаряжение состояло из копья длиной в пятнадцать локтей, с заостренным концом, шлема, поножей, набивного корселета, килта или набедренной повязки, короткого меча, которым они отрубали голову убитому врагу, выставляя ее перед оставшимися в живых врагами с триумфальными танцами и песнями. Щитов они не носили, возможно, потому, что чрезмерная длина копья требовала постоянной работы обеими руками, однако они не гнушались иногда встретиться с греками в обычном бою. Так как всю свою провизию греки унесли в крепости на холмах, они не могли получить никаких припасов, а жили все время за счет скота, который приобрели у даоси. После семи дней марша и боев - Халебы постоянно нападали на их тыл - они достигли реки Харпасус (шириной чetyреста футов), где перешли на территорию Скитини. Похоже, что территория халибов была гористой, а территория скифинов - ровной, с деревнями, где они пробыли три дня, освежаясь и запасаясь провизией.[191]

Через четыре дня дальнейшего марша они добрались до достопримечательности, подобной которой не видели со времен Описа и Ситтаки на Тигре в Вавилонии, - большого и процветающего города под названием Гимниас, что свидетельствует о соседстве с морем, торговлей и цивилизацией. Вождь этого города принял их дружелюбно и предоставил им проводника, который обязался провести их через пять дней марша на холм, откуда открывался вид на море. Это был далеко не самый близкий путь к морю, так как вождь Гимний пожелал направить их через территорию соседей, к которым он относился враждебно; эту территорию, как только они ее достигнут, проводник пожелал сжечь и уничтожить. Однако обещание было выполнено, и на пятый день, пройдя, по-видимому, по территории Скитини, они достигли вершины горы под названием Техе, с которой было видно Эвксинское море.[192]

Оживленные крики солдат, составлявших охрану фургона, свидетельствовали о впечатляющем эффекте этого долгожданного зрелища, гарантировавшего, как казалось, их безопасность и возвращение домой. Для Ксенофонта и арьергарда, занятых отражением атаки туземцев, которые вышли вперед, чтобы отомстить за разграбление своей территории, крики были непонятны. Поначалу они решили, что туземцы начали атаку как спереди, так и сзади, и что ван-гард вступил в бой. Но с каждым мгновением крики становились все громче, так как на вершину поднимались новые люди и давали волю своим чувствам, так что Ксенофонт забеспокоился и со своей горсткой кавалерии поскакал к фургону, чтобы узнать, что случилось. Когда он приблизился, до него донеслись голоса обрадованной толпы: "*Талатта, Талатта*" ("Море, море"), - и поздравления друг друга в экстазе. Основной корпус, арьергард, солдаты с багажом, подгоняющие своих лошадей и скот, все взволновались от этого звука и, задышавшись, поспешили на вершину. Вся армия, офицеры и солдаты, собравшаяся таким образом, проявляла свои радостные эмоции слезами, объятиями и излияниями восторженного сочувствия. В спонтанном порыве они нагромодили камни, чтобы украсить место памятником и памятным трофеем; на камни они положили такие домашние подношения, какие только могли себе позволить, - палки, шкуры и несколько плетеных щитов, только что отнятых у туземцев. Проводнику, который выполнил свое обязательство - за пять дней доставить их в пределах видимости моря, они были беспрельдно благодарны. Они подарили ему лошадь, серебряную чашу, персидский костюм и десять дариков деньгами, а также несколько солдатских колец, которые он особенно просил. Нагруженный подарками, он покинул их, предварительно показав им деревню, где они могли бы найти привал, а также дорогу, по которой они должны были пройти через территорию Макронов.[193]

Когда они достигли реки, разделявшей земли Макронов и Скитини, то увидели, что первые собрались с оружием в руках на противоположном берегу, чтобы противостоять их проходу. Река не поддавалась броду, и они срубили несколько соседних деревьев, чтобы обеспечить переправу. Пока эти Макроны громко кричали и подбадривали друг друга, к Ксенофону подошел пельтаст из греческой армии и сказал, что знает их язык и считает, что это его страна. Он был рабом в Афинах, вывезенным из дома в детстве, затем бежал (вероятно, во время Пелопоннесской войны, в гарнизон Декелии) и после этого поступил на военную службу. Благодаря этой удачной случайности генералам удалось начать переговоры с Макронами и заверить их, что армия не причинит им никакого вреда, желая лишь свободного прохода и рынка для покупки провизии. Макроны, получив такое заверение на своем языке от соотечественника, обменялись с греками клятвами дружбы, помогли им перейти реку и предоставили лучший рынок, какой только был в их силах, во время трехдневного марша по их территории.[194]

Теперь армия достигла границ колхидцев, которые были обнаружены во враждебном окружении, занимая вершину значительной горы, образующей их границу. Здесь Ксенофонт, выстроив солдат для атаки, причем каждый лох (рота из ста человек) шел в одиночку, а не фалангой, или сплошным фронтом с незначительной глубиной, обратился к ним со следующими язвительными призывами: "Итак, господа, эти враги перед нами - единственное препятствие, которое отдаляет нас от достижения цели, к которой мы так долго стремились. Мы должны даже съесть их сырыми, если мы можем это сделать".

Восемьдесят этих грозных рот гоплитов, выстроившись в одну шеренгу, начали подниматься на холм; пельтасты и лучники были частично распределены между ними, частично размещены на флангах. Хейрисоф и Ксенофонт, командуя на одном фланге, распределили своих пельтастов таким образом, чтобы обойти колхидцев, которые, соответственно, ослабили свой центр, чтобы усилить крылья. Таким образом, аркадские пельтасты и гоплиты в греческом центре смогли атаковать и рассеять центр без особого сопротивления, и все колхи бежали, оставив грекам свой лагерь, а также несколько хорошо снабженных деревень в их тылу. В этих деревнях армия остановилась на несколько дней, чтобы подкрепиться. Именно здесь они попробовали благодарный, но нездоровый мед, который в этих краях до сих пор продолжают производить, не подозревая о его особых свойствах. Те солдаты, которые ели его мало, были похожи на людей, сильно опьяневших от вина; те, кто ел много, были охвачены жесточайшей рвотой и диареей, лежали, как безумцы, в состоянии бреда. От этого ужасного расстройства некоторые выздоровели на следующий день, другие - через два-три дня. Не похоже, чтобы кто-то из них умер.[\[195\]](#)

Еще два дня марша привели их к морю, к греческому приморскому городу Трапезунт или Трапезунд, основанному жителями Синопе на побережье Колхиды. Здесь трапезунтцы приняли их с радушием и гостеприимством, прислав им в подарок быков, ячменную муку и вино. Разместившись в нескольких колхидских деревнях неподалеку от города, они впервые после отплытия из Тарса в течение тридцати дней наслаждались безопасным и спокойным отдыхом и смогли в некоторой степени оправиться от перенесенных тяжелых испытаний. В то время как трапезунтцы приносили в лагерь продукты на продажу, греки обеспечивали их покупку хищническими набегами на колхидцев на холмах. Колхи, жившие под холмами и на равнине, находились в полузависимости от Трапезунта, поэтому трапезунтинцы выступали от их имени и уговаривали греков оставить их без охраны при условии предоставления быков.

Эти быки позволили грекам исполнить обет, который они по предложению Ксенофонта дали Зевсу Хранителю в тот момент ужаса и отчаяния, который наступил сразу после расправы Тиссаферна над их полководцами. Зевсу-хранителю, Гераклу-проводнику и другим богам они приносили обильные жертвы в своем горном лагере, нависающем над морем, а после праздника шкуры жертв отдавали в качестве призов участникам соревнований по бегу, борьбе, боксу и панкратиону. Руководство такими фестивальными играми, полностью соответствующими греческому обычаю и очень интересными для армии, было поручено спартанцу по имени Драконтий; человек, чья судьба напоминает судьбу Патрокла и других гомеровских героев, - ведь он был изгнан еще мальчиком, когда по неосторожности убил другого мальчика коротким мечом. Однако были допущены различные отступления от греческих обычаев. Поединки проходили на крутом и каменистом склоне холма, нависающего над морем, а не на ровной равнине; многочисленные падения соперников вызывали повышенный интерес у зрителей. Пленные негреческие мальчики были допущены к состязаниям за приз, поскольку в противном случае не удалось бы устроить мальчишеские гонки. Наконец, оживление сцены, а также пыл соревнующихся значительно усиливало присутствие их любовниц.[\[196\]](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ LXX.

О ГЕОГРАФИИ ОТСТУПЛЕНИЯ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОНИ ПОКИНУЛИ ТИГРИС И ВОШЛИ В КАРДУКИАНСКИЕ ГОРЫ.

Было бы несправедливо по отношению к этому доблестному и многострадальному воинству не представить читателю подробное описание всей длины их грандиозного похода. До того момента, когда греки вошли в Кардукию, линия марша может быть указана на основании данных, которые, хотя и не определяют особых мест для стоянки или локализации, дают нам уверенность в том, что мы не можем сильно ошибаться в целом. Но после этого момента свидетельства постепенно исчезают, и нам остается только знать конечную точку, общий курс и несколько негативных условий.

Мистер Эйнсворт в своей книге IV. ("Путешествия по пути десяти тысяч", с. 155 и далее) интересный топографический комментарий к походу через Кардучию и к трудностям, которые греки должны были преодолеть. Далее он показал, какой могла быть их вероятная линия марша через Кардукию; но самым важным моментом, который он здесь установил, представляется идентичность реки Кентритес с Бухтан-чаем, восточным притоком Тигра, отличая его от реки Битлис на западе и реки Хабур на юго-востоке, с которыми его ранее путали (стр. 167). Бухтан-чай впадает в Тигр у деревни под названием Тиль и "в настоящее время представляет собой естественный барьер между Курдистаном и Арменией" (с. 166). В этом отождествлении Кентритеса с Бухтан-чаем согласен профессор Koh (Zug der Zehn Tausend, p. 78).

Если греки пересекли Кентритес у его впадения в Тигр, то за один день они должны были пройти по его правому берегу до места, расположенного недалеко от современного города Серт (по мнению г-на Эйнсворта), хотя Ксенофонт не упоминает о реке Битлис, которую, тем не менее, они должны были пройти. Следующие два дня марша, при условии направления почти на север, привели бы их (как утверждает Ксенофонт, iv. 4, 2) за истоки Тигра, то есть "за верховья восточных притоков Тигра".

Три дня дополнительного марша привели их к реке Телебоас - "не очень большой, но красивой" (iv. 4, 4). Есть достаточно оснований отождествлять эту реку с Кара-Су или Черной рекой, которая течет через долину или равнину Муш в Мурад или Восточный Евфрат (Ainsworth, p. 172; Ritter, Erdkunde, part x. s. 37. p. 682). Хотя Киннейр (Путешествие по Малой Азии и Курдистану, 1818, с. 484), Реннелл (Иллюстрации экспедиции Кира, с. 207) и Белл (Система географии, iv. с. 140) отождествляют его с Ак-Су или рекой Муш - это, по словам Эйнсворта, "лишь небольшой приток Кара-Су, которая является великой рекой равнины и района".

Профессор Koh, чьи личные исследования в Армении и ее окрестностях придают его мнению наибольший авторитет, вслед за г-ном Эйнсвортом отождествляет Телебоас с Кара-Су. Однако он полагает, что греки пересекли Кентритес не у места его впадения в Тигр, а значительно выше, у города Серт или Сорт. Отсюда он предполагает, что они двинулись почти на северо-восток по современной дороге из Серта в Битлис, обогнув таким образом верховья или близ верховьев реки под названием Битлис-Су, которая является одним из

восточных притоков Тигра (впадает сначала в Бухтан-чай) и которую Ксенофонт принял за сам Тигр. Затем они двинулись дальше, по линии, не очень удаленной от Ванского озера, через седловину, отделяющую это озеро от возвышенной горы Али-Даг. Эта седловина является водоразделом, отделяющим притоки Тигра от притоков Восточного Евфрата, одним из которых является Телебоас или Кара-Су (Koch, Zug der Zehn Tausend, p. 82-84).

После реки Телебоас, кажется, нет ни одной точки в походе, которую можно было бы идентифицировать с чем-то, приближающимся к уверенности. У нас также нет никаких средств даже для определения общей линии маршрута, кроме конкретных мест, по которой они следовали от реки Телебоас до Трапезунда.

Их первой целью было достичь и пересечь Восточный Евфрат. Разумеется, они должны были пересечь его в ближайшем месте, где можно было найти брод. Но как низко в своем течении река остается пригодной для брода в середине зимы, когда на земле лежит снег? Здесь профессор Кох расходится во мнениях с мистером Эйнсвортом и полковником Чесни. Он утверждает, что реку можно перейти вброд немного выше ее впадения в Чанбахур, примерно на широте 39° 3'. По мнению г-на Эйнсворта, ниже слияния с рекой Ханус (Хиннис) она не проходима вброд. Авторитет Коха, как самого недавнего и систематического исследователя этих регионов, кажется предпочтительнее, тем более что он помещает греков почти на ту дорогу, по которой сейчас ездят из Муша в Эрзерум, которая, как говорят, является единственным проходом через горы, открытым в течение всей зимы, проходящим через Хиннис и Коили; см. Ritter, Erdkunde, x. p. 387. Ксенофонт упоминает теплый источник, мимо которого армия прошла на третий или четвертый день после перехода через Евфрат (Anab. iv, 5, 15). Профессор Кох считает, что он определил этот теплый источник - единственный, как он утверждает (стр. 90-93), к югу от горной цепи, называемой Бингёльдаг, - в районе под названием Вардо, недалеко от деревни Башкан.

Установить с какой-либо определенностью линию, по которой греки следовали от Евфрата до Трапезунда, представляется совершенно невозможным. Я не могу принять гипотезу г-на Эйнсворта, который проводит армию через Аракс на его северный берег, переносит ее на север до широты Тифлиса в Грузии, затем возвращает ее обратно через Харпа-чай (северный приток Аракса, который он отождествляет с Гарпасом, упомянутым Ксенофонтom) и сам Аракс к Гимниасу, который он помещает недалеко от Эрзерума. Профессор Кох (стр. 104-108), который с полным основанием не согласен с м-ром Эйнсвортом, предлагает (хотя и с колебаниями и неуверенностью) свою линию, которая, как мне кажется, в значительной степени открыта для тех же возражений, что и у м-ра Эйнсворта. Она относит греков слишком далеко к северу от Эрзерума, больше отклоняясь от линии их марша от места, где они пересекли Восточный Евфрат, чем может быть оправдано любой вероятностью. Греки хорошо знали, что для возвращения домой они должны двигаться в западном направлении (см. Анаб. iii. 5, 15).

Их великой и постоянной целью было двигаться на запад, как только они пересекли Евфрат; и дорога от этой реки, проходящая недалеко от Эрзерума до Трапезунда, в основном совпадала с их спонтанной тенденцией. У них не было никаких мотивов идти на север от Эрзерума, и мы не должны предполагать этого без каких-либо доказательств. Поэтому я намечаю линию марша, гораздо менее извилистую; не имея в виду, что ее следует понимать как реальную дорогу, по которой, как можно доказать, шла армия, но просто потому, что она представляется возможной, и потому, что она служит своего рода приближением для завершения представления читателя о всей местности, пройденной Десятью Тысячами.

Кох не дает достаточного представления о трудностях, с которыми пришлось столкнуться грекам, когда утверждает (стр. 96), что если бы они выбрали прямую или почти прямую линию, насколько это было возможно, они могли бы пройти от Евфрата до Трапезунда за шестнадцать или двадцать дней, даже с учетом плохого времени года. Учитывая, что это была середина зимы, в этой очень высокой и холодной стране, с глубоким снегом повсюду; что у них не было абсолютно никаких преимуществ или помощи любого рода; что их больных и инвалидов, вместе с их оружием, должны были нести более сильные; что их сопровождало множество женщин; что у них были животные, которых они гнали, неся багаж и добычу, - пророк Силан, например, сохранил свои три тысячи дариков в монете с поля Кунаксы до своего возвращения; Что было много сопротивления со стороны чалыбов и таочи; что они должны были брать провизию там, где ее можно было найти; что даже небольшой ручей должен был помешать им и, возможно, сбить их с пути, чтобы найти брод, - учитывая невыносимое накопление этих и других трудностей, мы не должны удивляться некоторой медлительности в их продвижении. Современные путешественники редко проезжают через эти регионы в середине зимы; но мы можем увидеть, что такое путешествие в это время года, по ужасному описанию, которое дает мистер Бейли Фрейзер о своем путешествии из Тауриса в Эрзерум в марте ("Путешествия в Коордхистан", Письмо XV). Мистер Киннейр говорит (Travels, p. 353): "Зимы здесь настолько суровы, что все сообщение между Байбуртом и прилегающими деревнями прерывается на четыре месяца в году из-за глубины снега".

Если мы измерим на карте Киперта прямолинейное расстояние - воздушную линию от Трапезунда до того места, где, по мнению Коха, греки перешли Восточный Евфрат, - то получим сто семьдесят английских миль. Количество дней пути, о которых упоминает Ксенофонт, составляет пятьдесят четыре; даже если мы включим пять дней похода, предпринятого из Гимний (Anab. iv. 7, 20), которые, правильно говоря, были направлены против врагов правителя Гимний, а не для содействия их отступлению. Таким образом, за каждый из этих пятидесяти четырех дней они должны были пройти 3,14 мили по прямой линии. Это, конечно, не слишком медленное продвижение, если учесть все недостатки их положения; оно также не подразумевает какого-то очень большого фактического отклонения от прямой линии. Действительно, сам Кох (в своем "Введении", с. 4) предлагает различные затруднения, которые должны были возникнуть во время похода, но о которых Ксенофонт четко не говорит.

Река, которую Ксенофонт называет Гарпасус, вероятно, является Чорук-су, как предполагают полковник Чесни и профессор Кох. По крайней мере, трудно назвать какую-либо другую реку, с которой можно было бы отождествить Харпасус.

Я не могу не считать вероятным, что город, который Ксенофонт называет *Гимниями* (Диодор, xiv. 29, называет его Гимнасией), был тем же самым, что и тот, который сейчас называется Гумиш-Хана (Гамильтон), Гумуш-Кане (Эйнсворт), Гемиш-Хане (Киннейр). "Гумиш-Хана (говорит г-н Гамильтон, Путешествия по Малой Азии, т. i. гл. xi. с. 168; гл. xiv. с. 234) славится как место самых древних и значительных серебряных рудников в Османских владениях". И мистер Киннейр, и мистер Гамильтон проезжали через Гумиш-Хану по дороге из Трапезунда в Эрзерум.

Теперь здесь не только большое сходство названия и сходство положения, но и существование серебряных рудников дает правдоподобное объяснение тому, что иначе было бы очень странно; существование этого "большого, процветающего, населенного города" в глубине страны, среди таких варваров, как халибы, скитини, макруны и т.д.

Мистер Киннейр достиг Гумиш-Ханы в конце третьего дня после выхода из Трапезунда; два последних дня были очень долгими и утомительными. Мистер Гамильтон, который также прошел через Гумиш-Хану, достиг ее в конце двух долгих дней. Оба этих путешественника отзываются о дороге возле Гумиш-Ханы как о чрезвычайно трудной. Г-н Эйнсворт, который сам не проезжал через Гумиш-Хану, говорит нам (что имеет некоторое значение в данном обсуждении), что она лежит на *зимней дороге* из Эрзерума в Трапезунд ("Путешествия по Малой Азии", т. ii. с. 394). "Зимняя дорога, самая длинная, проходит через Гумиш-Хану и занимает большую часть долины; все остальные переходят через гору в разных местах, к востоку от дороги у рудников. Но независимо от того, идут ли они по горам или по долине, погонщики часто безразлично едут на запад до Аш-Калеха, а в другое время сворачивают у деревень Бей-Маусур и Коджа-Бунар, откуда уходят в горы".

Г-н Гамильтон считает, что расстояние от Трапезунда до Гумиш-Ханы составляет восемнадцать часов, или пятьдесят четыре расчетные почтовые мили, то есть около сорока английских миль (Приложение к "Путешествиям по Малой Азии", т. ii. с. 389).

Не следует думать, что греки шли прямым путем из Гимний в Трапезунд. Напротив, пятидневный поход, который они предприняли сразу из Гимний, проходил под руководством проводника, посланного из этого города, который вел их через территории враждебных Гимниям людей, чтобы они могли опустошить эти земли (iv. 7, 20). Какие успехи были достигнуты во время этих походов к Трапезунду, совершенно сомнительно. Проводник пообещал, что на пятый день он приведет их к месту, откуда они смогут увидеть море, и выполнил свое обещание, приведя их на вершину священной горы Фехке.

Thêchê - это вершина (ἄκρον, iv. 7, 25), как и следовало ожидать. Но, к сожалению, не представляется возможным установить, на какой именно вершине произошла интересная сцена, описанная Ксенофонтom. Г-н Эйнсворт предполагает, что это гора под названием Коп-Даг, откуда, однако, по словам Коха, нельзя разглядеть море. Д'Анвиль и некоторые другие географы отождествляют ее с хребтом, называемым Текие-Даг, к востоку от Гумиш-Хана; он ближе к морю, чем это место. Эта гора, как мне кажется, вполне подходила бы для повествования по своему положению; но Кох и другие современные путешественники утверждают, что она недостаточно высока и недостаточно близка к морю, чтобы с нее открывался вид, подобный тому, о котором рассказывает Ксенофонт. На карте Киперта она находится на расстоянии тридцати пяти английских миль от моря, и, кроме того, вид на нее закрывает еще более высокая горная цепь, называемая сейчас Колат-Даг, часть древнего Парьядреса, которая тянется параллельно побережью. Следует помнить, что в первой половине февраля, во время визита Ксенофонта, самые высокие вершины наверняка были покрыты снегом, а значит, очень трудны для восхождения.

Поразительный вид открывается на море с горы под названием Каракабан. Эта гора, высотой более четырех тысяч футов, находится в двадцати милях от моря, к югу от Трапезунда, и непосредственно к северу от еще более высокой цепи Колат-Даг. От цепи Колат-Даг, которая тянется с востока на запад, на север отходят три или четыре параллельных хребта, сложенных из первобытного сланца и обрывисто обрывающихся вниз, чтобы оставить между ними глубокие и узкие долины. Выехав из Трапезунда, путешественник поднимается на холм, расположенный прямо над городом, а затем спускается в долину с другой стороны. Его путь в Каракабан лежит частично по долине, частично по гребню одного из четырех упомянутых хребтов. Но на всем протяжении этого пути моря не видно: оно скрыто холмами, возвышающимися над Трапезундом. Он снова не видит моря, пока не достигнет Каракабана, который достаточно высок, чтобы можно было видеть из-за этих холмов. Гиды (как мне сообщил доктор Холланд, дважды побывавший в этом месте) с большим оживлением

отмечают этот вид на море, как особенно заслуживающий внимания. Им наслаждаются в течение короткого времени, пока дорога огибает гору, а затем снова теряют.

Здесь вид на море одновременно далекий, внезапный, впечатляющий и открывающийся с возвышенности, не слишком высокой, чтобы быть доступной для кирейской армии. В этом смысле он вполне соответствует описанию Ксенофонта. И все же опять-таки кажется, что человек, пришедший к этой точке со стороны суши (как это, конечно, сделал Ксенофонт), нашел бы ее на своем нисходящем пути, а не на восходящем; и это едва ли можно согласовать с описанием, которое мы читаем у греческого историка. Более того, последующие походы, о которых упоминает Ксенофонт после того, как он покинул горную вершину Тхечхе, вряд ли можно согласовать с предположением, что это было то же самое, что сейчас называется Каракабаном. Более того, вполне возможно (как предполагает г-н Гамильтон), что вершина Фехче могла находиться в стороне от какой-либо дороги, и проводник мог вести солдат туда с явной целью показать море, а после вернуть их обратно на дорогу. Это повышает сложность идентификации места. Тем не менее, весь регион еще очень плохо изучен, и, возможно, не исключено, что даже на Текиах-Даге есть какая-то конкретная местность, откуда через случайную брешь в промежуточных горах может быть видно море.

ГЛАВА LXXI.

ДЕЙСТВИЯ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ГРЕКОВ С МОМЕНТА ДОСТИЖЕНИЯ ИМИ ТРАПЕЗУСА ДО СОЕДИНЕНИЯ С ЛАКЕДЕМОНСКОЙ АРМИЕЙ В МАЛОЙ АЗИИ.

Теперь мы приступаем к третьему акту в истории этого памятного войска. Проследив их путь от Сард до Кунаксы в качестве наемников для получения трона Кира, а затем от Кунаксы до Трапезуса в качестве людей, озабоченных только побегом и обеспечивших свою безопасность чудесной храбростью, выносливостью и организованностью, Теперь мы проследим их действия в греческих колониях на Эвксине и на Босфоре Фракийском, а также их борьбу с подлостью фракийского князя Сеутеса, а также с вероломством и произволом лакедемонских полководцев Анаксибия и Аристарха.

Трапезус, ныне Трапезунд, где недавно отдохнула армия, был колонией Синопа, как и Керасус и Котиора, расположенные дальше на запад; каждый из них получал гармоста или губернатора от города-матери и платил ей ежегодную дань. Все эти три города располагались на узкой полосе суши, отделяющей Эвксинское море от возвышенной горной цепи, которая так тесно примыкает к его южному побережью. У самого Синопа земля превратилась в удобный для обороны полуостров с надежной гаванью и обширным пространством плодородной земли. Столь заманчивое место еще до 600 года до н. э. побудило милезийцев основать здесь колонию и позволило Синопу достичь большого процветания и могущества. Еще дальше на запад, не более чем в одном дне пути на гребном судне от Византии, находилась мегарийская колония Ираклия, на территории Мариандины.

Коренными жителями этого побережья, на которое вторглись греческие поселенцы (считая с запада), были вифинские фракийцы, мариандины, пафлагонцы, тибарени, халибы, мосинэки, дрилы и колхи. Здесь, как и в других местах, эти уроженцы нашли греческие морские порты полезными, придавая новую ценность внутренним продуктам и снабжая великих людей

украшениями и предметами роскоши, к которым они иначе не имели бы доступа. Граждане Ираклии поставили в зависимость значительную часть соседних мариандинов и держали их в отношениях, напоминающих отношения уроженцев Эстляндии и Ливонии к немецким колониям на Балтике. Некоторые из колхидских деревень также подчинялись трапезунтцам; [197] и Синопе, несомненно, обладали аналогичным владением внутри страны в большей или меньшей степени. Но главным источником богатства этого важного города были его флот и морская торговля, богатый туннельный промысел на мысе, оливки в непосредственной близости от него, которые греки выращивали не здесь, а только на морском побережье, разнообразная внутренняя продукция, включавшая обильные стада скота, рудники серебра, железа и меди в соседних горах, дерево для строительства кораблей, а также мебель для дома и местных рабов. [198] Аналогичная ситуация сложилась и с тремя колониями Синопа, расположенными восточнее, - Котиорой, Керасусом и Трапезусом, за исключением того, что горы, граничащие с Эвксинским заливом, постепенно приближаясь к берегу, оставили каждой из них более узкую полосу обрабатываемой земли. Для этих городов еще не пришло время быть завоеванными и поглощенными окружающими их внутренними монархиями, как это произошло с Милетом и городами на восточном побережье Малой Азии. Пафлагонцы были в это время единственным коренным народом в тех краях, который составлял значительную объединенную силу под началом князя по имени Корилас; князя, подчиненного Персии, но наполовину независимого, - поскольку он не подчинился призыву Артаксеркса прийти и помочь в отражении Кира [199] - и теперь находившегося в прочном союзе с Синопеком, хотя и не без тайных замыслов, для осуществления которых ему нужна была только сила, против этого города. [200] Другие туземные племена к востоку были горцами, более грубыми и разобщенными; воинственными на своих высотах, но мало способными к агрессивным комбинациям.

Хотя нам рассказывают, что Перикл однажды отправил отряд афинских колонистов в Синопе [201] и изгнал оттуда деспота Тимесилая, однако ни этот город, ни соседние не принимали участия в Пелопоннесской войне ни за, ни против Афин; они также не были в числе данников Персии. Они, несомненно, были знакомы с восходящим походом Кира, который взбудоражил всю Азию, и, вероятно, не знали об опасностях и критическом состоянии его греческой армии. Но они с чувством смешанного удивления, восхищения и тревоги наблюдали, как эта армия спускается с горной местности, которая до сих пор считалась местом обитания колхидцев, макронов и других подобных племен, среди которых возвышался шахтерский город Гимния.

Даже после всех потерь и тяжелейших страданий, связанных с отступлением, греки все еще насчитывали при сборе в Керасе [202] восемь тысяч шестьсот гоплитов, с пельтастами или мишенями, лучниками, пращниками и т.д., что в общей сложности составляет более десяти тысяч военных. Такого войска еще не было в Эвксинском море. Учитывая как численность, так и приобретенную дисциплину и уверенность в себе киреев, даже сама Синопе не смогла бы собрать силу, способную встретиться с ними в поле. Однако они не принадлежали ни одному городу и не получали приказов от какого-либо правительства. Они были похожи на те наемные армии, которые маршировали по Италии в четырнадцатом веке под командованием генералов, называемых кондотьерами, принимая на службу то один город, то другой. Никто не мог предсказать, какие планы они могут задумать или как они могут поступить с устоявшимися общинами на берегах Эвксина. Если представить, что такая армия внезапно появилась в Сицилии за некоторое время до афинской экспедиции против Сиракуз, то она наверняка была бы задействована Леонтини и Катаной в их войне против Сиракуз. Если бы жители Трапезунда пожелали сбросить власть Синопа, или если бы пафлагонец Корилас задумал войну против этого города, то здесь были бы грозные помощники, чтобы

поддержать их желание. Кроме того, здесь были различные заманчивые места, открытые для образования новой колонии, которая, при таком количестве исконно греческих поселенцев, , вероятно, превзошла бы сам Синопе. Не было никаких сдерживающих причин, кроме общих эллинских симпатий и образования киреевской армии; и что было не менее важно, тот факт, что они не были наемными солдатами по постоянной профессии, как те, что так грозно размножились в Греции в течение следующего поколения, - а состоявшимися гражданами, которые вышли на специальную службу при Кире с полным намерением, после года прибыльного предприятия, вернуться в свои дома и семьи.^[203] Такое тяготение к дому мы обнаружим на протяжении всей дальнейшей службы армии. Но в тот момент, когда они только вышли из гор, никто не мог быть уверен, что так и будет. У эвксинских греков, особенно у синопийцев, чье господство еще никогда не подвергалось опасности, было достаточно оснований для беспокойства.

Тридцатидневный покой позволил киреям оправиться от усталости, обсудить пережитые опасности и гордиться ожидаемым эффектом, который их беспрецедентное достижение не могло не произвести в Греции. Выполнив свои обеты и отпраздновав праздник в честь богов, они собрались, чтобы обсудить свои дальнейшие действия, когда один из турианских солдат, по имени Антилеон, воскликнул: "Товарищи, я уже устал собираться, маршировать, бегать, носить оружие, становиться в строй, нести вахту и сражаться. Теперь, когда перед нами море, я хочу освободиться от всех этих трудов, проплыть остаток пути и прибыть в Грецию с распростертыми руками и сном, как Одиссей". Это краткое обращение было встречено горячими аплодисментами и горячо поддержано всеми, и Хейрисоф предложил, если армия решит наделить его полномочиями, немедленно отплыть в Византию, где, как он думал, он сможет получить от своего друга лакедемонского адмирала Анаксибия достаточно судов для перевозки. Его предложение было с радостью принято, и он отбыл для осуществления проекта.

Затем Ксенофонт предложил армии различные решения и меры, необходимые для регулирования дел во время отсутствия Хейрисофа. Армия будет вынуждена содержать себя за счет мародерских походов среди враждебных племен в горах. Такие походы, соответственно, должны быть регламентированы; ни отдельным солдатам, ни небольшим ротам не должно быть позволено уходить по своему усмотрению, без уведомления генералов; кроме того, лагерь должен находиться под постоянной охраной и разведчиками, на случай неожиданности со стороны отступающего врага. Разумно было также принять все возможные меры для приобретения судов, поскольку, в конце концов, Хейрисоф мог и не привести их в достаточном количестве. Им следовало одолжить несколько военных кораблей у трапезунтцев и задерживать все торговые суда, которые попадались им на глаза; откручивать рули, ставить груз под охрану и содержать команду все то время, пока корабли могли понадобиться для перевозки армии. Таких торговых судов часто проплывало мимо;^[204] таким образом, они приобрели бы средства передвижения, даже если бы Хейрисоф привез из Византии мало или совсем не привез. Наконец, Ксенофонт предлагал обязать греческие города отремонтировать и привести в порядок дороги вдоль побережья для сухопутного марша, так как, возможно, при всех усилиях им не удастся собрать достаточный запас транспортов.

Все предложения Ксенофонта были с готовностью приняты армией, кроме последнего. Но одно лишь упоминание о возобновлении сухопутного марша вызвало такой всеобщий ропот отвращения, что он не решился поставить этот вопрос на голосование. Однако он взял на себя ответственность за отправку посланий в греческие города, призывая их

отремонтировать дороги, чтобы облегчить отход армии. И он нашел города достаточно готовыми исполнить его пожелания вплоть до Котиоры.[205]

Мудрость этих предостережений Ксенофонта вскоре подтвердилась, так как Хейрисоф не только не достиг своей цели, но и был вынужден задержаться на значительное время. У трапезунтцев был позаимствован пентеконтер (вооруженное судно с пятьюдесятью веслами) и передан в распоряжение лакедемонского перизка по имени Дексипп, чтобы задерживать проходящие мимо торговые суда. Но этот человек нарушил доверие и использовал корабль, чтобы сбежать из Эвксинского моря, тогда был получен второй корабль и доверен афинянину Поликрату, который привел последовательно несколько торговых судов. Греки не грабили их, но охраняли грузы под надежной охраной, а сами суда оставляли только для перевозок. Однако снабжать лагерь провизией постепенно становилось все труднее и труднее. Хотя армия была распределена на подходящие отряды для грабежа колхидских деревень на холмах, захвата скота и пленных для продажи, эти экспедиции не всегда удавались; так, однажды две греческие лохи или роты запутались в такой сложной местности, что были уничтожены до единого человека. Колхидцы собрались на холмах в большом и угрожающем количестве, так что для лагеря потребовалась большая охрана; трапезунтцы же, уставшие от длительного пребывания армии, а также желая освободить от грабежа туземцев в своих ближайших окрестностях, проводили отряды только в отдаленные и труднодоступные деревни. Именно таким образом большой отряд под командованием самого Ксенофонта напал на возвышенную и труднопроходимую крепость дрилов - самого воинственного народа горцев в окрестностях Эвксинского моря, хорошо вооруженного и доставлявшего Трапезусу беспокойство своими вторжениями. После трудного похода и нападения, которые Ксенофонт описывает в интересных деталях, и где греки столкнулись с немалой опасностью разорительного поражения, они вернулись в конце концов полностью успешными и с обильной добычей.[206]

В конце концов, после долгого тщетного ожидания повторного появления Хейрисофа, растущая скудость и усталость заставили их покинуть Трапезус. Было собрано достаточное количество судов, чтобы перевезти женщин, больных и раненых, а также багаж. Все это было отправлено на борт под командованием Филесия и Софенета, двух старейших генералов; остальная армия двинулась в путь по суше, по дороге, которая только что была приведена в порядок по представлению Ксенофонта. Через три дня они достигли Кераса, еще одной приморской колонии синопцев, все еще находящейся на территории, называемой Колхидой; там они остановились на десять дней, собрали и пронумеровали армию и разделили деньги, вырученные от продажи пленных. Восемь тысяч шестьсот гоплитов из общего числа, вероятно, превышающего одиннадцать тысяч, были найдены еще оставшимися; кроме того, были найдены таргеты и различные легкие войска.[207]

Во время стоянки в Керасусе, по мере приближения к дому, стало заметно падение дисциплины в армии. Случались различные бесчинства, причиной которых как теперь, так и впоследствии стали интриги вероломных офицеров. Капитан по имени Клеарет уговорил свою роту попытаться разграбить колхидскую деревню близ Кераса, которая предоставляла грекам дружественный рынок и была надежно укрыта в мирных отношениях. Он намеревался скрыться с добычей на одном из кораблей, но его нападение было отбито, а сам он убит. Пострадавшие жители послали трех старейшин в качестве глашатаев для переговоров с греческими властями; но эти глашатаи, увиденные в Керасе некоторыми из отбившихся от грабителей, были убиты. После этого начались массовые беспорядки, в которых даже магистраты Кераса оказались в большой опасности и спаслись от преследующих их солдат только тем, что бежали в море. Это чудовище, хотя и произошло на глазах генералов,

непосредственно перед их отъездом из Кераса, осталось без расследования и наказания из-за большого количества участников.

Между Керасом и Котиорой не было тогда (да и сейчас нет) никакой обычной дороги.^[208] Этот поход стоил киреевскому войску не менее десяти дней по внутреннему пути, отходящему от берега моря и проходящему через горы, населенные коренными племенами мосинэки и халибы. Последние, славившиеся своими железными заводами, находились в зависимости от первых. Поскольку мосинки отказались предоставить дружественный проход через свою территорию, армия была вынуждена пробиваться через нее как враги, прибегнув к помощи одной части этого народа; этот союз был заключен для них трапезунтским Тимесифеем, который был прокшеном мосинок и понимал их язык. Греки захватили горные крепости этого народа и разграбили деревянные башни, в которых они жили. Ксенофонт дает интересное описание их своеобразной моды, которое у меня нет возможности скопировать.^[209] Территория тибарени была более легкой и доступной. Этот народ встретил греков с подарками и предложил дружественный проход. Но генералы сначала отказались от подарков, предпочтя поступить с ними как с врагами и разграбить их; что они, собственно, и сделали бы, если бы их не остановили недоброжелательные жертвоприношения.^[210]

В Котиоре, расположенной на побережье Тибарени, но на границе Пафлагонии, они пробыли сорок пять дней, ожидая появления Хейрисофа с транспортом, чтобы увезти их морем. Синопский хармост, или губернатор, не позволил встретить их так дружелюбно, как в Трапезусе. Для них не было устроено рынка, а их больных не пускали в стены. Но укрепления города не были построены так, чтобы противостоять греческому войску, подобного которому еще не было в тех краях. Греческие генералы нашли слабое место, пробрались внутрь и захватили несколько домов для размещения своих больных; они держали стражу у ворот, чтобы обеспечить свободный выход, но больше не причиняли никакого насилия горожанам. Они получали продовольствие частично из деревень котиоритов, частично из соседней Пафлагонии, пока в конце концов из Синопа не прибыли посланники, чтобы выразить недовольство их действиями.

Эти посланники предстали перед собравшимися в лагере воинами, и Гекатоним, главный и самый красноречивый из них, начал с того, что похвалил армию за ее доблестные подвиги и отступление. Затем он пожаловался на обиду, которую Котиора и Синопа, как город-мать Котиоры, понесли от их рук, нарушив обычное эллинское родство. Если такие действия будут продолжаться, он намекнул, что Синопа будет вынуждена для своей защиты искать союза с пафлагонским князем Кориласом или любым другим варварским помощником, который окажет им помощь против греков.^[211] Ксенофонт ответил, что если котиориты и понесли какой-либо ущерб, то только по собственной недоброжелательности и из-за синопского гарнизона; что генералы были вынуждены обеспечивать пропитание для солдат и жилье для больных, и что они не взяли ничего больше; что больные лежат в городе, но за свой счет, а остальные солдаты расположились лагерем вне его; что они поддерживали сердечную дружбу с трапезунтцами и оказывали им добрые услуги; что они не ищут врагов, кроме как по необходимости, желая только снова добраться до Греции; что же касается угрозы в отношении Кориласа, то они хорошо знают, что этот принц жаждет стать хозяином богатого города Синопка и быстро предпримет такое предприятие, если получит кирейское войско в качестве своих помощников.^[212]

Этот рассудительный ответ настолько пристыдил соратников Гекатонима, что они принялись протестовать против его слов и утверждать, что пришли с предложениями о сочувствии и дружбе к армии, а также с обещаниями оказать им гостеприимный прием в Синопе, если они

посетят этот город по пути домой. Жители Котиоры сразу же прислали армии подарки, и между ними установилось взаимопонимание.

Такой обмен добрыми пожеланиями с могущественным городом Синопе был неоспоримым преимуществом для армии - более того, это было необходимым условием для того, чтобы они смогли добраться до дома. Если бы они продолжили свой поход по суше, то только благодаря синопскому руководству и посредничеству они могли бы получить или заставить пройти через Пафлагонию; а для морского путешествия не было никаких шансов получить достаточное количество судов, кроме как из Синопа, поскольку от Хейрисофа не поступало никаких известий. С другой стороны, этот город также был заинтересован в том, чтобы облегчить их транзит на родину и таким образом устранить грозных соседей, за чьи скрытые цели нельзя было поручиться. После предварительной беседы с синопскими посланниками генералы созвали армию на сбор и попросили Гекатонима и его спутников посоветовать им, как лучше двигаться на запад к Босфору. Гекатоним, извинившись за угрожающие инсинуации в своей прежней речи и заявив, что у него нет другой цели, кроме как указать самый безопасный и легкий план маршрута для армии, начал излагать непреодолимые трудности похода через Пафлагонию. Сам вход в страну должен быть осуществлен через узкий проем в горах, который невозможно было форсировать, если бы его занял враг. Даже если предположить, что эту трудность можно преодолеть, предстояло пройти по просторным равнинам, где пафлагонская лошадь, самая многочисленная и храбрая в Азии, была бы почти неодолима. Кроме того, было три или четыре больших реки, которые армия не смогла бы пройти: Термодон и Ирис, каждая по триста футов в ширину, Халис, две стадии или почти четверть мили в ширину, Парфений, также очень значительный. Такое количество препятствий (утверждал он) делало проект похода через Пафлагонию неосуществимым; в то время как путешествие по морю из Котиоры в Синопе и из Синопе в Ираклию было легким, а переход из последнего места либо по морю в Византию, либо по суше через Фракию - еще проще.[213]

Подобных трудностей, по-видимому, вполне реальных, было более чем достаточно, чтобы армия, уже уставшая от маршей и сражений, проголосовала за морское путешествие; хотя не обошлось и без подозрений в искренности Гекатонима. Но Ксенофонт, сообщая последнему о решении армии, ясно дал ему понять, что они ни в коем случае не допустят разделения; что они либо уйдут, либо останутся все вместе, и что необходимо предоставить суда, достаточные для перевозки всех. Гекатоним попросил их отправить своих посланников в Синопе, чтобы они сделали необходимые приготовления. Соответственно, были отправлены три посланника: афинянин Аристон, аркадиец Калимах и ахеец Самолас; афинянин, вероятно, как обладающий талантом выступать в синопском сенате или собрании.[214]

Во время отсутствия этих посланников армия все еще стояла у Котиоры, где был рынок, предоставляемый городом, а в лагере находились торговцы из Синопа и Гераклеи. Те солдаты, у которых не было денег на покупки, жили за счет грабежей на соседней границе Пафлагонии.[215] Но жалованья они не получали, каждый жил на свои средства, и вместо того, чтобы привезти в Грецию богатый кошелек, как надеялся каждый солдат, когда впервые поступил на службу к Киру, казалось, что они вернутся беднее, чем когда покидали дом.[216] Кроме того, армия продвигалась вперед без какой-либо определенной цели, с растущим недовольством и падающей дисциплиной; Ксенофонт предвидел трудности, которые возникнут у ответственных командиров, когда они попадут в более строгие рамки и обязательства греческого мира.

Именно эти соображения помогли ему предложить идею использовать армию для завоевания и колонизации Эвксинского моря; идея, весьма лестная для его личных амбиций, тем более что армия была непревзойденно эффективна против врага, и в тех далеких краях никогда нельзя было собрать второй такой силы. Его патриотизм грека был воспламенен мыслями о создании для Эллады нового автономного города, населенного значительным эллинским населением, обладающего обширной территорией и властвующего над многими коренными соседями. Похоже, что сначала он думал напасть и завоевать какой-нибудь основанный неэллинский город; действие, которое его представления о международной морали не запрещали, в случае, если он не заключал никаких специальных соглашений с жителями, - хотя он (как и Хейрисофус) горячо протестовал против того, чтобы причинять зло невинной эллинской общине.^[217] Он предполагал использовать все силы для захвата Фасиса или какого-нибудь другого местного города; после этого, когда основание будет благополучно завершено, те солдаты, которые предпочтут вернуться домой, а не остаться в качестве поселенцев, смогут сделать это без ущерба для тех, кто остался, и, вероятно, с собственными кошельками, наполненными грабежом и завоеваниями в окрестностях. Поселиться в качестве одного из самых богатых владельцев и вождей, возможно, даже признанного *Οἰκιστή*, как Агнон в Амфиполе, в новом эллинском городе, который вряд ли мог не стать богатым, могущественным и важным, было заманчивой перспективой для того, кто теперь приобрел привычку командовать. К тому же, как покажет дальнейшее, Ксенофонт правильно оценил неудобства, связанные с возвращением армии в Грецию без жалованья и без определенного места работы.

Ксенофонт и его учитель Сократ советовали^[218] в серьезных и сомнительных случаях, когда самые тщательные размышления были ошибочными, обращаться к вдохновенному авторитету оракула или пророка и приносить жертву в полной уверенности, что боги пообещают сообщить особое откровение любому человеку, которому они благоволят. Поэтому Ксенофонт, прежде чем общаться с солдатами по поводу своего нового проекта, хотел выяснить волю богов с помощью особого жертвоприношения, для чего он обратился к Амбракиоту Силану, главному пророку в армии. Этот пророк (как я уже упоминал) перед битвой при Кунаксе заверил Кира, что Артаксеркс не будет сражаться в течение десяти дней, - и пророчество сбылось; оно произвело на Кира такое впечатление, что он наградил его роскошным подарком в три тысячи дариков или десять аттических талантов. В то время как другие возвращались нищими, Силан, сумевший сохранить эту сумму во время всех тягот отступления, был чрезвычайно богат и мечтал только о том, чтобы поспешить домой со своими сокровищами в безопасности. Он с сильным отвращением выслушал проект остаться в Эвксинском море и решил обойти его с помощью интриг. Что касается жертвоприношений, которые он принес вместе с Ксенофонтом, то он был вынужден признать, что показания жертв были благоприятными;^[219] Ксенофонт был слишком хорошо знаком с процессом, чтобы навязываться ему. Но в то же время он попытался посеять тревогу, заявив, что тщательный осмотр обнаружил признаки коварных ловушек, расставленных для Ксенофонта; эти последние признаки он сам начал реализовывать, распространяя среди армии сообщения о том, что афинский генерал вынашивает тайные планы по удержанию их вдали от Греции без их собственного согласия.^[220]

Этот преждевременный и коварный план нашел сторонников, но гораздо больше противников, особенно среди тех офицеров, которые завидовали превосходству Ксенофонта. Тимасион и Торакс использовали его как средство устрашения гераклейских и синопских торговцев в лагере; сказав им, что если они не обеспечат не только перевозку, но и оплату солдат, Ксенофонт найдет средства задержать армию в Эвксинском море, а по прибытии использует транспорты не для обратного плавания, а для своих собственных

проектов приобретения. Эта новость вызвала такой ужас в Синопе и Ираклии, что из обоих городов поступили большие предложения денег Тимасиону, при условии, что он обеспечит отплытие армии, как только суда будут собраны в Котиоре. Тогда эти офицеры, созвав собрание солдат, выразили протест против двуличия Ксенофонта, который готовит судьбоносные планы без всякого публичного обсуждения и решения. И Тимасион, поддержанный Тораксом, не только настойчиво убеждал армию вернуться, но и зашел так далеко, что пообещал им, подкрепляя заверениями Гераклеи и Синопка, будущую плату по либеральной шкале, которая начнется с первого новолуния после их ухода; вместе с гостеприимным приемом в его родном городе Дарданусе на Геллеспонте, откуда они смогут совершать набеги на богатую соседнюю сатрапию Фарнабаза.[221]

Однако только после того, как эти нападения повторились с нескольких сторон, пока ахейцы Филесий и Ликон громко не обвинили Ксенофонта в том, что он обманным путем заставил армию остаться против их воли, последний поднялся, чтобы опровергнуть обвинения; он сказал, что все, что он сделал, это посоветовался с богами, лучше ли представить свой проект перед армией или держать его в своем собственном лоне. Обнадеживающий ответ богов, переданный через жертвы и засвидетельствованный даже самим Силаном, доказал, что план не был непродуманным; тем не менее, (заметил он) Силан начал расставлять силки, реализуя своими действиями побочные признаки, которые он объявил видимыми в жертвах. "Если бы (добавил Ксенофонт) вы продолжали оставаться такими же обездоленными и необеспеченными, как сейчас, - я бы все равно искал возможность захватить какой-нибудь город, чтобы те из вас, кто пожелает, могли сразу же вернуться, а остальные остались бы позади, чтобы обогатиться. Но теперь в этом нет никакой необходимости, так как Ираклия и Синопек отправляют транспорты, а Тимасион обещает выплатить вам жалованье со следующего новолуния. Ничего не может быть лучше; ты благополучно вернешься в Грецию и получишь плату за дорогу. Я немедленно отказываюсь от своей затеи и призываю всех, кто был благосклонен к ней, также отказаться от нее. Только давайте держаться вместе, пока не окажемся на безопасной земле; и пусть тот, кто отстанет или убежит, будет осужден как преступник".[222]

Ксенофонт немедленно поставил этот вопрос на голосование, и все подняли руки в его пользу. Голосование не вызвало большего недовольства, чем у пророка Силана, который громко воскликнул о несправедливости задержания любого, кто желает уйти. Но солдаты с резким неодобрением отстранили его, пригрозив, что непременно накажут его, если поймут за побегом. Таким образом, его интрига против Ксенофонта на время отступила сама собой. Но вскоре, когда армия достигла Ираклии, он воспользовался возможностью тайного бегства и вернулся в Грецию с тремя тысячами дариков.[223]

Если Силан мало что выиграл от своего маневра, то Тимасион и его партнеры выиграли еще меньше. Как только стало известно, что армия приняла официальное решение вернуться в Грецию и что Ксенофонт сам выступил с этим предложением, синопийцы и гераклеоты почувствовали себя в своей тарелке. Они отправили транспортные суда, но удержали деньги, которые обещали Тимасиону и Тораксу. Таким образом, эти офицеры подверглись бесчестью и опасности; ведь, взяв на себя обязательство найти жалованье для армии, они теперь не могли сдержать своего слова. Их опасения были настолько сильны, что они пришли к Ксенофону и сказали ему, что изменили свои взгляды и теперь считают, что лучше всего использовать вновь прибывшие транспорты для доставки армии не в Грецию, а против города и территории Фазиса на восточной оконечности Эвксинского моря.[224] Ксенофонт ответил, что они могут созвать солдат и сделать такое предложение, если захотят; но ему нечего на это сказать. Выдвинуть это предложение, за которое они так ругали Ксенофонта,

было невозможно без некоторой подготовки, поэтому каждый из них начал по отдельности советоваться со своими капитанами и добиваться от них предложенной схемы. В этот промежуток времени солдаты получили информацию об этом маневре, к своему неудовольствию и возмущению; этим воспользовался Неон (лейтенант отсутствующего Хейрисофа), чтобы свалить всю вину на Ксенофонта, утверждая, что именно он склонил других офицеров к своему первоначальному проекту и что он намеревался, как только солдаты окажутся на корабле, обманным путем доставить их в Фазис, а не в Грецию. Было что-то настолько правдоподобное в этой вопиющей лжи, представлявшей Ксенофонта автором обновленного проекта, который когда-то был его собственным, - и что-то настолько невероятное в том, что другие офицеры должны были спонтанно отказаться от своих собственных сильных мнений, чтобы принять его, - что мы вряд ли можем удивляться тому, какое доверие нашла клевета Неона среди армии. Их раздражение против Ксенофонта стало настолько сильным, что они собирались в яростные группы, и даже возникло опасение, что они перейдут к мятежному насилию, как они уже делали это против магистратов Кераса.

Прекрасно понимая опасность таких спонтанных и неофициальных собраний, а также важность привычных торжественных созывов и собраний, обеспечивающих обсуждение или законную защиту,^[225] - Ксенофонт немедленно послал глашатая созвать армию на регулярную агору, с соблюдением обычного порядка и церемоний. Призыву повиновались с необычайной готовностью, и Ксенофонт обратился к ним с речью, воздерживаясь, с одинаковым великодушием и благоразумием, от того, чтобы сказать что-нибудь о последнем предложении, с которым к нему обратились Тимасион и другие. Если бы он упомянул об этом, вопрос стал бы вопросом жизни и смерти между ним и другими офицерами.

"Воины (сказал он), я понимаю, что здесь есть люди, которые клеветают на меня, будто я намереваюсь обмануть вас и увести в Фазис. Так выслушайте меня, во имя богов. Если будет доказано, что я поступаю неправильно, пусть я не уйду отсюда безнаказанным; если же, напротив, будет доказано, что мои клеветники - преступники, поступите с ними так, как они того заслуживают. Вы, конечно, хорошо знаете, где восходит и где заходит солнце; вы знаете, что если человек хочет попасть в Грецию, он должен идти на запад, а если в варварские страны, то на восток. Может ли кто-нибудь надеяться обмануть вас в этом вопросе и убедить, что солнце восходит на *этой* стороне, а заходит на *той*? Может ли кто-нибудь обмануть вас, заставив сесть на корабль при ветре, который дует от Греции? Предположим даже, что я посажу вас на корабль, когда ветра нет совсем. Как я могу заставить вас плыть со мной против вашего же согласия, - я только на одном корабле, а вы на сотне и более? Представьте себе, что мне даже удалось обманом заманить вас в Фазис. Когда мы высадимся там, вы сразу поймете, что мы не в Греции; и какая участь может ожидать меня тогда - уличенного самозванца среди десяти тысяч мужчин с оружием в руках? Нет, все эти рассказы исходят от глупцов, которые завидуют моему влиянию на вас; завидуют без причины, ибо я не мешаю *ни им* превзойти меня в вашей благосклонности, если они могут оказать вам большую услугу, *ни вам* избрать их командирами, если вы сочтете нужным. Довольно об этом; я вызываю любого, кто выступит вперед и скажет, как можно обмануть или быть обманутым таким образом, как это было сделано по моему обвинению".^[226]

Справившись таким образом с клеветой своих врагов и развеяв ее таким образом, чтобы вызвать реакцию в свою пользу, Ксенофонт воспользовался случаем, чтобы обличить растущие беспорядки в армии; он изобразил их такими, что, если не применить никаких мер, позор и презрение должны обрушиться на всех. Когда он сделал паузу после этого общего выступления, солдаты громко призывали его перейти к конкретным деталям; Тогда он с ясной

и впечатляющей простотой напомнил о бесчинствах, совершенных в Керасусе и его окрестностях, - о самовольном и неспровоцированном нападении Клиарета и его компании на соседнюю деревню, которая вела дружескую торговлю с армией, - убийство трех старейшин деревни, которые пришли как глашатаи, чтобы пожаловаться генералам на такое несчастье, - мятежное нападение беспорядочных солдат даже на магистратов Кераса, в тот самый момент, когда они обсуждали с генералами случившееся; подвергнув этих магистратов величайшей опасности, а самих генералов - бесчестью. [227] "Если таковы будут наши действия (продолжал Ксенофонт), посмотрите, в каком состоянии окажется армия. Вы, все вместе взятые, [228] больше не будете иметь права заключать войну или мир с кем вам заблагорассудится; каждый человек среди вас будет вести армию против любого пункта, который он выберет. И даже если к вам будут приходить посланники, как для заключения мира, так и для других целей, они могут быть убиты любым врагом; таким образом, вы будете лишены всех общественных связей. Далее, те, кого ваше всеобщее голосование изберет командирами, не будут иметь никакой власти; а любой самоизбранный генерал, который решит произнести слово: "Каст! Бросай! (то есть дротики или камни), может без суда предать смерти офицера или солдата, как ему будет угодно, то есть если найдет, что вы готовы ему повиноваться, как это случилось под Керасом. Посмотрите, что сделали для вас эти самоизбранные вожди. Магистрат Кераса, если он действительно был виновен в злодеяниях по отношению к вам, получил возможность безнаказанно скрыться; если же он был невиновен, то вынужден был бежать от вас, как единственное средство избежать смерти без притворства и суда. Те, кто забил глашатаев камнями до смерти, довели дело до того, что из всех греков только ты один не можешь спокойно войти в город Керас, если только не во главе войска; и что мы даже не можем послать глашатая, чтобы забрать наших мертвых (Клиарета и тех, кто был убит при нападении на керасунтинскую деревню) для погребения; хотя сначала те, кто убил их в порядке самозащиты, очень хотели отдать тела нам. Ибо кто рискнет пойти в качестве глашатая от тех, кто подал пример предания глашатаев смерти? Мы, генералы, были вынуждены просить керасунтинцев похоронить тела за нас". [229]

Продолжая так категорично протестовать против недавних беспорядков и бесчинств, Ксенофонт в конце концов сумел внушить солдатам свои собственные чувства, искренне и единодушно. Они проголосовали за то, чтобы зачинщики мятежа в Керасе были наказаны; если кто-либо в будущем будет виновен в подобных нарушениях, он должен быть предан суду генералов перед лохагами или капитанами в качестве судей и, если они осудят его, предан смерти; и что суд должен быть проведен перед теми же лицами за любое другое нарушение, совершенное после смерти Кира. По указанию Ксенофонта и пророков было также предписано провести соответствующую религиозную церемонию, чтобы очистить армию. [230]

Эта речь представляет собой интересный образец политической морали, универсальной для всего греческого мира, хотя и более глубокой и преобладающей в его лучших слоях. В разношерстном и временном обществе, собранном сейчас в Котиоре, Ксенофонт настаивает на всеобщем избирательном праве всего тела, как на законном суверенном авторитете для руководства каждой индивидуальной волей; на решении большинства, справедливо и формально собранном, как на имеющем право преобладать над каждым несогласным меньшинством; на генералах, выбранных большинством голосов, как на единственных лицах, имеющих право на повиновение. Это кардинальный принцип, к которому он апеллирует, как к опоре политических обязательств в сознании каждого отдельного человека или фракции; как к условию всех успехов, всей безопасности и всех совместных действий; как к единственному условию наказания зла или защиты права; как к необходимому для поддержания их симпатий к эллинским общинам и их достоинства как

солдат или как граждан. Полный успех его речи доказывает, что он знал, как затронуть нужный аккорд греческого чувства. После этого не произошло ни одного серьезного акта индивидуального неповиновения, хотя армия в целом не раз поступала неправильно. И что не менее важно отметить, - влияние самого Ксенофонта после его безоговорочного и смелого выступления, похоже, заметно усилилось, но ни в коем случае не уменьшилось.

Обстоятельства, последовавшие за этим, были как нельзя лучше рассчитаны на его усиление. По предложению самого Ксенофонта[231] было решено, что сами генералы должны предстать перед вновь созданным трибуналом лохагов или капитанов, если у кого-нибудь возникнут претензии к ним за прошлые дела; в соответствии с афинской привычкой подвергать каждого магистрата испытанию на ответственность при вступлении в должность. В ходе этого расследования Филесий и Ксантикл были оштрафованы на двадцать мин, чтобы возместить недостачу в размере этой суммы в грузах тех торговых судов, которые были задержаны в Трапезусе для перевозки армии; Софенет, который осуществлял общий надзор за этим имуществом, но был небрежен в этой обязанности, был оштрафован на десять мин. Далее было выдвинуто имя Ксенофонта, когда различные лица выступили вперед, чтобы обвинить его в избиении и жестоком обращении с ними. Его обязанности как начальника арьергарда были самыми суровыми и трудными, особенно во время сильного холода и глубокого снега; ведь под его надзор попадали больные и раненые, а также отстающие и грабители. Один человек особенно громко жаловался на него, и Ксенофонт допросил его о подробностях его дела перед собравшимся войском. Оказалось, что он нанес ему удары за то, что тот, получив задание вынести больного солдата, собирался уклониться от выполнения долга, похоронив умирающего заживо.[232] Этот интересный спор (подробно описанный в "Анабасисе") закончился полным одобрением со стороны армии поведения Ксенофонта, сопровождавшимся сожалением о том, что он не обошелся с ним еще более сурово.

Высказывания самого Ксенофонта дают нам яркое представление о внутренней дисциплине в армии, даже под управлением сдержанного и выдержанного офицера. "Я признаю, что (сказал он солдатам) поразил многих за беспорядочное поведение; людей, которые довольствовались тем, что сохранились благодаря вашему организованному маршу и постоянным боям, в то время как сами бегали грабить и обогащаться за ваш счет. Если бы мы все действовали так же, как они, мы бы погибли все до единого человека. Иногда я также ударял людей, которые отставали от холода и усталости или останавливались на пути, чтобы помешать другим продвигаться вперед; я бил их кулаком,[233] чтобы спасти их от копья врага. Вы сами стояли рядом и видели меня; у вас было оружие в руках, но никто из вас не вмешался, чтобы помешать мне. Я сделал это ради их блага, как и ради вашего, а не из-за дерзости нрава; ведь это было время, когда мы все одинаково страдали от холода, голода и усталости; тогда как теперь я живу сравнительно хорошо, пью больше вина и легко провожу дни, - и при этом никого не бью. Вы увидите, что люди, которые больше всех оплошали в те тяжелые времена, сейчас являются самыми отъявленными преступниками в армии. Вот Боискус,[234] фессалийский драчун, который во время похода притворился больным, чтобы не нести свой щит, - а теперь, как мне сообщили, он лишил одежды нескольких граждан Котиоры. Если (заклучил он) удары, которые я иногда наносил в случае необходимости, теперь будут приведены в доказательство, я призываю тех из вас, кому я оказывал помощь и защиту, встать и свидетельствовать в мою пользу".[235]

На этот призыв откликнулось множество людей, так что Ксенофонт был не просто оправдан, но и поднялся во мнении армии выше, чем прежде. Из его защиты мы узнаем, что для командира ударить солдата кулаком, если он не справился с обязанностями, не считалось неприличным; по крайней мере, при таких обстоятельствах, как во время отступления. Но

еще большего внимания заслуживает то необычайное влияние, которое ораторские способности Ксенофонта оказывали на умы армии. Он отличался от других полководцев, лакедемонских, аркадских, ахейских и т. д., тем, что мог воздействовать на умы солдат коллективно; и мы видим, что у него хватало здравого смысла, а также духа не уклоняться от того, чтобы говорить им неприятные истины. Несмотря на такую откровенность - или, скорее, отчасти благодаря ей, - его превосходство как полководца не только не уменьшилось по сравнению с другими, но и продолжало расти. Ибо что бы ни говорили о лести ораторов как о средстве влияния на народ, можно обнаружить, что хотя таким образом можно добиться определенных успехов, но везде, где влияние оратора было устойчивым и продолжительным (как у Перикла[236] или Демосфена), оно отчасти объясняется тем, что он имеет собственное мнение и не желает постоянно подстраиваться под предрасположенность слушателей. Без ораторского искусства Ксенофонта не было бы двигателя для разжигания и поддержания *sensus communis* десяти тысяч киреев, собравшихся в Котиоре, или для поддержания морального авторитета совокупности над отдельными членами и фракциями. Другие офицеры, несомненно, могли говорить достаточно хорошо, чтобы обращаться к солдатам с краткими ободрениями или простыми объяснениями; без этой способности ни один человек не годился для военного командования над греками. Но ораторское искусство Ксенофонта было более высокого порядка. Тот, кто изучит речь, произнесенную им в Котиоре, увидит ловкость в обращении с собравшимися толпами, - разборчивое использование иногда самых простых и прямых обращений, иногда косвенных инсинуаций или круговых переходов, чтобы обвести вокруг пальца умы слушателей, - владение теми фундаментальными политическими убеждениями, которые лежали глубоко в греческом уме, И наконец, способность к расширению и разнообразному повторению - то, что естественным образом передается воспитанием и практикой интеллигентного афинянина, но редко встречается в любом другом греческом городе. Энергия и рассудительность, проявленные Ксенофонтом в отступлении, несомненно, были не менее важны для его влияния, чем его ораторское искусство; но в этих вопросах мы можем быть уверены, что другие офицеры были почти равны ему.

Описанные выше важные общественные мероприятия не только восстановили влияние Ксенофонта, но и избавили от большого количества дурных предчувствий, а также заметно ослабили дурные привычки, выросшие в армии. Последовавшая вскоре за этим сцена не преминула поспособствовать развитию веселых и дружеских симпатий. Пафлагонский князь Корилас, устав от беспорядочных военных действий, которые велись между греками и жителями приграничья, отправил посланников в греческий лагерь с подарками лошадей и прекрасных одежд,[237] и с выражением желания заключить мир. Греческие генералы приняли подарки и пообещали представить предложение на рассмотрение армии. Но сначала они устроили для посланников пир, обеспечив при этом игры и танцы, а также другие развлечения, забавлявшие не только их, но и солдат в целом. Различные танцы, воинственные и пантомимические, фракийцев, мисийцев, инийцев, магнатов и т. д., описаны Ксенофонтом живо и интересно. На следующий день за ними последовал мирный договор, заключенный между армией и пафлагонцами.[238]

Вскоре после этого - из Ираклии и Синопа было собрано достаточное для всей армии количество транспортов - все солдаты были доставлены морем в последнее место, пройдя через устья рек Фермодон, Ирис и Галис, которые было бы невозможно пересечь по суше через Пафлагонию. Достигнув Синопа после дня и ночи плавания при попутном ветре, они были гостеприимно приняты и остановились в соседнем морском порту Арменке, где

синопийцы прислали им большой подарок в виде ячменной муки и вина и где они оставались в течение пяти дней.

Именно здесь к ним присоединился Хейрисоф, чье отсутствие так неожиданно затянулось. Но он прибыл лишь с одной триремой, не принеся с собой ничего, кроме послания от Анаксибия, лакедемонского адмирала в Босфоре; тот похвалил армию и пообещал, что их возьмут на довольствие, как только они выйдут из Эвксинского моря. Солдаты, сильно разочарованные тем, что он прибыл с пустыми руками, стали еще сильнее стремиться нанести какой-нибудь удар, чтобы пополнить свои собственные кошельки до того, как они достигнут Греции. Чувствуя, что для успеха любого такого проекта необходимо, чтобы он был подготовлен не только умело, но и тайно, они решили избрать одного генерала вместо того совета из шести (а может, и больше), который все еще действовал. Теперь Ксенофонт был настолько на высоте, что общее настроение армии сразу же обратилось в его сторону, а лохаги или капитаны, сообщая ему о задуманном, выражали ему свои тревожные надежды на то, что он не откажется от этого предложения. Соблазненный столь лестным предложением, он поначалу колебался, какой ответ дать. Но в конце концов неуверенность в том, что он сможет удовлетворить потребности армии, и страх подпортить репутацию, которую он уже завоевал, перевесили противоположные побуждения. Как и в других сомнительных случаях, так и в этом - он принес жертву Зевсу Басилею; и ответ, полученный от жертв, был таков, что заставил его отказаться. Поэтому, когда армия собралась, чтобы выбрать одного вождя, и приступила к выдвижению его кандидатуры, он с уважением и благодарностью отказался, сославшись на то, что Хейрисоф был лакедемонянином, а он сам им не был; добавив, что он с радостью будет служить под началом любого, кого они назовут. Его оправдание, однако, было отвергнуто армией, и особенно лохагами. Некоторые из них были аркадянами, и один из них, Агасий, при полном сочувствии солдат воскликнул, что если бы этот принцип был принят, то он, как аркадянин, должен был бы сложить с себя командование. Видя, что его прежний довод не был одобрен, Ксенофонт ознакомил армию с тем, что он принес жертву, чтобы узнать, должен ли он принять командование, и что боги категорически запретили ему это делать.^[239]

Тогда Хейрисоф был избран единственным командиром и взял на себя обязанность; он сказал, что охотно служил бы под началом Ксенофонта, если бы тот принял должность, но что для самого Ксенофонта было бы хорошо отказаться, так как Дексипп уже отравил против него ум Анаксибия, хотя он (Хейрисоф) решительно опроверг клевету.^[240]

На следующий день армия под командованием Хейрисофа отплыла в Гераклею; возле этого города их гостеприимно приняли и одарили едой, вином и быками, даже большими, чем в Синопе. Теперь стало ясно, что Ксенофонт поступил мудро, отказавшись от единоличного командования; кроме того, Хейрисоф, хотя и был избран полководцем, но очень долго отсутствовал, и в глазах солдат не имел такого значения, как Ксенофонт. В лагере под Гераклеей солдаты стали недовольны тем, что их генералы (ведь привычка считать Ксенофонта одним из них все еще сохранялась) не предпринимают никаких мер, чтобы раздобыть для них денег. Ахейец Ликон предложил потребовать от жителей Гераклеи не менее трех тысяч статеров кизикуса (около шестидесяти тысяч аттических драхм, или десяти талантов, равных двум тысячам тремстам фунтам); другой человек тут же перебил это предложение и предложил потребовать десять тысяч статеров - полное месячное жалование для армии. Было решено, что Хейрисоф и Ксенофонт должны отправиться к гераклеотам в качестве посланников с этим требованием. Но оба они с негодованием отказались участвовать в столь несправедливом вымогательстве у греческого города, который только что любезно принял войско и прислал красивые подарки. Тогда Ликон с двумя аркадскими

офицерами взял на себя миссию и сообщил о требовании, не без угроз в случае невыполнения, гераклеотам. Те ответили, что примут его к сведению. Но они дождались лишь отъезда посланников, после чего немедленно закрыли ворота, укрепили стены и вывезли свое имущество.

Потерпев неудачу, Ликон и остальные обратили свое недовольство на Хейрисофа и Ксенофонта, которых они обвинили в том, что они стали причиной его провала. И теперь они стали восклицать, что это позор для аркадян и ахейцев, которые составляли более половины армии и терпели все труды, чтобы подчиниться, а также обогатить генералов из других эллинских городов, особенно одного афинянина, который не предоставил никакого контингента в армию. И здесь примечательно, что из-за личной значимости Ксенофонта его все еще считали полководцем, хотя единоличное командование формальным голосованием было передано Хейрисофу. Недовольство было настолько сильным, что все аркадские и ахейские воины в армии, числом более четырех тысяч пятисот гоплитов, отказались от власти Хейрисофа, сформировались в отдельное подразделение и выбрали десять командиров из своего числа. Таким образом, все войско разделилось на три части: во-первых, аркадяне и ахейцы; во-вторых, тысяча четыреста гоплитов и семьсот пельтастов, приверженцев Хейрисофа; наконец, тысяча семьсот гоплитов, триста пельтастов и сорок всадников (все всадники в войске), присоединившихся к Ксенофонту, который, однако, принимал меры к тому, чтобы отплыть из Гераклеи в одиночку и совсем покинуть войско, что он и сделал бы, если бы его не сдерживали невыгодные жертвы.^[241]

Аркадская часть, отплыв сначала на судах из Гераклеи, высадилась в гавани Кальпе, незанятом мысе Вифинии или Азиатской Фракии, на полпути между Гераклеей и Византией. Оттуда они сразу же отправились в глубь Вифинии с целью захвата деревень и грабежа. Но из-за опрометчивости и плохого управления они сначала понесли несколько частичных потерь, а в конце концов были окружены на возвышенности большим количеством коренных вифинян со всех окрестных территорий. От гибели их спасло лишь неожиданное появление Ксенофонта с его отрядом, который вышел из Ираклии несколько позже, но во время марша случайно услышал об опасности, грозящей их товарищам. Таким образом, вся армия вновь собралась в Кальпе, где аркадяне и ахейцы, удрученные неудачей своей отдельной экспедиции, вновь создали старый союз и старых полководцев. Они выбрали Неона вместо Хейрисофа, который, уязвленный унижением, которому он подвергся, будучи сначала назначенным единственным командиром, а затем смещенным в течение недели, заболел лихорадкой и умер. Далее старшие аркадские капитаны приняли решение, что если кто-либо впредь предложит разделить армию на части, его следует предать смерти.^[242]

Местность Кальпе хорошо подходила для основания колонии, которую Ксенофонт, очевидно, был бы рад основать, хотя и не предпринимал никаких прямых мер к этому; солдаты же так стремились вернуться в Грецию и так ревновали, чтобы Ксенофонт не заманил их к себе, что почти избегали лагеря. Так случилось, что они задержались там на несколько дней, не имея возможности отправиться в путь даже за провизией, поскольку жертвоприношения не были благоприятными. Ксенофонт отказался вывести их, вопреки предупреждению о жертвоприношениях, хотя армия подозревала его в намеренном маневре с целью задержания. Однако Неон, менее щепетильный, вывел две тысячи человек, которые решили последовать за ним, испытывая сильные затруднения из-за нехватки провизии. Но, застигнутый врасплох туземными вифинянами при содействии некоторых войск персидского сатрапа Фарнабаза, он был разбит с потерей не менее пятисот человек; это несчастье Ксенофонт рассматривает как естественное возмездие за пренебрежение к жертвенному предупреждению. Об опасном положении Неона с остатками отряда быстро стало известно

в лагере, и Ксенофонт, отвязав от повозки быка - единственное животное, оказавшееся под рукой, - немедленно принес его в жертву. В этот раз жертва сразу же оказалась благоприятной, и он без промедления вывел большую часть войска на помощь подвергшемуся опасности отряду, который был благополучно возвращен в лагерь. Враг стал настолько дерзким, что ночью на лагерь было совершено нападение. На следующий день греки были вынуждены отступить на более прочную землю, окружив себя рвом и частоколом. К счастью, из Гераклеи прибыло судно, доставившее в лагерь в Кальпе запас ячменной муки, скота и вина; это восстановило дух армии, и на следующее утро она вышла вперед и начала агрессивные действия против вифинян и войск Фарнабаза. Эти войска были полностью разбиты и рассеяны, так что греки вернулись в свой лагерь в Кальпе вечером, в безопасности и хозяевами страны.[243]

В Кальпе они оставались еще некоторое время, ожидая прибытия Клеандра из Византии, который, как говорили, вот-вот должен был привести суда для их перевозки. Теперь они были в изобилии обеспечены припасами, причем не только за счет беспрепятственного грабежа соседних деревень, но и благодаря визитам торговцев, приезжавших с грузами. Впечатление, что они, по примеру Ксенофонта, готовятся основать новый город в Калпе, стало настолько сильным, что несколько соседних деревень отправили посланников, чтобы узнать, на каких условиях им будет предоставлен союз. Наконец пришел Клеандр, но только с двумя триерами.[244]

Клеандр был лакедемонским гармостом или правителем Византии. Его появление открывает нам новый этап в богатой событиями истории этой доблестной армии, а также позволяет понять, в каком состоянии находился греческий мир под властью Лакедемонской империи. Его сопровождал Дексипп, который служил в кирейской армии до прибытия в Трапезус и которому было доверено вооруженное судно для задержания транспортов, чтобы доставить войска домой, но он злоупотребил доверием, сбежав с кораблем в Византию.

Так случилось, что в тот момент, когда прибыл Клеандр, вся армия находилась в мародерском походе. Уже был издан приказ, согласно которому все, что было захвачено каждым, когда вся армия находилась в походе, должно было быть доставлено в город и рассматриваться как общественное имущество; хотя в дни, когда армия находилась в коллективном покое, каждый солдат мог отправиться в одиночку и забрать себе все, что он мог нагнать. В тот день, когда Клеандр прибыл и обнаружил, что вся армия ушла, некоторые солдаты как раз возвращались с большим количеством овец, которых они захватили. По праву овцы должны были быть сданы в общественный магазин. Но эти солдаты, желая присвоить их незаконно, обратились к Дексиппу и пообещали ему часть, если он позволит им сохранить остальное. Тогда тот вмешался, прогнал тех, кто претендовал на овец как на общественную собственность, и объявил их ворами Клеандру, который потребовал, чтобы тот привел их к нему. Дексипп арестовал одного из них, солдата, принадлежавшего к лоху или роте одного из лучших друзей Ксенофонта, аркадца Агасия. Последний взял его под свою защиту, а окружающие солдаты, возмущенные не столько прошлым, сколько нынешним поведением Дексиппа, разразились бурными выступлениями, называли его предателем и забрасывали камнями. Гнев их был так велик, что не только Дексипп, но и экипаж трирем, и даже сам Клеандр в тревоге бежали, несмотря на вмешательство Ксенофонта и других генералов, которые, с одной стороны, объяснили Клеандру, что это установленный армейский порядок, который эти солдаты пытаются соблюсти, а с другой - умилили мятежников. Но лакедемонский гармат был так разгневан как собственным испугом, так и клеветой Дексиппа, что пригрозил немедленно отплыть и объявить киреевское войско врагом Спарты, чтобы все эллинские города были лишены

права принимать их.[245] Напрасно полководцы, прекрасно зная о грозных последствиях такого интердикта, умоляли его отступить. Он согласился только при условии, что солдат, начавший бросать камни, а также вмешавшийся в дело офицер Агасий будут выданы ему. На последнем требовании особенно настаивал Дексипп, который, ненавидя Ксенофонта, уже пытался настроить Анаксибия против него и считал, что Агасий действовал по его приказу.[246]

Ситуация становилась все более критической, ведь солдатам было нелегко выдать своих товарищей, у которых было совершенно правое дело, хотя они и поддерживали его неоправданным насилием, за месть такого предателя, как Дексипп. Когда войско было созвано на собрание, некоторые из них дошли до того, что отнеслись к угрозе Клеандра с презрением. Но Ксенофонт постарался исправить ситуацию. "Солдаты, - сказал он, - не будет большим несчастьем, если Клеандр уйдет, как он грозит сделать, при его нынешнем настроении по отношению к нам. Мы находимся вблизи греческих городов; теперь лакедемоняне - императорская власть в Греции, и не только их уполномоченные офицеры, но даже каждый из их отдельных граждан может делать в различных городах все, что ему заблагорассудится. Если же Клеандр начнет с того, что закроет нам доступ в Византию, а затем прикажет лакедемонянам сделать то же самое в других городах, объявив нас незаконными и непокорными Спарте, - если, кроме того, такое же представление будет передано лакедемонскому адмиралу флота Анаксибию, - нам будет трудно остаться или уплыть; ведь лакедемоняне в настоящее время являются хозяевами как на суше, так и на море.[247] Мы не должны из-за одного-двух человек лишать всю армию возможности покинуть Грецию. Мы должны подчиняться всему, что прикажут лакедемоняне, тем более что наши города, к которым мы соответственно принадлежим, теперь подчиняются им. Что касается меня, то, как я понимаю, Дексипп сказал Клеандру, что Агасий никогда бы не пошел на такой шаг, если бы не мой приказ. Если Агасий сам это утверждает, я готов оправдать и его, и всех вас и предать себя любой жестокости наказания. Я также утверждаю, что любой другой человек, которого обвиняет Клеандр, должен таким же образом отдать себя под суд, чтобы с вас всех было снято обвинение. Будет очень тяжело, если в тот момент, когда мы достигнем Греции, нас не только лишат похвалы и почестей, которых мы ожидали, но и опустят еще ниже, чем других, и закроют доступ в греческие города".[248]

После этой речи фило-лаконца Ксенофонта - столь значительного свидетельства безмерного господства и вмешательства лакедемонян во всей Греции - Агасий поднялся и заявил, что он поступил не по приказу и не по поручению Ксенофонта; что он действовал под влиянием личного гнева, видя, как его честного и невинного солдата утащил предатель Дексипп; но что теперь он охотно отдал себя в жертву, чтобы отвратить от армии недовольство лакедемонян. Это великодушное самопожертвование, которое в момент сулило Агасию не что иное, как гибель, было принято армией, и генералы отвели его и спасенного им солдата в качестве пленников к Клеандру. Представив себя ответственным лицом, Агасий в то же время объяснил Клеандру позорное поведение Дексиппа перед войском и сказал, что ни с кем другим он не поступил бы подобным образом; а спасенный им солдат, которого в то же время выдали, также утверждал, что вмешался лишь для того, чтобы Дексипп и некоторые другие не отменили в своих личных интересах объявленный приказ всего войска. Клеандр, заметив, что если бы Дексипп поступил так, как утверждалось, он бы последним стал его защищать, но что никого не следовало бы побивать камнями без суда, пожелал оставить на рассмотрение сдавшихся и в то же время отказался от выражения своего недовольства по отношению ко всем остальным.[249]

После этого генералы удалились, оставив Клеандра с пленными и собираясь приступить к обеду. Но они удалились со скорбными чувствами, и Ксенофонт вскоре созвал армию, чтобы предложить послать общую депутацию к Клеандру, чтобы умолять его о снисхождении к их двум товарищам. Это предложение было горячо принято, и Ксенофонт во главе депутации, состоявшей из спартанца Драконтия и старших офицеров, обратился к Клеандру с убедительным воззванием, в котором сообщал, что его честь была удовлетворена безоговорочной сдачей двух требуемых лиц; что армия, глубоко переживая за двух заслуженных товарищей, умоляет его проявить милосердие и сохранить им жизнь; что в ответ они обещают ему самое беспрекословное повиновение и просят принять командование над ними, чтобы он мог лично убедиться в их точной дисциплине и сравнить их достоинства с достоинствами Дексиппа. Клеандр был не просто успокоен, но полностью покорен этим обращением; в ответ он заявил, что поведение генералов полностью опровергает данные ему (несомненно, Дексиппом) представления о том, что они стремятся отвратить армию от лакедемонян. Он не только вернул этих двух людей в свою власть, но и принял командование армией, пообещав провести ее обратно в Грецию.^[250]

Перспективы армии, таким образом, значительно улучшились; тем более что Клеандр, приступив к своим новым обязанностям командира, нашел солдат настолько бодрыми и организованными, что был очень доволен и обменялся с Ксенофонтom личными знаками дружбы и гостеприимства. Но когда пришло время жертвоприношений, чтобы начать поход на родину, знаки были настолько неблагоприятными в течение трех дней подряд, что Клеандр не мог заставить себя отважиться на такие предзнаменования в начале своей карьеры. Поэтому он заявил генералам, что боги явно запретили ему и оставили за ним право вести армию в Грецию; поэтому он должен отплыть обратно в Византию и принять армию наилучшим образом, когда она достигнет Босфора. После обмена подарками с солдатами он отплыл на двух своих триерах.^[251]

Благоприятное настроение, установившееся в душе Клеандра, в дальнейшем окажется весьма полезным для киреев в Византии; но у них был повод глубоко сожалеть о тех неблагоприятных жертвах, которые удержали его от принятия фактического командования в Кальпе. В просьбе, с которой они обратились к нему, чтобы он отправился в качестве их командира к Босфору, мы можем распознать план, и очень хорошо продуманный план, Ксенофонта; который прежде хотел оставить армию в Гераклее и ясно видел, что трудности с командиром, если он не лакедемонянин по положению и влиянию, будут возрастать с каждым шагом их приближения к Греции. Если бы Клеандр принял командование, с солдатами обращались бы лучше, а сам Ксенофонт мог бы либо остаться в качестве советника, либо отправиться домой. Скорее всего, он выбрал бы последнее.

Под командованием своих офицеров киреевцы отправились из Кальпа через Вифинию в Хрисополис,^[252] (на территории Халкедона на азиатском краю Босфора, прямо напротив Византии, как Скутари сейчас находится напротив Константинополя), где они пробыли семь дней, превращая в деньги рабов и грабежи, которые они собрали. К несчастью для них, лакедемонский адмирал Анаксибий находился сейчас в Византии, так что их друг Клеандр был под его командованием. А Фарнабаз, персидский сатрап северо-западных областей Малой Азии, сильно встревоженный тем, что они вторгнутся в его сатрапию, отправил частное послание Анаксибию, которого он убедил, пообещав большие подарки, немедленно переправить армию на европейскую сторону Босфора.^[253] Анаксибий, послав за генералами и лохагами в Византию, пригласил армию переправиться и заверил, что как только солдаты окажутся в Европе, он обеспечит их жалованьем. Другие офицеры сказали

ему, что они вернутся с этим посланием и возьмут на себя ответственность за армию; но Ксенофонт, по его собственному мнению, сказал, что он не должен возвращаться; что он должен теперь уйти из армии и отплыть из Византии. Только по настоятельной просьбе Анаксибия он был вынужден вернуться в Хрисополь и провести армию через него; при этом он понимал, что должен отплыть сразу после этого.

Здесь, в Византии, он получил первое сообщение от фракийского принца Сеутеса, который послал Медосадека предложить ему награду, если он переправит армию. Ксенофонт ответил, что армия переправится, что для этого не нужно никакого вознаграждения от Сеутеса, но что он сам собирается уехать, оставив командование в других руках. На самом деле вся армия переправилась без особых задержек, высадилась в Европе и оказалась в стенах Византии.^[254] Прибывший вместе с ними Ксенофонт вскоре после этого навестил своего друга, гармониста Клеандра, и откланялся ему, собираясь немедленно отбыть. Но Клеандр сказал ему, что он не должен думать об отъезде, пока армия не покинет город, и что он будет нести ответственность, если они останутся. На самом деле Клеандр был очень обеспокоен, пока солдаты находились в стенах, и прекрасно понимал, что уговорить их уйти будет нелегко. Ведь Анаксибий совершил грубый обман, пообещав им жалованье, которое он не имел ни возможности, ни желания обеспечить. Не выдав им ни жалованья, ни даже средств на покупку провианта, он отдал приказ, чтобы они с оружием и багажом вышли за ворота и были пронумерованы для немедленного похода; все, кто останется, подлежат наказанию. Это провозглашение было неожиданным и оскорбительным для солдат, которые почувствовали, что их обманули, и очень медленно повиновались. Поэтому Клеандр, настоятельно попросив Ксенофонта отложить отъезд до тех пор, пока он не выведет армию за стены, добавил: "Иди вперед, как будто ты собираешься идти вместе с ними; когда ты окажешься снаружи, ты можешь уходить, как только пожелаешь".^[255] Ксенофонт ответил, что этот вопрос нужно решить с Анаксибием, к которому они оба и отправились, и тот повторил те же указания, но в еще более императивной манере. Хотя Ксенофонту было ясно, что здесь он становится своего рода орудием обмана, который Анаксибий совершил в отношении армии, ему ничего не оставалось, как подчиниться. Поэтому он, как и другие генералы, встал во главе войск, которые, пусть и неохотно, последовали за ним и в большинстве своем прибыли за ворота. Этеоник (лакедемонский офицер, о котором я уже не раз упоминал в предыдущем томе), командуя у ворот, лично встал рядом с ними, чтобы, когда все киреевцы выйдут, немедленно закрыть их и закрепить засовом.^[256]

Анаксибий прекрасно понимал, что делает. Он предвидел, что сообщение последних приказов вызовет вспышку возмущения среди киреев, и хотел отсрочить ее до тех пор, пока они не выйдут наружу. Но когда внутри и на марше остались только самые задние роты, а все остальные вышли, он решил, что опасность миновала, и созвал к себе генералов и капитанов, все из которых, вероятно, находились у ворот, наблюдая за прохождением. Похоже, что Ксенофонт, предупредив о своем намерении уехать, не ответил на этот призыв как один из генералов, а остался снаружи среди солдат. "Возьмите необходимые припасы (сказал Анаксибий) в соседних фракийских деревнях, которые хорошо снабжены пшеницей, ячменем и другими предметами первой необходимости. Обеспечив себя всем необходимым, идите вперед к Херсонесу, и там Киниск даст вам жалованье".^[257]

Это был первый отчетливый намек Анаксибия на то, что он не намерен выполнять свое обещание найти жалованье для солдат. Кто такой Киниск, мы не знаем, да и киреевцам он, вероятно, был известен; но предписанный поход составлял не менее ста пятидесяти английских миль, а мог быть и гораздо длиннее. Маршрут не был указан, и генералы должны

были узнать у Анаксибия, должны ли они идти по так называемой Святой горе (то есть более коротким путем, огибая северное побережье Пропонтиды) или более внутренним и извилистым путем через Фракию; кроме того, должны ли они рассматривать фракийского князя Сеутеса как друга или врага.[\[258\]](#)

Вместо жалованья, официально обещанного им Анаксибием, если они перейдут из Азии в Византию, киреевцы оказались отосланными с пустыми руками в долгий поход через другую варварскую страну, со случайными припасами, которые можно будет добыть только собственными усилиями, и в конце его - неизвестный и неопределенный жребий; тогда как, если бы они остались в Азии, у них была бы в пределах досягаемости богатая сатрапия Фарнабаза. К вероломству в делах добавилось жестокое изгнание из Византии, даже без обычных проявлений гостеприимства; это резко контрастировало с тем обращением, которое армия недавно испытала в Трапезусе, Синопе и Ираклии; где их приветствовали не только комплиментами по поводу их прошлых достижений, но и обильным подарком муки, мяса и вина. Такое поведение не могло не вызвать самого сильного негодования в груди солдат; поэтому Анаксибий откладывал приказ до тех пор, пока последние солдаты не выходили, думая, что армия ничего не услышит об этом, пока генералы не выйдут из ворот, чтобы сообщить им; таким образом, ворота будут закрыты, а стены укреплены, чтобы противостоять любому нападению извне. Но его расчеты не оправдались. Либо кто-то из проходящих мимо солдат услышал его приказ, либо один из капитанов, составлявших его аудиторию, отделился от остальных и поспешил вперед, чтобы познакомить с ним своих товарищей на улице. Основной массе армии, и без того раздраженной негостеприимным способом, которым их выгнали, не требовалось ничего другого, чтобы разжечь стихийный мятеж и агрессию. Пока генералы внутри (которые либо более терпеливо восприняли сообщение, либо, по крайней мере, глядя вперед, чувствовали, что любая попытка возмутиться или воспротивиться дурному обращению спартанского адмирала только ухудшит их положение) обсуждали с Анаксибием детали только что предписанного похода, солдаты снаружи, взорвавшись спонтанным движением, с одновременным и пламенным порывом бросились назад, чтобы овладеть воротами. Но Этеоник, заметив их движение, без промедления закрыл их и закрепил засов. Воины, добравшись до ворот и обнаружив, что они заперты, стали громко требовать, чтобы их открыли, грозились выломать их и даже начали яростно стучать по ним. Некоторые побежали вниз, к берегу моря, и пробрались в город, огибая линию камней у основания городской стены, которая защищала его от моря; а самые задние солдаты, которые еще не вышли, видя происходящее и боясь быть отрезанными от своих товарищей, напали на ворота изнутри, разрубили топорами крепления и широко распахнули их перед войском.[\[259\]](#) Все солдаты бросились наверх и вскоре снова оказались в Византии.

Ничто не могло превзойти ужас как лакедемонян, так и коренных византийцев, когда они увидели возбужденных киреев снова в стенах. Казалось, город уже взят и вот-вот будет разграблен. Ни Анаксибий, ни Этеоник не предприняли ни малейших средств сопротивления и не остались, чтобы отважиться на приближение солдат, чей гнев они полностью осознавали, что заслужили. Оба бежали в цитадель - первый сначала добежал до берега моря и прыгнул в рыбацкую лодку, чтобы добраться до нее по морю. Он даже счел, что цитадель не выдержит с имеющимся гарнизоном, и послал в Халкедон за подкреплением. Еще больше были напуганы жители города. Все, кто находился на рыночной площади, мгновенно разбежались: одни - в свои дома, другие - на торговые суда в гавани, третьи - на триремы или военные корабли, которые они спустили на воду и таким образом вышли в море.[\[260\]](#)

К обману и грубости спартанского адмирала добавилась еще и неосмотрительность в способе исполнения, что грозило Византии полным разорением. Ведь было слишком вероятно, что киреевские солдаты, остро чувствуя недавнюю обиду, насытят свою месть и возместят себе недостаток гостеприимства, не отличая лакедемонский гарнизон от византийских граждан, и притом из одного лишь побуждения, не только без приказа, но и вопреки запретам своих генералов. Таков был расклад, когда они вновь собрались массой в воротах; и так, вероятно, было бы на самом деле, если бы Ксенофонт осуществил свой замысел отступить раньше, чтобы оставить других генералов действовать без него. Находясь снаружи вместе с солдатами, Ксенофонт сразу же почувствовал, как только увидел, что ворота открыты и армия снова находится в городе, что надвигается страшная чрезвычайная ситуация: во-первых, разграбление Византии, во-вторых, ужас и антипатия по всей Греции к киреевским офицерам и солдатам без разбора, и, наконец, неумолимое возмездие, наложенное на всех силой Спарты. Охваченный этими тревогами, он поспешил в город вместе с толпой, прилагая все усилия, чтобы умиротворить ее и привести в порядок. Они же, обрадованные его появлением и сознавая свою силу, стремились возбудить в нем то же желание, что и в себе, и убедить его повторить и приукрасить их нынешний триумф. "Настало твое время, Ксенофонт, - восклицали они, - сделаться мужчиной. У тебя здесь есть город, у тебя есть триремы, у тебя есть деньги, у тебя много солдат. Если хочешь, ты можешь обогатить нас, а мы в свою очередь сделаем тебя могущественным". "Ты хорошо говоришь (ответил он); я сделаю так, как ты предлагаешь; но если ты хочешь чего-нибудь добиться, ты должен немедленно стать в военную шеренгу". Он знал, что это первое условие для возвращения спокойствия; и, по счастливой случайности, место под названием Фракион, непосредственно примыкающее к внутренним воротам, было ровным, открытым и чистым от домов; оно представляло собой прекрасное место для оружейного боя или для смотра. Вся армия - отчасти из-за долгой военной практики, отчасти под впечатлением того, что Ксенофонт действительно собирается поддержать их желания и направить какую-то агрессивную операцию, - почти по своей воле выстроилась на Фракионе в ровный ряд; гоплитов - восемь в глубину, пельтастов - на каждом фланге. Именно в таком положении Ксенофонт обратился к ним со следующими словами: "Воины!

"Воины! Я не удивлен, что вы разгневаны и считаете себя скандально обманутыми и обиженными. Но если мы дадим волю гневу, если накажем этих лакедемонян, стоящих сейчас перед нами, за их вероломство и разграбим этот невинный город, - подумайте, каковы будут последствия. Мы сразу же будем объявлены врагами лакедемонян и их союзников; а что это будет за война, те, кто был свидетелем и до сих пор помнит недавние события истории, могут легко представить себе. Мы, афиняне, вступили в войну со Спартой, имея мощную армию и флот, богатые доходы и многочисленные города-притоки как в Азии, так и в Европе, в том числе и эту самую Византию, в которой мы сейчас стоим. Мы были побеждены так, как вы все знаете. И какова же будет судьба нас, солдат, когда у нас будут объединенные враги, Спарта со всеми ее старыми союзниками и Афинами, Тиссаферн и варварские войска на побережье, и, прежде всего, Великий Царь, которого мы шли, чтобы свергнуть и убить, если бы мы были в состоянии? Неужели кто-то настолько глуп, чтобы думать, будто у нас есть шанс выстоять против стольких врагов? Давайте не будем безумно ввергать себя в бесчестье и разорение, не будем навлекать на себя вражду наших собственных отцов и друзей, которые находятся в городах, которые возьмут оружие против нас, - и возьмут оружие справедливо, если мы, которые воздерживались от захвата любого варварского города, даже когда у нас было достаточно сил, тем не менее сейчас разграбим первый греческий город, в который мы были допущены. Что касается меня, то пусть лучше я

буду похоронен на глубине десяти тысяч сажений в земле, чем увижу, как вы совершаете подобные поступки; и я также призываю вас, как греков, повиноваться вождям Греции. Старайтесь, повинувшись им, добиться своих справедливых прав; если же вам это не удастся, скорее покоритесь несправедливости, чем отторгните себя от греческого мира. Пошлите сообщить Анаксибию, что мы вошли в город, но не с целью совершить какое-либо насилие, а в надежде, если возможно, получить от него преимущества, которые он нам обещал. Если нам это не удастся, мы, по крайней мере, докажем ему, что покинули город не под влиянием его мошеннических маневров, а руководствуясь собственным чувством долга повиновения".[261]

Эта речь полностью остановила бурный порыв армии, привела ее к истинному пониманию своего положения и побудила принять предложение Ксенофонта. Они остались неподвижными на своей позиции на Фракионе, а три капитана были отправлены для связи с Анаксибием. Пока они ждали, к ним подошел фиванец по имени Кератадас, который когда-то командовал в Византии при лакедемонянах во время предыдущей войны. Теперь он стал своего рода профессиональным кондотьером или генералом, подыскивая себе армию для командования, где бы он ее ни нашел, и предлагая свои услуги любому городу, который согласится его принять. Он обратился к собравшимся киреям и предложил, если они примут его за своего генерала, вести их против Дельты Фракии (пространство между северо-западным углом Пропонтиды и юго-западным углом Эвксинского моря), которая, по его словам, была богатой территорией, представляющей большие возможности для грабежа; кроме того, он обещал обеспечить их достаточным пропитанием во время похода. Вскоре посланцы вернулись с ответом Анаксибия, который принял послание благосклонно, пообещав, что армия не только не будет сожалеть о своем повиновении, но и сообщит об их хорошем поведении властям дома и сделает все, что в его силах, чтобы способствовать их комфорту.[262] Он больше ничего не сказал о том, что берет их на жалованье; это заблуждение теперь оправдало себя. Солдаты, выслушав его сообщение, приняли решение признать Кератадаса своим будущим командиром, а затем вышли из города. Как только они оказались на улице, Анаксибий, не ограничившись тем, что закрыл перед ними ворота, во всеуслышание объявил, что если кого-нибудь из них найдут в городе, то он должен быть немедленно продан в рабство.

Во всей греческой истории найдется не так много случаев, когда искусная речь помогла бы предотвратить столько зла, сколько было предотвращено этой речью Ксенофонта перед войском в Византии. За все время своего командования он не оказал им более значительной услуги. Плачевные последствия, которые могли бы наступить, если бы армия не прекратила свой агрессивный порыв, - сначала для жителей города, в конечном счете для них самих, в то время как Анаксибий, единственный виновник, имел возможность спастись бегством по морю даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, - изложены Ксенофонтом скорее ниже, чем выше реальности. В то же время ни один оратор не брался за более сложное дело и не добивался более полного триумфа над бесперспективными условиями. Если мы рассмотрим чувства и положение армии в тот момент, когда она ворвалась в город, мы будем удивлены, что какой-либо полководец мог остановить ее движение. Несмотря на то, что, только что оправившись от славы, они были сначала вероломно переправлены из Азии, а затем грубо изгнаны Анаксибием; и хотя можно с уверенностью сказать, что граждане Византии не имели никакого отношения ни к тому, ни к другому, в военных операциях обычно не обращают внимания на различие между гарнизоном и гражданами в атакованном городе. С оружием в руках, с сознанием силы, вытекающей из их подвигов в Азии, киреевцы в то же

время были воодушевлены возможностью и отомстить за недавнюю обиду, и обогатиться в процессе ее нанесения; к этому можно добавить возбуждение от той спешки, благодаря которой они получили реэнтрию, и еще тот факт, что без ворот им нечего было ожидать, кроме плохой, тяжелой, непривлекательной службы во Фракии. Если солдаты уже одержимы подобным порывом, каков шанс, что отставной генерал, собирающийся покинуть армию, сможет так подействовать на их разум, чтобы побудить их отказаться от лежащей перед ними добычи? Ксенофонт не на что было ссылаться, кроме отдаленных соображений, отчасти эллинской репутации, главным образом благоразумия; соображения, действительно, неоспоримой реальности и огромного масштаба, но относящиеся к далекому будущему и потому не имеющие сравнительной силы, разве что изложенные оратором в превознесенных символах. Насколько мощно он воздействовал на умы своих слушателей, чтобы извлечь эти далекие опасности из облака нынешних чувств, которыми они были покрыты, - насколько умело он использовал в качестве иллюстрации пример своего родного города, - увидят все, кто изучит его речь. Никогда его афинские достижения, его талант выражать словами важные мысли, его умение быстро воспользоваться ситуацией и управлять настроениями бурной толпы не проявлялись с большей пользой, чем когда он был внезапно призван для решения ужасной чрезвычайной ситуации. Его уже сложившаяся репутация и привычка подчиняться его приказам были несомненными условиями успеха. Но ни один из его коллег по командованию не смог бы произвести столь же незабываемые перемены в умах солдат или добиться послушания простым властным запретом; более того, вполне вероятно, что если бы Ксенофонта не было под рукой, другие генералы последовали бы за страстным движением, даже если бы они были неохотны, - из-за простой невозможности подавить его.^[263] Опять же, каковы бы ни были достижения Ксенофонта, несомненно, что даже *он* не смог бы воздействовать на умы этих возбужденных солдат, если бы они не были греками и гражданами, а также солдатами, - воспитанными в эллинских симпатиях и привыкшими к эллинскому порядку, с авторитетом, действующим отчасти через голос и убеждение, а не через персидскую плетть и орудия пыток. Памятная речь о Фракионе в Византии иллюстрирует работу этого убеждающего средства, которое составляло одну из постоянных сил и ярких прелестей эллинизма. Она учит нас, что если оратор мог иногда обвинять невинных подсудимых и извращать хорошо настроенные собрания - часть дела, которую историки Греции часто представляют как целое, - он мог также, и это в самых сложных ситуациях, бороться с сильнейшей силой нынешних страстей и приводить в явное присутствие полузаметные очертания дальновидного разума и долга.

Выведя армию из города, Ксенофонт через Клеандра отправил послание Анаксибию с просьбой разрешить ему снова войти одному, чтобы отправиться в путь морем. Его просьба была удовлетворена, хотя и не без труда; после чего он покинул армию, под самые сильные выражения привязанности и благодарности с ее стороны,^[264] и отправился в Византию вместе с Клеандром; на следующий день пришел Кератадас, чтобы принять командование согласно договоренности, взяв с собой пророка и зверей для жертвоприношения. За ним следовали двадцать человек с мешками ячменной муки, еще двадцать - с кувшинами вина, трое - с оливками, а один - со связкой чеснока и лука. Уложив все эти запасы, Кератадас приступил к жертвоприношению, которое должно было предшествовать распределению их между воинами. В первый день, когда жертвы были неблагоприятными, раздачи не произошло; на второй день Кератадас стоял с венком на голове у алтаря и с жертвами рядом, собираясь возобновить жертвоприношение, - когда вмешались Тимасион и другие офицеры, попросили его воздержаться и отстранили от командования. Возможно, первые неудачные жертвоприношения отчасти подтолкнули их к этому шагу. Но главной причиной был скудный запас, недостаточный даже для однодневного пропитания армии, привезенный Кератадасом, и очевидная недостаточность его средств.^[265]

После отъезда Кератада армия расположилась в некоторых фракийских деревнях недалеко от Византии под командованием прежних офицеров, которые, однако, не могли прийти к согласию относительно дальнейшего порядка похода. Клианор и Фриниск, получившие подарки от Сеутеса, настаивали на целесообразности перейти на службу к этому фракийскому князю; Неон настаивал на том, чтобы отправиться в Херсонес под началом лакедемонских офицеров на этом полуострове (как и предполагал Анаксибий); предполагая, что он, как лакедемонянин, получит там командование над всей армией; а Тимасион, желая вновь обосноваться в родном городе Дардане, предложил вернуться на азиатскую сторону пролива.

Хотя этот последний план встретил решительное одобрение в армии, его нельзя было осуществить без судов. А их у Тимасиона было мало или совсем не было; поэтому произошла значительная задержка, во время которой солдаты, не получая жалованья, впали в тяжелое положение. Многие из них даже были вынуждены продать свое оружие, чтобы добыть пропитание; другие же получили разрешение поселиться в соседних городах под условием разоружения. Таким образом, вся армия постепенно таяла, к большому удовольствию Анаксибия, который очень хотел, чтобы цели Фарнабаза осуществились. Постепенно она, вероятно, была бы распущена совсем, если бы не изменение интересов Анаксибия, побудившее его содействовать ее реорганизации. Он отплыл из Византии к азиатскому побережью, чтобы сообщить Фарнабазу, что киреевцы больше не могут причинять беспокойство, и потребовать обещанной награды. Более того, похоже, что и сам Ксенофонт отплыл из Византии, воспользовавшись той же возможностью. Когда они достигли Кизикуса, то встретили лакедемонянина Аристарха, который выходил в качестве новоназначенного гармаста Византии, чтобы сменить Клеандра, и который сообщил Анаксибию, что Полюс вот-вот прибудет, чтобы сменить его на посту адмирала. Желая встретиться с Фарнабазом и удостовериться в получении взятки, Анаксибий на прощание велел Аристарху продать в рабство всех киреев, которых он найдет в Византии по прибытии, а затем продолжил свое плавание вдоль южного побережья Пропонтиды до Парима. Но Фарнабаз, уже получив уведомление о смене адмиралов, понял, что дружба Анаксибия больше не имеет ценности, и не стал больше к нему прислушиваться; в то же время он послал в Византию, чтобы заключить подобный договор с Аристархом против киреевской армии.[266]

Анаксибий был до глубины души уязвлен таким сочетанием разочарования и оскорбления со стороны сатрапа. Чтобы отомстить за это, он решил использовать тех самых солдат, которых сначала развратил и обманом переправил в Европу, затем изгнал из Византии и, наконец, приказал продать в рабство, насколько таковые еще можно было найти в этом городе; вернуть их в Азию для действий против Фарнабаза. В связи с этим он обратился к Ксенофону и приказал ему без промедления присоединиться к армии, чтобы держать ее вместе, вернуть отставших солдат и переправить все тело в Азию. Он предоставил ему вооруженное судно на тридцать весел, чтобы переправиться из Парима в Перинф, и послал императивный приказ перинфянам снабдить его лошадьми, чтобы он мог с наибольшей скоростью добраться до армии. [267] Возможно, Ксенофону было бы небезопасно послушаться этого приказа при любых обстоятельствах. Но идея выступить вместе с армией в Азии против Фарнабаза под санкцией лакедемонян, вероятно, была для него очень приемлемой. Он поспешил к войску, которое радостно встретило его возвращение и с удовольствием приняло предложение переправиться в Азию, что было большим улучшением для их заброшенного и нищего состояния. Он провел их в Перинф и расположился под стенами города, отказавшись по пути через Селимбрию от второго предложения Сеутеса воспользоваться услугами армии.

В то время как Ксенофонт пытался найти транспорт для перевозки армии в Перинфе, туда прибыл новый гармат Аристарх с двумя триремами из Византии. Похоже, что не только Византия, но и Перинф, и Селимбрия были включены в его управление в качестве гармоста. Прибыв в Византий, чтобы сменить Клеандра, он нашел там не менее четырехсот киреев, в основном больных и раненых, которых Клеандр, несмотря на недоброжелательство Анаксибия, не только отказался продать в рабство, но и поселил у граждан и заботливо ухаживал за ними; так сильно проявилось его доброе чувство к Ксенофону и к армии. Мы с негодованием читаем, что Аристарх, немедленно прибыв в Византий и сменив его, не довольствовался даже тем, что выслав эти четыреста человек из города, а схватил их - греков, граждан и солдат, какими они были, - и продал всех в рабство.[268] Узнав о передвижениях Ксенофонта с войском, он прибыл в Перинф, чтобы помешать их переправе в Азию; он наложил эмбарго на транспорты в гавани и лично предстал перед собравшимся войском, чтобы запретить солдатам переправляться. Когда Ксенофонт сообщил ему, что Анаксибий дал им приказ переправиться и послал его специально для того, чтобы провести их, Аристарх ответил: "Анаксибий больше не является адмиралом, а я нахожусь в этом городе. Если я поймаю кого-нибудь из вас в море, я потоплю вас". На следующий день он послал пригласить генералов и капитанов (лохагов) на совещание в стенах. Они уже собирались войти в ворота, когда Ксенофонт, который был среди них, получил частное предупреждение, что если он войдет, то Аристарх схватит его и либо предаст смерти, либо отправит в плен к Фарнабазу. Поэтому Ксенофонт отправил вперед остальных, а сам остался с войском, утверждая, что обязан принести жертву. Поведение Аристарха, который, увидев остальных без Ксенофонта, отослал их прочь и пожелал, чтобы все они пришли после обеда, подтвердило справедливость его подозрений относительно неминуемой опасности, от которой его уберегло это случайное предупреждение.[269] Нет нужды добавлять, что Ксенофонт проигнорировал второе приглашение не меньше, чем первое; более того, третье приглашение, которое Аристарх послал впоследствии, было проигнорировано всеми.

Перед нами лакедемонский вредитель, не побрезговавший подстроить предательство, столь же вопиющее, как и то, которое Тиссаферн совершил на берегу Заба, чтобы заманить в ловушку Клиарха и его коллег, - и это против грека, офицера высочайшего положения и заслуг, который только что спас Византию от разграбления, а теперь фактически выполнял приказ, полученный от лакедемонского адмирала Анаксибия. Если бы случайное предупреждение было упущено, Ксенофонт, несомненно, попал бы в эту ловушку, и мы не могли бы с полным основанием обвинить его в неосмотрительности - настолько он был вправе рассчитывать на прямолинейное поведение в сложившихся обстоятельствах. Но то же самое нельзя сказать о Клеархе, который, несомненно, проявил прискорбную доверчивость, как бы ни был гнусен обман, жертвой которого он стал.

Во время второй беседы с другими офицерами Аристарх, запретив войску переправляться через воду, велел им пробиваться по суше через фракийцев, занимавших Святую гору, и таким образом добраться до Херсонеса, где (по его словам) они должны получить жалованье. Неон Лакедемонский с восемью сотнями гоплитов, которые подчинялись его отдельному командованию, отстаивал этот план как наилучший. Однако против него было предложение Сеутеса взять армию на жалованье, которое Ксенофонт был склонен предпочесть, не желая думать о том, что его запрут на узком полуострове Херсонеса, под абсолютным командованием лакедемонского хармоста, с большой неопределенностью как в отношении жалованья, так и провианта.[270] Кроме того, этим разочарованным войскам было крайне необходимо предпринять какое-то немедленное движение; ведь их привели к воротам Перинфа в надежде сразу же переправиться на корабль; была середина зимы, они стояли лагерем в открытом поле, под жестоким холодом Фракии, у них не было ни

гарантированных запасов, ни даже денег на покупку, если бы рынок был рядом.[271]

Ксенофонт, который привел их в окрестности Перинфа, теперь снова должен был вывести их из этого невыносимого положения, и он начал приносить жертвы, согласно своему обычаю, чтобы узнать, побудят ли боги рекомендовать ему заключить договор с Сеутесом.

Жертвоприношения оказались настолько благоприятными, что он сам, вместе с доверенным лицом от каждого из генералов, ночью отправился с визитом к Сеутесу, чтобы четко понять его предложения и цели.

Месадеc, отец Сеутеса, был, по-видимому, зависимым князем в великой монархии одрисских фракийцев, столь грозным в первые годы Пелопоннесской войны. Но кишечные беспорядки лишили его княжества над тремя фракийскими племенами; теперь Сеутес стремился восстановить его с помощью кирейской армии. Он предложил каждому солдату по одному статеру кизикуса (около двадцати аттических драхм, или почти столько же, сколько они первоначально получали от Кира) в качестве жалованья в месяц; вдвое больше каждому лохагу или капитану, в четыре раза больше каждому из генералов. В случае если они навлекут на себя вражду лакедемонян, присоединившись к нему, он гарантировал им право на поселение и братскую защиту на своей территории. Каждому из генералов, сверх жалованья, он обещал выделить крепость на берегу моря с участком земли вокруг нее и волами для обработки. А Ксенофонт, в частности, он предложил владение Бисанфом, лучшим пунктом на побережье. "Я также (добавил он, обращаясь к Ксенофонтy) отдам тебе в жены свою дочь, а если у тебя есть дочь, я выкуплю ее у тебя в жены по обычаю Фракии".[272] Кроме того, Сеутес обязался никогда и ни при каких обстоятельствах не вести их дальше, чем на семь дней пути от моря, не более.

Эти предложения были настолько либеральными, насколько могла рассчитывать армия; и сам Ксенофонт, недоверявший лакедемонянам, как и они ему, похоже, рассчитывал на приобретение фракийской береговой крепости и территории (такой, какую до него получили Мильтиад, Алкивиад и другие афинские вожди) как ценного убежища в случае необходимости.[273] Но даже если бы обещание было менее благоприятным, у киреев не было альтернативы, так как у них не было даже нынешних запасов, не говоря уже о средствах к существованию в течение всей зимы, а отплытие морем было невозможно из-за лакедемонян. На следующий день Ксенофонт и другие генералы представили Сеутеса армии, которая приняла его предложения и заключила сделку.

В течение двух месяцев они находились на его службе, ведя войну с различными фракийскими племенами, которых ему удалось покорить и разорить, так что к концу этого периода он владел обширными владениями, многочисленным туземным войском и значительной данью. Хотя армия страдала от холода в течение этих двух месяцев полной зимы и среди снежных гор Фракии, тем не менее, благодаря своим походам вместе с Сеутесом, они смогли добыть себе пропитание, что вряд ли можно было сделать каким-либо другим способом. Но предложенное им жалованье так и не было выплачено; по крайней мере, за два месяца службы они получили жалованье только за двадцать дней и чуть больше. А сам Ксенофонт, так и не добившись выполнения тех великолепных обещаний, которые Сеутес дал ему лично, похоже, даже не получил своего жалованья как один из генералов. Для него самого результат был крайне несчастлив; поскольку он лишился доброго расположения Сеутеса, настойчиво требуя и жалуясь, чтобы получить причитающееся солдатам жалованье; в то время как они, обвиняя его в попустительстве невыполнению обещания, отчасти отчуждались от него. Много бед принесли коварные интриги и клевета продажного грека из Маронеи по имени Ираклид, который был министром и казначеем Сеутеса.

Из-за недостатка места я вынужден опустить рассказ Ксенофонта о взаимоотношениях армии с Сеутесом и о войне с враждебными фракийскими племенами, интересный с точки зрения сопоставления греческих и фракийских нравов. Похоже, что она была написана Ксенофонтом под влиянием острого личного разочарования и, вероятно, в опровержение клеветы в свой адрес, будто бы он причинил вред армии. Поэтому мы можем проследить в ней тон преувеличенной раздражительности и жалобы на то, что солдаты были неблагодарны к нему. Действительно, часть армии, полагая, что он был богато вознагражден Сеутесом, в то время как они не получили положенного жалованья, выражала против него яростные чувства и ложь.[274] Пока такие подозрения не были опровергнуты, неудивительно, что армия была отчуждена; но они были совершенно готовы выслушать обе стороны, и Ксенофонт с триумфом опроверг обвинения. В том, что в конце концов их чувства к нему были чувствами уважения и благосклонности, он признается своими собственными словами,[275] доказывая, что неблагодарность, на которую он жалуется, была чувством некоторых, но не всех.

Трудно сказать, какова была бы судьба этой доблестной армии, когда Сеутес, получив из их рук за два месяца все, что хотел, стал стремиться отправить их без жалованья, - если бы их не спасло изменение интересов и политики со стороны всемогущей Спарты. Лакедемоняне только что объявили войну Тиссаферну и Фарнабазу, отправив Фимброна в Азию для начала военных действий. Им очень захотелось переправить киреев в Азию, что до сих пор запрещал их начальник Аристарх, и взять их на постоянное содержание; для этого Фимброн поручил двум лакедемонянам, Хармину и Полинику, предложить армии такое же жалованье, какое было обещано, но не выплачено Сеутесом, и какое первоначально было выплачено Киром. Сеутес и Ираклид, желая ускорить отход солдат, постарались заручиться поддержкой лакедемонян.[276] Армия с радостью приняла это предложение, хотя громко жаловалась на обман, совершенный над ними Сеутесом; Хармин, по просьбе Ксенофонта, тщетно добивался от фракийского принца исправления ситуации.[277] Он даже послал Ксенофонта потребовать недоимку от имени лакедемонян, что дало афинянину возможность прочитать Сеутесу суровую лекцию.[278] Но тот оказался менее доступен для красноречия, чем собравшиеся киреевские солдаты; Ксенофонт не получил ничего, кроме жалких дивидендов от причитающейся суммы, - вместе с вежливыми выражениями в свой адрес, приглашением остаться на службе с тысячей гоплитов вместо того, чтобы отправиться в Азию с армией, - и повторными обещаниями, которые теперь вряд ли найдут большой успех, о форте и пожаловании земель.

Когда армия, сократившаяся в результате потерь и рассеяния до шести тысяч человек,[279] была готова к переходу в Азию, Ксенофонт хотел вернуться в Афины, но его уговорили остаться с ними до соединения с Фимброном. В это время он был настолько беден, что ему не хватало денег на дорогу домой, и он был вынужден продать свою лошадь в Лампсакусе, азиатском городе, где высадилась армия. Здесь он нашел Эвклида, флизийского пророка, с которым часто общался и приносил жертвы в Афинах. Этот человек, спросив Ксенофонта, сколько он приобрел в походе, не поверил ему, когда тот заявил о своей бедности. Но когда они вместе стали приносить жертву из животных, присланных Лампсакенами в подарок Ксенофону, Эвклид не успел осмотреть внутренности жертв, как сказал Ксенофону, что полностью доверяет его словам. "Я вижу, - сказал он, - что даже если деньги когда-нибудь придут к тебе, ты сам будешь препятствовать этому, даже если не будет другого (тут Ксенофонт согласился); Зевс Мелихиос (Милостивый)[280] - вот настоящая преграда. Приносил ли ты ему когда-нибудь жертвы, целые всесожжения, как мы вместе делали в Афинах?" "Никогда (ответил Ксенофонт), на протяжении всего похода". "Тогда сделай это сейчас (сказал Эвклид), и это будет тебе на пользу". На следующий день, достигнув

Офринии, Ксенофонт выполнил предписание и принес в жертву Зевсу Мелихию маленьких свиней, как это было принято в Афинах во время народного праздника под названием Диасия. И в тот же день он почувствовал благотворное влияние этого поступка: Битон и другой посланник прибыли от лакедемонян с авансом на жалование армии и с таким расположением к себе, что выкупили для него его коня, которого он только что продал в Лампсакусе за пятьдесят дариков. Это было равносильно тому, что он получил более чем годовое жалование на руки (жалование, которое он получил бы как генерал, составляло четыре дарики в месяц, или в четыре раза больше, чем солдат), и это в то время, когда он, как известно, находился в пути, а потому не стал задерживаться, чтобы заработать его. Недостатки Сеутеса теперь с огромным интересом, так что Ксенофонт стал жить лучше всех в армии; правда, он сам преуменьшает величину подарка, представляя его как деликатный комплимент, чтобы вернуть ему любимую лошадь.

Так благодарно и мгновенно Зевс Милостивый откликнулся на жертву, которую Ксенофонт, после долгого молчания, получил наставление Эвклида принести. И, несомненно, Ксенофонт более чем когда-либо утвердился в убеждении, которое проявляется во всех его сочинениях, что жертвоприношение не только указывает по внутреннему облику жертв на характер грядущих событий, но и, если оно приносится нужному богу и в нужное время, определяет его волю, а значит, и ход событий, на благоприятный или неблагоприятный.

Но благосклонность Зевса Милостивого, хотя и началась, еще не закончилась. Ксенофонт провел армию через Троаду и гору Иду к Антандру, оттуда вдоль побережья в Лидию, через равнину Феб и город Адрамитиум, оставив Атарней по правую руку, к Пергаму в Мисии, городу на холме, нависающему над рекой и равниной Кяйкус. Этот район занимали потомки эретрийца Гонгила, который, будучи изгнанным за то, что перешел на сторону персов, когда Ксеркс вторгся в Грецию, был вознагражден (как и спартанский царь Демарат) княжеством под властью Персидской империи. Его потомок, другой Гонгилус, теперь занимал Пергам со своей женой Элладой и сыновьями Горгионом и Гонгилусом. Ксенофонт был принят здесь с большим гостеприимством. Эллада сообщила ему, что могущественный перс по имени Асидат с женой, семьей и имуществом живет сейчас в башне неподалеку, на равнине, и что для захвата этой ценной добычи достаточно внезапного ночного похода с тремя сотнями человек, к которым должен направить его ее двоюродный брат. Принеся жертву и убедившись, что жертвы благоприятны, Ксенофонт после вечерней трапезы сообщил о своем плане тем капитанам, которые были наиболее привязаны к нему на протяжении всей экспедиции, желая сделать их соучастниками прибыли. Как только об этом стало известно, многие добровольцы, числом до шестисот человек, стали просить разрешения присоединиться к ним. Но капитаны отбили их, отказавшись взять более трехсот человек, чтобы добыча принесла каждому из них большой дивиденд.

Начав поход вечером, Ксенофонт со своим отрядом из трехсот человек около полуночи достиг башни Асидата; она была большой, возвышенной, густо застроенной и содержала значительный гарнизон. Она служила для защиты его скота и рабов, выращиваемых вокруг, как баронский замок в средние века; но нападавшие пренебрегли этим грабежом, чтобы быть более уверенными в захвате самого замка. Однако его стены оказались гораздо прочнее, чем ожидалось; и хотя на рассвете удалось пробить брешь, гарнизон так упорно оборонялся, что проникнуть внутрь не удалось. Асидат подавал всевозможные сигналы и крики, чтобы получить помощь от персидских войск, находившихся поблизости; вскоре их стало прибывать такое количество, что Ксенофонт и его компания были вынуждены отступить. И отступление их, после тяжелых страданий и ран почти половины из них,

завершилось только благодаря помощи Гонгила с его войсками из Пергама и Проклеса (потомка Демарата) из Галисарны, расположенной немного дальше по морю.[281]

Хотя его первое предприятие не удалось, Ксенофонт вскоре разработал планы второго, задействовав всю армию; ему удалось доставить Асидата в плен в Пергам с женой, детьми, лошадьми и всем его личным имуществом. Таким образом (говорит он, заботясь прежде всего о достоверности жертвенных пророчеств) "предыдущие жертвоприношения (те, что сулили благоприятный исход перед первой неудачной попыткой) теперь сбылись".[282] Лица этой семьи, несомненно, были выкуплены их персидскими друзьями за большой выкуп;[283] который, вместе с принесенной добычей, составил огромную сумму, подлежащую разделу.

При разделе Ксенофонту была отдана общая дань симпатии и восхищения, с которой единодушно согласилась вся армия - генералы, капитаны и солдаты, а также лакедемоняне. Как и Агамемнону в Трое, ему было позволено выбрать для себя отобранные партии лошадей, мулов, волов и других предметов добычи; таким образом, он стал обладателем доли, достаточно ценной, чтобы сразу же обогатить его, в дополнение к пятидесяти дарикам, которые он получил ранее. "Здесь у Ксенофонта (выражаясь его собственным языком[284]) не было причин жаловаться на бога" (Зевса Мелихия). Мы можем добавить, - что он должен был добавить, учитывая обвинения, которые он выдвинул ранее, - что у него также не было причин жаловаться на неблагодарность армии.

Как только Фимброн прибыл со своими силами, и киреевцы стали частью его армии, Ксенофонт оставил их. Положив в храм в Эфесе ту часть, которая была доверена ему как полководцу, из десятины, выделенной армией в Керасе для эфесской Артемиды,[285], он, похоже, осуществил свое намерение вернуться в Афины.[286] Он должен был прибыть туда после отсутствия около двух с половиной лет, в течение нескольких недель, самое большее, после смерти своего друга и наставника Сократа, суд и осуждение которого были описаны в моем последнем томе. Это меланхоличное событие, несомненно, произошло во время его отсутствия в Афинах;[287] но стало ли ему об этом известно до того, как он добрался до города, мы не знаем. О том, какое горе и негодование оно вызвало в его душе, можно судить по его сборнику воспоминаний о жизни и беседах Сократа, известному под названием *Memorabilia* и, вероятно, составленному вскоре после его приезда.

То, что через три года после этого он снова был в Азии на военной службе у лакедемонского царя Агесилая, подтверждается его собственными словами; но в какой именно момент он покинул Афины для второго визита в Азию, нам остается только догадываться. Я склонен полагать, что он не оставался дома много месяцев, а следующей весной снова отправился в Азию к киреям, снова стал их командиром и два года служил под началом спартанского полководца Деркиллидаса до прибытия Агесилая. Такая военная служба, несомненно, пришлась бы ему по вкусу, в то время как пребывание в Афинах, в то время подвластных и спокойных, вероятно, было бы ему неприятно; как из-за привычки командовать, которую он приобрел в течение предыдущих двух лет, так и из-за чувств, вызванных смертью Сократа. После некоторого перерыва он был бы готов снова вступить в войну со своим старым врагом Тиссаферном, и его служба продолжалась, когда Агесилай прибыл, чтобы принять командование.[288]

Но в течение двух лет после этого события Афины стали участником войны против Спарты и вступили в союз с персидским царем, а также с фиванцами и другими; Ксенофонт же, продолжая службу в качестве командира киреев и сопровождая Агесилая из Азии в Грецию, вступил в бой с афинскими войсками и их беотийскими союзниками в кровавой битве при Коронэе. В этих обстоятельствах мы не можем удивляться тому, что афиняне вынесли ему

приговор об изгнании; не потому, что он первоначально участвовал в помощи Киру против Артаксеркса, и не потому, что его политические настроения были недружественны демократии, как иногда ошибочно утверждают, а потому, что теперь он открыто выступал с оружием в руках и под знаменем командира против своей собственной страны.[289] Став изгнанником, лакедемоняне позволили Ксенофону поселиться в Скилле, одной из деревень Трифилии, недалеко от Олимпии в Пелопоннесе, которую они недавно освободили от элейцев. На один из последующих олимпийских фестивалей в качестве зрителя приехал Мегабиз, смотритель храма Артемиды в Эфесе, и привез с собой деньги, которые Ксенофонт посвятил эфесской Артемиде. Эти деньги Ксенофонт вложил в покупку земли в Скилле, чтобы навсегда посвятить ее богине; предварительно посоветовавшись с ней посредством жертвоприношения, чтобы убедиться в ее одобрении выбранного места, которое было рекомендовано ему из-за его сходства в некоторых моментах с эфесским храмом. Так, недалеко от каждого из них протекала река, называемая тем же именем Селинус, в которой водилась рыба и было илистое дно. Ксенофонт построил часовню, алтарь и статую богини из кипарисового дерева - точные копии, в уменьшенном масштабе, храма и золотой статуи в Эфесе. На колонне рядом с ними были начертаны следующие слова: "Это место священо для Артемиды. Тот, кто владеет этим участком и собирает его плоды, должен ежегодно приносить ей в жертву десятину, а из оставшейся суммы содержать в порядке часовню. Если кто-либо упустит эту обязанность, богиня сама возьмет его в руки".[290]

Непосредственно возле часовни находился фруктовый сад, где росли всевозможные плодовые деревья, а вокруг - обширные луга, леса и горы, к которым примыкала еще более высокая гора Фолоз. Таким образом, здесь были обильные пастбища для лошадей, волов, овец и т. д., а также прекрасные охотничьи угодья для оленей и другой дичи; преимущества, которых не было у Артемисия в Эфесе. Проживая в своих владениях, выделенных ему лакедемонянами, Ксенофонт управлял ими как управитель богини, возможно, надеясь на святость ее имени для защиты от беспокойства элейцев, которые с завистью смотрели на лакедемонян[291], поселившихся в Скилле, и протестовали против мира и соглашения, установленного Афинами после битвы при Лектре, поскольку признали это место, наряду с городками Трифилии, автономным. Каждый год он приносил великолепную жертву из десятины всех плодов своего имущества; на это торжество приглашались не только все скиллунтинцы, но и все соседние деревни. Для гостей были возведены палатки, которые богиня накормила (так говорит Ксенофонт) обильным обедом из ячменной муки, пшеничных хлебов, мяса, дичи и сладостей;[292] дичь была предоставлена общей охотой, которую вели сыновья Ксенофонта и в которой принимали участие все соседи по своему желанию. Продуктами поместья, за исключением десятины и обязательств по поддержанию святого здания в порядке, пользовался сам Ксенофонт. Он очень любил охоту и верховую езду и был одним из первых авторов, насколько нам известно, кто сделал эти занятия, а также управление лошадьми и собаками, предметом рационального изучения и описания.

Именно для таких целей Ксенофонт использовал десятину, отданную армией при Керасе эфесской Артемиде; другую десятину, отданную в то же время Аполлону, он посвятил в Дельфах в сокровищнице афинян, начертав на подношении свое собственное имя и имя Проксена. Его резиденция находилась всего в двадцати стадиях от великого храма Олимпии, что позволяло ему наслаждаться обществом самых разных греков и получать обширную информацию о греческой политике, главным образом от фило-лаконских информаторов и с преобладанием лакедемонской точки зрения в его собственном уме; в то же время у него был досуг для написания своих различных работ. Интересное описание, которое он сам дает своей резиденции в Скилле, подразумевает состояние вещей, не настоящее и продолжающееся,[293] но прошедшее и ушедшее; другие свидетельства, хотя и путанные и

противоречивые, похоже, показывают, что лакедемонское поселение в Скилле просуществовало не дольше, чем власть Лакедемонии была достаточной для его поддержания. Во время несчастий, постигших этот город после битвы при Лейктре (371 г. до н. э.), Ксенофонт с семьей и односельчанами был изгнан элейцами и, как говорят, нашел приют в Коринфе. Но так как Афины вскоре оказались не только в мире, но и в тесном союзе со Спартой, приговор об изгнании Ксенофонта был отменен, так что последняя часть его жизни снова прошла в пользовании своим правом афинского гражданина и рыцаря по рождению.[294] Два его сына, Грилл и Диодор, сражались среди афинских всадников в кавалерийском бою, предшествовавшем битве при Мантинее, где первый был убит, проявив выдающуюся храбрость; а его внук Ксенофонт в следующем поколении стал предметом мольбы перед афинским Дикастерием, составленной оратором Дейнархом.[295]

Подводя этого выдающегося вождя к концу тяжелого отступления, которое он провел с такой честью, я счел необходимым немного предвосхитить будущее, чтобы взглянуть на его дальнейшую судьбу. Его изгнанию (с этой точки зрения не менее полезному, чем Фукидид) мы, вероятно, обязаны многими из тех сочинений, из которых почерпнута большая часть наших знаний о греческих делах. Но для современного мира отступление, которое так успешно провел Ксенофонт, стало гораздо более впечатляющим уроком, чем все его литературные сочинения. Оно самым ярким образом показало бессилие персидских сухопутных войск, проявившееся не только в генералах, но и в солдатах. Он доказал, что персидские военачальники были неспособны к систематическим операциям, даже при самых благоприятных условиях, против небольшого числа дисциплинированных воинов, решительно настроенных на сопротивление; что они были слишком глупы и безрассудны даже для того, чтобы преградить путь рекам, разрушить дороги или прервать снабжение. Это более чем подтверждает презрительные слова, сказанные в их адрес самим Киром перед битвой при Кунаксе, когда он заявил, что завидует свободе греков и стыдится никчемности своих соотечественников.[296] Против такой совершенной слабости и дезорганизации ничто не мешало успеху греков вместе с Киром, кроме его собственного пароксизма братской антипатии.[297] И далее мы увидим, что военные и политические лидеры Греции - Агесилай, Ясон Ферейский,[298] и другие вплоть до Филиппа и Александра[299] - были твердо убеждены, что с достаточно многочисленным и хорошо оснащенным греческим войском, в сочетании с освобождением от греческих врагов, они могут преуспеть в свержении или расчленении Персидской империи. Это убеждение, столь важное для последующей истории Греции, берет свое начало в отступлении Десяти тысяч. Мы действительно увидим, что Персия в течение двух последующих поколений оказывала важное влияние на судьбы Греции, а после заключения Анталкидского мира - влияние, более сильное, чем когда-либо. Но это будет видно из измены Спарты, вождя эллинского мира, которая покидает азиатских греков и даже вооружается именем и силой Персии, чтобы возвыситься и властвовать над ней. Персия сильна тем, что может использовать эллинскую силу против эллинского дела; предоставляя деньги или флот одной из сторон греческих междоусобиц, она тем самым искусственно укрепляется против обеих. Но анабасис Ксенофонта выдает ее реальную слабость против любой энергичной атаки; в то же время он служит примером дисциплины, выносливости, силы самодействия и адаптации, восприимчивости к влиянию речи и дискуссий, сочетания рефлексорного послушания граждан с механической регулярностью солдат, - которые придают эллинскому характеру такое бессмертное отличие. Важность этой экспедиции и отступления, как иллюстрации эллинских качеств и совершенства, оправдывает то большое место, которое было отведено ей в этой истории.

ГЛАВА LXXII. ГРЕЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ЛАКЕДЕМОНСКОЙ ИМПЕРИИ.

Три предыдущие главы были посвящены исключительно рассказу об экспедиции и отступлении, увековеченных Ксенофонтом и занимавших два года между апрелем 401 г. до н. э. и июнем 399 г. до н. э. Это событие, насыщенное интересом и чреватое важными последствиями, стоит в стороне от общей последовательности греческих дел, к которой я теперь возвращаюсь.

Следует помнить, что как только Ксенофонт со своими десятью тысячами воинов спустился с труднопроходимых гор между Арменией и Эвксинским морем в гостеприимный Трапезус и начал строить планы возвращения в Центральную Грецию, -они оказались в пределах Лакедемонской империи, не могли продвинуться ни на шаг, не посоветовавшись с лакедемонянами, и были вынуждены, достигнув Босфора, безропотно терпеть грубые и вероломные действия спартанских офицеров Анаксибия и Аристарха.

Первые сведения об этой империи были изложены в моем последнем предыдущем томе. Она началась с решающей победы при Игоспотамх в Геллеспонте (сентябрь или октябрь 405 года до н. э.), где лакедемонянин Лисандр, не потеряв ни одного человека, завладел всем афинским флотом и значительной частью его экипажей, за исключением восьми или девяти трирем, с которыми афинский адмирал Конон бежал к Евгору на Кипр. Таким образом, вся мощь Афин была уничтожена, и лакедемонянам не оставалось ничего, кроме самого города и Пирея; это непременно должно было произойти, что и произошло в апреле 404 года до н. э., когда Лисандр с триумфом вошел в Афины, разобрал Пирей и разрушил большую часть Длинных стен. За исключением самих Афин, граждане которых отсрочили момент подчинения героической, хотя и безуспешной борьбой с ужасами голода, и Самоса, ни один греческий город не оказал никакого сопротивления Лисандру после битвы при Игоспотамх, которая не только отняла у Афин все их военно-морские силы, но и передала их ему, сделав его адмиралом более многочисленного греческого флота, чем когда-либо встречался вместе со времен битвы при Саламине.

В шестьдесят пятой главе я рассказал о шестнадцати месяцах горьких страданий, выпавших на долю Афин сразу после капитуляции. Потеря флота и власти усугублялась крайним внутренним угнетением. Ее олигархическая партия и изгнанники, вернувшись после того, как они служили врагу против нее, вымогали у общественного собрания под диктовку Лисандра, который присутствовал на нем лично, назначение всемогущего совета из тридцати человек для мнимой цели выработки новой конституции. Эти тридцать правителей, среди которых Критий был самым жестоким, а Ферамен (кажется) - самым умеренным или, по крайней мере, наиболее быстро насытившимся, совершали жестокости и опустошения в самых широких масштабах, будучи защищены от любого сопротивления лакедемонским гарнизоном, установленным в акрополе. Помимо множества граждан, преданных смерти, столько других было изгнано в изгнание с потерей имущества, что Фивы и соседние города стали переполнены ими. После примерно восьми месяцев беспрепятственной тирании Тридцати на них впервые напал Фрасибул во главе небольшого отряда изгнанников, вышедших из Беотии. Его храбрость и хорошее поведение - в сочетании с бесчинствами Тридцати, которые

становились все более гнусными и жертвами которых становились даже многочисленные граждане-олигархи, а также сам Ферамен, - позволили ему вскоре укрепиться, захватить Пирей и начать гражданскую войну, которая в конце концов усмирила тиранов.

Последние были вынуждены обратиться за помощью к новым лакедемонским войскам. И если бы эти силы все еще оставались в распоряжении Лисандра, любое сопротивление со стороны Афин было бы бесполезным. Но, к счастью для афинян, за последние несколько месяцев произошли существенные изменения в настроениях как союзников Спарты, так и многих ее лидеров. Союзники, особенно Фивы и Коринф, не только ослабили свою ненависть и страх перед Афинами теперь, когда они потеряли свою власть, но даже сочувствовали страдающим изгнанникам и испытывали отвращение к своевольным посягательствам Спарты; спартанский царь Павсаний вместе с некоторыми эфорами также ревновал к произволу и притеснениям Лисандра. Вместо того чтобы направить лакедемонские силы на поддержание лисандровой олигархии любой ценой, Павсаний выступил скорее как справедливый посредник для прекращения гражданской войны. Он отказался принимать какие-либо меры, препятствующие естественной тенденции к возрождению демократии. Именно таким образом Афины, спасенные от кровавого и хищного *режима*, вошедшего в историю под именем Тридцати тиранов, смогли вновь стать скромным и зависимым членом спартанского союза, - не имея ничего, кроме воспоминаний о былом могуществе, но с демократией, вновь энергично действующей и опекающей внутреннее управление. Справедливое и кроткое отношение демократических граждан и отсутствие реакционных антипатий после столь жестокого обращения - одни из самых почетных черт в ее истории.

Читатель найдет в моем последнем томе то, на что я могу лишь бегло взглянуть здесь, - подробности той системы кровопролития, разграбления, уничтожения свободы слова и даже интеллектуального учения, попыток вовлечь невинных граждан в качестве агентов в судебные убийства и т. д., - которая окрасила год Анархии (как он назывался в афинских анналах[300]), сразу последовавший за сдачей города. Эти подробности основаны на вполне удовлетворительных свидетельствах; ведь они донесены до нас главным образом Ксенофонтом, чьи симпатии были явно олигархическими. От него же мы узнаем и другой факт, не менее поучительный: рыцари или всадники, богатейшие афинские собственники, были опорой Тридцати от первого до последнего, несмотря на все беззакония их карьеры.

Из этих мрачных, но хорошо подтвержденных деталей мы узнаем, под какой эгидой был открыт тот период истории, который называется Лакедемонской империей. Подобные явления отнюдь не ограничивались стенами Афин. Напротив, год анархии (если использовать этот термин в том смысле, в котором его употребляли афиняне), возникший в результате одного и того же сочетания причин и агентов, был характерен для значительной части городов по всей Греции. Лакедемонский адмирал Лисандр в первый год своего командования флотом организовал в большинстве союзных городов фракционные объединения из нескольких главных граждан, соответствующих ему лично; благодаря их усилиям в соответствующих городах он получил возможность энергично вести войну и отплатил им, частично поддерживая, насколько мог, их несправедливость в соответствующих городах, частично обещая укрепить их руки еще больше, как только победа будет обеспечена.[301] Такая политика, хотя и служила стимулом для борьбы с общим врагом, но еще больше способствовала возвеличиванию самого Лисандра, создавая для него собственное превосходство и налагая на него личные обязательства по отношению к приверженцам, помимо тех, что были обусловлены интересами Спарты.

Победа при Эгоспотамах, полная и решительная, превзошедшая все ожидания друзей и врагов, позволила ему с интересом выполнить эти обязательства. Вся Греция сразу же подчинилась лакедемонянам,[302] кроме Афин и Самоса, а эти двое продержались всего несколько месяцев. Теперь первым делом победоносного полководца стало вознаграждение своих сторонников и постоянное обеспечение спартанского владычества, а также своего собственного. В большинстве городов он установил олигархию из десяти граждан, или декархию,[303] состоящую из его собственных сторонников; в то же время он посадил в каждом лакедемонского гармоста или губернатора с гарнизоном для поддержания новой олигархии. Декархия из десяти лисандрйских партизан и лакедемонского гармоста для их поддержки стала общей схемой эллинского правления во всей Эгеиде, от Эвбеи до фракийского побережья и от Милета до Византии. Лисандр лично отправился со своим победоносным флотом в Византий и Халкедон, в города Лесбоса, Тасоса и других мест, а Этеоника он послал во Фракию, чтобы таким образом переделать повсюду правительство. Не только те города, которые до сих пор были на стороне афинян, но и те, которые выступали в качестве союзников Спарты, подверглись той же внутренней революции и тому же иностранному принуждению.[304] Повсюду новая лисандрйская декархия вытесняла прежние правительства, будь то олигархические или демократические.

В Тасусе, как и в других местах, эта революция не обошлась без кровопролития и вероломных уловок, и сам Лисандр не гнушался лично и в своем присутствии приводить в исполнение казни и изгнания подозрительных граждан.[305] Однако во многих местах, вероятно, было достаточно простого терроризма. Новая лисандрйская десятка подавляла сопротивление и добивалась признания своей узурпации угрозой приглашения победоносного адмирала с его флотом из двухсот кораблей, а также простым прибытием лакедемонского хармоста. Каждый город был обязан не только построить укрепленную цитадель и содержать губернатора с его гарнизоном, но и наложить на будущее дань в размере тысячи талантов в год, которую Лисандр взимал с каждого города по отдельности.[306]

В каком духе будут править эти новые декархии, состоявшие из подобранных олигархических партизан, отличавшихся дерзостью и честолюбием[307] - которые ко всей беспринципной жажде власти, характерной для самого Лисандра, добавили жажду личной выгоды, от которой он был освобожден, и теперь собирались возместить себе уже оказанные ему услуги, - общая аналогия греческой истории достаточно научит нас, хотя мы и лишены особых деталей. Но в этом вопросе мы руководствуемся не только общей аналогией; у нас есть еще параллельный случай с Тридцатью в Афинах, особенности правления которых хорошо известны и уже упоминались. Эти Тридцать, за исключением разницы в численности, во всех отношениях были лисандрйской декархией; они были созданы той же силой, которая стояла у истоков, находились в тех же обстоятельствах и были движимы тем же духом и интересами. В каждом подвластном городе под лакедемонским покровительством и под прикрытием лакедемонской охраны появлялись свои Критии и Терамены, а также богатые граждане, подобные афинским рыцарям или всадникам, которые потворствовали их притеснениям. Более того, Критий, при всех его пороках, скорее всего, был лучше, чем хуже, по сравнению со своим олигархическим коллегой в любом другом менее культурном городе. Он был литератором и философом, привыкшим к беседам с Сократом и обсуждению этических и социальных вопросов. То же самое мы можем сказать о рыцарях или всадниках в Афинах. Несомненно, они были лучше образованы и подвергались более либеральному и улучшающему влиянию, чем соответствующее сословие в других местах. Если в Афинах эти рыцари не стыдились служить сообщниками Тридцати во всех их беззакониях, то не стоит бояться предположить, что в других городах найдется еще более

беспринципный богач и такой же кровожадный, алчный и полный антипатий предводитель, как Критий. Как в Афинах, так и в других местах; декархи начинали с того, что предавали смерти известных политических противников под именем "нечестивцев";[308] затем они таким же образом расправлялись с людьми известной честности и мужества, которые могли взять на себя инициативу в сопротивлении угнетению.[309] Их кровавая карьера будет продолжаться, несмотря на уговоры более умеренных людей из их числа, как Терамен, пока они не придумают какую-нибудь хитрость для разоружения граждан, которая позволит им удовлетворить свои антипатии и жадность за счет еще более многочисленных жертв, многие из которых будут богатыми людьми, выбранными для чистого разграбления.[310] Затем они силой отправят на тот свет любого навязчивого наблюдателя из своего числа, например Ферамена; вероятно, с гораздо меньшими церемониями, чем при совершении этого преступления в Афинах, где мы можем проследить влияние тех судебных форм и привычек, к которым привыкла афинская публика, - правда, отмененных, но все же не забытых. Вряд ли осталось бы совершить еще какое-нибудь новое чудовище, помимо многочисленных казней, кроме как изгнать из города всех, кроме своих ближайших сторонников, и наградить этих последних конфискованными у жертв поместьями.[311] Если бы его попросили оправдать такую тиранию, лидеру декархии хватило бы изобретательности, чтобы использовать аргумент Крития, что все изменения в правительстве неизбежно несут смерть и что ничего, кроме таких жестких мер, не хватит, чтобы сохранить его город в подходящей зависимости от Спарты.[312]

Конечно, в мои планы не входит утверждать, что в каком-либо другом городе происходили точно такие же явления, как и в Афинах. Но, тем не менее, мы имеем полное право рассматривать историю афинской тридцатки как достойный образец, из которого можно почерпнуть представление о лисандрийских декархиях, охвативших теперь весь греческий мир. Несомненно, каждая из них имела свои особенности; некоторые были менее тираничны, но, возможно, некоторые даже более тираничны, если учитывать размеры города. И в самом деле, Исократ, который с возмущенным ужасом говорит об этих декархиях, осуждая те черты, которые были у них общими с триаконтархией в Афинах, - внесудебные убийства, расправы и изгнания, - замечает, кроме того, одно чудовище, которого мы не находим в последней, - жестокие издевательства над мальчиками и женщинами.[313] Ничего подобного не приписывается Критию и его товарищам ;[314] и это значительное доказательство сдерживающей силы афинских нравов, что люди, причинившие столько зла в удовлетворении других жестоких побуждений, должны были остановиться на этом. Децемвиры, названные Лисандром, подобно децемвиру Аппию Клавдию в Риме, оказались бы вооружены властью для удовлетворения как своих похотей, так и антипатий, и, скорее всего, не стали бы ставить пределы первым, чем вторым. Лисандр, со всей непомерной наглостью победителя, награждая своих самых преданных сторонников возвышением, включающим в себя все виды свободы и тирании, запятнал зависимые города бесчисленными убийствами, совершенными как на частной, так и на общественной почве.[315] Ни один отдельный грек никогда прежде не обладал такой огромной властью обогащать друзей или уничтожать врагов в этой всеобщей реорганизации Греции;[316] также никогда не было власти, которой бы злоупотребляли более плачевно.

Так, Лакедемонская империя наложила на каждый из подвластных городов двойной гнет;[317] местные децемвиры и иностранные хармосты; каждый из них пособничал другому, и вместе они образовали усугубленное давление на граждан, от которого почти не было спасения. Тридцатка в Афинах оказывала максимальное внимание вредителю Каллибию,[318] и предала смерти отдельных афинян, оскорблявших его, чтобы купить его сотрудничество в своих собственных преступлениях. Те немногие подробности, которыми мы

располагаем относительно этих хармостов (которые продолжали действовать во всех островных и приморских городах около десяти лет, до битвы при Книде, или столько же, сколько длилась морская империя Спарты, - но в различных континентальных владениях значительно дольше, то есть до поражения при Лейктре в 371 году до н. э.), по большей части дискредитируют себя. В предыдущей главе мы видели описание, данное фило-лаконцем Ксенофонтом, грубого и вероломного поведения, в котором они вели себя по отношению к вернувшимся киреевским солдатам, в сочетании с их продажным раболепием перед Фарнабазом. От него мы узнаем, что от решения лакедемонского хармоста зависело, будут ли эти солдаты объявлены врагами и навсегда исключены из своих родных городов; и Клеандр, хармост Византии, который сначала угрожал им таким обращением, был вынужден только благодаря самой неограниченной покорности в сочетании с очень деликатным управлением снять свою угрозу. Жестокие действия Анаксибия и Аристарха, которые дошли до того, что продали в рабство четыреста этих солдат, были описаны несколькими страницами выше. Ничто не может быть более произвольным и безрассудным, чем их действия. Если они могли так вести себя по отношению к телу греческих солдат, полных приобретенной славы, действующих либо как друзья, либо как враги, и имеющих генералов, способных отстаивать их коллективные интересы и выслушивать их жалобы, - какой защитой от их притеснений мог бы воспользоваться частный гражданин любого подвластного города, Византии или Перинфа?

История с Аристодемом, харостом из Орея в Эвбее, показывает, что от эфоров Спарты нельзя было добиться справедливости ни в отношении одного из их эноров. Этот хармост, среди многих других актов жестокого насилия, схватил прекрасного юношу, сына свободного гражданина Орея, из палестры, - унес его, - и после тщетных попыток преодолеть его сопротивление, предал его смерти. Отец юноши отправился в Спарту, рассказал о зверствах и обратился к эфорам и сенату с просьбой о возмещении ущерба. Но к его жалобам отнеслись глухо, и в душевном смятении он покончил с собой. Действительно, мы знаем, что спартанские власти не давали никакого возмещения не только хариотам, но даже частным спартанским гражданам, которые были виновны в грубых преступлениях за пределами своей страны. Один беотиец по имени Скедас, живший неподалеку от Лейктры, подал жалобу на то, что двое спартанцев, направлявшихся из Дельф, после гостеприимного приема в его доме сначала надругались, а затем убили двух его дочерей; но даже за такое вопиющее преступление не было получено никакого возмещения.^[319] Несомненно, когда могущественный иностранный союзник, например персидский сатрап Фарнабаз,^[320] жаловался эфорам на поведение лакедемонского гармаста или адмирала, его представления принимались во внимание; и мы узнаем, что таким образом эфоры были вынуждены не только отозвать Лисандра из Геллеспонта, но и предать смерти другого офицера, Торакса, за коррупционное присвоение денег. Но для частного гражданина в любом подвластном городе надзорная власть Спарты была бы не просто отдаленной, а глухой и неподвижной, чтобы не предоставить ему никакой защиты и оставить его на произвол судьбы. Похоже также, что строгость спартанского воспитания и особенности привычек делали отдельных лакедемонян на иностранной службе более своевольными, более неспособными вникать в обычаи и чувства других людей и более склонными к деградации, когда их освобождали от строгого домашнего надзора, - чем других греков вообще.^[321]

Если взять все эти причины зла вместе - декархии, хармосы и всепоглощающую диктатуру Лисандра - и рассматривать другие части греческого мира по аналогии с Афинами при

Тридцати, то можно с полным основанием утверждать, что первые годы Спартанской империи, последовавшие за победой при Игоспотами, были годами всепроникающей тирании и разнообразных кишечных бедствий, подобных которым Греция еще никогда не переживала. Тяготы войны, суровые во многих отношениях, теперь закончились, но на смену им пришло состояние страдания, которое было не менее трудно переносить, потому что оно называлось миром. А еще более невыносимыми эти страдания делало то, что они были горьким разочарованием и грубым нарушением обещаний, неоднократно и недвусмысленно провозглашавшихся самими лакедемонянами.

Более тридцати лет до этого - с момента начала Пелопоннесской войны - спартанцы заявляли, что будут вмешиваться только с целью освобождения Греции и свержения узурпированного господства Афин. Все союзники Спарты были призваны к активным действиям, все союзники Афин - к восстанию под волнующий душу клич "Свободу Греции". Самые первые призывы, обращенные коринфянами к Спарте в 432 году до н. э., сразу после Коркирского спора, призывали ее выступить вперед, выполняя свою признанную функцию "освободительницы Греции", и осуждали ее как виновную в попустительстве Афинам, если она будет сдерживаться.[322] Афины были заклеены как "город-деспот", который уже поглотил независимость многих греков и угрожал независимости всех остальных. Последнее официальное требование лакедемонских посланников к Афинам зимой, непосредственно предшествовавшей войне, гласило: "Если вы хотите продолжения мира со Спартой, верните грекам их автономию".[323] Когда Архидам, царь Спарты, подошел во главе своей армии, чтобы осадить Платею, платейцы предъявили претензии на автономию, которая была торжественно гарантирована им царем Павсанием после великой победы под их городом. На это Архидам ответил: "Ваше требование справедливо, мы готовы подтвердить *вашу* автономию, но мы призываем вас помочь нам добиться того же для других греков, которые были поработаны Афинами. Это единственная цель наших великих усилий".[324] И зная всеобщего права, которое лакедемоняне подняли в самом начале войны, вызвало в их рядах ободряющие симпатии и добрые пожелания по всей Греции.[325]

Но самой яркой иллюстрацией соблазнительных обещаний лакедемонян стало поведение Брасидаса во Фракии, когда он впервые оказался по соседству с афинскими союзниками на восьмом году войны (424 г. до н. э.). В своей памятной речи, обращенной к общественному собранию в Аканфе, он старательно пытается доказать, что приехал только для того, чтобы выполнить обещание лакедемонян, данное в начале войны, о предоставлении гражданских прав.[326] Ожидая, что, действуя в таком деле, он не получит ничего меньше, чем сердечный прием, он с изумлением обнаружил, что ворота закрыты против него. "Я пришел (сказал он) не для того, чтобы причинить вред, а для того, чтобы освободить греков; после того как я связал лакедемонские власти самыми торжественными клятвами, что со всеми, кого я могу привести, я буду обращаться как с автономными союзниками. Мы не хотим заполучить вас в союзники ни силой, ни обманом, но хотим выступить в качестве ваших союзников в то время, когда вы находитесь в рабстве у афинян. Вы не должны подозревать о моих целях перед лицом этих торжественных заверений; меньше всего человек должен сдерживаться из-за опасений личной вражды и страха, что я отдам город в руки нескольких избранных партизан. Я пришел не для того, чтобы отождествлять себя с местной фракцией: Я не тот человек, который предложит вам нереальную свободу, сломав вашу установленную конституцию, с целью порабощения либо многих немногими, либо немногих многими. Это было бы более невыносимо, чем иностранное владычество; и мы, лакедемоняне, должны были бы нести только упреки, вместо того чтобы пожинать благодарность и почести за наши хлопоты. Мы должны были бы навлечь на себя те самые порицания, на основании которых мы пытаемся низложить Афины; и это тоже, в отягченной мере, хуже, чем те, кто никогда не делал честных

заявлений; поскольку для людей, занимающих высокое положение, хитрость более позорна, чем открытое насилие.^[327] - Если (продолжал Брасидас), несмотря на мои заверения, вы по-прежнему отказываетесь от сотрудничества со мной, я буду считать себя вправе принудить вас к этому силой. Мы не должны принуждать к свободе ни одну нежелающую сторону, кроме как с целью достижения какого-то общего блага. Но так как мы не ищем империи для себя, - так как мы боремся только за то, чтобы уничтожить империю других, - так как мы предлагаем автономию каждому и всем, - то мы поступим дурно по отношению к большинству, если позволим вам упорствовать в вашем противодействии".^[328]

Подобно союзным государям Европы в 1813 году, которые, требуя от народа самых напряженных усилий в борьбе с императором Наполеоном, обещали свободные конституции и ничего не давали после победы, лакедемоняне, таким образом, давали самые категоричные и многократные заверения во всеобщей автономии, чтобы привлечь союзников против Афин; даже демонстративно откешиваясь от всякой цели создать империю для себя. Правда, после великой катастрофы перед Сиракузами, когда гибель Афин казалась неминуемой, и когда союз с персидскими сатрапами против нее был впервые доведен до конца, лакедемоняне стали больше думать об империи^[329] и меньше о греческой свободе; которая, действительно, в той мере, в какой это касалось греков на континенте Азии, была уступлена Персии. Тем не менее, старое слово продолжало действовать. По-прежнему считалось, хотя и не так усердно, что разрушение Афинской империи было целью освобождения Греции.^[330]

Победа Эгоспотамов с ее последствиями жестоко обманула всех. Высказывания Брасидаса, подтвержденные торжественными клятвами лакедемонских эфоров в 424 году до н. э., и действия лакедемонца Лисандра в 405-404 годах до н. э., в начальный час спартанского всемогущества, находятся в таком буквальном и вопиющем противоречии, что можно почти представить, будто первый предвидел возможность появления такого преемника и заранее пытался опозорить и обезоружить его. Декархии Лисандра реализовали то точное господство нескольких избранных партизан, которое Брасидас отвергает как мерзость, худшую, чем иностранное владычество; в то время как хармосты и гарнизоны, установленные в зависимых городах вместе с туземными децемвирами, насаждали второй вид бед, как и первый, каждый из которых усугублял другой. Если бы благородный Калликратид одержал победу при Аргинусе и дожил до конца войны, он, вероятно, попытался бы с большим или меньшим успехом выполнить обещания Брасидаса. Но к двойному несчастью Греции, во-первых, победа была одержана таким адмиралом, как Лисандр, самым беспринципным из всех искателей власти, отчасти ради своей страны, а еще больше ради себя, во-вторых, победа была настолько решительной, внезапной и внушительной, что не оставила ни одного врага, способного настаивать на условиях. Решение Лисандра, принятое от имени Спарты, стало всесильным не только над врагами, но и над союзниками, а в некоторой степени даже над самими спартанскими властями. В настоящее время не было необходимости примирять союзников, а тем более выполнять прежние обязательства, так что не оставалось ничего, что могло бы противостоять естественным честолюбивым побуждениям спартанских эфоров, которые позволили адмиралу осуществить задуманное по своему усмотрению. Но прежние заверения, хотя Спарта и была в состоянии пренебречь ими, не были забыты другими, и воспоминание о них придавало дополнительную горечь притеснениям децемвиров и хармостов.^[331] В полном соответствии с ее господством во всей Восточной Греции,^[332] также, Спарта отождествила себя с энергичной тиранией Дионисия в Сиракузах, помогая как возводить, так и поддерживать ее; противоречие с ее прежними максимами действий, которое поразило бы историка Геродота.

Империя Спарты, образованная таким образом в конце 405 года до н.э., сохраняла свое величие в течение десяти лет, пока в 394 году до н.э. не произошло морское сражение при Книде, , сохраняла свое величие в течение десяти лет, вплоть до морского сражения при Книде[333] в 394 г. до н. э. Это поражение уничтожило ее флот и морское превосходство, но оставило за ней неослабную власть на суше, которую она сохраняла до поражения от фиванцев[334] при Лейктре в 371 г. до н. э. Все это время она держала спартанские гарнизоны в зависимых городах на континенте и на островах. Даже хианы, которые были ее самыми активными союзниками в течение последних восьми лет войны, были вынуждены подчиниться этим тяготам; кроме того, у них отобрали весь их флот.[335] Но туземные декархии, хотя и были сначала установлены Лисандром повсеместно в приморских владениях, не продержались как система так долго, как хармосы. Состоявшие в значительной степени из личных выдвиженцев и единомышленников Лисандра, они отчасти пострадали от реакционной ревности, которая со временем дала о себе знать против его чрезмерного возвышения. Просуществовав некоторое время, они потеряли благосклонность спартанских эфоров, которые разрешили городам (точно неизвестно, когда именно) возобновить существовавшие ранее органы управления.[336] Некоторые из декархий, таким образом, были распущены или изменены различными способами, но несколько, вероятно, продолжали существовать, если у них было достаточно сил, чтобы поддерживать себя; не похоже, чтобы эфоры когда-либо систематически их уничтожали, как Лисандр систематически их создавал.

Правительство Тридцати в Афинах никогда бы не было свергнуто, если бы угнетенные афиняне были вынуждены полагаться на опекунское вмешательство спартанских эфоров, чтобы помочь им в его свержении. В моем последнем томе было показано, что эта гнусная олигархия пришла к своему концу благодаря усилиям Фрасибула и самих афинских демократов без посторонней помощи. Правда, высокомерие и эгоизм Спарты и Лисандра оттолкнули фиванцев, коринфян, мегарян и других соседних союзников и побудили их сочувствовать афинским изгнанникам в борьбе со зверствами Тридцати, но они так и не оказали никакой существенной помощи. Неумеренное личное честолюбие Лисандра оскорбило также царя Павсания и спартанских эфоров, так что они тоже стали равнодушны к Тридцати, которые были его креатурами. Но это лишь лишило тридцатилетних той внешней поддержки, которую Лисандр, если бы он продолжал возвышаться, оказал бы им в полной мере. Это не было главной причиной их падения. Этот кризис был вызван энергией Фрасибула и его соратников, которые проявили такую силу и решимость, что не могли быть подавлены без чрезвычайной демонстрации спартанской военной мощи; демонстрация не совсем безопасная, когда симпатии главных союзников были на другой стороне, - во всяком случае, против склонностей Павсания. Как это было с Тридцатью в Афинах, так, вероятно, было и с декархиями в зависимых городах. Спартанские эфоры не предпринимали никаких шагов, чтобы подавить их; но там, где сопротивление граждан было достаточно упорным, чтобы свергнуть их, спартанцы не вмешивались, чтобы поддержать их, а вредитель, возможно, получил приказ не рассматривать свою власть как неразрывно связанную с их властью. Таким образом, местные силы каждого зависимого города были предоставлены самим себе, и децемвиры, однажды установленные, несомненно, сохранили бы свою власть в большом количестве; в других же случаях они были бы свергнуты, или, может быть, попытались бы увековечить свое господство путем компромисса и союза с другими олигархическими слоями. В таком запутанном и неурегулированном состоянии декархии - одни еще существовали, другие наполовину, третьи снова прекратили свое существование - пребывали в 396 году до н. э., когда Лисандр сопровождал Агесилая в Азию в полной надежде, что у него будет достаточно влияния, чтобы реорганизовать их всех.[337] Мы должны помнить, что ни один другой зависимый город не обладал такими средствами, чтобы

оказать энергичное сопротивление местным децемвирам, как Афины Тридцати; и что островные греческие города были не только слабы индивидуально, но и естественно беспомощны против владык моря.[338]

Таков был результат по всей Греции, когда долгая война, предпринятая во имя всеобщей автономии, завершилась битвой при Эгоспотамах. На место имперских Афин пришла не обещанная автономия, а еще более имперская Спарта. Философ-лакедемонянин Ксенофонт в 399 году до н. э. дает ужасную картину господства Спарты во всех греческих городах, причем не только эфоров и чиновников, но даже частных граждан. "Лакедемоняне (говорит он, обращаясь к кирейской армии) теперь президенты Греции; и даже любой частный лакедемонянин может добиться всего, чего пожелает".[339] "Все города (говорит он в другом месте) подчинялись любому приказу, который они могли получить от лакедемонского гражданина".[340] Общее господство было не только вездесущим и непреодолимым, но и осуществлялось со всей строгостью в деталях и омрачалось тысячей сопутствующих тирании и злоупотреблений со стороны отдельных лиц, подобных которым никогда не знала столь порицаемая Афинская империя.

Мы имеем более чем одну картину афинской империи в речах враждебных ораторов, у которых были все мотивы, чтобы вызвать сильнейшую антипатию к ней в душах своих слушателей. У нас есть речи коринфских посланников в Спарте, когда они побуждали спартанских союзников к Пелопоннесской войне,[341] - это посланников из Митилены, произнесенные в Олимпии перед спартанскими конфедератами, когда город восстал против Афин и остро нуждался в поддержке, - речь Брасида на общественном собрании в Аканфе, - и не одна речь Гермократа, внушавшего своим сицилийским соотечественникам не только ненависть, но и страх перед Афинами.[342] Тот, кто прочтет эти речи, увидит, что они почти исключительно останавливаются на великой политической ошибке, присущей самому факту существования ее империи, лишаящей многие греческие общины их законной автономии, помимо наложенной дани. То, что Афины таким образом уже поработили многие города и только наблюдали за возможностью поработить еще многие, - вот тема, на которой они изъясняются. Но о практических претензиях - о жестокости, угнетении, разорении, многочисленных изгнаниях и т. д., о злодеяниях отдельных афинян - не говорится ни слова. Если бы был хоть малейший повод для введения таких зажигательных тем, насколько более впечатляющим было бы обращение Брасидаса к симпатиям акантийцев! Какими пылкими были бы обличения митиленейских посланников вместо укрощенного и почти апологетического языка, который мы сейчас читаем у Фукидида! Афины уничтожили автономию своих союзников и наказывали бунтовщиков сурово, иногда даже жестоко. Но что касается других пунктов неправоты, то молчание обвинителей, таких как только что замеченные, служит мощным оправданием.

Ситуация меняется, когда мы переходим к периоду, следующему за битвой при Эгоспотамах. Здесь также жалуются на спартанскую империю (как и на афинскую) в противовес тому состоянию автономии, на которое претендовал каждый город и которое Спарта не просто обещала обеспечить, но и выдвигала в качестве единственного основания для войны. Однако не это является главной претензией, другие темы выдвигаются более решительно. Децемвиры и хармосы (некоторые из последних - гелоты), постоянные орудия спартанской империи, воспринимаются как более болезненные, чем сама империя; так, по выражению Брасидаса в Аканте, они были таковыми заранее. В то время, когда Афины были подвластным городом Спарты, управляемым лисандрийской тридцаткой и лакедемонским гарнизоном в акрополе, - чувство унижения, вытекающее из факта подчинения, поглощалось еще более ужасными страданиями, вытекающими из беззаконий тех отдельных правителей, которых

устанавливало имперское государство. Теперь в Афинах не было местных правителей - ни родной десятки, ни родной тридцатки, ни местных афинских гарнизонов. Это само по себе было невыразимым освобождением по сравнению с тем, в каком состоянии находились города, подчиненные не только Спартанской империи, но и туземным децемвирам вроде Крития, и спартанским гаростам вроде Аристарха или Аристодема. Подвластный Афинам город должен был нести определенные повинности, налагаемые его собственным правительством, которое в случае неисполнения или нарушения обязательств должно было предстать перед народной афинской дикастерией. Но эта же самая дикастерия (как я уже показывал в предыдущем томе и как четко сказано Фукидидом)^[343] была гаванью-убежищем для каждого подвластного города; не только против отдельных афинских проступков, но и против проступков из других городов. Те, кто жалуется на трудности, которые испытывает подвластный город из-за обязанности передавать дела на рассмотрение в афинский дикастерий, - даже если мы примем дело так, как они его излагают, и упустим из виду несправедливость опущения тех многочисленных случаев, когда городу удавалось таким образом предотвратить или исправить несправедливость, причиненную его собственным гражданам, - должны были бы громче и справедливее жаловаться на постоянно присутствующую афинскую вредную власть; Особенно если бы с ним сосуществовало родное правительство из десяти олигархов, обменивавшихся с ним попустительством, подобно афинскому партнерству Тридцати с лакедемонским вредителем Каллибием.^[344]

Ни в одном пункте нельзя доказать, что замена спартанской империи на афинскую была благом ни для подвластных городов, ни для Греции в целом; во многих же пунктах это было большим и серьезным усугублением страданий. И это злоупотребление властью вызывает тем большее сожаление, что после битвы при Игоспотаме Спарта получила драгоценную возможность - такую, какой никогда не было у Афин, и такую, которая никогда больше не повторится, - реорганизовать греческий мир на мудрых принципах и с целью достижения общеэллинской стабильности и гармонии. Не самый большой ее грех в том, что она отказалась предоставить всеобщую автономию. Она действительно обещала это; но мы могли бы простить отход от конкретного исполнения, если бы она обменяла это благо на гораздо большее, которое было в ее разумной власти в конце 405 года до н.э. предоставить. Всеобщая городская автономия, к которой стремился греческий инстинкт, хотя и была неизмеримо лучше всеобщего подчинения, все же сопровождалась большим внутренним раздором и еще более грозным злом - беспомощностью перед любым эффективным внешним врагом. Чтобы обеспечить эллинскому миру внешнюю безопасность и внутреннее согласие, нужна была не новая империя, а новая политическая комбинация на справедливых и всеобъемлющих принципах; лишение каждого города части его автономии и создание общей власти, ответственной перед всеми, для некоторых определенных целей управления. Если когда-либо в Греции и была возможна приемлемая федеративная система, то это произошло после битвы при Игоспотаме. Афинская империя, которая, при всех ее недостатках, на мой взгляд, была гораздо лучше для городов-субъектов, чем всеобщая автономия, уже устранила многие трудности и показала, что объединенные и систематические действия морского греческого мира не были невозможны. Спарта могла бы теперь заменить Афины не как наследница императорской власти, а как президент и исполнительный агент новой Делосской конфедерации, возрождая равные, всеобъемлющие и либеральные принципы, на которых эта конфедерация была впервые организована.

Правда, за шестьдесят лет до этого члены первоначального синода на Делосе показали себя невосприимчивыми к его ценности. Как только прошла настойчивая тревога из Персии, одни перестали посылать депутатов, другие не подчинились требованиям, третьи снова

откупились от своих обязательств и лишились прав самостоятельных и голосующих членов, заключив денежную сделку с Афинами; которая, будучи обязана по долгу своего президентства принуждать к повиновению Синоду всех неохотно соглашающихся членов, нажила себе последовательно много врагов и постепенно, почти без ее собственного желания, была превращена из президента в императора, как единственное средство предотвратить полный распад Конфедерации. Но если такие неприятные обстоятельства случались раньше, из этого не следует, что они случились бы снова, если бы Спарта повторила тот же эксперимент с очевидной искренностью намерений и терпимой мудростью. Греческий мир, особенно его морская часть, прошел через испытания, не менее болезненные, чем поучительные, в течение этого важного промежутка времени. Не кажется опрометчивым и предположение, что большая часть его членов могла бы теперь быть настроена на стабильное выполнение обязанностей конфедерации по призыву и под председательством Спарты, если бы она действительно попыталась реорганизовать либеральную конфедерацию, рассматривая каждый город как автономный и равный, за исключением той степени, в которой каждый должен был подчиняться постановлениям общего синода. Какой бы неосуществимой ни казалась такая схема, мы должны помнить, что даже утопические замыслы имеют свои преходящие моменты, если не безусловного успеха, то хотя бы начала не просто возможного, но многообещающего. И я убежден, что если бы Калликратидас с его пылкими панэллинскими чувствами и силой решимости стал окончательным победителем имперских Афин, он не упустил бы момент гордости и всемогущества, не предприняв какого-нибудь благородного проекта, подобного тому, что был набросан выше. Следует помнить, что Афины никогда не были способны организовать столь щедрую панэллинскую комбинацию. Она стала непопулярной в результате законного выполнения своего поручения, как президент Делосской конфедерации, против несговорчивых членов;^[345] и была вынуждена выбирать между распадом конфедерации и сохранением ее под сильным давлением императорского вождя. Но Спарта еще не стала депопуляризованной. Теперь она была вне конкуренции как лидер греческого мира и могла бы в тот момент вполне обоснованно надеяться увлечь за собой его членов в любую либеральную и панэллинскую организацию, если бы попыталась сделать это с должным усердием. К сожалению, под влиянием Лисандра она выбрала противоположный курс; она основала новую империю, гораздо более деспотичную и одиозную, чем Афины, с небольшим количеством преимуществ и ни одним из оправданий, присущих последней. Вскоре она стала еще более непопулярной, чем Афины, и момент ее прилива для благотворной панэллинской комбинации также прошел, чтобы никогда не вернуться.

Таким образом, подчинив своей империи всех приморских греков, обложив их данью в размере более тысячи талантов, - и продолжая оставаться главой своего земельного союза в Центральной Греции, в который теперь входили и Афины, - Спарта стала всепроникающей имперской державой в Греции.^[346] Ее новая империя была организована победоносным Лисандром, но с таким высокомерием и личными амбициями управлять всей Грецией с помощью собственных назначенцев, децемвиров и хармосов, что он породил многочисленных соперников и врагов, как в самой Спарте, так и в других местах. О ревности царя Павсания, оскорбленных чувствах Фив и Коринфа и о том, как эти новые явления привели (несмотря на противодействие Лисандра) к принятию Афин как возрожденной демократии в Лакедемонскую конфедерацию, уже рассказывалось.

В первые месяцы 403 г. до н. э. Лисандр находился частично дома, частично в Аттике, пытаясь поддержать падающую афинскую олигархию против растущей силы Фрасибула и афинских изгнанников в Пейреусе. В этой цели ему прямо помешали противоположные взгляды царя Павсания и трех из пяти эфоров.^[347] Но хотя эфоры таким образом и лишили

Лисандра возможности действовать в Афинах, они смягчили унижение, отправив его за границу, где он получил новое командование на азиатском побережье и в Геллеспонте; этот шаг имел еще одно преимущество - он разлучил двух таких явных соперников, какими стали теперь он и Павсаний. То, что Лисандр тщетно пытался сделать в Афинах, ему, несомненно, лучше удавалось в Азии, где с ним не было ни Павсания, ни эфоров. Он мог оказать действенную помощь декархиям и хармосам в азиатских городах против любой внутренней оппозиции, которая могла им угрожать. До Спарты доходили горькие жалобы как на него самого, так и на его правящих приверженцев. В конце концов эфоров убедили отречься от декархий и объявить, что они не будут препятствовать городам возвращать себе прежнее правление по своему усмотрению.[348]

Но всех этих притеснений, изложенных в жалобах приморских городов, было бы недостаточно, чтобы добиться отзыва Лисандра с поста командующего в Геллеспонте, если бы Фарнабаз не присоединил свои уговоры к остальным. Эти последние выступления настолько укрепили врагов Лисандра в Спарте, что был послан императивный приказ отозвать его. Вынужденный подчиниться, он вернулся в Спарту, но сравнительный позор и потеря той безграничной власти, которой он пользовался по приказу, были для него так невыносимы, что он добился разрешения отправиться в паломничество в храм Зевса Аммона в Ливии под предлогом того, что ему нужно исполнить обет.[349] Он также посетил храмы в Дельфах и Додоне,[350] с тайными амбициозными проектами, о которых мы еще расскажем. Это политическое отступление смягчило ревность к нему, и через год или два он вновь обрел большое влияние и власть. Он был отправлен в качестве спартанского посланника, в какой именно момент, мы не знаем, в Сиракузы, где он оказал поддержку и помощь недавно установленной деспотии Дионисия.[351]

Положение азиатских греков на побережье Ионии, Иолиса, и Геллеспонта стало весьма своеобразным после победы Спарты при Игоспотаме. Я уже рассказывал, как сразу после великой афинской катастрофы в Сиракузах персидский царь вновь ухватился за эти города, от которых энергичная рука Афин удерживала его в течение более пятидесяти лет; как Спарта, выпрашивая у него помощь, тремя официальными договорами согласилась уступить ему их, а ее уполномоченный Лихас даже упрекнул милезийцев за их нежелание заключить эту сделку; как Афины, в дни своей слабости, борясь за то же преимущество, выразили готовность заплатить за него ту же цену.[352] После битвы при Игоспотами эта договоренность была приведена в исполнение, хотя, похоже, не без споров между сатрапом Фарнабазом, с одной стороны, и Лисандром и Деркиллидой - с другой.[353] Последний был лакедемонянином в Абидосе, и этот город, столь важный как станция на Геллеспонте, лакедемоняне, похоже, все еще удерживали. Но Фарнабаз и его подчиненные получили более полное командование над Геллеспонтом и Троадой, чем когда-либо прежде, как на побережье, так и во внутренних районах.[354]

Однако вскоре начал действовать и другой фактор. Положение греческих городов на побережье Ионии, хотя по персидским правилам они принадлежали сатрапии Тиссаферна, теперь существенно определялось, - во-первых, соперничающими претензиями Кира, который хотел отобрать их у него и пытался добиться при дворе решения о такой передаче, - во-вторых, стремлениями этого молодого принца к персидскому трону. Поскольку Кир рассчитывал на успех благодаря сотрудничеству с греками, ему было очень важно добиться популярности среди греков, особенно на своей стороне Эгейского моря. Отчасти его собственные проявления справедливого и примирительного нрава, отчасти дурная слава и известное вероломство Тиссаферна побудили греческие города единодушно восстать против последнего. Все бросились в объятия Кира, кроме Милета, где Тиссаферн вовремя

вмешался, убил предводителей задуманного восстания и изгнал многих их сторонников. Кир, приняв изгнанников с большой благосклонностью, собрал армию, чтобы осадить Милет и добиться их восстановления; то же время он направил сильные греческие гарнизоны в другие города, чтобы защитить их от нападения.^[355]

Однако эта местная ссора вскоре перетекла в более всеобъемлющий спор о персидском престолонаследии. Обе стороны оказались на поле Кунакса; Кир с греческими солдатами и милезийскими изгнанниками на одной стороне, Тиссаферн - на другой. Чем закончилась эта попытка, от которой зависело так много в дальнейшей истории как Малой Азии, так и Греции, я уже рассказывал. Вероятно, впечатление, произведенное лакедемонским флотом, который оставил Кира на побережье Сирии, после того как он без сопротивления преодолел сложнейшую страну, было весьма благоприятным для его успеха. Тем больнее было бы разочарование ионийских греков, когда после этого пришло известие о его смерти; тем сильнее была бы их тревога, когда Тиссаферн, отказавшись от преследования десяти тысяч греков в тот момент, когда они вошли в горы Кардукии, спустился победителем к морскому побережью; Сильнее, чем когда-либо, - награжденный^[356] Великим царем за услуги, оказанные им Киру, всей территорией, которой тот управлял, а также титулом главнокомандующего над всеми соседними сатрапами, - он приготовился не только отвоевать, но и наказать восставшие приморские города. Он начал с нападения на Кимку;^[357] опустошил ее территорию, понес большие потери для горожан, и потребовал от них еще большую контрибуцию, когда с наступлением зимы стало неудобно осаждать их город.

В таком тревожном состоянии эти города обратились к Спарте, как к великой императорской державе Греции, с просьбой защитить их от надвигающегося на них рабства.^[358] Лакедемонянам нечего было ожидать от персидского царя, с которым они уже нарушили мир, оказав помощь Киру. Кроме того, слава о десяти тысячах греков, которые возвращались домой по Эвксинскому морю в Византию, распространилась по всей Греции, внушая презрение к персидской военной эффективности и надежды на обогащение за счет войны с азиатскими сатрапами. Поэтому спартанские эфоры были вынуждены удовлетворить просьбу своих азиатских соотечественников и отправить в Азию Фимброна во главе значительного войска: две тысячи неодамодов (или гелотов, получивших право голоса) и четыре тысячи тяжеловооруженных пелопоннесцев в сопровождении трехсот афинских всадников из числа тех, кто был приверженцем Тридцати, четыре года назад; помощь была предоставлена Афинами по специальной просьбе Фимброна. Прибыв в Азию зимой 400-399 гг. до н. э., Фимброн весной 399 г. до н. э. был усилен киреевской армией, которая была переправлена из Фракии, как описано в моей последней главе, и взята на лакедемонское жалованье. С этим большим войском он стал более чем подходящим противником для сатрапов, даже на равнинах, где они могли использовать свою многочисленную кавалерию. Мелкие греческие князья Пергама и Тевфрании, владевшие этой территорией на основании древних пожалований, полученных от Ксеркса их предками, присоединили свои войска к его войскам, чем немало обогатили Ксенофонта в момент его отъезда из Киреи. Однако Фимброн не добился ничего, достойного столь многочисленной армии. Он не только потерпел неудачу при осаде Лариссы, но даже не смог поддерживать порядок среди своих солдат, которые грабили без разбора как друзей, так и врагов.^[359] В Спарту поступали такие громкие жалобы на его нарушения и неэффективность, что эфоры сначала отправили ему приказ идти в Карию, где жил Тиссаферн, а затем, до того как этот приказ был выполнен, послали Деркиллидаса сменить его; похоже, зимой 399-398 гг. до н. э. Фимброн по возвращении в Спарту был оштрафован и изгнан.^[360]

Вполне вероятно, что киреевские солдаты, хотя и были превосходны в полевых условиях, но, не получив вознаграждения за огромные труды, которые они перенесли в своем долгом походе, и будучи на коротком довольствии во Фракии, а также обманутые Сеутесом, были жадными, беспринципными и трудно сдерживаемыми в деле грабежа; тем более что Ксенофонт, их самый влиятельный генерал, теперь покинул их. При Деркиллиде их поведение значительно улучшилось. И хотя это улучшение, несомненно, отчасти объясняется превосходством последнего над Фимброном, оно также частично объясняется тем, что Ксенофонт, после нескольких месяцев пребывания в Афинах, сопровождал его в Азию и вновь принял командование над своими старыми товарищами.[361]

Деркиллидас был человеком настолько изобретательным и хитрым, что за ним закрепилось прозвище Сизиф.[362] Он прослужил все последние годы войны и пострадал при Абидусе во время командования флотом Лисандра, который по жалобе Фарнабаза приговорил его к позору публичного обнажения со щитом на руке;[363] это был позор (я полагаю), потому что офицер, имеющий чин, всегда нес свой щит за него в сопровождении слуги, за исключением случаев, когда речь идет о сражении. Не простив Фарнабазу такого бесчестия, Деркиллидас воспользовался недоразумением между сатрапом и Тиссаферном, чтобы заключить с последним перемирие и провести свою армию, насчитывавшую восемь тысяч человек, на территорию первого.[364] Горная область Ида, известная как Троад, населенная эолийскими греками (которые постепенно эллинизировали коренных жителей) и поэтому известная как Иолис Фарнабаза, была открыта для него недавним событием, важным как само по себе, так и поучительным для чтения.

Вся Персидская империя была разделена на множество сатрапий; каждый сатрап был обязан посылать определенную сумму ежегодной дани и держать наготове определенное количество военных сил для двора в Сузах. При условии, что он пунктуально выполнял эти обязательства, о других его действиях почти не спрашивали, разве что в редких случаях, когда он плохо обращался с каким-то отдельным персом высокого ранга. Подобным образом, судя по всему, каждая сатрапия была разделена на подсатрапии или округа; каждый из них находился во власти наместника, который платил сатрапу фиксированную дань и содержал для него определенную военную силу, - имея свободу управлять в других отношениях так, как ему заблагорассудится. Помимо дани, однако, постоянно происходили подарки неопределенного размера, как от сатрапа королю, так и от наместника сатрапу. Тем не менее, с народа вымогалось достаточно средств (не стоит добавлять), чтобы оставить достаточную прибыль как одному, так и другому.[365]

Эта область, называемая Эолис, была поручена Фарнабазом уроженцу Дардана по имени Зенис, который, пробыв на этом посту некоторое время и принося полное удовлетворение, умер от болезни, оставив вдову с малолетними сыном и дочерью. Сатрап уже собирался отдать округ другому человеку, когда Мания, вдова Зениса, сама уроженка Дардануса, подала прошение о том, чтобы ей позволили сменить мужа. Придя к Фарнабазу с деньгами в руках, достаточными не только для того, чтобы удовлетворить себя, но и для того, чтобы добиться расположения его любовниц и министров,[366] - сказала она ему - "Мой муж был верен тебе и платил дань так регулярно, что заслужил твою благодарность. Если я служу вам не хуже него, зачем вам назначать другого заместителя? Если я не смогу удовлетворить тебя, ты всегда сможешь сместить меня и отдать это место другому". Фарнабаз удовлетворил ее просьбу, и у него не было причин раскаиваться в этом. Мания регулярно платила ему дань, часто приносила подарки и великолепно, как никто другой из его заместителей, принимала его, когда он посещал округу.

Ее главной резиденцией были Скепсис, Гергис и Кебрен - внутренние города, сильные как по расположению, так и по укреплениям, среди горной местности, некогда принадлежавшей теукри-гергитам. Здесь же она хранила свои сокровища, которые, частично оставленные мужем, частично накопленные ею самой, постепенно достигли огромной суммы. Но ее область простиралась и до побережья, включая в себя, помимо прочих городов с классическим названием Илиум, и, вероятно, ее собственный родной город, соседний Дарданус. Кроме того, она содержала большое военное войско из греческих наемников, получавших регулярное жалование и находившихся в отличном состоянии, которые использовались ею как в качестве гарнизона каждого из зависимых городов, так и для завоеваний по соседству. Так она покорила приморские города Ларисса, Гамаксит и Колонь, расположенные в южной части Трояды; она лично командовала своими войсками, сидела в своей колеснице, чтобы наблюдать за атакой, и награждала каждого, кто отличился. Более того, когда Фарнабаз предпринимал экспедицию против хищных мисийцев или писидийцев, она сопровождала его, и ее военные силы составляли настолько лучшую часть его армии, что он оказывал ей самые высокие комплименты, а иногда снисходил до того, чтобы спросить ее совета.^[367] Так, когда Ксеркс вторгся в Грецию, Артемисия, царица Галикарнаса, не только предоставила корабли в числе лучших в его флоте и храбро сражалась при Саламине, но и, когда он решил созвать совет, выступила одна, осмелившись высказать ему обоснованные мнения, противоречащие его собственным взглядам; мнения, которые, к счастью для греческого мира, он мог заставить себя только терпеть, но не следовать им.^[368]

При такой энергичной женщине, как Мания, победоносной и обеспеченной, Эол был наиболее защищенной частью сатрапии Фарнабаза и, возможно, мог бы бросить вызов Деркиллидам, если бы домашний предатель не оборвал ее жизнь. Ее зять, Мейдиас, грек из Скепсиса, с которым она жила на условиях интимного доверия - "хотя она была скрупулезно недоверчива ко всем остальным, как и подобает деспоту"^[369] - был настолько разгорячен собственными амбициями и предложениями злых советников, которые говорили ему, что это позор, что женщина должна быть правителем, в то время как он был всего лишь частным человеком, что он задушил ее в ее комнате. Следуя своему гнусному плану, он убил и ее сына, красивого юношу семнадцати лет. Ему удалось завладеть тремя самыми сильными городами в округе - Кебреном, Скепсисом и Гергисом - вместе с накопленными сокровищами Мании; но командиры остальных городов отказались повиноваться его приказу, пока не получат распоряжения от Фарнабаза. К этому сатрапу Мейдиас немедленно отправил посланцев с богатыми подарками и просьбой, чтобы сатрап предоставил ему округ, которым пользовалась Мания. Фарнабаз, отвергнув подарки, послал Мейдиасу возмущенный ответ: "Оставь их у себя, пока я не приду, чтобы захватить их, а вместе с ними захвачу и тебя. Я бы не согласился жить, если бы не хотел отомстить за смерть Мания".^[370]

В этот критический момент, до прихода сатрапа, Деркиллидас явился со своим войском и застал Эолис почти беззащитным. Три недавних завоевания Мания - Ларисса, Гамаксит и Колон - сдались ему, как только он появился; гарнизоны Илиума и некоторых других мест, которые находились на особой службе у Мания и оказались в худшем положении после его потери, приняли его предложение отказаться от персидской зависимости, объявить себя союзниками Спарты и держать свои города для него. Таким образом, он стал хозяином большей части округа, за исключением Кебрена, Скепсиса и Гергиса, которые он стремился захватить до прихода Фарнабаза. Однако по прибытии в Кебрен, несмотря на необходимость спешить, он оставался в бездействии четыре дня,^[371] потому что жертвоприношения не благоприятствовали; в то время как опрометчивый подчиненный офицер, рискнувший совершить необоснованное нападение в этот промежуток времени, был отбит и ранен.

Вскоре жертвоприношения стали благоприятными, и Деркиллидас был вознагражден за свое терпение. Гарнизон, под влиянием примера жителей Илиума и других городов, не повиновался своему командиру, который пытался заслужить расположение сатрапа, удерживая и заверяя его в том, что это очень сильное место. Послав глашатаев объявить, что они пойдут с греками, а не с персами, они сразу же впустили лакедемонян в ворота. Удачно захватив и должным образом обезопасив этот важный город, Деркиллидас направился к Скепсису и Гергису, первый из которых удерживал сам Мейдиас; он, опасаясь прибытия Фарнабаза и не доверяя жителям, решил, что лучше начать переговоры с Деркиллидой. Он послал просить о встрече, требуя заложников за свою безопасность. Когда он вышел из города и потребовал от лакедемонского полководца, на каких условиях ему будет предоставлен союз, тот ответил: "При условии, что граждане останутся свободными и самостоятельными", - и, не дожидаясь ни согласия, ни отказа, направился прямо к воротам города. Мейдиас, застигнутый врасплох, находясь во власти нападавших и зная, что горожане настроены к нему недружелюбно, вынужден был отдать приказ открыть ворота, так что Деркиллидас благодаря этому маневру без потерь и задержек овладел самым сильным местом в округе, к великому удовольствию самих скепсиан.[372]

Взойдя на акрополь Скепсиса, Деркиллида принес благодарственную жертву Афине, великой богине-покровительнице Илиума и большинства тевкийских городов, заставил гарнизон Мейдиаса немедленно покинуть город и предоставил его самим гражданам, призвав их вести свои политические дела, как подобает грекам и свободным людям. Этот поступок, напоминающий нам о Брасидасе в отличие от Лисандра, был не столько политичным, сколько великодушным, поскольку Деркиллидас вряд ли мог надеяться удержать внутренний город посреди персидской сатрапии иначе, как с помощью помощи самих граждан. Затем он отправился в Гергис, взяв с собой Мейдиаса, который настоятельно просил позволить ему удержать этот город, последнюю из оставшихся у него крепостей. Не дав никакого решительного ответа, Деркиллидас взял его под руку и во главе своей армии, выстроенной только в две шеренги, чтобы создать видимость мира, отправился к подножию высоких башен Гергиса. Гарнизон на стенах, увидев Мейдиаса, позволил ему приблизиться, не выпустив ни одного снаряда. "Теперь, Мейдиас (сказал он), прикажи открыть ворота и покажи мне дорогу к храму Афинка, чтобы я мог принести там жертву". И снова Мейдиас был вынужден, опасаясь, что его тут же схватят как пленника, отдать приказ, и лакедемонские войска оказались во владении городом. Деркиллидас, распределив свои войска по стенам, чтобы убедиться в своем завоевании, поднялся на акрополь, чтобы принести намеченную жертву; после этого он принялся диктовать судьбу Мейдиаса, которого он лишил статуса принца и его военной силы, включив последнего в лакедемонскую армию. Затем он призвал Мейдиаса указать все его отцовское имущество и вернул ему все, на что тот претендовал, хотя сторонние наблюдатели протестовали против этого заявления как против вопиющего преувеличения. Но он наложил руку на все имущество и все сокровища Мании и заставил запечатать ее дом, который Мейдиас забрал себе, как законную добычу, поскольку Мания принадлежала Фарнабазу,[373] против которого лакедемоняне вели войну. Осмотрев и проверив содержимое дома, он сказал своим офицерам: "Итак, друзья мои, мы здесь уже выработали жалованье для всей армии, восьми тысяч человек, почти на год. Все, что мы приобретем сверх того, достанется и вам". Он прекрасно понимал, какое благоприятное воздействие окажет эта информация на нравы, а также на дисциплину армии - особенно на киреев, которые испытали на себе все неудобства нерегулярного жалованья и нищеты.

"И где же мне жить?" - спросил Мейдиас, оказавшийся отвергнутым в доме Мания. "В твоём законном месте жительства, конечно (ответил Деркиллидас); в твоём родном городе Скепсисе и в твоём отцовском доме.[374]". Что стало с убийцей после этого, мы не знаем. Но

нас удовлетворяет тот факт, что он не получил ожидаемой награды за свое преступление, плоды которого были важным преимуществом для Деркиллидаса и его армии и еще более важным благословением для греческих городов, которыми управлял Маний, - бесправие и автономия.

Этот быстрый, легкий и умело управляемый подвиг - захват девяти городов за восемь дней - все, что Ксенофонт упоминает о достижениях Деркиллидаса в течение лета. Получив жалование за столько месяцев, солдаты, возможно, были настроены отдохнуть, пока оно не будет потрачено. Но с наступлением зимы возникла необходимость найти зимнее жилье, не навлекая на себя упрек, который пал на Фимброна за то, что он потреблял имущество союзников. Опасаясь, что, если он изменит свою позицию, Фарнабаз использует многочисленную персидскую конницу для преследования греческих городов, он предложил перемирие, которое тот охотно принял. Ведь занятие лакедемонским полководцем Иолиса было своего рода сторожевым постом (как Декелея для Афин), подвергавшим всю Фригию у Пропонтиды (в которой находился Даскилиум, резиденция Фарнабаза) постоянным нападениям.[375] Поэтому Деркиллидас прошел только через Фригию, чтобы расположиться на зимний отдых в Вифинии, северо-западном уголке Малой Азии, между Пропонтисом и Эвксинским заливом; через эту же территорию проходил Ксенофонт с десятью тысячами на пути из Кальпа в Халкедон. Грабя вифинские деревни, он получал обильную провизию и добычу, как рабов, так и скот; не обходилось и без потерь с его стороны из-за неосторожности мародеров.[376]

Одна из таких потерь была весьма значительной. Деркиллидас получил от Сеутеса в европейской Фракии (того самого князя, на которого Ксенофонт имел столько поводов жаловаться) подкрепление в виде трехсот конников и двухсот пельтастов - одрисийских фракийцев. Эти одрисийцы расположились отдельным лагерем в двух с половиной милях от Деркиллиды, который они окружили частоколом высотой в человеческий рост. Будучи неутомимыми грабителями, они уговорили Деркиллида прислать им стражу из двухсот гоплитов, чтобы те охраняли их отдельный лагерь с накопленной в нем добычей. Вскоре лагерь стал богато укомплектован, особенно вифинскими пленниками. Однако враждебные вифиняне, улучив удобный момент, когда одрисийцы ушли на мародерство, внезапно напали на рассвете на двести греческих гоплитов, находившихся в лагере. Стреляя в них через частокол дротиками и стрелами, они убили и ранили нескольких, в то время как греки с копьями были совершенно беспомощны и могли добраться до врагов, только раздвинув частокол и выйдя на них; но легковооруженные нападавшие, легко уклоняясь от нападения воинов со щитом и копьем, разворачивались к ним, когда те начинали отходить, и убивали нескольких, прежде чем те успевали вернуться. В каждой последующей атаке повторялись те же явления, пока в конце концов все греки не были побеждены и убиты, за исключением пятнадцати человек, которые во время первой атаки прорвались сквозь вифинян и пошли дальше, чтобы присоединиться к Деркиллидасу, вместо того чтобы вернуться со своими товарищами к палисаду. Деркиллидас не замедлил послать подкрепление, которое, однако, пришло слишком поздно и обнаружило лишь обнаженные тела убитых. Победившие вифиняне унесли всех своих пленников.[377]

В начале весны спартанский полководец вернулся в Лампсакус, где нашел Аракуса и еще двух спартанцев, только что прибывших в качестве уполномоченных, посланных эфорами. Аракус прибыл с поручением продлить командование Деркиллидасом еще на год, а также сообщить о том, что эфоры довольны киреевской армией, поскольку ее поведение значительно улучшилось по сравнению с годом Фимброна. Он собрал солдат и обратился к

ним со словами похвалы и наставления, выражая надежду, что они будут продолжать проявлять терпение, которое начали проявлять по отношению ко всем азиатским союзникам. Командир киреев (вероятно, сам Ксенофонт) в своем ответе воспользовался случаем, чтобы сделать комплимент Деркиллидасу. "Мы (сказал он) сейчас те же люди, что и в прошлом году; но мы под началом другого полководца; за объяснением не нужно искать дальше.^[378]". Не отрицая превосходства Деркиллида над его предшественником, мы можем заметить, что обильные богатства Мания, случайно попавшие в его руки (хотя он проявил большую способность обратить эту случайность на пользу), были вспомогательным обстоятельством, не менее неожиданным, чем весомым, для обеспечения хорошего поведения солдат.

Аракусу было поручено посетить всех главных азиатских греков и сообщить об их состоянии в Спарте, и Деркиллидас был рад, что они приступили к этому исследованию в тот момент, когда нашли бы города в спокойствии и мире. ^{[379][380]}Пока длилось перемирие с Тиссаферном и Фарнабазом, эти города были защищены от агрессии и не платили дань; сухопутные войска Деркиллида обеспечивали им защиту, аналогичную той, которую обеспечивали Афины и их мощный флот в период между образованием Делосской конфедерации и афинской катастрофой в Сиракузах. В то же время во время перемирия армия не имела ни занятий, ни средств к существованию. Проблема заключалась в том, чтобы держать ее вместе и под рукой, но при этом не жить за счет друзей. Поэтому Деркиллидас с большим удовлетворением заметил случайно оброненное Аракусом сообщение. По словам последнего, в Спарту прибыли посланцы из фракийского Херсонеса (длинного участка земли, граничащего на западе с Геллеспонтом) с просьбой о помощи против своих мародерствующих фракийских соседей. Этот плодородный полуостров, впервые эллинизированный за полтора века до этого афинянином Мильтиадом, был излюбленным курортом афинских граждан, многие из которых приобрели там собственность во времена военно-морского могущества Афин. Битва при Эгоспотамах лишила этих владельцев собственности и изгнала их домой, одновременно лишив полуостров защиты от фракийцев. Теперь на нем было одиннадцать отдельных городов, из которых самым важным был Сестос; его жители объединились и отправили посланников в Спарту, умоляя эфоров выслать войска для строительства стены через перешеек от Кардии до Пактии; в награду за это (по их словам) здесь было достаточно плодородных земель, открытых для любого количества поселенцев, а побережье и гавани для экспорта находились совсем рядом. Мильтиад, впервые отправившись в Херсонес, обезопасил его, построив на том же месте поперечную стену, которая пришла в запустение за время персидского владычества; Перикл после этого прислал новых колонистов и заставил отремонтировать стену. Но, похоже, в ней не было необходимости, пока Афинская империя была в полном расцвете сил, - ведь фракийских князей Афины обычно либо примиряли, либо удерживали даже без такого оплота.^[381] Узнав, что просьба херсонеситов была благосклонно выслушана в Спарте, Деркиллидас решил осуществить их проект со своей собственной армией. Продлив перемирие с Фарнабазом, он переправился через Геллеспонт в Европу и в течение всего лета занимался строительством этой поперечной стены длиной около четырех с четвертью миль. Работа была распределена по частям между различными частями армии, соревнование было возбуждено наградами за наиболее быстрое и добросовестное выполнение; в то время как херсонеситы были рады обеспечить жалование и пропитание для армии, во время операции, которая обеспечила безопасность всех одиннадцати городов, и придала дополнительную ценность их землям и гаваням. Многочисленные поселенцы, по-видимому, прибыли сюда под эгидой лакедемонян, которые снова были полностью или частично нарушены, когда лакедемонская морская империя распалась через несколько лет после этого.^[382]

Вернувшись осенью в Азию после завершения этой работы, благодаря которой его армия в течение шести месяцев была занята и обеспечена всем необходимым, Деркиллидас приступил к осаде Артанея, сильного поста (на континентальном побережье к востоку от Митилены), занятого некоторыми хиосскими изгнанниками, которых лакедемонский адмирал Кратесипид за несколько лет до этого помог изгнать с их родного острова.[383] Эти люди, жившие за счет хищнических походов на Хиос и Ионию, были так хорошо снабжены провизией, что Деркиллидасу пришлось выдержать восьмимесячную блокаду, прежде чем он смог его уменьшить. Он разместил в нем сильный гарнизон, хорошо снабженный, чтобы он мог служить ему отступлением в случае необходимости, - под командованием ахейца по имени Драко, чье имя долго оставалось страшным из-за его опустошений на соседней равнине Мисии.[384]

Затем Деркиллидас направился в Эфес, где вскоре получил приказ от эфоров идти в Карию и напасть на Тиссаферн. Временное перемирие, которое до сих пор временно ограждало персидских солдат и сборщиков дани от азиатских греков, теперь было отменено по взаимному согласию. Эти греки отправили в Спарту посланников, заверив эфоров, что Тиссаферн будет вынужден официально отказаться от суверенных прав Персии и предоставить ей полную автономию, если его резиденция в Кариин подвергнется решительному нападению. Поэтому Деркиллидас двинулся на юг через Меандр в Карию, в то время как лакедемонский флот под командованием Фаракса действовал вдоль берега. В то же время Тиссаферн получил подкрепление из Суз и назначение генералиссимусом над всеми персидскими силами в Малой Азии, после чего Фарнабаз (который в это время отправился ко двору, чтобы согласовать более энергичные способы ведения войны, но теперь вернулся)[385] присоединился к нему в Кариин, готовясь начать энергичные действия по изгнанию Деркиллидаса и его армии. Укрепив гарнизонами сильные места, оба сатрапа переправились через Меандр во главе мощного греческого и карийского войска, с многочисленной персидской конницей, чтобы напасть на ионийские города. Как только он услышал эту новость, Деркиллидас вернулся со своим войском из Кариин, чтобы прикрыть города, над которыми нависла угроза. Переправившись через Меандр, он шел со своим войском в беспорядке, не подозревая о приближении врага, как вдруг наткнулся на их разведчиков, расположившихся у каких-то надгробных памятников на дороге. Он также послал несколько разведчиков к соседним памятникам и башням, которые донесли ему, что оба сатрапа со своими объединенными силами в полном порядке расположились здесь, чтобы перехватить его. Он немедленно отдал приказ своим гоплитам выстроиться в боевой порядок по восемь человек в глубину, с пельтастами и горсткой всадников на каждом фланге. Но эта неожиданность вызвала такую тревогу среди его войск, что ни на кого нельзя было положиться, кроме киреев и пелопоннесцев. Из ионийских и инсультских гоплитов из Приена и других городов некоторые спрятали оружие в густой кукурузе и бежали; другие, занявшие свои места в строю, проявляли диспозицию, не оставлявшую надежды, что они выдержат атаку; таким образом, персы получили возможность сражаться не только численно, но и с преимуществом в положении и обстоятельствах. Фарнабаз хотел атаковать без промедления. Но Тиссаферн, хорошо помнивший доблесть киреевских войск и полагавший, что все остальные греки похожи на них, запретил это делать; он послал вперед герольдов, чтобы потребовать совещания. Когда они приблизились, Деркиллидас, окружив себя телохранителем из лучших и лучше всего оснащенных солдат,[386] вышел на передовую, чтобы встретить их; сказав, что он, со своей стороны, готов сражаться, - но, поскольку была запрошена конференция, он не возражал против ее предоставления, при условии обмена заложниками. Согласившись на это и назначив место для конференции на следующий день, обе армии одновременно ушли: персы - в Траллы, греки - в Лейкофрис, знаменитый своим храмом Артемиды Лейкофрины.[387]

Эта неуклюжесть Тиссаферна, даже в то время, когда его подбадривал более храбрый, чем он сам, брат-сатрап, привела к тому, что персы потеряли очень перспективный момент, а греческая армия была спасена из опасного положения. Это помогает нам объяснить бегство киреев и то, как им позволили переправиться через реки и пройти по самой трудной местности без серьезного сопротивления; в то же время это способствовало утверждению в греческом сознании тех же впечатлений о неразумности персов, на которые так убедительно указывал этот побег.

Конференция, как и следовало ожидать, закончилась ничем. Деркиллидас требовал от имени азиатских греков полной автономии - освобождения от персидского вмешательства и дани; в то время как два сатрапа со своей стороны настаивали на том, чтобы лакедемонская армия была выведена из Азии, а лакедемонские гарматы - из всех греко-азиатских городов. Было заключено перемирие, чтобы дать время для обращения к властям на родине; таким образом, дела вернулись в то состояние, в котором они находились в начале года.^[388]

Вскоре после заключения перемирия прибыл Агесилай, царь Спарты, с большим войском, и война во всех отношениях стала принимать все большие масштабы, о чем подробнее будет рассказано в следующей главе.

Но не только в Азии Спарта была вовлечена в войну. Уничтожение афинской власти лишило союзников той общей ненависти и тревоги, которая связывала их с ее главенством, а ее последующее поведение вызвало положительную реакцию и даже возбудило в ней самой тот же страх перед безмерными имперскими амбициями, который прежде так сильно действовал на Афины. Она присвоила себе почти всю афинскую морскую империю, обложив ее данью, едва ли уступающей по размеру, если вообще уступающей. Насколько реально реализовывалась тысяча талантов в течение каждого последующего года, мы не в состоянии сказать; но такова была оценка и схема, заложенная Спартой для ее морских зависимых территорий, - к тому же подкрепленная вездесущими инструментами хищничества и угнетения, децемвирами и хармосами, с которыми Афины никогда не могли сравниться. Если к этой великой морской империи прибавить невероятное превосходство на суше, которым Спарта пользовалась до этого, то мы получим материальную мощь, намного превосходящую ту, которой пользовались Афины даже в дни своего наибольшего возвышения, до перемирия 445 года до нашей эры.

Но это было еще не все. Из-за общей тупости характера спартанских граждан все ресурсы государства почти никогда не использовались. Ее привычные недостатки в момент действия остро критикуются ее собственными друзьями, в отличие от пылкости и бесстрашия, которые одушевляли ее врагов. Но во время и после битвы при Игоспотами все управление спартанскими внешними делами оказалось в руках Лисандра, человека не только свободного от инертности, свойственной его соотечественникам, но и обладающего самой неутомимой активностью и честолюбием, как для своей страны, так и для себя. Под его руководством огромные преимущества, которые давало Спарте ее новое положение, были сразу же систематизированы и использованы в полной мере. В новом возвышении Спарты, если бы оно было столь скромным, было достаточно оснований, чтобы посеять тревогу во всем греческом мире. Но опасения удвоились, когда стало ясно, что ее восхождение было организовано и, скорее всего, будет использоваться ее самым агрессивным лидером в целях ненасытного честолюбия. К счастью для греческого мира, власть Спарты недолго оставалась в руках Лисандра, чье высокомерие и непомерное положение навлекали на него врагов на родине. Однако первые впечатления о спартанской империи союзники получили от его действий и планов владычества, проявленных с показной наглостью; и эти впечатления

сохранялись даже после того, как влияние самого Лисандра было значительно ослаблено противодействующим соперничеством Павсания и других.

В то время как Спарта в отдельности получила так много к концу войны, ни один из ее союзников не получил ни малейшего вознаграждения или компенсации, за исключением тех, которые можно считать причастными к уничтожению грозного врага. Даже денежный результат или остаток, который Лисандр привез с собой домой (четыреста семьдесят талантов, оставшихся от аванса, выданного Киром), вместе с добычей, полученной в Декелее, был задержан самими лакедемонянами. Фивы и Коринф, правда, предъявили требования, к которым остальные союзники не присоединились (вероятно, не смогли), чтобы их допустили к доле. Но хотя все усилия и страдания войны выпали на долю этих союзников не меньше, чем на долю Спарты, требования были отклонены и почти восприняты как оскорбление.^[389] Поэтому среди союзников возник не только страх перед захватническим господством, но и ненависть к монополистической хищности Спарты. Раннее проявление этого нового чувства, столь же яркое и важное, было сделано фиванцами и коринфянами, когда они отказались присоединиться к Павсанию в его походе против Фрасибула и афинских изгнанников в Пирее,^[390] - менее чем через год после сдачи Афин, врага, которого эти два города ненавидели с таким ожесточением вплоть до самого момента сдачи. Даже аркадяне и ахейцы, привычно подчинявшиеся Лакедемону, остро чувствовали, как по-другому она относится к ним, по сравнению с предыдущими годами войны, когда ей приходилось поддерживать их рвение против общего врага.^[391]

Однако лакедемоняне были достаточно сильны, чтобы не только презирать это растущее отчуждение своих союзников, но даже мстить тем пелопоннесцам, которые вызывали их недовольство. Среди них выделялись элейцы, находившиеся теперь под властью правительства, называемого демократическим, главным из которых был Фрасидей - человек, оказавший в 404 г. до н. э. значительную помощь Фрасибулу и афинским изгнанникам в Пейреусе. В 420 году до н. э. элейцы вступили в спор со Спартой, воспользовались своими привилегиями администраторов Олимпийского фестиваля, чтобы не допустить ее к участию в этом празднике, а затем выступили против нее вместе с Аргосом и Мантинеей. К этим поводам для ссоры, теперь уже довольно древним, добавились отказ оказать помощь в войне против Афин после возобновления военных действий в 414 году до н.э., и недавнее исключение царя Агиса, который лично пришел принести жертву и посоветоваться с оракулом Зевса Олимпийского; такое исключение было обосновано тем, что он собирался молиться о победе в войне, которая в то время шла против Афин, вопреки древнему канону Олимпийского храма, который не допускал жертвоприношений и консультаций по поводу военных действий греков против греков.^[392] Спарта расценила это как оскорбление, и наступило благоприятное время для того, чтобы ответить на него, а также наказать и смирить Элиду.^[393] Спарта отправила посольство, требуя от элейцев погасить задолженность по квоте, начисленной им на расходы по войне с Афинами, и, кроме того, отказаться от власти над зависимыми поселениями или периэками, оставив последние автономными.^[394] Таких зависимых поселений было несколько, ни одно из них не было очень значительным, в области, называемой Трифилией, к югу от реки Алфей и к северу от Неды. Одним из них был Лепреум, автономию которого лакедемоняне отстаивали в 420 году до н. э. в борьбе с Элисом, хотя в последующий период он снова стал подвластным.

Элейцы отказались выполнить посланное требование, утверждая, что зависимые от них города принадлежат им по праву завоевания. Они даже выдвинули против лакедемонян обвинение в порабощении греков,^[395] на что Агис отправился с войском на их территорию,

войдя в нее с северной стороны, где она соединялась с Ахайей. Едва он пересек пограничную реку Ларисс и начал свои опустошительные действия, как произошло землетрясение. Такое событие, обычно трактуемое в Греции как божественное предупреждение, в данном случае так сильно подействовало на религиозную восприимчивость Агиса, что он не только покинул территорию элейцев, но и распустил свою армию. Его отступление придало элейцам столько мужества, что они отправили посланников и попытались заключить союзы между теми городами, которые, как им было известно, отторгались от Спарты. Однако даже Фивы и Коринф не смогли склонить их к помощи; кроме тысячи человек из Этолии, они не получили никакой другой помощи.

Летом следующего года Агис предпринял вторую экспедицию, в которой приняли участие все союзники Спарты, даже афиняне, которые теперь были занесены в список. Лишь Фивы и Коринф остались в стороне. В этот раз он подошел с противоположной, южной стороны территории, которая когда-то называлась Мессенией; он прошел через Аулон и пересек реку Неду. Он прошел через Трифилию до реки Алфея, которую пересек, а затем направился в Олимпию, где совершил жертвоприношение, от которого его прежде отстранили элейцы. В походе к нему присоединились жители Лепреума, Макиста и других зависимых городов, которые теперь вышли из подчинения Элису. Укрепленный таким образом, Агис двинулся к городу Элису через плодородную страну с процветающим сельским хозяйством, обогащенную толпами и жертвоприношениями в соседнем Олимпийском храме, и долгое время остававшуюся незащищенной. После не очень энергичного нападения на полуукрепленный город, отбитого этолийскими вспомогательными войсками, он двинулся дальше к гавани под названием Киллен, продолжая грабить территорию. Так много было рабов, скота и вообще сельских богатств, что его войска не только обогатились за счет грабежа, но и пополнились многочисленными аркадскими и ахейскими добровольцами, собравшимися, чтобы поучаствовать в золотой жатве.[\[396\]](#)

Оппозиция или богатая олигархическая партия в Элисе воспользовалась этим моментом, чтобы взять в руки оружие против правительства, надеясь завладеть городом и удержаться у власти с помощью Спарты. Их предводитель Ксений, человек с огромным состоянием, с несколькими своими приверженцами, вооружившись, напал на дом правительства, в котором, судя по всему, пировали Фрасидей и его коллеги. Они убили несколько человек, и среди них одного, которого из-за большого личного сходства они приняли за Фрасидея. Однако тот был в тот момент в состоянии алкогольного опьянения и спал в отдельной комнате.[\[397\]](#) Тогда они собрались с оружием в руках на рыночной площади, считая себя хозяевами города; жители же, под впечатлением того, что Фрасидей мертв, были слишком ошеломлены, чтобы оказать сопротивление. Но вскоре стало известно, что он еще жив; люди собрались у дома правительства "как пчелиный рой", [\[398\]](#) и выстроились как для его защиты, так и под его руководством. Сразу же поведя их в бой, он полностью разгромил олигархических мятежников и заставил их бежать под защиту лакедемонской армии.

Вскоре Агис эвакуировал элейскую территорию, но не без того, чтобы вместе с Ксением и олигархическими изгнанниками посадить лакедемонский хармост и гарнизон в Эпиталии, немного южнее реки Алфея. Заняв этот форт (аналог Декелеи в Аттике), они в течение осени и зимы сеяли повсюду опустошение и разорение, причем до такой степени, что ранней весной Фрасидей и элейское правительство были вынуждены послать в Спарту просить мира. Они согласились разрушить несовершенные укрепления своего города, чтобы оставить его совершенно открытым. Кроме того, они сдали гавань Киллена с военными кораблями и отказались от власти над трифилийскими поселениями, а также над Ласионом, на который

претендовали как на аркадский город.[399] Лакедемоняне, хотя и настаивали на сохранении города Эпея (между аркадским городом Гереея и трифилийским городом Макиста), ссылаясь на то, что они купили его у прежних жителей за тридцать талантов задатка, отказались признать его, объявив это принудительной сделкой, навязанной слабой стороне силой. Город был отнят у них, по-видимому, без какой-либо частичной или полной компенсации выкупных денег. На этих условиях элейцы были приняты в мир и вновь зачислены в члены лакедемонской конфедерации.[400]

Приближалось время Олимпийского фестиваля, и элейцы, вероятно, тем больше стремились заключить мир со Спартой, что боялись лишиться своих привилегий как начальников. Пизанцы, жители района, расположенного непосредственно вокруг Олимпии, узнали о вторжении спартанцев в Элиду, чтобы ходатайствовать о восстановлении своих первоначальных привилегий, как управляющих храмом Зевса в Олимпии с его великими периодическими торжествами, - путем лишения элейцев этой привилегии как узурпаторов. Но их просьба не имела успеха. Действительно, это право принадлежало пизанцам в ранние времена, до того, как олимпийский фестиваль приобрел свое реальное панэллинское значение и величие; и что элейцы присвоили его себе только после завоевания территории Пизы. Но если взять фестиваль в его нынешнем виде, то пизанцы, простые деревенские жители без значительного города, были неспособны отдать ему справедливость и принизили бы его достоинство в глазах всей Греции.

Поэтому лакедемоняне на этом основании отстранили претендентов и оставили руководство Олимпийскими играми в руках элейцев.[401]

Триумфально продикував условия Элису, лакедемоняне получили такое господство на всем Пелопоннесе, какого никогда не достигали прежде. Чтобы завершить свою победу, они выкорчевали все остатки своих древних врагов - мессенцев, часть которых была поселена афинянами в Наупакте, а часть - на острове Кефалления. Теперь все представители этой гонимой расы были изгнаны в час лакедемонского всемогущества из окрестностей Пелопоннеса и вынуждены были укрыться, одни в Сицилии, другие в Кирене.[402] В одной из следующих глав нам предстоит вспомнить, как фортуна повернулась в их пользу.

ГЛАВА LXXIII. АГЕСИЛАЙ, ЦАРЬ СПАРТЫ. - КОРИНФСКАЯ ВОЙНА.

Завершение Пелопоннесской войны с победоносной организацией Лакедемонской империи Лисандром уже было описано как период, принесший афинским городам, ранее входившим в состав империи, еще большие страдания по сравнению с теми, которые они перенесли при Афинах, - и более тяжелую зависимость, не сопровождавшуюся никакими преимуществами, даже для тех пелопоннесских и внутренних городов, которые всегда были зависимыми союзниками Спарты. Чтобы завершить печальную картину греческого мира в эти годы, мы можем добавить (что будет описано далее более подробно), что бедствия еще более плачевного характера настигли сицилийских греков; сначала от нашествия

карфагенян, которые разграбили Гимеру, Селинус, Агригентум, Гелу и Камарину, а затем от господствующего деспотизма Дионисия в Сиракузах.

В выигрыше оказалась только Спарта, и то в огромной степени, как по доходам, так и по силе. Именно с этого времени и с действий Лисандра различные античные авторы датируют начало ее вырождения, которое они приписывают главным образом ее отходу от институтов Ликурга путем введения золотых и серебряных денег. До этого эти металлы были строго запрещены; не допускались никакие деньги, кроме тяжелых кусков железа, не переносимых иначе как в очень незначительном количестве. То, что таково было древнее учреждение Спарты, по которому любой спартанец, имевший в своем распоряжении золотые и серебряные деньги, в случае обнаружения подлежал наказанию, представляется несомненным. Насколько на практике можно было уклониться от выполнения этого предписания, мы не можем определить. Некоторые эфоры решительно возражали против признания крупной суммы, привезенной Лисандром домой в качестве остатка средств, полученных им от Кира на ведение войны. Они утверждали, что поступление такого количества золота и серебра в государственную казну является грубым нарушением ликургских постановлений. Но их сопротивление было безуспешным, и новые запреты были приняты, хотя по-прежнему оставалось уголовным преступлением (и даже смертной казнью, если верить Плутарху) обнаружение золота и серебра у любого человека.^[403] Однако исполнение такого запрета, даже если оно и было возможно раньше, перестало быть целесообразным, как только эти металлы были признаны и допущены к владению и использованию в государственных целях.

Несомненно, ввоз в Спарту большого количества монет из золота и серебра сам по себе был поразительным и важным явлением, если рассматривать его в сочетании с особыми обычаями и дисциплиной государства. Оно должно было вызвать сильную антипатию в душе старомодного спартанца, и, вероятно, царь Архидам, будь он жив, принял бы участие в противостоянии с эфорами. Но Плутарх и другие слишком критикуют его как явление само по себе, тогда как на самом деле он был одним из характерных признаков и частью нового стечения обстоятельств, к которым Спарта постепенно приходила в последние годы войны и которые были приведены в наиболее эффективное действие решающим успехом при Эгоспотамах. Учреждения Ликурга, хотя и отстраняли всех спартанских граждан неустанным учением и общественным беспорядком от торговли и промышленности, от показной роскоши, ни в коей мере не угасили в их груди любовь к деньгам;^[404] то же время они имели положительную тенденцию скорее преувеличивать, чем ослаблять любовь к власти. Спартанские цари, Леотихид и Плейстоанакс, оба были виновны в получении взяток; Тиссаферн нашел средства (на двадцатом году Пелопоннесской войны), чтобы развратить не только спартанского адмирала Астиоха, но и почти всех капитанов пелопоннесского флота, кроме сиракузца Гермократа; Гилипп, как и его отец Клиандрид, деградировал подобным мошенничеством; Анаксибий в Византии был ничуть не чище. Лисандр, поработенный лишь жадой властвовать и сам являющий собой замечательный пример превосходства над денежным развратом, был, таким образом, не первым, кто привил этот порок умам своих соотечественников. Но хотя он уже нашел его распространенным среди них, он сделал многое, чтобы придать ему еще более решительное преобладание, благодаря огромным возможностям и увеличенной добыче для казнокрадства, которые предоставила ему вновь организованная спартанская империя. Он не только привозил домой большие остатки золота и серебра, но и взимал гораздо большую ежегодную дань с зависимых городов, а также назначал многочисленных хармосов для управления этими городами. Такие назначения приносили обильную незаконную прибыль, которую было легко получить и даже трудно избежать, поскольку децемвиры в каждом городе стремились таким образом

приобрести покровительство или попустительство своим собственным проступкам. Такого количества новых источников коррупции было достаточно, чтобы самым неблагоприятным образом повлиять на спартанский характер, если не насаждая новые пороки, то, по крайней мере, стимулируя все присущие ему дурные наклонности.

Чтобы понять, какие существенные изменения произошли в ней, достаточно сравнить речи царя Архидама и коринфян, произнесенные в 432 году до н. э. в начале Пелопоннесской войны, с положением дел в конце войны - в течение одиннадцати лет между победой при Эгоспотамах и поражением при Книде (405-394 гг. до н. э.). В первый из этих двух периодов у Спарты не было ни подданных, ни средств в казне, а граждане с большой неохотой платили поборы.^[405] Около 334 года до н. э., через тридцать семь лет после поражения при Лейктре и потери Мессении, Аристотель отмечает подобный факт, который затем снова стал правдой;^[406] но во время существования ее империи между 405 и 394 годами до н. э. она обладала большим государственным доходом, получаемым от дани зависимых городов. В 432 году до н. э. Спарта не просто осторожна, но и отстала; особенно нежелательны любые действия на расстоянии от дома.^[407] В 404 году до н. э., после окончания войны, она становится агрессивной, вмешивается в дела и готова иметь дело с врагами или делать приобретения как на расстоянии, так и вблизи.^[408] В 432 году до н. э. ее необщительность и исключительность по отношению к остальной Греции, а также постоянное изгнание других греков из собственного города занимают видное место среди ее атрибутов;^[409] то время как к концу войны ее внешние отношения получили такое большое развитие, что стали главным предметом внимания ее ведущих граждан, а также ее магистратов; так что приток чужеземцев в Спарту и отток спартанцев в другие части Греции стали постоянными и неизбежными. Поэтому строгость ликургской дисциплины по многим пунктам отступала, а главные спартанцы особенно старались различными способами уклониться от ее обязательств. Именно этим ведущим людям доставались большие призы, позволявшие им обогащаться за счет чужих подданных или общественной казны и все более усугублявшие то неравенство в богатстве спартанцев, которое так резко отмечал в свое время Аристотель;^[410] Поскольку у более мелких граждан не было ни подобных возможностей, ни собственной промышленности, чтобы защитить их имущество от постепенного разделения и поглощения и поддерживать их в постоянном состоянии способности вносить вклад в столовую для себя и своих сыновей, что составляло основу спартанского политического франчайзинга. Более того, зрелище таких новооткрытых прибыльных призов, доступных только той части влиятельных спартанских семей, которые постепенно стали известны отдельно от остальных под названием "равные" или "пэры", вызывало недовольство энергичных граждан, находящихся в привилегированном положении, так, что угрожало спокойствию государства, - как будет показано далее. Одинаковость жизни, привычек, достижений, способностей, удовольствий, усталости и ограничений, которую так долго обеспечивали и продолжали обеспечивать ликургские правила, лишая богатство его главных преимуществ и поддерживая тем самым чувство личного равенства среди более бедных граждан, все больше и больше ускользала от более богатых, как благодаря продажности, так и благодаря примеру эфоров и сенаторов;^[411] В то время как для тех, у кого не было средств для развращения, оно оставалось неослабным, за исключением того, что многие из них впадали в еще более униженное состояние, лишаясь гражданства.

Не только Исократ^[412] свидетельствует о разложении характера спартанцев в результате обладания чужой империей, которое последовало за победой при Игоспотаме, но и их искренний панегирист Ксенофонт. Горячо восхваляя законы Ликурга или спартанские институты, он вынужден признать, что его восхваления, хотя и заслуженные прошлым, стали досадно неприменимы к тому настоящему, свидетелем которого он был сам. "Раньше

(говорит он,[413]) лакедемоняне предпочитали свое общество и умеренный образ жизни у себя дома, а не назначение на должности гармастов в чужих городах, со всей лестью и развратом, которые им сопутствовали. Раньше они боялись, что их увидят с золотом в руках; теперь же есть и такие, кто выставляет его напоказ. Раньше они насильно изгоняли чужаков и запрещали путешествовать за границу, чтобы их граждане не приобрели расслабленный образ жизни от общения с иностранцами; теперь же те, кто стоит среди них на первом месте по влиянию, прежде всего стремятся к тому, чтобы постоянно работать гармонами за границей. Было время, когда они старались быть достойными начальства; но теперь они стремятся скорее получить и удержать командование, чем быть должным образом квалифицированными для этого. Так, в прежние времена греки приходили и просили, чтобы спартанцы выступили в качестве их лидеров против нарушителей; теперь же они призывают друг друга к согласованию мер, чтобы отгородить Спарту от обновленной империи. Мы не можем удивляться, что спартанцы впали в эту немилость, когда они явно отказались от повиновения как дельфийскому богу, так и учреждениям Ликурга!"

Эта критика (написанная в период между 394 и 371 гг. до н. э.) от ярого восхвалителя Спарты весьма поучительна. Из других свидетельств мы знаем, как плохо спартанская империя работала для подвластных городов; здесь мы узнаем, как плохо она работала для характера самих спартанцев и для тех внутренних институтов, которыми даже враг Спарты, ненавидевший ее внешнюю политику, все же был вынужден восхищаться.[414] Все пороки, на которых здесь настаивает Ксенофонт, проистекают из различных инцидентов, связанных с ее империей. Умеренные, домашние, старомодные, отсталые нравы, на которые жалуются коринфяне,[415] но которые царь Архидам ставит себе в заслугу в начале Пелопоннесской войны, в конце войны сменяются духом агрессии и завоеваний, честолубием как общественным, так и личным, освобождением великих людей от подчиняющей[416] равенства дисциплины, введенной Ликургом.

Агис, сын Архидама (426-399 гг. до н. э.), и Павсаний, сын Плейстоанакса (408-394 гг. до н. э.), были двумя царями Спарты в конце войны. Но Лисандр, адмирал или командующий флотом, был на тот момент[417] больше, чем любой из этих двух царей, который имел право командовать только сухопутными войсками. Я уже упоминал, как его чрезмерный диктат и наглость оскорбили не только Павсания, но и нескольких эфоров и ведущих людей в Спарте, а также персидского сатрапа Фарнабаза, что косвенно привело к освобождению Афин от Тридцати, частичному ослаблению декархий по всей Греции и отзыву самого Лисандра из-под его командования. Покоритель Афин не без неохоты согласился вновь спуститься на частную должность. Среди толпы льстецов, которые возносили ему фимиам в момент его всемогущества, не было недостатка в тех, кто считал, что он гораздо более достоин царствовать, чем Агис или Павсаний; что царей следует выбирать не из первенцев рода Эврисфена и Проклеса, а из всех Гераклидов, одним из которых был сам Лисандр;[418] и что избранный должен быть не просто потомком Гераклеи, но достойной параллелью самой Гераклеи, в то время как в честь Лисандра на Самосе пели пеаны[419] - пока Херил и Антилох слагали поэмы в его честь, - пока Антимак (поэт, которого высоко ценил Платон) участвовал в официальном состязании декламируемых эпических стихов под названием "*Лисандрия*", был еще один горячий поклонник, ритор или софист из Галикарнаса по имени Клеон,[420] , который написал рассуждение, доказывающее, что Лисандр вполне заслужил царское достоинство, - что личное превосходство должно преобладать над законным происхождением, и что корона должна быть открыта для избрания из самых достойных среди Гераклидов. Учитывая, что риторика в Спарте не использовалась и не почиталась, мы не можем с полным основанием полагать, что Лисандр действительно заказал сочинение этой речи как орудие исполнения заранее задуманных им самим проектов, подобно тому как

афинский обвинитель или подсудимый в дикастерии вооружался речью Лисия или Демосфена. Клеон профессионально оформил бы свой суд таким прозаическим сочинением, независимо от того, был ли проект впервые рекомендован им самим или обсуждался в кругу поклонников; а Лисандр, вероятно, оплатил бы за комплимент наградой, не менее щедрой, чем та, которую он дал равнодушному поэту Антилоху.^[421] А сочинение было бы облечено в форму речи адмирала к своим соотечественникам, без какой-либо определенной цели, чтобы оно было произнесено именно так. Подобная гипотеза об ораторе и аудитории часто встречалась у риторов в их сочинениях, как мы видим у Исократы, особенно в его шестом рассуждении под названием "Архидам".

Либо из собственного честолюбия, либо по подсказке других, Лисандр пришел к идее нарушить преемственность двух царственных семей и открыть для себя путь к короне. Его проекты характеризуются как революционные; , но в них нет ничего, что заслуживало бы такого названия в том смысле, который придается этому слову сейчас, если мы точно рассмотрим, какими были спартанские цари в 400 году до н. э. С этой точки зрения ассоциации, связанные с титулом царя, для современного читателя являются обманчивыми. Спартанские цари вовсе не были царями в любом современном понимании этого термина; они не только не были абсолютными, но даже не были конституционными царями. Они не были государями, и ни один спартанец не был их подданным; каждый спартанец был членом свободной греческой общины. Спартанский царь не управлял, не царствовал в том смысле, что правительство осуществлялось от его имени и его делегатами. Правительство Спарты осуществлялось эфорами, которые часто советовались с сенатом и время от времени, хотя и редко, обращались к общественному собранию граждан. Спартанский царь не был юридически неприкосновенным. Он мог быть арестован, судим и наказан за проступок при исполнении своих обязанностей, и иногда так и происходило. Он был самостоятельной личностью, крупным государственным чиновником, пользовался определенными привилегиями, выполнял определенные военные и судебные функции, которые передавались по наследству в его семье как *universitas*, но при этом находился под контролем эфоров в отношении того, как он выполнял эти обязанности.^[422] Так, например, его привилегией было командовать армией, когда он отправлялся на внешнюю службу; однако был издан закон, требующий, чтобы он брал с собой депутатов, как военный совет, без которого ничего нельзя было делать. Эфоры отзывали Агесилая, когда считали нужным; они же привлекали Павсания к суду и наказанию за предполагаемые проступки в его командовании.^[423] Единственный способ, которым спартанские цари составляли часть суверенной власти в государстве или участвовали в осуществлении управления, как это правильно называется, заключался в том, что они имели голоса в сенате *по должности* и могли голосовать там по доверенности, когда их не было. В древние времена, о которых известно очень мало, спартанские цари, похоже, действительно были государями; правительство тогда действительно осуществлялось ими или по их приказам. Но в 400 году до н. э. Агис и Павсаний стали не более чем великими и достойными наследственными государственными чиновниками, все еще носящими старый титул своих предков. Предоставление этих наследственных функций всем членам гераклидских родов путем избрания из их числа могло быть изменением как в лучшую, так и в худшую сторону; это было поразительное новшество (так же как и предложение сделать выборным любое из различных жреческих сословий, которые были наследственными в отдельных семьях), из-за крайней привязанности спартанцев к старым и освященным обычаям; но его нельзя назвать революционным. Эфоры, сенат и общественное собрание могли бы провести такое изменение в полной юридической форме, не прибегая к насилию; цари могли бы проголосовать против, но их бы перебили. И если бы изменение было произведено, спартанское правительство осталось бы, как по форме, так и по принципу, таким же, каким

оно было раньше; хотя семьи Эврисфенидов и Проклидов потеряли бы свои привилегии. Здесь не следует отрицать, что спартанские цари были людьми, имевшими большое значение в государстве, особенно когда (как Агесилай) они совмещали со своим служебным положением заметную личную энергию. Но не менее верно и то, что ассоциации, связанные с титулом *царя* в современном сознании, не вполне применимы к ним.

Чтобы добиться своего в Спарте, Лисандр прекрасно понимал, что необходимо прибегнуть к необычным средствам. Покинув Спарту вскоре после своего отъезда, он посетил оракулы Дельф, Додоны и Зевса Аммона в Ливии,^[424] чтобы путем убеждения или подкупа добиться от спартанцев предписаний, поддерживающих его проекты. Так велико было общее влияние прорицаний на спартанские умы, что Клеомен добился таким образом низложения царя Демарата и возвращения изгнанного Плейстоанакса;^[425] подкуп в обоих случаях послужил движущим импульсом. Но Лисандр не был столь же удачлив. Ни один из этих оракулов никакими уговорами не мог склонить его к столь серьезному предложению, как отмена установленного закона о наследовании спартанского трона. Говорят даже, что жрецы Аммона, не удовлетворившись отказом от его предложений, прибыли в Спарту, чтобы осудить его действия; по этому обвинению Лисандр был предан суду, но оправдан. Утверждение, что его судили и оправдали, я считаю неправдой. Но его планы пока терпели неудачу, и он был вынужден прибегнуть к другой хитрости, все еще взывая к религиозной восприимчивости своих соотечественников. Некоторое время назад в одном из городов Эвксинского моря родился юноша по имени Силен, мать которого утверждала, что он сын Аполлона; это утверждение нашло широкое признание, несмотря на различные трудности, выдвигаемые скептиками. В то время как в Спарте происходило это новое рождение сына бога, сторонники Лисандра также распространили весть о существовании священных рукописей и вдохновенных записей великой древности, спрятанных и до сих пор не прочитанных в хранилище дельфийских жрецов; к ним нельзя было прикасаться или обращаться к ним до тех пор, пока какой-нибудь подлинный сын Аполлона не заявит о своих правах на них. При попустительстве некоторых жрецов были сфабрикованы некоторые оракулы, отвечающие взглядам Лисандра. Был разработан план, согласно которому Силен должен был явиться в Дельфы, представить доказательства своего божественного происхождения, а затем потребовать проверки этих скрытых записей; жрецы, после, казалось бы, тщательной проверки, были готовы предоставить их. Затем Силен прочтет их вслух в присутствии всех зрителей, и среди них будет обнаружен один, рекомендуемый спартанцам выбирать царей из всех лучших граждан.^[426]

Этот проект был так близок к осуществлению, что Силен действительно явился в Дельфы и заявил о своих претензиях. Но в решающий момент один из участников конфедерации либо не выдержал, либо сломался, так что скрытые записи так и остались скрытыми. И хотя Лисандр был вынужден отказаться от своего плана, о нем ничего не было обнародовано до самой его смерти. Возможно, он и удался бы, если бы он нашел храмовых конфедератов, обладавших должной смелостью и хитростью, - если учесть глубокое и привычное почтение спартанцев к Дельфам, на санкции оракула которых, как считалось, в основном и покоились ликургские учреждения. И вскоре представился случай, когда предложенное изменение могло быть опробовано с необычайной легкостью и уместностью; хотя сам Лисандр, однажды потерпев неудачу, отказался от своего предприятия и использовал свое влияние, которое не ослабевало, чтобы передать скипетр другому, вместо того чтобы приобрести его самому,^[427] - как Муциан в отношении императора Веспасиана.

По всей видимости, примерно через год после похода в Элиду царь Агис, уже пожилой человек, заболел в Герее в Аркадии и был доставлен в Спарту, где вскоре скончался. Его

жена Мимея родила сына по имени Леотихид, который сейчас юношей лет пятнадцати.^[428] Но законность этого юноши всегда вызывала подозрения у Агиса, который, когда ему впервые стало известно о рождении ребенка, заявил, что он не может быть его. Он был напуган землетрясением, которое было истолковано как предупреждение Посейдона и означало запрет на половую жизнь в течение определенного времени; в этот промежуток времени и родился Леотихид. Это одна из версий; согласно другой, молодой принц был сыном Алкивиада, родившимся во время отсутствия Агиса в его командовании в Декелее. С другой стороны, утверждалось, что Агис, хотя первоначально и сомневался в законности Леотихида, впоследствии отказался от своих подозрений и полностью признал его, особенно с особой торжественностью во время его последней болезни.^[429] Как и в случае с Демаратом столетием ранее,^[430] - этими сомнениями воспользовался Агесилай, младший брат Агиса, которого поддерживал Лисандр, чтобы отстранить Леотихида и самому занять трон.

Агесилай был сыном царя Архидама, но не от Лампито, матери Агиса, а от второй жены по имени Евполия. Ему уже исполнилось сорок лет,^[431] и он, воспитанный без всякой перспективы стать царем, - по крайней мере, до недавнего времени, - прошел через все суровые спартанские тренировки и обучение. Он отличался всеми спартанскими добродетелями: образцовым повиновением властям при выполнении упражнений, как военных, так и гражданских, - острым подражанием в стремлении превзойти любого соперника, - необычайным мужеством, неустанной энергией, а также умением переносить трудности, - совершенной простотой и бережливостью во всех своих личных привычках, - чрезвычайной чувствительностью к мнению своих сограждан. По отношению к своим личным друзьям или приверженцам он отличался пылкой привязанностью, даже беспринципной пристрастностью, готовностью использовать все свое влияние для устранения их несправедливости или недостатков; в то же время он был сравнительно спокойным и великодушным в отношениях с соперниками дома, несмотря на его стремление быть первым во всех видах конкуренции.^[432] Его манеры были веселы и популярны, а физиономия приятна; хотя ростом он был не только мал, но и убог, и хотя он страдал от дополнительного недостатка - хромоты на одну ногу,^[433] что объясняет его постоянный отказ сфотографировать его статую.^[434] Он был равнодушен к деньгам и свободен от избытка эгоистических чувств, за исключением страсти к превосходству и власти.

Несмотря на то, что Агесилай был братом Агиса, его еще не пробовали назначать на военную должность, хотя он, вероятно, служил в армии в Декелее или в Азии. Поэтому многое в его характере до сих пор оставалось нераскрытым. И, возможно, его популярность была тем выше в тот момент, когда трон стал вакантным, поскольку, никогда не будучи поставленным в положение, способное вызвать ревность, он отличался только достижениями, усилиями, стойкостью и пунктуальным послушанием, в котором даже самые бедные граждане были его соперниками на равных. И все же сдержанность и привычка подавлять эмоции, порожденные спартанским воспитанием, были настолько полными, что даже сам хитрый Лисандр в это время не знал его. Он и Агесилай были ранними и близкими друзьями,^[435] оба были помещены мальчиками в одно и то же стадо или отряд в целях дисциплины; сильная иллюстрация уравнительного характера этой дисциплины, поскольку мы знаем, что Лисандр был из бедных родителей и состояния.^[436] Он ошибся, полагая, что Агесилай обладает особенно мягким и покладистым характером, и это стало его главным стимулом для поддержки претензий последнего на трон после смерти Агиса. Лисандр рассчитывал, что если Агесилай станет царем благодаря его усилиям, то его собственное влияние значительно возрастет, и особенно он рассчитывал на возобновление миссии в Азию, если не в качестве мнимого полководца, то хотя бы в качестве реального вождя под опекой нового царя.

Поэтому, когда торжественные церемонии, которыми всегда отмечались похороны царя Спарты, были закончены[437] и наступил день для установки нового царя, Агесилая, под руководством Лисандра, выступил вперед, чтобы оспорить законность и титул Леотихида и потребовать скипетр для себя, - истинного Гераклида, брата покойного царя Агиса. В ходе дебатов, которые, вероятно, проходили не только перед эфорами и сенатом, но и перед собравшимися гражданами, Лисандр горячо поддержал свои притязания. Об этих дебатах нам, к сожалению, не дано знать. Мы не можем сомневаться, что зрелый возраст и отличная репутация Агесилая были бы большой рекомендацией, когда они противопоставлялись неискушенному юноше; и это, вероятно, был реальный пункт (поскольку родство обоих было столь близким), на котором основывалось решение;[438] законность Леотихида была положительно подтверждена его матерью Тимеей,[439] и мы не находим, что вопрос об отцовстве был передан Дельфийскому оракулу, как в случае с Демаратом.

Однако было одно обстоятельство, которое сильно мешало Агесилаю, - его личное уродство. Хромой царь Спарты еще не был известен. А если мы вернемся более чем на столетие назад, к случаю подобного уродства у одного из принцев Баттиады в Кирене,[440] , то увидим, что киренцы приняли это так близко к сердцу, что послали просить совета в Дельфы и пригласили туда мантинейского реформатора Демонакса. Помимо этого чувства отвращения, боги также специально предупредили Спарту, чтобы она остерегалась "хромого правления". Деиопейтес, пророк и религиозный советник с высокой репутацией, выступал в защиту Леотихида. Он привел древний оракул, который говорил Спарте, что "при всей своей гордости она не должна терпеть, чтобы хромое правление нарушило ее устойчивое положение;[441] ведь если она так поступит, то беспримерные страдания и разорительные войны будут долго преследовать ее". На это пророчество уже однажды ссылались, примерно за восемьдесят лет до этого[442] , но с совершенно иной интерпретацией. Для греческих лидеров, таких как Фемистокл или Лисандр, было немаловажным достижением уметь обходить неудобные тексты или непримиримые религиозные чувства, проявляя изобретательность в изложении. И Лисандр здесь возвысил свой голос (как это сделал Фемистокл по знаменательному случаю перед битвой при Саламине),[443] чтобы бороться с профессиональными разоблачителями; утверждая, что под "хромым царствованием" бог подразумевал не телесный дефект царя, который мог быть даже не врожденным, а возникнуть из-за какого-то положительного повреждения,[444] - но правление любого царя, который не был подлинным потомком Гераклеса.

Влияние Лисандра,[445] в сочетании, несомненно, с преобладанием настроений, уже склонявшихся к Агесилаю, привело к тому, что эта попытка интерпретационной тонкости была воспринята как убедительная, и привела к выдвижению хромого кандидата в цари. Однако было и значительное меньшинство, которому это решение показалось грехом против богов и насмешкой над оракулом. И хотя ропот таких несогласных был сдержан способностями и успехами Агесилая в первые годы его правления, но когда в последние десять лет его жизни на гордый город посыпались бедствия и унижения, общественное мнение решительно склонилось к их мнению. Многие благочестивые спартанцы тогда с чувством горького раскаяния восклицали, что божественное слово никогда не переставало сбываться,[446] и что Спарта была справедливо наказана за то, что умышленно закрыла глаза на ясное и милосердное предупреждение, данное ей, о бедствиях "хромого царствования".[447]

Кроме короны, Агесилай в то же время приобрел большое имущество, оставшееся от покойного царя Агиса; это приобретение позволило ему проявить щедрость, передав половину его сразу же своим родственникам по материнской линии, по большей части

бедным людям.[448] Популярность, приобретенная этим шагом, еще более возросла благодаря его манере вести себя с эфорами и сенатом. Между этими магистратами и царями, как правило, существовало плохое взаимопонимание. Цари, не утратившие традиций пленарной власти, которой когда-то пользовались их предки, проявляли столько надменной сдержанности, сколько осмеливались, по отношению к власти, которая теперь стала существенно выше их собственной. Но Агесилай - не столько из собственных устоявшихся привычек, сколько из стремления компенсировать недостатки своего титула - выбрал совершенно противоположную линию поведения. Он не только старался избегать столкновений с эфорами, но и проявлял заметное почтение как к их приказам, так и к их персонам. Он поднимался со своего места при каждом их появлении; он примирял и эфоров, и сенаторов своевременными подарками.[449] Благодаря таким разумным действиям, а также точному соблюдению законов и обычаев[450] он сам оказывался в наибольшем выигрыше. В сочетании со способностями и энергией, в которых он никогда не испытывал недостатка, это обеспечило ему больше реальной власти, чем когда-либо выпадало на долю любого царя Спарты; власти не только над военными операциями за границей, которые обычно выпадали на долю царей, - но и над политикой государства внутри страны. На увеличении и поддержании этой реальной власти были сосредоточены его главные мысли; царствование породило в нем новые склонности, которые никогда прежде не проявлялись в нем. Презирая, подобно Лисандру, и деньги, и роскошь, и все внешние проявления власти, он, как царь, проявлял ультраспартанскую простоту, доведенную почти до жеманства, в питании, одежде и общих привычках. Но, как и Лисандр, он любил осуществлять власть через узлы или фракции преданных приверженцев, которых он редко стеснялся поддерживать в их несправедливости и притеснениях. Хотя Агесилай и был приятным человеком, не склонным ни к тирании, ни тем более к грабежам ради собственной выгоды, он сделал себя добровольным орудием того и другого в интересах своих соратников и друзей, чью власть и влияние он отождествлял со своей собственной.[451]

В тот момент, когда Агесилай стал царем, Спарта находилась на пике своего могущества, удерживая почти все греческие города в качестве союзников, с данью или без нее. Она занималась (как уже говорилось) защитой азиатских греков от персидских сатрапов по соседству. И самая интересная часть жизни Агесилая состоит в том, с какой искренностью он взялся за выполнение этого великого панэллинского долга и с какой энергией и способностью он его выполнял. Как видно, успеху его многообещающей карьеры помешало[452] его дурное, фактическое подчинение сторонникам, как дома, так и за границей, его безмерная жажда спартанского всемогущества, его безразличие или отвращение к любой щедрой схеме объединения с городами, зависимыми от Спарты.

Однако в первую очередь его внимание привлек опасный внутренний заговор, угрожавший Спарте. Еще не прошло и двенадцати месяцев "хромого царствования", как Агесилай, занятый принесением жертв на одном из установленных государственных праздников, был уведомлен пророком, совершавшим жертвоприношение, что жертвы демонстрируют угрожающие симптомы, предвещая заговор самого грозного характера. Второе жертвоприношение дало еще худшие предвестия, а на третьем испуганный пророк воскликнул: "Агесилай, откровение перед нами говорит о том, что мы действительно находимся среди наших врагов". Они все еще продолжали приносить жертвы, но теперь их приносили богам, отводящим и хранящим, с молитвами о том, чтобы они своим покровительственным вмешательством предотвратили надвигающуюся опасность. В конце концов, после долгих повторений и больших трудностей, были получены благоприятные жертвы, смысл которых вскоре стал ясен. Через пять дней после этого к эфорам явился

осведомитель, сообщивший тайну, что готовится опасный заговор, организованный гражданином по имени Кинадон.[453]

Названный заговорщик был спартанским гражданином, но не принадлежал к числу тех избранных, которых называют равными или равными. Уже упоминалось, что среди квалифицированных граждан Спарты постепенно нарастало неравенство, негласно выделявшее определенное число из них под названием "равные", а всех остальных - под соответствующим названием "низшие". Кроме того, поскольку квалификация каждой семьи сохранялась лишь до тех пор, пока гражданин мог вносить определенный вклад за себя и своих сыновей в общественную столовую, и поскольку всякого рода промышленность была несовместима с жестким личным обузданием, налагаемым на всех, - естественным следствием было то, что в каждом поколении определенное число граждан становилось бесправным и выбывало из игры. Но эти лишенные прав люди не становились периеками или гелотами. Они все еще оставались гражданами, чье право, хотя и приостановленное, могло быть в любой момент возобновлено благодаря щедрости богатого человека;[454] поэтому они тоже, наряду с меньшими гражданами, были известны под названием "низшие". Именно к этому классу принадлежал Кинадон. Он был молодым человеком замечательной силы и мужества, с честью выполнявшим свои обязанности в ликургской дисциплине,[455] и впитавшим от нее то чувство личного равенства и то презрение к привилегиям, которое предполагала ее теория, равно как и практика. Несмотря на всю точность исполнения долга, он обнаружил, что конституция в ее практическом исполнении исключает его из числа обладателей почестей и отличий государства, оставляя их для избранных граждан, известных под именем пэров. И это исключение стало еще более заметным и неприятным с момента образования Спартанской империи после победы при Эгоспотамах, когда число прибыльных должностей (хармостий и других), монополизированных пэрами, значительно увеличилось. Лишенный больших политических наград, Кинадон, благодаря своему высокому духу и воинской доблести, все еще использовался эфорами в постоянных войсках, которые они держали для поддержания порядка в доме.[456] Он был агентом, которому было приказано провести несколько произвольных захватов, которые они не стеснялись применять по отношению к людям, которых считали опасными. Но это не приносило ему удовлетворения; более того, возможно, тесное общение с людьми, облеченными властью, способствовало снижению его уважения к ним. Он хотел "не уступать никому в Спарте"[457], и его заговор был предпринят для реализации этой цели путем разрушения конституции.

Уже упоминалось, что в условиях общей неуверенности, царившей в политическом обществе Лаконии, эфоры содержали тайную полицию и систему шпионажа, достигшую пика своей беспринципной эффективности под названием "Криптея". Сейчас такие меры предосторожности были необходимы как никогда, ведь изменения в практической работе спартанской политики привели к увеличению числа недовольных и объединили низших, а также периеков и неодамодов (манумированных гелотов) в одну общую антипатию с гелотами против исключительного партнерства пэров. Информаторы, таким образом, были уверены в поощрении и вознаграждении, и человек, который теперь пришел к эфорам, либо действительно был близким другом Кинадона, либо назвался таковым, чтобы выведать секрет. "Кинадон (сказал он эфорам) привел меня на край рыночной площади и велел сосчитать, сколько там спартанцев. Я насчитал около сорока, кроме царя, эфоров и сенаторов. На мой вопрос, почему он хочет, чтобы я их сосчитал, он ответил: - Потому что это единственные люди, на которых ты должен смотреть как на врагов;[458] все остальные на рыночной площади, числом более четырех тысяч, - друзья и товарищи. Кинадон также указал мне на одного или двух спартанцев, которых мы встречали на дорогах или которые были владыками в сельских округах, как на наших единственных врагов; все остальные

вокруг них были дружелюбны к нашей цели". "Сколько, по его словам, было сообщников, действительно посвященных в план?" - спросили эфоры. "Только несколько (был ответ), но те, кто заслуживает доверия; сами эти доверенные лица, однако, сказали, что все вокруг них были сообщниками, - инферии, периэки, неодамоды и гелоты, все одинаково; ибо всякий раз, когда кто-либо из этих классов говорил о спартанце, он не мог скрыть свою сильную антипатию, - он говорил так, будто мог бы съесть спартанцев сырыми".[459]

"Но как (продолжали эфоры) Кинадон рассчитывал получить оружие?" "Он говорил так (отвечал свидетель): "Мы, постоянные войска, имеем свое оружие наготове; а на этом рынке продается множество ножей, мечей, кос, секир, топоров и косы, чтобы удовлетворить восставшую толпу; кроме того, каждый, кто обрабатывает землю или рубит дерево и камень, имеет при себе инструменты, которые послужат оружием в случае необходимости; особенно в борьбе с врагами, которые сами безоружны". Когда свидетеля спросили, в какой момент назначена казнь, он не смог сказать; ему было велено только оставаться на месте и быть готовым.[460]

Судя по всему, этот человек не знал имени ни одного человека, кроме самого Кинадона. Эфоры были так сильно встревожены, что воздержались от официального созыва даже так называемого Малого собрания, включая сенат, членами которого *по должности* были короли и, возможно, еще несколько главных лиц. Но члены этого собрания были собраны в частном порядке для обсуждения чрезвычайной ситуации; Агесилай, вероятно, был среди них. Арестовать Кинадона сразу же в Спарте представлялось неосмотрительным, поскольку его сообщники, число которых пока неизвестно, были бы вынуждены либо вспыхнуть мятежом, либо, по крайней мере, скрыться. Но для того, чтобы арестовать его вне Спарты, без ведома его сообщников, была придумана хитроумная уловка. Эфоры, призвав его к себе, признались, что поручили ему (как они иногда делали и раньше) отправиться в Аулон (лаконский город на границе Аркадии и Трифилии) и там захватить несколько лиц, поименно указанных в официальном скитальце или ордере; Среди них были некоторые аулонитские периэки, несколько гелотов и еще одна особа, женщина особой красоты, жившая в этом месте, чье влияние, как считалось, распространяло недовольство среди всех лакедемонян, которые приходили туда, как старых, так и молодых.[461] Когда Кинадон поинтересовался, какие силы он должен взять с собой в миссию, эфоры, чтобы исключить всякое подозрение, что они подбирают себе спутников с враждебными ему взглядами, предложили ему пойти к Гиппагретесу (или командиру трехсот молодых гвардейцев, называемых всадниками, хотя на самом деле они не были конными) и попросить первых шесть или семь человек из охраны[462], которые могут случайно оказаться на пути. Но они (эфоры) уже имели тайные сношения с Гиппагретом и сообщили ему, кого они хотят послать и что должны сделать посланные. Затем они отправили Кинадона с притворной миссией, сказав ему, что должны предоставить в его распоряжение три повозки, чтобы ему было легче доставить пленников домой.

Кинадон начал свой путь в Аулон, не подозревая о заговоре, задуманном для него эфорами; чтобы убедиться в своей цели, они послали за ним дополнительный отряд стражников, чтобы подавить любое сопротивление, которое могло бы возникнуть. Но их уловка удалась настолько, насколько они могли желать. Он был схвачен на дороге теми, кто сопровождал его якобы для выполнения его мнимой миссии. Эти люди допросили его, подвергли пыткам,[463] и услышали из его уст имена его сообщников; список которых они записали и переслали одному из стражников в Спарту. Эфоры, получив его, немедленно арестовали главных виновников, особенно пророка Тисамена, и допросили их вместе с Кинадоном, как

только его привели в плен. Они спросили его, в частности, о том, с какой целью он организовал заговор, на что он ответил: "Я хотел, чтобы в Спарте мне никто не уступал". Наказание не заставило себя долго ждать. Его заковали в кандалы, надели на шею колодку, к которой прикрепили руки, и в таком виде провели по городу, бичуя и укалывая. С его сообщниками поступили аналогичным образом, и в конце концов все они были преданы смерти.[\[464\]](#)

Таков любопытный рассказ Ксенофонта об этом неудавшемся заговоре. Вероятно, он получил свои сведения от самого Агесилая, поскольку нам нелегко объяснить, как он мог иначе узнать так много о самых тайных маневрах эфоров в правительстве, известном своей постоянной секретностью, как Спарта. Повествование открывает перед нами, хотя, к сожалению, мимолетное и несовершенно, представление о внутренних опасностях спартанского правительства. Из более ранних свидетельств мы знали о большом недовольстве, царившем среди гелотов и, в некоторой степени, среди периэков. Но описываемый инцидент представляет нам первое проявление недовольства среди самих спартанцев; недовольных, грозных как по энергии, так и по положению, таких как Кинадон и пророк Тисамен. О состоянии недовольных чувств в провинциальных городах Лаконии впечатляюще свидетельствует случай с той красивой женщиной, которая, как утверждается, так активно занималась политическим прозелитизмом в Аулоне; не менее впечатляющими являются и страстные выражения ненависти, раскрытые в показаниях самого доносчика. Хотя о деталях мало что известно, кажется, что тенденция дел в Спарте была направлена на концентрацию власти и собственности в руках олигархии, постоянно сужающейся среди граждан; таким образом, усугубляя опасности дома, даже в то время, когда мощь государства была наибольшей за границей, и подготавливая путь к тому непоправимому унижению, которое началось с поражения при Лейктре.

Вряд ли можно сомневаться, что до эфоров дошли сведения о гораздо более широком недовольстве, чем то, на которое особо указывает Ксенофонт. И такое открытие, возможно, стало одним из мотивов (как это случилось в 424 году до н. э. по случаю экспедиции Брасидаса во Фракию), способствовавших азиатской экспедиции Агесилая, как отдушине для отважных недовольных на далекой и прибыльной военной службе.

Деркиллидас уже около трех лет вел войну в Малой Азии против Тиссаферна и Фарнабаза, причем с таким успехом и эффективностью, что защищал азиатских греков на побережье и перехватывал все доходы, которые эти сатрапы либо передавали двору, либо получали сами. Фарнабаз уже отправился в Сузы (во время перемирия с Деркиллидами в 397 году до н. э.) и, кроме получения подкрепления, которое действовало под его началом и Тиссаферном в 396 году до н. э. против Деркиллида в Лидии, разработал планы возобновления морской войны против Спарты.[\[465\]](#)

Именно сейчас мы вновь слышим имя Конона, который, спасшись с девятью триремами от поражения при Эгоспотамах, последние семь лет оставался под защитой Эвагора, князя Саламиса, на Кипре. Конон, женившись в Саламине и родив там сына[\[466\]](#), питал лишь слабые надежды на возвращение в родной город, когда, к счастью для него и для Афин, персы снова стали нуждаться в эффективном адмирале и флоте на побережье Малой Азии. Благодаря представительствам Фарнабаза, а также Эвагора на Кипре и переписке последнего с греческим врачом Ктесиасом, который хотел лично участвовать в переговорах и, похоже, имел значительное влияние на царицу Парисатиду,[\[467\]](#) были получены приказы и выделены средства на оснащение в Финикии и Киликии многочисленного флота под командованием Конона. В то время как этот офицер начал проявлять себя и действовать с такими триремами, которые он нашел в готовности (около сорока в количестве) вдоль

южного побережья Малой Азии от Киликии до Кауна,[468] - дальнейшие приготовления энергично велись в финикийских портах, чтобы довести флот до трехсот парусов.[469]

Весть о таком снаряжении достигла Спарты совершенно случайно - в ту эпоху, когда дипломатические резиденты были еще неизвестны. Сиракузский купец по имени Геродас, посетив с торговыми целями финикийские порты, привез в Спарту сведения об увиденных им приготовлениях, достаточные для того, чтобы возбудить сильное беспокойство. Спартанцы совещались между собой и общались с соседними союзниками, когда Агесилай по просьбе Лисандра выступил добровольцем и попросил командования сухопутным отрядом для нападения на персов в Азии. Он предложил взять с собой только тридцать полноправных спартанских граждан или пэров в качестве своего рода коллегии или совета офицеров; две тысячи неодамодов или бесправных гелотов, которых эфоры, вероятно, были рады отослать, и которые должны были быть отобраны из самых храбрых и грозных; и шесть тысяч гоплитов из сухопутных союзников, для которых перспектива богатой службы против азиатских врагов была бы заманчивой. Из этих тридцати спартанцев Лисандр намеревался стать вождем и, опираясь на свое влияние на Агесилая, сам осуществлять реальное командование без имени. Он не испытывал серьезного страха перед персидским оружием, ни сухопутным, ни морским. Объявление финикийского флота он считал пустой угрозой, как это часто бывало в устах Тиссаферна во время последней войны; а кирейская экспедиция внушила ему еще более пылкие надежды на еще один успешный Анабасис, или завоевательное вторжение в Персию с морского побережья внутрь. Но еще больше он хотел использовать свое вновь обретенное превосходство для восстановления повсеместно декархий, которые вызывали такую нестерпимую ненависть и так сильно угнетали, что даже эфоры отказывались оказывать им помощь в поддержании, так что в некоторых местах они были разрушены или изменены.[470] Если честолюбие Агесилая было сравнительно менее запятнано личными и междоусобными антипатиями и более панэллинским в своей цели, чем у Лисандра, - оно в то же время было еще более безмерным в отношении победы над великим царем, которого он мечтал свергнуть или, по крайней мере, изгнать из Малой Азии и побережья.[471] Столь сильное влияние оказала кирейская экспедиция на планы и воображение энергичных греков, столь внезапным был всплеск честолюбия в сознании Агесилая, которому никто прежде не придавал значения.

Хотя этот план был разработан двумя самыми способными людьми в Греции, он оказался опрометчивым и непродуманным с точки зрения стабильности Лакедемонской империи. Прежде чем пытаться расширить империю за счет новых приобретений внутри страны, следовало убедиться, что она находится на море, где кроется ее реальная опасность. Кроме как для завоевательных целей, не было необходимости в дальнейших подкреплениях в Малой Азии, так как Деркиллидас уже был там с войском, способным выступить против сатрапов. Тем не менее, лакедемоняне охотно приняли этот план; тем более что из многих городов Лисандра и в согласии с ним были отправлены посланники с просьбой поставить Агесилая во главе экспедиции с таким большим войском, какое ему потребуется.[472]

Вероятно, не было никаких трудностей с привлечением предложенного количества людей из союзников, поскольку в Азии солдатам сулили большие надежды на грабеж. Но об измененном положении Спарты по отношению к ее самым могущественным союзникам свидетельствовал отказ Фив, Коринфа и Афин принять участие в экспедиции. Отказ Коринфа, правда, оправдывался тем, что в одном из храмов города недавно произошел нежелательный пожар, а Афин - слабостью и истощением, которые еще не восстановились. Но последние, по крайней мере, уже начали питать некоторые надежды в связи с проектами Конона.[473]

Сам факт, что царь Спарты собирался принять командование и пройти в Азию, придавал этому предприятию особую важность. Спартанские цари, выступая в роли вождей Греции, считали себя унаследовавшими скипетр Агамемнона и Ореста;^[474] и Агесилай, особенно, уподобляли его поход новой Троянской войне - попытке объединенной Греции отомстить общему азиатскому врагу эллинского имени. Жертвоприношения были признаны благоприятными, и Агесилай принял меры для транзита войск из разных портов в Эфес. Сам же он с одним отрядом остановился на пути в Гересте, южном пункте Эвбеи, желая переправиться оттуда и принести жертву в Аулисе (порт Беотии, расположенный почти напротив Гереста по другую сторону пролива), где Агамемнон принес свою памятную жертву непосредственно перед отплытием в Трою. Судя по всему, он отправился на место и начал жертвоприношение, не спросив разрешения фиванцев; более того, его сопровождал собственный пророк, который провел торжественное мероприятие в манере, не соответствующей обычной практике храма или часовни Артемиды в Аулисе. На этих двух основаниях фиванцы, возмущенные таким поступком как оскорблением, послали к нему отряд вооруженных людей и заставили его отказаться от жертвоприношения.^[475] Не принимая сами участия в экспедиции, они, вероятно, посчитали, что спартанский царь самонадеянно присвоил себе панэллинский характер второго Агамемнона; таким образом они нанесли Агесилаю унижение, которого он никогда не простил.

Агесилай, по-видимому, достиг Азии примерно в то время, когда Деркиллидас недавно заключил последнее перемирие с Тиссаферном и Фарнабазом; перемирие, призванное дать время для взаимных сношений как со Спартой, так и с персидским двором. На вопрос сатрапа, с какой целью он прибыл, Агесилай лишь повторил требование Деркиллиды об автономии для азиатских греков. В ответ Тиссаферн предложил продолжить перемирие до тех пор, пока он не сможет связаться с персидским двором, добавив, что надеется получить полномочия для удовлетворения этого требования. С обеих сторон было заключено новое перемирие на три месяца; Деркиллидас (который со своей армией перешел под командование Агесилая) и Гериппидас были посланы к сатрапу, чтобы получить его клятву и принести ему ответную клятву.^[476]

Пока армия была обречена на временное бездействие в Эфесе, поведение и положение Лисандра стало вызывать нестерпимую ревность у высших офицеров, и прежде всего у Агесилая. Репутация Лисандра, чья статуя была установлена в самом Эфесе в храме Артемиды,^[477] а также во многих других городах, была столь велика и прочна, что все азиатские греки смотрели на него как на настоящего начальника экспедиции. То, что он был настоящим начальником под номинальным командованием другого, было не более чем тем, что случилось раньше, в год, когда он одержал великую победу при Игоспотами, - лакедемоняне тогда же отправили его в мнимом качестве секретаря к адмиралу Аракусу, чтобы сохранить в неприкосновенности свое собственное правило, согласно которому один и тот же человек не должен служить дважды адмиралом.^[478] Именно по наущению Лисандра и с целью его присутствия децемвиры и другие партизаны в подвластных городах отправились в Спарту просить за Агесилая, еще не испытанного и неизвестного принца. Таким образом, Лисандр - по правде говоря, он ставил себе в заслугу то, что обеспечил Агесилаю сначала корону, а затем это важное назначение, - намеревался сам и ожидал от других, что он начнет по-новому командовать и обновлять в каждом городе расстроенные или ослабленные декархии. Множество его сторонников пришли в Эфес, чтобы приветствовать его прибытие, и толпы просителей следовали за ним повсюду; в то время как сам Агесилай выглядел сравнительно запущенным. Более того, Лисандр вновь проявил всю

ту дерзость, которую он приобрел во время своих прежних командований и которая в данном случае была тем более оскорбительна, что манеры Агесилая были в особой степени учтивыми и простыми.[479]

Тридцать спартанских советников, назначенных председателем Лисандра, не получив от него ни совета, ни просьбы, были глубоко недовольны. Их жалобы способствовали тому, что Агесилай, еще более уязвленный в своем личном достоинстве, проявил решительную и властную силу воли, какой он еще не обладал. Он последовательно отклонял каждое прошение, поданное ему Лисандром или через него; систематическая цель, о которой, хотя она никогда официально не объявлялась,[480] была сразу же замечена и просителями, и Тридцатью, и самим Лисандром. Последний, таким образом, оказался не просто разочарован во всех своих расчетах, но и унижен до крайности, хотя и без каких-либо ощутимых оснований для жалоб. Он был вынужден предупредить своих сторонников, что его вмешательство принесет им вред, а не пользу; что они должны отказаться от угодливого обращения к нему и обратиться непосредственно к Агесилаю. С этим царевичем он также поспорил на свой счет: "Воистину, Агесилай, ты умеешь унижать своих друзей" - "Да, конечно (был ответ), тех из них, кто хочет казаться выше меня; но тех, кто стремится поддержать меня, я должен стыдиться, если не знаю, как отплатить должной честью". - Лисандр был вынужден признать силу этого ответа и попросить, как единственное средство избавления от нынешнего и явного унижения, чтобы его отправили с какой-нибудь отдельной миссией, обязавшись верно служить, на какую бы должность он ни был нанят.[481]

Это предложение, несомненно, еще более приятное для Агесилая, чем для него самого, было с готовностью принято, и он был отправлен с миссией в Геллеспонт. Верный своему обещанию забыть прошлые обиды и служить с усердием, он нашел способ добиться расположения персидского вельможи по имени Спитридат, который получил некоторую обиду от Фарнабаза. Спитридат открыто восстал и с полком в двести коней отправился к Агесилаю, который таким образом получил возможность получить полную информацию о сатрапии Фарнабаза, включавшей территорию под названием Фригия, в районе Пропонтиса и Геллеспонта.[482]

Армия под командованием Тиссаферна уже была мощной в тот момент, когда его робость побудила его заключить первое перемирие с Деркиллидами. Но дополнительные подкрепления, полученные после заключения второго, более позднего перемирия, привели его к такому избытку уверенности, что еще до истечения оговоренных трех месяцев он послал настаивать на немедленном отъезде Агесилая из Азии и объявить войну, если отъезд будет отложен. Хотя это послание, сопровождаемое грозными сообщениями о силах сатрапа, вызвало у армии в Эфесе смешанную тревогу и негодование, Агесилай принял вызов с радостной готовностью, отправив ответное послание, в котором благодарил сатрапа за столь вопиющее лжесвидетельство, чтобы настроить богов против него и обеспечить их благосклонность к греческой стороне.[483] Сразу же были отданы приказы и созваны контингенты из азиатских греков для движения на юг, чтобы пересечь Меандр и напасть на Тиссаферна в Карию, где он обычно проживал. Города, расположенные на этом маршруте, должны были предоставить магазины, так что Тиссаферн, полностью предвидя нападение в этом направлении, заставил свою пехоту перейти в Карию, чтобы действовать в оборонительном ключе; в то время как он держал свою многочисленную конницу на равнине Меандра, чтобы одолеть Агесилая, у которого не было конницы, в его походе по этой ровной территории к карийским холмам и пересеченной местности. Но лакедемонский царь, наведя врага на ложный след, внезапно повернул свой поход на север, в сторону Фригии и сатрапии

Фарнабаза. Тиссаферн не позаботился о том, чтобы помочь своему брату-сатрапу, который со своей стороны сделал мало приготовлений к обороне. Поэтому Агесилай, не встретив практически никакого сопротивления, взял множество городов и деревень и собрал огромное количество провизии, награбленного добра и рабов. Пользуясь указаниями восставшего Спитридата и совершая как можно меньше походов по равнинам, он совершал выгодные и беспрепятственные вылазки вплоть до окрестностей Даскилиума, резиденции самого сатрапа, расположенной недалеко от Пропонтиды. Однако недалеко от сатрапской резиденции его небольшой отряд конницы, поднявшись на возвышенность, неожиданно наткнулся на равный отряд персидской конницы под командованием Ратина и Багея; они энергично атаковали их и с некоторыми потерями отбросили назад, пока их не защитил сам Агесилай, подошедший с гоплитами. Такая проверка (а были, вероятно, и другие подобные, хотя Ксенофонт их не называет) подействовала на дух армии удручающе. На следующее утро, когда жертвоприношения были признаны неблагоприятными для дальнейшего продвижения, Агесилай отдал приказ отступать к морю. Он достиг Эфеса ближе к осени, решив использовать зиму для организации более мощной кавалерии, которая, как показал опыт, была просто необходима.[484]

Этот осенний поход через Фригию был скорее прибыльным, чем славным. Однако он позволяет Ксенофону показать различные достоинства своего героя Агесилая; при этом он демонстрирует нам древние военные действия и азиатские привычки с очень болезненной стороны. Как и Калликратид, так и Лисандр, хотя и не как обычные спартанские полководцы, Агесилай был равнодушен к приобретению денег для себя. Но он не менее стремился обогатить своих друзей и иногда потворствовал неоправданным способам приобретения денег в их пользу. Дезертиры часто приходили к нему, чтобы сообщить сведения о богатых призах или ценных пленниках; эти преимущества, если бы он захотел, он мог бы присвоить себе. Но он делал так, чтобы и добыча, и почести доставались какому-нибудь любимому офицеру; так же как мы видели (в предыдущей главе), что Ксенофонт сам получил разрешение армии захватить Асидата и получить большую часть его выкупа.[485] Опять же, когда армия в ходе своего похода находилась на значительном расстоянии от моря и, казалось, продвигалась все дальше вглубь страны, уполномоченные аукционисты, в чьи обязанности входила продажа добычи, находили покупателей крайне вялыми. Удержать или унести купленное было трудно, а возможности для перепродажи не представлялось. Агесилай, приказав аукционистам продавать в кредит, не настаивая на получении денег, в то же время в частном порядке намекнул нескольким друзьям, что очень скоро вернется к морю. Предупрежденные таким образом друзья, выставляя награбленное в кредит и покупая по низким ценам, быстро смогли снова распорядиться им в морском порту с большой прибылью.[486]

Мы не удивлены, что такие выгодные милости обеспечили Агесилаю множество горячих поклонников; хотя хвалебные речи Ксенофонта должны были быть ограничены другим моментом в его поведении, о котором сейчас пойдет речь. Агесилай, обеспечивая свою армию награбленным в стране, по которой он пронес свое победоносное оружие, старался не допускать ни жестокости, ни уничтожения имущества. Когда какой-либо город сдавался ему на условиях, его поборы не были ни разорительными, ни грубо унижительными.[487] Среди всего награбленного наиболее ценной частью были взрослые туземцы обоих полов, которых выслеживали и привозили хищные легкие отряды армии, чтобы продать в рабство. Агесилай бдительно оберегал этих несчастных жертв от жестокого обращения, внушая своим солдатам, что они обязаны "не наказывать их как преступников, а просто держать их под охраной как людей".[488] ". Беднейшая часть туземного населения часто продавала своих маленьких детей на вывоз странствующим работоторговцам, не имея возможности их

содержать. Купленные таким образом дети, если они обещали быть красивыми, часто калечились, и за них платили большие деньги как за евнухов, чтобы удовлетворить большой спрос на гаремы и религиозные культы во многих азиатских городах. Но, спеша убраться с пути грабительской армии, эти работоторговцы были вынуждены часто оставлять на обочине маленьких детей, которых они покупали, на произвол волков, собак или голодной смерти. В таком жалком состоянии их нашел Агесилай во время своего похода. Его гуманное расположение побудило его отнести их в безопасное место, где он отдал их на попечение тем старым туземцам, которых возраст и немощь заставили оставить их позади, как не стоящих того, чтобы их уносить. Такой деятельной добротой, редкой для греческого полководца, по отношению к побежденным, он заслужил благодарность пленников и симпатии всех окружающих.[489]

Этот интересный анекдот, позволяющий взглянуть на древний мир в деталях, которые греческие историки редко осмеливаются раскрывать, демонстрирует сострадательный нрав Агесилая. Вместе с ним мы находим еще один анекдот, иллюстрирующий спартанскую сторону его характера. Пленников, захваченных во время экспедиции, привезли в Эфес и продали зимой в рабство для наживы армии. Агесилай, который в то время был занят обучением своих солдат военному делу, особенно для кавалерийской службы во время предстоящей кампании, счел целесообразным внушить им презрение к телесным способностям и доблести туземцев. Поэтому он приказал глашатаям, проводившим аукцион, выставлять пленников на продажу в состоянии полной наготы. У местных азиатов обнажение тела никогда не делалось и даже считалось позорным, в то время как среди греков эта практика была универсальной для целей физических упражнений, - или, по крайней мере, стала универсальной в течение последних двух или трех столетий, - поскольку нам говорят, что изначально азиатские чувства по этому поводу преобладали во всей Греции. Это было одно из очевидных различий между греческими и азиатскими обычаями[490] - то, что в первых, как упражнения в палестре, так и поединки на торжественных играх, требовали, чтобы участники всех рангов состязались обнаженными. Так обычно раздевался сам Агесилай; так поступал Александр, принц Македонский, когда бегал на олимпийском стадионе[491] - так же поступали бойцы из великого рода Диагоридов Родосских, когда одерживали свои победы на олимпийском панкратии, - и все те другие благородные драчуны, борцы и бегуны, происходившие от богов и героев, которым Пиндар посвящает свои хвалебные оды.

По этому случаю в Эфесе Агесилай отдал особый приказ выставить азиатских пленников на аукцион обнаженными; вовсе не для того, чтобы оскорбить их, а для того, чтобы показать взору греческого солдата, как много он приобрел благодаря собственной телесной подготовке и частому облучению, и насколько хуже состояние людей, чьи тела никогда не ощущали солнца и ветра. У них была белая кожа, пухлые и мягкие конечности, слабые и неразвитые мышцы, как у людей, привыкших, что их возят в повозках, а не ходят или бегают; отсюда мы косвенно узнаем, что многие из них были людьми состоятельными. И цель Агесилая была полностью достигнута, поскольку его солдаты, наблюдая такие признаки телесной неполноценности, думали, что "враги, против которых им приходилось сражаться, были не более грозными, чем женщины".[492] Такой способ наглядно продемонстрировать разницу между хорошей и плохой физической подготовкой вряд ли пришел бы в голову кому-то, кроме спартанца, воспитанного по ликурским правилам.

Пока Агесилай наглядно демонстрировал своим солдатам неэффективность нетренированных тел, он всю зиму держал их в напряженном напряжении и тренировках, как

в палестре, так и в оружии. По-прежнему не хватало кавалерии. Чтобы получить ее, он призвал всех самых богатых греков в различных азиатских городах служить верхом на лошадях, предоставив каждому из них право освободить себя от службы, предоставив компетентную замену и снаряжение - человека, лошадь и оружие. [493] Перед началом весны в Эфесе было собрано достаточное количество кавалерии, и она была приведена в сносное состояние. На всю зиму этот город превратился в оружейный плац, освященный бурными и гимнастическими упражнениями. Как на параде, так и в палестре, Агесилай сам подавал пример послушания и усердия. Призы получали прилежные и совершенствующиеся гоплиты, всадники и легкие войска, а оружейники, мангальщики, кожевники и т. д., все различные ремесленники, чье ремесло заключалось в изготовлении военных принадлежностей, были заняты самым активным образом. "Это было зрелище, полное воодушевления (говорит Ксенофонт, который, несомненно, присутствовал при этом и принимал участие), когда Агесилай и солдаты покидали гимнасий, все с венками на головах, и маршировали к храму Артемиды, чтобы посвятить свои венки богине". [494]

Не успел Агесилай приступить к весенним военным действиям, как первый год его командования истек. Тридцать свежих советников прибыли в Эфес из Спарты, заменив первые тридцать под началом Лисандра, который сразу же вернулся домой. Теперь армия была не только более многочисленной, но и лучше обученной и более систематизированной, чем в предыдущую кампанию. Агесилай распределил различные подразделения под командованием разных членов новой тридцатки: конницу поручил Ксеноклаксу, неодамодских гоплитов - Скифесу, киреев - Гериппиду, азиатские войска - Мигдону. Затем он объявил, что должен идти прямо на Сарды. Однако находившийся там Тиссаферн, истолковав это объявление как розыгрыш и полагая, что настоящий поход будет направлен против Карии, расположил свою конницу на равнине Месандра, как и в предыдущую кампанию, а пехоту отправил еще дальше на юг, в пределы Карии. Однако в этот раз Агесилай выступил в поход, как и было объявлено, в направлении Сард. Три дня он грабил страну, не встречая врага; только на четвертый день удалось вызвать конницу Тиссаферна, чтобы противостоять ему; пехота была еще на расстоянии. Достигнув берегов реки Пактол, персидская конница обнаружила греческие легкие войска, рассеянные с целью грабежа, напала на них врасплох и прогнала со значительными потерями. Однако вскоре подошел Агесилай и приказал своей кавалерии атаковать, желая начать сражение до того, как персидская пехота успеет прибыть на место. По эффективности, судя по всему, персидская конница полностью соответствовала его коннице, а по численности явно превосходила ее. Но когда он поднял свою пехоту и заставил своих пельтастов и младших гоплитов присоединиться к кавалерии в энергичной атаке, победа вскоре оказалась на его стороне. Персы были обращены в бегство, многие из них утонули в Пактоле. Их лагерь также был взят с ценной добычей, включая несколько верблюдов, которых Агесилай впоследствии увел с собой в Грецию. Этот успех обеспечил ему беспрепятственное овладение всей территорией вокруг Сардиса. Он довел свои опустошения до самых ворот города, разграбил сады и украшенную землю, провозгласил свободу для тех, кто находился внутри, и бросил вызов Тиссаферну, чтобы тот вышел и сразился. [495]

Карьера этого робкого и вероломного сатрапа подходила к концу. Персы в Сардах и близ них громко жаловались на него, что он оставил их без защиты из трусости и беспокойства за свою резиденцию в Карии; а двор в Сузах теперь знал, что мощное подкрепление, которое было послано ему в прошлом году, чтобы изгнать Агесилая из Азии, не достигло абсолютно ничего. К этим поводам для справедливого недовольства добавилась придворная интрига, жертвой которой, при посредничестве человека еще более ничтожного и жестокого, чем он сам, стал Тиссаферн. Царица-мать, Парисатис, так и не простила ему того, что он был одним

из главных виновников поражения и смерти ее сына Кира. Теперь, когда ее влияние вновь утвердилось в сознании Артаксеркса, она воспользовалась существующей дискредитацией сатрапа, чтобы получить приказ о его низложении и смерти. Тифрауст, носитель этого приказа, с помощью хитрости захватил его в Колоссах во Фригии, когда тот находился в бане, и обезглавил его.[496]

Миссия Тифрауста в Малую Азию сопровождалась усиленными действиями Персии, направленными на энергичное продолжение войны со Спартой как на море, так и на суше, а также на разжигание антиспартанского движения, вспыхнувшего в этом году в Греции. Сначала, однако, сразу после смерти Тиссаферна, Тифрауст попытался начать переговоры с Агесилаем, который находился в военном владении в окрестностях Сард, в то время как сам город был занят Ариеем, вероятно, тем самым персом, который ранее был генералом при Кире, а теперь снова восстал против Артаксеркса.[497] Тифрауст воздал должное справедливости царя, наказавшего покойного сатрапа, из-за коварства которого (как он утверждал) возникла война. Затем он призвал Агесилая от имени царя эвакуировать Азию, оставив азиатских греков платить Персии прежнюю дань, но пользоваться полной автономией при одном условии. Если бы это предложение было принято и выполнено, оно обеспечило бы этим грекам защиту от персидской оккупации или губернаторов; гораздо более мягкая участь для них, чем та, на которую лакедемоняне согласились в своих соглашениях с Тиссаферном за шестнадцать лет до этого,[498] и аналогичная положению, в котором оказались халкидяне Фракии по отношению к Афинам во время мира Никии;[499] облагаемые фиксированной данью, но автономные, без каких-либо других обязательств или вмешательства. Агесилай ответил, что у него нет полномочий рассматривать такое предложение без властей дома, которых он, соответственно, послал посоветоваться. Тем временем Тифрауст убедил его заключить перемирие на шесть месяцев и перейти из своей сатрапии в сатрапию Фарнабаза, получив тридцать талантов на временное содержание армии.[500] Эти сатрапы обычно вели себя скорее как независимые или даже враждебные князья, чем как сотрудничающие коллеги; это одна из многих причин слабости Персидской империи.

Когда Агесилай достиг окрестностей Кима, направляясь на север, в Геллеспонтскую Фригию, он получил депешу из дома, в которой спартанские морские силы в азиатских морях переходили под его командование, так же как и сухопутные, и предоставлялось право назначить исполняющим обязанности адмирала любого, кого он выберет.[501] Впервые после битвы при Эгоспотамах морская империя Спарты начала подвергаться угрозе, и требовались все более активные усилия с ее стороны. Фарнабаз, лично явившись ко двору Артаксеркса, настоятельными просьбами добился крупной субсидии на оснащение флота на Кипре и в Финикии, чтобы под командованием афинского адмирала Конона выступить против лакедемонян.[502] Этот офицер с флотом из сорока трирем, до оснащение остальных еще не было завершено, двинулся вдоль южного побережья Малой Азии к Каунусу, расположенному в юго-западном углу полуострова, на границе Кари и Ликии. В этом порту его осадил лакедемонский флот из ста двадцати трирем под командованием Фаракса. Но персидское подкрепление усилило флот Конона до восьмидесяти парусов и избавило его от опасности, так что Фаракс, отказавшись от осады, удалился на Родос.

Однако соседство с Кононом, который со своим флотом в восемьдесят парусов находился у Херсонеса Книда, подтолкнуло родосцев к восстанию против Спарты. Именно на Родосе впервые проявилось всеобщее отвращение к Лакедемонской империи, опозоренной в стольких разных городах местными декархиями и спартанскими гарматами. И таков был пыл родосского населения, что его восстание произошло в то время, когда флот Фаракса (по

крайней мере, частично) находился в гавани, и они изгнали его оттуда.[503] Конон, чьи тайные побуждения помогли возбудить это восстание, вскоре отплыл на Родос со своим флотом и сделал этот остров своей главной станцией. Это дало ему неожиданное преимущество, так как вскоре туда прибыл многочисленный флот, посланный Нефареом, царем Египта (который восстал против персов), с морскими товарами и зерном на помощь лакедемонянам. Не зная о недавнем восстании, эти корабли вошли в гавань Родоса, как будто он все еще был лакедемонским островом; их грузы были присвоены Кононом и родосцами.[504]

Рассказывая о различных восстаниях в зависимых от Афин странах, произошедших во время Пелопоннесской войны, я не раз имел случай отметить, что все они происходили не только в отсутствие каких-либо афинских сил, но даже по наущению (в большинстве случаев) присутствующих враждебных сил, - по уловке местной партии, - и без участия или предварительного согласия основной массы граждан. Нынешнее восстание Родоса, представляющее собой замечательный контраст по всем этим пунктам, вызвало крайнее удивление и возмущение среди лакедемонян. Они увидели, что им предстоит возобновить морскую войну без помощи, на которую они рассчитывали со стороны Египта, и с еще большей неопределенностью в отношении своих зависимых территорий и дани. Именно под влиянием этой тревоги они предприняли шаг, назначив Агесилая командующим флотом и армией, чтобы обеспечить единство действий;[505] хотя различие функций, сохранению которого они до сих пор придавали большое значение, было таким образом разрушено, и, хотя эти два командования никогда не объединялись ни при одном царе до Агесилая.[506] Фаракс, прежний адмирал, был отозван.[507]

Но о яростном недовольстве лакедемонян восставшими родосцами лучше свидетельствует другой случай. Среди всех великих родов на Родосе не было более знатного, чем Диагорида. Ее члены были не только полководцами и высокопоставленными политическими деятелями на родном острове, но и достигли даже общеэллинской славы благодаря беспримерному ряду побед на Олимпийских играх и других великих торжествах. Дориэй, представитель этой семьи, трижды подряд одерживал победу в панкратионе в Олимпии. Он получил семь призов на Немейских и восемь на Истмийских играх. На одном пифийском празднике он взял приз без борьбы - никто не осмелился выступить против него в страшной борьбе панкратиона. Будучи родосцем, Родос был союзником Афин во время Пелопоннесской войны, но он так явно выражал свою привязанность к Спарте, что навлек на себя приговор об изгнании; после этого он удалился в Фурии и активно враждовал с Афинами после сиракузской катастрофы. Выступая против Афин на кораблях, построенных на его собственные средства, он был захвачен афинянами в 407 году до н. э. и доставлен в качестве пленника в Афины. По принятой в те времена военной практике его жизнь была потеряна, а помимо этого, имя Дориея было особенно odioзным для афинян. Но когда они увидели перед общественным собранием пленного врага, имеющего героическую родословную, а также непревзойденное атлетическое величие и славу, их прежняя ненависть настолько пересилила симпатию и восхищение, что они освободили его общественным голосованием и уволили без всяких условий.[508]

Этот интересный анекдот, который уже приводился в моем восьмом томе,[509] , здесь снова приводится в качестве контраста с обращением, которому тот же Дориэй подвергся теперь со стороны лакедемонян. Что он делал после этого, мы не знаем; но в то время, когда Родос восстал против Спарты, он не только отсутствовал на острове, но и находился в Пелопоннесе или вблизи него. Однако лакедемоняне так разгневались на родосцев, что Дориэй был схвачен по их приказу, доставлен в Спарту, осужден и казнен.[510] Вряд ли возможно, чтобы

он лично принимал участие в восстании. Если бы это было так, он должен был находиться на острове или, по крайней мере, позаботиться о том, чтобы не оказаться в зоне досягаемости лакедемонян, когда произойдет восстание. Возможно, однако, что в нем приняли участие и другие члены семьи Диагоридов, некогда столь сильно привязанной к Спарте; ведь на примере Тридцати в Афинах мы знаем, что лисандрийские декархии и спартанские гармонии были столь же грозны для олигархических, сколь и для демократических политиков, и вполне можно предположить, что Диагориды могли стать менее фило-лаконскими в своей политике.

Такая крайняя разница в отношении к одному и тому же человеку в Афинах и Спарте наводит на поучительные размышления. Она демонстрирует разницу между афинскими и спартанскими чувствами, между чувствами множества и чувствами немногих. Великая и священная личность Иеронима Дориея, явленная чувствам афинской толпы, - зрелище человека в цепях перед ними, который был провозглашен победителем и коронован по стольким торжественным случаям перед самым большим собранием греков, когда-либо собранных вместе, - произвела на них ошеломляющий эффект; достаточный не только для того, чтобы стереть сильную предустановленную антипатию, основанную на активной вражде в прошлом, но и для противодействия справедливой мести, говоря на языке того времени. Но на спартанских эфоров и сенат тот же самый вид не произвел никакого эффекта; его не хватило даже на то, чтобы помешать им предать Дориея смерти, хотя он не давал им повода для антипатии или мести, просто в качестве своеобразного возмездия за восстание на острове. Это различие зависело от разницы между настроениями афинян и спартанцев, а также от разницы между настроениями множества и немногих. Если бы Дорией предстал перед избранным судебным трибуналом в Афинах, а не перед афинским общественным собранием, - или если бы дело обсуждалось в собрании в его отсутствие, - он, вероятно, был бы осужден, в соответствии с обычаями, при сложившихся обстоятельствах; но бурные эмоции, вызванные его присутствием у многочисленных зрителей собрания, сделали такой ход непереносимым для них. У историков Афин было принято останавливаться на страстях общественного собрания, как если бы оно было способно возбуждаться только в гневе или мстительности; тогда как на самом деле, и это видно на приведенном нами примере, они были открыты как в одном, так и в другом направлении, и что нынешние эмоции, какими бы они ни были, милосердные или сочувственные, а также возмущенные, усиливались самим фактом множества людей. И таким образом, если установленное процессуальное правило оказывалось жестоким, у афинского собрания был шанс смягчить его в конкретном случае, хотя спартанские эфоры или сенат были бы неумолимы в его исполнении, - если, конечно, они не перешли, как это кажется вероятным в случае с Дориеем, к суровости.

Пока Конон и родосцы развязывали военные действия против Спарты на море, Агесилай, получив в Киме известие о своем назначении на двойное командование, немедленно разослал в зависимые приморские города и острова приказы, требующие строительства и оснащения новых трирем. Влияние Спарты было столь велико, и местные правительства так сильно зависели от его сохранения, что эти распоряжения были ревностно исполнены. Многие ведущие люди понесли значительные расходы, желая завоевать его расположение, так что к следующему году был готов флот из ста двадцати новых трирем. Агесилай, назначив своего шурина Пейсандра адмиралом, отправил его руководить приготовлениями; это был храбрый молодой человек, но лишенный как умения, так и опыта.^[511]

Тем временем сам он продолжал свой поход (около начала осени) к сатрапии Фарнабаза - Фригии к югу и юго-востоку от Пропонтиды. Под активным руководством своего нового помощника Спитридата он разграбил страну, захватил несколько городов и заставил капитулировать другие, что принесло значительную пользу его солдатам. Фарнабаз, не имея

достаточной армии для сражения в защиту своей сатрапии, сосредоточил все свои силы возле собственной резиденции в Даскилии, не оказывая никакого сопротивления походу Агесилая, которого Спитридат побудил пересечь Фригию и войти в Пафлагонию в надежде заключить союз с пафлагонским принцем Отисом. Этот принц, номинально зависимый от Персии, мог собрать лучшую кавалерию в Персидской империи. Но недавно он отказался подчиниться приглашению двора в Сузах, а теперь не только приветствовал появление Агесилая, но и заключил с ним союз, усилив его вспомогательным корпусом из конницы и пельтастов. Желая отплатить Спитридату за его услуги и горячо привязавшись к его сыну, прекрасному юноше Мегабату, Агесилай уговорил Отиса жениться на дочери Спитридата. Он даже приказал перевезти ее по морю на лакедемонской триреме, вероятно, из Абидоса в Синопе.[\[512\]](#)

Усиленный пафлагонскими вспомогательными войсками, Агесилай с еще большей энергией продолжал войну против сатрапии Фарнабаза. Теперь он приблизился к окрестностям Даскилиума, резиденции самого сатрапа, унаследованной от его отца Фарнакеса, который был сатрапом до него. Это была хорошо снабженная страна, полная богатых деревень, украшенная парками и садами для охоты и удовольствия сатрапа: спортивные вкусы Ксенофонта заставляют его также отметить, что здесь было много птиц для ловли, а реки были полны рыбы.[\[513\]](#) В этом приятном регионе Агесилай провел зиму. Его солдаты, обильно снабженные провизией, стали настолько беспечны и пренебрежительно относились к своему врагу, что Фарнабаз с четырьмя сотнями конницы и двумя косыми колесницами нашел возможность напасть на семьсот из них врасплох и оттеснил их со значительными потерями, пока Агесилай не подошел, чтобы защитить их с гоплитами.

Однако это частичное несчастье было быстро отомщено. Опасаясь быть окруженным и захваченным в плен, Фарнабаз воздержался от занятия какой-либо фиксированной позиции. Он слонялся по стране, таская с собой ценное имущество и держа место своего лагеря в тайне, как только мог. Однако бдительный Спитридат, получив сведения о том, что он расположился на ночлег в деревне Кане, примерно в восемнадцати милях от города, предпринял ночной поход с отрядом Гериппидаса (одного из тридцати спартанцев), чтобы застать его врасплох. В качестве сопровождающих были назначены две тысячи греческих гоплитов, столько же легковооруженных пельтастов и Спитридат с пафлагонским конем. Хотя многие из этих воинов воспользовались темнотой, чтобы уклониться от преследования, предприятие оказалось полностью успешным. Лагерь Фарнабаза был захвачен с рассветом; его передовые мисийские гвардейцы были преданы мечу, а сам он со всем своим войском был вынужден бежать, не встретив почти никакого сопротивления. Все его магазины, тарелки и личная мебель, а также большой обоз и множество пленных попали в руки победителей. Поскольку пафлагонцы под командованием Спитридата составляли конницу победоносного отряда, они, естественно, взяли больше добычи и больше пленных, чем пехота. Они уже собирались унести свои приобретения, когда вмешался Гериппид и отобрал у них все, передав все трофеи всех видов под ответственность греческих офицеров, чтобы продать их на официальном аукционе в одном из греческих городов, после чего вырученные деньги должны были быть распределены или использованы государственной властью. Приказ Гериппида соответствовал регулярным и систематическим действиям греческих офицеров; но Спитридат и пафлагонцы, вероятно, были оправданы азиатской практикой присвоения того, что они сами захватили. Более того, приказ, неприятный сам по себе, был выполнен с лакедемонской суровостью,[\[514\]](#) без каких-либо гарантий, что им будет предоставлена, хотя бы в конце концов, справедливая доля выручки. Возмущенные

поведением Гериппида, сочетавшим оскорбление с обидой, они дезертировали ночью и бежали в Сарды, где перс Арий фактически восстал против сузского двора. Это была серьезная потеря и еще более серьезное огорчение для Агесилая. Он не только лишился ценной вспомогательной конницы и предприимчивого азиатского осведомителя, но и распространил слух о том, что он обманул своих азиатских союзников, лишив их законной добычи, и тем самым отвратил бы других от сотрудничества с ним. Его личное горе усугублялось еще и отъездом юноши Мегабаза, который сопровождал своего отца Спитридата в Сарды.[\[515\]](#)

Ближе к концу этой зимы между Агесилаем и Фарнабазом состоялась личная конференция, в которую вмешался грек из Кизика по имени Аполлофан, связанный гостеприимными узами с обоими и служивший для каждого из них гарантией доброй воли другого. От Ксенофонта, который, вероятно, сам присутствовал при этом, до нас дошли интересные подробности этой беседы. Агесилай в сопровождении тридцати спартанских советников первым прибыл на место встречи, и все они уселись на траву, чтобы подождать. Вскоре прибыл Фарнабаз с великолепной одеждой и свитой. Его сопровождающие начали расстилать для него прекрасные ковры, когда сатрап, увидев, как рассаживаются спартанцы, устыдился такой роскоши для себя и сел на траву рядом с Агесилаем. Обменявшись приветствиями, они пожали друг другу руки, после чего Фарнабаз, который, как старший из них, первым протянул правую руку, также первым начал разговор. Говорил ли он по-гречески достаточно хорошо, чтобы обойтись без переводчика, мы не знаем. "Агесилай, я был другом и союзником лакедемонян, когда вы воевали с Афинами; я снабжал вас деньгами, чтобы укрепить ваш флот, и сам сражался с вами на берегу верхом на лошади, гоня ваших врагов в море. Вы не можете обвинить меня в том, что я, подобно Тиссаферну, обманул вас ни словом, ни делом. Однако после такого поведения я доведен вами до такого состояния, что не могу пообедать в своих владениях, разве что подбираю ваши объедки, как полевые звери. Я вижу, как прекрасные резиденции, парки и охотничьи угодья, завещанные мне отцом и составлявшие очарование моей жизни, разрушены или сожжены вами. Разве так поступают люди, помнящие о полученных милостях и жаждущие отплатить за них? Прошу тебя, ответь мне на этот вопрос, ибо, возможно, мне еще предстоит узнать, что такое святость и справедливость".

Тридцать спартанских советников были покрыты стыдом после такого решительного обращения. Все они замолчали, а Агесилай после долгой паузы наконец ответил: "Ты знаешь, Фарнабаз, что в греческих городах отдельные люди становятся частными друзьями и гостями друг друга. Такие гости, если города, к которым они принадлежат, вступают в войну, сражаются друг с другом, а иногда случайно даже убивают друг друга, каждый в интересах своего города. Так и мы, находясь в состоянии войны с вашим королем, вынуждены считать все его владения вражеской землей. Но что касается вас, то мы готовы заплатить любую цену, чтобы стать вашими друзьями. Я не призываю вас принять нас в качестве хозяев вместо вашего нынешнего господина; я прошу вас стать нашим союзником и пользоваться своей собственностью как свободный человек - ни перед кем не склоняясь и не признавая никакого господина. Свобода сама по себе является наивысшей ценностью. Но это еще не все. Мы не призываем вас быть свободным и при этом бедным. Мы предлагаем вам наш союз, чтобы приобрести новую территорию не для короля, а для себя; чтобы те, кто сейчас ваши рабы, стали вашими подданными. А теперь скажите мне: если вы, оставаясь свободным человеком, разбогатеете, чего же вам еще желать, чтобы стать вполне благополучным человеком?"

"Я скажу тебе откровенно в ответ (сказал Фарнабаз). Если царь пришлет другого полководца и поставит меня под его начало, я охотно стану твоим другом и союзником. Но если он возложит на меня обязанность командовать, то так сильны у меня будут соображения чести, что я буду продолжать войну с вами в меру своих сил. Ничего другого не жди".[516]

Агесилай, пораженный таким ответом, взял его за руку и сказал: "Если бы с такими высокими чувствами ты мог стать нашим другом! Во всяком случае, позволь мне заверить тебя в том, что я немедленно покину твою территорию; и в будущем, даже если война будет продолжаться, я буду уважать и тебя, и все твоё имущество, пока я смогу повернуть оружие против любых других персов".

На этом разговор закончился, Фарнабаз сел на коня и уехал. Однако его сын Парапита, в то время ещё красивый юноша, отстал, подбежал к Агесилаю и воскликнул: "Агесилай, я делаю тебя своим гостем". "Я принимаю это от всего сердца", - был ответ. "Запомни меня вот этим", - сказал молодой перс, вкладывая в руки Агесилая изящное копье, которое он нес. Тот сразу же снял с коня своего секретаря Идэя декоративные атрибуты и отдал их в качестве ответного подарка, после чего юноша ускакал с ними и вернулся к отцу.[517]

В этой беседе, описанной Ксенофонтom, есть трогательный интерес и акцент, и он вдохнул в свою примитивную эллинскую хронику нечто от романтического духа Киропедии. Обещания, которыми обменялись Агесилай и сын Фарнабаза, не были забыты ни тем, ни другим. Последний, впоследствии обедневший и изгнанный своим братом во время отсутствия Фарнабаза в Египте, был вынужден укрыться в Греции, где Агесилай обеспечил ему защиту и дом, и даже использовал свое влияние в пользу афинского юноши, к которому был привязан сын Фарнабаза. Этот афинский юноша уже перерос возраст и рост мальчиков-бегунов на олимпийском стадионе; тем не менее Агесилай путем энергичного личного вмешательства преодолел нежелание элейских судей и убедил их допустить его к участию в соревнованиях вместе с другими мальчиками.[518] Акцент, сделанный Ксенофонтom на этой услуге, иллюстрирует тон греческих чувств и показывает нам разнообразие целей, для достижения которых использовалось личное превосходство. Бескорыстный по отношению к себе, Агесилай беспринципно поощрял посягательства и скрывал несправедливость своих друзей.[519] Несправедливая привилегия, которую он обеспечил этому юноше, хотя и была сама по себе незначительной, не могла не оскорбить толпу зрителей, знакомых с установленными условиями стадиона, и не подвергнуть судей суровому порицанию.

Покинув сатрапию Фарнабаза, которая была уже довольно сильно истощена, а перемирие, заключенное с Тифраустом, должно быть, истекло, Агесилай расположился лагерем у храма Артемиды, в Астире на равнине Феб (в области, известной как Эолис), недалеко от Элейского залива. Здесь он занимался тем, что собирал все большее количество войск, намереваясь летом проникнуть в глубь Малой Азии. Недавние события значительно усилили веру азиатов в его превосходство в силах, поэтому он получил предложения из различных районов внутренних областей, приглашая к себе и выражая желание сбросить персидское иго. Он также стремился уладить раздоры и неурядицы, возникшие из-за лисандрийских декархий в греко-азиатских городах, по возможности избегая резких наказаний в виде смерти или изгнания. Сколько он достиг в этом направлении, мы не можем сказать,[520] да и невозможно было, в сущности, достичь многого, не отстранив спартанских гарматов и не ослабив политическую власть своих собственных партизан; ни того, ни другого он не сделал.

Теперь все его планы были направлены на то, чтобы проникнуть дальше, чем когда-либо, в глубь страны и навсегда завоевать, если возможно, западную часть персидской Азии. Что именно он собирался сделать для реализации этого плана, определить невозможно,

поскольку его агрессивный поход был приостановлен вызовом домой, причина которого будет описана в следующей главе.

Тем временем Фарнабаз был вызван из своей сатрапии, чтобы вместе с Кононом принять командование персидским флотом в Киликии и на юге Малой Азии. Со времени восстания Родоса от лакедемонян (летом предыдущего, 395 года до н. э.) этот деятельный афинянин ничего не добился. Всплеск активности, вызванный первым визитом Фарнабаза к персидскому двору, был парализован ревностью персидских командиров, не желавших служить под началом грека, - казнокрадством офицеров, присваивавших жалование, предназначенное для войск, - мятежами на флоте из-за отсутствия жалования, - и многочисленными задержками, возникавшими, пока сатрапы, не желавшие тратить собственные доходы на войну, ждали приказов и переводов от двора.^[521] Поэтому Конон не мог эффективно использовать свой флот в те месяцы, когда лакедемонский флот увеличился почти вдвое. В конце концов он решился - похоже, по наущению своих соотечественников на родине^[522], а также Евагора, принца Саламиса на Кипре, и благодаря поддержке Ктесия, одного из греческих врачей, проживавших при персидском дворе, - отправиться в глубь страны, чтобы лично пообщаться с Артаксерксом. Высадившись на киликийском побережье, он переправился по суше в Фапсакус на реке Эвфратес (по пути следования кирейской армии), откуда отплыл вниз по реке на лодке в Вавилон. Похоже, что он не видел Артаксеркса из-за отвращения к той церемонии прострации, которая требовалась от всех, кто приближался к царской особе. Но его послания, переданные через Ктесия и других, с его уверенным обещанием уничтожить морскую империю Спарты и противостоять проектам Агесилая, если персидские силы и деньги будут приведены в действие, произвели сильное воздействие на ум монарха; который, несомненно, был не только встревожен грозным положением Агесилая в Малой Азии, но и ненавидел лакедемонян как главных агентов в агрессивном предприятии Кира. Артаксеркс не только одобрил его взгляды, но и выделил ему крупную денежную субсидию, а также передал на побережье императивный приказ, чтобы его офицеры активно участвовали в продолжении морской войны.

Что еще более важно, Конону было разрешено назначить адмиралом совместно с собой любого человека, которого он выберет. Именно по его выбору Фарнабаз был вызван из своей сатрапии и получил приказ совместно действовать в качестве командующего флотом. Этот сатрап, самый храбрый и прямолинейный из всех персидских вельмож, только что затаивший обиду на опустошение своей сатрапии^[523] Агесилаем, от души сотрудничал с Кононом. Вскоре был собран мощный флот, частично финикийский, частично афинский или греческий, превосходивший по численности даже недавно организованный лакедемонский флот под командованием Пейсандра.^[524] Евагор, князь Саламиса на Кипре,^[525] не только предоставил много трирем, но и сам лично служил на борту.

Примерно в июле 394 года до н. э. Фарнабаз и Конон направили свой объединенный флот в юго-западный угол Малой Азии; сначала, вероятно, к дружественному острову Родос, затем к Лориме^[526] и горе под названием Дорион на полуострове Книд.^[527] Пейсандр с флотом Спарты и ее союзников отплыл из Книда навстречу им, и обе стороны приготовились к битве. Диодор сообщает, что численность лакедемонян составляла восемьдесят пять трирем, а Конона и Фарнабаза - более девяноста. Но Ксенофонт, не уточняя численность обеих сторон, считает, что разница гораздо больше; он утверждает, что весь флот Пейсандра значительно уступал даже греческой части под командованием Конона, не считая финикийских кораблей под командованием Фарнабаза.^[528] Несмотря на такое превосходство, Пейсандр не уклонился от встречи. Хотя молодой человек и не обладал военным искусством, он в полной мере обладал спартанской храбростью и гордостью; кроме того, поскольку спартанская

морская империя держалась только благодаря предполагаемому превосходству его флота, если бы он признал себя слишком слабым, чтобы сражаться, его враги могли бы без сопротивления обойти острова и поднять восстание. Поэтому он отплыл из гавани Книда. Но когда оба флота расположились друг напротив друга, и сражение должно было начаться, - превосходство афинян и персов было столь явным и тревожным, что его азиатские союзники на левом фланге, отныне горячо поддерживавшие его, бежали, почти не нанеся ни одного удара. В таких удручающих обстоятельствах он, тем не менее, с величайшей доблестью повел свой флот в бой. Но его трирема была подавлена числом, разбита в разных местах клювами вражеских кораблей и вынуждена вернуться на сушу вместе с большой частью своего флота. Многие экипажи выпрыгнули и добрались до суши, оставив свои триремы завоевателям. Пейсандр тоже мог бы спастись таким же образом, но, не желая ни пережить поражение, ни покинуть свой корабль, он пал, храбро сражаясь на борту. Победа Конона и Фарнабаза была полной. Более половины спартанских кораблей были либо захвачены, либо уничтожены, хотя соседство с землей позволило значительной части экипажей бежать в Книд, так что большого количества пленных взято не было.^[529] Среди союзников Спарты главные потери понесли те, кто был наиболее привязан к ее делу; недовольные или слабовольные были теми, кто спасся бегством в самом начале.

Таков был памятный триумф Конона при Книде, обратный победе Лисандра при Игоспотаме за одиннадцать лет до этого. О его важных последствиях мы расскажем в следующей главе.

ГЛАВА LXXIV. ОТ БИТВЫ ПРИ КНИДЕ ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЛИННЫХ АФИНСКИХ СТЕН.

В прошлой главе я проследил ход азиатских событий вплоть до битвы при Книде в начале августа 394 года до н. э., когда война уже бушевала на другом берегу Эгейского моря, в самой Греции, - теперь я подхватываю нить событий с несколько более раннего периода, чтобы показать, как началась эта последняя война, обычно называемая Коринфской.

К моменту вступления Агесилая на престол в 398 году до н. э. власть Спарты во всей Греции от Лаконии до Фессалии была больше, чем когда-либо, и больше, чем когда-либо было у любого греческого государства. Бремя долгой войны с Афинами она несла в гораздо меньшей степени, чем ее союзники; ее плоды она пожинала исключительно для себя. Поэтому среди ее союзников царило всеобщее недовольство, которое Фивы и Коринф проявили, отказавшись участвовать в последних походах: Павсания против Фрасибула и афинских изгнанников в Пирее, Агиса против элейцев или Агесилая против персов в Малой Азии. Элейцы были полностью усмирены вторжениями Агиса; все остальные города Пелопоннеса из опасений, по древней привычке и из-за того, что управлялись олигархиями, опиравшимися на поддержку Спарты, были послушны ее власти, за единственным исключением Аргоса, который, как и прежде, оставался нейтральным и спокойным, хотя по настроению был недружелюбен. Афины были простой единицей в каталоге спартанских союзников, предоставляя свой контингент, как и остальные, под командование ксенагуса - офицера, присланного из Спарты специально для командования иностранными контингентами.

В северных областях Греции продвижение спартанской власти еще более примечательно. В 419 году до н. э. (примерно через два года после заключения Никиасского мира) Спарта была настолько неспособна защитить свою колонию Гераклею в Трахисе на берегу Маликийского залива, недалеко от Фермопильского пролива, что беотийцы были вынуждены послать туда гарнизон, чтобы не допустить ее перехода в руки Афин. Они даже пошли на то, чтобы уволить лакедемонского гармоста.[530] Зимой 409-408 гг. до н. э. в Гераклее произошло еще одно несчастье, в котором был убит лакедемонский гармост.[531] Но около 399 г. до н. э. мы видим, что Спарта энергично взяла верх в Гераклее и даже превратила это место в центральный пост для сдерживания людей в окрестностях горы Сeta и части Фессалии. Лакедемонянин Хериппидас был послан туда для подавления каких-то беспорядочных движений с силами, достаточными для того, чтобы одолеть народное собрание, захватить в плен виновных и предать их смерти, в количестве пятисот человек, за воротами.[532] Выступив с оружием в руках против окрестных иудеев и трахианцев, которые давно враждовали с лаконскими колонистами в Ираклии, он изгнал их из родных мест и заставил переселиться с женами и детьми в Фессалию.[533] Таким образом, лакедемоняне получили возможность распространить свое влияние на некоторые части Фессалии и разместить гарнизон в Фарсале, опираясь на Гераклею, которая, таким образом, стала чрезвычайно важной позицией для их господства над северными регионами.

Когда реальная сила Спарты значительно возросла на суше, в дополнение к ее огромной империи на море, приносящей обильную дань, - и среди городов, которые не только давно признали ее лидером, но и никогда не признавали никого другого, - потребовался необычный стимул, чтобы поднять против нее какую-либо грозную враждебную комбинацию, несмотря на большое распространение недовольства и антипатии. Этот стимул пришел из Персии, из сокровищниц которой Спарта ранее получила средства для покорения Афин. Весть о том, что в Финикии строится грозный флот, которая послужила толчком к экспедиции Агесилая весной 396 года до н.э., несомненно, была распространена и услышана, несомненно, была распространена и с удовлетворением услышана среди греческих городов, недружественных Спарте; а отказ Фив, Коринфа и Афин принять на службу этого принца, - усугубленный в случае фиванцев положительной обидой, нанесенной ему по случаю жертвоприношения в Аулисе, - был достаточным предупреждением для Спарты об опасных настроениях и тенденциях, которыми она была окружена вблизи дома.

Именно на эти тенденции в течение следующего года были направлены позитивные подстрекательства и обещания Персии, и не только обещания, но и денежные поставки, а также известия об оживлении морской войны, угрожавшей островному владычеству Спарты. Тифрауст, новый сатрап, умертвивший и сменивший Тиссаферна, не успел заключить вышеупомянутое перемирие и убедить Агесилая вывести свою армию в сатрапию Фарнабаза, как он предпринял активные меры для разжигания войны против Спарты в Греции, чтобы создать необходимость для отзыва Агесилая из Азии. Он отправил в Грецию родосца Тимократа в качестве посланника в города, наиболее недружелюбно настроенные к лакедемонянам, с суммой в пятьдесят талантов;[534] поручил ему использовать эти деньги, чтобы привлечь на свою сторону ведущих людей в этих городах и обменять торжественные клятвы о союзе и помощи с Персией на общую враждебность против Спарты. Остров Родос, только что восставший из-под власти спартанцев, принял Конона с персидским флотом (о чем я уже упоминал в последней главе), так что, вероятно, родосский посланник находился с миссией к Тифраусту от имени своих соотечественников. Он был подходящим посланником для этого случая, поскольку был заинтересован в создании новых врагов Спарты и стремился разжечь среди фиванцев и коринфян тот же дух, который привел к восстанию Родоса. Эффект, который произвело это восстание, встревожив и разозлив спартанцев, уже был

отмечен; и мы можем справедливо предположить, что его влияние на другую сторону, воодушевив их греческих врагов, было значительным. Тимократ посетил Фивы, Коринф и Аргос, распределяя свои средства. Он заключил договоры от имени сатрапа с различными ведущими людьми в каждом из них, введя их в контакт друг с другом; Исменияс, Андроклейдас и другие в Фивах, Тимолай и Полиант в Коринфе, Килон и другие в Аргосе. Похоже, что он не посещал Афины; по крайней мере, Ксенофонт прямо говорит, что ни одна из его сумм не попала туда. Работа этой миссии, связанная, как мы должны помнить, с возобновлением морской войны на побережье Азии и обещанием персидского флота против флота Спарты, вскоре проявилась в более выраженном проявлении антилаконских настроений в этих различных городах и в начале попыток установить союз между ними.^[535]

С тем лаконским уклоном, который пронизывает его "Эллинику", Ксенофонт представляет грядущую войну со Спартой так, будто она была вызвана главным образом этими взятками из Персии ведущим людям в различных городах. Я уже не раз говорил, что средний уровень общественной морали отдельных греческих политиков в Спарте, Афинах и других городах не был таким, чтобы исключить личную коррупцию; что требовалась мораль выше среднего уровня, когда такому искушению сопротивлялись, - и мораль значительно выше среднего уровня, если ему сопротивлялись систематически и на протяжении всей жизни, как Перикл и Никиас. Поэтому не было бы ничего удивительного, если бы Исмений и остальные получали взятки при упомянутых здесь обстоятельствах. Но крайне маловероятно, что деньги, данные Тимократом, могли быть взяткой, то есть даны в частном порядке и для отдельного использования этими лидерами. Они были даны для продвижения определенного общественного объекта, который невозможно было осуществить без больших расходов; Она была аналогична той сумме в тридцать талантов, которую (как рассказывает сам Ксенофонт) Тифрауст только что дал Агесилаю, чтобы побудить его увести войско в сатрапию Фарнабаза (не как подарок для личного кошелька спартанского царя, а как вклад в нужды армии),^[536] или той, которую сатрап Тирибаз дал впоследствии Анталкиду,^[537] также для общественных целей. Ксенофонт утверждает, что Исмения и остальные, получив эти подарки от Тимократа, обвинили лакедемонян и сделали их одиозными, - каждый в своем городе.^[538] Но, судя по его собственным свидетельствам, ненависть к ним существовала в этих городах еще до прибытия Тимократа. В Аргосе такая ненависть была давней; в Коринфе и Фивах, хотя и разгоревшаяся только после окончания войны, она была не менее выраженной. Более того, сам Ксенофонт сообщает нам, что афиняне, хотя и не получили денег,^[539] были готовы к войне не меньше, чем другие города. Поэтому, если мы примем как факт его утверждение, что Тимократ дарил частные подарки различным ведущим политикам, что отнюдь не является невероятным, мы должны не согласиться с тем объяснением, которое он делает из этого факта, выдвигая его на первый план как причину войны. Этим ведущим людям было бы трудно воспитать не ненависть к Спарте, а уверенность и мужество, чтобы противостоять ее силе. И для этой цели миссия Тимократа была бы ценным подспорьем, передавая заверения в сотрудничестве и поддержке персов против Спарты. Он должен был публично предстать перед народом, сенатом или, по крайней мере, перед большим числом антилаконской партии в каждом городе. А деньги, которые он привез с собой, хотя часть их могла пойти на частные подарки, послужили бы для этой партии лучшим подтверждением искренности сатрапа.

Какие бы переговоры ни велись между городами, которые посетил Тимократ, между ними не было достигнуто никакого союза, когда разгоревшаяся из-за несчастного случая война вспыхнула как "беотийская война",^[540] между Фивами и Спартой по отдельности. Между локрийцами Опунта и фокейцами, к северу от Беотии, находилась полоса спорной пограничной земли, в отношении которой фокейцы, обвинив локрийцев в неправомерных

посягательствах, вторглись на их территорию. Локрийцы, союзники Фив, обратились к ней за защитой, на что беотийцы вторглись в Фокиа, а фокийцы со своей стороны бросились на Лакедемон, призывая ее на помощь против Фив.[541] "Лакедемоняне (говорит Ксенофонт) были рады получить предлог для войны с фиванцами, которые уже давно гневались на них по разным поводам. Они считали, что сейчас самое подходящее время для похода против них и умирения их дерзости, поскольку Агесилай имел полный успех в Азии, а в Греции не было другой войны, которая могла бы их смутить".[542] Различные основания, на которых лакедемоняне обосновывали свое недовольство Фивами, начинаются со времени, непосредственно следующего за завершением войны с Афинами, и теперь эти настроения были уже устоявшимися и острыми. Именно они начали беотийскую войну, а не фиванцы и не взятки, принесенные Тимократом.

Энергичный и честолюбивый Лисандр, который до этого подстрекал экспедицию Агесилая через Эгейское море и который давно ненавидел фиванцев, был одним из главных советников экспедиции, которую эфоры постановили направить против Фив,[543] а также главным полководцем, назначенным для ее осуществления. Он был послан с небольшим отрядом для действий на севере Беотии. Ему было приказано отправиться из Гераклеи, центра лакедемонского влияния в этих краях, собрать гераклеотов вместе с различными зависимыми жителями окрестностей *Æta*, *Ætæans*, *Malians*, *Ænians* и т.д., отправиться в поход в Беотию, захватив по пути фокийцев, и напасть на Халиартус. Под стенами этого города царь Павсаний обещал встретить его в назначенный день с лакедемонским войском и пелопоннесскими союзниками. Для этого, получив благоприятные пограничные жертвоприношения, он отправился в Тегею и там занялся сбором союзных войск из Пелопоннеса.[544] Но союзники в целом медлили и неохотно принимали участие в деле, а коринфяне отказались от всякого согласия и поддержки[545] - хотя и не делали никаких проявлений в пользу Фив.

Оказавшись под грозным ударом с двух сторон - со стороны Спарты, находящейся в расцвете сил, и со стороны спартанского офицера с известными способностями, - и в то же время без единого союзника, фиванцы решили просить помощи у Афин. Фиванское посольство в Афины с любой целью, а особенно с такой, само по себе было одним из самых ярких признаков революции, произошедшей в греческой политике. Антипатия между двумя городами была столь долгой и ожесточенной, что фиванцы в конце войны пытались побудить Спарту искоренить афинское население. Впоследствии их поведение было благосклонным и сочувственным по отношению к Фрасибулу в его борьбе с Тридцатью, и этот лидер засвидетельствовал свою благодарность, посвятив статуи в фиванском Гераклеоне.[546] Но было совершенно неясно, что Афины сочтут себя обязанными - ни по политике, ни по чувствам - помочь им в нынешней ситуации, когда у них не было ни Длинных стен, ни укреплений в Пирее, ни кораблей, ни защиты от спартанской морской мощи.

Только когда Павсаний и Лисандр были заняты сбором войск, фиванцы послали обратиться к афинскому собранию. Речь фиванского посланника ярко излагает аргументы против Спарты в ее нынешнем виде. Отрицая всякое согласие с тем бывшим фиванским депутатом, который без всяких указаний взялся предложить в спартанском собрании союзников крайнюю суровость по отношению к покоренным афинянам, он напомнил афинянам, что Фивы единогласно отказались повиноваться призыву спартанцев помочь в походе против Фрасибула и Пирея, и что это было первой причиной гнева спартанцев против нее. На этом основании он воззвал к благодарности демократических Афин против лакедемонян. Но он также с еще большей уверенностью призывал против них на помощь олигархические Афины - или тех, кто в то время противостоял Фрасибулу и Пейрею; ведь именно Спарта, впервые

установив олигархию в Афинах, впоследствии отказалась ее поддерживать и оставила своих сторонников на щедрость их демократических противников, благодаря которым они только и спаслись.[547] Конечно, Афины стремились, если это возможно (так он полагал), вернуть себе утраченную империю; и в этом предприятии он предложил Фивам сердечную помощь в качестве союзника. Он указал, что это ни в коем случае не невыполнимое предприятие, учитывая всеобщую ненависть, которую Спарта теперь навлекала на себя, причем не только со стороны древних союзников, но и со стороны прежних врагов. Афиняне по опыту знали, что Фивы могут быть грозным врагом; теперь она покажет, что может быть еще более эффективным другом, если афиняне вмешаются, чтобы спасти ее. Кроме того, она собиралась сражаться не за сиракузян или азиатов, а за собственное сохранение и достоинство. "Мы не колеблясь утверждаем, афиняне (заклучил фиванский оратор), что то, на что мы сейчас ссылаемся от ваших рук, приносит вам больше пользы, чем нам самим".[548]

Со времени правления Эвклида и восстановления демократии после сокрушительного визита Тридцати прошло уже восемь лет. Однако из важного и хорошо продуманного намека фиванского оратора на олигархическую часть собрания видно, что две партии все еще в какой-то мере различались. Афины, ослабленные войной, никогда не были призваны к решительному и категоричному голосованию по вопросам внешней политики, и теперь многое зависело от нравов олигархического меньшинства, которое, как можно предположить, могло играть в партийные игры и спекулировать на спартанском лике. Но всеобъемлющая амнистия, объявленная после восстановления демократической конституции, и мудрое и великодушное терпение, с которым она была проведена в жизнь, несмотря на самые мучительные воспоминания, теперь принесли свои плоды. Большинство и меньшинство, демократы и олигархи, были объединены в один единодушный и сердечный голос за оказание помощи Фивам, несмотря на весь риск вражды со Спартой. Не приходится сомневаться, что на это голосование в значительной степени повлияло и восстание Родоса, и повторное появление Конона с флотом в азиатских морях, и частные сообщения этого полководца, в которых он выражал надежду одержать победу над морским могуществом Спарты благодаря расширению помощи Персии. Таким образом, голосование имело двойной смысл. Оно провозгласило не только восстановленную гармонию между демократами и олигархами в Афинах, но и их общую решимость разорвать цепь, в которой они находились как простые сателлиты и части в полку спартанских союзников, и заново выработать старые традиции Афин как самостоятельной и первичной державы, по крайней мере, если не снова имперской державы. Голос, провозгласивший обновление жизни в Афинах, и его смелость при существующей слабости города через два поколения воспел Демосфен.[549]

Выслушав фиванского оратора (об этом нам сообщает даже фило-лаконский Ксенофонт),[550] "очень многие афинские граждане встали и выступили в поддержку его молитвы, и все собрание единодушно проголосовало за ее удовлетворение". Фрасибул предложил это решение и передал его фиванским посланникам.

Он сказал им, что Афины прекрасно понимают, какому риску они подвергаются, пока Пирей не защищен, но, тем не менее, они готовы выразить свою благодарность, дав больше, чем получили; они готовы оказать фиванцам помощь в случае нападения на них, в то время как фиванцы не сделали для нее ничего большего, чем отказ присоединиться к агрессивному походу против нее.[551]

Без такой уверенности в поддержке со стороны Афин фиванцы, вероятно, побоялись бы встретиться с Лисандром и всеми силами Спарты в одиночку. Но теперь они приготовились к

упорной обороне. Первое приближение Лисандра с армией гераклеотов, фокийцев и других с севера было действительно угрожающим, тем более что Орхомен, второй после Фив город в конфедерации беотийцев, разорвал с ним союз и присоединился к нему. Господство Фив над городами, входившими в состав Беотийской конфедерации, часто было суровым и деспотичным, хотя, вероятно, не одинаково деспотичным по отношению ко всем и уж точно не одинаково одиозным для всех. Для Платеи, расположенной на крайнем юге Беотии, она уже давно невыносимой, и несчастная судьба этого маленького городка опечалила многие страницы моих предыдущих томов; для Орхомена, расположенного на крайнем севере, она тоже была неприятной, - отчасти потому, что этот город стоял рядом с Фивами по силе и значению, отчасти потому, что имел внушительную легендарную древность и претендовал на то, что когда-то был городом-восходителем, получавшим дань от Фив. Орхоменцы присоединились к Лисандру, открыли ему путь в Беотию и провели его с войском, предварительно опустошив поля Лебадеи, в район, принадлежащий Халиарту.[552]

Перед тем как Лисандр покинул Спарту, он договорился с Павсанием о том, что в определенный день они встретятся на территории Халиарта. И во исполнение этого плана Павсаний уже продвинулся со своей пелопоннесской армией до Платеи в Беотии. Наступил ли еще назначенный между ними день, когда Лисандр достиг Халиарта, мы не можем определить с уверенностью. При несовершенстве греческого календаря ошибка в этом вопросе вполне допустима, как это случилось между афинскими полководцами Гиппократом и Демосфеном в ходе тех мероприятий, которые предшествовали битве при Делиуме в 424 году до н. э.[553] Однако обе стороны должны были согласиться на помолвку, учитывая препятствия на пути, поскольку каждому из них пришлось бы пройти по враждебной стране, чтобы достичь места встречи. Слова Ксенофонта, однако, скорее указывают на то, что назначенный день еще не наступил; тем не менее Лисандр решил сразу же выступить против Галиарта, не дожидаясь Павсания. В городе было всего несколько фиванцев, и у него, вероятно, были веские причины считать, что он лучше добьется успеха быстрыми мерами, пока не прибыло больше фиванцев, чем промедлением, пока к нему не присоединится другая спартанская армия; не говоря уже о беспокойстве, что завоевание должно принадлежать только ему, и уверенности, вызванной его предыдущим успехом в Орхомене. Поэтому он послал приглашение халиартийцам последовать примеру орхоменцев, восстать из Фив и встать на путь автономии под защитой лакедемонян. Возможно, в городе нашлась партия, настроенная на это. Но большинство, воодушевленное фиванцами, отказалось от этого предложения; тогда Лисандр подошел к стенам и штурмом взял город. Он был занят тем, что присматривался к воротам, где лучше всего войти, и тут увидел, что из Фив быстрым шагом приближается свежий отряд фиванцев - как кавалерия, так и гоплиты. Вероятно, они были замечены со сторожевых башен в городе раньше, чем стали видны нападавшим снаружи; поэтому галиартийцы, ободренные этим зрелищем, распахнули ворота и предприняли внезапную вылазку. Лисандр, по-видимому, захваченный врасплох, сам был убит одним из первых, со своим пророком рядом, галиартийским гоплитом по имени Неохор. Некоторое время его войска противостояли и галиартийцам из города, и подошедшим свежим фиванцам. Но в конце концов они были отброшены назад со значительными потерями и вынуждены были отступить на труднопроходимую местность, расположенную на некотором расстоянии в их тылу. Здесь, однако, они укрепили свои позиции, отразив нападавших с потерей более двухсот гоплитов.[554]

Успех, достигнутый здесь, хотя и был весьма ценен для фиванцев, был бы нивелирован скорым прибытием Павсания, если бы среди убитых не было самого Лисандра. Но смерть столь выдающегося человека стала невосполнимой потерей для Спарты. Его армия, состоявшая из разнородных масс, собранных и удерживаемых вместе его личным

превосходством, потеряла уверенность и рассеялась в ближайшую ночь.[555] Когда вскоре после этого прибыл Павсаний, он не нашел второй армии, которая могла бы присоединиться к нему. Однако его собственных сил было более чем достаточно, чтобы навести ужас на фиванцев, если бы Фрасибул, верный недавнему обещанию, не прибыл с внушительным корпусом афинских гоплитов вместе с конницей под командованием Ортобула[556] - и не придал фиванскому делу свежего мужества, а также достаточной силы.

Павсаний должен был сначала решить, какие шаги предпринять, чтобы вернуть тела убитых, среди которых был и Лисандр; сразиться ли ему в битве и таким образом использовать свой шанс стать хозяином поля, или послать обычное прошение о погребении, которое всегда подразумевало признание неполноценности. На совете офицеров и спартанских старейшин они, как и он сам, решили, что сражаться не стоит, однако не обошлось без возмущенного протеста со стороны некоторых спартанских старейшин. Он считал, что весь первоначальный план действий нарушен, так как погибло не только великое имя и гений Лисандра, но и вся его армия самопроизвольно распустилась; что пелопоннесские союзники в целом вялы и неохотны, и на их энергичное поведение в случае крайней опасности рассчитывать не приходится; что у него почти не было конницы,[557] то время как фиванская конница была многочисленна и превосходна; наконец, что мертвое тело самого Лисандра лежало так близко к стенам Галиарта, что даже если лакедемоняне одержат победу, они не смогут взять его без серьезных потерь со стороны вооруженных защитников в своих башнях.[558] Таковы были причины, побудившие Павсания и большую часть совета послать с просьбой о перемирии. Но фиванцы отказались его предоставить только при условии, что они немедленно эвакуируются из Беотии. Хотя такое требование противоречило принятой в Греции практике,[559] которая налагала на победителя обязанность безоговорочно предоставлять погребальную дружину, когда его просили и публично признавали свою неполноценность, - тем не менее, таков был неохотный нрав армии, что они не просто с согласием, а с радостью выслушали[560] предложение об отступлении. Тела были похоронены должным образом - тело Лисандра в Панопе, сразу за границей Фокии, но недалеко от Халиартуса. И не успели завершиться эти торжественные мероприятия, как лакедемонская армия была отведена обратно в Пелопоннес; ее уныние составляло скорбный контраст с торжествующей наглостью фиванцев, которые следили за их маршем и сдерживали их, не без ударов, от того, чтобы они не сбились с дороги на возделанные поля.[561]

Смерть Лисандра вызвала в Спарте глубочайшую скорбь и негодование. Вернувшись туда, Павсаний стал объектом столь яростных обвинений, что счел благоразумным бежать и укрыться в храме Афины Алеи в Тегее. Его обвинили и предали суду во время его отсутствия по двум пунктам: во-первых, за то, что он опоздал на заветное время, встретившись с Лисандром в Галиарте; во-вторых, за то, что он согласился просить перемирия у фиванцев, вместо того чтобы сражаться в битве, чтобы получить тела убитых.

Насколько можно судить по имеющимся данным, не похоже, что Павсаний был виновен по одному из двух пунктов. Первое - это вопрос факта; и кажется вполне вероятным, что Лисандр опередил время, как и Павсаний, прибыв в Халиартус. Кроме того, Лисандр, прибыв туда первым, был бы в полной безопасности, если бы не решил атаковать без промедления; в этом случае шансы войны обернулись против него, хотя само решение, возможно, было хорошо задумано. Далее, что касается перемирия, выпрошенного для погребения мертвых тел, - не похоже, чтобы Павсаний мог с благоразумием отважиться на риск сражения. Факты дела, даже в изложении Ксенофонта, который всегда преувеличивает все в пользу

спартанцев, приводят нас к такому выводу. Несколько спартанских старейшин, несомненно, предпочли бы погибнуть на поле боя, чем унизиться, послав глашатая просить о перемирии. Но вред сражения под влиянием такого чувства чести, исключающего рациональную оценку последствий, станет очевиден, когда мы дойдем до битвы при Лейктре, где Клеомброт, сын Павсания, был побужден к безрассудству (по крайней мере, это утверждается как один из мотивов), за которое была потеряна его собственная жизнь и владычество в Спарте.

[562] Кроме того, армия Павсания, в которой было очень мало спартанцев, состояла в основном из союзников, которые не болели душой за дело и были рады, что фиванцы потребовали от них уйти. Если бы он сражался и проиграл битву, ущерб для Спарты был бы очень серьезным во всех отношениях; если бы он одержал победу, не последовало бы никаких результатов, кроме получения тел для погребения; поскольку осуществление первоначального плана стало невозможным из-за рассеяния армии Лисандра.

Хотя тщательное изучение фактов приводит нас (и, похоже, также привело Ксенофонта [563]) к выводу, что Павсаний был невиновен, его все же признали виновным в его отсутствие. В значительной степени его подкосило горе, которое испытывали в Спарте в связи с гибелью Лисандра, с которым он прежде находился в политическом соперничестве и за смерть которого был призван отвечать. Кроме того, против него было выдвинуто старое обвинение [564] , за которое его судили и едва оправдали восемь лет назад, - он терпел восстановление афинской демократии в то время, когда мог бы ее уничтожить. Несомненно, этот аргумент сильно свидетельствовал против него в данный момент, когда афиняне впервые после сдачи своего города отказались от подчинения Спарте и послали армию на помощь фиванцам в их обороне. Настроение против Павсания было столь бурным, что его приговорили к смерти в его отсутствие, и остаток жизни он провел в изгнании в святилище в Тегее. Вместо него скипетр был вручен его сыну Агесиполису.

Здесь не будет лишним сделать небольшое замечание. Ни по одному вопросу греческие историки не высказывали более обильных упреков, чем по поводу жестокости и несправедливости демократии в Афинах и других местах при осуждении неудачливых, но невинных полководцев. Из множества случаев, в которых выдвигается этот упрек, очень мало , где он оправдался; но даже если мы признаем его справедливым в отношении Афин и их демократии, судьба Павсания покажет нам, что эфоры и сенат антидемократической Спарты были способны на столь же несправедливое суждение. Едва ли найдется хоть один случай осуждения афинян, который мы можем так ясно доказать, что он был незаслуженным, как этот случай со спартанским царем.

Переходя от изгнанного царя к Лисандру, спартанцы действительно имели веские причины для сожаления о его падении. Он одержал для них величайшие и решающие победы, и наступало время, когда они нуждались в его услугах, чтобы одержать еще больше; ведь он не оставил после себя человека, равного ему по военным ресурсам, хитрости и умению командовать. Но если он обладал теми способностями, которые помогли Спарте одержать победу над своими врагами, то в то же время он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы обесчестить ее империю и сделать ее владение шатким. Его децемвиральные правительства или декархии, распространенные по подвластным городам и поддерживаемые лакедемонским гарнизоном, были таким обострением местной тирании, какого греческий мир еще никогда не переживал. И хотя спартанские власти вскоре увидели, что он злоупотребляет императорским именем города для безмерного личного обогащения, и частично отстранились от его декархий, общий характер их империи все же продолжал сохранять отпечаток партизанства и порабощения, который он изначально наложил на нее. Вместо автономии, которую так часто обещали Спарте, она стала подчиненной, всячески

озлобленной. Такая империя наверняка была недолговечной; но потеря самой Спарты, когда ее империя распалась, - не единственная вина, которую историк Греции должен вменить Лисандру. Его гораздо более глубокий грех состоит в том, что он упустил возможность - такую, какой не было ни до, ни после него, - организовать некое постоянное, почетное, самодостаточное, панэллинское объединение под главенством Спарты. Это то, что (как я уже отмечал) должен был попытаться сделать такой человек, как Калликратидас, если не с дальновидной мудростью, то, по крайней мере, с великодушной искренностью и обращением к лучшим жилам политических чувств как в главном городе, так и в подчиненных. Не исключено, что даже при самых лучших намерениях он мог потерпеть неудачу, настолько силен был центробежный инстинкт в греческом политическом сознании. Но в чем мы можем упрекнуть Лисандра, так это в том, что он никогда не пытался; что он злоупотребил критическим моментом лечения, чтобы влить новый яд в систему; что он не только пожертвовал интересами Греции ради узких выгод Спарты, но даже интересами Спарты ради еще более узкой монополии на владение в своих собственных руках. О том, что его меры оказались губительными не только для Греции, но и для самой Спарты, усугубив все ее дурные наклонности, уже говорилось на предыдущих страницах.

То, что Лисандр, имея неограниченные возможности наживы, как жил, так и умер бедным, свидетельствует о благородной стороне его характера. Однако его личное безразличие к деньгам, похоже, только оставило в его груди еще больше места для жажды власти, которая заставляла его беспринципно удовлетворять жадность и поддерживать притеснения таких соправителей, как Тридцать в Афинах и децемвиры в других городах. Несмотря на его большие успехи и способности в завершении Пелопоннесской войны, мы согласимся с Павсанием[565], что он был скорее вреден, чем полезен даже для Спарты, - даже если не принимать во внимание Грецию в целом. Какой эффект произвели бы его проекты в отношении царской преемственности, если бы он смог воплотить их в жизнь, мы не имеем возможности определить. Нам рассказывают, что речь, составленная и адресованная ему галикарнасским ритором Клеоном, была найдена после его смерти среди его бумаг Агесилаем, который сначала с изумлением и тревогой узнал из нее, к чему клонилось честолюбие Лисандра, и хотел разоблачить его настоящий характер, обнародовав эту речь, - но был удержан от этого советом эфором Лакратидом. Но эта история (засвидетельствованная Эфором[566]) больше похожа на анекдот риторических школ, чем на реальность. Агесилай был не тем человеком, который придавал большое значение софистам или их сочинениям; нелегко поверить, что он так долго оставался в неведении относительно тех проектов, которые Лисандр когда-то задумывал, но впоследствии отбросил. Более того, есть вероятность, что сам Клеон еще при жизни Лисандра обнародовал бы это рассуждение как образец своих собственных талантов, не только не стыдясь, но и представляя чувства значительной части читателей во всем греческом мире.

Самыми важными были последствия, вызванные смертью Лисандра и отступлением Павсания из Беотии. Все враги Спарты воспрянули духом и обрели новые надежды. Против нее немедленно заключили союз Фивы, Афины, Коринф и Аргос. Депутаты от этих четырех городов были назначены для встречи в Коринфе и принятия активных мер по привлечению к сотрудничеству новых союзников, так что война, начавшаяся как беотийская, теперь получила более широкое название коринфской, под которым она продолжалась до заключения Анталкидского мира. Союз сразу же укрепился благодаря объединению эвбейцев, акарнанцев, озолийских локрийцев, амбракийцев и леуков (оба особенно привязаны к Коринфу) и халкидцев Фракии.[567]

Теперь мы вступаем в период, когда Фивы впервые начинают выходить из ранга второстепенных держав и постепенно превращаются в главный и главенствующий город в греческой политике. На протяжении всей Пелопоннесской войны фиванцы показывали себя отличными солдатами, как конными, так и пешими, в качестве помощников Спарты. Но теперь город начинает вести собственную политику, и отдельные способные граждане становятся заметными. В ожидании Пелопида и Эпаминондаса, с которыми мы познакомимся в ближайшее время, мы имеем в данный момент Исмения; богатого фиванца, сочувствовавшего Фрасибулу и афинским изгнанникам за восемь лет до этого, и одного из главных организаторов нынешнего антиспартанского движения; человек, которого также почитали его политические враги,^[568] когда они предали его смерти четырнадцать лет спустя, с титулом "великого нечестивца" - то же сочетание эпитетов, которое Кларендон применяет к Оливеру Кромвелю.

Именно Исмений во главе группы беотийцев и аргейцев предпринял экспедицию, чтобы подавить спартанское влияние в регионах к северу от Беотии. В Фарсале в Фессалии у лакедемонян был гарнизон, в Фере деспот Ликофрон был их союзником, а Лариса с деспотом Медием - их главным врагом. С помощью беотийцев Медий смог захватить Фарсал; Ларисса с Кранноном и Скотусой была принята в фиванский союз;^[569] и Исмения получили еще и более важное преимущество - изгнали лакедемонян из Гераклеи. Некоторые недовольные, оставшиеся после насильственного вмешательства спартанца Гериппида за два года до этого, ночью открыли ворота Ираклии беотийцам и аргейцам. Лакедемоняне, находившиеся в городе, были преданы мечу, но остальным пелопоннесским колонистам было позволено удалиться в безопасное место; старые жители Трахины, которых лакедемоняне изгнали, чтобы освободить место для своих новых поселенцев, вместе с итфейцами, которых они изгнали из соседних районов, теперь были призваны обратно, чтобы вернуть свои прежние дома.^[570] Потеря Гераклеи стала серьезным ударом для спартанцев в этих краях, защитив Эвбею от их недавнего восстания и позволив Исмению привлечь в свой союз соседних малийцев, энианов и атаманов - племена, простиравшиеся вдоль долины Сперхея на запад до окрестностей Пинда. Собрав дополнительные войска из этих районов (которые всего за несколько месяцев до этого предоставили армию Лисандру^[571]), Исмений выступил против фокийцев, среди которых спартанец Лакистен был оставлен в качестве самого грозного командира. После тяжелой битвы этот офицер со своими фокийцами был разбит у локрийского города Нарикса, и Исмений вернулся победителем к синоду в Коринфе.^[572]

Благодаря таким важным преимуществам, достигнутым в течение зимы 395-394 гг. до н. э., перспективы греческих дел в том виде, в каком они сложились весной, существенно изменились. Союзники собрались в Коринфе, полные надежд, и решили собрать большие объединенные силы для борьбы со Спартой, которой, казалось, грозила потеря всей ее внепелопоннесской империи. Поэтому эфоры решили без промедления отозвать Агесилая с его армией из Азии и послали Эпикидидаса с соответствующим приказом. Но еще до прибытия этого подкрепления они сочли необходимым собрать все свои пелопоннесские силы и энергично выступить против союзников в Коринфе, которые теперь собирались в большом количестве. Аристодем, опекун юного царя Агесиполида, сына Павсания, и сам из рода Эврисфенидов, выступил во главе шести тысяч лакедемонских гоплитов;^[573] Спартанские ксенаги (или офицеры, посланные специально для проведения контингентов из отдаленных союзников), последовательно привели три тысячи гоплитов из Элиса, Трифилии, Акрореи и Ласиона, пятнадцать сотен из Сикиона, три тысячи из Эпидавра, Трезена, Гермियोны и Галии. Из Флиаса не прислали ни одного, сославшись (правда или ложь^[574]) на то, что в этом городе наступил торжественный момент и священное перемирие. Были также

гоплиты из Тегеи, Мантинеи и ахейских городов, но их число не указано, так что мы не знаем полного состава лакедемонян. Конница, числом шестьсот человек, была полностью лакедемонской; кроме того, было триста критских лучников и четыреста пращников из разных сельских округов Трифилии.[575]

Союзные силы противника уже были собраны под Коринфом; шесть тысяч афинских гоплитов, семь тысяч аргейцев, пять тысяч беотийцев, которых не было в Орхомене, три тысячи коринфян, три тысячи из разных городов Эвбеи; всего двадцать четыре тысячи. Конница насчитывала пятнадцать сотен пятьдесят человек: восемьсот беотийцев, шестьсот афинян, сто из Халкиса в Эвбее и пятьдесят локрийцев. Легкие войска также были многочисленны, - частично коринфские, вероятно, из числа крепостных, обрабатывавших поля,[576] - частично локрийские, малийские и акарнанские.

Вожди союзников, собрав военный совет для обсуждения своих планов, пришли к решению, что гоплиты не должны выстраиваться в более глубокие ряды, чем шестнадцать человек,[577] чтобы не было возможности их окружить; а правое крыло, несущее на себе командование на время, должно чередоваться изо дня в день между различными городами. Удивительна уверенность, которую события последних месяцев вселили в этих вождей, впервые выступивших против своего старого лидера Спарты. "Нет ничего лучше похода на Спарту (говорил коринфянин Тимолай) и сражения с лакедемонянами в их собственном доме или рядом с ним. Мы должны выжечь ос в их гнезде, не позволив им вылететь, чтобы ужалить нас". Лакедемонская сила подобна реке: она мала у истоков и становится грозной только благодаря притокам, которые она получает, пропорционально длине своего течения".[578] Мудрость этого совета была поразительной, но еще более поразительной была его смелость, если рассматривать ее в сочетании с устоявшимся чувством благоговения перед Спартой. Он был принят общим советом союзников, но, к сожалению, время для его исполнения уже прошло, так как лакедемоняне уже были в походе и перешли свою границу. Они заняли линию дороги у Тегеи и Мантинеи (чьи войска присоединились к походу) и продвинулись до Сикиона, где, вероятно, было приказано собраться всем аркадским и ахейским контингентам.

Войска конфедерации продвинулись до Немеи, когда узнали, что лакедемонская армия находится в Сикионе; но затем они изменили свой план и ограничились обороной. Лакедемоняне со своей стороны перешли через горный пост под названием Эпейкия, испытывая сильное раздражение от легких войск противника, которые осыпали их ракетами с возвышенностей. Но когда они достигли ровной местности на другой стороне, вдоль берега Саронического залива, где они, вероятно, получили контингенты из Эпидавра, Трезена, Гермियोны и Галии, - вся армия, усиленная таким образом, шла вперед без сопротивления, сжигая и опустошая возделанные земли. Конфедераты отступали перед ними и в конце концов заняли позицию недалеко от Коринфа, среди неровной земли с оврагом впереди.[579] Лакедемоняне продвинулись вперед, пока не удалились от этой позиции на расстояние не более мили, и расположились лагерем.

После перерыва, длившегося, кажется, несколько дней, беотийцы в день, когда настал их черед занять правое крыло и выступить вперед, дали сигнал к бою.[580] Лакедемоняне, которым лесистая местность мешала хорошо видеть, узнали о готовящемся нападении, лишь услышав враждебный пеан. Немедленно приняв боевой порядок, они двинулись вперед, чтобы встретить нападающих, когда те окажутся в полутора километрах от их линии. В каждой армии правое подразделение выступало вперед, наклоняясь вправо или держа

левое плечо впереди, в соответствии с тенденцией, привычной для греческих гоплитов, из-за стремления сохранить правую или незащищенную сторону от воздействия врага, и в то же время быть защищенным щитом соседа справа.[581] Лакедемоняне в одной армии и фиванцы в другой склонились сами и заставили свои армии также склониться вправо, так что лакедемоняне на своей стороне значительно обошли афинян на противоположной левой стороне. Из десяти племен афинских гоплитов только шесть крайних слева вступили в бой с лакедемонянами, а остальные четыре сражались с тегейцами, которые стояли рядом с лакедемонянами на их собственной линии. Но шесть крайних афинских племен были полностью разбиты и сильно потрепаны лакедемонянами как во фланг, так и в лоб. С другой стороны, оставшиеся четыре афинских племени победили и прогнали перед собой тегейцев; и вообще на всем остальном протяжении линии победили фиванцы, аргейцы и коринфяне, за исключением тех мест, где войска ахейца Пеллена противостояли войскам беотийца Феспия, где сражение было равным, а потери тяжелыми с обеих сторон. Победившие конфедераты, однако, были столь пылки и неосторожны в преследовании, что продвинулись на значительное расстояние и вернулись с беспорядочными рядами; в то время как лакедемоняне, которые обычно были сдержанны в этом отношении, сохранили идеальный порядок, с большой пользой атакуя фиванцев, аргейцев и коринфян, когда возвращались в свой лагерь. Несколько афинских беглецов нашли убежище в стенах Коринфа, несмотря на сопротивление фило-лаконских коринфян, которые настаивали на том, чтобы закрыть перед ними ворота и начать переговоры со Спартой. Однако лакедемоняне подошли так близко, что в конце концов было решено, что дольше держать ворота открытыми невозможно. Поэтому многие из оставшихся конфедератов были вынуждены довольствоваться защитой своего древнего лагеря,[582] который, однако, похоже, был расположен в таком защищенном месте,[583] что лакедемоняне не приставали к ним в нем.

Для лакедемонян битва при Коринфе была важной победой, одержанной (как они утверждали) с потерей всего восьми человек и нанесшей большие потери афинянам в битве, а также остальным конфедератам при возвращении из преследования. Хотя афинские гоплиты и пострадали так жестоко, но их командир Фрасибул,[584] который до последнего держал поле боя, упорно пытаясь их сплотить, не был доволен их поведением. Но, с другой стороны, все союзники Спарты были разбиты, а значительное их число убито. Согласно Диодору, общие потери со стороны лакедемонян составили одиннадцать сотен человек, со стороны конфедератов - двадцать восемь сотен.[585] В целом победа лакедемонян была недостаточно решительной, чтобы привести к важным результатам, хотя и полностью закрепила их господство в Пелопоннесе. Здесь, как и в других местах, мы замечаем, что пелопоннесские союзники не очень охотно сражаются за Спарту. Похоже, они связаны с ней скорее страхом, чем привязанностью.

Битва при Коринфе произошла около июля 394 года до н. э., по-видимому, примерно в то же время, что и морское сражение у Книда (или, возможно, немного раньше), и в то время, когда Агесилай находился в своем обратном походе после отъезда из Азии. Если бы лакедемоняне смогли отложить битву до прихода Агесилая, чтобы угрожать Беотии с северной стороны, их кампания, вероятно, была бы гораздо успешнее. Как бы то ни было, их побежденные союзники, несомненно, с отвращением ушли домой с Коринфского поля, так что теперь конфедераты могли обратить все свое внимание на Агесилая.

Этот принц получил в Азии от эфоров повестку об отзыве с глубокой досадой и разочарованием, но в то же время с патриотической покорностью. Он увеличил свою армию, и обдумывал более масштабные планы операций против персидских сатрапий в Малой Азии.

Он завоевал такую репутацию в области военной силы и мастерства, что из разных внутренних областей к нему приходили многочисленные послания с выражением желания освободиться от персидского владычества и приглашением прийти к нему на помощь. Его власть была установлена и над греческими городами на побережье, которые он все еще держал под управлением партизанских олигархий и спартанских хармосов, но, похоже, с большей практической умеренностью и меньшей свободой притеснений, чем это было характерно для их поведения, когда они могли рассчитывать на такого беспринципного вождя, как Лисандр. Таким образом, сейчас он не только находился на вершине славы и превосходства, но и питал еще большие надежды на дальнейшие завоевания в будущем. И что наполняло меру его чаяний, - все завоевания должны были быть сделаны за счет не греков, а персов. Он шел по стопам Агамемнона, как панэллинский вождь против панэллинского врага.

Все эти славные мечты развеял Эпикидид с его печальным посланием и императивным вызовом эфоров. Мы можем искренне посочувствовать Агесилаю в его горе и разочаровании; но панегирик, который Ксенофонт и другие возносят ему за его готовность повиноваться, совершенно необоснован.^[586] В отказе от завоевательных проектов по приказу эфоров не было никакой заслуги, потому что, если бы со Спартой случилось какое-нибудь серьезное несчастье, ни один из этих проектов не мог бы быть осуществлен. Не лишним будет заметить, что даже если бы Агесилай не был отозван, уничтожение лакедемонского военно-морского превосходства в результате поражения Книда сделало бы неосуществимыми все крупные планы завоеваний внутри страны. Получив приказ об отзыве, он созвал собрание как своих союзников, так и армии, чтобы сообщить о болезненной необходимости своего отъезда; это было выслушано с открытыми и искренними проявлениями печали. Он заверил их, что как только разгонит тучи, нависшие над Спартой дома, он без промедления вернется в Азию и возобновит борьбу с персидскими сатрапами; на это время он оставил Эвксена с четырехтысячным отрядом для их защиты. Его сообщение вызвало такое сочувствие и уважение к его характеру, что города провели общее голосование, чтобы снабдить его контингентами войск для похода в Спарту. Но этот первый всплеск рвения угас, когда они поняли, что речь идет о службе против греков, которая не только непопулярна сама по себе, но и предполагает тяжелые бои с небольшим количеством награбленного. Агесилай всячески старался поддержать их дух, объявляя призы как гражданским солдатам, так и наемникам, которые должны были раздаваться в Сестусе в Херсонесе, как только они переправлялись в Европу, - призы за лучшее снаряжение и лучших дисциплинированных солдат в каждом виде оружия.^[587] С помощью этих средств он убедил самых храбрых и эффективных солдат своей армии отправиться в поход вместе с ним; среди них было много киреевцев, во главе которых стоял сам Ксенофонт.

Хотя Агесилай, покидая Грецию, гордился тем, что поднял флаг Агамемнона, теперь ему было суждено против своей воли идти по стопам перса Ксеркса в его походе из фракийского Херсонеса через Фракию, Македонию и Фессалию в Фермопилы и Беотию. Со времен Ксеркса ни одна армия не совершала этого похода, который теперь носил восточный отпечаток, поскольку Агесилай взял с собой несколько верблюдов, захваченных в битве при Сардах.^[588] Одолев или победив различные фракийские племена, он достиг Амфиполя на реке Стримон, где его встретил Деркиллидас, прибывший после битвы при Коринфе и сообщивший ему о победе. Как ни полно было его сердце панэллинскими проектами против Персии, он разразился восклицаниями сожаления, услышав о гибели в бою стольких греков, которых, объединившись, могло бы хватить для освобождения Малой Азии.^[589] Отправив Деркиллида в Азию, чтобы он сообщил о победе греческим городам, входящим в его союз, он продолжил свой поход через Македонию и Фессалию. В последней Ларисса, Краннон и

другие города, находившиеся в союзе с Фивами, оказали сопротивление, чтобы воспрепятствовать его прохождению. Но в условиях разобщенности этой страны ему не удалось организовать систематического сопротивления. Появились лишь отдельные отряды конницы, которые он разбил и рассеял, убив их предводителя Полихарма. Однако, поскольку фессалийская конница была лучшей в Греции, он гордился тем, что победил их с помощью конницы, которую сам воспитал в Азии; при этом, надо заметить, его поддерживали умелые и эффективные гоплиты.[590] Миновав Ахейские горы или линию горы Отрис, он без сопротивления прошел остаток пути через Фермопильский пролив до границы Фокисы и Беотии.

На этом последнем отрезке пути Агесилая встретил эфор Дифрид, который убеждал его ускорить поход и напасть на беотийцев. К нему присоединились два лакедемонских полка[591] из Коринфа и пятьдесят молодых спартанских добровольцев в качестве телохранителей, которые переправились морем из Сикиона. Кроме пелопоннесцев, сопровождавших его в Азию, азиатских гоплитов, киреев, пельтастов и конницы, которых он привел с собой из Геллеспонта, его армию усилили фокийцы и орхоменцы, а также несколько свежих отрядов, собранных в походе. Таким образом, его армия располагала внушительными силами, когда он достиг окрестностей Херонеи на границе с Беотией. Именно здесь они были встревожены затмением солнца четырнадцатого августа 394 года до н. э. - роковым предзнаменованием, смысл которого был вскоре истолкован прибытием гонца с известием о морском поражении Книды и смерти Пейсандра, шурина Агесилая. Последний был глубоко уязвлен этим непоправимым ударом. Он предвидел, что, когда об этом станет известно, это посеет тревогу и уныние среди его солдат, большинство из которых будут привязаны к нему лишь до тех пор, пока будут верить, что дело Спарты будет успешным и выгодным.[592] Поэтому он решил, находясь в одном дне марша от своих врагов, поспешить на битву, не сообщая плохих новостей. Объявив, что получены сведения о морском сражении, в котором лакедемоняне одержали победу, хотя сам Пейсандр был убит, он принес благодарственную жертву и разослал по округе поздравительные подарки, что произвело ободряющее действие и заставило лакедемонян особенно выступить вперед и одержать победу.

Врагам, собравшимся теперь на равнине Коронэи, несомненно, стало известно о реальном исходе битвы при Книде, что вселило надежду и бодрость в их ряды; хотя мы не знаем, какое толкование они дали солнечному затмению. Армия состояла почти из тех же контингентов, что и в недавней битве при Коринфе, за исключением того, что вместо малийцев мы слышим об энианах; но, вероятно, каждый контингент был менее многочисленным, поскольку все еще существовала необходимость занятии и обороне лагеря под Коринфом. Среди афинских гоплитов, с которыми так грубо обошлись в предыдущей битве и которых теперь по жребию отобрали для похода в Беотию против полководца и армии с высокой репутацией, царили большие опасения и некоторая неохота; об этом мы узнаем от одного из них, Мантитея, который выступил вперед, чтобы добровольно предложить свои услуги, и впоследствии справедливо хвастался этим перед афинским дикастерием.[593] Фиванцы и беотийцы, вероятно, были в полном составе и более многочисленны, чем в Коринфе, поскольку защищать предстояло их собственную страну. Лагерь был разбит на территории Коронэи, неподалеку от большого храма Итониана *Athênê*, где проходили Памбеотия, или общие собрания беотийцев, и где также стоял трофей, воздвигнутый в честь великой победы над Толмидом и афинянами, около пятидесяти лет назад.[594] Между двумя армиями не было большой разницы в численности, за исключением пельтастов, которых было больше в армии Агесилая, хотя они, похоже, не принимали особого участия в битве.

Выступив из Херонеи, Агесилай подошел к Коронской равнине со стороны реки Кифисс, а фиванцы встретили его со стороны горы Геликон. Он занял правое крыло своей армии, орхоменцы находились слева, а киреевцы с азиатскими союзниками - в центре. В противоположной линии фиванцы находились справа, а аргейцы - слева. Обе армии приближались медленно и молча, пока их не разделял интервал всего в один фурлонг, и тогда фиванцы справа завели боевой клич и ускорили свой марш до бега, а остальная часть строя последовала их примеру. Когда они приблизились на полфургона к лакедемонянам, центральное подразделение последних под командованием Гериппида (состоящее из киреев, самого Ксенофонта и азиатских союзников) выступило вперед со своей стороны и бегом направилось им навстречу; похоже, выйдя за пределы своей линии, [595] первым скрестил копья с центром противника. После ожесточенной борьбы дивизия Гериппида одержала победу и отбросила противника назад. Агесилай, находившийся справа, одержал еще большую победу, так как аргейцы, противостоявшие ему, бежали, даже не скрестив копья. Эти беглецы нашли безопасное место на возвышенности горы Геликон. Но, с другой стороны, фиванцы на своей стороне полностью отбили орхоменцев и преследовали их до тех пор, пока не добрались до багажа в тылу армии. Агесилай, пока его друзья поздравляли его как победителя, немедленно повернул назад, чтобы завершить свою победу нападением на фиванцев; те, со своей стороны, также повернулись лицом к ним и приготовились сражаться в тесном и глубоком порядке, чтобы присоединиться к своим товарищам на Геликоне. Хотя Агесилай мог бы пропустить их и напасть на них с тыла с большей безопасностью и равным эффектом, он предпочел более почетную победу в столкновении лицом к лицу. Такова окраска, которую его панегирист Ксенофонт [596] придает его маневру. Однако мы можем заметить, что если бы он позволил фиванцам пройти, то не смог бы преследовать их далеко, поскольку их товарищи были под рукой, чтобы поддержать их, - а также то, что, никогда не сражаясь с фиванцами, он, вероятно, не мог адекватно оценить их доблесть.

Произошедшая теперь катастрофа была чем-то потрясающим, превосходящим весь греческий военный опыт, [597] оставила неизгладимое впечатление на Ксенофонта, который лично участвовал в ней. Гоплиты с обеих сторон вступили в самую ожесточенную и тесную телесную борьбу, сталкивая друг с другом щиты, всей тяжестью навалившейся массы сзади продвигая вперед передовые ряды, - особенно в глубоком строю фиванцев. Щиты передовых бойцов были пробиты, копья сломаны, и каждый человек был вовлечен в такое тесное объятие со своим врагом, что кинжал был единственным оружием, которое он мог использовать. Не было никаких систематических криков, какими обычно сопровождаются атаки греческой армии; тишину нарушало лишь множество яростных восклицаний и ропота. [598] Сам Агесилай, находившийся в первых рядах, чьи размеры и сила никак не соответствовали его личной храбрости, был покрыт ранами от различных видов оружия, [599] - был растерзан, - и спасся только благодаря самоотверженной храбрости тех пятидесяти спартанских добровольцев, которые составляли его телохранителей. Отчасти из-за его ран, отчасти из-за непреодолимого мужества и более сильного натиска фиванцев, спартанцы были вынуждены уступить дорогу, чтобы обеспечить свободный проход первым, которые таким образом смогли маршировать дальше и присоединиться к своим товарищам, не понеся при этом некоторых потерь от нападений на их тыл. [600]

Таким образом, Агесилай остался хозяином поля боя, одержав победу над своими противниками в совокупности. Но что касается фиванцев по отдельности, то он не только не одержал победы, но и не смог остановить их продвижение, и ему досталась худшая часть боя. Перевязав раны, он вернулся на плечах людей, чтобы отдать последние распоряжения, и тут ему сообщили, что отряд из восьмидесяти фиванских гоплитов, оставленный остальными, укрылся в храме итонийца Афена в качестве сторонников. Из великодушия,

смешанного с уважением к святости места, он велел вывести их невредимыми, а затем дал указания по поводу ночного дозора, так как было уже поздно. Поле битвы представляло собой ужасное зрелище: спартанские и фиванские мертвецы лежали вперемешку, одни еще хватались за обнаженные кинжалы, другие были пронзены кинжалами своих врагов; вокруг, на залитой кровью земле, виднелись сломанные копья, разбитые щиты, мечи и кинжалы, разбросанные в разные стороны от своих владельцев.[601] Он приказал собрать спартанских и фиванских мертвецов в отдельные кучи и поместить их на ночь в безопасное место, в глубине фаланги; затем войска поужинали и легли на ночлег. На следующее утро Гилису Полемарху было приказано выстроить войско в боевой порядок, воздвигнуть трофей и принести жертвы веселья и благодарности с торжественным игрой волынщиков, согласно спартанской моде. Агесилай стремился сделать эти демонстрации победы как можно более показными, поскольку очень сомневался в том, что одержал победу. Вполне возможно, что фиванцы могли почувствовать себя достаточно уверенно, чтобы возобновить атаку и попытаться вернуть поле битвы со своими убитыми на нем; по этой причине Агесилай приказал собрать их в отдельную кучу и поместить в лакедемонскую линию.[602] Однако вскоре он избавился от сомнений, когда от фиванцев прибыл глашатай с просьбой о заключении перемирия для погребения их мертвых, что означало признание поражения. Просьба была немедленно удовлетворена, каждая сторона совершила последние торжественные обряды над своими мертвецами, после чего спартанские войска были выведены из Беотии. Ксенофонт не называет потерь с обеих сторон, но Диодор называет шестьсот человек со стороны конфедератов и триста пятьдесят со стороны лакедемонян.[603]

Лишенный из-за своих ран права на немедленные действия, Агесилай отнес себя в Дельфы, где в это время проходили Пифийские игры. Здесь он предложил Аполлону десятину от добычи, полученной во время двухлетних походов в Азию; десятина равнялась ста талантам.[604] Тем временем полемарх Гилис повел войско сначала в Фокис, а затем в хищнический поход на территорию Локрии, где проворная атака локрийских легких войск среди холмистой местности нанесла его войскам серьезное поражение и стоила ему жизни. После этого части армии разошлись по домам, а сам Агесилай, немного оправившись, вместе с пелопоннесцами отплыл из Дельф через Коринфский залив на родину.[605] В Спарте его приняли со всеми проявлениями уважения и благодарности, которые еще больше укрепились благодаря его образцовой простоте и точному соблюдению общественной дисциплины; эта точность не уменьшилась ни от долгого отсутствия, ни от бесконтрольного правления. С этого времени он стал эффективным лидером спартанской политики, пользуясь большим влиянием, чем когда-либо выпадало на долю любого царя до него. Его коллега, Агесиполид, молодой и слабый характером, благодаря своему рассудительному и примирительному поведению снискал самое почтительное уважение.[606]

Таким образом, в течение чуть более месяца (июль и август) произошли три великие битвы - при Коринфе, Книде и Коронэе; первая и третья - на суше, вторая - на море, как описано в моей последней главе. В каждой из двух сухопутных битв лакедемоняне одержали победу; они оставались хозяевами поля, и враг просил их предоставить погребальную трубу. Но если мы спросим, к каким результатам привели эти победы, то ответ должен быть таким: обе были совершенно бесплодны. Положение Спарты в Греции по отношению к ее врагам не улучшилось. В битве при Коринфе ее солдаты действительно продемонстрировали значительное превосходство и завоевали много почестей. Но на поле Короней честь дня была скорее на стороне фиванцев, которые, прорвавшись через самое упорное сопротивление, добились своего, присоединившись к союзникам. А цель Агесилая (по приказу эфора Дифрида) вторгнуться в Беотию полностью провалилась.[607] Вместо того

чтобы наступать, он отступил из Коронеи и вернулся в Пелопоннес через Дельфийский залив, что он мог бы сделать с таким же успехом, не участвуя в этой убийственной и почти не оспариваемой битве. Даже рассказ Ксенофонта, глубоко окрашенный как его симпатиями, так и антипатиями, указывает нам, что преобладающим впечатлением, унесенным каждым с поля Коронеи, было впечатление огромной силы и упорства фиванских гоплитов - предвестие того, что должно было произойти при Лейктре!

Если две сухопутные победы Спарты были бесплодны, то с ее морским поражением при Книде дело обстояло совсем иначе. Это поражение было чревато последствиями, последовавшими быстро и имевшими самый катастрофический характер. Как и в случае с Афинами при Игоспотаме, потеря флота, как бы серьезна она ни была, послужила лишь сигналом для бесчисленных последующих потерь. Фарнабаз и Конон со своим победоносным флотом плавали от острова к острову и от одного континентального порта к другому в Эгейском море, чтобы изгнать лакедемонских гарматов и положить конец империи Спарты. Одиум, который она внушала, был настолько всеобщим, что задача оказалась легкой до невозможности. Сознывая свою непопулярность, гармосты почти во всех городах по обе стороны Геллеспонта покинули свои посты и бежали при одном только известии о битве при Книде.[608] Повсюду Фарнабаза и Конона принимали как освободителей и осыпали гостеприимными подарками. Они пообещали не вводить никаких иностранных войск или правителей, не укреплять отдельную цитадель, а гарантировать каждому городу его подлинную автономию. Такая политика была принята Фарнабазом по настоятельной просьбе Конона, который предупредил его, что если он проявит намерение подчинить себе города, то все они окажутся его врагами; что каждый из них в отдельности будет стоить ему долгой осады; и что в конце концов против него будет организовано объединение. Такие либеральные и благоразумные идеи, будучи искренне воплощенными в жизнь, вызвали сильное чувство дружбы и даже благодарности, так что Лакедемонская морская империя была распущена без единого удара, благодаря почти спонтанным движениям самих городов. Хотя победоносный флот появлялся в самых разных местах, он нигде не был вынужден оказывать сопротивление или предпринимать осаду. Кос, Нисира, Теос, Хиос, Эритрея, Эфес, Митилея, Самос - все они объявили себя независимыми, находясь под защитой новых завоевателей.[609] Вскоре Фарнабаз высадился в Эфесе и отправился по суше на север в свою собственную сатрапию, оставив флот из сорока трирем под командованием Конона.

В этом общем всплеске антиспартанских настроений Абидос, расположенный на азиатской стороне Геллеспонта, стал единственным исключением. Этот город, неизменно враждебный Афинам,[610] последние двадцать лет служил главной военной станцией Спарты для ведения войны в Северной Азии. Он находился в сатрапии Фарнабаза, и Деркиллидас и Агесилай сделали его главным местом сбора оружия для войны с этим сатрапом, а также для командования проливом. Поэтому, хотя главной целью Фарнабаза было овладеть Абидосом, абидяне не боялись ничего так сильно, как попасть в его подчинение. С этой точки зрения они были склонны держаться за защиту лакедемонян; и по счастливой для Спарты случайности в момент битвы при Книде в городе находился опытный и умелый Деркиллидас. Сражаясь в битве при Коринфе, он был послан сообщить об этом Агесилаю, которого встретил на своем пути в Амфиполе и который отправил его в Азию, чтобы сообщить о победе союзным городам;[611] в тот момент никто из них не предполагал, что надвигается великое морское поражение. Присутствие в Абидосе такого офицера, уже завоевавшего высокую военную репутацию в этом регионе и враждовавшего с Фарнабазом, - в сочетании с постоянными опасениями абиденцев - стало теперь средством сохранения для Спарты хотя

бы остатков морского превосходства. Во время всеобщей тревоги, последовавшей за битвой при Книде, когда гарматы повсюду обращались в бегство, а анτισпартанские выступления, часто сочетавшиеся с внутренними революциями, направленными на свержение декархов или их заместителей, распространялись из города в город, Деркиллидас собрал абиденцев, поддержал их против царящей заразы и увещевал заслужить благодарность Спарты, сохраняя ей верность, пока другие отпадают; уверял их, что она все еще способна дать им защиту. К его увещеваниям прислушались с благосклонностью. Абидос остался привязанным к Спарте, был приведен в хорошее оборонительное состояние и стал единственной безопасной гаванью для беглецов из других городов, как азиатских, так и европейских.

Укрепившись в Абидосе, Деркиллидас переправился через пролив и убедился в прочности Сестоса, расположенного на европейской стороне, во фракийском Херсонесе.[612] На этом плодородном полуострове было много новых поселенцев, которые пришли и приобрели землю под властью лакедемонян, особенно после того, как Деркиллидас построил поперечную стену для защиты перешейка от вторжения фракийцев. С помощью этих поселенцев, зависящих от Спарты в плане безопасности их владений, а также беженцев из различных городов, сосредоточенных под его защитой, Деркиллидас эффективно поддерживал свои позиции в Абидосе и Сестосе, не обращая внимания на требование Фарнабаза немедленно их эвакуировать. Сатрап угрожал войной и фактически опустошил земли вокруг Абидоса, но безрезультатно. Его гнев против лакедемонян, и без того немалый, настолько усилился от разочарования, когда он обнаружил, что не может изгнать их из своей сатрапии, что он решил действовать против них с большей энергией и даже нанести им удар вблизи их собственного дома. С этой целью он передал Конону приказ подготовить к весне военно-морские силы, а тем временем держать в блокаде Абидос и Сестос.[613]

Как только наступила весна, Фарнабаз взошел на борт мощного флота, снаряженного Кононом; он направил его к Мелосу, к различным островам Киклад и, наконец, к побережью Пелопоннеса. Здесь они провели некоторое время на побережье Лаконии и Мессении, высаживаясь в нескольких местах, чтобы опустошить страну. Затем они высадились на острове Китера, который захватили, предоставив лакедемонскому гарнизону безопасное отступление и оставив на острове гарнизон под командованием афинянина Никофема. Оставив без гавани, опасное и плохо снабженное побережье Лаконии, они поплыли вверх по Сароническому заливу к Коринфскому перешейку. Здесь они обнаружили конфедератов - коринфян, беотийцев, афинян и т.д., которые вели войну с Коринфом в качестве центрального поста против лакедемонян в Сикионе. Линия через перешеек от Лехей до Кенхре (два порта Коринфа) была теперь укреплена оборонительной системой операций, чтобы ограничить лакедемонян в пределах Пелопоннеса; так же как Афины, до своих больших потерь в 446 г. до н.э., владея Мегарой и Пегеей, смогли удержать внутреннюю дорогу на полпути между ними, где она пересекает высокий и трудный гребень горы Геранея, занимая тем самым единственные три дороги, по которым лакедемонская армия могла пройти от Коринфского перешейка в Аттику или Беотию.[614] Фарнабаз самым дружеским образом общался с союзниками, заверил их в своей решительной поддержке против Спарты и оставил им значительную сумму денег.[615]

Появление персидского сатрапа с персидским флотом в качестве хозяина Пелопоннесского моря и Саронического залива было явлением, поразившим греков. И если оно не было столь же оскорбительным для греческих чувств, то само по себе служило печальным доказательством того, до какой степени панэллинский патриотизм был подавлен Пелопоннесской войной и спартанской империей. После битвы при Саламине ни одной

персидской тиары не было видно вблизи Саронического залива; ничто, кроме сильного личного гнева Фарнабаза против лакедемонян и желания отомстить им за ущерб, нанесенный Деркиллидой и Агесилаем, не могло заставить его сейчас так далеко уехать от своей собственной сатрапии. Именно этим гневным чувством воспользовался Конон, чтобы получить от него еще более важное благодеяние.

С 404 года до н. э., то есть в течение одиннадцати лет, Афины оставались без стен вокруг своего морского порта Пейреус и без Длинных стен, соединяющих город с Пейреусом. В такое состояние она была обречена по приговору своих врагов, прекрасно зная, что у нее мало торговли, мало вооруженных и торговых кораблей, слабая защита даже от пиратов и совсем нет защиты от агрессии со стороны владычицы морей. Конон умолял Фарнабаза, который собирался уезжать домой, оставить флот под его командованием и позволить ему использовать его для восстановления укреплений Пирея, а также Длинных стен Афин. Обязуясь содержать флот за счет пожертвований с островов, он заверил сатрапа, что ни один удар не может быть нанесен Спарте так разрушительно или так губительно, как восстановление Афин и Пирея с их полными и соединенными укреплениями. Таким образом, Спарта лишится самого важного урожая, который она собрала после долгой борьбы в Пелопоннесе. Как ни был он возмущен лакедемонянами, Фарнабаз горячо поддержал эти планы и, уезжая, не только оставил флот под командованием Конона, но и выделил ему значительную сумму денег на расходы по строительству укреплений.[616]

Конон принялся за работу энергично и без промедления. Он покинул Афины в 407 году до н. э., как один из совместных адмиралов, назначенных после опалы Алкивиада. Он окончательно расстался со своими соотечественниками во время катастрофы при Игоспотамах в 405 году до н. э., сохранив жалкую долю в восемь или девять кораблей из того знатного флота, который в противном случае полностью перешел бы в руки Лисандра. Теперь, в 393 году до н. э., он вернулся как второй Фемистокл, освободитель своей страны и восстановитель ее утраченной силы и независимости. Все приступили к работе: плотников и каменщиков нанимали на средства, выделенные Фарнабазом, чтобы как можно быстрее завершить строительство укреплений. Беотийцы и другие соседи рьяно помогали добровольцами[617] - те самые, которые одиннадцать лет назад танцевали под звуки радостной музыки, когда прежние стены были разрушены; так полностью изменились чувства Греции с того времени. Благодаря такому сердечному сотрудничеству работа была закончена в течение лета и осени без всякого противодействия, и Афины снова наслаждались своим укрепленным Пиреем и гаванью, с парой длинных стен, прямых и параллельных, надежно соединяющих их с городом. Третья, или Фалерийская, стена (одна стена, протянувшаяся от Афин до Фалерума), существовавшая до взятия города Лисандром, не была восстановлена, да она и не была необходима для безопасности ни города, ни порта. Дав таким образом Пейрею новую жизнь и безопасность, Конон отметил свою великую морскую победу золотым венком на акрополе, а также воздвиг в Пейрее храм в честь Книдской Афродиты, которой местное население поклонялось с особой преданностью.[618] Кроме того, он отпраздновал завершение строительства стен великолепным жертвоприношением и праздничным пиром. А афинский народ не только начертал на столбе общественное голосование с благодарностью за подвиги Конона, но и воздвиг в его честь статую.[619]

Значение этого события для дальнейшей истории Афин было неописуемо. Хотя оно не вернуло ей ни прежнего флота, ни прежней империи, оно восстановило ее как город, не только самоопределяющийся, но даже отчасти возвышающийся. Оно оживило ее, если не в Афины Перикла, то, по крайней мере, в Афины Исократа и Демосфена; оно придало ей

второе наполнение силой, достоинством и коммерческой значимостью в течение полувека, которому суждено было пройти, прежде чем она была окончательно подавлена превосходящей военной силой Македона. Те, кто помнит о необыкновенной хитрости, с помощью которой Фемистокл (за восемьдесят пять лет до этого) сумел укрепить Афины, несмотря на низкую, но грозную ревность Спарты и ее пелопоннесских союзников, поймут, как сильно зависело осуществление Фемистоклова проекта от случайности. Теперь же и Конону в его восстановлении благоприятствовали необычные комбинации, которых никто не мог предсказать. То, что Фарнабазу пришла в голову мысль самому прибыть в Пелопоннес с самым большим флотом, было самым неожиданным обстоятельством. На него не повлияла ни привязанность к Афинам, ни, казалось бы, политические соображения, хотя эта затея действительно отвечала интересам персидской державы, - а просто его личный гнев против лакедемонян. И этот гнев, вероятно, был бы удовлетворен, если бы после битвы при Книде он смог полностью очистить от них свою собственную сатрапию. Именно его нетерпение, когда он обнаружил, что не может изгнать своего старого врага Деркиллидаса с важного поста Абидосе, подтолкнуло его к мести Спарте в ее собственных водах. Ничто иное, как личное присутствие сатрапа, не могло предоставить в распоряжение Конона ни достаточные военно-морские силы, ни средства для возведения новых стен и преодоления всех препятствий со стороны Спарты. Так странно развивались события, что энергия, с помощью которой Деркиллидас сохранил Абидос, косвенно принесла Спарте большую беду в виде новых кононских стен. Для Спарты было бы лучше, если бы Фарнабаз сразу же вернул себе Абидос, а также остальную часть своей сатрапии; в этом случае у него не осталось бы неисполненных обид, которые могли бы его раззадорить, и он смог бы удержаться на своей стороне Эгейского моря; накормив Конона скромной эскадрой, достаточной для того, чтобы лакедемонский флот не стал вновь грозным на азиатской стороне, но оставив стены Пирея (если мы можем позаимствовать выражение Платона) "продолжать спать на лоне земли".^[620]

Но присутствие Конона с его мощным флотом было не единственным условием, необходимым для выполнения этой работы. Необходимо было еще, чтобы вмешательство Спарты было сдержано не только на море, но и на суше, и притом в течение всех месяцев, пока строились стены. Сухопутное препятствие против нее создавалось тем, что силы конфедератов занимали поперечную линию перешейка от Лехей до Кенхрей, с Коринфом в качестве центра.^[621] Но они не смогли удержать эту линию даже в течение следующего года, когда Спарта, опираясь на разногласия в Коринфе, прорвала ее, как будет показано в следующей главе. Если бы ей удалось прорвать ее, пока афинские укрепления были еще не завершены, она не сочла бы за труд войти в Аттику и прервать работы, что, вероятно, ей бы удалось. Таким образом, возникло второе условие, которое было реализовано летом и осенью 393 года до н. э., но не продолжало реализовываться дольше. Так удачно сложилась судьба Афин, что оба условия были выполнены вместе именно в этот год!

ГЛАВА LXXV.

ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЛИННЫХ АФИНСКИХ СТЕН ДО МИРА АНТАЛКИДА.

Присутствие Фарнабаза и Конона с их главными силами в Сароническом заливе и либеральность, с которой первый оказывал денежную помощь второму для восстановления всех укреплений Афин, а также коринфянам для продолжения войны, - похоже, обеспечили перевес конфедератов над Спартой на этот год. Планы Конона[622] были обширны. Он первым организовал для защиты Коринфа наемный отряд, который впоследствии был усовершенствован и с большей эффективностью использован Ификратом; а после того как он закончил укрепление Пирея Длинными стенами, он занялся демонстрацией своих сил на островах, чтобы заложить основы новой морской мощи для Афин. Мы даже слышали, что по его приказу афинский посланник был отправлен к Дионисию в Сиракузы, чтобы оторвать этого деспота от Спарты и привлечь его к сотрудничеству с Афинами. Эвагор, деспот Саламиса на Кипре, верный друг Конона, был участником этого предложения, которое он пытался подкрепить, предложив Дионисию свою сестру в жены.[623] Между ними существовала симпатия, вызванная тем, что Евагор враждовал с финикийцами в Финикии и на Кипре, а Дионисий вел активные боевые действия с карфагенянами (их родственниками и колонистами) на Сицилии. Тем не менее, предложение практически не имело успеха. Впоследствии Дионисий продолжал выступать в качестве союзника Спарты.

Воспользовавшись помощью, полученной от Фарнабаза, коринфяне укрепили свой флот в Лехесеуме (их гавани в Коринфском заливе) настолько, что стали хозяевами залива и заняли Риум, один из двух противоположных мысов, ограничивающих его узкий вход. Чтобы противостоять им, лакедемоняне со своей стороны были вынуждены приложить больше усилий на море. В тех водах, где в начале Пелопоннесской войны так ярко проявились доблесть и мастерство афинского адмирала Формиона, произошло не одно морское сражение. В конце концов лакедемонский адмирал Гериппид, получивший командование флотом после гибели в бою своего предшественника Полемарха, вынудил коринфян оставить Риум и постепенно вернул себе господство в Коринфском заливе; что его преемник Телеутиас, брат Агесилая, еще более укрепил.[624]

Пока эти операции продолжались (по-видимому, в течение последней половины 393 г. до н.э. и всего 392 г. до н.э.), чтобы положить конец временному морскому перевесу коринфян, последние в то же время несли основную тяжесть неспешной, но продолжающейся войны на суше против гарнизона лакедемонян и пелопоннесцев, установленного в Сикионе. И Коринф, и Лехей были частично защищены присутствием войск конфедератов, беотийцев, аргейцев, афинян или наемников, оплачиваемых Афинами. Но это не защищало коринфян от большого ущерба, нанесенного их землям и имуществу в окрестностях вторжением врага.

Равнина между Коринфом и Сикионом, плодородная и обширная (по сравнению с Пелопоннесом в целом) и составлявшая значительную часть земельных владений обоих городов, в 393 и 392 годах до н.э. стала невозделываемой. Так что коринфские владельцы были вынуждены вывести своих слуг и скот в Пейреум[625] (часть коринфской территории без перешейка, называемая так правильно, к северо-востоку от Акрокоринфа, на линии между этой возвышенностью и мегарийской гаванью Пегес). Здесь нападавшие сикионяне не могли их достать из-за длинных стен Коринфа, которые соединяли город непрерывным укреплением длиной в двенадцать стадий (чуть меньше полутора миль) с гаванью Лехей. Тем не менее, потери владельцев пустынной равнины были настолько велики, что двух сезонов подряд было вполне достаточно, чтобы внушить им сильное отвращение к войне;[626] тем

более, что ущерб падал исключительно на них - их союзники в Беотии, Афинах и Аргосе пока не пострадали. Постоянная военная служба для обороны, а также превращение города в подобие осажденного поста усугубляли их неудобства. Было и еще одно обстоятельство, несомненно, не без влияния. Последствия битвы при Книде заключались в том, что, во-первых, была уничтожена морская империя Спарты, и тем самым уменьшился страх, который она внушала коринфянам; во-вторых, были восстановлены укрепления и обновлено судоходство, как торговое, так и военное, Афин; это оживление вполне могло вернуть часть той антиафинской ревности и опасений, которые коринфяне так сильно чувствовали несколько лет назад. Возможно, некоторые торговые операции в Коринфе были фактически вытеснены из-за военных беспорядков в обновленные укрепления и большую безопасность Пейреуса.

Под влиянием этих обстоятельств недовольная фило-лаконская или мирная партия, которая всегда существовала в Коринфе, вскоре набрала достаточную силу и проявила себя с достаточной оглаской, чтобы вызвать большую тревогу у правительства. Коринфское правительство всегда было и остается олигархическим. Каким образом обновлялись администраторы или совет, как долго отдельные лица оставались на своих постах, мы, конечно, не знаем. Но о демократии, с ее законными, народными собраниями, открытыми дискуссиями и авторитетными решениями, ничего не было.^[627] Олигархические лица, находившиеся у власти, были настроены резко антилаконски, состояли из людей, причастившихся к персидским средствам и заключивших союз с Персией, а также бесповоротно скомпрометировавших себя (как Тимолай) самыми ожесточенными проявлениями враждебных настроений по отношению к Спарте. Этим людям угрожала мощная оппозиционная партия, у которой не было конституционных средств для того, чтобы сделать свои настроения преобладающими и мирным путем добиться смены администраторов или изменения государственной политики. Довести дело до конца можно было только с помощью оружия и насилия; этот факт был известен обеим сторонам, так что олигархические администраторы, осведомленные о происходящих встречах и разговорах, прекрасно понимали, что им следует ожидать не что иное, как развязывания заговора. О том, что такие ожидания были вполне обоснованными, мы узнаем даже из частичного пересказа Ксенофонта, который утверждает, что Пасимекл, фило-лаконский лидер, был начеку и готовился^[628] - и причисляет к его достоинствам то, что вскоре после этого он открыл ворота лакедемонянам.

Предвидя такой заговор, правительство решило предотвратить его путем *государственного переворота*. Они бросились на помощь своим союзникам, пригласили аргейцев и сделали свой удар более верным, нанеся его в последний день праздника Эвклея, когда его меньше всего ожидали. Их действия, хотя и были продиктованы предосторожностью, были выполнены с крайней жестокостью, усугубленной святотатством; Это совсем не похоже на глубоко продуманные хитрости, которые недавно практиковали спартанские эфоры, опасаясь заговора Кинадона, и больше напоминает олигархических заговорщиков в Коркире (на третьем году Пелопоннесской войны), когда они ворвались в собравшийся сенат и расправились с Пейтиасом и шестьюдесятью другими в здании сената.^[629] В то время как в Коринфе избранные артисты боролись за приз в театре, а судьи были официально назначены для принятия решения, - и в то время как рыночная площадь вокруг была переполнена праздничными зрителями, - было введено несколько вооруженных людей, вероятно аргейцев, с лидерами, обозначающими жертвы, которых они должны были поразить. Некоторые из этих избранных жертв были убиты на рынке, другие - в театре, а один даже сидел в театре в качестве судьи. Другие в ужасе бежали к алтарям или статуям на рыночной площади, и это убежище, тем не менее, не спасало им жизни. Не было

остановлено и такое святотатство, противное чувствам собравшихся зрителей и греков в целом, пока не погибло сто двадцать человек.[630] Но убиты были в основном пожилые мужчины, так как младшая часть фило-лаконской партии, заподозрив неладное, отказалась от участия в празднике и держалась отдельно под предводительством Пасимекла в гимнасии и кипарисовой роще под названием Краниум, недалеко от городских ворот. Мы видим, что они были не только собраны, но и вооружены. Как только они услышали шум на рынке и узнали от беглецов о происходящем, они сразу же бросились на Акрокоринф (или возвышенность и акрополь, нависающие над городом) и овладели цитаделью, которую удерживали с такой силой и мужеством, что аргейцы и коринфяне, участвовавшие в управлении, были отбиты при попытке сместить их. Это обстоятельство, косвенно раскрытое в одностороннем повествовании Ксенофонта, позволяет понять реальное положение дел в городе и дает веские основания полагать, что Пасимекл и его друзья были заранее готовы к вооруженному выступлению, но ждали, пока оно не закончится, - и правительство, стремясь предотвратить заговор, пренебрегло этим, использовав руки и оружие аргейцев, которых не впечатляли торжественные мероприятия, характерные для Коринфа.[631]

Хотя Пасимекл и его друзья были хозяевами цитадели и отбили нападение своих врагов, но *переворот* был полностью успешным, чтобы ошеломить их партию в городе и лишить их всех средств связи с лакедемонянами в Сикионе. Чувствуя, что не в силах сохранить себя, они, кроме того, были напуганы угрожающими предзнаменованиями, когда пришли принести жертву, чтобы узнать, поощряют ли боги их к борьбе или нет. Жертвы были найдены настолько тревожными, что заставили их покинуть пост и готовиться к добровольному изгнанию. Многие из них (по словам Диодора, пятьсот)[632] действительно отправились в изгнание; других же, в том числе и самого Пасимекла, удержали уговоры друзей и родственников в сочетании с торжественными заверениями правительства о мире и безопасности; вероятно, теперь они чувствовали себя победителями и стремились смягчить антипатию, которую внушало им недавнее насилие. Эти мирные заверения были добросовестно выполнены, и больше ни один гражданин не пострадал.

Но политическое положение Коринфа было существенно изменено благодаря тесному союзу с Аргосом, который, возможно, сочетался с взаимными правами на браки, куплю и продажу. Пограничные столбы или изгороди, разделявшие две территории, были снесены, и город стал называться *Аргос* вместо *Коринфа* (говорит Ксенофонт); вероятно, так оппозиционная партия описывала очень тесный политический союз, образовавшийся между двумя городами; его поддерживали сильные аргейские войска в городе и акрополе, а также некоторые афинские наемники под командованием Ификрата и несколько беотийцев в качестве гарнизона в порту Лехей. Скорее всего, правительство оставалось по-прежнему коринфским и олигархическим, как и прежде. Но теперь оно опиралось на помощь аргейцев, а потому зависело в основном от Аргоса, хотя отчасти и от двух других союзников.

Для Пасимекла и его друзей такое положение вещей было невыносимо. Хотя лично им не на что было жаловаться, но полного преобладания политических врагов было вполне достаточно, чтобы возбудить их самую яростную антипатию. Они вступили в тайную переписку с Пракситом, лакедемонским полководцем в Сикионе, намереваясь выдать ему одни из ворот в западной Длинной стене между Коринфом и Лехеймом. Согласовав план, Пасимекл и его партизаны поставили себя,[633] частично по умыслу, частично случайно, на ночной дозор у этих ворот; неосторожность, которая показывает, что правительство не только не обошлось с ними плохо, но даже вошло к ним в доверие. В назначенный момент Пракситас, явившись с лакедемонским полком, сикионским отрядом и коринфскими

изгнанниками, застал вероломных часовых готовыми открыть ворота. Послав сначала надежного солдата, чтобы убедиться в отсутствии обмана,[634] он ввел все свои силы в ворота, в промежуток между двумя длинными стенами. Это пространство было настолько широким, а его численность была настолько недостаточной, что он принял меры предосторожности и вырыл поперечный ров с частоколом, чтобы защищаться со стороны города; это ему удалось сделать без помех, поскольку враг (нам не говорят, почему) не нападал на него весь следующий день. Однако на следующий день аргейцы, коринфяне и афинские наемники под командованием Ификрата выступили из города в полном составе; последние стояли справа от линии, вдоль восточной стены, против коринфских изгнанников слева от лакедемонян; лакедемоняне же находились справа от них, против коринфян из города, а аргейцы, против сикионцев, в центре.

Здесь и началась битва; аргейцы, дерзкие от превосходства в численности, напали на сикионцев и разбили их, разрушив палисад, и преследовали их до самого моря с большим количеством жертв ter;[635] Тогда лакедемонский командир конницы Пасимах, придя им на помощь, заставил свой небольшой отряд всадников разойтись и привязать лошадей к деревьям, а затем вооружил их щитами, взятыми у сикионцев, с надписью на внешней стороне в виде буквы Sigma (Σ). С ними он подошел пешком, чтобы напасть на аргейцев, которые, приняв их за сикионцев, с готовностью бросились в атаку; тогда Пасимах воскликнул: "Клянусь двумя богами, аргейцы, эти сигмы, которые вы здесь видите, обманут вас"; затем он решительно схватился с ними, но его число было столь незначительным, что он был вскоре побежден и убит. Тем временем коринфские изгнанники слева оттеснили Ификрата с его наемниками (несомненно, в основном легкими войсками) и преследовали их до самых городских ворот; лакедемоняне же, легко отбив противостоящих им коринфян, вышли из своего палисада и расположились лицом к восточной стене, но на небольшом расстоянии от нее, чтобы перехватить аргейцев при их возвращении. Последние были вынуждены бежать назад, прижимаясь к восточной стене, с правой или незащищенной стороны, подвергаясь, когда проходили, ударам копий лакедемонян. Не успели они добраться до стен Коринфа, как были встречены и грубо обработаны победоносными коринфскими изгнанниками. И даже когда они подошли к стенам, те, кто находился внутри, не желая открывать ворота из опасения впустить врага, довольствовались тем, что подавали лестницы, по которым побежденные аргейцы с трудом и бешено карабкались. В целом, потери в этом катастрофическом отступлении были ужасающими. Их мертвые (говорит Ксенофонт) лежали, как груды камней или дерева.[636]

Эта победа Праксита и лакедемонян, хотя и не сделала их пока хозяевами Лехейума,[637] тем не менее имела большое значение. Вскоре после этого они получили подкрепление, которое позволило им обратить ее в еще большую пользу. Первым делом Пракситас снес значительную часть двух стен, оставив брешь, которая открывала свободный проход для любой лакедемонской армии из Сикиона, чтобы достичь перешейка и пройти через него. Затем он провел свои войска через пролом вперед по дороге в Мегару, захватив две коринфские крепости - Кроммион и Сидус на берегу Саронического залива, в которых разместил гарнизоны. Вернувшись назад по дороге к югу от Коринфа, он занял Эпиейкию на границе Эпидавра, чтобы защитить территорию последнего от вторжений из Коринфа, - и затем распустил свою армию.

Всю последующую зиму и весну между противоположными гарнизонами в Коринфе и Сикионе велись бесполезные военные действия. Именно сейчас афинянин Ификрат в первом месте начал выделяться во главе своих наемников-пельтастов, которых после их первой организации Кононом он обучил эффективной тактике в условиях строжайшей

дисциплины, и чьими движениями он управлял с непревзойденным мастерством. Его гений внес усовершенствования как в их доспехи, так и в одежду. Он удлинил на половину и легкое копье, и короткий меч, которые обычно носили фракийские пельтасты; он придумал вид леггинсов, известных впоследствии под именем ификратидов; и таким образом он соединил, лучше чем когда-либо прежде, быстрое движение, способность действовать на трудной местности и в открытом порядке, эффективную атаку, либо ракетами, либо рукопашным боем, и ловкое отступление в случае необходимости.[638] В то время он был всего лишь молодым офицером, находящимся в начале своей военной карьеры.[639] Поэтому мы должны предположить, что эти усовершенствования были, в основном, более позднего времени, предложениями его личного опыта; но даже сейчас успехи его легких войск были замечательными. Напав на Флиус, он заманил флизийцев в засаду и нанес им столь сокрушительное поражение, что они были вынуждены обратиться за помощью к лакедемонскому гарнизону для защиты своего города. Он одержал победу под Сикионом и пронес свои набеги по всей Аркадии, до самых ворот городов; он нанес аркадским гоплитам такой урон, что они стали бояться встречаться с ним в поле. Однако его собственные пельтасты, хотя и были полны уверенности против этих пелопоннесских гоплитов, все же сохраняли благоговение и не желали сражаться с лакедемонянами;[640] которые, со своей стороны, презирали их, но еще больше презирали своих собственных союзников. "Наши друзья боятся этих пельтастов, как дети боятся хобгоблинов", - язвительно говорили лакедемоняне, пытаясь показать пример мужества показными демонстрациями своей храбрости у стен Коринфа.[641]

Пролом, проделанный Пракситом в длинных стенах Коринфа, открыл пелопоннесской армии дорогу в Аттику или Беотию.[642] К счастью для афинян, они уже закончили восстановление своих собственных длинных стен; но они были настолько встревожены новой опасностью, что отправились со всеми силами, а также с каменщиками и плотниками[643] в Коринф. Здесь, с той быстротой в работе, которой они отличались,[644] они за несколько дней полностью восстановили западную стену, более важную из двух, поскольку она служила барьером против вторжений лакедемонян из Сикиона. После этого они заняли надежную позицию и могли достроить восточную стену в свое удовольствие; что они и сделали, а затем отступили, оставив ее защищать конфедеративным войскам в Коринфе.

Однако это преимущество - весьма существенное - было вновь сведено на нет экспедицией лакедемонского царя Агесилая в то же лето. Во главе полного лакедемонского и пелопоннесского войска он сначала вступил на территорию Аргоса и некоторое время опустошал все возделанные равнины. Оттуда он прошел по горной дороге через Тенею,[645] в равнину Коринфа, к подножию недавно отремонтированных Длинных стен. Сюда прибыл его брат Телеутиас, недавно сменивший Гериппида на посту адмирала в Коринфском заливе, чтобы вместе с ним предпринять совместную атаку по морю и суше на новые стены и на Лехейум.[646] Присутствие этого военно-морского флота сделало Длинные стены трудноудерживаемыми, так как войска могли быть высажены в промежутке между ними, где сикионцы в предыдущем сражении были разбиты и преследовались до самого моря. Агесилай и Телеутий были достаточно сильны, чтобы разгромить объединенные силы четырех армий и овладеть не только Длинными стенами, но и портом Лехей,[647] с его доками и кораблями в них; таким образом, морская мощь Коринфа в Криссейском заливе была разрушена. Теперь Лехей стал постоянным враждебным Коринфу пунктом, занятым лакедемонским гарнизоном и время от времени коринфскими изгнанниками, а повторное восстановление афинянами коринфских длинных стен стало невозможным. После этого важного успеха Агесилай вернулся в Спарту. Ни он, ни его лакедемонские гоплиты, особенно амиклейцы, никогда по доброй воле не отлучались на праздник Гиакинфа; он и теперь не

отказывался занять свое место в хоре,[648] по приказу хорического дирижера, для пения в честь Аполлона.

Таким образом, Длинные стены, хотя и восстановленные афинянами в предыдущем году, были вновь окончательно разрушены, и лакедемонским войскам вновь открылась дорога за перешеек. Афиняне и беотийцы были так встревожены этим новым успехом, что, похоже, и те, и другие захотели мира и отправили посланников в Спарту. Фиванцы, как говорят, предложили признать Орхомен (который теперь был занят лакедемонским гарнизоном) автономным и не входящим в состав Беотийской федерации; В то время как афинские посланники, похоже, были благосклонно приняты в Спарте и нашли лакедемонян расположенными заключить мир на лучших условиях, чем те, которые были предложены во время поздних дискуссий с Тирибазом (далее будет отмечено); признавая недавно построенные афинские стены, возвращая Лемнос, Имброс и Скирос Афинам, и гарантируя автономию каждому отдельному городу в греческом мире. Афинские посланники в Спарте в предварительном порядке приняли эти условия, и сорок дней было отведено для обращения к афинскому народу; туда же были отправлены лакедемонские посланники в качестве официальных носителей предложений. Однако аргейцы и коринфяне решительно воспротивились заключению мира, призывая афинян продолжать войну; кроме того, многие афинские граждане считали, что следует выплатить большую компенсацию за афинское имущество, утраченное в конце войны, и что фракийский Херсонес должен быть возвращен, так же как и три острова. По этим и другим причинам афинский народ отказался принять рекомендацию своих посланников, хотя один из них, Андокид, в дошедшей до нас речи убедительно советовал им принять мир.[649]

Война продолжалась, и Коринф, хотя его защищали значительные силы конфедератов, включая афинских гоплитов под командованием Каллиаса и пельтастов под командованием Ификрата, был сильно потеснен вражескими постами в Лехесе, а также в Кроммионе и Сидусе, и его собственными изгнанниками как наиболее активными из всех врагов. Однако оставался полуостров и укрепление Пейреум, служивший надежным убежищем для коринфских слуг и скота, а также источником пропитания для города. Пейреум был внутренним постом к северо-востоку от Коринфа, в центре полуострова, разделяющего две внутренние впадины Крисского залива - Лехейский залив на юго-западе и залив Алкионис между Креусисом и Ольмией (ныне залив Псато) на северо-востоке. Через этот последний залив Коринф легко сообщается с Креусисом, портом Феспий в Беотии, через Пейреум и укрепленный порт Σενοῦ.[650] Теперь коринфские изгнанники уговаривали Агесилая повторить вторжение на эту территорию, отчасти для того, чтобы лишить город тех благ, которые он получал от Пейреума, отчасти для того, чтобы присвоить себе честь празднования Истмийских игр, которые уже приближались. Спартанский царь отправился во главе войска, состоявшего из лакедемонян и пелопоннесских союзников, сначала в Лехей, а затем на перешеек, названный так особо, то есть священный участок Посейдона возле Схенуса на берегу Саронического залива, в самой узкой части перешейка, где раз в два года отмечался истмийский праздник.

Это был апрель или начало мая, и праздник уже начался под председательством коринфян из города, находившегося в союзе с Аргосом; аргейцы присутствовали в качестве охраны.[651] Но при приближении Агесилая они немедленно удалились в город по дороге в Кенхрею, оставив свои жертвоприношения наполовину законченными. Не считая нужным мешать их отступлению, Агесилай сначала сам принес жертву, а затем занял позицию неподалеку, на священной земле Посейдона, пока коринфские изгнанники совершали

торжественные обряды в установленном порядке и раздавали победителям венки из петрушки. Простояв три дня, Агесилай отправился в поход, чтобы напасть на Пирей. Не успел он отплыть, как из города вышли коринфяне, отпраздновали праздник и во второй раз раздали венки.

Пирей был занят столь многочисленной стражей, состоявшей из Ификрата и его пелтастов, что Агесилай, вместо того чтобы непосредственно атаковать его, прибег к хитрости и совершил внезапный ретроградный марш прямо к Коринфу. Вероятно, многие горожане в этот момент отсутствовали на втором празднике; поэтому оставшиеся внутри, услышав о приближении Агесилая, заподозрили заговор с целью предать ему город и поспешно отправились в Пирей, чтобы вызвать обратно Ификрата с его пельтастами. Узнав, что эти войска прошли мимо ночью, Агесилай немедленно повернул свой курс и двинулся обратно к Пейреуму, к которому сам подошел обычной дорогой, обогнув залив Лехей, возле терм, или теплых источников, которые до сих пор видны;[652] в то время как он послал тога или подразделение войск, чтобы обойти это место по горной дороге, более внутренней, поднявшись на лесистые высоты, возвышающиеся над городом, и увенчанные храмом Посейдона.[653] Это движение оказалось весьма эффективным. Гарнизон и жители Пейреума, видя, что место стало неприступным, покинули его на следующий день со всем своим скотом и имуществом, чтобы укрыться в Геруме, или священной земле Герака Акрæа, расположенной у западного мыса полуострова. Пока Агесилай, преследуя их, шел к побережью, войска, спустившиеся с высот, атаковали и захватили Σενοῒ,[654] - коринфский город с таким названием, расположенный у Алкионийского залива напротив Креусиса в Беотии. Здесь в их руки попала большая добыча, которая еще более увеличилась после того, как Агесилай быстро и без всяких условий сдал все, что находилось в Гереуме. Призванный определить судьбу пленных, среди которых были мужчины, женщины и дети, свободные и рабы, скот и другое имущество, Агесилай приказал отдать всех, кто участвовал в резне в Коринфе на рыночной площади, на откуп изгнанникам, а всех остальных продать в рабство.[655] Хотя здесь он не применял более суровых мер, чем обычно в греческой войне, читатель, который задумается о том, что этот приговор, вынесенный человеком, в целом более великодушным, чем большинство современных полководцев, обрек множество свободных коринфских мужчин и женщин на жизнь в деградации, если не в несчастье, - поймет по контрасту те похвалы, с которыми в моем последнем томе я описывал великодушные Калликратида после взятия Метимны; когда он отказался, несмотря на просьбы своих союзников, продать ни метимнейских, ни афинских пленников, - и когда он провозгласил возвышенный принцип, что ни один свободный грек не должен быть продан в рабство по его разрешению.[656]

Поскольку до этого лакедемоняне были хозяевами Лехейма, Кроммиона и Сидуса, этот последний успех закрыл Коринф с другой стороны и прервал его сообщение с Беотией. Не имея возможности долго продержаться, изгнанники уже начали разрабатывать планы по его спасению с помощью друзей внутри города.[657] Положение Агесилая было столь триумфальным, что все его враги были в тревоге, и фиванцы, как и другие, отправили к нему новых посланников с просьбой о мире. Его антипатия к фиванцам была настолько сильной, что он испытывал большое личное удовлетворение, видя их униженными. Он даже относился к их посланникам с заметным презрением, не замечая их, когда они стояли рядом, хотя Фаракс, проксен из Фив в Спарте, готовился представить их.

Поглощенный этой непомерной гордостью и ликованием по поводу побежденных врагов, Агесилай сидел в круглом павильоне на берегу озера, примыкающего к Гереуму,[658] - и смотрел на длинную вереницу пленников, выведенных под охраной вооруженных

лакедемонских гоплитов, которые сами были предметом восхищения толпы зрителей,[659] - когда, словно по особому вмешательству карающей Немезиды, пришло известие, неожиданно изменившее перспективу дел.[660] К ним галопом подъехал всадник, его лошадь покрылась пеной пота. На многочисленные расспросы он ничего не отвечал и не останавливался, пока не соскочил с коня у ног Агесилая, к которому он обратился со скорбным тоном и выражением лица. Агесилай тут же поднялся, схватил копье и велел глашатаю созвать своих главных офицеров. Когда они приблизились, он велел им вместе со стражниками сопровождать его без промедления, оставив приказ всему войску следовать за ним, как только они смогут быстро подкрепиться. Затем он немедленно выступил в поход; но не успел он далеко отъехать, как навстречу ему выехали три свежих всадника и сообщили, что задача, которую он спешил выполнить, уже выполнена. После этого он приказал остановиться и вернулся в Гереум, где на следующий день, чтобы отменить плохие новости, продал всех пленников с аукциона.[661]

Эти дурные вести, - прибытие которых так наглядно описал Ксенофонт, сам, вероятно, бывший в числе свидетелей и спутников Агесилая, - были ничем иным, как поражением и уничтожением лакедемонской *моры* или военной дивизии легкими войсками под командованием Ификрата. Поскольку в лакедемонской армии амиклейские гоплиты имели привилегию всегда возвращаться домой на праздник Гиакинфа, Агесилай оставил всех их в Лехейме, даже когда они находились на действительной службе. Наступил день праздника, и они отправились в обратный путь. Но дорога из Лехейума в Сикион пролежала прямо под стенами Коринфа, так что без сопровождения их поход был небезопасен. Поэтому полемарх, командовавший в Лехейме, оставив на время это место под наблюдением пелопоннесских союзников, поставил себя во главе лакедемонской *моры*, составлявшей обычный гарнизон, состоявший из шестисот гоплитов и *моры* конницы (число неизвестно), чтобы охранять амиклейцев, пока они не будут вне опасности от врага в Коринфе. Пройдя мимо Коринфа и достигнув пункта примерно в трех милях от дружественного города Сикиона, он решил, что опасность миновала, и повернул назад со своей *морой* гоплитов в Лехей, оставив, однако, офицера конницы с приказом сопровождать амиклейцев так далеко, как они пожелают, а затем следовать за ним в обратном марше.[662]

Хотя предполагалось, что амиклейцы (вероятно, не очень многочисленные) могут подвергнуться нападению со стороны Коринфа во время своего похода, и хотя было известно, что силы в этом городе значительны, лакедемонскому полемарху не приходило в голову, что подобная опасность грозит его собственной *море* из шестисот гоплитов; так пренебрежительно он оценивал пельтастов, и так сильны были опасения, которые эти пельтасты, как известно, питали к лакедемонянам. Но Ификрат, который позволил всему телу пройти мимо без помех, увидев теперь от стен Коринфа шестисот гоплитов, возвращавшихся отдельно, без конницы и легких войск, задумал - возможно, при существующем состоянии умов людей никто другой не задумал бы этого, - напасть на них со своими пельтастами, когда они будут проходить возле города. Каллиас, генерал афинских гоплитов в Коринфе, горячо поддержал этот проект, вывел свои войска и расставил их в боевом порядке недалеко от ворот, а Ификрат со своими пельтастами начал атаку на лакедемонские *моры* с флангов и тыла. Подойдя на расстояние выстрела, он осыпал их ливнем дротиков и стрел, которые убили и ранили нескольких, особенно с незащищенной стороны. После этого полемарх приказал остановиться, велел самым молодым воинам отогнать нападавших, а раненых передал на попечение сопровождающих, чтобы те отнесли их в Лехей.[663] Но даже самые юные воины, обремененные тяжелыми щитами, не могли дотянуться до более проворных врагов, которые были приучены отступать перед ними. А когда после безуспешного преследования они пытались вернуться на свои места в строю, нападение возобновлялось, и

девять или десять из них были убиты, прежде чем смогли вернуться. Полемарх снова приказал идти вперед; пельтасты возобновили атаку, заставив его остановиться; он снова приказал молодым солдатам (на этот раз всем, кому от восемнадцати до тридцати трех лет, тогда как в предыдущем случае это были те, кому от восемнадцати до двадцати восьми) броситься на них и отогнать.^[664] Но результат был тот же: преследователи ничего не добились, а только понесли еще большие потери своих самых храбрых и передовых воинов, когда попытались присоединиться к основной массе. Всякий раз, когда лакедемоняне пытались продвинуться вперед, эти обстоятельства повторялись, к их огромной потере и обескураживанию; в то время как пельтасты с каждым мгновением становились все более уверенными и энергичными.

Некоторое облегчение принесло *морам* приближение их кавалерии, которая покончила с эскортом амиклейцев. Если бы эта конница была с ними с самого начала, результат мог бы быть иным; но теперь ее не хватало для отражения оживленных атак пельтастов. Кроме того, лакедемонские всадники и так не отличались особым мастерством, а в этот раз они не решились преследовать их на большем расстоянии, чем могли выдержать молодые гоплиты. В конце концов, после больших потерь в убитых и раненых и всеобщего огорчения, полемарху удалось довести свой отряд до возвышенности в четверти мили от моря и примерно в двух милях от Лехейма. Здесь, пока Ификрат продолжал преследовать их своими пельтастами, Каллий со своими гоплитами выступил в поход, чтобы сразиться с ними врукопашную, - и тогда лакедемоняне, ослабевшие числом, истощенные силой и слишком удрученные для ближнего боя с новым врагом, разбились и разбежались во все стороны. Некоторые из них двинулись по дороге в Лехей, и лишь немногие из них добрались туда вместе с конницей; остальные побежали к морю в ближайшей точке и, заметив, что некоторые из их друзей гребут на лодках из Лехей вдоль берега, чтобы спасти их, бросились в море, чтобы вброд или вплавь добраться до этого нового подкрепления. Но активные пельтасты, неудержимо преследующие разбитых гоплитов, приложили последние силы к уничтожению несчастной *моры*. Из шестисот человек в полном составе лишь малая часть осталась в живых, чтобы вернуть Лехейм.^[665]

Всадник, первым сообщивший Агесилаю о несчастье, выехал из Лехейма сразу же, еще до того, как тела убитых были собраны для погребения. Поспешность Агесилая была продиктована желанием успеть добраться до поля, чтобы побороться за обладание телами и избежать позора, связанного с просьбой о погребении. Но три всадника, встретившие его после этого, задержали его ход, сообщив, что тела уже похоронены, по условиям перемирия, которое было испрошено и получено; это позволило Ификрату воздвигнуть свой заслуженный трофей на том месте, где он впервые совершил нападение.^[666]

Такое уничтожение целой дивизии лакедемонских гоплитов легкими войсками, перед которыми они благоговели и которых презирали, было событием, не имеющим большого политического значения, но поразительным по военному эффекту и впечатлению на греческий ум. Ничего подобного не происходило со времен памятного взятия Сфактерии, тридцать пять лет назад; катастрофа была менее значительной в одном отношении - число побежденных гоплитов уступало одной трети, - но гораздо более важной в другом отношении - половина дивизии сдалась в плен; в то время как в битве под Коринфом, хотя вся мора (за исключением нескольких беглецов) погибла, не похоже, что был взят хоть один пленный. На коринфян, беотийцев и других врагов Спарты это событие подействовало как радостное ободрение, выведя их из прежнего уныния. Даже союзники Спарты, завидовавшие ее превосходству и связанные с ней скорее страхом, чем привязанностью, встретили это

событие с плохо сдерживаемым удовлетворением. Но на армию Агесилая (и, несомненно, на лакедемонян дома) оно обрушилось как внезапный удар грома, вызвав сильнейшие проявления скорби и сочувствия. В этих проявлениях было только одно исключение - отцы, братья или сыновья убитых воинов; они не только не проявляли скорби, но и расхаживали по городу с веселыми и торжествующими лицами, как победоносные атлеты.[667] Подобное явление мы обнаружим в Спарте через несколько лет после гораздо более страшного поражения при Лейктре; родственники убитых были радостны и ликуют, а выжившие - подавлены и убиты;[668] факт, поразительно характерный как для интенсивного психического воздействия спартанской тренировки, так и для особых ассоциаций, которые она порождала. Мы можем понять, насколько ужасным было презрение, которое ожидало спартанца, пережившего поражение, когда видим отцов, положительно радующихся тому, что их сыновья избежали такого обращения через смерть.

Агесилай жестоко отомстил за свое высокомерное оскорбление фиванских посланников. Когда он, наконец, согласился встретиться с ними после известия о битве, их тон полностью изменился. Они ни слова не сказали о мире, а лишь попросили разрешения проехать и связаться со своими соотечественниками в Коринфе. "Я понимаю вашу цель (сказал Агесилай, улыбаясь), - вы хотите стать свидетелями триумфа ваших друзей и увидеть, чего он стоит. Пойдем со мной, и я научу тебя". На следующий день Агесилай взял их с собой и повел свою армию к самым воротам Коринфа, заставляя тех, кто находился внутри, выйти и сражаться. Земли были так опустошены, что почти ничего не осталось, что можно было бы уничтожить. Но там, где еще оставались фруктовые деревья, лакедемоняне срубили их. Ификрат был слишком благоразумен, чтобы скомпрометировать свое недавнее преимущество опасностью второй битвы, так что Агесилаю оставалось только показать, что он хозяин поля, а затем отступить в лагерь в Лехей, откуда он отослал фиванских посланников морем в Креусис. Оставив в Лехейме свежую морю или дивизию взамен той, что была разбита, он отправился в Спарту. Но обстоятельства этого похода выдавали его истинные чувства, которые были плохо замаскированы недавней бравадой при походе к воротам Коринфа. Он боялся выставить свои лакедемонские войска даже на обозрение тех союзников, через территорию которых ему предстояло пройти; так хорошо он знал, что последние (особенно мантинейцы) выразят свое удовлетворение недавним поражением. Поэтому он начал свой дневной марш еще до рассвета и не останавливался на ночлег до наступления темноты; в Мантинее он не только не останавливался, но и прошел мимо, за стены, еще до наступления дня.[669] Невозможно найти более убедительное доказательство истинного расположения союзников к Спарте и чувства принуждения, которое диктовало их дальнейшую приверженность; этот факт мы увидим в изобилии иллюстраций по мере продвижения по течению истории.

Отставка Агесилая послужила сигналом к возобновлению деятельности Ификрата, который вновь захватил Сидус и Кроммион, которые были гарнизоны Пракситом, а также Пейреум и Σεποῖ, оставленные под оккупацией Агесилая. Таким образом, Коринф был очищен от врагов с восточной и северо-восточной сторон. И хотя лакедемоняне все еще вели беспорядочную войну из Лехейма, но ужас, вызванный разрушением их моря, был настолько велик, что коринфские изгнанники в Сикионе не рискнули отправиться по суше из этого места в Лехейм, под стены Коринфа, - а сообщались с Лехеймом только по морю.[670] По правде говоря, мы не слышим о более серьезных военных действиях, предпринятых Спартой против Коринфа до заключения Анталкидского мира. И это место стало настолько безопасным, что коринфские вожди и их аргейские союзники с радостью отказались от присутствия Ификрата. Этот офицер так прославился своими недавними успехами, которые не переставали восхвалять афинские ораторы[671] даже в следующем поколении, что его

нрав, от природы надменный, стал властным, и он попытался добиться для Афин или для себя господства в Коринфе, предав смерти некоторых фило-аргейских лидеров. Мы знаем об этих обстоятельствах лишь по кратким и скудным упоминаниям, но они заставили афинян отозвать Ификрата с большей частью его пельтастов и отправить вместо него в Коринф Хабрия.[672]

Либо в следующее лето, либо, возможно, сразу после этого, в течение того же лета - 390 г. до н. э., Агесилай предпринял экспедицию в Акарнанию по просьбе ахейцев, которые угрожали, если этого не произойдет, отказаться от лакедемонского союза. Они овладели этолийским районом Калидон, собрали жителей окрестных деревень в городскую общину и гарнизонировали его как зависимую часть ахейской конфедерации. Но акарнанцы, союзники Афин и Фив, при поддержке афинской эскадры в *Ἐνιαδᾶε*, напали на них там, вероятно, по приглашению части жителей, и так сильно их потеснили, что они прибегли к самым настоятельным мерам, чтобы получить помощь от Спарты. Агесилай переправился через залив у Риума со значительными силами спартанцев и союзников, а также с полным войском ахейцев. По его прибытии все акарнанцы укрылись в своих городах, отправив свой скот во внутренние горные районы, к границам отдаленного озера. Агесилай, отправившись в Стратус, чтобы потребовать от них не только прекратить военные действия против ахейцев, но и отказаться от союза с Афинами и Фивами и стать союзниками Спарты, встретил отпор и начал опустошать страну. Два или три дня, в течение которых акарнанцы действовали с намеренным затишьем, были потрачены на то, чтобы усыпить их бдительность; затем, совершив стремительный форсированный марш, Агесилай неожиданно напал на отдаленное место, где в целях безопасности были спрятаны их скот и рабы. Он провел здесь один день, чтобы продать эту добычу; купцы, вероятно, сопровождали его армию. Но на обратном пути он столкнулся с большими трудностями из-за узких тропинок и высоких гор, через которые ему пришлось прокладывать свой путь. В результате ряда смелых и слаженных действий на холмах, которые, вероятно, напомнили Ксенофону его собственные операции против кардукийцев во время отступления Десятитысячника, он разбил и рассеял акарнанцев, хотя и не без значительных потерь из-за превосходства их легких войск. Однако он не добился успеха в нападении ни на один из их городов и не согласился продлить войну до времени посева, несмотря на настоятельные просьбы ахейцев, которых он умиротворил обещанием вернуться следующей весной. Он действительно находился в трудной и опасной стране, если бы его отступление не было облегчено покладистостью этолийцев, которые рассчитывали (хотя и тщетно) получить от него возвращение Наупакта, которым ахейцы владели (так же как и Калидоном).[673] Однако, как бы ни был неполным успех этой экспедиции, она нанесла акарнанцам достаточный урон, чтобы выполнить свою цель. Узнав, что весной этого года она должна повториться, они отправили в Спарту посланников с просьбой о мире, согласившись воздержаться от военных действий против ахейцев и войти в состав лакедемонской конфедерации.[674]

В том же году спартанские власти решили предпринять поход на Аргос, командование которым принял другой царь - Агесиполид. Найдя пограничные жертвоприношения благоприятными и перейдя границу, он направил свое войско в Флий, где было приказано собраться пелопоннесским союзникам, но сам сначала свернул в Олимпию, чтобы посоветоваться с оракулом Зевса.

Аргеи, похоже, уже не раз имели обыкновение[675], когда к их территории приближалась лакедемонская армия, встречать ее торжественным посланием, в котором сообщалось, что это время какого-то праздника (Карнейского или другого), священного для обеих сторон, и предупреждалось, чтобы они не нарушали границу во время священного перемирия. На

самом деле это было не что иное, как обман; ведь уведомление было отправлено не в тот момент, когда карнейский праздник (или другой, в зависимости от обстоятельств) должен был наступить в соответствии с правильным течением сезонов, а в любое время, когда это могло послужить цели задержать лакедемонское вторжение. Но хотя двуличность аргейцев была очевидна, благочестивые угрызения спартанского царя были так сильны, что он вряд ли мог решиться проигнорировать предупреждение. Кроме того, при существующей путанице в календаре всегда сохранялась некоторая неопределенность в вопросе о том, какая луна является истинной карнейской; ни одно из дорийских государств не имело права устанавливать ее в обязательном порядке для остальных, как элейцы установили олимпийское перемирие, а коринфяне - истмийское. Чтобы успокоить свою совесть по этому поводу, Агесиполис отправился в Олимпию и обратился к оракулу Зевса с вопросом, может ли он с чистой религиозной совестью отказаться от священного перемирия, если аргейцы теперь предложат его. Оракул, привычно ловко отвечавший на конкретный вопрос общим ответом, сообщил ему, что он может с чистой совестью отказаться от перемирия, требуемого неправомерно и в корыстных целях.[676] Это было принято Агесиполисом как удовлетворительное утверждение. Тем не менее, чтобы быть уверенным вдвойне, он отправился прямо в Дельфы, чтобы задать тот же вопрос Аполлону. Однако, поскольку было бы очень неловко, если бы два ответа святого оказались противоречащими друг другу, он воспользовался *præjudicium*, который уже получил в Олимпии, и представил вопрос Аполлону в Дельфах в такой форме: "Совпадает ли твое мнение по вопросу о священном перемирии с мнением твоего отца (Зевса)?" "Совершенно точно такое же", - ответил бог. Такая двойная гарантия, хотя обращение было составлено так, что едва ли оставляло Аполлону свободу слова,[677] позволила Агесиполиду с полной уверенностью вернуться во Флию, где уже была собрана его армия, и немедленно двинуться в поход на аргейскую территорию по дороге в Немею. Встретив на границе двух глашатаев с венками и в торжественных одеждах, которые предупредили его, что сейчас время священного перемирия, он сообщил им, что боги разрешили ему послушаться их призыва, и двинулся в поход на аргейскую равнину.

Случилось так, что в первый же вечер после того, как он пересек границу, ужин и последующее возлияние были только что завершены, произошло землетрясение; или, если перевести греческую фразу, "бог (Посейдон) содрогнулся". Для всех греков, а для лакедемонян особенно, это было торжественным событием, и личные спутники Агесиполиса немедленно начали петь пеан в честь Посейдона; общее впечатление среди солдат было таким, что он отдаст приказ немедленно покинуть территорию, как Агис поступил при вторжении в Элиду несколькими годами ранее. Возможно, Агесиполис поступил бы так же и здесь, истолковав землетрясение как предупреждение о том, что он поступил неправильно, проигнорировав призыв глашатаев, - если бы его не укрепили недавние оракулы. Теперь он ответил, что если бы землетрясение произошло до того, как он пересек границу, он бы счел его запретом; но поскольку оно произошло после перехода, он счел его поощрением идти вперед.

Аргейцы так рассчитывали на успех предупреждения, переданного глашатаями, что почти не готовились к обороне. Их смятение и растерянность были очень велики; их имущество все еще находилось на окраинах и не было вывезено в безопасные места, так что Агесиполис нашел, что уничтожить и что присвоить. Он довел свои опустошения даже до ворот города, радуясь тому, что продвинулся немного дальше, чем Агесилай во время своего вторжения за два года до этого. В конце концов его заставил отступить ужас, вызванный вспышкой молнии в его лагере, которая убила несколько человек. А возникший у него проект возведения постоянного форта на аргейской границе был оставлен из-за неблагоприятных жертв.[678]

Помимо этих операций на Коринфском перешейке и вблизи него, война между Спартой и ее врагами велась в те же годы на островах и на побережье Малой Азии, хотя наши сведения настолько несовершенны, что мы с трудом можем проследить нить событий. Поражение под Книдом (394 г. до н. э.), победоносные морские силы Фарнабаза и Конона на Коринфском перешейке в следующем году (393 г. до н. э.), - восстановление афинских длинных стен и укрепленного порта, - а также активность Конона с флотом на островах[679] - настолько встревожили спартанцев идеей создания второй афинской морской империи, что они приложили все усилия, чтобы оторвать персидские войска от своих врагов.

Спартанец Анталкид, ловкий, победоносный и хитрый человек,[680] не похожий на Лисандра, был отправлен посланником к Тирибазу (392 г. до н. э.), которого мы теперь видим сатрапом Ионии при Тифраусте, после того как он был сатрапом Армении во время отступления Десяти тысяч. Поскольку Тирибаз недавно прибыл в Малую Азию, он не успел приобрести той личной вражды к спартанцам, которую активная вражда Деркиллида и Агесилая внушала Фарнабазу и другим персам. Кроме того, ревность между соседними сатрапами была обычным чувством, которое Анталкид теперь надеялся обратить на пользу Спарте. Чтобы противодействовать его проектам, к Тирибазу были отправлены посланники от врагов Спарты, Афин, Фив, Коринфа и Аргоса, а Конон, как посланник Афин, был неосмотрительно отправлен в числе прочих. Со стороны Спарты Анталкид предложил, во-первых, отдать персидскому царю всех греков на азиатском континенте; во-вторых, что касается всех остальных греков, как островных, так и континентальных, то он требовал лишь абсолютной автономии для каждого отдельного города, большого и малого.[681] Персидский царь (говорил он) не мог желать ничего большего для себя и не имел никаких мотивов для продолжения войны со Спартой, когда он однажды получит во владение все города на азиатском побережье и когда он обнаружит, что и Спарта, и Афины стали неспособны досаждать ему, благодаря автономии и объединению эллинского мира. Но ни к одному из этих двух предложений Анталкида не присоединились ни Афины, ни Фивы, ни Аргос. Что касается первого, то они отказались от позора формального отказа от азиатских греков;[682] что касается второго предложения, гарантирующего автономию каждому отдельному городу Греции, то они признали бы ее только под особыми условиями, предоставление которых не соответствовало целям Анталкида. На самом деле это предложение было направлено на разрушение (и было составлено с этой целью) как Беотийской конфедерации под председательством Фив, так и союза между Аргосом и Коринфом; кроме того, оно лишало Афины возможности вернуть Лемнос, Имброс и Скирос.[683] - острова, которые принадлежали и признавались ею с самого начала Делосской конфедерации; более того, два первых - еще со времен Мильтиада, завоевателя Марафона.

С этого момента начинается новая эра в политике Спарты. То, что она отказалась от всех притязаний на морскую империю, теперь несложно понять, учитывая, что она уже была бесповоротно низвергнута поражением Книда. Мы также не можем удивляться тому, что она оставила греков на Азиатском континенте под властью персов; ведь это было не более чем согласие, которое она уже дала в своих соглашениях с Тиссаферном и Киром в последние годы Пелопоннесской войны[684] - и согласие, добавим, не под влиянием жесткой необходимости, которая в то время давила на Афины, а просто с целью максимальной победы над уже ослабленным врагом. События, последовавшие за завершением этой войны (о них рассказывалось в предыдущей главе), действительно побудили ее изменить свою решимость и снова встать на сторону. Но настоящим новшеством, впервые проявившимся в

ее политике, стало полное развитие того, что и раньше существовало в явной тенденции, - враждебности против всех частичных земельных конфедераций Греции, замаскированной под благовидным требованием всеобщей автономии для каждого города, большого или малого. Как эта автономия была истолкована и воплощена в жизнь, мы увидим позже; сейчас же нам остается лишь отметить первое провозглашение ее Анталкидом от имени Спарты.

На этот раз, правда, его миссия не увенчалась успехом из-за решительного противодействия Афин и других городов. Но ему посчастливилось заручиться одобрением и доверием Тирибаза, который так ясно видел, насколько оба предложения способствуют интересам и могуществу Персии, что решил лично явиться ко двору и убедить Артаксеркса действовать в согласии со Спартой. Не решаясь открыто поддержать Анталкида, Тирибаз втайне дал ему деньги на усиление спартанского флота. В то же время он оказал Спарте более серьезную услугу - арестовал и заключил под стражу Конона, притворившись, что тот действует вопреки интересам царя.^[685] Этот арест был грубым актом вероломства, поскольку Конон не только пользовался уважением в качестве посланника, но и действовал с полным доверием и почти по приказу Фарнабаза. Но смещение столь способного офицера - единственного человека, который пользовался доверием Фарнабаза, - стало самым роковым из всех препятствий на пути к обновлению военно-морского флота Афин. К счастью, Конон успел отстроить Длинные стены, прежде чем его возможности для действий были внезапно прерваны. Относительно его дальнейшей судьбы существуют противоречивые истории. Согласно одной из них, он был предан персами смерти в тюрьме; согласно другой, он нашел способ бежать и снова укрылся у Эвагора на Кипре, где впоследствии умер от болезни.^[686] Последняя история, несомненно, является правдивой. Но несомненно, что в дальнейшем он никогда не имел возможности выполнять какую-либо государственную службу, и что его карьера была прервана этим вероломным задержанием как раз в тот момент, когда ее перспективы были наиболее блестящими для его страны.

Тирибаз, отправившись к персидскому двору, по слухам, был задержан там для согласования мер против Эвагора, принца Саламины на Кипре, чье восстание против Персии было уже на грани разрыва. Но персидскому двору пока не удавалось склонить внимание к предложениям Спарты и Анталкидов. Напротив, Струтас, отправленный в Ионию в качестве временного заместителя Тирибаза, полный желания отомстить за разорение Агесилая, действовал с энергичной враждебностью против лакедемонян и проявлял дружеское расположение к Афинам.

Фимброн (о котором мы уже слышали, что он впервые принял командование киреевской армией в Малой Азии после их возвращения из Фракии) снова получил приказ выступить во главе лакедемонских войск в Азии против Струтаса. Новый полководец с армией, которую Диодор оценивает в восемь тысяч человек,^[687] отправился из Эфеса в глубь страны и начал опустошать территории, зависящие от Персии. Но его предыдущее командование, хотя он и был лично приятен,^[688] было нерегулярным и беспорядочным, и вскоре было замечено, что те же недостатки стали еще более заметными, усугубленными слишком свободным потворством мирным удовольствиям. Зная о его опрометчивом, пренебрежительном и необдуманном поведении, Струтас подстроил ему западню, послав отряд конницы угрожать лагерю как раз в тот момент, когда Тимброн заканчивал утреннюю трапезу в компании флейтиста Терсандра, - последний был не только прекрасным музыкантом, но и обладал полной мерой спартанской храбрости. Выйдя из палатки при известии об этом, Тимброн вместе с Терсандром собрал немногочисленные войска, находившиеся под рукой, не оставив даже распоряжений для остальных, и поспешил отразить нападавших, которые

легко уступили ему дорогу и увлекли его в погоню. Вскоре сам Струтас, появившись с многочисленной и хорошо укомплектованной конницей, энергично атаковал беспорядочный отряд Тимброна. И этот полководец, и Терсандр, храбро сражаясь, пали одними из первых, а армия, лишенная своего командира, а также плохо подготовленная к бою, оказала лишь неумелое сопротивление. Они были разбиты, преследуемы и убиты. Немногие, кому удалось спастись от активной персидской конницы, нашли убежище в соседних городах.[689]

Эта победа при Струтасе, одержанная персидской кавалерией, демонстрирует такую степень энергичности и умения, которая, к счастью для греков, редко встречалась в персидских операциях. Наши скудные сведения не позволяют нам проследить ее последствия. Вскоре после этого лакедемоняне отправили Дифрида вместе с адмиралом Эддикусом, преемником Фимброна, чтобы собрать остатки разбитой армии и защитить города, которые способствовали ее формированию. Дифрид - человек, обладавший всеми популярными качествами своего предшественника, но лучший и более осторожный офицер, - как говорят, в некоторой степени преуспел в этой трудной миссии. Ему посчастливилось захватить в плен зятя Струтаса с женой (как Ксенофонт захватил Асидата), и он получил достаточно большой выкуп, чтобы иметь возможность некоторое время оплачивать свои войска.[690] Но очевидно, что его успехи не были значительными, и теперь ионийским грекам на континенте остается лишь по мере сил выправлять свое положение против сатрапа в Сардах.

Силы Спарты были очень нужны на Родосе; этот остров, как уже говорилось, восстал из Спарты около пяти лет назад (за несколько месяцев до битвы при Книде), лишился лисандрйской олигархии и установил демократическое правительство. Но с тех пор на острове постепенно поднялась, окрепла и вступила в переписку с олигархическими изгнанниками оппозиционная партия, которая со своей стороны горячо просила помощи у Спарты, считая, что в противном случае Родос попадет в полную зависимость от Афин. Поэтому лакедемоняне отправили через Эгейское море восемь трирем под командованием Эддикуса; это был первый из их военных кораблей, переправившихся через море после поражения Книда.[691] Хотя персо-афинские морские силы в Эгейском море были либо распущены, либо парализованы после захвата Конона, родосское правительство располагало флотом примерно из двадцати трирем, а также значительными силами других видов, так что Эддикус не смог даже высадиться на острове, а был вынужден остановиться в Книде. К счастью, лакедемонянин Телеутиас находился в Коринфском заливе с флотом из двенадцати трирем, которые там больше не требовались, поскольку Агесилай и он за несколько месяцев до этого захватили Лехей и уничтожили морские силы коринфян в этих водах. Теперь ему было приказано отплыть со своей эскадрой из Коринфского залива в Азию, сменить Эддикуса и принять командование над всем флотом для операций у Родоса. Проплывая мимо Самоса, он убедил жителей принять сторону Спарты и снабдить его несколькими кораблями, после чего направился в Книд, где, сменив Эддикуса, оказался во главе двадцати семи трирем.[692] На пути из Книда на Родос он случайно столкнулся с афинским адмиралом Филократом, который вел десять трирем на Кипр, чтобы помочь Эвагору в борьбе с персами. Ему посчастливилось доставить их всех в качестве пленников в Книдус, где он продал всю добычу, а затем отправился со своим флотом, увеличившимся до тридцати семи парусов, на Родос. Здесь он основал укрепленный пост, что позволило олигархической партии вести активную гражданскую войну. Но в сражении он потерпел поражение - его враги были явно сильнее на острове и хозяевами всех городов.[693]

Союз с Эвагором Кипрским в его борьбе с Артаксерксом был в этот момент неприятным и затруднительным обстоятельством для Афин, поскольку она рассчитывала на помощь персов против Спарты, а Спарта претендовала на нее. Но от этого союза она не могла легко отказаться. Ведь Эвагор не только укрывал Конона вместе с остатками афинского флота после катастрофы при Игоспотами, но и заслужил пожалование гражданства и почетную статую в Афинах, будучи активным помощником в получении персидской помощи, благодаря которой была выиграна битва при Книде, и личным участником этого сражения, еще до начала его разлада с Артаксерксом.[694] В этот момент Афинам было бы выгодно отказаться от помощи Эвагора, поскольку (не говоря уже о вероятности оскорбить персидский двор) у нее было более чем достаточно средств, чтобы использовать все свои морские силы ближе к дому и для более важных для себя целей. И все же, несмотря на эти серьезные соображения благоразумия, первостепенные чувства долга и благодарности, подкрепленные влиятельными гражданами, имевшими связи на Кипре, заставили афинян отождествить себя с его галантной борьбой[695] (о которой я расскажу подробнее ниже). Так мало переменчивость, непостоянство или легкое забвение прошлых чувств были частью их настоящей природы, хотя историки обычно называют их одними из самых выдающихся качеств.

Однако захват их эскадры под командованием Филократа и последовавшее за этим увеличение лакедемонских морских сил на Родосе заставили афинян отложить дальнейшую помощь Эвагору и вооружить сорок трирем под командованием Фрасибула для азиатского побережья; это было немалым усилием, если вспомнить, что за четыре года до этого в Пирее не было ни одной триремы и даже оборонительной стены вокруг этого места. Хотя Фрасибул немедленно отправился на помощь Родосу, он счел целесообразным сначала отправиться в Геллеспонт; вероятно, из-за крайней нужды в деньгах, чтобы заплатить своим людям. Деркиллидас все еще занимал Абидос, но в проливе не было лакедемонского флота; таким образом, Фрасибул получил возможность расширить афинские союзы как на европейской, так и на азиатской стороне - последняя находилась под властью дружественного сатрапа Фарнабаза. Примирив двух фракийских князей, Сеутеса и Амадока, которые оказались в состоянии войны, он привел их обоих в дружеские отношения с Афинами, а затем двинулся на Византию. Этот город уже был в союзе с Афинами; но с прибытием Фрасибула союз еще более укрепился благодаря смене правительства на демократическое. Установив дружбу с противоположным городом Халкедоном и став таким образом хозяином Босфора, он продал десятину с торговых судов, выходящих из Эвксинского моря;[696] , несомненно, оставил достаточные силы для ее взыскания. Это было ярким свидетельством возрождения афинского морского могущества, которое, похоже, теперь распространялось в большей или меньшей степени на Самофракию, Фазу и побережье Фракии.[697]

Из Византии Фрасибул отплыл в Митилену, которая уже была в дружбе с Афинами, хотя Метимну и другие города острова все еще удерживали войска под командованием лакедемонского гармата Теримаха. С помощью митиленцев и изгнанников из других лесбийских городов Фрасибул подошел к границам Метимны, где его встретил Феримах; он также собрал все свои силы, но теперь был полностью разбит и убит. Таким образом, афиняне стали хозяевами Антиссы и Эресуса, где они могли взимать ценную контрибуцию, а также грабить непокорную территорию Метимны. Тем не менее Фрасибул, несмотря на дальнейшую помощь с Хиоса и Митилены, все еще считал себя не в том положении, чтобы с выгодой отправиться на Родос. Возможно, он не был уверен, что ему заплатят заранее, а присутствие неоплаченных войск на истощенном острове могло принести сомнительную

пользу. Поэтому он отплыл с Лесбоса вдоль западного и южного побережья Малой Азии, взяв контрибуцию в Галикарнасе[698] и других местах, пока не прибыл в Аспенду в Памфилии; там он также получил деньги и уже собирался отплыть с ними, когда некоторые проступки его солдат так возмутили жителей, что они напали на него ночью в его палатке и убили его неподготовленным.[699]

Так погиб гражданин, которому, как никому другому, Афины обязаны не только своей обновленной демократией, но и ее мудрым, щедрым и гармоничным функционированием после обновления. Даже фило-лаконский и олигархический Ксенофонт воздает ему хвалебные почести.[700] Его самоотверженный патриотизм в начале и продолжении борьбы с Тридцатью в то время, когда они не только находились в зените своего могущества, но и имели все основания рассчитывать на всю вспомогательную силу Спарты, заслуживает высокого восхищения. Но еще более выдающейся чертой его характера - чертой, бесконечно редкой для греческого характера вообще, - является то, что энергия успешного лидера сочеталась в нем с полным отсутствием как мстительной антипатии к прошлому, так и непомерных амбиций по отношению к самому себе. Довольный жизнью простого гражданина в условиях восстановленной демократии, он учил своих соотечественников прощать олигархическую партию, от которой они терпели жестокие обиды, и сам подал пример попустительства, лишившись своей собственной крупной собственности. Благородство такого поступка не должно быть занижено, потому что он в то же время был продиктован высочайшим политическим благоразумием. В оратории Лисия против Эргокла (гражданина, служившего в афинском флоте во время последней экспедиции), где последний обвиняется в грубом казнокрадстве, мы находим обвинения в адрес Фрасибула в том, что он потворствовал этому проступку, хотя и сопровождаемые похвалой его общего характера. Даже сами слова в их нынешнем виде настолько расплывчаты, что не могут служить доказательством; а если учесть, что оратория была произнесена после смерти Фрасибула, то они вообще не имеют никакого веса.[701]

Афиняне послали Агиррия на смену Фрасибулу. После смерти последнего мы можем заключить, что флот отправился на Родос, где и находился изначально, - хотя Ксенофонт не говорит об этом прямо, - скорее потому, что ни Телеутиас, ни какой-либо другой лакедемонский полководец, похоже, не стал хозяином острова, несмотря на значительные силы, которые они там собрали.[702] Однако лакедемоняне, со своей стороны, также испытывали большой недостаток в деньгах, и Телеутиас был вынужден (так же, как и афиняне) переезжать с острова на остров, взяв посильные взносы.[703]

Когда весть об успешных действиях Фрасибула в Византии и на Геллеспонте, вновь установившего пошлину в пользу Афин, достигла Спарты, она вызвала такое беспокойство, что Анаксибий, имевший большое влияние на эфоров того времени, убедил их отправить его гармастом в Абидос вместо Деркиллидаса, который занимал этот пост уже несколько лет. Будучи офицером, который первоначально обеспечил восстание из Афин (в 411 году до н.э.),[704] Деркиллидас впоследствии оказал не менее важную услугу, сохранив его для Спарты во время масштабного дезертирства, последовавшего за битвой при Книде. Но предполагалось, что он должен был сдерживать агрессивные планы Фрасибула; кроме того, Анаксибий обещал, если ему будет доверено небольшое войско, эффективно подавить вновь возродившееся афинское влияние. Предполагалось, что он хорошо знает те области, в которых уже однажды был адмиралом, когда Ксенофонт и киреевская армия только вернулись; о грубости, вероломстве и коррупции, которые он проявил в общении с этим доблестным отрядом, уже рассказывалось в предыдущей главе.[705] С тремя триремами и средствами для оплаты тысячи наемных войск Анаксибий отправился в Абидос. Он начал

свои операции с большой энергией, как против Афин, так и против Фарнабаза. Вооружив сухопутное войско, которое он использовал для набегов на соседние города на территории сатрапа, он в то же время усилил свою маленькую эскадру тремя триремами, вышедшими из гавани Абидоса, так что он стал достаточно силен, чтобы захватывать торговые суда, идущие по Геллеспонту в Афины или к их союзникам.^[706] Таким образом, силы, которые Фрасибул оставил в Византии для обеспечения доходов от пролива, оказались недостаточными для выполнения своей задачи без дальнейшего пополнения.

К счастью, в этот момент в Афинах находился Ификрат, недавно вернувшийся из Коринфа со своим отрядом пельтастов, для которых, несомненно, требовалась работа. Его отправили с двенадцатью сотнями пельтастов и восемью триерами сражаться с Анаксибием в Геллеспонте, который теперь снова стал ареной конфликта, как это было в последние годы Пелопоннесской войны; афиняне - с европейской стороны, лакедемоняне - с азиатской. Поначалу война сводилась к неспешному каперству и денежным походам с обеих сторон.^[707] Но в конце концов бдительный гений Ификрата обнаружил возможность для успешной стратагемы. Анаксибий, только что привлекий к своему союзу город Антандр, отправился туда, чтобы оставить в нем гарнизон со своими лакедемонскими и наемными войсками, а также двумя сотнями гоплитов из самого Абидоса. Его путь лежал через горную область Ида на юг к побережью Адрамитского залива. Ификрат, предвидя скорое возвращение, ночью переправился из Херсонеса и устроил засаду на линии обратного марша, в том месте, где она пересекала пустынные и горные окраины Абидской области, недалеко от золотых рудников Кремастека. Триерам, перевезшим его, было приказано отплыть в пролив на следующий день, чтобы Анаксибий был извещен об этом и мог предположить, что Ификрат занят своей обычной экскурсией по сбору денег.

Стратагема полностью удалась. Анаксибий вернулся на следующий день, не подозревая о наличии врага, маршируя в небрежном порядке и с длинными растяжками, как из-за узости горного пути, так и из-за того, что он находился на дружественной территории Абидоса. Не ожидая сражения, он, к сожалению, либо пропустил утреннее жертвоприношение, либо не позаботился о том, чтобы убедиться, что жертвы были благоприятными; так сообщает нам Ксенофонт,^[708] с тем постоянным вниманием к божественным судам и божественным предупреждениям, которое пронизывает и "Эллинику", и "Анабасис". Ификрат, пропустив абиденцев, находившихся в фургоне, внезапно выскочил из засады, чтобы напасть на Анаксибия с лакедемонянами и наемниками, когда они спускались с горного перевала на равнину Кремастек. Его появление повергло в ужас и смятение всю армию, не готовую в своем беспорядочном строю к стойкому сопротивлению - даже если бы умы солдат были так хорошо настроены - против хорошо обученных пельтастов, которые наверняка одержат верх над гоплитами, не стоящими в строю. Для самого Анаксибия истина сразу стала очевидной. Поражение было неизбежно, и у него не оставалось другого выхода, кроме как умереть как храбрец. Поэтому, попросив щитоносца подать ему щит, он сказал окружающим: "Друзья, честь велит мне умереть здесь; но поспешите уйти и спастись, пока враг не подошел к нам вплотную". Такой приказ едва ли был нужен для того, чтобы привести в порядок охваченные паникой войска, которые единодушно бежали в сторону Абидоса; сам же Анаксибий стойко ожидал приближения врага и пал, галантно сражаясь на месте. Не менее двенадцати спартанских гарматов, изгнанных из своих правительств после поражения Книда и с тех пор остававшихся под началом Деркиллида в Абидосе, с таким же мужеством разделили его участь. Такое презрение к жизни вряд ли удивляет нас в выдающихся спартанских гражданах, для которых сохранение жизни путем бегства было "не настоящим сохранением" (по выражению Ксенофонта),^[709] а просто продлением жизни в условиях невыносимого позора на родине. Но большего внимания заслуживает тот факт, что юноша, к которому

Анаксибий был нежно привязан и который был его постоянным спутником, не смог его покинуть, остался сражаться рядом с ним и погиб той же почетной смертью.[710] Так сильна была взаимная преданность, которую эти отношения между лицами мужского пола внушали древнегреческому уму. За этими исключениями никто больше не делал попыток выстоять. Все бежали, и Ификрат преследовал их до самых ворот Абидоса, перебив пятьдесят из двухсот абиденских гоплитов и двести из оставшегося войска.

Этот хорошо спланированный и успешный подвиг, укрепив репутацию Ификрата, вновь сделал афинян хозяевами Босфора и Геллеспонта, обеспечив как взимание пошлин, так и транзит их торговых судов. Но пока афиняне вели морскую войну на Родосе и в Геллеспонте, они начали испытывать раздражение ближе к дому, со стороны Эгины.

Этот остров (в пределах видимости, как называл его Перикл, "бельмо на глазу") за пятьдесят лет до того был занят населением, явно враждебным Афинам, затем завоеван и изгнан ими, - наконец, снова захвачен в новом месте, которое они получили в Лаконии, - и предан смерти по ее приказу. Во время Пелопоннесской войны Эгину арендовали афинские граждане - переселенцы или клерухи; все они были изгнаны после битвы при Эгоспотамах. Затем Лисандр вернул остров остаткам прежнего населения - по крайней мере, тем, кого он смог найти.

Эти новые эгинетяне, несомненно, руководствуясь крайне неблагоприятными для Афин ассоциациями, тем не менее оставались не только в мире, но и во взаимной торговле с Афинами, пока не прошло значительное время после битвы при Книде и восстановления ее Длинных стен. И так бы они и продолжали, по собственной воле, - поскольку они мало что могли выиграть и, скорее всего, потеряли бы всю безопасность своих перевозок из-за ее враждебности, - если бы их не вынудил начать войну Этеоник, лакедемонский гармат на острове;[711] один из многих примеров того, как меньшие греческие государства были втянуты в войну, без каких-либо собственных мотивов, из-за честолюбия больших, - как Спартой, так и Афинами.[712] С согласия эфоров Этеоник разрешил и поощрил всех эгинетян снаряжать каперы для грабежей в Аттике; на эту агрессию афиняне обиделись и, претерпев значительные неудобства, послали отряд из десяти трирем блокировать Эгину с моря, а гоплитов под командованием Памфила - построить и занять постоянный форт на острове. Однако эта эскадра вскоре была отбита (хотя Памфил продолжал занимать форт) Телеутиасом, который прибыл в Эгину, услышав о блокаде; он был занят с флотом, которым командовал на Родосе, в экспедиции по Кикладам с целью сбора контрибуции. По-видимому, у него заканчивался год правления, и пока он находился в Эгине, его преемник Гиеракс прибыл из Спарты, направляясь на Родос, чтобы сменить его. Флот, соответственно, был передан Гиераксу в Эгине, а Телеутиас отправился прямо домой в Спарту. Его популярность среди моряков была столь велика, что многие из них провожали его до самой кромки воды, выражая свое сожаление и привязанность венками или сжимая его руку. Некоторые, спустившиеся слишком поздно, когда он уже был на весу, бросали свои венки в море, произнося молитвы о его здоровье и счастье.[713]

Гиеракс, отведя на Родос оставшийся флот, который Телеутиас привел с острова, оставил в Эгине своего подчиненного Горгопаса в качестве гармаста с двенадцатью триремами; эта сила полностью защищала остров и привела к тому, что укрепленный пост афинян при Памфиле был заблокирован, так что после четырехмесячного перерыва в Афинах был принят специальный указ о направлении многочисленной эскадры и выводе гарнизона. Поскольку эгинетские каперы при поддержке эскадры Горгопаса вновь начали досажать Аттике, тринадцать афинских трирем были снаряжены под командованием Эвнома в качестве сторожевой эскадры против Эгины. Но Горгопас со своей эскадрой был на время отозван,

чтобы сопровождать Анталкида, нового лакедемонского адмирала, отправленного в Азию главным образом для повторных переговоров с Тирибазом. Возвращаясь обратно после высадки Анталкида в Эфесе, Горгопас столкнулся с Эвномом, от преследования которого, однако, ему удалось уйти, высадившись в Эгине перед самым заходом солнца. Афинский адмирал, понаблюдав некоторое время, пока не увидел, что лакедемонские моряки вышли из своих судов на берег, с наступлением темноты отплыл в Аттику, неся с собой фонарь, чтобы его корабли не разошлись. Но Горгопас, заставив своих людей наскоро перекусить, тут же снова сел на корабль и пустился в погоню, держась по следу с помощью света и стараясь не выдать себя ни шумом весел, ни пением келеустов. Евномий не подозревал о приближающемся враге. Как только он высадился на берег у мыса Зостер в Аттике, когда его люди уже высаживались, Горгопас дал сигнал трубой к атаке. После короткого боя при свете луны четыре афинских эскадрона были взяты в плен и уведены в Эгину; с остальными Эвномус бежал в Пейрею.[714]

Эта победа, придав уверенности Горгопасу и эгинетянам, открыла им путь к хитрости, искусно спланированной афинянином Хабриасом. Этот офицер, который, похоже, был уволен из Коринфа, как до него Ификрат, теперь собирался направить на помощь Эвагору отряд из десяти трирем и восьмисот пельтастов, которому афиняне таким образом отдавали свой долг благодарности, хотя и не могли выделить из дома ни одного своего войска. Хабрий, переправившись ночью из Пирея, высадился незамеченным в пустынном месте на побережье Эгины и расположился со своими пельтастами в засаде на небольшом расстоянии от Ираклиона или храма Гераклеи, среди пологого грунта, пригодного для укрытия. Перед этим он договорился с другой эскадрой и гоплитами под командованием Демернета, которые прибыли на рассвете и высадились в Эгине в местечке под названием Трипиргия, примерно в двух милях от Ираклиона, но гораздо дальше от города. Как только стало известно об их прибытии, Горгопас поспешил из города, чтобы отразить их, со всеми войсками, которые он мог собрать, эгинетянами, а также пехотинцами с военных кораблей, и восемью спартанцами, которые оказались его спутниками на острове. Выйдя из города, чтобы напасть на новоприбывших, они должны были пройти рядом с Гераклеоном, а значит, и рядом с войсками, сидевшими в засаде; как только Горгопас и те, кто был рядом с ним, прошли мимо, они внезапно поднялись и напали на них с тыла. Эта уловка удалась не хуже, чем у Ификрата в Абидосе против Анаксибия. Горгопас и находившиеся рядом с ним спартанцы были убиты, остальные разбиты и вынуждены были с большими потерями бежать обратно в город.[715]

После этого блестящего успеха Хабрий продолжил свое путешествие на Кипр, а дела на стороне Эгины выглядели настолько благополучно, что Деменет также был отправлен в Геллеспонт для подкрепления Ификрата. Некоторое время лакедемонские корабли в Эгине ничего не предпринимали. Этеоник, посланный в качестве преемника Горгопаса,[716] не мог ни убедить, ни заставить моряков подняться на борт, так как у него не было средств, а жалование им не выплачивалось; таким образом, Афины с их побережьем и торговыми судами оставались совершенно без охраны. В конце концов лакедемоняне были вынуждены снова послать в Эгину Телеутиаса, самого популярного и любимого из всех своих командиров, которого моряки встретили с величайшим восторгом. Обращаясь к ним под влиянием этого первого впечатления, сразу после жертвоприношения, он прямо сказал им, что не взял с собой денег, но пришел, чтобы поставить их на путь добывания; что сам он не прикоснется ни к чему, пока они не будут в достатке обеспечены, и потребует от них переносить не больше трудностей и усталости, чем пережил сам; Что могущество и процветание Спарты были приобретены добровольным трудом и опасностями во имя долга; что доблестные люди должны добиваться своего не , уступая кому-либо, а собственным

мечом, ценой врагов. И он обещал найти им средства для этого, если только они теперь снова проявят те прекрасные качества, которыми, как он знал по опыту, они обладают.[717]

Это обращение полностью покорило моряков, которые встретили его аплодисментами; Телеутиас пожелал немедленно отдать свои приказы и обещал повиноваться. "Ну что ж, - сказал он, - теперь идите ужинать, как вы собирались, а затем немедленно приходите на корабль, захватив с собой провизию на один день. Выделите мне столько из своих средств, чтобы мы, по воле богов, могли совершить удачное плавание".[718]

Несмотря на огромную популярность Телеутиаса, люди, вероятно, отказались бы идти на борт, если бы он заранее сообщил им о своем намерении плыть на двенадцати триерах прямо в гавань Пейреуса. На первый взгляд, предприятие казалось безумным, ведь трирем было более чем достаточно, чтобы одолеть его. Но он рассчитывал застать их всех неподготовленными, с матросами и офицерами в их жилищах на берегу, так что он мог не только навести ужас и нанести ущерб, но и за полчаса разграбить гавань, прежде чем будут сделаны приготовления к сопротивлению. Теперь там царила такая безопасность, особенно после смерти Горгопаса, что никто и не мечтал о нападении. Гавань была открыта, как и сорок лет назад, когда Брасидас (на третьем году Пелопоннесской войны) предпринял подобное предприятие из порта Мегары.[719] Даже тогда, на максимуме афинской морской мощи, это предприятие было возможным только потому, что все считали его невозможным; и оно потерпело неудачу только потому, что нападавшие испугались и дрогнули при исполнении.

Чуть позже наступления темноты Телеутиас покинул гавань Эгины, никому не сказав, куда направляется. Неторопливо гребя и позволяя своим людям отдыхать на веслах, он к утру оказался в полумиле от Пейреуса, где дождался рассвета, а затем повел свою эскадру прямо в гавань. Все оказалось так, как он и ожидал: не было ни малейшей мысли о нападении, ни малейшей подготовки к обороне. Ни одна трирема не была укомплектована людьми и не находилась в боевом состоянии, но несколько были пришвартованы без экипажей, вместе с торговыми судами, как груженными, так и пустыми. Телеутиас приказал капитанам своей эскадры двигаться против трирем и вывести их из строя, но ни в коем случае не повреждать клювы своих кораблей, пытаясь вывести из строя торговые суда. Даже в этот ранний час многие афиняне находились за городом, и появление неожиданных нападавших вызвало у всех удивление и замешательство. Громкие и неясные крики разнеслись по всему Пирею, а из Пирея - в Афины, где считали, что их гавань действительно захвачена. Все побежали по домам за оружием, и вся городская рать в едином порыве устремилась туда - как гопплиты, так и всадники. Но прежде чем подоспело подкрепление, Телеутиас успел натворить немало бед. Его моряки брали на abordаж крупные торговые корабли, захватывая людей и носильные вещи, которые находили на борту. Некоторые даже спрыгивали на берег на пристани (называемой Дейгма), хватали за руки торговцев, корабельных мастеров и лоцманов, которых видели поблизости, и уводили их в плен. Также были отбуксированы различные мелкие суда со всем их грузом и даже три или четыре триремы. Со всем этим Телеутиас благополучно отплыл из Пейреуса, отправив часть своей эскадры сопровождать призы в Эгину, а сам с остальными поплыл вдоль побережья на юг. Поскольку его видели выходящим из Пирея, его триремы были приняты за афинские и не вызвали тревоги; таким образом, он захватил в Суниуме несколько рыбацких лодок и парусников, идущих с пассажирами с островов в Афины, а также несколько торговых судов, перевозивших кукурузу и другие товары. Все они были благополучно доставлены в Эгину.[720]

Предприятие Телеутиаса, прекрасно согласованное и выполненное без потери людей, принесло ему обильную добычу, из которой, вероятно, не последнюю роль сыграли люди, захваченные в плен. Проданная в Эгине, она принесла такую большую прибыль, что он смог сразу же выплатить месячное жалование своим морякам, которые привязались к нему сильнее, чем когда-либо, и держали триремы в оживленной и активной службе по его приказу.[721] Афиняне, наученные горьким опытом, теперь, несомненно, тщательно охраняли и закрывали Пирея, как и сорок лет назад после неудачной атаки Брасида. Но, несмотря на максимальную бдительность, они понесли огромный урон от неутомимого Телеутия и каперов эгинетян, достаточный для того, чтобы устать от войны.[722]

Мы не можем сомневаться, что ведение войны было тяжелым финансовым бременем для афинян с 395 г. до н. э. по 387 г. до н. э. Как они покрывали расходы, не имея ни союзников, ни иностранной поддержки, кроме той, что Конон получил в течение года от Фарнабаза, мы не знаем. После возрождения демократии в 403 году до н. э. бедность города, как государственная, так и частная, была очень велика из-за долгой предыдущей войны, закончившейся потерей всего афинского имущества за границей. Через три года после этого афиняне, по-видимому, задолжали не только дань Спарте как ее союзнику, но и долги беотийцам за нанесенный ущерб; они были слишком бедны, чтобы полностью исполнять религиозные жертвоприношения, предписанные на год, и вынуждены были опускать даже некоторые из древнейших; доки, как и стены, нуждались в ремонте. [723] Даже жалование гражданам, присутствовавшим на общественных собраниях и заседавшим в качестве дикастов в дикастериях, - жалование, необходимое для функционирования демократии, - было восстановлено лишь постепенно; сначала оно составляло один обол, а до трех оболлов, на которых оно держалось до захвата, восстановилось лишь после нескольких лет перерыва.[724] Именно в это время была впервые учреждена Феорическая коллегия, или казначеи для общих расходов на общественные богослужения и жертвоприношения; и когда мы читаем, как сильно афиняне были стеснены в средствах для празднования предписанных жертвоприношений, вероятно, возникла большая необходимость в учреждении такой должности. До 403 г. до н. э. выплаты, связанные с этой целью, осуществлялись не специальным советом, а эллинами, или казначеями дани, собираемой с союзников, которые не были возобновлены после 403 г. до н. э., поскольку Афинская империя прекратила свое существование.[725] Часть денег, выделяемых Феорической коллегией на религиозные праздники, использовалась для раздачи всем присутствующим гражданам по два оболла на голову, называемых диобелами, которые получали все - не только бедняки, но и люди в легком положении.[726] Эта раздача производилась на нескольких праздниках, первоначально начавшись на Дионисии, чтобы граждане могли получить места на театральных представлениях в честь Диониса; но мы не знаем ни числа праздников, ни размера общей суммы. В принципе, это было естественным следствием религиозной идеи, связанной с праздником; не просто потому, что комфорт и отдых каждого гражданина в отдельности способствовал тому, что он мог присутствовать на празднике, - но потому, что коллективный эффект церемонии, чествование и умилоствление бога, как считалось, частично зависел от многочисленного присутствия и живых проявлений.[727] Постепенно, однако, эта раздача Theôric или фестивальных денег дошла до злоупотреблений и озорства, о чем мы узнаем через сорок лет после этого, во время политической карьеры Демосфена. До этого времени у нас нет никаких материалов, чтобы говорить об этом; и то, о чем я здесь рассказываю, - это просто первое создание Феорической коллегии.

Средства Афин для продолжения войны и оплаты войск, отправленных как в Беотию, так и в Коринф, должны были в основном поступать от прямых налогов на имущество, называемых eisphoræ. И некоторые из таких обложений, как правило, упоминаются как имевшие место в

эти годы, хотя мы не знаем подробностей ни о частоте, ни о сумме.^[728] Но восстановление Длинных стен и укреплений Пейреуса Кононом было не менее ценной помощью для финансов Афин, чем для ее политической власти. Эта прекрасная гавань, удобная как торговый центр и теперь снова безопасная для проживания метисов и импорта купцов, быстро стала сценой оживленной торговли, как мы видели, когда ее удивил Телеутиас. Число метисов, или свободных неграждан-резидентов, также снова стало большим, как это было до времени ее поражения, и включало множество разных негреческих лиц из Лидии, Фригии и Сирии.^[729] Таким образом, портовые пошлины и стоимость недвижимого имущества в Афинах были увеличены, чтобы частично компенсировать расходы на войну. Тем не менее эти расходы, продолжавшиеся из года в год, в сочетании с ущербом, наносимым каперами Эгинета, серьезно ощущались и способствовали тому, что афиняне склонялись к миру.

В Геллеспонте их перспективы также не только ухудшались, но и стали серьезно угрожать. Отправившись в предыдущем году из Эгины в Эфес и отослав обратно Горгопаса с эгинетской эскадрой, Анталкид передал остатки своего флота под начало своего секретаря Николоха с приказом отправиться в Геллеспонт для помощи Абидосу. Сам он высадился на берег и отправился к Тирибазу, который провел его ко двору в Сузах. Здесь он возобновил предложения по умиротворению Греции на принципах всеобщей автономии, отказавшись от абсолютного подчинения всех азиатских греков персидскому царю, - которые он тщетно пытался осуществить два года назад. Хотя спартанцы в целом были неприятны Артаксерксу, Анталкида вел себя так ловко^[730], что лично завоевал расположение царя, а все влияние Тирибаза было использовано для поддержки его политических взглядов. В конце концов им удалось убедить царя официально принять мир и объявить войну всем грекам, которые откажутся его соблюдать, предоставив спартанцам право повсеместного его соблюдения как своим союзникам и под его санкцией. Чтобы устранить того, кто мог бы стать большим препятствием для этой меры, царь был вынужден пригласить сатрапа Фарнабаза ко двору и отдать ему в жены свою дочь, оставив сатрапию Даскилии под временным управлением Ариобарзанеса, личного друга и гостя Анталкида.^[731] Вооруженные таким образом против всех случайностей, Анталкидас и Тирибаз вернулись из Суз на побережье Малой Азии весной 387 года до н. э., не только имея на руках официальную грамоту, заверенную царской печатью, но и располагая достаточными средствами для ее реализации, поскольку, помимо всех сил Персии, на пути из Сиракуз и греко-италийских городов находились еще двадцать трирем, посланных деспотом Дионисием на помощь лакедемонянам.^[732]

Достигнув побережья, Анталкид обнаружил, что Николох со своим флотом в двадцать пять парусов заблокирован в Абидосе афинянами под командованием Ификрата, которые с тридцатью двумя парусами занимали европейскую сторону Геллеспонта. Он немедленно отправился в Абидос по суше и, воспользовавшись удобным случаем, отправился ночью со своим флотом вверх по проливу в сторону Пропонтиды, распространяя слух, что собирается напасть на Халкедон в согласии с партией в этом городе. Но он остановился в Перкоте и затаился в этой гавани, пока не увидел, что афинский флот (который отправился в погоню за ним по ложному следу) прошел мимо в сторону Проконнеса. Теперь пролив был свободен, и Анталкид снова поплыл по нему навстречу сиракузским и италийским кораблям, с которыми благополучно соединился. Такое соединение, с целью которого был задуман его недавний маневр, сделало его более чем подходящим для своих врагов. Кроме того, ему посчастливилось захватить отдельную афинскую эскадру из восьми трирем, которую Фрасибул (второй афинский гражданин этого имени) вел из Фракии, чтобы присоединиться к основному афинскому флоту в Геллеспонте. Наконец, к Анталкиду прибыло дополнительное подкрепление от ревностных помощников Тирибаза и Ариобарзанеса, так что он оказался во

главе не менее восьмидесяти трирем, а еще большее число готовилось в различных портах Ионии.[733]

Такой флот, самый большой из тех, что видели в Геллеспонте со времен битвы при Игоспотами, настолько превосходил все, что можно было выставить навстречу, и так сильно указывал на всю мощь Персии, действующей в интересах Спарты, что афиняне начали опасаться повторения тех же бедствий, которые они уже претерпели от Лисандра. Часть таких трудностей они сразу же почувствовали на себе. Ни одно торговое судно не прибыло к ним из Эвксинского моря: все они были захвачены и задержаны Анталкидом; таким образом, основные поставки импортной кукурузы были прерваны. Более того, при таком обнадеживающем положении дел каперы Игинета стали вдвойне активно досаждают каботажной торговле Аттики, и это сочетание фактических трудностей с перспективной тревогой вызвало в Афинах первостепенную тревогу за прекращение войны. Без Афин у других союзников не было бы шансов на успех своими силами; аргейцы же, до сих пор самые упорные, сами стали желать мира, опасаясь повторных вторжений лакедемонян на их территорию. То, что Спарта стала настаивать на мире, когда условия его были предложены ею самой, не удивительно. Даже для нее, триумфатора, каким казалось ее положение сейчас, война была тяжелым бременем.[734]

Таково было общее состояние греческого мира, когда Тирибаз созвал враждующие стороны в свое присутствие, вероятно, в Сардах, чтобы выслушать условия договора, только что прибывшего из Суз. Он предъявил оригинал эдикта и, предварительно выставив царскую печать, зачитал вслух следующее

"Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы города в Азии, а также острова Клазомены и Кипр принадлежали ему. Он также считает справедливым оставить все остальные эллинские города автономными, как малые, так и великие, за исключением Лемноса, Имброса и Скироса, которые должны принадлежать Афинам, как они и были изначально. Если какие-либо стороны откажутся принять этот мир, я начну войну с ними и с теми, кто придерживается того же мнения, как на суше, так и на море, с кораблями и деньгами".[735]

Всем депутатам было дано указание сообщить об условиях эдикта в свои города и вновь собраться в Спарте для принятия или отклонения. Когда наступило время встречи,[736] все города, несмотря на свое неприятие отказа от азиатских греков, а отчасти и второго условия, все же почувствовали себя побежденными превосходящей силой и дали неохотное согласие. Однако, принеся клятву, фиванцы попытались косвенно сделать исключение в своем случае, потребовав принести клятву не только от своего имени, но и от имени всех беотийских городов; это требование Агесилай от имени Спарты отверг, как фактически отменяющее тот пункт умиротворения, по которому малые города объявлялись автономными наравне с большими. Когда фиванский депутат ответил, что не может отказаться от своих притязаний без свежих указаний из дома, Агесилай попросил его немедленно отправиться и посоветоваться со своими соотечественниками. "Ты можешь сказать им (сказал он), что если они не подчинятся, то будут исключены из договора".

С большим удовольствием Агесилай произнес этот императивный приговор, поставивший Фивы перед столь унижительной дилеммой. Антипатия к фиванцам была одним из самых сильных его чувств, и он ликовал в надежде, что они будут упорствовать в своем отказе, и тогда он сможет привести подавляющую силу, чтобы сокрушить их изолированный город. Он так жаждал ожидаемого триумфа, что сразу после отъезда фиванских депутатов, не дождавшись их ответа, заручился согласием эфоров, принес жертву на границе и вывел

спартанские войска к Тегее. Из этого города он не только разослал гонцов во все стороны, чтобы ускорить прибытие перизков, но и отправил офицеров, называемых ксенагами, в города пелопоннесских союзников, чтобы собрать и объединить соответствующие контингенты. Но, несмотря на все предписания, его желания не оправдались. Не успел он отплыть из Тегеи, как фиванские депутаты вернулись с заявлением, что готовы принести клятву только Фивам, признав остальные беотийские города автономными. Таким образом, Агесилай и спартанцы были вынуждены довольствоваться малым триумфом, который сам по себе был очень серьезным и значительным: они лишили Фивы федеральной власти и изолировали их от беотийских городов.[\[737\]](#)

Безмерная и нетерпеливая мизо-фиванская горечь Агесилая, засвидетельствованная здесь его другом и панегиристом, заслуживает особого внимания, так как она объясняет многое в поведении Спарты и ее офицеров в последующие годы.

Агесилаю еще предстояло добиться одного соответствия. Аргейские вспомогательные войска еще не были выведены из Коринфа, и коринфское правительство, вероятно, могло подумать, что условия мира, оставляющие их город автономным, позволяют им сохранять или увольнять этих вспомогательных войск по своему усмотрению. Но Агесилай не так истолковал мир, и его решение, правильное или неправильное, было подкреплено силой принуждения. Он послал сообщить аргейцам и коринфянам, что если вспомогательные войска не будут отозваны, то он немедленно направит свою армию на обе территории. Его императивный приказ не встретил никакого сопротивления. Аргейцы ушли из Коринфа, а пылкие фило-аргейские коринфяне, особенно те, кто был причастен к резне на празднике Эвклеи, в то же время отправились в добровольное изгнание, решив, что в городе им больше небезопасно. Они нашли приют частично в Аргосе, частично в Афинах,[\[738\]](#) где их приняли очень гостеприимно. Те коринфяне, которые до этого находились в изгнании и вместе с лакедемонским гарнизоном в Лехейме и Сикионе вели ожесточенную вражду против своих соотечественников в Коринфе, были немедленно приняты в городе. По словам Ксенофонта, решение об их приеме было принято спонтанным голосом коринфских граждан.[\[739\]](#) Но нам правильнее будет утверждать, что это было сделано по той же устрашающей повестке Агесилая, которая заставила уволить аргейцев.[\[740\]](#) Восстановление изгнанников из Лехейма по случаю было не более добровольным, чем восстановление афинских изгнанников за восемнадцать лет до этого, во время Пелопоннесской войны, - или чем восстановление флигийских изгнанников за два или три года после этого.[\[741\]](#)

ССЫЛКИ

[\[1\]](#) См. Диодор. xi, 69; xii, 64-71; Ктесий, Персика, с. 29-45; Аристотель. Polit. v, 14, 8. Этот последний отрывок Аристотеля не совсем ясен. Сравните Юстин, x, 1.

Хронологию этих персидских царей см. в ценном приложении к книге г-на Файнса Клинтона "Fasti Hellenici", App. 18, vol. ii, p. 313-316.

[\[2\]](#) Ктесий, Персика, с. 38-40.

[\[3\]](#) См. приложение г-на Файнса Клинтона, упомянутое в предыдущем примечании, с. 317.

В армии Артаксеркса в битве при Кунаксе было несколько египетских войск; с другой стороны, другие египтяне находились в состоянии ярко выраженного бунта. Сравните два

отрывка из "Анабасиса" Ксенофонта, i, 8, 9; ii, 5, 13; Diodor. xiii, 46; и диссертацию Ф. Лея, *Fata et Conditio Ægypti sub imperio Persarum*, p. 20-56 (Кёльн, 1830).

[4] Xen. Hellen. i, 2, 19; ii, 1, 13.

[5] Thucyd. iv, 50. πολλῶν γὰρ ἐλθόντων πρεσβέων οὐδένα ταῦτα λέγειν.

Эта некомпетентность или двуличность спартанских посланников помогает объяснить, с какой легкостью Алкивиад обманул их в Афинах (Thucyd. v, 45). См. выше, в этой Истории, т. VII. гл. iv, с. 47.

[6] Ктесий, Persic. с. 52.

[7] Thucyd. viii, 28. См. т. VII, гл. lxi, с. 389 настоящей Истории.

[8] Xen. Hellen. ii, 1, 14. Сравните Xen. Œconom. iv, 20.

[9] Xen. Anab. i, 1, 2; i, 9, 7; Xen. Hellen. i, 4, 3.

[10] Xen. Anab. i, 9, 3-5. Сравните Киропедия, i, 2, 4-6; viii, 1, 16 и др.

[11] Плутарх, Артаксеркс. с. 2-6; Xen. Anab. *ut sup.*

[12] См. т. VIII. гл. lxiv, с. 135.

[13] У Дария было тринадцать детей от Парисатис, но все, кроме Артаксеркса и Кира, умерли молодыми. Ктесий утверждает, что слышал это заявление от самой Парисатис (Ktesias, Persica, с. 49).

[14] Геродот. vii, 4.

[15] Xen. Hellen. ii, 1, 8, 9; Thucyd. viii, 58.

Сравните Xen. Cyropæd. viii, 3, 10; и Лукиан, *Navigium seu Vota*, с. 30. vol. iii, p. 267, ed. Hemsterhuys with Du Soul's note.

Примечательно, что в этом отрывке "Эллиники" либо Ксенофонт, либо переписчик допускают ошибку, называя Ксеркса (вместо Артаксеркса) отцом Дария. Некоторые редакторы, не имея никаких оснований в MSS, хотят изменить текст с Ξέρξου на Ἀρταξέρξου.

[16] Xen. Anab. i, 4, 12.

[17] Xen. Anab. i, 1, 4.

[18] Так его представляет Юстин, v, 11.

[19] Xen. Anab. i, 1, 6; i, 4, 2.

[20] Xen. Anab. i, 1, 7, 8, ὥστε οὐδὲν ἦχθετο (царь) αὐτῶν πολεμοῦντων.

[21] Xen. Anab. i, 1, 9; ii, 6, 3. Приведенные здесь утверждения не согласуются с Диодором xiv, 12; в то время как оба они расходятся с Исократом (Orat. viii, De Pace, s. 121; Or. xii, Panath. s. 111) и Плутархом, Artaxerxes, с. 6.

Я частично следую повествованию Диодора, полагая, что тирания, о которой он упоминает, была совершена Клеархом как Гармостом Византии. Мы знаем, что в этом городе был лакедемонский Гармост, названный так сразу после того, как город был взят Лисандром после битвы при Игоспотаме (Xen. Hellen. ii, 2, 2). Это было в конце 405 г. до н. э. Из

"Анабасиса" мы знаем, что Клеандр был Хармостом в этом городе в 400 г. до н. э. Возможно, Клеарх был Хармостом в 404 г. до н. э.

[22] Xen. Anab. i, 1, 10; Herodot. vii, 6; ix, 1; Plato, Menon, с. 1, р. 70; с. 11, р. 78 С.

[23] Herodot. i. 96. Ὁ δὲ (Dēiokês) οἷα μνῶμενος ἀρχὴν, ἰθύς τε καὶ δίκαιος ἦν.

Ксеноф. Hellen. iii, 1, 1; Diodor. xiv, 19.

[24] Xen. Anab. 1, 9, 8. Πολλάκις δ' ἰδεῖν ἦν ἀνὰ τὰς στειβομένας ὁδοὺς, καὶ ποδῶν καὶ χειρῶν καὶ ὀφθαλμῶν στερουμένους ἀνθρώπους.

О других примерах увечий, наносимых персами не только злоумышленникам, но и пленным оптом, см. Квинт Курций, т. 5, 6. Александр Македонский приближался к Персеполису, "quum miserabile agmen, inter pauca fortunæ exempla memorandum, regi occurrit. Captivi erant Græci ad quatuor millia ferè, quos Persæ vario suppliciorum modo affecerunt. Alios pedibus, quosdam manibus auribusque, amputatis, inustisque barbararum literarum notis, in longum sui ludibrium reservaverant," etc. Сравните Диодора, xvii, 69; и невероятные рассказы о жестокости, пересказанные в Herodot. ix, 112; Ktesias, Persic. с. 54-59; Plutarch, Artaxerx. с. 14, 16, 17.

Не лишним будет заметить, что хотя персидские правители не проявляли большей изобретательности, чем в преувеличении телесных страданий преступника или врага, в Афинах, когда кого-либо предавали смерти по публичному приговору, казнь происходила внутри тюрьмы путем введения чаши болиголова, даже без публичного обнажения. Это был минимум боли, а также минимум унижения, в чем может убедиться любой, кто прочтет рассказ о смерти Сократа, приведенный Платоном в конце "Федона".

Несомненно, что в целом общественные настроения в Англии сейчас более гуманны, чем в те времена в Афинах. И все же афинская публика не смогла бы вынести зрелища публичного повешения или обезглавливания гражданина на рыночной площади. Тем более они не смогли бы вынести зрелища длительных пыток, которым подвергли Дамиена в Париже в 1757 году (справедливая параллель персидскому σκάφευσις, описанному у Плутарха, Artaxerx. с. 16), в присутствии огромной толпы зрителей, когда каждое окно с видом на площадь де Грев сдавалось по высокой цене и заполнялось лучшей компанией Парижа.

[25] Xen. Anab. i, 9, 13.

[26] Xen. Anab. i, 6, 6.

[27] Xen. Anab. i, 2, 2-3.

[28] Xen. Hellen. iii, 1, 1.

[29] Диодор. xiv, 21.

[30] Ксен. Anab. vi, 4, 8. Τῶν γὰρ στρατιωτῶν οἱ πλεῖστοι ἦσαν οὐ σπάνει βίου ἐκπεπλευκότες ἐπὶ ταύτην τὴν μισθοφορὰν, ἀλλὰ τὴν Κύρου ἀρετὴν ἀκούοντες, οἱ μὲν καὶ ἀνδρας ἄγοντες, οἱ δὲ καὶ προσανελκότες χρήματα, καὶ τούτων ἕτεροι ἀποδεδρακότες πατέρας καὶ μητέρας, οἱ δὲ καὶ τέκνα καταλιπόντες, ὥς χρήματα αὐτοῖς κτησάμενοι ἤξοντες πάλιν, ἀκούοντες καὶ τοὺς ἄλλους τοὺς παρὰ Κύρῳ πολλὰ καὶ ἀγαθὰ πράττειν. Τοιοῦτοι οὖν ὄντες, ἐπόθουν εἰς τὴν Ἑλλάδα σῶζεσθαι. Сравните ст. 10, 10.

[31] Сравните аналогичные похвалы Птолемея Филадельфа, чтобы привлечь греческих наемников из Сицилии в Египет (Theokrit. xiv, 50-59).

[32] Xen. Anab. iii, 1, 4. Ὑπὸ σχεῖτο δὲ αὐτῷ (Proxenus to Xenophon) εἰ ἔλθοι, φίλον Κύρῳ ποιήσεις- ὃν αὐτὸς ἔφη κρείττω ἑαυτῷ νομίζειν τῆς πατρίδος.

[33] Strabo, ix, p. 403. История о том, что Сократ вынес раненого и сброшенного с коня Ксенофонта на своих плечах и тем самым спас ему жизнь, кажется слишком сомнительной, чтобы вводить ее в повествование.

Среди доказательств того, что Ксенофонт принадлежал к афинским всадникам, можно отметить не только его интерес к всадничеству, большое мастерство в кавалерийской службе, обязанности командира и все, что связано с лошадьми, что отражено в его опубликованных работах, но и тот факт, что его сын Грилл впоследствии служил среди афинских всадников во время кавалерийского сражения, которое предшествовало великой битве при Мантинее (Diogen. Laërt. ii, 54).

[34] Ксен. Anab. iii, 1, 4-9; v. 9, 22-24.

[35] Xen. Anab. i, 2, 4; ii, 3, 19.

Диодор (xiv, 11), ссылаясь на Эфора, утверждает, что первое откровение Артаксерксу сделал Фарнабаз, который узнал о нем от остроумного афинского изгнанника Алкивиада. То, что последний имел к этому какое-то отношение, представляется маловероятным. Но Диодор не раз путает Фарнабаза и Тиссаферна.

[36] Diodor. xiv, 19.

[37] Парасанг был персидской мерой длины, но, согласно Страбону, не имел одинакового значения во всех частях Азии; в одних частях он считался равным тридцати стадиям, в других - сорока, в третьих - шестидесяти (Strabo, xi, p. 518; Forbiger, Handbuch der Alten Geograph. vol. i, p. 555). Такая изменчивость значения не является чем-то необычным, если вспомнить разницу между английскими, ирландскими, немецкими милями и т. д.

Геродот четко говорит нам, что *он* имел в виду под парасангом, и что персидское правительство его времени признавало таковым при измерении большой дороги из Сард в Сузы, а также при измерении территории для целей взимания дани (Herod. v, 53; vi, 43). Она составляла тридцать греческих стадий = почти три с половиной английских мили, или почти три географические мили. Расстояние между каждыми двумя последовательными станциями на пути из Сард в Сузы (которые были "все населены и все безопасны", διὰ οἰκεομένης τε ἅπασα καὶ ἀσφαλούς), по-видимому, измерялось и отмечалось в парасангах и долях парасанга. Из рассказа Геродота о походе Ксеркса (vii, 26) следует, что эта дорога проходила от Каппадокии и через реку Халис, через Келен и Колосс до Сардиса; следовательно, и дорога, по которой шел Кир, от Сардиса, по крайней мере, до Келена, должна была быть так измерена и обозначена.

Ксенофонт также в своем кратком описании маршрута (ii, 2, 6; vii, 8, 26) подразумевает парасанг как эквивалент тридцати стадий, а каждый день пути он по большей части измеряет в парасангах. Теперь, даже в самом начале похода, у нас нет оснований полагать, что с армией шел какой-либо официальный измеритель пройденного пути, как Бэтон, ὁ Βηρατιστῆς Ἀλεξάνδρου, во время вторжения Александра; см. Athenæus, x, p. 442, и Geier, Alexandri Magni Histor. Scriptt. p. 357. Однако Ксенофонт на протяжении всего похода, вплоть до Трапезунда, указывает дневной марш армии в парасангах; не только в Малой Азии, где были дороги, но и через аравийскую пустыню между Фапсаком и Пилеем, через снега Армении и через территорию варварской Халебы. Он рассказывает, что в пустыне Аравии они прошли девяносто парасангов за тринадцать дней, или почти семь парасангов в день, и это при

сильной летней жары. Далее он рассказывает, что в глубоких снегах Армении, в самый разгар зимы, они проходили пятнадцать парасангов за три дня; а по территории (также покрытой снегом) драчливого Халеба - пятьдесят парасангов за семь дней, или более семи парасангов в день. Такие марши, при тридцати стадиях за парасанг, невозможны. А как Ксенофонт измерял пройденное расстояние?

Самые умные современные исследователи и путешественники - майор Реннелл, мистер Эйнсворт, мистер Гамильтон, полковник Чесней, профессор Кох и другие - не предлагают удовлетворительного решения этой проблемы. Майор Реннелл считает, что парасанг равен 2,25 геогр. милям; мистер Эйнсворт - трем геогр. милям; мистер Гамильтон (путешествия по Малой Азии, т. 42, с. 200) - чему-то менее двух с половиной геогр. миль; полковник Чесней (Евфрат. and Tigris, ch. 8, p. 207) - 2,608 геогр. миль между Сардисом и Фапсакусом - 1,98 геогр. миль между Фапсакусом и Кунаксой, - что-то меньше этого, не уточняя, сколько именно, во время отступления. Очевидно, что нет никакой определенной основы, на которую можно было бы опираться, даже для ранней части маршрута; тем более для отступления. Расстояние между Иконием и Даной (или Тианой) - одна из величин, на которую опирается г-н Гамильтон в своих расчетах; но мы ни в коем случае не уверены, что Кир шел прямым путем; скорее, он свернул с дороги, частично чтобы разграбить Ликаонию, частично чтобы проводить киликийскую принцессу на родину. Другой пункт, на котором настаивает мистер Гамильтон, - это расстояние между Келене и Колоссæ, двумя местами, местоположение которых кажется хорошо установленным, и которые, согласно лучшим современным картам, находятся на расстоянии пятидесяти двух географических миль друг от друга. Ксенофонт называет это расстояние двадцатью парасангами. Если предположить, что дорога, по которой он шел, была той же, что и сейчас, то парасанг Ксенофонта будет равен 2,6 географическим милям. Я уже отмечал, что дорога между Колоссæ и Келенæ, вероятно, измерялась и нумеровалась в парасангах; так что Ксенофонт, указывая количество парасангов между этими двумя местами, опирался на официальный авторитет.

Даже спустя полтора столетия после этого географ Эратосфен обнаружил, что в большей части страны, пройденной Киром, невозможно получить точные измерения (Strabo, ii, p. 73.).

Полковник Чесней замечает: "От Сард до Кунаксы, или курганов Мохаммеда, не может быть меньше или больше двенадцати сотен шестидесяти пяти географических миль; что составляет 2,364 географических мили на каждый из пятисот тридцати пяти парасангов, указанных Ксенофонтom между этими двумя местами".

Как мера расстояния, парасанг Ксенофонта явно не заслуживает доверия. Допустимо ли считать при описании этого похода, что парасанги и стадии Ксенофонта - это измерения скорее времени, чем пространства? От Сард до Келене у него была измеренная дорога и пронумерованные парасанги расстояния; вероятно, что та же самая измеренность и нумерация продолжалась еще четыре дня, вплоть до Керамон-Агоры (поскольку я представляю, что дорога из Келене в Халис и Каппадокию должна была проходить через эти два места) - и, возможно, она продолжалась даже до Икония или Дана. Таким образом, в этих ранних походах Ксенофонт имел возможность составить для себя приблизительное представление о времени (измеряемом ходом солнца), которое требовалось армии для марша в один, два или три парасанга; и когда он дошел до более поздних участков дороги, он назвал *этот отрезок времени* именем одного, двух или трех парасангов. Пять парасангов, по-видимому, означали для него полный день пути; три или четыре - короткий день; шесть, семь или восемь - длинный или очень длинный день.

Мы должны помнить, что греки во времена Ксенофонта не имели портативных средств измерения часов и не делили день на часы или на какие-либо другие признанные дроби. Александрийские астрономы, примерно два столетия спустя, первыми стали использовать ὥρη в значении часа (Ideler, Handbuch der Chronologie, vol. i, p. 239).

Возможно, это поможет объяснить смысл слов Ксенофонта, когда он говорит о походе на пять или семь парасангов среди глубоких снегов Армении; я, однако, не предполагаю, что этот смысл постоянно и неизменно присутствовал в его сознании. Иногда, как представляется, он должен был использовать это слово в его обычном значении расстояния.

[38] Xen. Anab. i, 2, 8, 9. О Келене, Арриан, Exp. Al. i, 29, 2; Quint. Curt. iii, 1, 6.

[39] Эти три похода, каждый из которых состоит из десяти парасангов, из Керамон-Агоры в Кяйстру-Педион, - самые длинные из всех, записанных в "Анабасисе". Удивительно, что они оказались такими, ведь у Кира не было никаких причин торопиться. Когда он достиг Кяйстру-Педиона, он остановился на пять дней. Koh (Zug der Zehn Tausend, Leipsic, 1850, p. 19) замечает, что три дня похода, которые, по-видимому, выпали из расчета Ксенофонта при сравнении частей с общей суммой, удобно включить сюда; таким образом, эти тридцать парасангов должны были занять шесть дней похода вместо трех; по пять парасангов в день. Весь поход Кира из Сард, включая дорогу из Керамон-Агоры в Кяйстру-Педион, лежал на большом пути из Сард к реке Халис, Каппадокии и Сузам. Эта дорога (как мы видим из марша Ксеркса, Herodot. vii, 26; v, 52) проходила через Келен и Колосс, хотя это огромное отклонение от прямой линии. В Кяйстру-Педионе Кир, по-видимому, покинул эту большую дорогу; он пошел другим путем, в направлении почти на юго-восток, к Икониуму. О месте, где эти разные дороги пересекались, где-то около Синнады, см. Mr. Ainsworth, Trav. in the Track, p. 28.

Я не разделяю сомнений в точности описания Ксенофонтом маршрута из Сард в Иконию, хотя названия некоторых мест, которые он упоминает, нам неизвестны, и их местоположение не может быть точно определено. Здесь наблюдается значительное отклонение от прямой линии пеленга. Но в наше время мы придаем этому обстоятельству большее значение, чем это было во времена Ксенофонта. Прямые дороги, систематически протягивающиеся через большую территорию страны, не относятся к той эпохе; вероятно, все коммуникации изначально прокладывались между одним соседним городом и другим, без особой оглядки на экономию расстояния и без какой-либо цели способствовать движению между отдаленными местами.

Как раз в это время царь Архелай начал "прокладывать прямые дороги" в Македонии, что Фукидид, кажется, отмечает как примечательную вещь (ii, 100).

[40] Ни Тимбриум, ни Тириеум не могут быть идентифицированы. Но кажется, что оба они должны были располагаться на линии дороги, по которой сейчас следуют караваны из Смирны в Кониех (Иконий), а эта линия дороги проходит между горами, называемыми Эмир-Даг на северо-востоке и Султан-Даг на юго-западе (Koch, Der Zug der Zehn Tausend, p. 21, 22).

[41] Εἶχον δὲ πάντες κράνη χαλκᾶ, καὶ χιτῶνας φοινικοῦς, καὶ κνημῖδας, καὶ τὰς ἀσπίδας ἐκ κεκαθαρμένας.

Когда гоплит находился в походе, не ожидая врага, щит, по-видимому, несли за спиной, прикрепив к нему одеяло (см. Aristoph. Acharn. 1085, 1089-1149); он был перевязан ремнем вокруг шеи и плеча. Иногда, правда, у него была возможность освободиться от этой ноши,

положив щит в повозку (Xen. Anab. i, 7, 20). Офицеры, как правило, и, несомненно, некоторые солдаты могли приказать сопровождающим нести за них щиты (iv, 2, 20; Aristoph. 1, с.).

По случаю такого смотра щиты распаковывались, натирались и освещались, как перед битвой (Xen. Hell. vii, 5, 20); затем их закрепляли на шее или плечах и держали на левой руке, которую пропускали через кольца или ремни, прикрепленные к ее вогнутой или внутренней стороне.

Что касается футляров или оберток для щитов, то см. любопытную хитрость сиракузца Агатокла (Diodor. xx, 11). Римские солдаты также носили свои щиты в кожаных обмотках, когда шли в поход (Плутарх, Лукулл. с. 27).

Следует отметить, что Ксенофонт, перечисляя вооружение киреев, не упоминает *нагрудные пластины*, которые (хотя иногда и носились, см. Плутарх, Дион. с. 30) обычно не надевали гоплиты, носившие тяжелые щиты. Вполне возможно, что у *некоторых* киреевских пехотинцев были не только щиты, но и нагрудники, поскольку каждый солдат сам обеспечивал себя оружием; но Ксенофонт говорит только о том, что было общим для всех.

Греческая конница обычно носила тяжелый нагрудник, но не имела щита.

[42] Ксен. Anab. i, 2, 16-19.

[43] Xen. Anab. iii, 2, 25.

[44] Этот более короткий и прямой путь пересекает Тавр через Кизил-Чесмех, Алан-Бузук и Мизетли; он вел прямо к киликийскому морскому порту Соли, впоследствии названному Помпеополем. В таблицах Пейтингера он указан как дорога из Иконии в Помпейополь (Ainsworth, p. 40 seq.; Chesney, Euphr. and Tigr. ii, p. 209).

[45] Ксен. Anab. i, 2, 20.

[46] Xen. Anab. i, 2, 21; Diodor. xiv, 20. Описание этого памятного перевала см. в: Mr. Kinneir, Travels in Asia Minor, p. 116; Col. Chesney, Euphrates and Tigris, vol. i, p. 293-354; Mr. Ainsworth, Travels in the Track of the Ten Thousand, p. 40 seq.; также в другой его работе, Travels in Asia Minor, vol. ii. ch. 30, p. 70-77; и Koch, Der Zug der Zehn Tausend, p. 26-172, для описания этого памятного перевала.

Александру Македонскому, как и Киру, посчастливилось застать этот неприступный проход покинутым, как видно, по глупости или безрассудству сатрапа, который должен был его защищать и у которого не было даже такого повода покинуть его, как у Сиеннеса при приближении Кира (Arrian. E. A. ii. 4; Curtius, iii, 9, 10, 11).

[47] Ксен. Anab. i, 2, 23-27.

[48] Диодор (xiv, 20) представляет Сиеннеса как ведущего двойную игру, хотя и неохотно. Он не обращает внимания на действия Эпиакса.

Так, Ливий говорит о поведении македонских придворных в связи с враждой между Персеем и Деметрием, двумя сыновьями Филиппа II. Македонского: "Crescente in dies Philippi odio in Romanos, cui Perseus indulgeret, Demetrius summâ ope adversaretur, prospicientes animo exitum incauti a fraude fraternâ juvenis-adjuvandum, quod futurum erat, rati, fovendamque spem potentioris, Perseo se adjungunt," etc. (Livy, xl, 5).

[49] См. Herodot. v. 49.

[50] Xen. Anab. i, 3, 1.

[51] Xen. Anab. ii, 6, 5-15.

[52] Xen. Anab. i, 3, 2-7. Здесь, как и в других случаях, я перевожу смысл, а не слова.

[53] Xen. Anab. i, 3, 16-21.

[54] Ксенофонт называет ширину реки Сарус (Scihun) в триста футов, что почти совпадает с данными современных путешественников (Koch, *Der Zug der Zehn Tausend*, p. 34).

Сравните описание этой страны в "Путешествии по Малой Азии" Киннейра, с. 135; "Евфрат и Тигр" полковника Чесни, ii, с. 211; "Путешествие по пути десяти тысяч" мистера Эйнсворта, с. 54.

Полковник Чесни утверждает, что ни Сарус, ни Пирам не переходимы вброд. Должны были быть мосты; что, при тогдашнем процветании Киликии, отнюдь не является невероятным. Однако он и г-н Эйнсворт расходятся во мнениях относительно маршрута, который, по их мнению, Кир выбрал между Тарсом и Иссусом.

Ксенофонт ничего не упоминает об Аманийских воротах, которые впоследствии были замечены Аррианом (ii, 6; ii, 7) и Страбоном (xiv, p. 676). Различные данные древней истории и географии об этом регионе нелегко согласовать; см. ценное примечание Мютцеля о Квинте Курции, iii, 17, 7. Осмотр лучших карт последнего времени, полковника Чесни или Киперта, проясняет некоторые из них лучше, чем любое словесное описание. На этих картах мы видим, что гора Аманус раздваивается на две ветви, одна из которых огибает Исусский залив с западной, а другая - с восточной стороны. Таким образом, существует два разных прохода, каждый из которых называется *Pylæ Amanides* или Аманские ворота; один относится к западному Аманусу, другой - к восточному. Первые пересек Александр, вторые - Дарий перед битвой при Иссе; Арриан (ii, 6; ii, 7) одинаково верно говорит о них обоих, что они прошли Аманийские ворота, хотя оба не проходили одни и те же ворота.

[55] Диодор. xiv. 21.

[56] Xen. Anab. i, 4, 3-5. Ἀβροκόμας δ' οὐ τοῦτο ἐποίησεν ἀλλ' ἐπεὶ ἤκουσε Κῦρον ἐν Κιλικίᾳ ὄντα, ἀναστρέψας ἐκ Φοινίκης, παρὰ βασιλέα ἀπήλαυνεν, и т. д.

[57] Diodor. xiv.

[58] Xen. Anab. i, 4, 6. Требовать жен или детей у генералов на службе в качестве залога за верность, по-видимому, нередко случалось с персидскими царями. С другой стороны, аргеец Никострат, командовавший контингентом своих соотечественников, служивших под началом Артаксеркса Оха в Египте, отмечал как проявление грубой покорности то, что он вызвался привести своего сына к царю в качестве заложника, не получив от него никаких требований (Theopompus, Frag. 135 [ed. Wickers] ap. Athenæ. vi, p. 252).

[59] Xen. Anab. i, 4, 7-9.

[60] Diodor. xiv, 21.

[61] См. замечания г-на Эйнсворта, "Путешествия по пути десяти тысяч", с. 58-61; и другие цитаты о трудной дороге через перевал Бейлан в ценных заметках Мютцеля о Квинте Курции, iii, 20, 13, с. 101.

[62] Ни Чалус, ни Дарадакс, ни вообще дорога, которой следовал Кир, пересекая Сирию от моря до Евфрата, не могут быть удовлетворительно определены (Koch, *Zug der Zehn Tausend*, p. 36, 37).

Относительно положения Тапсакуса, ошибочно помещенного Реннелом ниже по реке у Дейра, где он отмечен даже на карте, приложенной к "Отчету о Евфрате" полковника Чесни, и Рейхардом выше по реке, у Бира, см. Ritter, *Erdkunde*, part x, B. iii; *West Asien*, p. 14-17, с подробным обсуждением, p. 972-978, в том же томе; также работу г-на Эйнсворта, цитированную выше, p. 70. Положение Тапсакуса правильно определено в последней работе полковника Чесни (*Euphr. and Tigr.* p. 213) и на превосходной карте, прилагаемой к этой работе; хотя я не согласен с его мнением о походе Кира между перевалом Бейлан и Тапсакусом.

Тапсакус, по-видимому, был наиболее часто посещаемым и известным переходом через Евфрат в период правления царей Селевкидов, вплоть до 100 г. до н. э. Он был выбран Эратосфеном и другими географами в качестве точки, на которую удобно ссылаться при наблюдениях и расчетах (см. Strabo, ii, p. 79-87). После того как Римская империя расширилась до Евфрата, новая Зеугма, расположенная выше по реке около Бира или Бихреджика (около 37-й параллели широты), стала более используемой и известной, по крайней мере, римским писателям.

Проход у Фапсакуса находился на линии дороги из Пальмиры в Каррхэ в Северной Месопотамии, а также из Селевкии (на Тигре ниже Багдада) в другие города, основанные в Северной Сирии Селевком Никатором и его преемниками: Антиохию на Оронте, Селевкию в Пиерии, Лаодикею, Антиохию в Тавруме и т. д.

Брод в Фапсакусе (говорит г-н Эйнсворт, стр. 69, 70) "и по сей день известен как брод анезов или бедуинов". На правом берегу Евфрата сохранились остатки мощеной дороги, ведущей к самому берегу реки и продолжающейся на противоположном берегу".

[63] Xen. *Anab.* i, 4, 12-18.

[64] Xen. *Anab.* i, 4, 18. Сравните (Плутарх, *Alexand.* 17) аналогичные выражения лести от историков Александра, утверждающих, что море у Памфилии провиденциально проложило ему путь, от жителей на берегах Евфрата, когда реку переходили римские легионы и парфянский принц Тиридат, в царствование императора Тиберия (Тацит, *Annal.* vi. 37); и от Лукулла еще раньше (Плутарх, *Lucull.* c. 24).

Время, когда Кир перешел Евфрат, должно быть, примерно конец июля или начало августа. Период наибольшего подъема вод Евфрата в этой части его русла - с 21 по 28 мая; период наименьшего подъема - около середины ноября (см. "Отчет полковника Чеснея о Евфрате", с. 5). Реннелл ошибочно утверждает, что самый низкий уровень воды наблюдается в августе и сентябре (*Expedition of Xenophon*, p. 277). Таким образом, когда Кир проходил мимо, воды находились на некой средней высоте.

Мистер Эйнсворт утверждает, что с октября 1841 года по февраль 1842 года в броду у Фапсакуса было всего двадцать дюймов воды; пароходы "Нимрод" и "Нитокрис" тогда натолкнулись на него (стр. 72), хотя пароходы "Евфрат" и "Тигр" без труда прошли через него в мае месяце.

[65] Ксенофонт считает, что эти девять дней похода покрывают пятьдесят парасангов (*Anab.* i, 4, 19). Но Кох замечает, что это расстояние не в два раза меньше, чем расстояние от моря до Фапсакуса, которое Ксенофонт оценивает в шестьдесят пять парасангов. Здесь имеет место

некоторая путаница, а также обычная трудность при определении любого расстояния в качестве эквивалента парасанга (Koch, Zug der Zehn Tausend, p. 38).

[66] См. замечательное свидетельство г-на Эйнсворта о точности описания Ксенофонтom этой страны, сделанное на основе личных наблюдений, даже в наши дни.

[67] Xen. Anab. i, 2, 24.

[68] Xen. Anab. i, 5, 4-8.

[69] Я предполагаю, что армия остановилась здесь на пять или шесть дней, из рассказанной впоследствии истории об амбракиоте Силане, пророке армии; который, принеся жертву, сказал Киру, что его брат не будет сражаться в течение десяти дней (i, 7, 16). Это жертвоприношение, как я полагаю, должно было быть принесено во время привала, а не во время предшествовавшего ему тяжелого марша. Десять дней, названные Силаном, истекли на четвертый день после того, как они покинули Пилею.

Именно по поводу этой части течения Евфрата, от Чабора на юг вниз по Анаху и Хиту (древний Ис, замеченный Геродотом и до сих пор знаменитый своими неисчерпаемыми запасами битума), между 35½° и 34° широты, полковник Чесней в своем "Отчете о навигации по Евфрату" (стр. 2) делает следующие замечания: - "Пейзажи выше Хита, - пишет полковник Чесней.

"Пейзаж над Хит, сам по себе очень живописный, значительно усиливается, по мере того как человек несется по течению, частым повторением, через очень короткие промежутки, древних оросительных акведуков; эти прекрасные образцы искусства и прочности арабы относят к временам невежд, подразумевая (как это ясно понимается) персов, когда они были огнепоклонниками и владели миром. Они буквально покрывают оба берега и доказывают, что границы Евфрата когда-то были густо заселены народом, далеко продвинувшимся в применении гидравлики для бытовых целей, первой и величайшей полезности - транспортировки воды. Большая часть из них сейчас находится в более или менее руинах, но некоторые были отремонтированы, и их продолжают использовать для помола кукурузы или орошения. Акведуки каменные, крепко скрепленные, сужающиеся до двух футов или двадцати дюймов в верхней части, расположены под прямым углом к течению и проходят на различные расстояния в сторону внутренних районов, от двухсот до тысячи двухсот ярдов.

"Но что более всего касается предмета этого мемуара, так это наличие парпетной стены или каменного вала на реке, прямо над несколькими акведуками. Как правило, один из них примыкает к каждому из последних. И почти всегда, между двумя мельницами на противоположных берегах, один из них пересекает поток из стороны в сторону, за исключением прохода, оставленного в центре для лодок, чтобы они могли проходить вверх и вниз. Цель этих подводных стен, по-видимому, заключается исключительно в том, чтобы в низкое время года поднять воду настолько, чтобы придать ей импульс, а также обеспечить более обильное снабжение колес. А их эффект в это время заключается в том, что они создают падение во всех частях ширины, кроме отверстия, оставленного для торговли, через которое вода мчится с умеренно неровной поверхностью. Изначально высота этих дамб, вероятно, составляла от четырех до восьми футов, но сейчас они часто представляют собой насыпь из камней, нарушающую равномерность течения, но всегда обеспечивающую достаточный проход для больших судов в низкое время года".

Следы прежнего населения и промышленности на берегах Евфрата в этой части его течения, на которые указывает полковник Чесней, чрезвычайно интересны и любопытны, если

сравнить их с запустением, изображенным Ксенофонтом, который упоминает, что здесь не было других жителей, кроме тех, кто жил тем, что вырезал жернова из каменных карьеров неподалеку и отправлял их в Вавилон в обмен на зерно. Очевидно, что население, о котором полковник Чесни видел оставшиеся признаки, либо уже давно прекратило свое существование, либо начало строить свои плотины и акведуки только в более поздний период, чем Ксенофонт. Вероятно, они начались в период царей Селевкидов, после 300 г. до н. э. Ибо эта линия дороги вдоль Евфрата стала приобретать тогда большое значение как средство сообщения между великим городом Селевкией (на Тигре, ниже Багдада) и другими городами, основанными Селевкидом Никатором и его преемниками на севере Сирии и Малой Азии - Селевкией в Пиерии, Антиохией, Лаодикеей, Апамеей и т. д. Этот маршрут в основном совпадает с современным путем из Багдада в Алеппо, пересекающим Евфрат у Тапсакуса. Вряд ли можно сомневаться, что русло Евфрата было лучше защищено в течение двух веков правления царей Селевкидов (300-100 гг. до н. э., если говорить круглыми цифрами), чем впоследствии, когда эта река стала пограничной линией между римлянами и парфянами. Однако даже во времена вторжения императора Юлиана Аммиан Марцеллин описывает левый берег Евфрата к северу от Вавилонии как хорошо возделанный и дающий достаточно средств к существованию (Ammian. Marc. xxiv, 1). Во времена "Анабасиса" Ксенофонта берегам Евфрата к северу от Вавилонии нечего было придавать особого значения.

Мистер Эйнсворт описывает страну на левом берегу Евфрата, не доходя до Пилеи, как находящуюся сейчас в том же состоянии, что и во время похода Ксенофонта и его товарищей, - "полную холмов и узких долин, и представляющую множество трудностей для движения армии". Иллюстратор по любопытной случайности был оставлен пароходом "Евфрат" именно на этом участке реки и на той же стороне, что и персо-греческая армия, и ему пришлось идти день и ночь по этим негостеприимным районам; так что он может с чувством рассказать о трудностях, с которыми пришлось столкнуться грекам". (Travels in the Track, etc. p. 81.)

[70] Я склоняюсь к мысли, что Чармандек должен был находиться почти напротив Пилеи, ниже, чем Хит. Но майор Реннелл (стр. 107) и мистер Эйнсворт (стр. 84) полагают, что Чармандек - это то же место, что и современный Хит (Ис Геродота). Других известных городов, с которыми мы могли бы его отождествить, не существует.

[71] Xen. Anab. i, 5, 11-17.

[72] Комментаторы сходятся во мнении, что под Пилеем следует понимать некие ворота или перевал, обозначающий место, где пустынная страна к северу от Вавилонии с ее волнистой поверхностью и крутыми берегами вдоль реки сменилась плоским и плодородным аллювием, составляющим собственно Вавилонию. Возможно, недалеко от перевала находился город, названный в его честь.

Из исследования полковника Чесни следует, что это изменение в природе страны произошло на несколько миль ниже Хита. Он отмечает: "В трех милях ниже Хита остатки акведуков исчезают, а извилины становятся короче и чаще, поскольку река течет по почти ровной местности" ("Euphrates and Tigris, vol. i, p. 54). Именно здесь я склонен поместить Пиле.

Полковник Чесни помещает его ниже, в двадцати пяти милях от Хита. Профессор Koh (Zug der Zehn Tausend, p. 44) - еще ниже. Мистер Эйнсворт помещает его на целых семьдесят географических миль ниже Хита ("Путешествия по пути десяти тысяч", стр. 81); сравните Риттер, "Эрдкунде, Западная Азия", х. стр. 16; xi, стр. 755-763.

[73] Описание этой сцены (известной грекам благодаря сообщениям Клеарха), данное Ксенофонтом, чрезвычайно интересно (Anab. i, 6). Я опускаю его из соображений экономии места.

[74] Ксен. Anab. i, 7, 2-9.

[75] Xen. Anab. i, 5, 16.

[76] См. Herodot. vii, 102, 103, 209. Сравните наблюдения персидского Ахемениса, с. 236.

[77] Herod. vii, 104. Демарат говорит Ксерксу по поводу лакедемонян - Ἐλεύθεροι γὰρ ἔόντες, οὐ πάντα ἐλεύθεροί εἰσι- ἔπεστι γάρ σφι δεσπότης, νόμος, τὸν ὑποδαιμάινουσι πολλῶ μᾶλλον ἢ οἱ σοὶ σέ.

Опять же, историк замечает об афинянах и их необычайном росте доблести после того, как они стряхнули деспотизм Гиппия (ст. 78)-Δηλοῖ δ' οὐ καθ' ἓν μόνον ἀλλὰ πανταχοῦ, ἡ ἰσηγορίη ὥς ἐστὶ χρῆμα σπουδαῖον- εἰ καὶ Ἀθηναῖοι τυραννεύμενοι μὲν, οὐδαμῶν τῶν σφέας περιοικεόντων ἦσαν τὰ πολέμια ἀμείνους, ἀπαλλαχθέντες δὲ τυράννων, μακρῶ πρῶτοι ἐγένοντο. Δηλοῖ ὧν ταῦτα, ὅτι κατεχόμενοι μὲν ἐθελοκακέον, ὥς δεσπότη ἐργαζόμενοι- ἐλευθερωθέντων δὲ, αὐτὸς ἕκαστος ἐωϋτῶ προθυμέετο ἐργάζεσθαι.

Сравните Менандр, Фрагм. Incert. CL. ap. Мейнеке, Фрагм. Comm. Græc. vol. iv. p. 268-

Ἐλεύθερος πᾶς ἐνὶ δεδούλωται, νόμω-

Δυσὶν δὲ δοῦλος, καὶ νόμῳ καὶ δεσπότη.

[78] Xen. Anab. i, 7, 14-17.

[79] От Пилеи до необорудованного окопа было три полных дня марша и одна часть дня, ибо это произошло на четвертый день марша.

Ксенофонт называет эти три дня целыми, всего двенадцать парасангов. Это говорит о коротких, а не полных маршах. Да и не похоже, чтобы пройденная за время одного из них территория была значительной. Ведь все они были предприняты при видимых признаках присутствия врага непосредственно перед ними; это обстоятельство послужило поводом для измены Оронта, который попросил у Кира корпус конницы под предлогом нападения на легкие войска врага впереди, а затем написал письмо, чтобы сообщить Артаксерксу, что он собирается дезертировать со своей дивизией. Письмо было доставлено Киру, который таким образом раскрыл измену.

Маршируя с известным врагом, находящимся не так далеко впереди, Кир должен был держать свою армию в чем-то похожем на боевой порядок, а значит, должен был двигаться медленно. Кроме того, обнаружение измены Оронта само по себе должно было стать тревожным фактом, который должен был заставить Кира и Клеарха быть вдвойне осторожными. Да и сам суд над Оронтом, судя по всему, проходил с такой торжественностью, что должен был вызвать остановку армии.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы вряд ли можем предположить, что за три дня похода греки преодолели не более тридцати английских миль. На четвертый день они, должно быть, преодолели очень мало места; не только потому, что Кир был в мгновенном ожидании главной армии царя и генерального сражения (i, 7, 14), но и из-за большой

задержки, необходимой для прохождения траншеи. Вся его армия (более ста тысяч человек) с багажом, колесницами и т. д. должна была пройти через узкий проход шириной в двадцать футов между траншеей и Евфратом. За весь день марша он вряд ли прошел более пяти миль, а ночью добрался до лагеря в двух-трех милях за окопом. Поэтому мы можем считать, что расстояние, пройденное между Пилеей и окопом, составляет в общей сложности тридцать две мили; и еще две или три мили до лагеря, разбитого на следующую ночь. Вероятно, Кир держался вблизи реки, но не следовал ее изгибам с абсолютной точностью; так что при оценке расстояния мы должны взять среднее между прямой линией и всеми изгибами реки.

Я полагаю, что траншея разрезала Стену Медиума под гораздо более широким углом, чем показано на карте полковника Чесни; таким образом, треугольное пространство между траншеей, Стеной и рекой было гораздо обширнее. Можно предположить, что траншея была прорыта для того, чтобы защитить ту часть хорошо возделанной и обводненной Вавилонии, которая находилась за Медийской стеной - а эта часть (как мы увидим далее из маршей греков после битвы) была очень значительной.

[80] Ксен. Анаб. i, 7, 20. Рассказ Ксенофонта об этой длинной линии траншей, вырытых по приказу Артаксеркса, а затем оставленных бесполезными и не защищенными, отличается от повествования Диодора (xiv, 22), которое, по-видимому, заимствовано у Эфора. Диодор говорит, что царь вырыл длинную траншею и обнес ее повозками и телегами, чтобы защитить свой багаж, и что после этого он вышел из этой траншеи со своими воинами, свободными и не обремененными, чтобы дать бой Киру. Это утверждение более правдоподобно, чем утверждение Ксенофонта, с той точки зрения, что оно показывает, что царь действовал по рациональной схеме; в то время как у Ксенофонта он сначала принял план обороны, а затем отказался от него после огромных трудов и затрат, без всякой причины, насколько мы можем судить. Тем не менее я не сомневаюсь, что рассказ Ксенофонта является истинным. И узкий проход, и необорудованный окоп были для наблюдательного солдата фактами самого очевидного и впечатляющего характера.

[81] Ксенофонт не упоминает название Кунакса, которое дошло до нас от Плутарха (Artaxerx. c. 8), утверждающего, что оно находилось в пятистах стадиях (около пятидесяти восьми миль) от Вавилона; в то время как Ксенофонт был информирован, что поле битвы было удалено от Вавилона всего на триста шестьдесят стадий. Согласно полковнику Чеснею (Euphrates and Tigris, vol. i, p. 57), Хилла (Вавилон) находится на расстоянии девяносто одной мили по реке, или шестидесяти одной с половиной миль по прямой, от Фелуджи. Таким образом, следуя расстоянию, указанному Плутархом (вероятно, скопированному у Ктесия), мы должны поместить Кунаксу немного ниже по реке, чем Фелуджа. Такое предположение кажется наиболее вероятным.

Реннел и мистер Бейли Фрейзер так его размещают (Mesopotamia and Assyria, p. 186, Edin. 1842), я думаю, справедливо; кроме того, последний отмечает, что большинство комментаторов упускают из виду, что греки не проходили через стену Медики до тех пор, пока не прошло много времени после битвы. См. примечание об этой стене чуть ниже, в начале моей следующей главы.

[82] Расстояние незащищенного окопа от поля битвы при Кунаксе составляет около двадцати двух миль. Во-первых, три мили за окопом до первой ночной стоянки; во-вторых, полный дневной марш, скажем, двенадцать миль; в-третьих, полдневный марш, до привала в середине дня, скажем, семь миль.

Расстояние от Пиле до траншеи составляет тридцать две мили, значит, все расстояние от Пиле до Кунаксы составит около пятидесяти четырех миль.

Теперь полковник Чесни определил расстояние от Хита до замка Фелуджа (два известных пункта) в сорок восемь миль по прямой и семьдесят семь миль, если следовать по линии реки. Вычитите четыре мили из расстояния от Хита до Пилеи, и мы получим между Пилеей и Фелуджей расстояние в сорок четыре мили по прямой линии. Походный маршрут греков (как объясняется в предыдущем примечании, греки в целом, но не в точности, следуют извилинам реки) даст пятьдесят миль от Пилеи до Фелуджи и пятьдесят три или пятьдесят четыре от Пилеи до Кунаксы.

[83] Xen. Anab. i, 8, 8-11.

[84] Thucyd. v. 70. См. т. VII, гл. lvi, с. 84 этой истории.

[85] Плутарх (Artaxerx. с. 8) высказывает эту критику в адрес Клеарха, и она кажется вполне справедливой.

[86] Xen. Anab. i, 8, 17; Diodor. xiv, 23.

[87] Xen. Anab. i, 8, 17-20.

[88] Xen. Anab. i, 10, 4-8.

[89] Xen. Anab. i, 8, 23; i, 9, 31.

[90] Xen. Anab. i, 8, 21.

Κῦρος δὲ, ὁρῶν τοὺς Ἕλληνας νικῶντας τὸ καθ' αὐτοὺς καὶ διώκοντας, ἠδόμενος καὶ προσκυνούμενος ἤδη ὡς βασιλεὺς ὑπὸ τῶν ἄμφ' αὐτὸν, οὐδ' ὥς ἐξήχθη διώκειν, и т. д.

Последние слова примечательны тем, что указывают на то, что никакой другой стимул, кроме честолюбивого соперничества и братской вражды, не имел силы, достаточной для того, чтобы свергнуть самообладание Кира.

[91] Сравните рассказ о приступе ярости, охватившем фиванца Пелопида, когда он увидел Александра, деспота Фере, в противоположной армии; это привело к тем же роковым последствиям (Плутарх, Пелопид, с. 32; Cornel. Nepos, Pelop. с. 5). См. также размышления Ксенофонта о поведении Телеутаса перед Олинфом: Hellenic. v. 3, 7.

[92] Xen. Anab. i, 8, 22-29. Рассказ Ктесия об этой битве и смерти Кира (насколько мы можем судить по краткому резюме в Photius-Ktesias, Fragm. с. 58, 59, ed. Bähr) существенно не отличается от Ксенофонта. Ктесий упоминает карийского солдата (не замеченного Ксенофонтом), который метнул копье; и добавляет, что этот солдат был впоследствии замучен и предан смерти царицей Парисатис в качестве жестокой мести за смерть Кира. Он также сообщает нам, что Багапатес, человек, который по приказу Артаксеркса отрубил голову и руку Кира, был уничтожен ею таким же образом.

Диодор (xiv, 23) рисует гораздо более полную картину конфликта между Киром и его братом, которая по многим пунктам, частично прямым, частично косвенным, отличается от Ксенофонта.

Плутарх (Артаксеркс, с. 11, 12, 13) приводит рассказ о битве и смерти Кира, который он, как утверждает, взял из Ктесия, но который еще более существенно отличается от рассказа Ксенофонта. Сравните также несколько слов Юстина, v, 11.

Диодор (xiv, 24) говорит, что двенадцать тысяч человек из царской армии были убиты при Кунаксе; большая часть из них - греки под командованием Клеарха, который не потерял ни

одного человека. Потери азиатской армии Кира он оценивает в три тысячи человек. Но поскольку греки не потеряли ни одного человека, они вряд ли могли убить многих во время преследования; ведь у них почти не было конницы и большого количества пельтастов, а гоплиты не смогли бы догнать летящих персов.

[93] Ксен. Anab. i, 10, 3. Достижения и очарование этой фокейской дамы, а также большое уважение, которым она пользовалась сначала у Кира, а затем у Артаксеркса, были преувеличены в романтической истории, в которой мы не можем определить долю правды (см. Aelian, V. H. xii, 1; Plutarch, Artaxerx. c. 26, 27; Justin, x, 2). И Плутарх, и Юстин утверждают, что последующая вражда между Артаксерксом и его сыном Дарием, которая привела к заговору последнего против своего отца и его гибели, когда заговор был раскрыт, возникла из-за страсти Дария к ней. Но поскольку эта сделка, несомненно, произошла в конце долгой жизни и правления Артаксеркса, который царствовал сорок шесть лет, а ей тогда должно было быть шестьдесят лет, если не больше, мы можем справедливо предположить, что причиной семейной трагедии должно было быть нечто иное.

Сравните описание судьбы Береники Хиосской и Монины Милетской, жен Митридата Понтийского, во время последних злоключений этого царя (Плутарх, Лукулл, с. 18).

[94] Ксен. Anab. i, 10, 17. Это положение, вероятно, было принято во время недавнего привала в Пиле.

[95] Xen. Anab. i, 10, 18, 19.

[96] Xen. Anab. ii. 1, 3, 4.

[97] Исократ, Orat. iv, (Panegyric.) s. 175-182; поразительный отрывок, описывающий то, как политические институты влияют на характер и привычки человека.

[98] Диодор (xiv, 23) отмечает в качестве параллели легендарную пару враждующих братьев, Этеокла и Полинеика. Сравните с Тацитом, Анналы, iv, 60. "Atrox Drusi ingenium, super cupidinem potentiae, et solita fratribus odia, accendebatur invidia, quod mater Agrippina promptior Neroni erat," etc.; и Юстин, xlii, 4.

Сравните также интересное повествование М. Проспера Мериме в его жизни дон Педро Кастильского, принца, известного под именем Петра Жестокого. Дон Педро был свергнут с престола и убит в личном конфликте рукой своего брата-бастарда, Анри Транстамарского.

В битве при Наваррете в 1367 году, как рассказывает М. Мериме, "дон Педре, который во время сражения находился в самом большом положении, долгое время пролежал на месте. Он видел, как на равнине, опираясь на нуарный кавал, с кастильскими доспехами наперевес, лелеял своего брата вдаль от боя и кричал, пораженный резней: "Где же этот батард, который назвался королем Кастилии?" (Histoire de Don Pèdre, p. 504.)

В конце концов дон Педро, заблокированный и почти уморенный голодом в замке Монтель, путем симулированных переговоров попал во власть своих врагов. Он был убит в личной схватке кинжалом своего брата Анри после отчаянной борьбы, в которой, казалось, он мог бы одержать верх, если бы Анри частично не помог кто-то из посторонних.

Эта трагическая сцена (в ночь на 23 марта 1369 года) наглядно описана М. Мериме (p. 564-566).

[99] Xen. Anab. iii, 1, 4. Ὑπὸ σπινθερίῳ δὲ αὐτῷ (Ξενοφῶντα Πρόξενος) εἰ ἔλθοι, φίλον Κύρῳ ποιήσειν-ὃν αὐτὸς ἔφη κρεῖττω ἑαυτῷ νομίζειν τῆς πατρίδος.

[100] Xen. Anab. ii, 1, 5-7.

[101] Мы знаем от Плутарха (Artaxer. c. 13), что Ктесий отчетливо утверждал, что присутствовал на этом собеседовании, и я не вижу причин, почему мы не должны ему верить. Плутарх, правда, отвергает его свидетельство как ложное, утверждая, что Ксенофонт непременно упомянул бы его, если бы был там; но такое возражение кажется мне недостаточным. Не следует также толковать слова Ксенофонта, ἧν δ' αὐτῶν Φαλῖνος εἶς Ἑλλήν, (ii, 1, 7) так строго, чтобы отрицать присутствие одного или двух других греков. Фалин указан так потому, что он был представителем партии - военным человеком.

[102] Ксен. Anab. ii, 1, 12 μὴ οὖν οἴου τὰ μόνα ἡμῖν ἀγαθὰ ὄντα ὑμῖν παραδῶσειν- ἀλλὰ σὺν τούτοις καὶ περὶ τῶν ὑμετέρων ἀγαθῶν μαχούμεθα.

[103] Xen. Anab. ii, 1, 14-22. Диодор (xiv, 25) несколько скупно рассказывает о беседе с Фалином. Но он, несомненно, следовал другим авторитетам, кроме Ксенофонта, если даже верно, что перед ним был Ксенофонт. Намек на прошлый героизм Леонида скорее в стиле Эфора.

[104] Ксен. Anab. ii, 2, 7-9. Кох, однако, с полным основанием замечает, что трудно понять, как в Вавилонии могли добыть волка для жертвоприношения (Zug der Zehn Tausend, p. 51).

[105] Такова общая сумма, указанная самим Ксенофонтом (Anab. ii, 1, 6). Она на девять дней больше, чем общая сумма, которую мы должны получить, сложив вместе отдельные дни похода, указанные Ксенофонтом из Сард. Но расстояние от Сард до Эфеса, как мы знаем из Геродота, составляло три дня пути (Herod. v, 55), и поэтому расхождение действительно составляет только шесть, а не девять дней. См. Krüger ad Anabas. p. 556; Koch, Zug der Z. p. 141.

[106] Полковник Чесни (Euphrates and Tigris, c. ii, p. 208) подсчитал двенадцатьсот шестьдесят пять географических миль от Сардиса до Кунаксы или курганов Мухаммеда.

[107] Например, мы не знаем, как долго они отдыхали в Пиле или напротив Шарманки. Я уже приводил некоторые основания (в предыдущей главе) полагать, что это не могло быть меньше пяти дней. Армия, должно быть, крайне нуждалась в отдыхе, равно как и в провизии.

[108] Xen. Anab. i, 5, 9.

[109] Xen. Anab. ii, 4, 6, 7.

[110] Xen. Anab. ii, 2, 13. Ἐπεὶ γὰρ ἡμέρα ἐγένετο, ἐπορεύοντο ἐν δεξιᾷ ἔχοντες τὸν ἥλιον, λογιζόμενοι ἥξειν ἅμα ἡλίῳ δύνοντι εἰς κώμας τῆς Βαβυλωνίας χώρας- καὶ τοῦτο μὲν οὐκ ἐψεύσθησαν.

Шнайдер в своем примечании к этому отрывку, а также Риттер (Erdkunde, part. x, 3, p. 17), мистер Эйнсворт (Travels in the Track, p. 103) и полковник Чесни (Euph. and Tigr. p. 219) понимают слова, употребленные здесь Ксенофонтом, в том смысле, с которым я не согласен. "Когда наступил день, армия двинулась в поход, держа солнце по правую руку" - эти слова они понимают как означающие, что армия шла на север; тогда как, по моему мнению, эти слова означают, что армия шла на восток. *Иметь солнце по правую руку* означает не столько точное место восхода солнца или точное мгновение, когда оно восходит, сколько его суточный путь по небу и общее направление дневного марша. В этом можно убедиться, сравнив замечательный отрывок из Геродота, iv, 42, где говорится о предполагаемом кругосветном путешествии финикийцев по приказу Некоса по Африке от Красного моря

вокруг мыса Доброй Надежды до Гибралтарского пролива. Эти финикийцы утверждали, что "когда они плыли вокруг Африки (от Красного моря), солнце было у них по правую руку" - ὥς τὴν Λιβύην περιπλῶντες τὸν ἥλιον ἐπὶ δεξιᾷ. Геродот отвергает это утверждение как невероятное. Не зная явлений южной широты за тропиком Козерога, он не мог представить, что люди, плывущие с востока на запад, могут иметь солнце по правую руку; любой человек, путешествующий от Красного моря до Гибралтарского пролива, должен, по его мнению, иметь солнце по *левую* руку, как он сам всегда испытывал в северных широтах Средиземноморья или на африканском побережье. См. т. III этой истории, гл. xviii, с. 282.

В дополнение к этой причине можно отметить, что Арий и греки, отправившись из своего лагеря на берегу Евфрата (место, где они провели последнюю ночь перед битвой при Кунаксе) и продвигаясь *на север*, не могли ожидать прибытия и не могли действительно прибыть в селения на территории Вавилонии. Но они вполне могли рассчитывать на это, если бы шли *на восток*, к Тигру. Они также не смогли бы настичь врага во время похода на север, который, по сути, был бы чем-то близким к возвращению на прежние позиции. Кроме того, их остановила бы необорудованная траншея, которую можно было пройти только через узкое отверстие недалеко от Евфрата.

[111] Ксен. Anab. ii, 2, 20. Похоже, что это была постоянная военная шутка, чтобы заставить солдат посмеяться над своей прошлой паникой. См. ссылки в примечаниях Крюгера и Шнайдера.

[112] Диодор (xvi, 24) говорит нам, что Арий намеревался направить их в Пафлагонию; это очень слабое указание.

[113] Ксен. Anab. ii, 3, 7, 13.

[114] Xen. Anab. ii, 3, 14, 17.

[115] Xen. Anab. ii, 3, 18-27.

[116] Ktesiaë Persica, Fragm. с. 59, ed. Bähr; сравнивается с замечательным фрагментом. 18, сохранившимся у так называемого Деметрия Фалерия: см. также Плутарх, Артаксеркс. с. 17.

[117] Herodot. i, 193; ii, 108; Strabo, xvii. p. 788.

[118] Xen. Anab. v, 6, 16; Thucyd. vii.

[119] Xen. Anab. ii, 4, 3-8.

[120] Xen. Anab. ii, 4, 12. Διελθόντες δὲ *τρεῖς σταθμούς*, ἀφίκοντο πρὸς τὸ Μηδίας καλούμενον τεῖχος, καὶ *παρῆλθον αὐτοῦ εἶσω*. Мне кажется, что эти три дня похода или *σταθμοί* вряд ли можно исчислять с того момента, когда они начали свой поход под предводительством Тиссаферна. С другой стороны, если мы начнем отсчет с того момента, когда греки отправились в путь под предводительством Ариева, то сможем четко проследить три различных *места отдыха* (*σταθμούς*), прежде чем они достигнут стены Меди. Во-первых, в селениях, где возникли смятение и тревога (ii, 13-21). Во-вторых, в селениях с большим запасом продовольствия, где они заключили перемирие с Тиссаферном и двадцать дней ждали его возвращения (ii, 3, 14; ii, 4, 9). В-третьих, один ночной привал под руководством Тиссаферна, прежде чем они достигли стены Меди. Таким образом, между станцией (первой после прохождения необорудованной траншеи), откуда они начали отступление под руководством Ариева, и точкой, где они пересекли Мидийскую стену, есть три разных станции или места остановки.

[121] Я оставляю для этого места рассмотрение того, что Ксенофонт говорит в двух или трех отрывках о Медийской стене и о различных каналах, связанных с Тигром, - результат которого, насколько я могу судить, содержится в моем тексте.

Я уже говорил в предыдущей главе, что на марше в день, следующий за битвой при Кунаксе, армия подошла к глубокой и широкой траншее, вырытой для обороны по всей линии их пути, за исключением узкой канавы шириной в двадцать футов у Евфрата; через эту канаву прошла вся армия. Ксенофонт говорит: "Эта траншея была проведена вверх по равнине вплоть до стены Медии, где, собственно, и находятся каналы, вытекающие из реки Тигр; четыре канала, сто футов в ширину и очень глубокие, так что по ним плавают кукурузоносные суда. Они впадают в Евфрат, удалены друг от друга на один парасанг, и через них есть мосты-Паретэтато δ' ἡ τάφος ἄνω διὰ τοῦ πεδίου ἐπὶ δώδεκα παράσαγγας, μέχρι τοῦ Μηδίας τείχους, ἔνθα δὲ (в книгах между τείχους и ἔνθα ставится точка, что мне кажется неправильным, так как смысл продолжается без перерыва) εἰσὶν αἱ διωρύχες, ἀπὸ τοῦ Τίγρητος ποταμοῦ ῥέουσai-εἰσὶ δὲ τέτταρες, τὸ μὲν εὖρος πλεθριαῖαι, βαθεῖαι δὲ ἰσχυρῶς, καὶ πλοῖα πλεῖ ἐν αὐταῖς σιταγωγὰ-εἰσβάλλουσι δὲ εἰς τὸν Εὐφράτην, διαλείπουσι δ' ἑκάστη παρασάγγην, γέφυραι δ' ἔπεισιν. Настоящее время -εἰσὶν αἱ διωρύχες - по-видимому, обозначает местную ссылку ἔνθα на Медийскую стену, а не на реальный поход армии.

Майор Реннелл (Иллюстрации экспедиции Кира, стр. 79-87 и др.), Риттер (Erdkunde, x, p. 16), Кох (Zug der Zehn Tausend, pp. 46, 47) и г-н Эйнсворт (Travels in the Track of the Ten Thousand, p. 88) считают, что Ксенофонт утверждает, что кирейская армия в этот день марша (за день до битвы) прошла через стену Медии и через четыре отдельных канала, идущих от Тигра к Евфрату. Все они, правда, оспаривают точность этого последнего утверждения; Реннелл отмечает, что уровень Тигра в этой части его течения ниже, чем уровень Евфрата, и что он не мог обеспечить водой столько широких каналов, расположенных так близко друг к другу. Полковник Чесни также считает, что армия прошла через Медийскую стену перед битвой при Кунаксе.

Однако мне кажется, что они неправильно интерпретируют слова Ксенофонта, который не говорит, что Кир когда-либо проходил через Медийскую стену или эти четыре канала *перед* битвой при Кунаксе, но который говорит (как Крюгер, De Authentiâ Anabaseos, p. 12, предисловие к его изданию "Анабасиса", справедливо объясняет его), что эти четыре канала, вытекающие из Тигра, находятся у Медийской стены или рядом с ней, через которую греки прошли только *после* битвы, когда Тиссаферн проводил их к Тигру за два дня марша до Ситтаки (Anab. ii, 4, 12).

В последние несколько лет предполагалось, что направление Медийской стены может быть проверено по реальным руинам, все еще сохранившимся на этом месте. Д-р Росс и капитан Линч (см. журнал Географического общества, т. ix. стр. 447-473, с приложением карты капитана Линча) обнаружили линию насыпи, которая, по их мнению, является ее остатком. Она начинается на западном берегу Тигра, на широте 34° 3', и тянется к Евфрату в направлении с северо-северо-востока на юго-юго-запад. "Это одиночный прямой курган толщиной в двадцать пять шагов, с бастiónом на западной стороне через каждые пятьдесят пять шагов; с той же стороны у него есть глубокий ров шириной в двадцать семь шагов. Стена здесь построена из мелкой гальки, вкрапленной в цемент из извести большой прочности; она от тридцати пяти до сорока футов в высоту и тянется по прямой линии, насколько хватает глаз. Бедуины говорят мне, что она идет по той же прямой линии до двух курганов, называемых Рамелах, на Евфрате, в нескольких часах выше Фелуджи; что она, местами далеко вглубь страны, построена из кирпича, а в некоторых местах снесена до уровня пустыни". (Dr. Ross, l. c. p. 446).

Основываясь на этих наблюдениях, предполагаемая стена (которую туземцы теперь называют Сидд-Нимруд) была обозначена как Стена Мидии, протянувшаяся от Тигра до Евфрата, на лучших картах последнего времени, особенно на карте полковника Чеснея, и принята в качестве таковой последними исследователями.

Тем не менее, последующие наблюдения, о которых полковник Роулинсон недавно сообщил Географическому обществу, опровергли мнение доктора Росса, изложенное выше, и показали, что Стена Медиума в том виде, в котором она была названа, не имеет под собой никаких оснований. Капитан Джонс, командир парохода в Багдаде, по просьбе полковника Роулинсона провел тщательное обследование местности и убедился, что то, что было названо Медийской стеной, было всего лишь линией курганов; никакой стены не было, а просто насыпь, простирающаяся на семь или восемь миль от Тигра и предназначенная для задержания зимних потоков и отвода дождевой воды пустыни в большой резервуар, который служил для орошения обширной долины между реками.

Из этого важного сообщения следует, что пока не осталось никаких доказательств для определения линии или положения Медийской стены, которая, как предполагалось, должна была стать точкой отсчета, положительно установленной, служащей предпосылкой для вывода других позиций, упомянутых Ксенофонтом. Как мы теперь знаем, в Вавилонии нет ни одной точки, упомянутой Ксенофонтом, которую можно было бы проверить, кроме самого Вавилона и Пилеи, которая известна почти как место, где начинается собственно Вавилония.

Описание, которое Ксенофонт дает стене Мидии, очень простое и конкретное. Я не вижу причин сомневаться в том, что он действительно видел ее, проходил через нее и правильно описывает ее как в высоту, так и в ширину. Всю ее длину он, конечно же, описывает только с того, что ему рассказали. Его заявление кажется мне веским доказательством того, что существовала Медийская стена, которая тянулась от Тигра до Евфрата, или, возможно, до какого-то канала, прорубленного в Евфрате, хотя не существует никаких следов, указывающих на точное местоположение и направление стены. Аммиан Марцеллин (xxiv, 2) во время экспедиции императора Юлиана видел возле Мацепракта, на левом берегу Евфрата, руины стены, "которая в древности простиралась на большое расстояние для защиты Ассирии от иноземного вторжения". Справедливо предположить, что это была Медийская стена; но местоположение Мацепракта установить невозможно.

Важно, однако, помнить, - о чем я уже говорил в этом примечании, - что Ксенофонт не видел и не пересекал ни Медийскую стену, ни два упомянутых здесь канала до многих дней после битвы при Кунаксе.

Из Геродота мы знаем, что вся территория Вавилонии была пересечена каналами, и что был один канал, более крупный, чем остальные, и судоходный, который протекал от Евфрата до Тигра в направлении на юго-восток. Это вполне совпадает с направлением, указанным на карте полковника Чесни для Нахр-Малчи или *Regium Flumen*, в который четыре великих канала, описанные Ксенофонтом как идущие от Тигра к Евфрату, могли бы, естественно, впадать, и все же можно было бы сказать, что они впадают в Евфрат, ответвлением которого была Нахр-Малча. Каким образом уровень этих двух рек регулировался бы, когда пространство между ними было покрыто сетью больших и малых каналов и когда огромное количество воды обеих рек расходовалось на удобрение земли, сказать трудно.

Остров, на котором стояли греки вблизи Ситтаки, перед переправой через Тигр, представлял собой параллелограмм, образованный Тигром, Нахр-Малчей и двумя параллельными каналами, соединяющими их. Его вполне можно назвать большим островом, на котором расположено множество городов и деревень с многочисленным населением.

[122] Есть основания полагать, что в древности Тигр выше Багдада протекал в более западном направлении и был менее извилистым, чем сейчас. Положение Описа проверить невозможно. Капитан Линч видел руины большого города недалеко от места впадения реки Адем в Тигр, который, по его предположению, и был Описом, на широте 34°.

[123] Xen. Anab. ii, 4, 26.

[124] Ktesias, Fragm. 18, ed. Bähr.

[125] Xen. Anab. ii, 5, 26-28.

Маннерт, Реннелл, г-н Эйнсворт и большинство современных комментаторов отождествляют этот город Καῖναῖ или Кæнæ с современным городом Сенн, который Маннерт (Geogr. der Röm. v. p. 333) и Реннелл (Illustrations p. 129) представляют как место, находящееся вблизи Малого Заба, а не Большого Заба.

Мне кажется, что местность, которую Ксенофонт приписывает Καῖναῖ, совсем не соответствует современному городу Сенн. Также нет большого реального сходства между этими двумя названиями; хотя наш ошибочный способ произношения латинского названия *Саенае* создает обманчивую видимость сходства. Мистер Эйнсворт показывает, что некоторые современные авторы были введены в заблуждение таким же образом, отождествляя современный город Серт с *Тиграно-Кертой*.

В географии работы Ксенофонта вызывает недоумение тот факт, что он не упоминает Малый Заб, который, однако, он должен был пересечь. Геродот отмечает их обе и замечает, что, хотя это разные реки, обе носят одно и то же название (v, 52). Возможно, составляя свое повествование после экспедиции, Ксенофонт настолько забылся, что решил, будто две синонимичные реки, упомянутые в его записях как разные, были всего лишь одной.

[126] Xen. Anab. ii, 5, 2-15.

[127] Ксен. Anab. ii, 5, 17-23. Это последнее сравнение любопытно и, по всей вероятности, является подлинными словами сатрапа - τὴν μὲν γὰρ ἐπὶ τῇ κεφαλῇ τῶν βασιλεῶν μόνῳ ἔξεστιν ὀρθῶς ἔχειν, τὴν δ' ἐπὶ τῇ καρδίᾳ ἴσως ἂν ὑμῶν παρόντων καὶ ἑτεροῦ εὐπετῶς ἔχοι.

[128] Xen. Anab. ii, 5, 30.

[129] Xen. Anab. ii, 6, 1. Ktesiaë Frag. Persica, c. 60, ed. Bähr; Plutarch, Artaxerx. c. 19, 20; Diodor. xiv, 27.

[130] Тацит. Histor. i, 45. "Othoni nondum auctoritas inerat ad *prohibendum* scelus; *jubere* jam poterat. Ita, simulatione iræ, vinciri jussum (Marium Celsum) et majores pœnas daturum, affirmans, præsentī exitio subtrahit."

Ктесий (Persica, c. 60; сравните Плутарха и Диодора, упомянутых в предыдущем примечании) свидетельствует об измене Менона, которую он, вероятно, почерпнул из рассказа самого Менона. Ксенофонт упоминает о бесславной смерти Менона, и он, вероятно, получил свои сведения от Ктесия (см. "Анабасис", ii, 6, 29).

Предположение о том, что именно Парисатис обеспечил смерть Менона, само по себе весьма вероятно, и делает все различные утверждения последовательными и гармоничными.

[131] Ксенофонт, кажется, намекает, что существовали различные истории, которым он не доверяет, чтобы опорочить Менона, -καὶ τὰ μὲν δὴ ἀφανῆ ἔξεστι περὶ αὐτοῦ ψεῦδεσθαι, и т.д. (Anab. ii, 6, 28).

Афиней (xi, p. 505) ошибочно утверждает, что Ксенофонт назвал Менона человеком, который стал причиной гибели Клеарха от рук Тиссаферна.

[132] Ксенофонт в "Киропедии" (viii, 8, 3) дает странное объяснение неосмотрительному доверию Клеарха к заверениям персидского сатрапа. По его словам, оно возникло из-за высокой репутации добросовестности, которую персы приобрели благодаря безупречной и щепетильной чести первого Кира (или Кира Великого), но которую они с тех пор перестали заслуживать, хотя испорченность их характера до этого не проявлялась публично.

Это любопытное извращение истории в угоду его роману.

[133] Macciavelli, Principe, c. 18, p. 65.

[134] Polyæn. vii, 18.

[135] Xen. Anab. ii, 5, 27, 28.

[136] Сравни Анаб. ii, 4, 6, 7; ii, 5, 9.

[137] Ксен. Анаб. ii, 5, 37, 38.

[138] Xen. Anab. iii, 1, 2, 3.

[139] Ксен. Anab. iii, 1, 4-11. Ἦν δέ τις ἐν τῇ στρατιᾷ Ξενοφῶν Ἀθηναῖος, ὃς οὔτε στρατηγὸς и др.

Гомер, Илиада, v, 9-

Ἦν δέ τις ἐν Τρώεσσι Δάρης, ἀφνεῖος, ἀμύμων,

Ἴρεὺς Ἠφαιστοῖο и т. д.

Сравните описание того, как Зевс посылает Онейру к спящему Агамемнону, в начале второй книги "Илиады".

[140] Что касается значения знака от Зевса Басилея и необходимости примирения с ним, сравните различные отрывки в Киропедии, ii, 4, 19; iii, 3, 21; vii, 5, 57.

[141] Xen. Anab. iii, 1, 12, 13. Περίφοβος δ' εὐθὺς ἀνηγέρθη, καὶ τὸ ὄναρ τῇ μὲν ἔκρινεν ἀγαθόν, ὅτι ἐν πόνοις ὦν καὶ κινδύνοις φῶς μέγα ἐκ Διὸς ἰδεῖν ἔδοξε, etc. ... Ὅποῖον τι μὲν δὴ ἔστι τὸ τοιοῦτον ὄναρ ἰδεῖν, ἔξεστι σκοπεῖν ἐκ τῶν συμβάντων μετὰ τὸ ὄναρ. Γίνεται γὰρ τάδε. Εὐθὺς ἐπειδὴ ἀνηγέρθη, πρῶτον μὲν ἔννοια αὐτῷ ἐμπίπτει- τί κατάκειμαι; ἢ δὲ νύξ προβαίνει- ἅμα δὲ τῇ ἡμέρᾳ εἰκὸς τοὺς πολέμιους ἦξιν, и т. д.

Читатель Гомера легко вспомнит различные отрывки из "Илиады" и "Одиссеи", где подобная мысленная речь выражена языком и расширена, - например, "Илиада", xi, 403, и некоторые другие отрывки, приведенные или упомянутые в "Истории языка и литературы Греции" полковника Мюре, гл. xiv, т. ii, с. 25 и далее.

Видение света, ярко сияющего из дружеского дома, считается благоприятным знаком (Плутарх, De Genio Socratis, p. 587 С.).

[142] Ксен. Anab. iii, 1, 16, 25.

"Vel imperatore, vel milite, me utemini". (Саллюст, Bellum Catilinar. с. 20).

[143] Ксен. Anab. iii, 1, 26-30. Из слов Ксенофонта следует, что Аполлонид был одним из тех, кто придерживался слабонервных (ὕπομαλακίζόμενοι, ii, 1, 14) в разговоре с Фалином вскоре после смерти Кира. Поэтому Ксенофонт говорит ему, что он уже второй раз дает такой совет - Ἄ σὺ πάντα εἰδῶς, τοὺς μὲν ἀμύνασθαι κελεύοντας φλυαρεῖν φῆς, πείθειν δὲ πάλιν κελεύεις ἴοντας;

Это помогает объяснить то презрение и строгость, с которыми Ксенофонт относится к нему. Действительно, ничто не могло быть более прискорбным в сложившихся обстоятельствах, чем то, что человек "демонстрирует свою остроту, суммируя все опасности вокруг". См. замечательную речь Демосфена в Пилосе (Thucyd. iv, 10).

[144] Xen. Anab. iii, 1, 36-46.

[145] Xen. Anab. iii, 2, 25.

Ἀλλὰ γὰρ δέδοικα μὴ ἂν ἅπαξ μάθωμεν ἀργοὶ ζῆν καὶ ἐν ἀφθόνοις βιοτεύειν, καὶ Μήδων δὲ καὶ Περσῶν καλαῖς καὶ μεγάλαις γυναιξὶ καὶ παρθένοις ὁμιλεῖν, μὴ ὥσπερ οἱ λωτοφάγοι, ἐπιλαθώμεθα τῆς οἴκαδε ὁδοῦ.

Гиппократ (De Aëre, Locis, et Aquis, с. 12) сравнивает физические характеристики азиатов и европейцев, отмечая у первых широкие, полные, округлые, сладострастные, но малоподвижные формы, - в отличие от более компактного, мускулистого и энергичного типа вторых, тренированных для движения, действия и выносливости.

У Дио Хризостома есть любопытный отрывок, касающийся персидского предпочтения евнухов в качестве рабов, где отмечается, что они восхищались даже в мужчинах приближением к типу женской красоты, - их глаза и вкусы находились под влиянием только идей афродизиаков; в то время как у греков, привыкших к постоянным тренировкам и упражнениям нагишом в палестре, когда мальчики соревновались с мальчиками и юноши с юношами, их ассоциации мужской красоты были направлены на активную силу и грациозное движение.

Οὐ γὰρ φανερόν, ὅτι οἱ Πέρσαι εὐνούχους ἐποίουν τοὺς καλοὺς, ὅπως αὐτοῖς ὡς κάλλιστοι ᾤσι; Τοσοῦτον διαφέρειν ὥοντο πρὸς κάλλος τὸ θῆλυ- σχεδὸν καὶ πάντες οἱ βάρβαροι, διὰ τὸ μόνον τὰ ἀφροδίσια ἐννοεῖν. Κάκεῖνοι γυναικός εἶδος περιτιθέασι τοῖς ἄρρεσιν, ἄλλως δ' οὐκ ἐπίστανται ἐρᾶν- ἴσως δὲ καὶ ἡ τροφὴ αἰτία τοῖς Πέρσαις, τῷ μέχρι πολλοῦ τρέφεσθαι ὑπὸ τε γυναικῶν καὶ εὐνούχων τῶν πρεσβυτέρων- παῖδας δὲ μετὰ παιδῶν, καὶ μεράκια μετὰ μεираκίων μὴ πάνυ συνεῖναι, μηδὲ γυμνοῦσθαι ἐν παλαίστραις καὶ γυμνασίοις, etc. (Orat. xxi, p. 270).

Сравните Еврипид, Вакх, 447 и далее; и эпиграмму Стратона в Антологии, xxxiv, т. ii, с. 367 Brunck.

[146] Диодор дает очень скудный отчет о том, что происходило после захвата полководцев (xiv, 27). Он не упоминает имя Ксенофонта ни в этом случае, ни вообще во всем своем рассказе о походе.

[147] Сравните враждебную речь коринфского посланника в Спарте перед началом Пелопоннесской войны с хвалебной погребальной речью Перикла на втором году этой войны (Thucyd. i, 70, 71; ii, 39, 40).

Οἱ μὲν γε (εἰσὶ), νεωτεροποιοὶ (описание афинян коринфским оратором) καὶ ἐπινοῆσαι ὀξεῖς καὶ ἐπιτελέσαι ἔργῳ ἃ ἂν γινῶσιν- ὑμεῖς δὲ (Lacedaemonians), τὰ ὑπάρχοντά τε σώζειν καὶ ἐπιγινῶναι μηδὲν, καὶ ἔργῳ οὐδὲ τὰναγκαῖα ἐξικέσθαι. Αὖθις δὲ, οἱ μὲν, καὶ παρὰ δύναμιν τολμηταὶ καὶ παρὰ γνώμην κινδυνευταὶ καὶ ἐπὶ τοῖς δεινοῖς εὐέλπιδες- τὸ δὲ ὑμέτερον, τῆς τεδυνάμεως ἐνδεᾶ πρᾶξαι, τῆς τε γνώμης μηδὲ τοῖς βεβαίοις πιστεῦσαι, τῶν τε δεινῶν μηδέποτε οἶεσθαι ἀπολυθήσεσθαι. Καὶ μὴν καὶ ἄοκνοι πρὸς ὑμᾶς μελλήτας, καὶ ἀποδημηταὶ πρὸς ἐνδημοτάτους и др.

Опять же, в оратории Перикла -Καὶ αὐτοὶ ἦτοι κρίνομεν ἢ ἐνθυμούμεθα ὀρθῶς τὰ πράγματα, οὐ τοὺς λόγους τοῖς ἔργοις βλάβην ἡγούμενοι, ἀλλὰ μὴ προδιδαχθῆναι μᾶλλον λόγῳ, πρότερον ἢ ἐπὶ ἃ δεῖ ἔργῳ ἐλθεῖν. Διαφερόντως μὲν δὴ καὶ τόδε ἔχομεν, ὥστε *τολμᾶν τε οἱ αὐτοὶ μάλιστα καὶ περὶ ὧν ἐπιχειρήσομεν* ἐκλογίζεσθαι- ὃ τοῖς ἄλλοις ἀμαθία μὲν θράσος, λογισμὸς δὲ ὄκνον, φέρει.

[148] Сравните замечания Перикла в его последней речи к афинянам о неэффективности самых лучших мыслей, если человек не обладает способностью излагать их впечатляющим образом (Thucyd. ii, 60). Καίτοι ἐμοὶ τοιοῦτῳ ἀνδρὶ ὀργίζεσθε, ὃς οὐδενὸς οἶομαι ἥσσω ἐῖναι γινῶναί τε τὰ δέοντα καὶ ἐρμηνεῦσαι ταῦτα, φιλόπολις τε καὶ χρημάτων κρείττων- ὃ τε γὰρ γνοὺς καὶ μὴ σαφῶς διδάξας, ἐν ἴσῳ καὶ εἰ μὴ ἐνεθυμήθῃ, и т.д.

Философ и государственный деятель в Афинах здесь придерживаются одного языка. Это было мнение Сократа -μόνους ἀξίους εἶναι τιμῆς *τοὺς εἰδότας τὰ δέοντα, καὶ ἐρμηνεῦσαι δυναμένους* (Xenoph. Mem. i, 2, 52).

Поразительный отрывок из похоронной речи Лисия (Orat. ii, Epitaph. s. 19) выражает распространенную идею афинской демократии - авторитетный закон с убедительной и поучительной речью, как заменяющий взаимное насилие (νόμος и λόγος, как антитеза βία). Сравните аналогичные настроения у Исократ (Or. iv, (Panegy.) s. 53-56).

[149] См. речь Перикла (Thuc. ii, 60-64). Он оправдывает свой хвастливый тон, неожиданным унынием, против которого ему пришлось бороться со стороны слушателей -Δελώσω δὲ καὶ τόδε ὃ μοι δοκεῖτε οὗτ' αὐτοὶ πώποτε ἐνθυμηθῆναι ὑπάρχον ὑμῖν μεγέθους περὶ ἐς τὴν ἀρχὴν οὗτ' ἐγὼ ἐν τοῖς πρὶν λόγοις, οὐδ' ἂν νῦν ἐχρησάμην κομπωδεστέραν ἔχοντι τὴν προσποίησιν, εἰ μὴ καταπεπληγμένους ὑμᾶς παρὰ τὸ εἰκὸς ἐώρων.

Это также является правильным объяснением тона Ксенофонта.

[150] В одном из отрывков "Киропедии" (v. 5, 46) Ксенофонт поразительным образом излагает сочетание лекτικὸς καὶ πρακτικός-Ὡσπερ καὶ ὅταν μάχεσθαι δέη, ὁ πλείστους χειρωσάμενος ἀλκιμώτατος δοξάζεται εἶναι, οὕτω καὶ ὅταν πείσασθαι δέη, ὁ πλείστους ὁμογνώμονας ἡμῖν ποιήσας οὗτος δικαίως ἂν λεκτικώτατος καὶ πρακτικώτατος κρίνοιτο ἂν εἶναι. Μὴ μέντοι ὡς λόγον ἡμῖν ἐπιδειξόμενοι, οἷον ἂν εἴποιτε πρὸς ἕκαστον αὐτῶν, τοῦτο μελετᾶτε-ἀλλ' ὡς τοὺς πεπεισμένους ὑφ' ἑκάστου δῆλους ἐσομένους οἷς ἂν πράττωσιν, οὕτω παρασκευάζεσθε.

Описывая обязанности Гиппарха или командира кавалерии, Ксенофонт также подчеркивает важность убедительной речи, как средства поддержания активного повиновения солдат -Εἷς γε μὴν τὸ εὐπειθεῖς εἶναι τοὺς ἀρχομένους, μέγα μὲν καὶ τὸ λόγῳ διδάσκειν, ὅσα ἀγαθὰ ἐνὶ ἐν τῷ πειθαρχεῖν, и т.д. (Xen. Mag. Eq. i, 24).

[151] См. Ксеноф. Anab. v, 6, 25.

[152] Xen. Anab. iii, 3, 6; iii, 5, 43.

[153] Ксен. Anab. ii, 5, 1. Ainsworth. Travels and Researches in Asia Minor, etc. vol. ii, ch. 44, p. 327; также его Travels in the Track of the Ten Thousand, p. 119-134.

Профессор Кох, лично знающий Армению и регион к востоку от Тигра, верно замечает, что Великий Заб - единственная точка (к востоку от Тигра), которую Ксенофонт обозначает таким образом, что ее можно четко идентифицировать на местности. Он также отмечает, что здесь, как и в других местах, количество парасангов, указанное Ксенофонтom, по сути, является обманчивой мерой расстояния (Zug der Zehn Tausend, p. 64).

[154] Ксен. Anab. iii, 3, 9.

[155] Xen. Anab. iii, 4, 1-5.

[156] Xen. Anab. iii, 4, 17, 18. Именно здесь, на месте древней Ниневии, благодаря недавним исследованиям г-на Лэйарда было обнаружено так много любопытных и ценных ассирийских останков. Легенда, которую Ксенофонт услышал на этом месте, о том, как эти города были захвачены и разрушены, носит истинно восточный характер.

[157] Xen. Anab. iii, 4, 19-23.

Я склонен считать, что на *каждом* фланге было по шесть лохий, то есть всего двенадцать лохий; хотя слова Ксенофонта не совсем ясны.

[158] Xen. Anab. iii, 4-25. Сравните Геродот. vii, 21, 56, 103.

[159] Профессор Кох (Zug der Zehn Tausend, p. 68) придерживается того же мнения.

[160] Ксен. Anab. iii, 4, 35; см. также Cyropædia, iii, 3, 37.

Фракийский князь Сеутес так опасался ночного нападения, что всю ночь держал своих лошадей под уздой (Xen. Anab. vii, 2, 21.).

Мистер Киннейр ("Путешествия по Малой Азии", стр. 481) утверждает, что лошадей восточной кавалерии и даже английской кавалерии в Индостане до сих пор держат привязанными и закованными на ночь, так же, как, по описанию Ксенофонта, это делали персы.

[161] Ксен. Anab. iii, 4, 36-49; iii, 5, 3.

[162] Ксен. Anab. iii, 5; iv, 1, 3. Вероятно, местом, где греки покинули Тигр, чтобы удариться в Кардухийские горы, были окрестности Джезиреха ибн Омара, древнего Безабде. Именно здесь дальнейший поход по восточному берегу Тигра стал невозможным из-за сомкнувшихся гор. Здесь современная дорога переходит через Тигр по мосту с восточного берега на западный (Koch, Zug der Zehn Tausend, p. 72).

[163] Ксен. Anab. iv, 1, 12.

[164] Xen. Anab. iv, 3, 19-30.

[165] Xen. Анаб. iv, 1, 18; iv, 2, 28.

[166] Xen. Anab. iv, 1, 21.

[167] Xen. Anab. iv, 2, 4.

[168] Ксен. Anab. iv, 3, 17-21.

[169] Ксен. Anab. iv, 3, 23.

[170] Xen. Анаб. iv, 3, 2. Его выражения имеют простой акцент, который показывает, насколько неувядаемы были воспоминания о том, что он пережил в Кардучии.

Καὶ οἱ Ἕλληνες ἐνταῦθα ἀνεπαύσαντο ἄσμενοι ἰδόντες πεδίον- ἀπεῖχε δὲ τῶν ὁρέων ὁ ποταμὸς ἕξ ἢ ἑπτα στάδια τῶν Καρδούχων. Τότε μὲν οὖν ἠύλίσθησαν μάλα ἡδέως, καὶ τὰ ἐπιτήδεια ἔχοντες καὶ πολλὰ τῶν παρεληλυθότων πόνων μνημονεύοντες. Ἑπτα γὰρ ἡμέρας, ὅσασπερ ἐπορεύθησαν διὰ τῶν Καρδούχων, πάσας μαχόμενοι διετέλεσαν, καὶ ἔπαθον κακὰ ὅσα οὐδὲ τὰ σύμπαντα ὑπὸ βασιλέως καὶ Τισσαφέρνου. Ὡς οὖν ἀπηλλαγμένοι τούτων ἡδέως ἐκοιμήθησαν.

[171] Xen. Anab. iv, 4, 1.

[172] Xen. Anab. iv, 3, 6-13.

[173] Xen. Anab. iv, 3, 17.

... ἔθεντο τὰ ὄπλα, καὶ αὐτὸς πρῶτος Χειρίσοφος, στεφανωσάμενος καὶ ἀποδύς, ἐλάμβανε τὰ ὄπλα, καὶ τοῖς ἄλλοις πᾶσι παρήγγελλε.

Я полагаю, что слова τὸν στέφανον здесь следует понимать после ἀποδύς, а не слова τὰ ὄπλα, как, по-видимому, думает Крюгер в своем примечании. Конечно, невероятно, чтобы в реальной ситуации греческой армии солдатам было приказано сначала разоружиться, а затем снова взяться за оружие. Я представляю себе дело так: сначала отдается приказ опустить оружие, так что щит опускается и падает на землю, поддерживаемый левой рукой солдата за его верхний обод; копье, также лежащее на земле, поддерживается щитом и той же левой рукой. Правая рука воина, таким образом, свободна, ему приказано сначала надеть на себя венок (костюм, обычный при жертвоприношении), затем снять венки и, наконец, снова взять в руки оружие.

Вероятно, операции надевания и снятия венков должны были выполняться солдатами символически, или жестом, поднимая руку к голове, как бы венчая ее. Ибо кажется невозможным, чтобы они вообще были снабжены настоящими венками на берегах Кентритеса и сразу после мучительного похода через Кардучийские горы. Однако у самого Хейрисофа, несомненно, был настоящий венок, который он надевал и снимал; то же самое, вероятно, было у пророков и некоторых избранных официальных лиц.

[174] Ксен. Anab. iv, 3, 20-25.

[175] Ксен. Анав. iv, 3, 30.

[176] Ксен. Анаб. iv, 3, 31-34; iv, 4, 1.

[177] Xen. Anab. iv, 4, 11.

[178] Ксен. Anab. iv, 5, 2.

Последние редакторы, Шнайдер и Крюгер, на основании различных MSS, читают здесь *ἐπορεύθησαν-ἐπὶ τὸν Εὐφράτην ποταμόν*. В издании Хатчинсона старое чтение было таким: *παρὰ τὸν Εὐφράτην ποταμόν*.

Это изменение может быть правильным, но географические данные здесь слишком расплывчаты, чтобы можно было с уверенностью утверждать это. См. мое Приложение, приложенное к этой главе.

[179] Xen. Anab. iv, 5, 4.

Ἐνθα δὴ τῶν μάντεων τις εἶπε σφαγιάσασθαι τῷ Ἀνέμῳ- καὶ πᾶσι δὴ περιφανῶς ἔδοξε λῆξαι τὸ χαλεπὸν τοῦ πνεύματος.

Страдания армии от ужасного снега и холода Армении описаны у Диодора, xiv, 28.

[180] Xen. Anab. v, 8, 8-11.

[181] Ксен. Анаб. iv, 5, 8-22.

[182] Xen. Anab. iv, 5, 26. Κάλαμοι γόνατα οὐκ ἔχοντες.

Этот армянский обычай всасывания пива через тростник, аналогии которому дают наблюдения современных путешественников (см. примечание Крюгера), иллюстрирует фрагмент Архилоха (№ 28, изд. Schneidewin, Poetæ Græc. Minor).

ὥσπερ αὐλῶ βρύτον ἢ Θρηϊξ ἀνὴρ

ἢ Φρυξ ἔβρυζε и т.д.

Сходство армянских обычаев с обычаями фракийцев и фригийцев неудивительно.

[183] Xen. Anab. iv, 5, 26-36.

[184] Xen. Anab. iv, 6, 1-3.

[185] Xen. Anab. iv, 6, 4.

[186] Ксен. Anab. iv, 6, 10-14.

Καὶ οὐκ αἰσχρὸν εἶναι, ἀλλὰ καλὸν κλέπτειν и т. д. Чтение *καλὸν* предпочитается Шнайдером чтению *ἀναγκαῖον*, которое было вульгарным чтением, и сохраняется Крюгером. Оба варианта подтверждены авторитетом MSS, и любой из них может быть принят; в целом, я склоняюсь к мнению Шнайдера.

[187] Xen. Anab. iv, 6, 16.

Ἀλλὰ μέντοι, ἔφη ὁ Χειρίσοφος, κάγῳ ὑμᾶς τοὺς Ἀθηναίους ἀκούω δεινοὺς εἶναι κλέπτειν τὰ δημόσια, καὶ μάλα ὄντος δεινοῦ τοῦ κινδύνου τῷ κλέπτοντι, καὶ τοὺς κρατίστους μέντοι μάλιστα, εἴπερ ὑμῖν οἱ κράτιστοι ἄρχειν ἀξιοῦνται- ὥστε ὦρα καὶ σοὶ ἐπιδείκνυσθαι τὴν παιδείαν.

[188] См. т. VII, гл. lxi, с. 401 и далее.

[189] Xen. Anab. iv, 6, 20-27.

[190] Xen. Anab. iv, 7, 2-15.

[191] Xen. Anab. iv, 7, 18.

[192] Диодор (xiv, 29) называет гору Χήνοι-Chenium. В своем кратком описании этой интересной сцены он, по-видимому, опирался на Ксенофонта.

[193] Ксен. Anab. iv, 7, 23-27.

[194] Xen. Anab. iv, 8, 4-7.

[195] Ксен. Anab. iv, 8, 15-22. Большинство современных путешественников подтверждают существование в этих краях меда, опьяняющего и ядовитого, такого, как описывает Ксенофонт. Они указывают на *азалию понтийскую*, как на цветок, из которого пчелы получают это особенное качество. Профессор Кох, однако, ставит под сомнение существование вблизи Черного моря какого-либо меда с таким природным свойством. Он утверждает (Zug der Zehn Tausend, p. 111), что после тщательного расследования не смог найти никаких следов такого меда. Не противореча Ксенофону, он считает, что мед, который ели греки, должен был быть несвежим или испорченным.

[196] Ксен. Anab. iv, 8, 23-27.

Любопытный и интересный анекдот в "Жизни Александра" Плутарха (с. 41) свидетельствует о том, насколько эти гетеры, сопровождавшие солдат (в большинстве своем свободные женщины), были почитаемы в македонской армии, а сам Александр - среди остальных. Один македонец из Эге по имени Эврилох неправомерно включил себя в список ветеранов и инвалидов, которых собирались отправить из Азии в Европу. Это было обнаружено, и на допросе он сообщил Александру, что сделал это для того, чтобы иметь возможность следовать за свободной гетерой по имени Телесиппа, которая собиралась сопровождать отбывающую дивизию. "Я сочувствую твоей привязанности, Эврилох (ответил Александр); посмотрим, нельзя ли убедить Телесиппу или уговорами, или подарками, раз она свободна, остаться позади" (Ἡμᾶς μὲν, ὦ Εὐρύλοχε, συνερῶντας ἔχεις- ὅρα δὲ ὅπως πείθωμεν ἢ λόγοις ἢ δώροις τὴν Τελεσίππαν, ἐπειδὴ περ ἐξ ἐλευθέρων ἐστί).

[197] Strabo, xii, p. 542; Xen. Anab. iv, 8, 24.

[198] Strabo. xii, p. 545, 546.

[199] Xen. Anab. v, 6, 8.

[200] Xen. Anab. v, 5, 23.

[201] Плутарх, Перикл, с. 20.

[202] Xen. Anab. v, 3, 3; v, 7, 9. Максимальная численность греческого войска, собранного в Иссе после соединения трехсот человек, дезертировавших из Аброкома, составляла тринадцать тысяч девятьсот человек. На смотре в Вавилонии, за три дня до битвы при Кунаксе, было собрано, однако, только двенадцать тысяч девятьсот человек (Anab. i, 7, 10).

[203] Xen. Anab. vi, 2, 8.

Τῶν γὰρ στρατιωτῶν οἱ πλεῖστοι ἦσαν οὐ σπάνει βίου ἐκπεπλευκότες ἐπὶ ταύτην τὴν μισθοφορὰν, ἀλλὰ τὴν Κύρου ἀρετὴν ἀκούοντες, οἱ μὲν καὶ ἄνδρας ἄγοντες, οἱ δὲ καὶ προσανηλωκότες χρήματα, καὶ τούτων ἕτεροι ἀποδεδρακότες πατέρας καὶ μητέρας, οἱ δὲ καὶ τέκνα καταλιπόντες, ὥς χρήματα αὐτοῖς κτησάμενοι ἤξοντες πάλιν, ἀκούοντες καὶ τοὺς ἄλλους τοὺς παρὰ Κύρῳ πολλὰ καὶ ἀγαθὰ πράττειν. Τοιοῦτοι οὖν ὄντες ἐπόθουν εἰς τὴν Ἑλλάδα σῶζεσθαι.

Это утверждение о положении большинства солдат более достоверно, а также менее пренебрежительно, чем у Исократ (Orat. iv, Panegy. s. 170).

В другой оратории, написанной примерно через пятьдесят лет после кирейской экспедиции, Исократ отмечает большие премии, которые раньше приходилось давать тем, кто собирал наемных солдат, сверх жалованья самим солдатам (Isokrates, Orat. v. ad Philipp. s. 112); в

отличие от чрезмерного увеличения числа безработных наемников в его собственное позднее время (Ibid. s. 142 seq.).

[204] Xen. Anab. v, 1, 3-13.

Ὅρῳ δ' ἐγὼ πλοῖα πολλάκις παραπλέοντα, etc. Это убедительное доказательство того, насколько обширной была торговля греков с городом и областью Фазис, расположенными на восточной оконечности Эвксинского моря.

[205] Xen. Anab. v, 1, 15.

[206] Ксен. Anab. v. 2.

[207] Xen. Anab. v, 3, 3. Г-н Киннейр (Путешествия по Малой Азии, стр. 327) и многие другие авторы, естественно, предположили по аналогии названий, что современный город Керасун (около 38° 40' долготы) соответствует Керасусу Ксенофонта; который Арриан в своем Перипле считает идентичным тому, что впоследствии называлось Фарнакией.

Но, как отмечают д-р Крамер (Малая Азия, т. i, стр. 281) и г-н Гамильтон (Путешествия по Малой Азии, гл. xv, стр. 250), Керасун находится слишком далеко от Трапезунда, чтобы Ксенофонт мог пройти с армией от одного места до другого за три дня; или даже менее чем за десять дней, по мнению г-на Гамильтона. Соответственно, г-н Гамильтон помещает Керасус Ксенофонта гораздо ближе к Трапезунду (около 39° 20' долготы, как это обозначено на карте Малой Азии Киперта), у реки, которая сейчас называется Керасун Дерё Су.

[208] Не без труда мистер Киннейр раздобыл лошадей, чтобы добраться из Котиоры в Керасун по суше. Ага этого места сказал ему, что безумие думать о путешествии по суше, и заказал для него фелукку; но в конце концов его убедили предоставить лошадей. Похоже, здесь вообще не было обычной или наезженной дороги; холмы вплотную подступают к морю, и мистер Киннейр "проделал весь путь вдоль берега попеременно по песчаному пляжу и высокому лесистому берегу. Холмы через определенные промежутки времени вдаются в море, образуя мысы и многочисленные маленькие бухты вдоль побережья; но природа страны была все той же, то есть усыпанной прекрасной древесиной, цветами и рощами вишневых деревьев" (Путешествия по Малой Азии, стр. 324).

Керасус - коренная страна вишневого дерева и происхождения его названия.

Профессор Кох считает, что число дней пути, указанное Ксенофонтом (десять дней) между Керасусом и Котиорой, более чем соответствует реальному расстоянию, даже если Керасус будет расположен там, где предполагает мистер Гамильтон. Если число указано верно, он полагает, что греки должны были где-то остановиться (Zug der Zehn Tausend. p. 115. 116).

[209] Xen. Anab. v, 5, 3.

[210] Xen. Anab. v, 7, 18-25.

[211] Xen. Anab. v, 5, 7-12.

[212] Xen. Anab. v, 5, 13-22.

[213] Xen. Anab. v, 6, 4-11.

[214] Xen. Anab. v, 6, 14.

[215] Xen. Анаб. v, 6, 19; vi, 1, 2.

[216] Xen. Anab. vi, 4, 8; vi, 2, 4.

[217] Xen. Anab. v, 6, 15-30; vi, 2, 6; vii, 1, 25, 29.

Хакен и другие комментаторы поступают несправедливо по отношению к Ксенофону, когда приписывают ему замысел захвата греческого города Котиора.

[218] Xen. Memorab. i, 1, 8, 9. Ἐφη δὲ (Σοκράτης) δεῖν, ἃ μὲν μαθόντας ποιεῖν ἔδωκαν οἱ θεοὶ, μανθάνειν- ἃ δὲ μὴ δῆλα τοῖς ἀνθρώποις ἐστὶ, πειρᾶσθαι διὰ μαντικῆς παρὰ τῶν θεῶν πυκνῶν- τοὺς θεοὺς γὰρ, οἷς ἂν ὥσιν ἰλέω, σημαίνειν.

Сравните отрывки из его Cyropædia, i, 6, 3; De Officio Magistr. Equit. ix, 9.

"Боги (говорит Еврипид в сократовском духе) наделили нас мудростью, чтобы мы понимали и присваивали себе обычные жизненные удобства; в неясных или непонятных случаях мы можем узнать себя, глядя на пламя костра или советуясь с пророками, которые понимают печень жертвенных жертв и полет птиц. Когда они предоставили столь прекрасное обеспечение для жизни, кто, кроме избалованных детей, может быть недоволен и просить большего? И все же человеческое благоразумие, полное самодовольства, будет бороться за то, чтобы быть более могущественным и считать себя более мудрым, чем боги".

Ἄδ' ἔστ' ἄσημα, κοῦ σαφεῖ, γινώσκομεν

Εἰς πῦρ βλέποντες, καὶ κατὰ σπλάγχνων πτύχας

Μάντεις προσημαίνουσιν οἰωνῶν τ' ἄπο.

Ἄρ' οὐ τρυφῶμεν, θεοῦ κατασκευὴν βίου

Δόντος τοιαύτην, οἷσιν οὐκ ἀρκεῖ τάδε;

Ἀλλ' ἡ φρόνησις τοῦ θεοῦ μείζον σθένειν

Ζητεῖ- τὸ γαῦρον δ' ἐν χεροῖν κεκτημένοι

Δοκοῦμεν εἶναι δαιμόνων σοφώτεροι (Supplices, 211).

Следует заметить, что это постоянное излияние особых откровений через пророков, знамения и т. д. было (по мнению этих сократических мыслителей) существенной частью божественного правления; оно было необходимо для удовлетворения их представлений о благосклонности богов, поскольку рациональные и научные предсказания были так привычно ошибочны и не способны постичь явления будущего.

[219] Xen. Anab. v, 6, 29.

[220] Хотя Ксенофонт считал жертвоприношение необходимым предварительным условием любого действия с сомнительным результатом и очень верил в признаки, которые давали жертвы, как знаки будущих целей богов, он, тем не менее, очень мало доверял профессиональным пророкам. Он считал их вполне способными на грубый обман (см. Xen. Cyrop. i, 6, 2, 3; ср. Софокл, Антигона, 1035, 1060; и Œdip. Tyrann. 387).

[221] Xen. Anab. v, 6, 19-26.

[222] Xen. Anab. v, 6, 30-33.

[223] Xen. Анаб. v, 6, 34; vi, 4, 13.

[224] Xen. Anab. v, 6, 36.

Здесь я могу отметить, что этот *Φαζис* в Эвксине означает город с таким названием, а не реку.

[225] Xen. Anab. v, 7, 1-3.

Ἐπεὶ δὲ ἦσθάνετο ὁ Ξενοφῶν, ἔδοξεν αὐτῷ ὥς τάχιστα συναγαγεῖν αὐτῶν ἀγορὰν, καὶ μὴ ἔῃσαι συλλεγῆναι αὐτομάτους- καὶ ἐκέλευε τὸν κήρυκα συλλέξαι ἀγορὰν.

Благоразумие Ксенофонта, создавшего собрание сразу, неоспоримо. Иначе он не смог бы помешать солдатам собраться вместе и побудить друг друга к действию без какого-либо формального призыва.

Читатель должен сравнить с этим сцену в Афинах (описанную Фукидидом, ii, 22; и в т. VI, гл. xlviii, с. 133 настоящей Истории) в первый год Пелопоннесской войны и первого вторжения пелопоннессцев в Аттику; когда захватчики находились в Ахарне, в пределах видимости от стен Афин, сжигая и разрушая страну. Несмотря на сильнейшее волнение афинского народа и нетерпение выйти на бой, Перикл упорно отказывался созывать собрание, опасаясь, что народ примет решение выйти на бой. И что еще более примечательно - даже в таком возбужденном состоянии народ, хотя и объединившийся в стенах, не собрался ни на неофициальное собрание, ни на какое-либо постановление, ни на какое-либо активное действие, что киреевцы непременно сделали бы, если бы не были созваны на регулярное собрание.

Контраст с кирейской армией иллюстрирует необычайную власть, которую конституционные формы оказывали на умы афинских граждан.

[226] Xen. Anab. v, 7, 7-11.

[227] Xen. Anab. v, 7, 13-26.

[228] Ксен. Anab. v, 7, 26-27. Εἰ οὖν ταῦτα τοιαῦτα ἔσται, θεάσασθε οἷα ἡ κατάστασις ἡμῖν ἔσται τῆς στρατιᾶς. Ὑμεῖς μὲν οἱ πάντες οὐκ ἔσεσθε κύριοι, οὔτ' ἀνελέσθαι πόλεμον ὃ ἂν βούλησθε, οὔτε καταλῦσαι- ἰδίᾳ δὲ ὁ βουλόμενος ἄξει στράτευμα ἐφ' ὃ, τι ἂν ἐθέλῃ. Κἂν τινες πρὸς ὑμᾶς ἴωσι πρέσβεις, ἢ εἰρήνης δεόμενοι ἢ ἄλλου τινός, κατακαίνοντες τούτους οἱ βουλόμενοι, ποιήσουσιν ὑμᾶς τῶν λόγων μὴ ἀκοῦσαι τῶν πρὸς ὑμᾶς ἰόντων. Ἔπειτα δὲ, οὓς μὲν ἂν ὑμεῖς ἅπαντες ἔλησθε ἄρχοντας, ἐν οὐδεμίᾳ χώρᾳ ἔσονται- ὅστις δ' ἂν ἑαυτὸν ἔλῃται στρατηγὸν, καὶ ἐθέλῃ λέγειν, Βάλλε, Βάλλε, οὗτος ἔσται ἰκανὸς καὶ ἄρχοντα κατακαίνειν καὶ ἰδιώτην ὃν ἂν ὑμῶν ἐθέλῃ ἀκριτον-ἂν ὧσιν οἱ πεισόμενοι αὐτῷ, ὥσπερ καὶ νῦν ἐγένετο.

[229] Ксен. Анаб. v, 7, 27-30.

[230] Xen. Anab. v, 7, 34, 35.

[231] Xen. Anab. v, 7, 35.

Παραينوῦντος δὲ Ξενοφῶντος, καὶ τῶν μάντεων συμβουλευόντων, ἔδοξε καὶ καθᾶραι τὸ στράτευμα- καὶ ἐγένετο καθαρμός- ἔδοξε δὲ καὶ τοὺς στρατηγοὺς δίκην ὑποσχεῖν τοῦ παρεληλυθότος χρόνου.

В том распределении глав, которое сделано редакторами, восьмая глава начинается со второго ἔδοξε, что кажется мне неудобным для понимания полного смысла. Я думаю, что

второе ἔδοξε, как и первое, связано со словами παραινοῦντος Ξενοφώντος, и должно быть включено не только в одну главу с ними, но и в одно предложение, без промежуточной полной остановки.

[232] Xen. Anab. v, 8, 3-12.

[233] Xen. Anab. v, 8, 16. ἔπαισα πὺξ, ὅπως μὴ λόγχῃ ὑπὸ τῶν πολεμίων παίοιτο.

[234] Мысль о том, что великие драчуны не были хорошими солдатами в бою, так же стара среди греков, как и "Илиада". Непревзойденный драчун гомеровской греческой армии Эпей признается в собственной неполноценности как солдата ("Илиада", xxiii 667).

Ἄσπον ἴτω, ὅστις δέπας οἴσεται ἀμφικύπελλον-.

Ἡμίονον δ' οὐ φημί τιν' ἄξεμεν ἄλλον Ἀχαιῶν,

Πυγμῇ νικήσαντ' - ἐπεὶ εὖχομαι εἶναι ἄριστος.

Ἥ οὐχ ἄλῃς, ὅ,ττι μάχης ἐπιδεύομαι; οὐδ' ἄρα πως ἦν

Ἐν πάντεσσ' ἔργοισι δαήμονα φῶτα γενέσθαι.

[235] Xen. Anab. v, 8, 13-25.

[236] См. поразительные замечания Фукидида (ii, 65) о Перикле.

[237] Xen. Anab. vi, 1, 2. Πέμπει παρὰ τοὺς Ἑλληνας πρέσβεις, ἔχοντας ἵππους καὶ στολὰς καλὰς и т. д.

Присланные лошади, несомненно, были родом из Пафлагонии; присланные одежды, вероятно, были продукцией ткацких станков Синопа и Котиоры; подобно тому, как фракийские князья получали тонкие тканые и металлические ткани из Абдеры и других греческих колоний на их побережье - ὑφαντὰ καὶ λεῖα, καὶ ἡ ἄλλη κατασκευὴ и т. д. (Thucyd. ii, 96). От подобной промышленности, вероятно, произошла великолепная "regia textilia" и обилие золотых и серебряных сосудов, захваченных римским полководцем Павлом Эмилием вместе с Персеем, последним царем Македонии (Livy, xlv, 33-35).

[238] Ксен. Anab. vi, 1, 10-14.

[239] Xen. Anab. vi, 1, 22-31.

[240] Ксен. Anab. vi, 1, 32.

[241] Ксен. Anab. vi, 2, 11-16.

[242] Ксеноф. Анаб. vi. 3, 10-25; vi, 4, 11.

[243] Ксен. Анаб. vi, 5.

[244] Ксен. Анаб. vi, 6, 1-5.

[245] Xen. Anab. vi, 6, 5-9.

[246] Xen. Anab. vi, 1, 32; vi, 4, 11-15.

[247] Xen. Anab. vi, 6, 12, 13.

Εἰσὶ μὲν γὰρ ἤδη ἐγγὺς αἱ Ἑλληνίδες πόλεις- τῆς δ' Ἑλλάδος Λακεδαιμόνιοι προεστήκασιν- *ίκανοι δέ εἰσι καὶ εἷς ἕκαστος Λακεδαιμονίων ἐν ταῖς πόλεσιν ὅ,τι βούλονται διαπράττεσθαι*. Εἰ οὖν οὗτος πρῶτον μὲν ἡμᾶς Βυζαντίου ἀποκλείσει, ἔπειτα δὲ τοῖς ἄλλοις ἀρμοσταῖς παραγγελεῖ εἰς τὰς πόλεις μὴ δέχεσθαι, ὡς ἀπιστοῦντας Λακεδαιμονίοις καὶ ἀνόμους ὄντας- ἔτι δὲ πρὸς Ἀναξίβιον τὸν ναύαρχον οὗτος ὁ λόγος περὶ ἡμῶν ἥξει- χαλεπὸν ἔσται καὶ μένειν καὶ αποπλεῖν- *καὶ γὰρ ἐν τῇ γῇ ἄρχουσι Λακεδαιμόνιοι καὶ ἐν τῇ θαλάττῃ τὸν νῦν χρόνον*.

[248] Ксен. Анаб. vi, 6, 12-16.

[249] Xen. Anab. vi, 6, 22-28.

[250] Xen. Anab. vi, 6, 31-36.

[251] Xen. Anab. vi, 6, 36, 37.

[252] Почти такой же переход совершил афинский полководец Ламах на восьмом году Пелопоннесской войны, после того как потерял свои триремы из-за внезапного подъема воды в устье реки Калекс на территории Гераклеи (Thucyd. iv, 75).

[253] Ксен. Anab. vii, 1, 2. Πέμπας πρὸς Ἀναξίβιον τὸν ναύαρχον, ἐδεῖτο διαβιβάσαι τὸ στράτευμα ἐκ τῆς Ἀσίας, καὶ ὑποσχενεῖτο πάντα ποιήσειν αὐτῷ ὅσα δέοι.

Сравните vii, 2, 7, где Анаксибий тщетно требует исполнения этого обещания.

[254] Xen. Anab. vii, 1, 5-7.

[255] Xen. Anab. vii, 1, 7-10. Ἄλλ' ὁμῶς (ἔφη), ἐγὼ σοι συμβουλεύω ἐξελθεῖν ὡς πορευσόμενον- ἐπειδὴ δ' ἔξω γένηται τὸ στράτευμα, τότε ἀπαλλάττεσθαι.

[256] Xen. Anab. vii, 1, 12.

[257] Xen. Anab. vii, 1, 13.

[258] Xen. Anab. vii, 1, 14.

[259] Xen. Anab. vii, 1, 15-17.

[260] Xen. Anab. vii, 1, 18, 19.

[261] Xen. Anab. vii, 1, 30-31.

[262] Xen. Anab. viii, 1, 32-35.

[263] Так Тацит говорит о римском полководце Спуринне (губернаторе Плаценции при Отто против Вителлия) и его мятежной армии, которая отправилась сражаться с вителлианскими генералами вопреки его настойчивым увещаниям: "*Fit temeritatis alienæ comes Spurinna, primo coactus, mox velle simulans, quo plus auctoritatis inesset consiliis, si seditio mitesceret*" (Tacitus, Hist. ii, 18).

[264] Ксен. Анаб. vii, 6, 33.

[265] Xen. Anab. vii, 1, 34-40.

[266] Ксен. Анаб. vii, 2, 7. Φαρνάβαζος δὲ, ἐπεὶ ἦσθετο Ἀρίσταρχόν τε ἤκοντα εἰς Βυζάντιον ἀρμοστὴν καὶ Ἀναξίβιον οὐκέτι ναυαρχοῦντα, Ἀναξιβίου μὲν ἡμέλησε, πρὸς Ἀρίσταρχον δὲ διεπράττετο τὰ αὐτὰ περὶ τοῦ Κυρείου στρατεύματος ἅπερ καὶ πρὸς Ἀναξίβιον.

[267] Xen. Anab. vii, 2, 8-25.

Ἐκ τούτου δὴ ὁ Ἀναξίβιος, καλέσας Ξενοφῶντα, *κελεύει πάσῃ τέχνῃ καὶ μηχανῇ πλεῦσαι ἐπὶ τὸ στράτευμα ὡς τάχιστα*, καὶ συνέχειν τε τὸ στράτευμα καὶ συναθροίζει τῶν διεσπαρμένων ὡς ἂν πλείστους δύνῃται, καὶ παραγαγόντα εἰς τὴν Πέρινθον διαβιβάζειν εἰς τὴν Ἀσίαν *ὅτι τάχιστα*- καὶ δίδωσιν αὐτῷ τριακόντορον, καὶ ἐπιστολὴν καὶ ἄνδρα συμπέμπει κελεύσοντα τοὺς Περινθίους *ὡς τάχιστα* Ξενοφῶντα προπέμψαι τοῖς ἵπποις ἐπὶ τὸ στράτευμα.

Горячий интерес, с которым Анаксибий отнесся к этому новому проекту, отмечен силой языка Ксенофонта; чрезвычайная быстрота предписывается три раза.

[268] Ксен. Anab. vii, 2, 6. Καὶ ὁ Ἀναξίβιος τῷ μὲν Ἀριστάρχῳ ἐπιστέλλει ὁπόσους ἂν εὖροι ἐν Βυζαντίῳ τῶν Κύρου στρατιωτῶν ὑπολελειμμένους, ἀποδόσθαι- ὁ δὲ Κλέανδρος οὐδένα ἐπεπράκει, ἀλλὰ καὶ τοὺς κάμνοντας ἐθεράπευεν οἰκτείρων, καὶ ἀναγκάζων οἰκίᾳ δέχεσθαι. Ἀρίσταρχος δ' ἐπεὶ ἦλθε τάχιστα, οὐκ ἐλάττους τετρακοσίων ἀπέδοτο.

[269] Xen. Anab. vii, 2, 14-16.

Ἦδη δὲ ὄντων πρὸς τῷ τείχει, ἐξαγγέλλει τις τῷ Ξενοφῶντι ὅτι, εἰ εἴσεισι, συλληφθήσεται- καὶ ἡ αὐτοῦ τι πείσεται, ἡ καὶ Φαρναβάζῳ, παραδοθήσεται. Ὁ δὲ, ἀκούσας ταῦτα, τοὺς μὲν προπέμπεται, αὐτὸς δ' εἶπεν, ὅτι θῦσαί τι βούλοιο.... Οἱ δὲ στρατηγοὶ καὶ οἱ λοχαγοὶ ἤκοντες παρὰ τοῦ Ἀριστάρχου, ἀπήγγελλον ὅτι νῦν μὲν ἀπιέναι σφᾶς κελεύει, τῆς δειλῆς δὲ ἤκειν- ἔνθα καὶ δῆλον μᾶλλον ἐδόκει [εἶναι] ἡ ἐπιβουλή. Сравните vii, 3, 2.

[270] Xen. Anab. vii, 2, 15; vii, 3, 3; vii, 6, 13.

[271] Xen. Anab. vii, 6, 24. μέσος δὲ χεῖμων ἦν и т. д. Вероятно, речь идет о декабре месяце.

[272] Xen. Anab. vii, 2, 17-38.

[273] Xen. Anab. vii, 6, 34.

[274] Ксен. Anab. vii, 6, 9, 10.

[275] Xen. Anab. vii, 7, 55-57.

[276] Xen. Anab. vii, 6, 1-7.

[277] Ксен. Анаб. vii, 7, 15.

[278] Xen. Anab. vii, 7, 21-47.

Лекция отличается неподобающей краткостью, если учесть, кому и при каких обстоятельствах она якобы была произнесена.

[279] Ксен. Anab. vii, 7, 23.

[280] Похоже, что эпитет *Meilichios* (Милостивый) применяется здесь к Зевсу в том же эвфемистическом смысле, что и обозначение *Eumenides* к богиням-мстительницам. Зевс мыслится как реально причинивший зло или находящийся в предрасположенности причинить его; жертва ему под этой фамилией выражает чувство страха и является искуплением, изгнанием или очищением, призванным отвлечь его неудовольствие; но саму фамилию следует толковать *proleptice*, по выражению критиков, - она обозначает не

фактическое расположение Зевса (или других богов), а то расположение, которое жертва должна вызвать в нем.

См. Pausan. i, 37, 3; ii, 20, 3. K. F. Hermann, Gottesdienstl. Alterthümer der Griechen, s. 58; Van Stegeren, De Græcorum Diebus Festis, p. 5 (Utrecht, 1849).

[281] Xen. Anab. vii, 8, 10-19.

[282] Xen. Anab. vii, 8, 22. Ἐνταῦθα οἱ περὶ Ξενοφῶντα συμπεριτυχάνουσιν αὐτῷ καὶ λαμβάνουσιν αὐτὸν (Ἀσιδάρην) καὶ γυναῖκα καὶ παῖδας καὶ τοὺς ἵππους καὶ πάντα τὰ ὄντα- καὶ οὕτω τὰ πρότερα ἰερά ἀπέβη.

[283] Сравните Плутарх, Кимон, с. 9; и Xen. Hellen. iv, 8, 21.

[284] Xen. Anab. vii, 8, 23.

Ἐνταῦθα τὸν θεὸν οὐκ ἠτιάσατο ὁ Ξενοφῶν- συνέπραττον γὰρ καὶ οἱ Λάκωνες καὶ οἱ λοχαγοὶ καὶ οἱ ἄλλοι στρατηγοὶ καὶ οἱ στρατιῶται, ὥστε ἐξαίρετα λαβεῖν καὶ ἵππους καὶ ζεύγη καὶ ἄλλα, ὥστε ἱκανὸν εἶναι καὶ ἄλλον ἥδη εὖ ποιεῖν.

[285] Xen. Anab. v, 3, 6. Кажется очевидным, что этот депозит должен был быть впервые сделан по данному случаю.

[286] Сравните Анабасис, vii, 7, 57; vii, 8, 2.

[287] Ксеноф. Memorab. iv, 8, 4, а также вступительное предложение этого произведения.

[288] См. Xenoph. Hellen. iii, 2, 7 - отрывок, который Морус относит, я думаю, с большой долей вероятности, к самому Ксенофону.

Весьма косвенные подробности, которые Ксенофонт приводит (iii, 1, 11-28) о судебном процессе Деркиллидаса против Мейдиаса в Троаде, похоже, также указывают на то, что он служил там лично.

[289] То, что приговор об изгнании Ксенофонта был вынесен афинянами только после битвы при Коронее, явствует из Анабасиса, т. 3, 7. Эта битва произошла в августе 394 года до н. э.

С этим утверждением согласуется и Павсаний относительно времени изгнания. Ἐδιώχθη δὲ ὁ Ξενοφῶν ὑπὸ Ἀθηναίων, ὡς ἐπὶ βασιλέα τῶν Περσῶν, σφίσις εὔνοον ὄντα, στρατείας μετασχὼν Κύρῳ πολέμιωτάτῳ τοῦ δήμου (iv, 6, 4). Персидский царь начал проявлять малейшие признаки доброй воли по отношению к Афинам только в 396 или 395 году до н. э., и только в битве при Книде (немного раньше битвы при Коронее в том же году) он подтвердил свою добрую волю заметными и эффективными действиями. Если, следовательно, мотивом для изгнания Ксенофонта афинянами послужили добрые чувства персидского царя к ним, то изгнание не могло произойти раньше 395 года до н. э. и, скорее всего, произошло не раньше 394 года до н. э.; на это намекает и сам Ксенофонт, о чем говорилось выше.

Наконец, Диоген Лаэртий (ii, 52) утверждает, что я считаю главной истиной, что приговор об изгнании был вынесен Ксенофону афинянами на основании его привязанности к лакедемонянам -ἐπὶ Λακωνισμῷ.

Крюгер и другие считают, что Ксенофонт был изгнан за то, что перешел на службу к Киру, который был злейшим врагом Афин. Правда, Сократ, когда с ним впервые посоветовались, заранее опасался, что это может навлечь на него неудовольствие Афин (Xen. Anab. iii, 1, 5). Но следует помнить, что в это время персидский царь был таким же врагом Афин, как и Кир,

и что Кир фактически вел войну с ними, используя силы и сокровища царя. Таким образом, и Артаксеркс, и Кир в то время были врагами Афин, и для афинян не имело большого значения, преуспел ли Кир в своем предприятии или потерпел неудачу. Но когда через шесть лет после этого Артаксеркс стал их другом, их отношение к его врагам изменилось.

Процитированный выше отрывок Павсания, если понимать его как утверждение главной причины изгнания Ксенофонта, на мой взгляд, неточен. Ксенофонт был изгнан *за лаконизм*, или привязанность к Спарте против своей страны; тот факт, что он служил под началом Кира против Артаксеркса, имел значение в лучшем случае лишь как второстепенный мотив.

[290] Ксен. Anab. v, 3, 13. Καὶ στήλη ἔστηκε παρὰ τὸν ναὸν, γράμματα ἔχουσα-Ἰερὸς ὁ Χῶρος τῆς Αἰνείδος- τὸν δὲ ἔχοντα καὶ καρπούμενον τὴν μὲν δεκάτην καταθύειν ἑκάστου ἔτους, ἐκ δὲ τοῦ περίττου τὸν ναὸν ἐπισκευάζειν- ἂν δὲ τις μὴ ποιῇ ταῦτα, τῇ θεῷ μελήσει.

[291] Xen. Hellen. vi, 5, 2.

[292] Xen. Anab. v, 3, 9. Παρεῖχε δ' ἡ θεὸς τοῖς σκηνοῦσιν ἄλφита ἄρτους, οἶνον, τραγήματα, etc.

[293] Xen. Anab. v. 3, 9.

[294] Диоген. Laërt. ii, 53, 54, 59. Павсаний (v, 6, 4) свидетельствует о повторном завоевании Скилла элейцами, но добавляет (на основании авторитета элейских ἐξηγηταὶ или проводников), что они разрешили Ксенофону, после судебного разбирательства в Олимпийском сенате, продолжать жить там в мире. Последнее утверждение я считаю неверным.

Последние работы Ксенофонта (De Vectigalibus, De Officio Magistri Equitum и др.), как представляется, явно подразумевают, что он был восстановлен в гражданстве и снова занялся политикой в Афинах.

[295] Диоген. Laërt. ut sup. Дионис. Halic. De Dinarcho, p. 664, ed. Reiska. Дионисий упоминает эту орацию под названием Ἀποστασίῳ ἀπολογία Αἰσχύλου πρὸς Ξενοφῶντα. И Диоген также ссылается на это -ὥς φησι Δείναρχος ἐν τῷ πρὸς Ξενοφῶντα ἀποστασίῳ.

Шнайдер в своем Epimetrum (ad calcem Anabaseos, p. 573), касаясь изгнания Ксенофонта, утверждает, будто человеком, против которого было направлено ораторское искусство Дейнарха, был сам Ксенофонт, киреевский полководец и автор. Но это, как мне кажется, хронологически практически невозможно; ведь Дейнарх родился не ранее 361 года до н. э., а свою первую орацию сочинил в 336 году до н. э.

Однако в своей речи против Ксенофонта Дейнарх, несомненно, упоминает несколько фактов о киреевском Ксенофоне, что подразумевает, что тот был родственником того человека, против которого была направлена оратория. Я осмеливаюсь записать его во внуки, основываясь на этих данных, а также на идентичности имени и подходящем времени. Он вполне может быть сыном Грилла, который был убит в битве при Мантинее в 362 году до нашей эры.

Нет ничего более вероятного, чем то, что оратор, сочиняя орацию против Ксенофонта-внука, затронет деяния и характер Ксенофонта-деда; см. для аналогии орацию Исократа, de Bigis; среди прочих.

[296] Xen. Anab. i, 7, 4. Сравните Плутарха, Artaxerx. c. 20; и Исократа, Panegy. Or. iv, s. 168, 169 и др.

В последней главе "Киропедии" Ксенофонта (viii, 20, 21-26) настойчиво выражается аналогичное убеждение о военной слабости и дезорганизации Персидской империи, которую невозможно защитить без греческой помощи.

[297] Исократ, Orat. v, (Philipp.) s. 104-106. ἤδη δ' ἐγκρατεῖς δοκοῦντας εἶναι (т. е. греки при Клеархе) διὰ τὴν Κύρου προπέτειαν ἀτυχῆσαι и др.

[298] Isokrates. Orat. v. (Philipp.) s. 141: Xen. Hellen. vi, 1, 12.

[299] См. акцент, сделанный Александром Македонским на приключениях Десяти тысяч в его речи, чтобы ободрить своих солдат перед битвой при Иссе (Арриан, Е. А. ii, 7, 8).

[300] Xen. Hellen. ii, 3, 1.

[301] Плутарх, Лисанд. с. 5.

[302] Xen. Hellen. ii, 2, 6.

[303] Эти советы десяти, организованные Лисандром, иногда называют декархиями, *иногда декадархиями*. Я предпочитаю использовать первое слово, поскольку слово "декадарх" употребляется Ксенофонтом в другом и совершенно ином смысле - как означающее офицера, который командует *декадой*.

[304] Плутарх, Лисанд. с. 13.

Καταλυὼν δὲ τοὺς δήμους καὶ τὰς ἄλλας πολιτείας, ἓνα μὲν ἀρμοστήν ἐκάστη Λακεδαιμόνιον κατέλιπε, δέκα δὲ ἄρχοντας ἐκ τῶν ὑπ' αὐτοῦ συγκεκροτημένων κατὰ πόλιν ἐταιρειῶν. Καὶ ταῦτα πράττων ὁμοίως ἔν τε ταῖς πολεμίαις καὶ ταῖς συμμάχοις γεγενημέναις πόλεσι, παρέπλει σχολαίως τρόπον τινα κατασκευαζόμενος ἑαυτῷ τὴν τῆς Ἑλλάδος ἡγεμονίαν. Сравните Xen. Hellen. ii, 2, 2-5; Diodor. xiii, 3, 10, 13.

[305] Плутарх, Lysand. с. 13. πολλαῖς παραγινόμενος αὐτὸς σφαγαῖς καὶ συνεκβάλλων τοὺς τῶν φίλων ἐχθροὺς, οὐκ ἐπιεικὲς ἐδίδου τοῖς Ἑλλησι δεῖγμα τῆς Λακεδαιμονίων ἀρχῆς и др.

Плутарх, Лисанд. с. 14. Καὶ τῶν μὲν ἄλλων πόλεων ὁμαλῶς ἀπασῶν κατέλυε τὰς πολιτείας καὶ καθίστη δεκαдарχίας- πολλῶν μὲν ἐν ἐκάστη σφαττομένων, πολλῶν δὲ φευγόντων, etc.

О резне в Фасосе см. Корнелий Непос, Лисанд. с. 2; Полиэн. i, 45, 4. Сравните Плутарх, Лисанд. с. 19; и см. т. VIII, гл. lxxv, с. 220 этой Истории.

[306] Диодор. xiv, 10. Сравните Исократ, Or. iv, (Panegy.) s. 151; Xen. Hellen. iv, 8, 1.

[307] Plutarch, Lysand. с. 13. τοῦ Λυσάνδρου τῶν ὀλίγων τοῖς θραсуτάτοις καὶ φιλονεικοτάτοις τὰς πόλεις ἐγχειρίζοντος.

[308] Xen. Hellen. ii, 3, 13.

... ἔπεισαν Λύσανδρον φρουροὺς σφίσι ξυμπᾶσαι ἐλθεῖν, ἕως δὴ τοὺς πονηροὺς ἐκποδῶν ποιησάμενοι καταστήσαιντο τὴν πολιτείαν, etc.

[309] Ксен. Hellen. ii, 3, 14. Τῶν δὲ φρουρῶν τούτου (harmost) συμπέμποντος αὐτοῖς οὐς ἐβούλοντο συνελάμβανον οὐκέτι τοὺς πονηροὺς καὶ ὀλίγου ἀξίου, ἀλλ' ἤδη οὐς ἐνόμιζον ἥκιστα μὲν παρωθουμένους ἀνέχεσθαι, ἀντιπράττειν δέ τι ἐπιχειροῦντας πλείστους τοὺς συνεθέλοντας λαμβάνειν.

[310] Xen. Hellen. ii, 3, 21.

[311] Xen. Hellen. ii, 4, 1.

[312] Xen. Hellen. ii, 3, 24-32. Καὶ εἰσὶ μὲν δήπου πᾶσαι μεταβολαὶ πολιτειῶν θανατήφοροι, etc.

[313] Isokrates Orat. iv, (Panegyri.) s. 127-132 (c. 32).

Он долго и энергично обличает беззакония декархий. В заключение он говорит: "Φυγὰς δὲ καὶ στάσεις καὶ νόμων συγχύσεις καὶ πολιτειῶν μεταβολὰς, ἔτι δὲ παιδῶν ὕβρεις καὶ γυναικῶν αἰσχύναι καὶ χρημάτων ἀρπαγὰς, τίς ἂν δύναίτο διεξελεῖν- πλὴν τοσοῦτον εἰπεῖν ἔχω καθ' ἀπάντων, ὅτι τὰ μὲν ἐφ' ἡμῶν δεῖνὰ ῥαδίως ἂν τις ἐνὶ ψηφίσματι διέλυσεν, τὰς δὲ σφαγὰς καὶ τὰς ἀνομίας τὰς ἐπὶ τούτων γενομένας οὐδεὶς ἂν ἴσασθαι δύναίτο.

См. также, того же автора, Исократ, Orat. v, (Philipp.) s. 110; Orat. viii, (de Pace) s. 119-124; Or. xii, (Panath.) s. 58, 60, 106.

[314] Мы можем сделать вывод, что если бы Ксенофонт слышал что-то подобное о Критии, он вряд ли отказался бы упомянуть об этом; когда мы читаем, что он говорит (Memorab. i, 2, 29.) Сравните любопытный отрывок о Критии в Dion. Chrysostom. Or. xxi, p. 270.

[315] Плутарх Лисанд. с. 19. Ἦν δὲ καὶ τῶν ἄλλων ἐν ταῖς πόλεσι δημοτικῶν φόνοσ οὐκ ἀριθμητὸς, ἅτε δὴ μὴ κατ' ἰδίας μόνον αἰτίας αὐτοῦ κτείνοντος, ἀλλὰ πολλαῖς μὲν ἔχθραις, πολλαῖς δὲ πλεονεξίαις, τῶν ἐκασταχόθι φίλων χαριζομένου τὰ τοιαῦτα καὶ συνεργοῦντος; также Павсаний, vii, 10, 1; ix, 32, 6.

[316] Плутарх, Агесилай, с. 7.

[317] См. речь фиванских посланников в Афинах, примерно через восемь лет после сдачи Афин (Xen. Hellen. iii, 5, 13).

... Οὐδὲ γὰρ φυγεῖν ἐξῆν (Plutarch, Lysand. с. 19).

[318] Xen. Hellen. ii, 3, 13.

τὸν μὲν Καλλίβιον ἐθεράπευον πάσῃ θεραπείᾳ, ὥς πάντα ἐπαινοίη, ἃ πράττειεν, etc. (Plutarch, Lysand. с. 15).

Тридцать, похоже, превзошли самого Лисандра. Молодой афинянин Автолик, отличившийся как победитель в панкратии, - получив оскорбление от Каллибия, возмутился, подставил ему подножку и повалил его на землю. Лисандр, к которому обратились, оправдал Автолика и порицал Каллибия, сказав ему, что тот не умеет управлять свободными людьми. Однако впоследствии Тридцатый предал Автолика смерти, чтобы добиться расположения Каллибия (Plutarch, Lysand. с. 15). Павсаний упоминает Этеоника (а не Каллибия) как человека, который ударил Автолика; но он приписывает то же решение Лисандру (ix, 32, 3).

[319] Плутарх, Аморатор. Повествование, с. 773; Плутарх, Пелопид, с. 20. У Диодора (xv, 54) и Павсания (ix, 13, 2) говорится, что оскорбленные таким образом девицы покончили с собой. Сравните другую историю в Xenoph. Hellen. v, 4, 56, 57.

[320] Плутарх, Лисанд. с. 19.

[321] Похоже, так считали не только враги Спарты, но даже сами спартанские власти. Сравните два примечательных отрывка Фукидида, i, 77 и i, 95. Ἀμικτα γὰρ (говорит афинский посланник в Спарте) τά τε καθ' ὑμᾶς αὐτοὺς νόμιμα τοῖς ἄλλοις ἔχετε, καὶ προσέτι εἰς ἕκαστος ἐξιὼν οὔτε τούτοις χρῆται, οὐθ' οἷς ἡ ἄλλη Ἑλλὰς νομίζει.

После отзыва регента Павсания и Доркиса из Геллеспонта (в 477 г. до н.э.), лакедемоняне отказываются посылать преемника, φοβούμενοι μὴ σφίσιν οἱ ἐξιόντες χεῖρους γίνωνται, ὅπερ καὶ ἐν τῷ Παυσανίᾳ ἐνεῖδον, etc. (i, 95.).

Сравните Плутарх, Απορηtheg. Laconic. p. 220 F.

[322] Thucyd. i, 69. οὐ γὰρ ὁ δουλωσάμενος, ἀλλ' ὁ δυνάμενος μὲν παῦσαι, περιορῶν δὲ, ἀληθέστερον αὐτὸ δρᾶ, εἴπερ καὶ τὴν ἀξίωσιν τῆς ἀρετῆς ὡς ἐλευθερῶν τὴν Ἑλλάδα φέρεται.

С этой же целью написана вторая речь коринфских посланников в Спарте, ок. 122-124 -μὴ μέλλετε Ποτιδαίαταις τε ποιεῖσθαι τιμωρίαν. ... καὶ τῶν ἄλλων μετελθεῖν τὴν ἐλευθερίαν, etc.

[323] Thucyd. i, 139. Сравните Исократ, Or. iv, Panegy. c. 34, s. 140; Or. v, (Philipp.) s. 121; Or. xiv, (Plataic.) s. 43.

[324] Thucyd. ii, 72. Παρασκευὴ δὲ τόσηδε καὶ πόλεμος γεγένηται αὐτῶν ἔνεκα καὶ τῶν ἄλλων ἐλευθερώσεως.

Читайте также речь фиванского оратора в ответ на речь Платея после взятия города лакедемонянами (iii, 63).

[325] Thucyd. ii, 8. ἡ δὲ εὐνοία παρὰ πολὺ ἐποίει τῶν ἀνθρώπων μᾶλλον ἐς τοὺς Λακεδαιμονίους, ἄλλως τε καὶ προειπόντων ὅτι τὴν Ἑλλάδα ἐλευθεροῦσιν.

См. также iii, 13, 14 - речь посланников от восставшего Митиленка к лакедемонянам.

Лакедемонский адмирал Алкидас со своим флотом объявляет о переходе через Эгейское море в Ионию с целью "освобождения Греции"; "Соответственно, саамские изгнанники упрекают его за убийство пленных, как противоречащее этой цели (iii, 32) -ἐλεγον οὐ καλῶς τὴν Ἑλλάδα ἐλευθεροῦν αὐτὸν, εἰ ἄνδρας διέφθειρεν, и т. д.

[326] Thucyd. iv, 85. Ἡ μὲν ἔκπεμψίς μου καὶ τῆς στρατιᾶς ὑπὸ Λακεδαιμονίων, ὧς Ἀκάνθιοι, γεγένηται τὴν αἰτίαν ἐπαληθεύουσα ἦν ἀρχόμενοι τοῦ πολέμου προείπομεν, Ἀθηναίους ἐλευθεροῦντες τὴν Ἑλλάδα πολεμήσειν.

[327] Thucyd. iv, 85. Αὐτός τε οὐκ ἐπὶ κακῷ, ἐπ' ἐλευθερώσει δὲ τῶν Ἑλλήνων παρελήλυθα, ὄρκοις τε Λακεδαιμονίων καταλαβὼν τὰ τέλη τοῖς μεγίστοις, ἧ μὴν οὐκ ἂν ἔγωγε προσάγωμαι ξυμμάχους ἔσεσθαι αὐτονόμους.... Καὶ εἴ τις ἰδίᾳ τινὰ δεδιῶς ἄρα, μὴ ἐγὼ τισι προσθῶ τὴν πόλιν, ἀπρόθυμός ἐστι, πάντων μάλιστα πιστευσάτω. Οὐ γὰρ συστασιάσων ἦκω, οὐδὲ ἀσαφῆ τὴν ἐλευθερίαν νομίζω ἐπιφέρειν, εἰ, τὸ πάτριον παρὲς, τὸ πλεον τοῖς ὀλίγοις, ἢ τὸ ἔλασσον τοῖς πᾶσι, δουλώσαιμι. Χαλεπώτερα γὰρ ἂν τῆς ἀλλοφύλου ἀρχῆς εἴη, καὶ ἡμῖν τοῖς Λακεδαιμονίοις οὐκ ἂν ἀντὶ πόνων χάρις καθίστατο, ἀντὶ δὲ τιμῆς καὶ δόξης αἰτία μᾶλλον- οἷς τε τοὺς Ἀθηναίους ἐγκλήμασι καταπολεμοῦμεν, αὐτοὶ ἂν φαινοίμεθα ἐχθίονα ἢ ὁ μὴ ὑποδείξας ἀρετὴν κατακτώμενοι.

[328] Thucyd. iv, 87. Οὐδὲ ὀφείλομεν οἱ Λακεδαιμόνιοι μὴ κοινοῦ τινος ἀγαθοῦ αἰτία τοὺς μὴ βουλομένους ἐλευθεροῦν. Οὐδ' αὖ ἀρχῆς ἐφίεμεθα, παῦσαι δὲ μᾶλλον ἐτέρους σπεύδοντες τοὺς πλείους ἂν ἀδικοῖμεν, εἰ ξύμπασιν αὐτονομίαν ἐπιφέροντες ὑμᾶς τοὺς ἐναντιούμενους περιῖδοιμεν. Сравните Исократ, Or. iv, (Panegy.) s. 140, 141.

[329] Чувства лакедемонян в течение зимы, последовавшей за великой сиракузской катастрофой (Thuc. viii. 2)-καὶ καθελόντες ἐκείνους (афиняне) αὐτοὶ τῆς πάσης Ἑλλάδος ἤδη ἀσφαλῶς ἡγήσεσθαι.

[330] Сравните Thucyd. viii, 43, 3; viii, 46, 3.

[331] Это решительно изложено во фрагменте Феопомпа историка, сохраненном Феодором Метохитом и напечатанном в конце сборника "Фрагменты Феопомпа историка" как Вихерсом, так и М. Дидо. Оба эти редактора, однако, вставляют его только как Fragmentum Spurium, основываясь на авторитете Плутарха (Lysander, с. 13), который цитирует те же чувства у комического писателя Феопомпа. Но в отрывке Феодора Метохита приводятся прямые слова Θεόπομπος ὁ ἱστορικός. Таким образом, мы имеем его четкое утверждение против утверждения Плутарха; и вопрос в том, кому из них верить.

Если кто-нибудь внимательно прочтет так называемый "Фрагмент Спурия", который находится в конце упомянутых выше сборников, он увидит (я думаю), что он гораздо более естественно принадлежит историку, чем комическому писателю. Это строго историческое изложение, проиллюстрированное показательным, хотя и грубым, сравнением. Фрагмент представлен Феодором Метохитом (Fragm. Theopomp., 344, ed. Didot).

Θεόπομπος ὁ ἱστορικός ἀποσκώπτων εἰς τοὺς Λακεδαιμονίους, εἶκαζεν αὐτοὺς ταῖς φαύλαις καπηλίαις, αἱ τοῖς χρωμένοις ἐγγέουσαι τὴν ἀρχὴν οἶνον ἡδύν τε καὶ εὐχρηστον σοφιστικῶς ἐπὶ τῇ λήψει τοῦ ἀργυρίου, μεθύστερον φαυλὸν τινα καὶ ἐκτροπίαν καὶ ὀξίνην κατακρινῶσι καὶ παρέχονται- καὶ τοὺς Λακεδαιμονίους τοίνυν ἔλεγε, τὸν αὐτὸν ἐκείναις τρόπον, ἐν τῷ κατὰ τῶν Ἀθηναίων πολέμῳ, τὴν ἀρχὴν ἡδίστῳ πόματι τῆς ἀπ' Ἀθηναίων ἐλευθερίας καὶ προγράμματι καὶ κηρύγματι τοὺς Ἕλληνας δελεάσαντας, ὕστερον πικρότατα σφίσιν ἐγγέαι καὶ ἀηδέστατα κράματα βιοτῆς ἐπωδύνου καὶ χρήσεως πραγμάτων ἀλγεινῶν, πάνυ τοι κατατυραννοῦντας τὰς πόλεις δεκαρχίαις καὶ ἀρμοσταῖς βαρυτάτοις, καὶ πρᾶττομένους, ἃ δυσχερὲς εἶναι σφόδρα καὶ ἀνύποιστον φέρειν, καὶ ἀποκτινύναι.

Плутарх, приписывая это высказывание комику Феопомпу, утверждает, что он был глуп (ἔοικε ληρεῖν), говоря, что Лакедемонская империя начала быть сладкой и приятной, а затем была испорчена и превратилась в горечь и угнетение; тогда как на самом деле она была горькой и угнетенной с самого начала.

Теперь, если мы прочитаем приведенную выше цитату из Феодора, мы увидим, что Феопомп на самом деле не выдвигал того утверждения, которое Плутарх опровергает как глупое и неправдивое.

Феопомп утверждал, что первые лакедемоняне *во время войны с Афинами* соблазнили греков самым вкусным напитком, *программой* и *провозглашением* свободы от афинского правления, а затем влили в них самые горькие и отталкивающие смеси жесткого угнетения, тирании и т. д.

Утверждается, что сладкий напиток состоял не в том, как полагает Плутарх, что они впервые попробовали реальную лакедемонскую империю после войны, а в соблазнительных обещаниях свободы, которые они раздавали союзникам *во время войны*. Таким образом, обвинение Плутарха в ἔοικε ληρεῖν не имеет под собой оснований. Я написал δελεάσαντας вместо δελεάσοντας, которое стоит во фрагменте Дидо, потому что мне показалось, что это исправление необходимо для толкования этого отрывка.

[332] Исократ, Or. iv, (Panegr.) s. 145; Or. viii, (de Pace) s. 122; Diodor. xiv, 10-44; xv, 23. Сравните Herodot. v, 92; Thucyd. i, 18; Isokrates, Or. iv, (Panegy.) s. 144.

[333] Isokrates, Panathen. s. 61. Σπαρτιάται μὲν γὰρ ἔτη δέκα μόλις ἐπεστάτησαν αὐτῶν, ἡμεῖς δὲ πέντε καὶ ἐξήκοντα συνεχῶς κατέσχομεν τὴν ἀρχήν. Я не считаю себя обязанным выяснять точность хронологии Исократ. Но здесь мы можем заметить, что его "едва ли десять лет" -

срок, хотя и меньше истины на несколько месяцев, если мы можем принять битву при Эгоспотамах за начало, очень близок к истине, если мы примем сдачу Афин за начало, вплоть до битвы при Книде.

[334] Павсаний, viii, 52, 2; ix, 6, 1.

[335] Диодор. xiv, 84; Исократ, Orat. viii, (de Pace) s. 121.

[336] Xen. Hellen. iii, 4, 2.

Лисандр сопровождал царя Агесилая (когда тот отправлялся в свой азиатский поход в 396 г. до н. э.). Его целью было-ὅπως τὰς δεκαρχίας τὰς κατασταθείσας ὑπ' ἐκείνου ἐν ταῖς πόλεσιν, ἐκπεπτωκυίας δὲ διὰ τοὺς ἐφόρους, οἱ τὰς πατρίους πολιτείας παρήγγειλαν, πάλιν καταστήσειε μετ' Ἀγησιλάου.

О небрежном построении "Эллиники" Ксенофонта или, возможно, о его нежелании излагать порочащие моменты лакедемонского правления говорит то, что это первое упоминание о декархиях (и то косвенное), которое он делает через девять лет после того, как они были впервые установлены Лисандром.

[337] Сравните два отрывка из "Эллиники" Ксенофонта, iii, 4, 7; iii, 5, 13.

Ἄτε συντεταραγμένων ἐν ταῖς πόλεσι τῶν πολιτειῶν, καὶ οὔτε δημοκρατίας ἔτι οὔσης, ὥσπερ ἐπ' Ἀθηναίων, οὔτε δεκαρχίας, ὥσπερ ἐπὶ Λυσάνδρου.

Но что некоторые из этих декархий еще продолжали существовать, мы знаем из следующего отрывка. Фиванские посланники говорят общественному собранию в Афинах, что касается спартанцев:...

Ἀλλὰ μὴν καὶ οὓς ὑμῶν ἀπέστησαν φανεροί εἰσιν ἐξηπατηκότες- ὑπὸ τε γὰρ τῶν ἀρμοστῶν τυραννοῦνται, καὶ ὑπὸ δέκα ἀνδρῶν, οὓς Λύσανδρος κατέστησεν ἐν ἐκάστη πόλει - где децемвиры отмечены как все еще существующие, в 395 г. до н.э. См. также Xen. Agesilaus, i, 37.

[338] Xen. Hellen. iii, 5, 15.

[339] Xen. Anab. vi, 6, 12. Εἰσὶ μὲν γὰρ ἤδη ἐγγὺς αἱ Ἑλληνίδες πόλεις- (это было сказано в Калпеке в Вифинии) τῆς δὲ Ἑλλάδος Λακεδαιμόνιοι προεστήκασιν- *ἱκανοὶ δὲ εἰσὶ καὶ εἰς ἕκαστος Λακεδαιμονίων ἐν ταῖς πόλεσιν ὅ,τι βούλονται διαπράττεσθαι.*

[340] Xen. Hellen. iii, 1, 5. Πᾶσαι γὰρ τότε αἱ πόλεις ἐπείθοντο, ὅ,τι Λακεδαιμόνιος ἀνὴρ ἐπιτάττοι.

[341] Thucyd. i, 68-120.

[342] Thucyd. iii, 9; iv, 59-85; vi, 76.

[343] См. замечательную речь Фриниха в Thucyd. viii, 48, 5, на которую я уже ссылался.

[344] Xen. Hellen. ii, 3, 14. Сравните аналогичный случай с Фивами после того, как лакедемоняне овладели Кадмеей (ст. 2, 34-36).

[345] Таково обоснование, предложенное афинским посланником в Спарте непосредственно перед Пелопоннесской войной (Thucyd. i, 75, 76). И в основном оно подтверждается рассказом самого Фукидида (i, 99).

[346] Xen. Hellen. iii, 1, 3. πάσης τῆς Ἑλλάδος προστάται, etc.

[347] Xen. Hellen. ii, 4, 28-30.

[348] Xen. Hellen. iii, 4, 2.

[349] Плутарх, Лисандр. с. 19, 20, 21.

Факты, которые Плутарх приводит в отношении Лисандра, не могут быть согласованы с принятой им хронологией. Он представляет отзыв Лисандра по приказу Фарнабаза со всеми предшествующими ему фактами как произошедший до восстановления афинской демократии, которое, как мы знаем, произошло летом 403 года до н.э.

Лисандр захватил Самос во второй половине 404 года до н. э., после капитуляции Афин. После взятия Самоса он с триумфом вернулся домой осенью 404 года до н. э. (Xen. Hellen. iii, 3, 9). Он был дома или служил в Аттике в начале 403 года до н. э. (Xen. Hellen. ii, 4, 30).

Теперь, когда Лисандр вернулся домой в конце 404 года до н. э., это было его триумфальное возвращение; это не был отзыв, вызванный жалобами Фарнабаза. Однако другого возвращения до восстановления демократии в Афинах быть не могло.

Отзыв Лисандра должен был быть завершением не этого, а последующего повеления. Более того, мне кажется необходимым, чтобы освободить место для изложенных фактов о Лисандре, а также о декархиях, предположить, что он был снова отправлен (после ссоры с Павсанием в Аттике) в 403 г. до н. э. командовать в Азии. Это нигде не утверждается, но я не нахожу ничего, что бы противоречило этому, и не вижу другого способа найти место для фактов, изложенных о Лисандре.

Следует отметить, что Диодор допускает явную ошибку в хронологии относительно даты восстановления афинской демократии. Он помещает ее в 401 г. до н. э. (Diod. xiv, 33), на два года позже реальной даты - 403 г. до н. э.; таким образом, он удлиняет на два года промежуток между сдачей Афин и восстановлением демократии. Плутарх также, по-видимому, представлял этот интервал гораздо более длительным, чем он был на самом деле.

[350] Плутарх, Лисандр. с. 25.

[351] Плутарх, Лисандр, с. 2.

[352] Thucyd. viii, 5, 18-37, 56-58, 84.

[353] Плутарх, Лисандр, с. 19, 20; Xen. Hellen. iii, 1, 9.

[354] Xen. Hellen. iii, 1, 13.

[355] Xen. Anab. i, 1, 8.

[356] Xen. Anab. ii, 3, 19; ii, 4, 8; Xen. Hellen. iii, 1, 3; iii, 3, 13.

[357] Diodor. xiv, 35.

[358] Diodor. *ut sup.*

[359] Xen. Hellen. iii, 1, 5-8; Xen. Anab. vii, 8, 8-16.

[360] Xen. Hellen. iii, 1, 8; Diodor. xiv, 38.

[361] Положительных свидетельств этому нет, но я так считаю, как я уже говорил в конце последней главы. Несомненно, что Ксенофонт служил под началом Агесилая в Азии через три года после этого; остается только гадать, в какой именно момент он отправился в путь во

второй раз. Заметное улучшение киреевских солдат - одна из причин, объясняющих приведенное в тексте утверждение; другая причина заключается в том, что военные действия Деркиллида описаны очень подробно, что делает вероятным то, что рассказ ведется от очевидца.

[362] Xen. Hellen. iii, 1, 8; Ephorus, ap. Athenæ. xi, p. 500.

[363] Xen. Hellen. iii, 1, 9. ἐστάθη τὴν ἀσπίδα ἔχων.

[364] Xen. Hellen. iii, 1, 10; iii, 2, 28.

[365] См. описание сатрапии Кира (Xenoph. Anab. i, 9, 19, 21, 22). В основном, это разделение и подразделение всей империи на доходные округа, каждый из которых находится в ведении назначенного лица, ответственного за выплату ренты или дани правительству или какому-либо высшему должностному лицу правительства, - система, распространенная в значительной части Азии до сегодняшнего дня.

[366] Xen. Hellen. iii, 1, 10. Ἀναζεύξασα τὸν στόλον, καὶ χρήματα λαβοῦσα, ὥστε καὶ αὐτῷ Φαρναβάζῳ δοῦναι, καὶ ταῖς παλλακίσιν αὐτοῦ χαρίσασθαι καὶ τοῖς δυναμένοις μάλιστα παρὰ Φαρναβάζῳ, ἐπορεύετο.

[367] Xen. Hellen. iii, 1, 15.

[368] Herod. viii, 69.

[369] Таков эмфатический язык Ксенофонта (Hellen. iii, 1, 14)-Μειδίας, θυγατὶς ἀνὴρ αὐτῆς ὢν, ἀναπτερωθεὶς ὑπὸ τινων, ὡς αἰσχρὸν εἶη, γυναῖκα μὲν ἄρχειν, αὐτὸν δ' ἰδιώτην εἶναι, τοὺς μὲν ἄλλους μάλα φυλαττομένης αὐτῆς, ὥσπερ ἐν τυραννίδι προσήκει, ἐκείνῳ δὲ πιστευούσης καὶ ἀσπαζομένης, ὥσπερ ἂν γυνὴ γαμβρὸν ἀσπάζοιτο, -εἰσελθὼν ἀποπνίξαι αὐτὴν λέγεται.

Для иллюстрации этой привычной неуверенности, в которой жил греческий деспот, см. диалог Ксенофонта под названием "Гиерон" (i, 12; ii, 8-10; vii, 10). Он особенно останавливается на множестве семейных преступлений, которыми были омрачены дома греческих деспотов; убийства отцов, сыновей, братьев, жен и т. д. (iii, 8).

[370] Xen. Hellen. iii, 1, 13.

[371] Xen. Hellen. iii, 1, 18; Diodor. xiv, 38.

Читатель заметит здесь, как Ксенофонт формирует повествование таким образом, чтобы привить благочестивый долг повиноваться предупреждениям, сделанным жертвоприношением, - либо для действия, либо для бездействия. Я уже отмечал (в предыдущих главах), как часто он делает это в "Анабасисе".

Подобное умозаключение никогда (как мне кажется) не встречается у Фукидида.

[372] Xen. Hellen. iii, 1, 20-23.

[373] Ксен. Hellen. iii, 1, 26. Εἴπέ μοι, ἔφη, Μανία δὲ τίνοος ἦν; Οἱ δὲ πάντες εἶπον, ὅτι Φαρναβάζου. Οὐκοῦν καὶ τὰ ἐκείνης, ἔφη, Φαρναβάζου; Μάλιστα, ἔφασαν. Ἡμέτερ' ἂν εἶη, ἔφη, ἐπεὶ κρατοῦμεν- πολέμιος γὰρ ἡμῖν Φαρνάβαζος.

Здесь примечательны два момента. 1. То, как Маний, управляющий большим округом, с огромными сокровищами и многочисленной армией на жалованье, рассматривается как *принадлежащий* Фарнабазу - как слуга или раб Фарнабаза. 2. Различие между общественной

и частной собственностью, проводимое здесь в связи с законами войны и правами завоевателя. Деркиллидас претендует на то, что принадлежало Манию (или Фарнабазу), но не на то, что принадлежало Мейдиасу.

Согласно современным нормам международного права, такое различие допускается и соблюдается везде, кроме моря. Но в древнем мире оно ни в коем случае не выделялось так четко и заметно; и соблюдение его здесь заслуживает внимания.

[374] Xen. Hellen. iii, 1, 28.

Так заканчивается интересное повествование о Мании, Мейдии и Деркиллиде. Обилие деталей и драматическая манера, в которой Ксенофонт все это изложил, внушают мне уверенность в том, что он действительно присутствовал на месте событий.

[375] Ксен. Hellen. iii, 2, 1. νομίζων τὴν Αἰολίδα ἐπιτετεχίσθαι τῇ ἑαυτοῦ οἰκίσει Φρυγίᾳ.

Слово ἐπιτετεχίζειν - заглавное и значительное, в греческой войне.

[376] Xen. Hellen. iii, 2, 2-5.

[377] Xen. Hellen. iii, 2, 4.

[378] Xen. Hellen. iii, 2, 6, 7.

Морус полагает (думаю, с большой долей вероятности), что ὁ τῶν Κυρείων проεστῆκώς здесь означает самого Ксенофонта.

Он не мог с приличием афишировать тот факт, что сам не был с армией в год правления Фимброна.

[379] Xen. Hellen. iii, 2, 9. ἔπεμψεν αὐτοὺς ἀπ' Ἐφέσου διὰ τῶν Ἑλληνίδων πόλεων, ἡδόμενος ὅτι ἔμελλον ὄψεσθαι τὰς πόλεις ἐν εἰρήνῃ εὐδαιμονικῶς διαγούσας. Я не могу не думать, что здесь следует читать ἐπ' Ἐφέσου, а не ἀπ' Ἐφέσου; или иначе ἀπὸ Λαμψάκου.

Именно в Лампсакусе состоялась эта беседа и разговор между Деркиллидой и уполномоченными. Уполномоченные должны были быть отправлены из Лампсака в Эфес через греческие города.

Выражение ἐν εἰρήνῃ εὐδαιμονικῶς διαγούσας относится к внешним сношениям городов и к их освобождению от раздражения персидским оружием, не подразумевая никакой внутренней свободы или хорошего состояния. В большинстве из них были лакедемонские гарматы, а во многих - декархии, наполовину разрушенные или измененные; см. последующие отрывки (iii, 2, 20; iii, 4, 7; iv, 8, 1).

[380] Сравните Xen. Hellen. iv, 2, 5.

[381] Геродот. vi, 36; Плутарх, Перикл, с. 19; Исократ, Ор. v, (Филипп.) s. 7.

[382] Xen. Hellen. iii, 2, 10; iv, 8, 5. Diodor. xiv, 38.

[383] Диодор. xiii, 65.

[384] Xen. Hellen. iii, 2, 11; Isokrates, Or. iv. (Panegy.) s. 167.

[385] Диодор. xiv, 39.

[386] Xen. Hellen. iii, 2, 18.

В "Анабасисе" (ii, 3, 3) Ксенофонт упоминает о подобной заботе Клеарха о том, чтобы вокруг него были самые хорошо вооруженные и внушительные воины, когда он отправлялся на встречу с Тиссаферном.

Ксенофонт с удовольствием пользуется случаем, чтобы сделать косвенный комплимент киреевской армии.

[387] Xen. Hellen. iii, 2, 19; Diodor. xiv, 39.

[388] Xen. Hellen. iii, 2, 20.

[389] Ксеноф. Hellen. iii, 5, 5; Плутарх, Lysand. с. 27; Юстин, v, 10.

[390] Ксен. Hellen. ii, 4, 30.

[391] Ксен. Hellen. iii, 5, 12. Κορινθίους δὲ καὶ Ἀρκαδας καὶ Ἀχαιοὺς τί φῶμεν; οἱ ἐν μὲν τῷ πρὸς ὑμᾶς (это фиванские посланники, обращающиеся к общественному собранию в Афинах) πολέμῳ μάλα λιπαροῦμενοι ὑπ' ἐκείνων (лакедемоняне), πάντων καὶ πόνων καὶ κινδύνων καὶ δαπανημάτων μετέχον- ἐπεὶ δ' ἔπραξαν ἃ ἐβούλοντο οἱ Λακεδαιμόνιοι, ποίας ἢ ἀρχῆς ἢ τιμῆς ἢ ποίων χρημάτων μεταδεδώκασιν αὐτοῖς; ἀλλὰ τοὺς μὲν εἰλώτας ἀρμοστὰς καθιστάναι, τῶν δὲ ξυμμάχων ἐλευθέρων ὄντων, ἐπεὶ εὐτύχησαν, δεσπότην ἀναπεφῆνασιν.

[392] Xen. Hellen. iii, 2, 22.

Τούτων δ' ὕστερον, καὶ Ἀγίδος πεμφθέντος θῦσαι τῷ Διὶ κατὰ μαντείαν τινὰ, ἐκώλυον οἱ Ἥλεῖοι μὴ προσεύχεσθαι νίκην πολέμου, λέγοντες, ὥς καὶ τὸ ἀρχαῖον εἶη οὕτω νόμιμον, μὴ χρηστηριάζεσθαι τοὺς Ἑλλήνας ἐφ' Ἑλλήνων πολέμῳ- ὥστε ἄθυτος ἀπῆλθεν.

Этот канон кажется неестественным для одного из величайших панэллинских храмов и учреждений. Однако он не соблюдался постоянно в Олимпии (сравните другой пример - Xen. Hellen. iv, 7, 2); не соблюдался он и в Дельфах, которые были не менее панэллинскими, чем Олимпия (см. Thucyd. i, 118). Поэтому мы можем предположить, что это был канон, к которому элейцы обращались только тогда, когда их побуждали какие-то особые чувства или неприязнь.

[393] Xen. Hellen. iii, 2, 23. Ἐκ τούτων οὖν πάντων ὀργιζομένοις, ἔδοξε τοῖς ἐφόροις καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ, σωφρονίσαι αὐτούς.

[394] Диодор (xiv, 17) упоминает об этом требовании недоимок, что представляется весьма вероятным. Ксенофонт не обращает на это внимания, однако упоминает (см. отрывок, приведенный в примечании на предыдущей странице) о всеобщем обложении, взимавшемся Спартой со всех ее пелопоннесских союзников во время войны.

[395] Диодор. xiv, 17.

Диодор представляет в этих сделках царя Павсания, а не царя Агиса, как действующее лицо.

Павсаний сообщает (iii, 8, 2), что элейцы, давая отрицательный ответ на требование Спарты, добавили, что они предоставят права своим перийцам, когда увидят, что Спарта предоставит права своим. Этот ответ кажется мне крайне неправдоподобным, учитывая существующие обстоятельства Спарты и ее отношения с другими греческими государствами. Упоминание об отношениях между Спартой и ее периеками было новинкой даже в 371 году до н. э., на конгрессе, предшествовавшем битве при Лейктре.

[396] Xen. Hellen. iii, 2, 23, 26; Diodor. xiv, 17.

[397] Xen. Hellen. iii, 2, 27; Pausanias, iii, 8, 2; v, 4, 5.

Слова Ксенофонта не очень ясны-Βουλόμενοι δὲ οἱ περὶ Ξενίαν τὸν λεγόμενον μεδίμνῳ ἀπομετρήσασθαι τὸ παρὰ τοῦ πατρὸς ἀργύριον (τὴν πόλιν) δι' αὐτῶν προσχωρῆσαι Λακεδαιμονίοις, ἐκπεσόντες ἐξ οἰκίας ξίφη ἔχοντες σφαγὰς ποιοῦσι, καὶ ἄλλους τέ τινας κτείνουσι, καὶ ὁμοίον τινα Θρασυδαίῳ ἀποκτείναντες, τῷ τοῦ δήμου προστάτῃ, ὥοντο Θρασυδαῖον ἀπεκτονέναι.... Ὁ δὲ Θρασυδαῖος ἔτι καθεύδων ἐτύγχανεν, οὐπὲρ ἐμεθύσθη.

И слова, и повествование здесь очень неясны. Кажется, будто предложение выпало, когда мы внезапно наталкиваемся на упоминание о пьяном состоянии Фрасидея, не имея перед этим никаких обстоятельств, ведущих к этому состоянию или подразумевающих его.

[398] Xen. Hellen. iii, 2, 28.

[399] Xen. Hellen. iii, 2, 30. В описании Ксенофонтом трифилийских городов, которые сдали элейцы, есть нечто недоуменное. Во-первых, он не называет Лепреум и Макистус, которые, тем не менее, присоединились к Агису во время его вторжения и были самыми важными местами в Трифилии (iii, 2, 25). Далее он называет трифилийцами Летрини, Амфидоли и Марганеи, которые, однако, находились к северу от Алфея и в других местах отличаются от Трифилии. Я склонен полагать, что слова в его тексте, καὶ τὰς Τριφυλίδας πόλεις ἀφεῖναι, должны быть приняты за Лепреум и Макистус, возможно, с некоторыми другими местами, которые нам неизвестны; но что καὶ после ἀφεῖναι выпала из текста, и что города, названия которых следуют далее, должны быть приняты как не трифилийские. Фрикса и Эпиталиум находились к югу, но только к югу от Алфея; они не были на границах Трифилии, и кажется сомнительным, были ли они собственно трифилийскими.

[400] Xen. Hellen. iii, 2, 30; Diodor. xiv, 34; Pausan. iii, 8, 2.

Эта война между Спартой и Элидой длится три разных года; она началась в первый, заняла весь второй и была закончена в третий. К какому именно году относятся эти три года (из семи, разделяющих 403-396 гг. до н. э.), критики не пришли к единому мнению.

Следуя хронологии Диодора, который помещает начало войны в 402 г. до н. э., я расхожусь с г-ном Клинтоном, который помещает ее в 401 г. до н. э. (Fasti Hellen. ad ann.), и с Зиверсом (Geschichte von Griechenland bis zur Schlacht von Mantinea, p. 382), который помещает ее в 398 г. до н. э.

Согласно мнению г-на Клинтона, главным годом войны был бы 400 г. до н. э., год Олимпийского фестиваля. Но, конечно, если бы это было так, совпадение войны в стране с олимпийским праздником должно было вызвать столько осложнений и так сильно подействовать на чувства всех сторон, что об этом следует упомянуть особо. По моему мнению, война была закончена в начале 400 года до н. э., до наступления времени Олимпийского фестиваля. Вероятно, элейцы именно по этой причине стремились завершить ее до наступления праздника.

Сиверс, обсуждая этот вопрос, признает, что дата, назначенная Диодором для Элейской войны, согласуется как с датой, которую Диодор называет для смерти Агиса, так и с тем, что Плутарх говорит о продолжительности правления Агесилая, - лучше, чем хронология, которую он сам (Сиверс) предпочитает. Свое заключение он основывает на Ксенофоне, Hell. iii, 2, 21. Τοῦτων δὲ πρᾶττομένων ἐν τῇ Ἀσίᾳ ὑπὸ Δερκυλλίδα, Λακεδαιμόνιοι κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον πάλαι ὀργιζόμενοι τοῖς Ἠλείοις, etc.

Этот отрывок, безусловно, имеет определенный вес; однако я думаю, что в данном случае не следует придерживаться жесткой точности в определении даты. Вся Третья книга вплоть до этих слов полностью посвящена ходу азиатских дел. Ни одно действие лакедемонян в Пелопоннесе после амнистии в Афинах пока не упоминается. Командование Деркиллида включало только последнюю часть азиатских подвигов, и Ксенофонт здесь вольно ссылается на него, как будто оно охватывает все. Кроме того, Сиверс сжимает всю Элейскую войну до одного года с небольшим; интервал, как мне кажется, короче, чем тот, который подразумевается в заявлениях Ксенофонта.

[401] Xen. Hellen. iii, 2, 31.

[402] Diodor. xiv, 34; Pausan. iv, 26, 2. 2.

[403] Плутарх, Лисанд. с. 17. Сравните Xen. Rep. Laced. vii, 6.

И Эфор, и Феопомп рассказывают о противодействии введению золота и серебра в Спарте, причем каждый упоминает имя одного из эфоров, который играл в этом ведущую роль.

Существовала значительная часть античных настроений, в том числе и среди высокоумных и интеллигентных людей, которые считали золото и серебро причиной бед и разврата, отголоском которых является строфа Горация (Od. iii, 3):.

Aurum irrepertum, et sic melius situm

Cum terra celat, spernere fortior

Quam cogere humanos in usus,

Omne sacrum rapiente dextrâ.

[404] Аристотель. Politic. ii, 6, 23.

Ἀποβέβηκε δὲ τοῦνάντιον τῷ νομοθέτῃ τοῦ συμφέροντος- τὴν μὲν γὰρ πόλιν πεποιήκεν ἀχρήματον, τοὺς δ' ἰδιώτας φιλοχρημάτους.

[405] Thucyd. i, 80. ἀλλὰ πολλῶ ἔτι πλέον τούτου (χρημάτων) ἐλλείπομεν, καὶ οὔτε ἐν κοινῷ ἔχομεν, οὔτε ἐτοίμως ἐκ τῶν ἰδίων φέρομεν.

[406] Аристотель. Polit. ii, 6, 23. Φαύλως δ' ἔχει καὶ περὶ τὰ κοινὰ κρήματα τοῖς Σπαρτιάταις- οὔτε γὰρ ἐν τῷ κοινῷ τῆς πόλεως ἔστιν οὐδὲν, πολέμους μεγάλους ἀναγκαζομένους φέρειν- εἰσφέρουσί τε κακῶς, и т. д.

Напротив, Платон говорит в своем диалоге "Алкивиад", i, с. 39, р. 122 E. о большом количестве золота и серебра, которое тогда было в Спарте. Диалог должен быть датирован каким-то периодом между 400-371 гг. до н.э.

[407] См. речи коринфских посланников и царя Архидама в Спарте (Thucyd. i, 70-84; ср. также viii, 24-96).

[408] См. критику Спарты около 395 г. до н. э. и 372 г. до н. э. (Xenoph. Hellen. iii, 5, 11-15; vi, 3, 8-11).

[409] Thucyd. i, 77. Ἀμικτα γὰρ τά τε καθ' ὑμᾶς αὐτοὺς νόμιμα τοῖς ἄλλοις ἔχετε, etc. О ξενηλασίαι спартанцев - см. речь Перикла в Thucyd. i, 138.

[410] Аристотель. Politic. ii, 6, 10.

[411] Aristot. Politic. ii, 6, 16-18; ii, 7, 3.

[412] Isokrates, de Pace, s. 118-127.

[413] Xen. de Republ. Laced. c. 14.

Οἶδα γὰρ πρότερον μὲν Λακεδαιμονίους αἰρουμένους, οἵκοι τὰ μέτρια ἔχοντας ἀλλήλοις συνεῖναι μᾶλλον, ἢ ἀρμόζοντας ἐν ταῖς πόλεσι καὶ κολακευομένους διαφθεῖρεσθαι. Καὶ πρόσθεν μὲν οἶδα αὐτοὺς φοβουμένους, χρύσιον ἔχοντας φαίνεσθαι- νῦν δ' ἔστιν οὐς καὶ καλλωπιζομένους ἐπὶ τῷ κεκτῆσθαι. Ἐπίσταμαι δὲ καὶ πρόσθεν τούτου ἔνεκα ξενηλασίας γιγνομένης, καὶ ἀποδημεῖν οὐκ ἔξόν, ὅπως μὴ ῥαδιουργίας οἱ πολῖται ἀπὸ τῶν ξένων ἐμπίμπλαιντο- νῦν δ' ἐπίσταμαι τοὺς δοκοῦντας πρώτους εἶναι ἐσπουδακότας ὡς μηδεπότε παύωνται ἀρμόζοντες ἐπὶ ξένης. Καὶ ἦν μὲν, ὅτε ἐπεμελοῦντο, ὅπως ἄξιοι εἶεν ἡγεῖσθαι- νῦν δὲ πολὺ μᾶλλον πραγματεύονται, ὅπως ἄρξουσιν, ἢ ὅπως ἄξιοι τούτου ἔσονται. Τοιγαροῦν οἱ Ἕλληνες πρότερον μὲν ἰόντες εἰς Λακεδαίμονα ἐδέοντο αὐτῶν, ἡγεῖσθαι ἐπὶ τοὺς δοκοῦντας ἀδικεῖν- νῦν δὲ πολλοὶ παρακαλοῦσιν ἀλλήλους *ἐπὶ τὸ διακωλύειν ἄρξαι πάλιν* αὐτούς. Οὐδὲν μέντοι δεῖ θαυμάζειν τούτων τῶν ἐπιψόγων αὐτοῖς γιγνομένων, ἐπειδὴ φανεροί εἰσιν οὔτε τῷ θεῷ πειθόμενοι οὔτε τοῖς Λυκούργου νόμοις.

Выражение "принимая меры, чтобы помешать лакедемонянам снова осуществлять империю" указывает на то, что этот трактат, вероятно, был составлен в период между морским поражением при Книде и поражением на суше при Лейктре. Первое поражение положило конец их морской империи, а второе исключило всякую возможность ее восстановления; но в промежутке между этими двумя событиями такое восстановление было отнюдь не невозможным.

[414] Αφινский посланник в Мелосе говорит: -Λακεδαιμόνιοι γὰρ πρὸς μὲν σφᾶς αὐτοὺς καὶ τὰ ἐπιχώρια νόμιμα, πλείστα ἀρετῇ χρῶνται- πρὸς δὲ τοὺς ἄλλους-ἐπιφανέστατα ὧν ἴσμεν τὰ μὲν ἡδέα καλὰ νομίζουσι, τὰ δὲ ξυμφέροντα δίκαια (Thucyd. v. 105). Почти точно такое же суждение высказывает Полибий (vi, 48).

[415] Thucyd. i, 69, 70, 71, 84. ἀρχαιοτρόπα ὑμῶν τὰ ἐπιτηδεύματα-ἄοκνοι πρὸς ὑμᾶς μελλήτας καὶ ἀποδημηταὶ πρὸς ἐνδημοτάτους: также viii, 24.

[416] Σπάρτην δαμασίμβροτον (Simonides ap. Plutarch. Agesilaum, c. 1).

[417] См. выражение Аристотеля (Polit. ii, 6, 22) о функции адмирала у лакедемонян, -ἐπὶ γὰρ τοῖς βασιλεῦσιν, οἷσι στρατηγοῖς ἀἰδίοις, ἡ ναυαρχία σχεδόν ἑτέρα βασιλεία καθέστηκε.

Это рассуждение, которое Аристотель намекает, что заимствовал у кого-то другого, хотя и не говорит, у кого именно, - должно быть, по всей вероятности, основано на случае с Лисандром; ведь никогда после Лисандра не было ни одного лакедемонского адмирала, пользовавшегося властью, которую можно было бы назвать непомерной или опасной. Мы знаем, что в поздние годы Пелопоннесской войны лакедемоняне порицали практику ежегодной смены адмирала (Xen. Hellen. i, 6, 4).

На лакедемонян, по-видимому, произвела впечатление эта критика, так как в 395 году до н. э. (за год до битвы при Книде) они передали царю Агесилаю, который в то время командовал сухопутной армией в Малой Азии, командование флотом, чтобы обеспечить единство действий. Такого еще не было (Xen. Hellen. iii, 4, 28).

[418] Плутарх, Лисанд. с. 24. Возможно, он был просто членом племени гиллеев, которые, вероятно, называли себя Гераклидами. Некоторые утверждали, что Лисандр хотел, чтобы цари избирались из всех спартанцев, а не только из Гераклидов. Это менее вероятно.

[419] Duris ap. Athenæum, xv, p. 696.

[420] Плутарх, Лисанд. с. 18; Плутарх, Агесилай с. 20.

[421] Плутарх, Лисанд. с. 17.

[422] Аристотель (Polit. v, 1, 5) справедливо представляет схемы Лисандра как πρὸς τὸ μέρος τι κινῆσαι τῆς πολιτείας- οἷον ἀρχὴν τινα καταστῆσαι ἢ ἀνελεῖν. Спартанское царствование здесь рассматривается как ἀρχή τις - одна из государственных должностей, среди прочих. Но Аристотель считает, что Лисандр намеревался уничтожить царскую власть - καταλῦσαι τὴν βασιλείαν, - что, по-видимому, не соответствовало действительности. План Лисандра состоял в том, чтобы сохранить царскую власть, но сделать ее выборной, а не наследственной. Он хотел поставить спартанское царствование на ту же основу, что и карфагенские цари или суффеты, которые не были наследственными, не ограничивались членами одной семьи или рода, а выбирались из главных семей или родов. Аристотель, сравнивая βασιλεῖς в Спарте и в Карфагене, как в целом аналогичные, говорит в пользу карфагенских выборов как лучших, чем спартанская наследственная передача. (Arist. Polit. ii, 8, 2.)

[423] Thucyd. v, 63; Xen. Hellen. iii, 5, 25; iv, 2, 1.

[424] Диодор. xiv, 13; Цицерон, de Divinat. i, 43, 96; Cornel. Непос, Лисанд. с. 3.

[425] Плутарх, Лисанд. с. 25, из Эфора. Сравните Herodot. vi, 66; Thucyd. v, 12.

[426] Плутарх, Лисанд. с. 26.

[427] Тацит. Histor. i, 10. "Cui expeditius fuerit tradere imperium, quam obtinere".

Общий факт заговора Лисандра с целью открыть себе путь к трону, как представляется, опирается на весьма достаточное свидетельство Эфора, на которого, возможно, ссылаются слова φασι τινες у Аристотеля, где он упоминает об этом заговоре (Polit. v, 1, 5). Но Плутарх, а также К. О. Мюллер (Hist. of Dorians, iv, 9, 5) и другие ошибочно представляют интриги с оракулом как предпринятые после возвращения Лисандра из сопровождения Агесилая в Азию; что, конечно, невозможно, поскольку Лисандр сопровождал Агесилая весной 396 года до н. э. и не вернулся в Азию. до н. э., вернулся в Грецию только весной 395 г. до н. э., а затем с интервалом не более четырех или пяти месяцев участвовал в экспедиции в Беотию, где и был убит.

Вмешательство Лисандра в оракул, несомненно, произошло до смерти Агиса - в период между 403 и 399 гг. до н. э. Унижение, полученное им в 396 г. до н. э. от Агесилая, действительно могло заставить его мысленно вернуться к прежним планам; но у него не было времени что-либо предпринять для их осуществления. Аристотель (Polit. v, 6, 2) ссылается на унижение Лисандра царями как на пример инцидентов, способных вызвать беспорядки в аристократическом правительстве; но это унижение, вероятно, относится к тому, как ему помешал в Аттике Павсаний в 403 г. до н. э. - это действие Плутарх приписывает обоим царям, а также их ревности к Лисандру (см. Plutarch, Lysand. с. 21), а не обращению Агесилая с Лисандром в 396 г. до н. э. Миссия Лисандра к деспоту Дионисию в Сиракузах (Plutarch, Lysand. с. 2) также должна была состояться до смерти Агиса в 399 г. до н. э.; до или после провала стратагемы в Дельфах, точно не известно; возможно, после нее.

[428] Возраст Леотихида приблизительно определяется датой присутствия Алкивиада в Спарте 414-413 гг. до н. э. Простой слух, правдивый или ложный, о том, что этот молодой человек был сыном Алкивиада, может считаться достаточным хронологическим свидетельством, подтверждающим его возраст.

[429] Xen. Hellen. iii, 3, 2; Pausanias, iii, 8, 4; Plutarch, Agesilaus, c. 3.

[430] Herodot. v, 66.

[431] Признаюсь, я не понимаю, как Ксенофонт может говорить в своем "Агесилае", i, 6, Ἀγησίλαος τοίνυν ἔτι μὲν νέος ὢν ἔτυχε τῆς βασιλείας. Ведь он сам говорит (ii, 28), и это кажется хорошо установленным, что Агесилай умер в возрасте более 80 лет (Plutarch, Agesil. c. 40); и его смерть должна была произойти около 360 г. до н.э.

[432] Плутарх, Агесилай, с. 2-5; Ксеноф. Agesil. vii, 3; Плутарх, Apophth. Laconic. p. 212 D.

[433] Плутарх, Агесилай, с. 2; Ксеноф. Agesil. viii, 1.

Оказывается, мать Агесилая была очень маленькой женщиной, и Архидам, женившись на ней, вызвал порицание эфоров по этому особому поводу.

[434] Ксеноф. Agesil. xi, 7; Плутарх, Agesil. c. 2.

[435] Плутарх, Agesil. c. 2.

[436] Плутарх, Лисанд. с. 2.

[437] Ксен. Hellen. iii, 3, 1.

[438] Плутарх, Лисанд. с. 22; Плутарх, Агесилай с. 3; Xen. Hellen. iii, 3, 2; Xen. Agesil. 1, 5- κρίνασα ἡ πόλις ἀνεπικλητότερον εἶναι Ἀγησίλαον καὶ τῷ γένει καὶ τῇ ἀρετῇ, и др.

[439] Xen. Hellen. iii, 3, 2. Это утверждение противоречит разговорам, вменяемым Тимею Дурисом (Плутарх, Agesil. c. 3; Плутарх, Alkibiad. c. 23).

[440] Herodot. iv, 161. Διεδέξατο δὲ τὴν βασιλῆϊν τοῦ Ἀρκεσίλεω ὁ παῖς Βάττος, χωλός τε ἔων καὶ οὐκ ἀρτίπους. Οἱ δὲ Κυρηναῖοι πρὸς τὴν καταλαβοῦσαν συμφορὴν ἔπεμπον ἐς Δελφοὺς, ἐπειρησομένους ὄντινα τρόπον καταστησάμενοι κάλλιστα ἂν οἰκέοιεν.

[441] Плутарх, Лисанд. с. 22; Плутарх, Агесилай с. 3; Павсаний, iii, 8, 5.

[442] Диодор. xi, 50.

[443] Геродот. vii, 143.

[444] Xen. Hellen. iii, 3, 3. ὥς οὐκ οἶοιτο τὸν θεὸν τοῦτο κελεύειν φυλάξασθαι, μὴ προσπταίσας τις χωλεύσῃ, ἀλλὰ μᾶλλον, μὴ οὐκ ὢν τοῦ γένους βασιλεύσῃ.

Врожденная хромота считалась знаком божественного неудовольствия и, следовательно, лишением права занимать трон, как в случае с Баттусом Киренским, о котором говорилось выше. Но слова χωλὴ βασιλεία были достаточно общими, чтобы охватить оба случая, - как вызванную, так и врожденную хромоту. Именно на этом Лисандр основывает свое умозаключение - что бог вовсе не имел в виду телесную хромоту.

[445] Павсаний, iii, 8, 5; Плутарх, Agesil. c. 3; Плутарх, Lysand. c. 22; Юстин, vi, 2.

[446]

Ἰδ' οἶον, ὧ παῖδες, προσέμιξεν ἄφαρ

Τοῦτος τὸ θεοπρόπον ἡμῖν

Τῆς παλαιφάτου προνοίας,

Ὅ τ' ἔλακεν и т.д.

Это великолепный хор Трахиниев из Софокла (822), провозглашающий свои чувства по поводу ужасной смерти Геракла в тунике Несса, о которой только что было объявлено, что она должна произойти.

[447] Плутарх, Agesil. с. 30; Плутарх, Compar. Agesil. and Pomp. с. 1. Ἀγησίλαος δὲ τὴν βασιλείαν ἔδοξε λαβεῖν, οὔτε τὰ πρὸς θεοὺς ἄμεμπτος, οὔτε τὰ πρὸς ἀνθρώπους, κρίνας νοθείας Λεωτυχίδην, ὃν υἱὸν αὐτοῦ ἀπέδειξεν ὁ ἀδελφὸς γνήσιον, τὸν δὲ χρησμὸν κατειρωνεύσάμενος τὸν περὶ τῆς χωλότητος. Опять же, ib. с. 2. δι' Ἀγησίλαον ἐπεσκότησε τῷ χρησμῷ Λύσανδρος.

[448] Xen. Agesil. iv, 5; Плутарх, Ages. с. 4.

[449] Плутарх, Agesil. с. 4.

[450] Xen. Agesil. vii, 2.

[451] Isokrates, Orat. v, (Philipp.) s. 100; Plutarch, Agesilaus, с. 3, 13-23; Plutarch, Apophthegm. Laconica, p. 209 F-212 D.

См. инцидент, на который ссылается Теопомп (Theopompus ap. Athenæum, xiii, p. 609.

[452] Исократ (Orat. v, *ut sup.*) делает замечание по существу того же самого.

[453] Ксеноф. Hellen. iii, 3, 4.

[454] См. т. II, гл. vi, с. 359 этой истории.

[455] Xen. Hellen. iii, 3, 5. Οὗτος (Kinadon) δ' ἦν νεανίσκος καὶ τὸ εἶδος καὶ τὴν ψυχὴν εὖρωστος, οὐ μέντοι τῶν ὁμοίων.

Значение термина Οἱ ὅμοιοι колеблется у Ксенофонта; иногда, как здесь, он используется для обозначения привилегированных пэров - De Repub. Laced. xiii, 1; и Anab. iv, 6, 14. Иногда оно употребляется в соответствии с ликургической теорией, согласно которой к этому числу принадлежал каждый гражданин, неукоснительно исполнявший свой долг на общественных учениях (De Rep. Lac. x, 7).

Теория и практика расходились.

[456] Ксен. Hellen. iii, 3, 9. Ὑπηρετῆκει δὲ καὶ ἄλλ' ἤδη ὁ Κινάδων τοῖς Ἐφόροις τοιαῦτα. iii, 3, 7. Οἱ συντεταγμένοι ἡμῶν (Кинадон говорит) αὐτοῖ ὅπλα κεκτῆμεθα.

[457] Xen. Hellen. iii, 3, 11. μηδενὸς ἥττων εἶναι τῶν ἐν Λακεδαίμονι - так заявил Кинадон, когда эфоры схватили его и допросили о его целях. По существу оно совпадает с Аристотелем (Polit. v, 6, 2)-ἢ ὅταν ἀνδρώδης τις ὦν μὴ μετέχη τῶν τιμῶν, οἶον Κινάδων ὁ τὴν ἐπ' Ἀγησιλάου συστήσας ἐπίθεσιν ἐπὶ τοὺς Σπαρτιάτας.

[458] Xen. Hellen. iii, 3, 5.

[459] Ксен. Hellen. iii, 3, 6. Αὐτοὶ μέντοι πᾶσιν ἔφασαν συνειδέναι καὶ εἴλωσι καὶ νεοδαμώδεσι, καὶ τοῖς ὑπομείοσι καὶ τοῖς περιοίκοις- ὅπου γὰρ ἐν τούτοις τις λόγος γένοιτο περὶ Σπαρτιατῶν, οὐδένα δύνασθαι κρύπτειν τὸ μὴ οὐχ ἡδέως ἂν καὶ ὠμῶν ἐσθίειν αὐτῶν.

Выражение гомеровское -ὠμὸν βεβρώθοις Πρίαμον и т. д. (Iliad. iv, 35). Греки не считали себя обязанными сдерживать полное проявление мстительного чувства. Поэт Феогнис желает, "чтобы однажды он пришел пить кровь тех, кто плохо с ним обращался" (v. 349 Gaissf.).

[460] Xen. Hellen. iii, 3, 7. ὅτι ἐπιδημεῖν οἱ παρηγγελμένον εἶη.

[461] Xen. Hellen. iii, 3, 8. Ἀγαγεῖν δὲ ἐκέλευον καὶ τὴν γυναῖκα, ἥ καλλίστη μὲν ἐλέγετο αὐτόθι εἶναι, λυμαίνεσθαι δ' ἐώκει τοὺς ἀφικνουμένους Λακεδαιμονίων καὶ πρεσβυτέρους καὶ νεωτέρους.

[462] Xen. Hellen. iii, 3, 9, 10.

Лица, называемые в Спарте Гиппеями, не были конными; это было избранное тело из трехсот молодых граждан, нанятых либо в домашнюю полицию, либо на внешнюю службу.

См. Herodot. viii, 124; Strabo, x, p. 481; K. O. Müller, History of the Dorians, B. iii, ch. 12, s. 5, 6.

[463] Xen. Hellen. iii, 3, 9.

Ἐμελλον δὲ οἱ συλλαβόντες αὐτὸν μὲν κατέχειν, τοὺς δὲ ξυνειδότας πυθόμενοι αὐτοῦ γράψαντες ἀποπέμπειν τὴν ταχίστην τοῖς ἐφόροις. Οὕτω δ' εἶχον οἱ ἔφοροι πρὸς τὸ πρᾶγμα, ὥστε καὶ μορὰν ἱππέων ἔπεμψαν τοῖς ἐπ' Αὐλῶνος. Ἐπεὶ δ' εἰλημμένου τοῦ ἀνδρὸς ἦκεν ἱππεὺς, φέρων τὰ ὀνόματα ὧν Κινάδων ἀπέγραψε, παραχρῆμα τὸν τε μάντιν Τισάμενον καὶ τοὺς ἐπικαιριωτάτους ξυνελάμβανον. Ὡς δ' ἀνήχθη ὁ Κινάδων, καὶ ἠλέγχετο, καὶ ὠμολόγει πάντα, καὶ τοὺς ξυνειδότας ἔλεγε, τέλος αὐτὸν ἦροντο, τί καὶ βουλόμενος ταῦτα πράττοι;

Полиэн (ii, 14, 1) в своем рассказе об этой операции прямо упоминает, что гиппеи или стражники, сопровождавшие Кинадона, подвергли его пытке (στρεβλώσαντες), когда схватили его, чтобы вырвать имена его сообщников. Даже не имея прямых свидетельств, мы могли бы с уверенностью предположить это. От такого сильного духом человека, как Кинадон, вряд ли можно было добиться такого предательства без пыток.

Я утверждал, что в описании этой операции, приведенном Ксенофонтом, не указано, умел ли Кинадон писать или нет. Мое утверждение было опровергнуто полковником Муре (в его ответе на мое Дополнение), который привел слова φέρων τὰ ὀνόματα ὧν Κινάδων ἀπέγραψε, как содержащие утверждение Ксенофонта, что Кинадон мог писать.

По моему мнению, эти слова, взятые в сочетании с тем, что предшествует, и с вероятностью описанного факта, не содержат такого утверждения.

Стражникам было приказано схватить Кинадона и, *узнав от него, кто его сообщники, записать имена и отправить их эфорам*. Надо полагать, что они выполнили эти указания; тем более что то, что им было приказано сделать, было одновременно самым безопасным и естественным действием. Ведь Кинадон был человеком, отличавшимся личным *ростом и мужеством* (τὸ εἶδος καὶ τὴν ψυχὴν εὖρωστος, iii, 3, 5), так что те, кто схватил его, сочли бы необходимой мерой предосторожности оцепление его рук. Допустим даже, что Кинадон умел писать, - все же, если бы он писал, правая рука должна быть свободна. И зачем стражам идти на такой риск, если все, что требовалось от эфоров, - это чтобы Кинадон *произносил* имена, которые должны были записывать другие? С человеком таких качеств, как Кинадон, вероятно, требовалось самое сильное давление, чтобы заставить его предать

своих товарищей даже на словах; вероятно, было бы еще труднее заставить его предать их более обдуманном актом письма.

Я полагаю, что ἥκεν ἰππτεῦς, φέρων τὰ ὀνόματα ὧν ὁ Κινάδων ἀπέγραψε должно быть истолковано со ссылкой на предыдущее предложение, и объявляет о вступлении в силу инструкций, которые, как сообщалось тогда, были даны эфорами. "Пришла стража с именами тех, кого Кинадон выдал". Нет необходимости предполагать, что Кинадон записал эти имена своей рукой.

В начале оратории Андокида (De Mysteriis) Пифоник сообщает о насмешливом праздновании таинств, совершенном Алкивиадом и другими; в качестве свидетеля он приводит раба Андромаху; который, соответственно, приводится и сообщает собранию *vivâ voce*, что он видел и кто присутствовал - *Πρῶτος μὲν οὗτος (Andromachus) ταῦτα ἐμήνυσσε, καὶ ἀπέγραψε τούτους* (s. 13). Здесь не имеется в виду, что раб Андромаха записал имена этих лиц, которые он за мгновение до этого публично объявил собранию. Словами *ἀπέγραψε τούτους* оратор описывает публичное устное объявление, сделанное Андромахом, которое было официально принято к сведению секретарем и повлекло за собой юридические последствия для лиц, чьи имена были указаны.

Так и в старом законе, цитируемом Демосфеном (Adv. Makast. p. 1068), *Ἀπογράφετω δὲ τὸν μὴ ποιοῦντα ταῦτα ὁ βουλόμενος πρὸς τὸν ἄρχοντα*; и в Demosthenes adv. Nikostrat. p. 1247. *Ἄ ἐκ τῶν νόμων τῷ ἰδιώτῃ τῷ ἀπογράφαντι γίγνεται, τῇ πόλει ἀφίημι*: ср. также Lysias, De Bonis Aristophanis, Or. xix, s. 53; это не означает, что ὁ ἀπογράφων должен был совершать свой процесс в письменной форме или обязательно уметь писать. Гражданин, не умеющий писать, мог это сделать, равно как и тот, кто умел. Он *доносил на* определенное лицо как на правонарушителя; он *доносил на* определенные предметы имущества, как на принадлежащие тому, чье имущество было конфисковано в пользу города. Информация, как и имя доносчика, записывалась официальным лицом, независимо от того, умел ли он сам писать или нет.

Мне представляется, что Кинадон, будучи допрошенным, *сообщил* стражникам, которые первыми схватили его, имена своих сообщников - точно так же, как он *сообщил* эти имена впоследствии эфору (καὶ τοῖς ξυνειδότας ἔλεγε); и это независимо от того, умел он писать или нет; вопрос, который ни в коем случае не решает отрывок Ксенофонта.

[464] Ксенофонт. Hellen. iii, 3, 11.

[465] Diodor. xiv, 39; Xen. Hellen. iii, 3, 13.

[466] Lysias, Orat. xix, (De Bonis Aristophanis) s. 38.

[467] См. Ктесий, Фрагменты, Персика, с. 63, изд. Bähr; Плутарх, Артакс. с. 21.

Мы не можем с точностью определить эти обстоятельства, но общий факт явно засвидетельствован и, кроме того, весьма вероятен. Кроме Ктесия, упоминается еще один греческий хирург - Поликрит из Мендека, а также критский танцор по имени Зенон - оба они были известны при персидском дворе.

Нет ни одной части повествования Ктесия, об утрате которой можно было бы так сильно сожалеть, как эта; в ней рассказывается о сделках, в которых он сам принимал участие, и, по-видимому, приводятся подлинные письма.

[468] Диодор. xiv, 39-79.

[469] Xen. Hellen. iii, 4, 1.

[470] Xen. Hellen. iii, 4, 2.

[471] Xen. Hellen. iii, 5, 1. ἐλπίδας ἔχοντα μεγάλας αἰρήσειν βασιλέα, etc. Сравните iv, 2, 3.

Xen. Agesilaus, i, 36. ἐπινόων καὶ ἐλπίζων καταλύσειν τὴν ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα στρατεύσασαν πρότερον ἀρχήν, etc.

[472] Плутарх, Agesil. с. 5.

[473] Xen. Hellen. iii, 5, 5; Pausan. iii, 9, 1.

[474] Геродот. i, 68; vii, 159; Павсаний. iii, 16, 6.

[475] Xen. Hellen. iii, 4, 3, 4; iii, 5, 5; Плутарх, Агесилай, с. 6; Pausan. iii, 9, 2.

[476] Xen. Hellen. iii, 4, 5, 6; Xen. Agesilaus, i, 10.

Срок в три месяца указан только в последнем отрывке. Прежнее перемирие Деркиллидаса, вероятно, еще не истекло, когда Агесилай только прибыл.

[477] Pausan. vi, 3, 6.

[478] Xen. Hellen. ii, 1, 7. В дальнейшем это правило, похоже, не соблюдалось. Лисандр был снова отправлен в качестве полководца в 403 году до н. э. Возможно, его снова отправили в качестве номинального секретаря при каком-то другом человеке, названном полководцем.

[479] Плутарх, Агесилай, с. 7.

[480] Саркастические замечания, которые Плутарх приписывает Агесилаю, называя Лисандра "моим раздатчиком мяса" (κρεοδαίτην), не подтверждаются Ксенофонтом и не кажутся вероятными при данных обстоятельствах (Plutarch, Lysand. с. 23; Plutarch, Agesil. с. 8).

[481] Xen. Hellen. iii, 4, 7-10; Плутарх, Агесилай, с. 7-8; Плутарх, Лисанд. с. 23.

Примечательно, что в "Опускуле" Ксенофонта, специальном панегирике *Агесилаю*, ни слова не говорится об этом весьма характерном процессе между Агесилаем и Лисандром в Эфесе; да и имя Лисандра ни разу не упоминается.

[482] Xen. Hellen. iii, 4, 10.

[483] Xen. Hellen. iii, 4, 11, 12; Xen. Agesil. i, 12-14; Плутарх, Agesil. с. 9.

[484] Xen. Hellen. iii, 4, 13-15; Xen. Agesil. i, 23. Ἐπεὶ μέντοι οὐδὲ ἐν τῇ Φρυγίᾳ ἀνὰ τὰ πεδία ἐδύνατο στρατεύεσθαι, διὰ τὴν Φαρναβάζου ἱππείαν, etc.

Плутарх, Agesil. с. 9.

Об этих военных операциях Агесилая вскользь упоминается в начале 79-й главы четырнадцатой книги Диодора.

[485] Xen. Agesil. i, 19; Xen. Anab. vii, 8, 20-23; Плутарх, Reipub. Gerend. Præcept. p 809, В. См. выше, [глава lxxii](#) этой истории.

[486] Xen. Agesil. i, 18. πάντες παμπλήθη χρήματα ἔλαβον.

[487] Xen. Agesil. i, 20-22.

[488] Xen. Hellen. iii, 4, 19; Xen. Agesil. i, 28. τοὺς ὑπὸ τῶν ληστῶν ἀλίσκομένους βαρβάρους.

Так, слово ληστής, употребленное по отношению к флоту, означает командира хищного судна или капера (Xen. Hellen. ii, 1, 30).

[489] Ксен. Agesil. i, 21. Καὶ πολλάκις μὲν προηγόρευε τοῖς στρατιώταις τοὺς ἀλίσκομένους μὴ ὡς ἀδίκους τιμωρεῖσθαι, ἀλλ' ὡς ἀνθρώπους ὄντας φυλάσσειν. Πολλάκις δὲ, ὅποτε μεταστρατοπεδεύοιτο, εἰ αἴσθοιτο καταλελειμμένα παιδάρια μικρὰ ἐμπόρων, (ἃ πολλοὶ ἐπώλουν, διὰ τὸ νομίζειν μὴ δύνασθαι ἂν φέρειν αὐτὰ καὶ τρέφειν) ἐπεμέλετο καὶ τούτων, ὅπως συγκομίζοιτο ποι- τοῖς δ' αὖ διὰ γῆρας καταλελειμμένοις αἰχμαλώτοις προσέταττεν ἐπιμελεῖσθαι αὐτῶν, ὡς μήτε ὑπὸ κυνῶν, μήθ' ὑπὸ λύκων, διαφθείροιντο. Ὡστε οὐ μόνον οἱ πυνθανόμενοι ταῦτα, ἀλλὰ καὶ αὐτοὶ οἱ ἀλίσκομενοι εὐμενεῖς αὐτῷ ἐγίγνοντο.

Геродот утверждает, что фракийцы также продавали своих детей на вывоз, -πωλεῦσι τὰ τέχνα ἐπ' ἐξαγωγῇ (Herod. v, 6): сравните Филострата, Vit. Apollon. viii, 7-12, p. 346; и гл. xvi, т. III, p. 216 этой Истории.

Геродот упоминает хианского купца Паниония (как "Μυτιληνῆϊ μαῖνῳ" у Марциала, - "Sed Mitylenæi roseus mangonis erhebus" Martial, vii, 79), который в больших масштабах занимался покупкой мальчиков, выбирая красивых, чтобы удовлетворить большой спрос на Востоке на евнухов, из которых, как предполагалось, получались лучшие и более привязанные слуги. Геродот. viii, 105. ὅκως γὰρ κτήσαιτο (Panionius) παῖδας εἵδεος ἐπαμμένους, ἐκτάμνων ἀγίνεων ἐπώλεε ἐς Σάρδεις τε καὶ Ἑφῆσον χρημάτων μεγάλων- παρὰ γὰρ τοῖσι βαρβάροισι τιμιώτεροί εἰσι οἱ εὐνοῦχοι, πίστιος εἵνεκα τῆς πάσης, τῶν ἐνορχίων. Мальчики были необходимы, так как операция проводилась в детстве или юности, -παῖδες ἐκτομία (Herodot. vi, 6-32: ср. iii, 48). Вавилоняне, в дополнение к своей большой денежной дани, должны были ежегодно предоставлять персидскому двору пятьсот παῖδας ἐκτομίας (Herodot. iii, 92). Дальнейшие замечания о предпочтении персами как лиц, так и услуг εὐνοῦχοι см. в Dio Chrysostom, Orat. xxi, p. 270; Xenoph. Cyropæd. vii, 5, 61-65. Элланик (фр. 169, изд. Дидо) утверждал, что персы заимствовали от вавилонян как наемных работников, так и привычку нанимать их.

Когда мистер Хэнвей путешествовал возле Каспия, среди калмыков ему часто предлагали на продажу маленьких детей двух-трех лет по два рубля за голову (Hanway's Travels, ch. xvi, pp. 65, 66).

[490] Herodot. i, 10. παρὰ γὰρ τοῖσι Λυδοῖσι, σχεδὸν δὲ παρὰ τοῖσι ἄλλοισι βαρβάροισι, καὶ ἄνδρα ὀφθῆναι γυμνόν, ἐς αἰσχύνην μεγάλην φέρει. Сравните Фукид. i, 6; Платон, Республика, v, 3, p. 452, D.

[491] Herodot. v, 22.

[492] Ксен. Hellen. iii, 4, 19. Ἡγούμενος δὲ, καὶ τὸ καταφρονεῖν τῶν πολεμίων ῥώμην τινὰ ἐμβάλλειν πρὸς τὸ μάχεσθαι, προεῖπε τοῖς κήρυξι, τοὺς ὑπὸ τῶν ληστῶν ἀλίσκομένους βαρβάρους γυμνοὺς πωλεῖν. Ὁρῶντες οὖν οἱ στρατιῶται λευκοὺς μὲν, διὰ τὸ μηδέποτε ἐκδύεσθαι, μαλακοὺς δὲ καὶ ἀπόνους, διὰ τὸ ἀεὶ ἐπ' ὀχημάτων εἶναι, ἐνόμισαν, οὐδὲν διοίσειν τὸν πόλεμον ἢ εἰ γυναιξὶ δέοι μάχεσθαι.

Xen. Agesil. i, 28 - где у него -πίονας δὲ καὶ ἀπόνους, διὰ τὸ ἀεὶ ἐπ' ὀχημάτων εἶναι (Polyænus, ii, 1, 5; Plutarch, Agesil. c. 9).

Фронтин (i, 18) рассказывает о похожих действиях Гелона после его великой победы над карфагенянами при Гимере в Сицилии: "Gelo Syracusarum tyrannus, bello adversus Pœnos suscepto, cum multos cepisset, infirmisimum quemque præcipue ex auxiliaribus, qui nigerrimi erant, nudatum in conspectu suorum produxit, ut persuaderet contemnendos."

[493] Xen. Hellen. iii, 4, 15; Xen. Agesil. i, 23. Сравните то, что говорится о Сципионе Африканском - Ливи, xxix, 1.

[494] Ксен. Hellen. iii, 4, 17, 18; Xen. Agesil. i, 26, 27.

[495] Xen. Hellen. iii, 4, 21-24; Xen. Agesil. i, 32, 33; Плутарх, Agesil. с. 10.

Диодор (xiv, 80) утверждает, что описывает эту битву; но его описание вряд ли можно согласовать с описанием Ксенофонта, который является лучшим авторитетом. Диодор утверждает, что у персов было пятьдесят тысяч пехоты, а Павсаний также утверждает (iii, 9, 3), что количество персидской пехоты в этой битве было больше, чем когда-либо собиралось со времен Дария и Ксеркса. Ксенофонт же прямо говорит, что персидская пехота не подошла и не принимала участия в битве.

[496] Плутарх. Artaxerx. с. 23; Diodor. xiv, 80; Xen. Hellen. iii, 4, 25.

[497] Xen. Hellen. iii, 14, 25; iv, 1, 27.

[498] Thucyd. viii, 18, 37, 58.

[499] Thucyd. v, 18, 5.

[500] Xen. Hellen. iii, 4, 26; Diodor. xiv, 80. ἑξαμηνιαίους ἀνοχάς.

[501] Xen. Hellen. iii, 4, 27.

[502] Диодор. xiv, 39, Юстин, vi, 1.

[503] Диодор. xiv, 79. Ῥόδιοι δὲ ἐκβαλόντες τὸν τῶν Πελοποννησίων στόλον, ἀπέστησαν ἀπὸ Λακεδαιμονίων, καὶ τὸν Κόνωνα προσεδέξαντο μετὰ τοῦ στόλου παντὸς εἰς τὴν πόλιν.

Сравните Андротион apud Pausaniam, vi, 7, 2.

[504] Диодор. xiv, 79; Юстин (vi, 2) называет этого исконно египетского царя *Герсинионом*.

По-видимому, это была единая практика, когда корабли с кукурузой, идущие из Египта в Грецию, останавливались на Родосе (Demosthen. cont. Dionysodor p. 1285: ср. Herodot. ii, 182).

[505] Xen. Hellen. iii, 4, 27.

[506] Плутарх, Agesil. с. 10; Aristotel. Politic. ii, 6, 22.

[507] Лакедемонянин по имени Фаракс, упоминаемый Феопомпом (Fragm. 218, ed. Didot: compare Athenæus, xii, p. 536) как распутный и экстравагантный человек, скорее всего, офицер, служивший под началом Дионисия в Сицилии и Италии, примерно через сорок лет после восстания Родоса. Разница во времени настолько велика, что мы, вероятно, должны предположить двух разных людей, носящих одно и то же имя.

[508] Xen. Hellen. i, 5, 19.

Сравните аналогичный пример милосердного отношения сиракузского собрания к сикельскому князю Дукетию (Diodor. xi, 92).

[509] Hist. of Greece, Vol. VIII, Ch. lxiv, p. 159.

[510] Павсаний, vi, 7, 2.

[511] Xen. Hellen. iii, 4, 28, 29; Плутарх, Agesil. с. 10.

[512] Xen. Hellen. iv, 1, 1-15.

Переговоры Агесилая об этом браке любопытно и интересно описаны Ксенофонтom. Его разговор с Отисом происходил в присутствии тридцати спартанских советников и, вероятно, в присутствии самого Ксенофонта.

Привязанность Агесилая к юноше Мегабазу или Мегабату отмечена в "Эллинике" (iv, 1, 6-28), но более ярко она выражена в "Агесилае" Ксенофонта (v, 6) и в "Агесилае" Плутарха (Agesil. с. 11).

Во время отступления десяти тысяч греков (за пять лет до этого) вдоль южного побережья Эвксинского моря упоминается пафлагонский князь по имени Корилас (Xen. Anab. v, 5, 22; v, 6, 8). Был ли это не один пафлагонский князь - или Отис был преемником Кориласа - мы сказать не можем.

[513] Xen. Hellen. iv, 1, 16-33.

[514] Плутарх, Agesil. с. 11. πικρὸς ὢν ἐξεταστὴς τῶν κλαπέντων, etc.

[515] Xen. Hellen. iv, 1, 27; Плутарх, Agesil. с. 11.

Поскольку бегство Спитридата произошло тайно ночью, сцена, которая, по утверждению Плутарха, произошла между Агесилаем и Мегабазом, не могла иметь место при отъезде последнего, а должна была относиться к какому-то другому случаю; так, по-видимому, ее представляет Ксенофонт (Agesil. v, 4).

[516] Xen. Hellen. iv, 1, 38. Ἐὰν μέντοι μοι τὴν ἀρχὴν προστάτῃ, τοιοῦτόν τι, ὡς ἔοικε, φιλοτιμία ἐστὶ, εὖ χρὴ εἰδέναι, ὅτι πολεμήσω ὑμῖν ὡς ἂν δύνωμαι ἄριστα.

Сравните о φιλοτιμία, Herodot. iii, 53.

[517] Xen. Hellen. iv, 1, 29-41; Плутарх, Agesil. с. 13, 14; Xen. Agesil. iii, 5.

[518] Xen. Hellen. iv, 1, 40. πάντ' ἐποίησεν, ὅπως ἂν δι' ἐκεῖνον ἐγκριθείη εἰς τὸ στάδιον ἐν Ὀλυμπίᾳ, μέγιστος ὢν παίδων.

[519] Плутарх, Agesil. с. 5-13.

[520] Xen. Hellen. iv, 1, 41; Xen. Agesil. i, 35-38; Плутарх, Agesil. с. 14, 15; Isokrates, Or. v, (Philipp.) s. 100.

[521] Сравните Diodor. xv, 41 *ad fin.*; и Thucyd. viii, 45.

[522] Исократ (Or. viii, De Pace, s. 82) упоминает о "многих посольствах", отправленных Афинами к персидскому царю в знак протеста против лакедемонского владычества. Но эта миссия Конона - единственная, которую мы можем подтвердить, до битвы при Книде.

Вероятно, одним из спутников Конона в этой миссии был Деннис, сын Пириламписа, выдающийся гражданин и триерарх Афин. Он упоминается в оратории Лисия как получивший от великого царя в подарок золотую чашу для питья или *φιάλη*; и я не знаю, по какому еще случаю он мог получить ее, кроме как в этом посольстве (Lysias, Or. xix, De Bonis Aristoph. s. 27).

[523] Xen. Hellen. iv, 8, 6.

[524] Меры Конона и операции, предшествовавшие битве при Книде, известны нам очень плохо; но мы можем собрать их в целом из Диодора, xiv, 81; Юстина, vi, 3, 4; Корнелия Непоса, Vit. Conon. c. 2, 3; Ктесийского фрагмента, с. 62, 63, ed. Bähr.

Исократ (Orat. iv, (Panegy.) s. 165; ср. Orat. ix, (Euagor.) s. 77) неопределенно говорит о продолжительности времени, в течение которого персидский флот оставался блокированным лакедемонянами до того, как Конон получил от Артаксеркса окончательный и решительный приказ, если только мы не будем понимать его *три года* как относящиеся к первым известиям о снаряжении военных кораблей в Финикии, доставленных в Спарту Иродасом, как их понимает Шнейдер; и даже тогда утверждение, что персидский флот оставался *πολιόρκοῦμενον* все это время, было бы сильно преувеличено. Однако, если не принимать во внимание преувеличения, Исократ в целом совпадает с вышеупомянутыми авторитетами.

Похоже, что врач Ктесий примерно в это время получил разрешение покинуть персидский двор и вернуться в Грецию. Возможно, его побудили (как и Демокеда Кротонского за сто двадцать лет до этого) пропагандировать взгляды Конона, чтобы получить для себя это разрешение.

В скудном отрывке из Ктесия, приведенном Фотием (с. 63), упоминается о неких лакедемонских посланниках, которые направлялись к персидскому двору и были замечены или задержаны по дороге. Эта миссия вряд ли могла состояться до битвы при Книде; ведь тогда Агесилай был в полном разгаре успеха и обдумывал самые масштабные планы агрессии против Персии. Я полагаю, что это должно было произойти после битвы.

[525] Isokrates, Or. ix, (Euagoras) s. 67. Εὐαγόρου δὲ αὐτόν τε παρασχόντος, καὶ τῆς δυνάμεως τὴν πλείστην παρασκευάσαντος. Сравните с 83-й строкой того же оратора. Сравните Павсаний, i, 3, 1.

[526] Diodor. xiv, 83. διέτριβον περὶ Λώρυμα τῆς Χερσονήσου.

Едва ли необходимо отмечать, что слово *Херсонес* здесь (и в xiv, 89) означает не Фракийский полуостров, обычно известный под этим названием, образующий европейскую сторону Геллеспонта, а полуостров, на котором расположен Книд.

[527] Pausan. vi, 3, 6. περὶ Κνίδον καὶ ὄρος τὸ Δώριον ὀνομαζόμενον.

[528] Xen. Hellen. iv, 3, 12. Φαρνάβαζον, ναύαρχον ὄντα, ξὺν ταῖς Φοινίσσαις εἶναι. Κόνωνα δὲ, τὸ Ἑλληνικὸν ἔχοντα, τετάχθαι ἔμπροσθεν αὐτοῦ. Ἀντιπαταξαμένου δὲ τοῦ Πεισάνδρου, καὶ πολλὸν ἐλαττόνων αὐτῷ τῶν νεῶν φανεισῶν τῶν αὐτοῦ τοῦ μετὰ Κόνωνος Ἑλληνικοῦ, и т.д.

[529] Xen. Hellen. iv, 3, 10-14; Diodor. xiv, 83; Cornelius Nepos, Conon, c. 4; Justin, vi, 3.

[530] Фукид. v, 52.

[531] Xen. Hellen. i, 2, 18.

[532] Диодор. xiv, 38; Полиэн. ii, 21.

[533] Diodorus, *ut sup.*; ср. xiv, 81. τοὺς Τραχινίους φεύγοντας ἐκ τῶν πατρίδων ὑπὸ Λακεδαιμονίων и др.

[534] Xen. Hellen. iii, 5, 1. Πέμπει Τιμοκράτην Ῥόδιον εἰς τὴν Ἑλλάδα, δοὺς χρυσίον ἐς πεντήκοντα τάλαντα ἀργυρίου, καὶ κελεύει πειρᾶσθαι, πιστὰ τὰ μέγιστα λαμβάνοντα, διδόναι τοῖς προεστηκόσιν ἐν ταῖς πόλεσιν, ἐφ' ᾧ τε πόλεμον ἐξοίσειν πρὸς Λακεδαιμονίους.

Тимократу приказано дать деньги, но не абсолютно, а только на определенном условии, в случае если он найдет, что это условие может быть выполнено; то есть если, дав деньги, он сможет получить от различных ведущих греков достаточные заверения и гарантии, что они поднимут войну против Спарты. Поскольку этот вопрос был более или менее сомнительным, Тимократу приказано *попытааться дать деньги для этой цели*. Хотя конструкция слова πειρᾶσθαι объединяет его с διδόναι, смысл слова более правильно передается словом ἐξοίσειν, которое обозначает цель, которая должна быть достигнута.

[535] Xen. Hellen. iii, 5, 2; Pausan. iii, 9, 4; Plutarch, Artaxerxes, c. 20.

[536] Xen. Hellen. iii, 4, 26.

[537] Xen. Hellen. iv, 8, 16.

[538] Xen. Hellen. iii, 5, 2. Οἱ μὲν δὴ δεξάμενοι τὰ χρήματα ἐς τὰς οἰκείας πόλεις διέβαλλον τοὺς Λακεδαιμονίους- ἐπεὶ δὲ ταύτας ἐς μῖσος αὐτῶν προήγαγον, συνίστασαν καὶ τὰς μεγίστας πόλεις πρὸς ἀλλήλας.

[539] Ксенофонт, *ut sup.*

Павсаний (iii, 9, 4) называет некоторых афинян как получивших часть денег. Плутарх тоже в общих чертах (Agasil. c. 15).

Диодор ничего не упоминает ни о миссии, ни о подарках Тимократа.

[540] Πόλεμος Βοιωτικός (Diodor. xiv, 81).

[541] Ксенофонт (Hellen. iii, 5, 3) говорит, - а Павсаний (iii, 9, 4) следует за ним, - что фиванские вожди, желая вызвать войну со Спартой и зная, что Спарта ее не начнет, специально подстрекали локрийцев к посягательству на эту спорную границу, чтобы фокийцы возмутились и таким образом разгорелась война. Я без колебаний отвергаю эту версию, которая, как я полагаю, возникла из-за фило-лаконских и мизо-фиванских наклонностей Ксенофонта, и считаю, что борьба между локрийцами и фокейцами, как и между фокейцами и фиванцами, возникла без какого-либо намерения последних спровоцировать Спарту. Так Диодор рассказывает о войне между фокейцами и фиванцами, а о локрийцах он ничего не говорит (xiv, 81).

Последующие события, о которых рассказывает сам Ксенофонт, показывают, что спартанцы были готовы не только силой, но и желанием вступить в войну с фиванцами, в то время как последние вовсе не были готовы к войне со Спартой. У них не было ни одного союзника, так как их обращение к Афинам, само по себе сомнительное, было сделано только после того, как Спарта объявила им войну.

[542] Xen. Hellen. iii, 5, 5. Οἱ μέντοι Λακεδαιμόνιοι ἄσμενοι ἔλαβον πρόφασιν στρατεύειν ἐπὶ τοὺς Θηβαίους, πάλαι ὀργιζόμενοι αὐτοῖς, τῆς τε ἀντιλήψεως τῆς τοῦ Ἀπόλλωνος δεκάτης ἐν Δεκελείᾳ, καὶ τοῦ ἐπὶ τὸν Πειραιᾶ μὴ ἐθελῆσαι ἀκολουθῆσαι- ἥτιώντο δ' αὐτοὺς, καὶ Κορινθίους πείσαι μὴ συστρατεύειν. Ἀνεμνησκοντο δὲ καὶ, ὡς θύοντ' ἐν Αὐλίδι τὸν Ἀγησίλαον οὐκ εἶων, καὶ τὰ τεθυμένα ἱερὰ ὡς ἔρριψαν ἀπὸ τοῦ βωμοῦ- καὶ ὅτι οὐδ' εἰς τὴν Ἀσίαν συνεστράτευον Ἀγησίλαῳ. Ἐλογίζοντο δὲ καὶ καλὸν εἶναι τοῦ ἐξάγειν στρατιάν ἐπ' αὐτοὺς, καὶ παῦσαι τῆς ἐς αὐτοὺς ὕβρεως- τά τε γὰρ ἐν τῇ Ἀσίᾳ καλῶς σφίσιν ἔχειν, κρατοῦντος Ἀγησίλαου, καὶ ἐν τῇ Ἑλλάδι οὐδένα ἄλλον πόλεμον ἐμποδῶν σφίσιν εἶναι. Сравните vii, 1, 34.

Описание, данное здесь самим Ксенофонтом, - прошлых отношений и установившихся настроений между Спартой и Фивами - опровергает его утверждение, что именно взятки, принесенные Тимократом ведущим фиванцам, впервые взорвали ненависть к Спарте; и показывает далее, что Спарте не нужны были никакие обходные маневры фиванцев, чтобы снабдить ее предложением для вступления в войну.

[543] Плутарх, Лисанд. с. 28.

[544] Xen. Hellen. iii, 5, 6, 7.

[545] Xen. Hellen. iii, 5, 23.

Поведение коринфян здесь еще раз опровергает утверждение Ксенофонта о действии взяток Тимократа.

[546] Павсаний, ix, 11, 4.

[547] Ксен. Hellen. iii, 5, 9.

Πολὺ δ' ἔτι μᾶλλον ἀξιοῦμεν, ὅσοι τῶν ἐν ἄστει ἐγένεσθε, προθύμως ἐπὶ τοὺς Λακεδαιμονίους ἰέναι. Ἐκεῖνοι γὰρ, καταστήσαντες ὑμᾶς ἐς ὀλιγαρχίαν καὶ ἐς ἔχθραν τῷ δήμῳ, ἀφικόμενοι πολλῇ δυνάμει, ὡς ὑμῖν σύμμαχοι, παρέδοσαν ὑμᾶς τῷ πλήθει· ὥστε τὸ μὲν ἐπ' ἐκείνοις εἶναι, ἀπολώλατε, ὁ δὲ δῆμος οὐτοσὶ ὑμᾶς ἔσωσε.

[548] Xen. Hellen. iii, 5, 9, 16.

[549] Demosthen. de Coronâ, с. 28, р. 258; также Philipp. i, с. 7, р. 44. Сравните также Лисий, Orat. xvi, (pro Mantitheo, s. 15).

[550] Xen. Hellen. iii, 5, 16. Τῶν δ' Ἀθηναίων παμπόλλοι μὲν συνηγόρευον, πάντες δ' ἐψηφίσαντο βοηθεῖν αὐτοῖς.

[551] Xen. Hellen. *ut sup.*

Павсаний (iii, 9, 6) говорит, что афиняне отправили посланников к спартанцам, чтобы убедить их не предпринимать агрессивных действий против Фив, а предоставить их жалобу для справедливого урегулирования. Это кажется мне неправдоподобным. Диодор (xiv, 81) кратко излагает общий факт в соответствии с Ксенофонтом.

[552] Xen. Hellen. iii, 5, 17; Плутарх, Lysand. с. 28.

[553] Thucyd. iv, 89. γενομένης διαμαρτίας τῶν ἡμερῶν, etc.

[554] Xen. Hellen. iii, 5, 18, 19, 20; Плутарх, Lysand. с. 28, 29; Pausan. iii, 5, 4.

Два последних отличаются в различных вопросах от Ксенофонта, чей рассказ, хотя и краткий, кажется мне заслуживающим предпочтения.

[555] Xen. Hellen. iii, 5, 21. ἀπεληλυθότας ἐν νυκτὶ τοὺς τε Φωκέας καὶ τοὺς ἄλλους ἅπαντας οἴκαδε ἐκάστους, etc.

[556] Lysias, Or. xvi, (pro Mantitheo) s. 15, 16.

[557] Соответственно, из оратории Лисия мы узнаем, что служба афинских всадников в этой экспедиции, которой командовал Ортобул, была признана чрезвычайно безопасной и легкой, а гоплитов - опасной (Lysias, Orat. xvi, pro Mantith. s. 15).

[558] Xen. Hellen. iii, 5, 23. Κορίνθιοι μὲν παντάπασιν οὐκ ἠκολούθουν αὐτοῖς, οἱ δὲ παρόντες οὐ προθύμως στρατεύοντο, и т. д.

[559] См. поведение фиванцев по этому вопросу (отдача убитых по просьбе побежденных афинян для погребения) после битвы при Делиуме и обсуждение этого вопроса - в "Истории", т. VI, гл. liii, с. 393 и далее.

[560] Xen. Hellen. iii, 5, 24. Οἱ δὲ ἄσμενοί τε ταῦτα ἤκουσαν и т. д.

[561] Xen. Hellen. iii, 5, 24.

[562] Xen. Hellen. vi, 4, 5.

[563] Путешественник Павсаний оправдывает благоразумие своего царственного тезки, избегавшего сражения, тем, что афиняне были у него в тылу, а фиванцы - впереди, и что он боялся нападения сразу с двух сторон, как Леонид при Фермопилах и как войска, окруженные в Сфактерии (Paus. iii, 5, 5).

Но факт, на котором основывается это оправдание, опровергается Ксенофонтom, который говорит, что афиняне действительно присоединились к фиванцам и были в тех же рядах - ἐλθόντες συμπαρετάξαντο (Hellen. iii, 5, 22).

[564] Xen. Hellen. iii, 5, 25. Καὶ ὅτι τὸν δῆμον τῶν Ἀθηναίων λαβὼν ἐν τῷ Πειραιεῖ ἀνῆκε и т. д. Сравните Павсаний, iii, 5, 3.

[565] Павсаний, ix, 32, 6.

[566] Ephorus, Fr. 127, ed. Дидо; Плутарх, Лисандр, с. 30.

[567] Диодор. xiv, 81, 82; Xen. Hellen. iv, 2, 17.

[568] Xen. Hellen. v, 2, 36. Ὁ δ' (Ismenias) ἀπελογεῖτο μὲν πρὸς πάντα ταῦτα, οὐ μέντοι ἔπειθέ γε τὸ μὴ οὐ μεγαλοπράγμων τε καὶ κακοπράγμων εἶναι.

Из двух аллюзий у Платона трудно что-либо понять, кроме того, что Исмений был богатым и влиятельным человеком (Plato, Menon, p. 90 B; Republ. i. p. 336 A.).

[569] Диодор. xiv, 82; Xen. Hellen. iv, 3, 3; Xen. Agesil. ii, 2.

[570] Диодор. xiv, 38-82.

[571] Ксеноф. Hellen. iii, 5, 6.

[572] Диодор. xiv, 82.

[573] Ксен. Hellen. iv, 2, 16. Ксенофонт приводит эту цифру в шесть тысяч человек, как если бы она относилась *только* к лакедемонянам. Но если мы последуем его рассказу, то увидим, что в армии, несомненно, были войска Тегеи, Мантинеи и ахейских городов (возможно, и некоторых других аркадских городов), присутствовавших в битве (iv, 2, 13, 18, 20). Можем ли мы предположить, что Ксенофонт хотел включить *этих* союзников в число шести тысяч вместе с лакедемонянами, что, несомненно, является большим числом для одних только лакедемонян? Если не признать это предположение, то не остается иного выхода, кроме как предположить упущение либо самого Ксенофонта, либо переписчика; что, собственно, Гейл и другие и предполагают. В целом, я думаю, что они правы, так как количество гоплитов с обеих сторон в противном случае было бы непомерно неравным; в то время как Ксенофонт не говорит ничего, что бы намекало на то, что лакедемонская победа была одержана, несмотря на большой

недостаток численности, и даже кое-что, что подразумевает, что она должна была быть почти равной (iv, 2, 13), - хотя он всегда склонен хвалить Спарту, где только может.

[574] Из отрывка, который встречается несколько позже (iv, 4, 15), мы можем заподозрить, что это было оправдание, и что флиасийцы не очень хорошо относились к Спарте. Сравните аналогичный случай оправдания, приписываемый мантинейцам (v, 2, 2).

[575] Диодор (xiv, 83) называет общую численность лакедемонян - двадцать три тысячи пеших и пятьсот конных, но не перечисляет их. На стороне конфедерации он называет более пятнадцати тысяч пеших и пятисот конных (с. 82).

[576] Xen. Hellen. iv, 2, 17. Καὶ ψιλὸν δὲ, ξὺν τοῖς τῶν Κορινθίων, πλεόν ἦν и т. д. Сравните Hesychius, v, Κυνόφαλοι; Welcker, Præfat. ad. Theognidem, p. xxxv; K. O. Müller, History of the Dorians, iii, 4, 3.

[577] Xen. Hellen. iv, 2, 13; ср. iv, 2, 18, где он говорит о фиванцах -ἀμελήσαντες τοῦ ἐς ἑκκαίδεκα, βαθεῖαν παντελῶς ἐποίησαντο τὴν φάλαγγα и т. д, что подразумевает и намекает на принятое ранее решение.

[578] Xen. Hellen. iv, 2, 11, 12.

[579] Xen. Hellen. iv, 2, 14, 15.

В этом отрывке, -καὶ οἱ ἕτεροι μέντοι ἐλθόντες κατεστρατοπεδεύσαντο, ἔμπροσθεν ποιησάμενοι τὴν χαράδραν, - я полагаю, что ἀπελθόντες (который санкционируется четырьмя MSS, и предпочтительно для Леунклавиуса) является правильным чтением, вместо ἐλθόντες. Ибо кажется несомненным, что марш конфедератов был отступлением, и что битва произошла очень близко к стенам Коринфа; поскольку побежденные войска искали убежища в городе, а лакедемонские преследователи были так близко к ним, что коринфяне внутри боялись держать открытыми ворота. Поэтому мы должны отвергнуть утверждение Диодора о том, что битва произошла на берегу реки Немей (xiv, 83), как ошибочное.

В описании лакедемонского похода, которое дает Ксенофонт, есть некоторые трудности и неясности. Его слова: ἐν τούτῳ οἱ Λακεδαιμόνιοι, καὶ δὴ Τεγεάτας παρειληφότες καὶ Μαντινέας, ἐξήεσαν τὴν ἀμφιάλον. Эти три последних слова не имеют удовлетворительного объяснения. Вайске и Шнайдер трактуют τὴν ἀμφιάλον (очень справедливо) как обозначение области, лежащей непосредственно на пелопоннесской стороне Коринфского перешейка и имеющей Саронический залив с одной стороны и Коринфский залив с другой; в нее входил и Сикион. Но тогда было бы неверно говорить, что "лакедемоняне ушли бимаринным путем". Напротив, верно то, что "они вышли на бимаринскую дорогу или область", - что, однако, требует предлога -ἐξήεσαν εἰς τὴν ἀμφιάλον. Штурц в своем Лексиконе (v. ἐξιέναι) переводит τὴν ἀμφιάλον-viam ad mare - что кажется необычным смыслом этого слова, если только не приведены примеры в его поддержку; и даже если бы примеры были приведены, мы не видим, почему путь из Спарты в Сикион должен называться этим именем; это более правильно относилось бы к дороге из Спарты вниз по Евротасу в Гелос.

Опять же, мы не знаем точно положение пункта или района, называемого τὴν Ἐπιεικίαν (упоминается снова, iv, 4, 13). Но из карты видно, что когда конфедераты были в Немее, а лакедемоняне в Сикионе, первые должны были быть расположены точно так, чтобы перехватить соединение контингентов из Эпидавра, Трезена и Гермियोны с лакедемонским войском. Чтобы обеспечить это соединение, лакедемоняне должны были проложить себе путь через гористую местность, которая находится рядом с Клеоной и Немеей, и пройти по линии, направленной от Сикиона вниз к Сароническому заливу. Достигнув другой стороны этих гор у моря, они получили бы сообщение с Эпидавром и другими городами Арголического полуострова.

Линия похода, которую лакедемоняне, естественно, выбрали бы из Спарты в Сикион и Лехей, через Тегею, Мантинею, Орхомен и т. д., описана два года спустя в случае с Агесилаем (iv, 5, 19).

[580] Xen. Hellen. iv, 2, 18. Окраска, которую Ксенофонт придает этому шагу, вряд ли справедлива по отношению к фиванцам, как это постоянно происходит во всей его истории. Он говорит, что "они не спешили сражаться" (οὐδέν τι κατήπειγον τὴν μάχην ξυνάπτειν) до тех пор, пока находились слева, против лакедемонян справа; но как только они оказывались справа (против ахейцев слева), они сразу же давали слово. Не похоже, что фиванцы имели какие-то большие привилегии в тот день, когда они были справа, чем аргейцы или афиняне, когда каждый из них был справа соответственно. Было определено, что командование находится в правом отделении, и этот пост переходил от одного к другому; почему афиняне или аргейцы не воспользовались этим постом, чтобы отдать приказ об атаке, мы не можем объяснить.

И еще Ксенофонт говорит, что, несмотря на постановление военного совета о том, что фиванцы должны располагаться на шестнадцати глубинах и не более, фиванцы сделали их гораздо глубже. Однако, судя по его собственному рассказу, эта большая глубина не привела ни к каким плохим последствиям.

[581] См. поучительное описание битвы при Мантинее в Thucyd. v, 71.

[582] Xen. Hellen. iv, 2, 20-23.

Упоминание об этом инциденте у Демосфена (Adv. Leptinem, с. 13, р. 472) интересно, хотя и нечетко.

[583] Xen. Hellen. iv, 2, 19. καὶ γὰρ ἦν λάσιον τὸ χωρίον - что иллюстрирует выражение в Lysias, Orat. xvi, (pro Mantitheo) s. 20. ἐν Κορίνθῳ χωρίων ἰσχυρῶν κατελημμένων.

[584] Lysias, Orat. xvi, (pro Mantitheo) s. 19.

Платон в своей панегирической речи (Menexenus, с. 17, р. 245 E.) приписывает поражение и гибель афинян "плохой земле" - χρησαμένων δυσχωρίᾳ.

[585] Diodor. xiv, 83.

Утверждение Ксенофонта (Agesil. vii, 5), что на стороне конфедератов было убито около десяти тысяч человек, является явным преувеличением; если, конечно, чтение верно.

[586] Xen. Agesil. i, 37; Плутарх, Agesil. с. 15. Корнелий Непос (Agesilaus, с. 4) почти переводит Агесилая Ксенофонта; но мы можем лучше почувствовать силу его панегирика, если вспомним, что он лично наблюдал неповиновение Юлия Цезаря в своей провинции приказам сената, и что всемогущество Силлы и Помпея в их провинциях было тогда делом недавней истории. "Cujus exemplum (говорит Корнелий Непос об Агесилае) utinam imperatores nostri sequi voluissent!".

[587] Xen. Hellen. iv, 2, 2-5; Xen. Agesil. i, 38; Плутарх, Agesil. с. 16.

[588] Xen. Hellen. iii, 4, 24.

[589] Ксеноф. Agesil. vii, 5; Плутарх, Agesil. с. 16.

[590] Xen. Hellen. iv, 2, 4-9; Diodor. xiv, 83.

[591] Плутарх (Agesil. с. 17; ср. также Plutarch, Apophth. р. 795, как исправлено Morus ad Xen. Hellen. iv, 3, 15) говорит о двух *морæ* или полках, присоединившихся к Агесилаю из Коринфа; Ксенофонт

υποминает только об одном, кроме той того, которая стояла гарнизоном в Орхомене (Hellen. iv, 3, 15; Agesil. ii, 6).

[592] Ксен. Hellen. iv, 3, 13.

Ὁ μὲν οὖν Ἀγησίλαος πυθόμενος ταῦτα, τὸ μὲν πρῶτον χαλεπῶς ἔφερεν- ἐπεὶ μέντοι ἐνεθυμήθη, ὅτι τοῦ στρατεύματος τὸ πλεῖστον εἴη αὐτῷ, οἷον ἀγαθῶν μὲν γιγνομένων ἡδέως μετέχειν, εἰ δέ τι χαλεπὸν ὀρῶεν, οὐκ ἀνάγκην εἶναι κοινωνεῖν αὐτοῖς и т. д.

Эти косвенные намеки на реальный нрав даже фило-спартанских союзников по отношению к Спарте очень ценны, когда исходят от Ксенофонта, так как противоречат всем его пристрастиям, и опущены здесь почти неохотно, из-за необходимости оправдать поведение Агесилая в публикации ложного воззвания к своей армии.

[593] Lysias, Orat. xvi, (pro Mantitheo) s. 20. φοβουμένων ἀπάντων εἰκότως и т. д.

[594] Плутарх, Agesil. с. 19.

[595] Xen. Hellen. iv, 3, 17. ἀντεξέδραμον ἀπὸ τῆς Ἀγησιλάου φάλαγγος, etc.

[596] Xen. Hellen. iv, 3, 19; Xen. Agesil. ii, 12.

[597] Xen. Hellen. iv, 3, 16; Xen. Agesil. ii, 9.

Διηγῆσομαι δὲ καὶ τὴν μάχην- καὶ γὰρ ἐγένετο οἷα οὐκ ἄλλη τῶν γ' ἐφ' ἡμῶν.

[598] Xen. Hellen. iv, 3, 19; Xen. Agesil. ii, 12.

Καὶ συμβαλόντες τὰς ἀσπίδας ἐωθοῦντο, ἐμάχοντο, ἀπέκτεινον, ἀπέθνησκον. Καὶ κραυγὴ μὲν οὐδεμία παρῆν, οὐ μὴν οὐδὲ σιγὴ- φωνὴ δὲ τις ἦν τοιαύτη, οἷαν ὀργή τε καὶ μάχη παράσχοιτ' ἄν.

[599] Xen. Agesil. ii, 13. Ὁ δὲ, καίπερ πολλὰ τραύματα ἔχων πάντοσε καὶ παντοίοις ὅπλοις, etc.

Плутарх, Agesil. с. 18.

[600] Xen. Hellen. iv, 3, 19; Xen. Agesil. ii, 12.

[601] Xen. Agesil. ii, 14. Ἐπεὶ γε μὴν ἔληξεν ἡ μάχη, παρῆν δὴ θεάσασθαι ἔνθα συνέπεσον ἀλλήλοις, τὴν μὲν γῆν αἵματι πεφυρμένην, νεκροὺς δὲ κειμένους φιλίους καὶ πολεμίους μετ' ἀλλήλων, ἀσπίδας δὲ διατεθρυμμένας, δόρατα συντεθραυσμένα, ἐγχειρίδια γυμνὰ κουλεῶν τὰ μὲν χαμαί, τὰ δ' ἐν σώμασι, τὰ δ' ἔτι μετὰ χειρός.

[602] Xen. Agesil. ii, 15. Τότε μὲν οὖν (καὶ γὰρ ἦν ἤδη ὀψέ) συνελκύσαντες τοὺς τῶν πολεμίων νεκροὺς εἴσω φάλαγγος, ἐδειπνοποίησαντο καὶ ἐκοιμήθησαν.

Шнайдер в своем примечании к этому отрывку, а также ad. Xen. Hellen. iv, 3, 21 - осуждает выражение τῶν πολεμίων как надуманное и невразумительное. Но, по моему мнению, в этих словах слышится простой и подходящий смысл, который я постарался передать в тексте. Сравните Плутарх, Agesil. с. 19.

[603] Диодор. xiv, 84.

[604] Xen. Hellen. iv, 3, 21; Плутарх, Agesil. с. 19. Последний говорит-εἰς Δελφοὺς ἀπεκομίσθη Πυθίων ἀγομένων и т. д. Мансо, д-р Арнольд и другие оспаривают точность Плутарха в этом утверждении

относительно времени года, в которое праздновались пифийские игры, на основаниях, которые кажутся мне весьма недостаточными.

[605] Xen. Hellen. iv, 3, 22, 23; iv. 4, 1.

[606] Плутарх, Agesil. с. 17, 20; Xen. Hellen. v, 3, 20.

[607] Плутарх, Agesil. с. 17. Cornelius Nepos, Agesil. с. 4. "Obsistere ei conati sunt Athenienses et Boeoti" и т. д. Им удалось преградить ему путь и заставить отступить.

[608] Ксеноф. Hellen. iv, 8, 1-5.

[609] Ксен. Hellen. iv, 8, 1-3; Diodor. xiv, 84. О Самосе, xiv, 97.

Сравните также речь Деркиллида к абиденцам (Xen. Hellen. iv, 8, 4) "Ὅσῳ δὲ μᾶλλον αἱ ἄλλαι πόλεις ξὺν τῇ τύχῃ ἀπεστράφησαν ἡμῶν, τοσούτῳ ὄντως ἡ ὑμετέρα πιστότης μείζων φανείη ἄν, etc.

[610] Ἐκ γὰρ Ἀβύδου, τῆς τὸν ἅπαντα χρόνον ὑμῖν ἔχθρας - говорит Демосфен в афинском собрании (cont. Aristokrat. с. 39, p. 672; ср. с. 52, p. 688).

[611] Xen. Hellen. iv, 3, 2.

[612] Лисандр, после победы при Игоспотамах и изгнания афинян из Сестоса, выделил этот город и район в качестве поселения для лоцманов и келеустов, находившихся на борту его флота. Но эфоры, как говорят, отменили это назначение и вернули город сестийцам (Плутарх, Lysand. с. 14). Вероятно, однако, что новые поселенцы частично останутся на землях, освобожденных изгнанными афинянами.

[613] Xen. Hellen. iv, 8, 4-6.

[614] См. "Маршрут по Греции" сэра Уильяма Гелла, стр. 4. Ernst Curtius-Peloponnesos-p. 25, 26, и Thucyd. i, 108.

[615] Xen. Hellen. iv, 8, 7, 8; Diodor. xiv, 84.

[616] Xen. Hellen. iv, 8, 9, 10.

[617] Xen. Hellen. iv. 8, 10; Diodor. xiv. 85.

Корнелий Непос (Conon, с. 4) упоминает пятьдесят талантов как сумму, полученную Кононом от Фарнабаза в качестве подарка и посвященную им на эту общественную работу. Это неправдоподобно; но общая сумма, внесенная сатрапом на строительство укреплений, вероятно, была гораздо больше.

[618] Demosthen. cont. Androtion. p. 616. с. 21. Павсаний (i, 1, 3) все еще видел этот храм в Пейреусе - очень близко к морю; пятьсот пятьдесят лет спустя после этого.

[619] Demosthen. cont. Leptin. с. 16. p. 477, 478; Athenæus, i, 3; Cornelius Nepos, Conon, с. 4.

[620] Платон, Legg. vi, p. 778; καθεύδειν ἑᾶν ἐν τῇ γῇ κατακείμενα τὰ τεῖχη и т. д.

[621] Важность сохранения этих линий в качестве защиты Афин от вторжения из Спарты показана в Xen. Hellen. v, 4, 19, и Andokides, Or. iii, De Pace, s. 26.

[622] Harpokration, v. ξενικὸν ἐν Κορίνθῳ. Philochorus, Fragm. 150, ed. Didot.

[623] Lysias, Orat. xix, (De Bonis Aristophanis) s. 21.

[624] Xen. Hellen. iv, 8, 11.

[625] Xen. Hellen. iv, 4, 1; iv, 5, 1.

[626] Я не согласен с м-ром Файнсом Клинтоном, а также с М. Реданцем (Vitæ Iphicratis, etc., с. 4, который в основном соглашается с Annales Xenophontei Додвелла) в их хронологическом расположении этих событий.

Они помещают битву, проведенную Пракситом в длинных стенах Коринфа, в 393 г. до н. э., а разрушение Ификратом лакедемонской *моры* или разделения (месячная дата которого отмечена тем, что оно произошло сразу после Истмийских игр) - в 392 г. до н. э. Я помещаю первое событие в 392 г. до н. э.; второе - в 390 г. до н. э., сразу после Истмийских игр в 390 г. до н. э.

Если мы изучим повествование Ксенофонта, то обнаружим, что после описания (iv, 3) битвы при Коронее (август 394 г. до н.э.) с ее непосредственными последствиями и возвращения Агесилая домой, в следующей главе он переходит к рассказу о войне за землю около Коринфа, которую он ведет без перерыва (через главы 3, 4, 5, 6, 7 книги iv.) до 389 г. до н.э.

Но в главе 8 книги iv он оставляет сухопутную войну и переходит к морским операциям, начиная с битвы при Книде и после нее (авг. 394 г. до н. э.). Он рассказывает, как весной 393 года до н. э. Фарнабаз и Конон переправились через Эгейское море с мощным флотом и как после различных операций они привели флот в Саронический залив и Коринфский перешеек, куда они, должно быть, прибыли в середине лета 393 года до н. э. или ближе к его середине.

Теперь мне кажется несомненным, что эти действия Фарнабаза с флотом, о которых рассказывается в восьмой главе, по дате *предшествуют* мятежным движениям и *государственному перевороту* в Коринфе, о которых повествуется в четвертой главе. В то время, когда Фарнабаз находился в Коринфе в середине лета 393 года до н. э., рассказ Ксенофонта (iv, 8, 8-10) заставляет нас поверить, что коринфяне вели войну ревностно и без недовольства: деньги и поощрения, которые давал им Фарнабаз, должны были усилить это рвение. Именно с помощью этих денег коринфяне оснастили свой флот под командованием Агатина и на некоторое время получили морское господство в заливе.

Недовольство войной (о котором рассказывается в гл. 4 *и далее*) могло начаться только спустя значительное время после отъезда Фарнабаза. Они возникли по причинам, которые проявились только после длительного продолжения войны, - тяготы войны за землю, потери имущества и рабов, зависть к Аттике и Беотии как к незатронутым и т. д. Лакедемонские и пелопоннесские агрессивные силы в Сикионе не могли быть созданы раньше осени 394 г. до н.э. , и, скорее всего, были размещены там ранней весной 393 г. до н.э. Их воздействие было вызвано не одним большим ударом, а повторением опустошений и разрушительных раздражений; и все последствия, которые они произвели до середины лета 393 г. до н.э., были бы более чем компенсированы присутствием, дарами и поощрением Фарнабаза с его мощным флотом. Более того, после его ухода коринфяне тоже сначала добились успеха на море и получили командование в заливе, которое, однако, они удерживали не более года, если не больше. Поэтому маловероятно, что сильное недовольство войной началось раньше начала 392 года до н.э.

Учитывая все эти обстоятельства, я считаю разумным полагать, что *государственный переворот* и резня в Коринфе произошли (не в 393 году до н. э., как это делают г-н Клинтон и М. Реданц, а) в 392 году до н. э.; а битва в Длинных стенах - скорее позже в том же году.

Далее, мнение тех же двух авторов, а также Додуэлла о том, что разрушение лакедемонской *моры* Ификратом произошло весной 392 года до н. э., также, на мой взгляд, ошибочно. Если бы

это было так, то все события, упомянутые в Ксенофонте, iv, 4, нужно было бы упаковать в 393 год до н. э., что, на мой взгляд, невозможно. Если разрушение мора произошло не весной 393 года до н. э., то мы знаем, что оно не могло произойти до весны 390 года до н. э., то есть до следующих Истмийских игр, через два года после них. И это последнее будет считаться его истинной датой; таким образом, остается полное, но не слишком большое время для предшествующих событий.

[627] Плутарх, Дион. с. 53.

[628] Xen. Hellen. iv, 4, 2. Γνόντες δὲ οἱ Ἀργεῖοι καὶ Βοιωτοὶ καὶ Ἀθηναῖοι καὶ Κορινθίων οἱ τε τῶν παρὰ βασιλέως χρημάτων μετεσχηκότες, καὶ οἱ τοῦ πολέμου αἰτιώτατοι γεγενημένοι, ὥς, εἰ μὴ ἐκποδὼν ποιήσαιτο τοὺς ἐπὶ τὴν εἰρήνην τετραμμένους, κινδυνεύσει πάλιν ἡ πόλις λακωνίσαι-οὕτω δὴ καὶ σφαγὰς ἐπεχείρουν ποιεῖσθαι.

iv, 4, 4. Οἱ δὲ νεώτεροι, ὑποπτεύσαντος Πασιμήλου τὸ μέλλον ἔσεσθαι, ἡσυχίαν ἔσχον ἐν τῷ Κρανίῳ-ὥς δὲ τῆς κραυγῆς ἤσθοντο, καὶ φεύγοντές τινες ἐκ τοῦ πράγματος ἀφίκοντο πρὸς αὐτοῦς, ἐκ τούτου ἀναδραμόντες κατὰ τὸν Ἀκροκόρινθον, προσβαλόντας μὲν Ἀργεῖους καὶ τοὺς ἄλλους ἀπεκρούσαντο, etc.

[629] Thucyd. iii, 70.

[630] Диодор (xiv, 86) приводит это число, которое кажется очень достоверным. Ксенофонт (iv, 4, 4) говорит только о πολλοί.

[631] Рассказывая об этом чередовании планируемого и совершенного насилия, обращения к иностранному союзнику с одной стороны и измены закланному врагу с другой, - которое составляло *modus operandi* противоборствующих сторон в олигархическом Коринфе, - я предлагаю читателю сравнить его с демократическими Афинами.

В Афинах в начале Пелопоннесской войны действовали точно такие же причины и наблюдалось точно такое же выраженное противостояние партий, как и в Коринфе. Во-первых, значительное афинское меньшинство с самого начала выступало против войны со Спартой; во-вторых, когда началась война, владельцы Аттики увидели, что их земли разорены, и были вынуждены либо увести, либо потерять своих слуг и скот, так что они не получили никакой прибыли. Сильное недовольство, гневные жалобы, ожесточенный конфликт партий, которые эти обстоятельства вызвали среди афинских граждан, - не говоря уже о том, что все эти симптомы усугубила ужасная эпидемия, - отмечены Фукидидом и записаны в пятом томе этой истории. Не только позитивные потери и страдания, но и все другие причины, вызывающие отчаяние, были в Афинах в начале Пелопоннесской войны на более высоком уровне, чем в Коринфе в 392 году до нашей эры.

Но к каким последствиям они привели? Прибегло ли меньшинство к заговору, или большинство к *государственному перевороту*, или одно из них к приглашению иностранной помощи против другого? Ничего подобного. Перед меньшинством всегда был открыт путь мирной оппозиции, и шанс получить большинство в сенате или в общественном собрании, которое практически совпадало с мнением всех граждан. Их оппозиция, хотя и мирная в действиях, была достаточно оживленной и яростной в словах и предложениях, чтобы служить настоящей разрядкой для заключенных в тюрьму гневных страстей. Если они не могли добиться принятия своей общей политики, у них была возможность одержать частичные победы, которые снимали остроту яростного недовольства; свидетельство тому - штраф, наложенный на Перикла (Thucyd. ii, 65) за год до его смерти, который одновременно удовлетворил и смягчил антипатию к нему и вызвал вскоре после этого сильную реакцию в его пользу. С другой стороны, большинство понимало, что преобладание его политики зависит от сохранения власти над колеблющимся общественным собранием, от максимальной свободы дебатов и нападок, в рамках определенных форм и правил,

предписанных конституцией; привязанность к последней была кардинальным принципом политической морали в обеих партиях. Именно эта система исключала с обеих сторон мысль о вооруженном насилии. Она породила среди демократических граждан Афин ту характеристику, на которой настаивает Клеон в Фукидиде, - "постоянная и неустрашимая безопасность и отсутствие вероломной вражды друг с другом" (διὰ γὰρ τὸ καθ' ἡμέραν ἀδεὲς καὶ ἀνεπιβούλευτον πρὸς ἀλλήλους, καὶ ἐς τοὺς συμμαχοὺς τὸ αὐτὸ ἔχετε-Thus. iii, 37), полное отсутствие которого так ярко проявляется в этих плачевных делах олигархического Коринфа. У Пасимекла и его коринфского меньшинства не было ни собраний, ни дикастерий, ни ежегодного сената, ни постоянной привычки к свободным дебатам и обвинениям, к которым они могли бы апеллировать; их единственным доступным оружием было вооруженное насилие или вероломная переписка с иностранным врагом. Со стороны коринфского правительства единственным оружием защиты была превосходящая или более умело используемая сила, или превосходящий союз за границей.

Я вернусь к этому вопросу в одной из следующих глав, где более подробно рассмотрю характер афинян.

[632] Диодор. xiv, 86; Xen. Hellen. iv, 4, 5.

[633] Xen. Hellen. iv, 4, 8. καὶ κατὰ τύχην καὶ κατ' ἐπιμέλειαν, etc.

[634] Xen. Hellen. iv, 4, 8. Ничто не может более убедительно показать лаконскую предвзятость Ксенофонта, чем заслуга, которую он воздает Пасимии за его добрую волю по отношению к лакедемонянам, которых он впускал, не замечая или одобряя его вероломное предательство по отношению к своим соотечественникам, когда он таким образом открывал ворота, за которыми ему было доверено следить. τὼ δ' εἰσηγαγέτην, καὶ οὕτως ἀπλῶς ἀπεδείξατήν, ὥστε ὁ εἰσελθὼν ἐξηγγεῖλε, πάντα εἶναι ἀδόλως, οἷάπερ ἐλεγέτην.

[635] Xen. Hellen. iv, 4, 10. Καὶ τοὺς μὲν Σικυωνίους ἐκράτησαν καὶ διασπάσαντες τὸ σταύρωμα ἐδίωκον ἐπὶ θάλασσαν, καὶ ἐκεῖ πολλοὺς αὐτῶν ἀλέκτειναν.

Отсюда следует, что в Лехейме должна была быть открытая часть или пространство, отделенное от стены, опоясывающей Лехейм (но примыкающее к ней), но все же находящееся в пределах Длинных стен. В противном случае беглые сикионцы вряд ли смогли бы добраться до моря.

[636] Xen. Hellen. iv, 4, 12. Οὕτως ἐν ὀλίγῳ πολλοὶ ἔπεσον, ὥστε εἰθισμένοι ὀρᾶν οἱ ἄνθρωποι σωροὺς σίτου, ξύλων, λίθου, τότε ἐθεάσαντο σωροὺς νεκρῶν.

Форма речи единственного числа.

[637] Диодор (xiv, 87) сообщает, что лакедемоняне по этому случаю захватили и удержали Лехей, разгромив все конфедераты, вышедшие из Коринфа, чтобы снова взять его. Но его рассказ обо всех этих обстоятельствах существенно отличается от рассказа Ксенофонта, которому я здесь отдаю предпочтение, делая поправку на большую пристрастность, а также на большую путаницу и неясность.

Ксенофонт ясно дает нам понять, что Лехейм был захвачен лакедемонянами *только* в следующем году, Агесилаем и Телеутией.

Следует помнить, что у Ксенофонта были особые возможности узнать, что сделал Агесилай, и поэтому он заслуживает похвалы в этом вопросе, всегда допуская пристрастность. Диодор не упоминает Агесилая в связи с событиями в Лехейме.

[638] Diodor. xv, 44; Cornelius Nepos, Vit. Iphicrat. c. 2; Polyæn. iii, 9, 10. Сравните Rehdantz, Vitæ Iphicratis, Chabriæ, et Timothei, c. 2, 7 (Berlin, 1845) - очень полезное и поучительное издание.

Описывая усовершенствования, внесенные Ификратом в конструкцию своих пельтастов, я не совсем точно копировал Непоса и Диодора, которые, как мне кажется, запутались в своих утверждениях. Читая их рассказ, можно подумать (так утверждает Вебер, Prolegg. ad Demosth. cont. Aristokr. p. xxxv.), что до Ификрата в Греции не было пельтастов; что он первым превратил тяжелооруженных гоплитов в легкооруженных пельтастов и привез из Фракии легкий щит или *пельту*, не только меньшего размера, чем круглый ἄσπις, который носил гоплит, но и без ἵτις (или окружающего металлического обода ἄσπις), казалось, соединенного внешними прутьями или спицами из металла с внешним центральным выступом (*umbo*), который гоплит толкал перед собой в ближнем бою. *Пельта*, меньшая и более легкая, чем ἄσπις, была, по-видимому, квадратной или продолговатой, а не круглой; хотя у нее не было ἵτις, она часто имела тонкие пластины из латуни, как мы можем видеть по Ксенофону, Anab. v, 2, 29, так что объяснение ее, данное в Scholia ad Platon. Legg. vii, p. 813, следует принимать с осторожностью.

Но греческие пельтасты существовали еще до Ификрата (Xen. Hellen. i, 2, 1 и др.); он не вводил их впервые; он нашел их уже там и усовершенствовал их вооружение. И Диодор, и Непос утверждают, что он удлинил *копья* пельтастов до длины, вдвое меньшей, чем у гоплитов (или вдвое большей, если верить Непосу), и мечи в пропорции - "ἡϋξησε μὲν τὰ δόρατα ἡμιολίῳ μεγέθει-hastæ modum duplicavit". Это, как мне кажется, не совсем точно; неправда и то, что греческие гоплиты носили "короткие копья" - "brevibus hastis", как утверждает Непос. Копье греческого гоплита было длинным (хотя и не настолько, как у тяжелой и компактной македонской фаланги впоследствии), и мне кажется невероятным, чтобы Ификрат дал своему легкому и активному пельтасту копье вдвое длиннее или в два раза меньше, чем у гоплита. И Диодор, и Непос ошиблись, сравнивая с вооружением *гоплитов*, к которому изменения Ификрата не имели никакого отношения. Пельтаст как до, так и после Ификрата носил не *копье*, а *копьё*, которое использовал как снаряд, для метания, а не для удара; по сути, он был ἀκοντιστής или копьеносец (см. Xenoph. Hellen. iv, 5, 14; vi, 1, 9). Конечно, в случае необходимости копье могло служить для метания, но это не было его основным занятием; *наоборот*, копье могло быть брошено (при благоприятных обстоятельствах, с возвышенности против врага, находящегося внизу - Xen. Hellen. ii, 4, 15; v, 4, 52), но его надлежащим занятием было держать и направлять вперед.

Что Ификрат действительно сделал, так это удлинил оба наступательных оружия, которые пельтасты носили до его времени, - копье и меч. Он сделал копье более длинным и тяжелым оружием, требующим более тренированной руки для метания, но также способным наносить более серьезные раны и применяться с большим смертельным эффектом, если пельтасты видели возможность сблизиться на выгодных условиях. Возможно, Ификрат не только удлинил оружие, но и улучшил его острие и эффективность другими способами, сделав его более похожим на грозный римский *пилум*. Внес ли он какие-либо изменения в саму *пельту*, мы не знаем.

Название "*ификратиды*", данное этим новомодным гамашам или сапогам, доказывает нам, что Веллингтон и Блюхер - не первые выдающиеся генералы, присвоившие сапогам и туфлям почетное название.

[639] Юстин, vi, 5.

[640] Xen. Hellen. iv, 4, 16; Diodor. xiv, 91.

Τοὺς μέντοι Λακεδαιμονίους οὕτως αὖ οἱ πελτασταὶ ἐδέδισαν, ὥς ἐντὸς ἀκοντίσματος οὐ προσήεσαν τοῖς ὀπλίταις, и т. д.

Сравните настроение легких войск при нападении на Сфакторию, когда они были поражены и боялись сначала приблизиться к лакедемонским гоплитам - τῇ γνώμῃ δεδουλωμένοι ὥς ἐπὶ Λακεδαιμονίους, и т. д. (Thucyd. iv, 34).

[641] Xen. Hellen. iv, 4, 17. ὥστε οἱ μὲν Λακεδαιμόνιοι καὶ ἐπισκώπτειν ἐτόλμων, ὡς οἱ σύμμαχοι φοβοῖντο τοὺς πελταστὰς, ὥσπερ μορμῶνας παιδάρια и т. д.

Это лагерная шутка того времени, за сохранение которой мы должны благодарить Ксенофонта.

[642] Ксенофонт. Agesil. ii, 17. ἀναπετάσας τῆς Πελοποννήσου τὰς πύλας, etc.

Что касается длинных стен Коринфа, как части линии обороны, которая препятствовала входу в Пелопоннес или выходу из него, полковник Лик отмечает: "Рассказ Ксенофонта показывает огромное значение коринфских длинных стен во время войны. Они завершали линию укреплений от вершины Акрокоринфа до моря и, таким образом, преграждали самое прямое и легкое сообщение с перешейком в Пелопоннес. Ведь в этой изрезанной горе, окаймляющей южную сторону Истмийской равнины, есть только два прохода: один - через отверстие на восточной стороне Акро-Коринфа, который обязывал врага проходить под восточной стороной Коринфа и, кроме того, был защищен особым видом укреплений, о чем свидетельствуют некоторые остатки стен, - другой - вдоль берега в Кенхрее, который также был укрепленным местом в руках коринфян. Отсюда важность Кенхрейского прохода во всех операциях между пелопоннесцами и врагом, находящимся за перешейком". (Leake, Travels in Morea, vol. iii, ch. xxviii, p. 254).

Сравните Плутарх, Аратус, с. 16; и операции Эпаминондаса, описанные Диодором, xv, 68.

[643] Xen. Hellen. iv, 4, 18. ἐλθόντες πανδημεὶ μετὰ λιθολόγων καὶ τεκτόνων и т. д. Слово πανδημεὶ показывает, как сильно они были встревожены.

[644] Thucyd. vi, 98.

[645] Слова стоят в тексте Ксенофонта, -εὐθὺς ἐκεῖθεν ὑπερβαλὼν κατὰ Τεγέαν εἰς Κόρινθον. Прямой марш из Аргей в Коринф не мог привести Агесилая в *Тегею*; Кёппен предлагает *Τενέαν*, что я принимаю, как географически подходящее. Я, однако, не уверен, что это правильно; *Агесилай* у Ксенофонта говорит κατὰ τὰ στενά.

О вероятном положении Тенеи см. полковник Лик, Путешествия по Морее, т. iii, с. 321; также его Пелопоннесика, с. 400.

[646] Xen. Hellen. iv, 4, 19-iv, 8, 10, 11.

Довольно поздней осенью 393 года до н. э. начались морские операции лакедемонян в Коринфском заливе против флота, недавно снаряженного коринфянами из средств, одолженных Фарнабазом. Сначала адмиралом был назначен лакедемонянин Полемах; он был убит, а его секретарь Поллис, сменивший его на посту командующего, ушел в отставку, получив ранение. Далее командовать стал Гериппид, которого сменил Телеутиас. Теперь, если мы дадим Гериппиду год командования (обычная продолжительность назначения лакедемонского адмирала), а двум другим - меньше года, поскольку их время закончилось в результате несчастных случаев, мы обнаружим, что назначение Телеутиаса приходится на весну или начало лета 391 г. до н. э., год экспедиции Агесилая.

[647] Andokides de Pace, s. 18; Xen. Hellen. iv, 4, 19. Παρεγένετο δὲ αὐτῷ (Ἀγησιλάῳ) καὶ ὁ ἀδελφὸς Τελευτίας κατὰ θάλασσαν, ἔχων τριήρεις περὶ δώδεκα- ὥστε μακαρίζεσθαι αὐτῶν τὴν μητέρα, ὅτι τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ὧν ἔτεκεν ὁ μὲν κατὰ γῆν τὰ τεῖχη τῶν πολεμίων, ὁ δὲ κατὰ θάλασσαν τὰς ναῦς καὶ τὰ νεώρια ἦρκε.

Этот последний отрывок однозначно указывает на то, что Лехейм не был взят до этого совместного нападения Агесилая и Телеута. И авторитет Ксенофонта в этом вопросе, по моему

мнению, превосходит авторитет Диодора (xiv, 86), который считает, что Лехей был взят за год до этого, когда лакедемоняне впервые были допущены вероломством в Длинные стены.

В отрывке из "Ритора Аристейды", на который ссылаются Весселинг, Клинтон и другие, упоминается только *битва* при Лехейме, но не *захват* порта. Ксенофонт также упоминает о *битве*, произошедшей недалеко от Лехейма, между двумя длинными стенами, в тот момент, когда Диодор говорит о *взятии* Лехейма; так что Аристейда больше согласуется с Ксенофонтом, чем с Диодором.

За несколько месяцев до этого совместного нападения Агесилая и Телеутии афиняне пришли с войском, а также с каменщиками и плотниками с явной целью восстановить длинные стены, которые Праксит частично разрушил. Этот шаг был бы неосуществимым и бесполезным, если бы лакедемоняне в то время владели Лехейумом.

Есть один отрывок у Ксенофонта, который выглядит так, как будто лакедемоняне владели Лехейм *до* этой экспедиции афинян по восстановлению Длинных стен, - Αὐτοὶ (лакедемоняне) δ' ἐκ τοῦ Λεχαιίου ὁρμώμενοι σὺν μόρᾳ καὶ τοῖς τῶν Κορινθίων φυγάσι, κύκλῳ περὶ τὸ ἄστυ τῶν Κορινθίων ἐστρατεύοντο (iv, 4, 17). Но тот, кто внимательно прочтет разделы с 15 по 19 включительно, увидит (я думаю), что это утверждение вполне может относиться к периоду после, а не до взятия Лехейма Агесилаем; ведь оно имеет отношение к общему презрению лакедемонян к пельтастам Ификрата, в отличие от ужаса, проявленного мантинейцами и другими перед этими же пельтастами. Однако даже если бы это было иначе, я все равно должен сказать, что приведенные мною выше отрывки из Ксенофонта ясно показывают, что *он* представляет Лехейм захваченным Агесилаем и Телеутом; и что другие слова, ἐκ τοῦ Λεχαιίου ὁρμώμενοι, если они действительно подразумевают что-то несовместимое с этим, должны рассматриваться как неточность.

Добавлю, что глава Диодора, xiv, 86, помещает в один год события, которые не могут быть отнесены к одному и тому же году.

Если бы Лехей был во владении и оккупации лакедемонян в год, предшествующий совместному нападению Агесилая и Телеута, Ксенофонт, несомненно, упомянул бы его в iv, 4, 14; ведь это был более важный пост, чем Сикион, для действий против Коринфа.

[648] Ксен. Agesilaus, ii, 17.

[649] Наши сведения о неудачных переговорах, о которых говорится в тексте, почерпнуты частично из третьей оратории Андокида под названием de Ρασе, частично из заявления, содержащегося в аргументах к этой оратории, и якобы заимствованного у Филохора - Φιλόχορος μὲν οὖν λέγει καὶ ἐλθεῖν τοὺς πρέσβεις ἐκ Λακεδαιμόνος, καὶ ἀπράκτους ἀνελθεῖν, μὴ πείσαντος τοῦ Ἀνδοκίδου.

Были ли у Филохора какие-либо дополнительные основания для опоры, кроме самой этой оратории, может показаться сомнительным. Но, во всяком случае, этот важный фрагмент (который я не вижу замеченным среди фрагментов Филохора в коллекции М. Дидо) служит еще одним доказательством реальности предложенного и обсуждавшегося, но не заключенного мира.

Ни Ксенофонт, ни Диодор не упоминают о такой миссии в Спарту или обсуждении в Афинах, как то, что составляет предмет оратории Андокида. Но, с другой стороны, ни один из них не говорит ничего, что противоречило бы реальности события; мы также не можем в данном случае сделать какой-либо сильный отрицательный вывод на основании простого молчания Ксенофонта в случае мирного предложения, которое в конечном итоге ни к чему не привело.

Если бы мы действительно могли быть уверены в подлинности оратории Андокида, этого было бы достаточно для установления реальности миссии, к которой она относится. Это было бы достаточным доказательством не только без подтверждения со стороны Ксенофонта, но даже против любого противоречивого заявления, исходящего от Ксенофонта. Но, к сожалению, ритор Дионисий объявил эту ораторию поддельной, что ставит нас под сомнение и заставляет исследовать сопутствующие вероятности. Я сам придерживаюсь мнения (уже неоднократно высказанного), что еще одна из четырех ораций, приписываемых Андокиду (я имею в виду четвертую орацию, озаглавленную "Против Алкивиада"), является поддельной; и я был склонен к такому же подозрению в отношении данной оратории De Пасе; подозрение, которое я высказал в предыдущем томе (т. V, гл. xlv, с. 334). Но, еще раз внимательно изучив ораторию De Пасе, я нашел основания отказаться от своих подозрений и поверить, что оратория может быть подлинной. В ней много ошибочных утверждений, касающихся фактов, особенно в отношении времени, предшествовавшего битве при Эгоспотамах; но ни одно, насколько я могу обнаружить, не противоречит *ситуации*, к которой обращается оратор, и не требует, чтобы мы объявили ее подделкой.

Более того, рассматривая *эту ситуацию* (а это самый важный момент, который необходимо изучить, когда мы проверяем подлинность оратории), мы находим у Ксенофонта частичное совпадение, которое укрепляет нашу уверенность в утвердительном ответе. В оратории много внимания уделяется тому, что беотийцы хотели заключить мир со Спартой и были готовы отказаться от Орхомена (с. 13-20). Ксенофонт также упоминает, что через три или четыре месяца после этого беотийцы жаждали мира и отправили посланников к Агесилаю, чтобы узнать, на каких условиях он будет им предоставлен (Xen. Hellen. iv, 5, 6). Это совпадение имеет определенную ценность в отношении подлинности оратории.

Если предположить, что оратория подлинная, то ее дата довольно четко обозначена, и г-н Файнс Клинтон справедливо относит ее к 391 г. до н. э. Это было осенью или зимой того года, через четыре года после начала войны в Беотии, которая началась в 395 г. до н. э. (s. 20). Это было *после* взятия Лехейма, которое произошло летом 391 года до н. э., и *до* разрушения лакедемонской *мораны* Ификратом, которое произошло весной 390 года *до* н. э. Андокид подчеркивает, что в тот момент, когда он говорил, *ни один военный успех еще не был достигнут против лакедемонян* - καίτοι ποίᾳς τίνος ἂν ἐκείνοι παρ' ἡμῶν εἰρήνης ἔτυχον, εἰ μίαν μόνον μάχην ᾗττήθησαν; (s. 19). Это не могло быть сказано *после* разрушения лакедемонской *моры*, которое произвело столь глубокую сенсацию во всей Греции и так сильно изменило нравы спорящих сторон. И это кажется мне одним доказательств (среди прочих) того, что мистер Файнс Клинтон неправильно расположил события после битвы при Коринфе, когда я замечаю, что он относит разрушение *моры* к 392 году до н. э., за год *до* даты, которую он справедливо приписывает Андокидской оратории. Я поместил (хотя и на других основаниях) разрушение *мора* на весну 390 года *до* н. э., что получает дополнительное подтверждение из этого отрывка Андокида.

Валькенаер и Слюйтер (Lect. Andocid. с. x,) считают орацию Андокида де Пасе подлинной; Тейлор и другие критики придерживаются противоположного мнения.

[650] Xen. Agesil. ii, 18.

[651] Xen. Hellen. iv, 5, 1; Плутарх, Agesil. с. 21.

Ксенофонт, который пишет свою историю в стиле и на языке партизана, говорит, что "*аргейцы* праздновали этот праздник, Коринф теперь стал Аргосом". Но кажется очевидным, что на самом деле все было так, как я изложил в тексте, и что аргейцы стояли наготове (с другими конфедератами, вероятно, также), чтобы защитить коринфян в городе при осуществлении их

обычной привилегии; точно так же, как Агесилай, сразу после этого, стоял наготове, чтобы защитить коринфских изгнанников, когда они делали то же самое.

Истмийские игры были *триэтерическими*, то есть проводились каждый год попеременно, в один из весенних месяцев, примерно в апреле или, возможно, в начале мая (греческие месяцы лунные, ни один из них не совпадает регулярно с одним из наших календарных месяцев из года в год), а также во *второй* и *четвертый* олимпийские годы. Из Фукидида, viii, 9, 10, мы знаем, что этот праздник отмечался в апреле 412 года до н. э., то есть в конце *четвертого* года Олимпиады 91, примерно за два или три месяца до праздника Олимпиады 92.

Додвелл (De Cyclis Diss. vi, 2, только что процитированный), Корсини (Diss. Agonistic. iv, 3) и Шнайдер в своем примечании к этому отрывку Ксенофонта, - все утверждают, что Истмийские игры праздновались в *первый* и *третий* олимпийские годы; что, по моему мнению, является ошибкой. Додвелл ошибочно утверждает, что Истмийские игры, упомянутые в Фукидиде, viii, 9, праздновались в начале Олимпиады 92 года, а не в четвертой четверти четвертого года Олимпиады 91; на эту ошибку указывают Крюгер (*ad loc.*), а также Поппо и д-р Арнольд; хотя аргументация последнего, основанная на времени лакедемонского праздника Гиакинфа, крайне неопределенна. Еще более странной является идея Додвелла, согласно которой Истмийские игры праздновались одновременно с Олимпийскими (Annal. Xenoph. ad ann. 392).

[652] См. Ulrichs, Reisen und Forschungen in Griechenland, chap. i, p. 3. Современный поселок и порт Лутраки получил свое название от этих теплых источников, которые находятся совсем рядом с ним и недалеко от моря, у подножия горы Перахора или Пейреум; на стороне залива, противоположной Лехейскому, но недалеко от того места, где заканчивается ровная земля, составляющая перешеек (так правильно называется), и где начинается скалистая или горная местность, образующая самую западную часть Геранеи (или полуострова Пейреум). Поэтому язык Ксенофонта, когда он описывает обратный марш Агесилая, совершенно точен, - ἡδὴ δ' ἐκπεπερακότος αὐτοῦ τὰ θερμὰ ἐς τὸ πλάτῃ τοῦ Λεχαίου, etc. (iv, 5, 8).

[653] Xen. Hellen. iv, 5, 4.

Ксенофонт рассказывает, как Агесилай послал десять человек с огнем в кастрюлях, чтобы те, кто находился на высотах, могли развести костры и согреться; ночь была очень холодной и дождливой, положение очень высокое, а войска не вышли с одеялами или теплыми покрытиями, чтобы защитить их. Они разожгли большие костры, и соседний храм Посейдона случайно сгорел.

[654] Xen. Hellen. iv, 5, 5.

Этот Ἰεπόη не следует путать с афинским городом с таким названием, который находился на границе Аттики с Беотией.

Также и город Пейрæум, о котором здесь идет речь, не следует путать с другим Пейрæумом, который также находился на территории Коринфа, но на берегу Саронического залива и на границах Эпидавра (Thucyd. viii, 10).

[655] Xen. Hellen. iv, 5, 5-8.

[656] Xen. Hellen. i, 5, 14. См. т. VIII, гл. lxiv, с. 165 этой истории.

Продажа пленных, которой здесь руководил Агесилай, опровергает хвалебные отзывы его биографов (Xen. Agesil. vii, 6; Cornel. Nep. Agesil. c. 5).

[657] Xen. Agesil. vii, 6; Cornelius Nepos, Ages. c. 5.

Рассказ Полиэна (iii, 9, 45), возможно, относится к этому моменту времени. Но мы редко можем проверить его анекдоты или рассказы других авторов "Тактики". М. Реданц тщетно пытается найти подходящие места для шестидесяти трех различных стратагем, которые Полиэн приписывает Ификрату.

[658] Это озеро теперь называется озером Вульясмени. Значительные руины были замечены М. Дютроятом в ходе недавнего французского исследования вблизи его западной оконечности; с этой стороны оно примыкает к храму Hêrê Akræa, или Геруму. См. M. Boblaye, Recherches Géographiques sur les Ruines de la Morée, p. 36; и Colonel Leake's Peloponnesiaca, p. 399.

[659] Xen. Hellen. iv, 5, 6.

Τῶν δὲ Λακεδαιμονίων ἀπὸ τῶν ὅπλων σὺν τοῖς δόρασι παρηκολούθουν φύλακες τῶν αἰχμαλώτων, μάλα ὑπὸ τῶν παρόντων θεωρούμενοι- οἱ γὰρ εὐτυχοῦντες καὶ κρατοῦντες αἰεὶ πως ἀξιοθέατοι δοκοῦσιν εἶναι. Ἔτι δὲ καθημένου τοῦ Ἀγησιλάου, καὶ ἐοικότος ἀγαλλομένῳ τοῖς πεπραγμένοις, ἵππεύς τις προσήλαυε, καὶ μάλα ἰσχυρῶς ἰδρῶντι τῷ ἵππῳ- ὑπὸ πολλῶν δὲ ἐρωτώμενος ὅτι ἀγγέλλοι, οὐδενὶ ἀπεκρίνατο, и др.

Интересно отметить у Ксенофонта смесь фило-лаконского благодушия, философского размышления и той тщательности в изображении контраста удачи с внезапно наступающим за ней обратным эффектом, которая так постоянно привлекает внимание греческих поэтов и историков.

[660] Плутарх, Agesil. c. 22. ἔπαθε δὲ πρᾶγμα νεμεσητὸν, etc.

[661] Xen. Hellen. iv, 5, 7-9.

[662] Xen. Hellen. iv, 5, 11, 12.

[663] Xen. Hellen. iv, 5, 14. Τοὺτους μὲν ἐκέλευον τοὺς ὑπασπιστὰς ἀραμένους ἀποφέρειν ἐς Λέχαιον- οὗτοι καὶ μόνοι τῆς μόρας τῇ ἀληθείᾳ ἐσώθησαν.

Здесь мы имеем замечательное выражение Ксенофонта: "Это были единственные люди в море, которые были действительно и по-настоящему спасены". Я полагаю, он имеет в виду, что это были единственные люди, которые спаслись без малейшего ущерба для чести; их унесли ранеными с поля боя, они не бежали и не покинули своих постов. Остальные, кто выжил, спаслись бегством; и мы знаем, что обращение с теми лакедемонянами, которые убежали с поля боя (οἱ τρέσαντες), по возвращении в Спарту было невыносимо унижительным. См. Ксеноф. Rep. Laced. ix, 4; Плутарх, Agesil. c. 30. Из этих слов Ксенофонта можно сделать вывод, что в Спарте действительно проводилось различие между обращением с этими ранеными, которых унесли, и с другими выжившими в избитой морю.

ὑπασπισταί, или щитоносцы, были, вероятно, определенным числом сопровождающих, которые обычно несли щиты офицеров (ср. Xen. Hellen. iv, 8, 39; Anab. iv, 2, 20), важных лиц и богатых гоплитов. Вряд ли можно предположить, что у каждого гоплита был ὑπασπιστής, несмотря на то, что мы читаем о сопровождающих его гелотах в битве при Платее (Herod. ix, 10-29) и в других местах.

[664] Xen. Hellen. iv, 5, 15, 16. τὰ δέκα ἀφ' ἧβης-τὰ πεντεκαίδεκα ἀφ' ἧβης.

[665] Xen. Hellen. iv, 5, 17.

Ксенофонт утверждает, что число убитых было около двухсот пятидесяти -ἐν πάσαις δὲ ταῖς μάχαῖς καὶ τῇ φυγῇ ἀπέθανον περὶ πεντήκοντα καὶ διακοσίους. Но он еще раньше ясно заявил, что вся *мора*, шедшая в Лехейм под началом полемарха, насчитывала шестьсот человек -ὁ μὲν πολέμαρχος σὺν τοῖς ὀπλίταις, οὓσιν ὡς ἑξακοσίοις, ἀπῆει πάλιν ἐπὶ τὸ Λέχαιον (iv, 5, 12). И из нескольких различных выражений ясно, что все они были убиты, за исключением немногих оставшихся в живых.

Поэтому я считаю несомненным, что одно или другое из этих двух чисел ошибочно: либо первоначальная совокупность шестисот человек *выше* истины, либо общее число убитых, двести пятьдесят человек, *ниже* истины. Последнее предположение кажется мне более вероятным из двух. Лакедемоняне, обычно скрытные и вводящие в заблуждение в своих отчетах о численности (см. Thucyd. v, 74), вероятно, не хотели публично признавать большее число убитых, чем двести пятьдесят. Ксенофонт вставил это в свою историю, забыв, что его собственные подробности битвы опровергают это числовое заявление. Общее число в шестьсот человек более вероятно, чем любое другое меньшее число для всей моры; и невозможно назвать причины, по которым Ксенофонт должен был зависеть его.

[666] Xen. Hellen. iv, 5, 8-10.

[667] Xen. Hellen. iv, 5, 10. Ἄτε δὲ ἀήθους τοῖς Λακεδαιμονίοις γεγεννημένης τῆς τοιαύτης συμφορᾶς, πολὺ πένθος ἦν κατὰ τὸ Λακωνικὸν στράτευμα, πλὴν ὅσων ἐτέθνασαν ἐν χώρᾳ ἢ υἱοὶ ἢ πατέρες ἢ ἀδελφοί- οὗτοι δὲ, ὥσπερ νικηφόροι, λαμπροὶ καὶ ἀγαλλόμενοι τῷ οἰκείῳ πάθει περιήεσαν.

Если кто-то из читателей возражает против слов, которые я использовал в тексте, я прошу его сравнить их с греческим языком Ксенофонта.

[668] Ксен. Hellen. vi, 4, 16.

[669] Xen. Hellen. iv, 5, 16.

[670] Xen. Hellen. iv, 5, 19.

[671] Demosthenes-περὶ Συντάξεως-с. 8, р. 172.

[672] Diodor. xiv, 92; Xen. Hellen. iv, 8, 34.

Аристеид (Panathen. р. 168) хвастается, что афиняне были хозяевами Акрокоринфа и могли бы сохранить город как свой собственный, но великодушно отказались это сделать.

[673] Диодор. xv, 73.

[674] Xen. Hellen. iv, 6, 1-14; iv, 7, 1.

[675] Xen. Hellen. iv, 7, 3. Οἱ δ' Ἀργεῖοι, ἐπεὶ ἔγνωσαν οὐ δύνησόμενοι κωλύειν, ἔπεμψαν, ὥσπερ εἰώθεσαν, ἐστεφανωμένους δύο κήρυκας, ὑποφέροντας σπονδᾶς.

[676] Xen. Hellen. iv, 7, 2. Ὁ δὲ Ἀγησίπολις-ἐλθὼν εἰς Ὀλυμπίαν καὶ χρηστηριαζόμενος, ἐπηρώτα τὸν θεὸν, εἰ ὁσίως ἂν ἔχοι αὐτῷ, μὴ δεχομένῳ τὰς σπονδὰς τῶν Ἀργείων- ὅτι οὐχ ὁπότε καθήκοι ὁ χρόνος, ἀλλ' ὁπότε ἐμβάλλειν μέλλοιεν Λακεδαιμόνιοι, τότε ὑπέφερον τοὺς μῆνας. Ὁ δὲ θεὸς ἐπεσήμαιεν αὐτῷ, ὅσιον εἶναι μὴ δεχομένῳ σπονδὰς ἀδίκως ἐπιφερομένας. Ἐκεῖθεν δ' εὐθὺς πορευθεὶς εἰς Δελφοὺς, ἐπῆρετο αὖ τὸν Ἀπόλλω, εἰ κάκεινῳ δοκοίη περὶ τῶν σπονδῶν, καθάπερ τῷ πατρί. Ὁ δ' ἀπεκρίνατο, καὶ μάλα κατὰ ταῦτά.

Я привел в тексте то значение слов ὑποφέρειν τοὺς μῆνας, которое Шнайдер изложил в длинном и не очень поучительном примечании, приняв несостоятельную гипотезу Додуэлла, что аргейцы по этому случаю взывали к святости Истмийского перемирия; что не подтверждается ничем в Ксенофонте, и о чем должны были объявить коринфяне, а не аргейцы. Множественное число τοὺς μῆνας указывает (как это понимают Вайске и Мансо), что аргейцы иногда выдвигали название одного праздника, иногда другого. Мы можем быть уверены, что карнейский фестиваль был одним из них; но какими были другие, мы не можем сказать. Весьма вероятно, что существовало несколько фестивалей, общих для всех дорийцев, или между Спартой и Аргосом - πατρώους τινας σπονδὰς ἐκ παλαιοῦ καθεστῶσας τοῖς Δωριεῦσι πρὸς ἀλλήλους, - если воспользоваться языком Павсания (iii, 5, 6). Язык Ксенофонта подразумевает, что требование аргейцев о соблюдении священного перемирия было само по себе законным, или, скорее, оно было бы законным в другое время года; но они поставили себя в неловкое положение, выдвинув его в неподходящее время и с мошеннической политической целью.

Некоторые замечания о других мошеннических маневрах аргейцев, касающихся времени карнейского перемирия, см. в т. VII "Истории", гл. lvi, с. 66. Сложный глагол ὑποφέρειν τοὺς μῆνας, по-видимому, подразумевает *скрытую цель*, с которой аргейцы предпочли свое требование перемирия. О том, в каких случаях они ранее выдвигали подобное требование, нам ничего не известно. За два года до этого Агесилай вторгся в Аргос и опустошил его; возможно, они пытались, но безуспешно, задержать его поход с помощью такого же благочестивого обмана.

Возможно, именно на это действие ссылается Андокид (Or. iii, De Pace, s. 27), где он говорит, что аргейцы, хотя и упорно настаивали на том, чтобы Афины помогли им вести войну за обладание Коринфом против лакедемонян, все же заключили с последними сепаратный мир, прикрывая свою собственную аргейскую территорию от вторжения - αὐτοὶ δ' ἰδίᾳ εἰρήνην ποιησάμενοι τὴν χώραν οὐ παρέχουσιν ἐμπολεμεῖν. Этому неясному отрывку я не могу дать лучшего объяснения.

[677] Аристотель. Риторика, ii, 23. Ἡγήσιππος ἐν Δελφοῖς ἐπηρώτα τὸν θεόν, κεχρημένος πρότερον Ὀλυμπιάσιν, εἰ αὐτῷ ταῦτα δοκεῖ, ἅπερ τῷ πατρί, ὡς αἰσχρὸν ὄν τάναντία εἰπεῖν.

Аналогичная история о том, как Аполлон задал вопрос в Дельфах, после того как он уже был задан Зевсу в Додоне, рассказывается об Агесилае по другому поводу (Плутарх, Apophth. Lacon. p. 208 F.).

[678] Xen. Hellen. iv, 7, 7; Pausan. iii, 5, 6.

Язык этих двух авторов скорее говорит о том, что они рассматривают угрожающие знаки, с помощью которых Агесиполида побудили уйти, как знаки недовольства богов его экспедицией.

[679] Xen. Hellen. iv, 8, 12. Сравните Исократ, Or. vii, (Areopag.) s. 13. ἀπάσης γὰρ τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ τὴν πόλιν ἡμῶν ὑποπεσοῦσης καὶ μετὰ τὴν Κόνωνος ναυμαχίαν καὶ μετὰ τὴν Τιμοθέου στρατηγίαν, etc. Однако эта оратория была написана спустя долгое время после событий (около 353 г. до н. э. - см. Fast. H. г-на Клинтона, за этот год); и Исократ преувеличивает, принимая распад Лакедемонской империи за возобновление Афинской. Демосфен также (cont. Leptin. с. 16, р. 477) смешивает те же две идеи, и даже афинский благодарственный голос Конону, увековеченный на памятной колонне, способствует тому же впечатлению, - ἐπειδὴ Κόνων ἡλευθέρωσε τοὺς Ἀθηναίων συμμάχους и т. д.

[680] Плутарх, Артаксеркс. с. 22.

[681] Xen. Hellen. iv, 8, 12-14.

[682] Диодор. xiv, 110. Он утверждает, что эти города решительно возражали против этой уступки через пять лет после заключения Анталкидского мира, но были вынуждены отказаться от своих сомнений и принять мир, включая уступку, поскольку у них не было сил противостоять Персии и Спарте, действовавшим в сердечном союзе.

Отсюда можно с уверенностью заключить, что они также возражали против этого во время предыдущих обсуждений, когда об этом впервые заговорил Анталкид; и что их возражения против этого были отчасти причиной того, что обсуждения, о которых говорится в тексте, оборвались безрезультатно.

Правда, Афины во время отчаянной борьбы в последние годы Пелопоннесской войны согласились на эту уступку, и даже на большую, не принеся себе никакой пользы (Thucyd. viii, 56). Но теперь она не была поставлена в столь жесткие условия, чтобы заставить ее быть столь же уступчивой.

Платон в "Менексене" (с. 17, р. 245) утверждает, что все союзники Афин - беотийцы, коринфяне, аргейцы и т. д. - были готовы выдать азиатских греков по требованию Артаксеркса, но только одни афиняне решительно выступили против, в результате чего остались без союзников. Последняя часть этого утверждения, касающаяся изоляции Афин от союзников, конечно, не соответствует действительности; я также не верю, что союзники придерживались принципиально иных взглядов, чем Афины, на этот вопрос. Красноречивый и хвалебный для Афин "Менексенус" должен быть осторожным в вопросах фактов. Платон отрицает, что афиняне были сторонниками конвенции Анталкида. Аристеид (Panathen. р. 172) говорит, что они были вынуждены подписать ее, потому что все их союзники покинули их.

[683] Xen. Hellen. iv, 8, 15.

[684] См. поразительный отрывок в Or. xii (Panathen.) Исократа, s. 110.

[685] Xen. Hellen. iv, 8, 16; Diodor. xiv, 85.

[686] Лисий, Or. xix, (De Bon. Aristoph.) s. 41, 42, 44; Cornelius Nepos, Conon, с. 5; Isokrates, Or. iv, (Panegyry.) s. 180.

[687] Диодор. xiv. 99.

[688] Xen. Hellen. iv, 8, 22. Ἦν δὲ οὗτος ἀνὴρ (Diphridas) εὐχαρὶς τε οὐχ ἥττον τοῦ Θίμβρωνος, μᾶλλον τε συντεταγμένος, καὶ ἐγχειρητικώτερος, στρατηγός. οὐδὲ γὰρ ἐκράτουν αὐτοῦ αἱ τοῦ σώματος ἡδοναὶ, ἀλλ' ἀεὶ, πρὸς ᾧ εἶη ἔργῳ, τοῦτο ἔπραττεν.

[689] Xen. Hellen. iv, 8, 18, 19.

[690] Xen. Hellen. iv, 8, 21, 22.

[691] Xen. Hellen. iv, 8, 21.

[692] Xen. Hellen. iv, 8, 23.

Диодор (xiv, 97) согласен с этим числом в двадцать семь трирем, а также с тем, что помощь была получена от Самоса, который убедили отделиться от Афин. Но он излагает

обстоятельства совершенно иначе. Он представляет олигархическую партию на Родосе как восставшую и ставшую хозяином острова; в качестве командиров он называет не Телеутиаса, а Евдокима (Экдикуса?), Дифила (Дифридаса?) и Филодика.

По моему мнению, заявление Ксенофонта заслуживает большего доверия. Его средства получения информации, как и его интерес, о Телеутии (брате Агесилая) были значительными.

[693] Xen. Hellen. iv, 8, 24-26.

Хотя три древних родосских города (Линд, Иалис и Камейрус) за несколько лет до этого объединились (см. Diodor. xiii, 75) в великий город Родос, впоследствии столь могущественный и знаменитый, - они все еще продолжали существовать, и, очевидно, как укрепленные места. Ибо Ксенофонт говорит о родосских демократах как о τὰς τε πόλεις ἔχοντας и т. д.

Является ли Филократ, названный здесь *Филократом, сыном Эфиальта*, тем же самым человеком, что и Филократ, обвиняемый в тридцатой оратории Лисия, точно выяснить невозможно. Вполне возможно, что существовали два современных афинянина, носивших это имя, что объясняет то обстоятельство, что Ксенофонт называет отца Эфиальтом - практика, распространенная у него, но не обычная.

[694] Isokrates, Or. ix, (Evagoras) s. 67, 68, 82; Epistola Philippi ap. Demosthen. Orat. p. 161, с. 4.

[695] Лисий, Orat. xix, (De Bonis Aristoph.) s. 27-44.

[696] Xen. Hellen. iv, 8, 25-27.

Полибий (iv, 38-47) дает поучительные замечания и сведения о значении Византии и ее весьма своеобразном положении в древнем мире, а также о пошлинах, взимавшихся с торговых судов, входивших или выходивших из Эвксинского моря, и о том, как эти пошлины влияли на общую торговлю.

[697] Xen. Hellen. v, 1, 7.

[698] Лисий, Or. xxviii, cont. Erg. s. 1-20.

[699] Xen. Hellen. iv, 8, 28-30; Diodor. xiv, 94.

Последний утверждает, что Фрасибул потерял двадцать три триремы во время бури у Лесбоса, - чего Ксенофонт не замечает, и что кажется невероятным.

[700] Xen. Hellen. iv, 8, 31. Καὶ Θρασύβουλος μὲν δὴ, μάλα δοκῶν ἀνὴρ ἀγαθὸς εἶναι, οὕτως ἐτελεύτησεν.

[701] Lysias, cont. Ergo. Or. xxviii, s. 9.

В этой оратории Эргокл обвиняется в грубом злоупотреблении властью, притеснении союзников и афинских граждан, а также в мошенничестве ради собственной выгоды во время экспедиции Фрасибула; он же косвенно обвиняется в попустительстве таким проступкам. Оказывается, афиняне, как только им стало известно, что Фрасибул установил пошлину на Босфоре, приняли постановление о том, что домой должен быть отправлен отчет обо всех деньгах, взимаемых с различных городов, и что коллеги Фрасибула должны вернуться домой, чтобы провести ревизию (s. 5); подразумевается (насколько мы можем понять то, что так кратко замечено), что сам Фрасибул *не* должен был возвращаться домой, но мог оставаться на своей Геллеспонтии или под азиатским командованием. Однако

Эргокл, вероятно, один из этих коллег, возмущился этим указом как оскорблением и посоветовал Фрасибулу захватить Византий, сохранить флот и жениться на дочери фракийского князя Сеутеса. В оратории также утверждается, что флот вернулся домой в очень плохом состоянии (s. 2-4), а деньги, взимаемые с таким большим количеством преступных злоупотреблений, были либо растрачены, либо присвоены обманным путем.

Из другой оратории мы узнаем, что Эргокл был приговорен к смерти. Его имущество было конфисковано и, как говорят, составляло тридцать талантов, хотя до экспедиции он был беден; но после конфискации ничего подобного не было обнаружено (Lysias, Or. xxx, cont. Philokrat. s. 3).

[702] Xen. Hellen. iv, 8, 31.

[703] Xen. Hellen. v, 1, 2.

[704] Thucyd. viii, 61; ср. Xenoph. Anab. v, 6, 24.

[705] См. выше, глава lxxi, с. 156 настоящего тома.

[706] Xen. Hellen. iv, 8, 32, 83.

[707] Xen. Hellen. iv, 8, 35, 36. τὸ μὲν πρῶτον ληστὰς διαπέμποντες ἐπολέμουν ἀλλήλοις ... Ὅπως δοκοίη, ὥσπερ εἰώθει, ἐπ' ἀργυρολογίαν ἐπαναπεπλευκέναι.

[708] Ксен. Hellen. iv, 8, 36. Ὁ Ἀναξίβιος ἀπεπορεύετο, ὡς μὲν ἐλέγετο, οὐδὲ τῶν ἱερῶν γεγεννημένων αὐτῷ ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ, ἀλλὰ καταφρονήσας, ὅτι διὰ φιλίας τε ἐπορεύετο καὶ ἐς πόλιν φιλίαν, καὶ ὅτι ἤκουε τῶν ἀπαντῶντων, τὸν Ἰφικράτην ἀναπεπλευκέναι τῆς ἐπὶ Προικοννήσου, ἀμελέστερον ἐπορεύετο.

[709] См. замечания несколько страниц назад о поражении и уничтожении лакедемонской моры Ификратом под Лехеймом, [стр. 350](#).

[710] Xen. Hellen. iv, 8, 39. Καὶ τὰ παιδικὰ μέντοι αὐτῷ παρέμεινε, καὶ τῶν Λακεδαιμονίων δὲ τῶν συνεληλυθότων ἐκ τῶν πόλεων ἁρμοστήρων ὡς δώδεκα μαχόμενοι συναπέθανον- οἱ δ' ἄλλοι φεύγοντες ἔπιπτον.

[711] Xen. Hellen. v, 1, 1. Ὡν δὲ πάλιν ὁ Ἐτεόνικος ἐν τῇ Αἰγίνῃ, καὶ ἐπιμίσια χρωμένων τὸν πρόσθεν χρόνον τῶν Αἰγινητῶν πρὸς τοὺς Ἀθηναίους, ἐπεὶ φανερώς κατὰ θάλατταν ἐπολεμεῖτο ὁ πόλεμος, ξυνδόξαν καὶ τοῖς ἐφόροις, ἐφίησι ληϊζεσθαι τὸν βουλούμενον ἐκ τῆς Ἀττικῆς.

Значение слова πάλιν здесь нелегко определить, поскольку (как замечает Шнайдер) до этого ни слова не говорилось о присутствии Этеоника в Эгине. Возможно, мы можем объяснить это тем, что Этеоник нашел нежелание эгинетян участвовать в войне и не хотел втягивать их в нее, не отправившись предварительно в Спарту, чтобы посоветоваться с эфорами. Именно по *возвращении* в Эгину (πάλιν) из Спарты, получив согласие эфоров (ξυνδόξαν καὶ τοῖς ἐφόροις), он и издал военные грамоты.

В примечании Шнайдера τὸν πρόσθεν χρόνον объясняется, по моему мнению, неверно.

[712] Сравните Xen. Hellen. vi, 3, 8; Thucyd. iii, 13. Старая антипатия эгинетян к Афинам, когда ее снова возбудили, сохранялась в течение значительного времени. Через год или два после этого, когда философа Платона увезли в Эгину, чтобы продать в рабство, для любого афинянина было смертью высадиться на острове (Aristides, Or. xlv, p. 384; p. 306 Dindorf; Diogenes Laërt. iii, 19; Plutarch. Dion. c. 5).

[713] Xen. Hellen. v, 1, 3. Ὁ δὲ Τελευτίας, μακαριώτατα δὴ ἀπέπλευσεν οἴκαδε и т. д.

Это описание сцены отъезда Телеутиаса (к которому, как и к его брату Агесилаю, Ксенофонт всегда проявляет заметную симпатию) чрезвычайно интересно. Заслуживает внимания и размышление, которым Ксенофонт его сопровождает: "Я хорошо знаю, что в этих происшествиях я не рассказываю ни о денежных затратах, ни о постигшей опасности, ни о запоминающейся хитрости. Но, клянусь Зевсом, мне кажется, что человеку стоит поразмыслить, каким поведением Телеутиас создал в своих солдатах такое расположение духа. Это истинно мужское достижение, более ценное, чем любые затраты и любые опасности".

То, что Ксенофонт рассматривает в случае с Телеутиасом, - это схема, подробно разработанная в романе "Киропедии" (τὸ ἐθέλοντῶν ἄρχειν - осуществление командования таким образом, чтобы иметь желающих и послушных подданных) и косвенно затронутая в различных других его сочинениях - "Иеро", "Ἐconomίcus" и части "Μεμoраβιλίων". Идеалом правления, каким оно представлялось Ксенофону, был отцовский деспотизм или нечто подобное ему.

[714] Xen. Hellen. v, 1, 6-10.

[715] Xen. Hellen. v, 1, 12, 13.

[716] Таким образом, мы можем сделать вывод из Xen. Hellen. v, 1, 13; Деменет найден у Геллеспонта v, 1, 26.

[717] Xen. Hellen. v, 1, 14-17.

[718] Xen. Hellen. v, 1, 18. Ἀγετε, ὦ ἄνδρες, δειπνήσατε μὲν, ἄπερ καὶ ὡς ἐμέλλετε- προπαράσχετε δέ μοι μιᾷς ἡμέρας σῖτον- ἔπειτα δὲ ἦκετε ἐπὶ τὰς ναῦς αὐτικά μάλα, ὅπως πλεύσωμεν, ἔνθα θεὸς ἐθέλει, ἐν καιρῷ ἀφικόμενοι.

Шнайдер сомневается в правильности слов προπαράσχετε δέ μοι. Но мне кажется, что они несут в себе очень уместный смысл. У Телеутиаса не было денег, но для его цели было необходимо, чтобы моряки пришли с провизией на один день вперед. Поэтому он вынужден просить их достать провизию для себя или, так сказать, *одолжить* ее ему, хотя они и так были недовольны тем, что не получили своего жалованья.

[719] Thucyd. ii, 94.

[720] Xen. Hellen. v, 1, 18-22.

[721] Xen. Hellen. v, 1, 24.

[722] Xen. Hellen. v, 1, 29.

Однако даже через десять лет после этого, когда лакедемонский вредитель Сфодрий ночью вышел из Феспии, чтобы застать врасплох Пейреус, он оказался без ворот со стороны суши - ἀπύλωτος - или, по крайней мере, без таких ворот, которые могли бы противостоять нападению (Xen. Hellen. v, 4, 20).

[723] Lysias, Orat. xxx, cont. Nikomachum, s. 21-30.

Я доверяю этой оратории в том, что касается факта, что в предыдущем году некоторые древние жертвоприношения были опущены из-за бедности государства; но то, как оратор выставляет этот факт против Никомаха, может быть справедливым, а может и нет.

[724] Аристофан. Ecclesias. 300-310.

[725] См. надпись № 147 в Corpus Inscriptt. Græcor.-Boeckh, Public Economy of Athens, ii, 7, p. 179, 180, англ. перевод.-и Schömann, Antiq. Jur. Publ. Græc. s. 77, p. 320.

[726] Демосфен, Филиппики. iv, p. 141, s. 43; Demosth. Orat. xlv, cont. Leocharem, p. 1091, s. 48.

[727] Принято представлять афинские праздники так, будто это многочисленные уловки, чтобы накормить бедных граждан за государственный счет. Но примитивная идея и чувства греческого религиозного праздника - удовлетворение бога, зависящее от множества зрителей, сочувствующих и наслаждающихся вместе (ἄμμιγα πάντας) - гораздо раньше развития демократии в Афинах. См. старые оракулы в Demosthen. cont. Meidiam, p. 531, s. 66; Гомер, Hymn. Apollin. 147; K. F. Herrmann, Gottesdienstlich. Alterthümer der Griechen, s. 8.

[728] О таких прямых начислениях на имущество упоминается в различных речах Лисия, Orat. xix. De Bonis Aristoph. s. 31, 45, 63; Orat. xxvii. cont. Epikratem, s. 11; Orat. xxix. cont. Philokrat. s. 14.

Бозций (в его "Общественной экономике Афин", iv, 4, p. 493, англ. перевод, этот отрывок остался неизменным во втором издании немецкого оригинала, недавно опубликованном, p. 642) утверждает, что предложение о введении прямого налога на имущество в размере одной сороковой, или двух с половиной процентов, было выдвинуто примерно в это время гражданином по имени Еврипид, который объявил, что оно должно принести пятьсот талантов; что это предложение сначала было с энтузиазмом встречено афинянами и обеспечило его автору беспредельную популярность; но что впоследствии он был осужден и опозорен, поскольку при дальнейшем рассмотрении мера оказалась неудовлетворительной и пустой болтовней.

Зиверс (Geschichte von Griech. bis zur Schlacht von Mantinea, pp. 100, 101) придерживается той же точки зрения, что и Бозкх, считая, что это было реальное предложение Еврипида о налоге на недвижимость в размере двух с половиной процентов. Утверждая, что афиняне в эти времена пополняли свою казну за счет самой бессовестной несправедливости при конфискации имущества богатых граждан, - ссылаясь в качестве доказательства на отрывки из ораторов, ни один из которых не подтверждает его вывод, - Сиверс продолжает: "Но что этих насилий было недостаточно, видно из того, что народ с жадным нетерпением ухватился за другие меры. Так, новая финансовая схема, которая, однако, впоследствии оказывалась недостаточной или неприменимой, вызвала поначалу самую буйную радость". Он добавляет в примечании: "Схема исходила от Еврипида; это был налог на имущество в размере двух с половиной процентов. См. Aristoph. Ecclesiaz. 823; Boeckh, Staatshaush. ii, p. 27".

По моему мнению, утверждение Бозка и Сиверса не имеет под собой достаточных оснований. Отрывок Аристофана не дает нам оснований делать какие-либо выводы относительно предложения о налоге на имущество. Он звучит следующим образом.

Τὸ δ' ἑναυχὸς οὐχ ἅπαντες ἡμεῖς ὤμνουμεν

Τάλαντ' ἔσεσθαι πεντακόσια τῇ πόλει

Τῆς τεσσαρακοστῆς, ἣν ἐπόρισ' Εὐριπίδης;

Κεῦθ' ὑς κατεχρύσου πᾶς ἀνὴρ Εὐριπίδην-.

Ὅτε δὴ δ' ἀνασκοπούμενοις ἐφαίνετο

Ὁ Διὸς Κόρινθος, καὶ τὸ πρᾶγμ' οὐκ ἤρκεσεν,

Πάλιν κατεπίττου πᾶς ἀνὴρ Εὐριπίδην.

Что представляла собой эта "новая финансовая схема" (так правильно называет ее Зиверс), на которую ссылается поэт, мы не имеем возможности определить. Но я осмелюсь выразить свое твердое убеждение, что это не мог быть налог на имущество. Условия, в которых он описывается, не позволяют сделать такое предположение. Это была схема, которая на первый взгляд казалась чрезвычайно многообещающей и выгодной для города и обеспечила ее автору очень большую популярность; но которая при дальнейшем рассмотрении оказалась пустым бахвальством (Ὁ Διὸς Κόρινθος) Как это можно сказать о любом предложении о налоге на недвижимость? Невозможно представить себе, чтобы какой-нибудь финансист добился необычайной популярности, предложив ввести налог на недвижимость. А предложение собрать огромную сумму в пятьсот талантов (которую Шеманн оценивает как вероятный совокупный сбор со всего мирного Афинского государства, Antiq. Jur. Public. Græc. s. 73, p. 313) одним ударом путем обложения имущества! Ни один финансист не смог бы противостоять огромной *непопулярности* такого предложения и побудить собрание даже выслушать его, если бы необходимость в этом была столь настоятельной. Насколько одиозны предложения о прямом налогообложении, мы можем узнать, не обращаясь к конкретным доказательствам в отношении Афин; но если кому-то нужны такие конкретные доказательства, он может найти их в изобилии в "Филиппиках" и "Олинфах" Демосфена. В одном случае (De Symmoriis, Or. xiv. s. 33, p. 185) этот оратор говорит о предложении собрать пятьсот талантов прямым налогом на имущество как о чем-то экстравагантном, о чем афиняне не желали слышать.

Кроме того, - если не считать непопулярности, - предложение о налоге на имущество вряд ли могло бы привлечь кредит для финансиста, потому что из всех идей это самая простая и очевидная. Любой человек может предложить такую схему. Но чтобы стать приемлемым финансистом, вы должны предложить какую-то меру, которая сулит выгоду государству без такого неприкрытого давления на отдельных людей.

Наконец, в налоге на недвижимость нет ничего *обманчивого* - ничего, что на первый взгляд кажется выгодным, а при дальнейшем рассмотрении оказывается ложным или неопределенным. Действительно, от нее можно в большей или меньшей степени уклониться; но это можно узнать только после того, как она была начислена и когда фактически потребовалась уплата.

На этом основании я утверждаю, что *тессаракоотῆ*, предложенный Еврипидом, не был налогом на имущество. Что это было, я не берусь сказать; но *тессаракоотῆ* может иметь много других значений; это может означать пошлину в два с половиной процента на импорт или экспорт, или на продукцию рудников Лауриона; или это может означать дешевую монету или базовые деньги, что-то в природе хианского *тессаракоотᾱί* (Thucyd. viii, 100). Все, чему нас учит этот отрывок, - это то, что Еврипид сделал какое-то финансовое предложение, которое поначалу казалось выгодным, но не выдержало внимательного изучения. Нет даже уверенности в том, что Еврипид обещал получить пятьсот талантов; эта сумма дана нам лишь как комическое преувеличение того, что поначалу показалось глупцам. Бозкх в нескольких местах рассуждает (ошибочно, на мой взгляд), будто эти пятьсот талантов были реальной и достоверной оценкой, равной двум с половиной процентам от налогооблагаемого имущества афинян. Он говорит (iv, 8, p. 520, англ. перевод), что "Еврипид принял за основу своего предложения о взимании налога на имущество облагаемый капитал в двадцать тысяч

талантов", и что "его предложение об одной сороковой было *рассчитано* на получение пятисот талантов". Из Аристофана нельзя сделать ни одного подобного вывода.

Из другого отрывка пьесы того же автора Бозех делает вывод, что недавно был введен небольшой прямой налог на имущество в размере одной пятисотой части. После речи одной из старух, призывающей юношу последовать за ней, он отвечает (ст. 1006):-

Ἀλλ' οὐκ ἀνάγκη μοῦστίν, εἰ μὴ τῶν ἐμῶν

τὴν πεντακοσίοσθην κατέθηκας τῇ πόλει.

Бозех сам признает (iv, 8, p. 520), что этот отрывок очень неясен, и я думаю, что каждый найдет его. Тирвитт был настолько озадачен им, что переделал ἐμῶν в ἐτῶν. Не берясь судить о значении этого отрывка, я лишь утверждаю, что он не может служить основанием для утверждения, как исторического факта, что налог на недвижимость в размере одной пятисотой был введен в Афинах незадолго до представления Экклезиаса.

Не могу удержаться, чтобы не отметить еще один вывод, сделанный Сиверсом из третьего отрывка этой же пьесы, - Ekklesiazusæ (Geschichte Griechenlands vom Ende des Pelop. Kriegs bis zur Schlacht von Mantinea, p. 101.). Он говорит: "Как меланхолична картина афинской народной жизни, представленная нам Экклезиасом и вторым Плутосом через десять или двенадцать лет после восстановления демократии! Какая *впечатляющая серьезность* (welch ein erschütternder Ernst) выражена в речи Праксагора!" (v. 174 seqq.).

Признаюсь, я не нахожу в этой речи Праксагора ни серьезности, ни подлинной и достоверной окраски. Это комический случай, созданный для того, чтобы показать, что женщины более пригодны для управления Афинами, чем мужчины, и изложить предполагаемые глупости мужчин в терминах широкого и всеобщего уничтожения. Вся пьеса - сплошной фарс, полный аристофановского юмора. И уж точно нелепо относиться к тому, что вкладывается в уста Праксагоры, главного женского персонажа, как к историческому свидетельству о действительном состоянии или управлении Афинами. Пусть любой проследит за речью Праксагоры до предложения реформ, которое она выдвигает, и тогда он увидит абсурдность цитирования ее речи, как если бы это была агитация Фукидида. История действительно странно преображается, превращая таким образом комическое остроумие в серьезный предмет доказательства; и ни одна история не пострадала так сильно от этого, как афинская.

[729] Ксеноф. Hellen. v. 1, 19-24: сравните vii, 1, 3, 4; Xenoph. De Vectigalibus, главы i, ii, iii и т. д.; Xenoph. De Repub. Athen. i, 17.

[730] Плутарх, Артаксеркс. с. 22.

[731] Xen. Hellen. v, 1, 28.

[732] Xen. Hellen. v, 1, 25-27.

[733] Диодор. xv, 2. Эти триремы использовались в следующем году для продолжения войны с Эвагором.

[734] Xen. Hellen. v, 1, 28, 29.

[735] Xen. Hellen. v, 1, 31.

В этом документе присутствует такое же введение первого лица сразу после третьего, как и в переписке между Павсанием и Ксерксом (Thucyd. i, 128, 129).

[736] Diodor. xiv, 110.

[737] Xen. Hellen. v, 1, 32, 33.

[738] Xen. Hellen. v, 1, 34; Demosthen. adv. Leptin. c. 13, p. 473.

[739] Xen. Hellen. v, 1, 34. Οἱ δ' ἄλλοι πολῖται ἔκοντες κατεδέχοντο τοὺς πρόσθεν φεύγοντας.

[740] Такова, в сущности, версия этой истории в "Энкомии к Агесилаю" Ксенофонта (ii, 21), где последнему ставится в заслугу, что он не согласится на мир, кроме как с обязательным пунктом (ἡνάγκασε), что коринфские и фиванские изгнанники должны быть восстановлены. Коринфские изгнанники активно сотрудничали с Агесилаем против Коринфа. О фиванских изгнанниках мы ничего не слышали, но вполне вероятно, что несколько из них служили у Агесилая, и также вполне определенно, что он будет настаивать на их восстановлении.

[741] Xen. Hellen. v, 2, 8.

Примечание транскриптора

- Оригинальная орфография, дефис и пунктуация сохранены, но варианты написания приведены в соответствие, когда было обнаружено преобладающее употребление.
- Сноски были перенумерованы и перенесены в конец книги.
- Пустые страницы пропущены.
- Очевидные типографские ошибки были исправлены после сравнения с более поздним изданием этой работы. Греческий текст также был исправлен после сверки с этим более поздним изданием и с Персеем, когда была найдена ссылка.
- Следующие изменения также были сделаны после сверки с другими изданиями:

страница	vi:	"фракции"	→	"фракции"
страница	216:	"одрисийцы"	→	"вифиняне"
страница	326:	"с"	→	"который"
примечание	30:	"Εγγαδα"	→	"Ελλάδα"
примечание	626:	"494 ДО Н.Э."	→	"394 ДО Н.Э."
- И "Евагор", и "Евагор" используются для обозначения одного и того же правителя.
- Изображение обложки книги было создано переписчиком и является общественным достоянием.